

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2019. № 443. Июнь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2019. № 443. June

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р
пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук,
проф.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); D. Katunin, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of
Philosophy, Professor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate
Professor; S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of
Engineering, Professor; L. Grinkevitch, Dr. of Economics,
Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; A. Korotaev, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy,
Professor; V. Parnachev, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of Tomsk State University Publishing House;
T. Portnova, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Director of Scientific and Technical Literature Publishing House;
A. Potekhaev, Dr. of Physics and Mathematics, Professor;
L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova, PhD in
Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor;
P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor; G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; V. Utkin, Dr. of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr.
of Physics and Mathematics, Professor; E. Chernyak, Dr. of
History, Professor; V. Shilko, Dr. of Education, Professor;
E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Горбенко А.Ю., Чекушин В.В. Гражданин, граф, Григорий: А.Н. Толстой в романе А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»	5
Дегальцева А.В. К вопросу о наречном управлении	12
Евсеева И.В., Пономарева Е.А. Когнитивная организация лексико-словообразовательного гнезда как основа создания электронной базы данных	19
Загребельный А.В. Авторские пословицы, поговорки и пословично-поговорочные выражения русского языка 1905–1907 гг., образованные на базе генерализованных структурных моделей паремий-источников	27
Зусева-Озкан В.Б. Образ девы-воительницы в художественном мире А. Блока (на материале драм и прозы)	44
Ломаккина И.Н. Особенности постмодернистского литературного ремейка (на материале сборника рассказов “Reader, I Married Him” под редакцией Т. Шевалье)	54
Маслина М.Г. Освещение проблем многоязычия в люксембургской газете «Люксембургер ворт»	59
Чиглинцева Е.С., Видулова Е.А. Синтактика и прагматика английских выражений признакового тождества модели NVASN	66
Шаров К.С. Феминистская интерпретация христианских священных текстов и современная феминистская христианская проповедь	72

ФИЛОСОФИЯ

Корниенко М.А. Исихазм как практика мистического богословия	82
Родин К.А. Витгенштейн: история интерпретаций (Критический анализ подхода Анат Билецкой)	87

ИСТОРИЯ

Буданов А.В. Проблемы финансирования ракетостроительной отрасли СССР накануне Карибского кризиса	91
Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Шchetinina A.C. Традиционная и новая историческая демография: взгляд специалистов	99
Димони Т.М. Трансформация социально-политических представлений деревенских детей России в 1917–1920-е гг. (на материалах педологических обследований)	106
Колченко О.А., Брюханова Е.А. Основные направления информатизации архивного дела в контексте развития электронного общества	114
Красильникова Е.И. Память региональных отличий: юбилей сибирских городов (1904–1943 гг.)	119
Лиджиева И.В. Чиновники инородческого управления Ставропольской губернии в системе имперской власти	132
Петрик В.В. Формирование и развитие научных школ и направлений в транспортных вузах Сибири в 50-е – начале 90-х гг. XX в.	143
Прибыткова К.П., Разгон В.Н. Материальное вознаграждение как фактор обеспечения рабочими кадрами промышленных предприятий Алтайского края в 1940-е – 1980-е гг.	147
Рахматулина Е.Ю. Писательские организации Восточного Казахстана в 1925–1939-е гг.	159

CONTENTS

PHILOLOGY

Gorbenko A.Yu., Chekushin V.V. Citizen, Count, Grigoriy: Aleksey Tolstoy in A.P. Chudakov's Novel <i>A Gloom is Cast Upon the Ancient Steps</i>	5
Degaltseva A.V. On Adverbial Government	12
Evseeva I.V., Ponomareva E.A. Cognitive Organization of a Lexical Derivational Family of Words as a Basis for Creating an Electronic Database	19
Zagrebelt'nyi A.V. Authorial Proverbs, Sayings and Proverbial Expressions of the Russian Language of 1905–07 Formed on the Basis of Generalized Structural Models of Source Paroemias	27
Zuseva-Özkan V.B. The Image of a Female Warrior in the Creative World of A. Blok (Based on His Dramas and Prose)	44
Lomakina I.N. The Peculiarities of the Postmodern Literary Remake (Based on the Short Stories Collection <i>Reader, I Married Him</i> Edited by T. Chevalier)	54
Maslina M.G. Discussion of Problems of Multilingualism in the Luxembourgish newspaper <i>Luxemburger Wort</i>	59
Chiglintseva E.S., Vikulova E.A. Syntactic and Pragmatic Features of English Equality Sentences NVasN	66
Sharov K.S. A Feminist Interpretation of Christian Scriptures and the Modern Feminist Christian Sermon	72

PHILOSOPHY

Kornienko M.A. Hesychasm as a Practice of Mystical Theology	82
Rodin K.A. Wittgenstein: The History of Interpretations (A Critical Analysis of Anat Biletzki's Approach)	87

HISTORY

Budanov A.V. Problems of Financing of the USSR Missile Production Branch on the Eve of the Caribbean Crisis	91
Vladimirov V.N., Sarafanov D.E., Shchetinina A.S. Traditional and New Historical Demography: An Expert View	99
Dimoni T.M. Transformation of Sociopolitical Views of Rural Children of Russia in 1917–1920s (Based on the Materials of Pedological Surveys)	106
Kolchenko O.A., Bryukhanova E.A. The Main Directions of Archiving Informatization in the Context of Electronic Society Development	114
Krasilnikova Ye.I. The Memory of Regional Differences: Anniversaries of Siberian Cities (1904–43)	119
Lidzhieva I.V. Officials of the Foreign Office of Stavropol Province in the System of the Imperial Power	132
Petrik V.V. The Formation and Development of Scientific Schools and Directions in Transport Higher Schools of Siberia in the 1950s – Early 1990s	143
Pribytkova K.P., Razgon V.N. Financial Incentives as a Factor of Supply of Labour Force at Enterprises of Altai Krai in the 1940s–1980s	147
Rakhmatulina E.Yu. Writers' Organizations of East Kazakhstan in 1925–39	159

Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Российские программы поддержки инвалидов (1993–2015 гг.) и документы ООН о правах инвалидов: проблема соответствия по вопросам трудовой интеграции в общество	166
Сорокин А.А. Нижегородские депутаты в III Государственной думе (1907–1912 гг.)	174
Степнов А.О., Фоминых С.Ф. По страницам штрафной книги: система наказаний и практики сопротивления студенчества дисциплинарному надзору в Императорском Томском университете (1893–1899 гг.)	184
Турова Н.П. Лицевые покрытия в погребальной практике юдинского населения Нижнего Притоболья	198
Федосов Е.А. Глобализация советской повседневности глазами политического плаката периода 1946–1964 гг.	209

ПЕДАГОГИКА

Артюшина Л.А. Учебный текст как способ фиксации ценностно-смысловой компетенции в содержании учебного материала школьного учебника (на примере предметов учебной программы для основной школы)	219
Иванова И.В., Иванов Н.Г. Вклад в решение задач развития научно-технического потенциала подрастающего поколения	225
Молоков Д.С., Викулов А.Д., Данилова Л.Н. Физическое воспитание школьников в зарубежных системах общего и дополнительного образования	236
Хадиуллина Р.Р., Галимов А.М. Электронная информационно-образовательная среда вуза как инструмент повышения качества образовательного процесса	241

ПРАВО

Корнакова С.В., Щербакowa И.А. Проблемы правового регулирования порядка формирования судейского корпуса	255
Шугуров М.В. Правовые и программно-стратегические основы сотрудничества государств – членов ЕАЭС в сфере международного трансфера фармацевтических технологий	260
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	272

Smirnov G.S., Smirnov S.S. Russian Disability Support Programs (1993–2015) and UN Documents on the Rights of Persons with Disabilities: The Problem of Compliance on Labor Integration into Society	166
Sorokin, A.A. Deputies from Nizhny Novgorod in the III State Duma of the Russian Empire (1907–12)	174
Stepnov A.O., Fominykh S.F. Through the Pages of the Penal Book: The System of Punishments and the Practice of Students' Resistance to Disciplinary Supervision at the Imperial Tomsk University (1893–99)	184
Turova N.P. Face Covers in the Burial Procedure of the Yudinsky People in the Lower Tobol River Region	198
Fedosov E.A. The Globalization of the Soviet Everyday Life as Depicted on the Political Posters of 1946–64	209

PEDAGOGICS

Artyushina L.A. An Educational Text as a Method to Fix the Axiological Competency in the Educational Content of a Textbook (As Exemplified by Disciplines of the Basic Education Curriculum)	219
Ivanova I.V., Ivanov N.G. Contribution to the Solution of the Problems of the Development of the Younger Generation's Scientific and Technical Potential	225
Molokov D.S., Vikulov A.D., Danilova L.N. Physical Training in Foreign Systems of Primary, Secondary and Non-Formal Education.....	236
Khadiullina R.R., Galimov A.M. Electronic Information and Education Environment of a Higher Education Institution as an Instrument for Improving the Quality of the Educational Process	241

LAW

Kornakova S.V., Shcherbakova I.A. Problems of Legal Regulation of the Judiciary Formation Procedure	255
Shugurov M.V. Legal and Program-Strategical Pillars of Cooperation Between EAEU Member States in the International Transfer of Pharmaceutical Technologies	260
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	272

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82–31

А.Ю. Горбенко, В.В. Чекушин

ГРАЖДАНИН, ГРАФ, ГРИГОРИЙ: А.Н. ТОЛСТОЙ В РОМАНЕ А.П. ЧУДАКОВА «ЛОЖИТСЯ МГЛА НА СТАРЫЕ СТУПЕНИ»

Рассматривается след А.Н. Толстого в романе-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени». Один из второстепенных героев романа – литератор граф Григорий Шереметев – повторяет характерные поведенческие жесты Толстого и наделяется узнаваемыми деталями его биографии. Обосновывается, почему при этом автор романа, в котором действует множество исторических личностей под их собственными именами, не оставил герою фамилию прототипа, какие функции выполняет такое изменение имени.

Ключевые слова: А.Н. Толстой; А.П. Чудаков; аллюзия; прототип; автомифотворчество.

Важнейшим феноменом советской культуры, как показал М. Липовецкий, были разнообразные трикстерские практики. На время, прошедшее после распада СССР, пришлось трансформации советского трикстерства и его (пере)осмысление. Одним из тех, кто оказался в поле подобного рецептивного внимания, стал Алексей Николаевич Толстой¹.

Вообще говоря, спектр литературных произведений конца XX – начала XX в., содержащих тот или иной толстовский «след», любопытен своей пестротой: «Повесть о Дружбе и Недружбе» братьев Стругацких, роман А. Кабакова «Всё поправимо», роман Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов» и т.д. В данной статье речь пойдет о рецепции именно трикстерского феномена – показательного эпизода пореволюционного автомифотворчества А.Н. Толстого и его литературной репутации в книге, получившей в 2011 г. премию «Русский Букер десятилетия», – «Ложится мгла на старые ступени», жанр которой ее автор, выдающийся чеховед А.П. Чудаков, обозначил как «роман-идиллия».

В своей книге Чудаков предлагает репрезентацию отечественной истории XX в., данную сквозь призму сознания протагониста Антона Стремоухова, очевидного alter ego автора. Роман-идиллия содержит большое количество сюжетов-ретроспекций, существенно «раздвигающих» хронологические и тематические рамки магистрального сюжета. Один из них включен в 27-ю главу «Вольф Мессинг, гр. Шереметев, барон Унгерн и прочие» и рассказывает о некоем литераторе, графе Григории Александровиче Шереметеве, которому удалось «уцелеть» в начале тридцатых и до 1939 г. спастись от репрессий благодаря паспортистке, ошибочно поставившей в его фамилии мягкий знак². «<...> он везде говорил: „Полтаву“ читали? Откройте том Пушкина: „И Шереметев благородный...“ А я – Шереметев, из жителей подмосковной деревни Шереметьево, где собираются строить аэродром» (315).

В советские годы он зарабатывал переводами, подписывая их «Гр. Шереметев»³ и предлагая тем самым читателю тройную возможность расшифровки этого «Гр.»: «Григорий», «граф» или «гражданин» (едва ли осторожный и ловкий Шереметев мог не учитывать изменившееся в революционную эпоху значение слова «гражданин»⁴). Если два первых про-

чтения предназначались «для себя» и «посвященных» людей своего круга, то третье – для всех остальных.

Чудаков иронично описывает манеру персонажа представляться, ретушируя свою классовую принадлежность: «Когда Шереметев представлялся, перед фамилией он делал паузу и издавал некоторое небольшое как бы мычанье, будто пропуская какое-то слово. Многие догадывались и, как в “Подростке”, спрашивали: “Граф?” – на что граф снова неопределенно мычал» (315). Заметим, что Шереметев, вынужденный скрывать свое аристократическое происхождение, вообще охотно использовал при самоописаниях полисемию. Так, читатель узнает, что в ссылке граф «существовал только огородами <...>, да небольшими денежными переводами», которые посылал ему друг отца, утаивший свое белогвардейское прошлое. «В Москве Григорий Александрович существовал, как он острил, тоже переводами, переводя на язык родных осин со всех основных европейских языков, с каких требовалось в данный момент» (316).

Эффектная самопрезентация Шереметьева провоцирует исследователя на поиски ее источников. Один из них указан автором – это роман Ф.М. Достоевского «Подросток», в самом начале которого главный герой, представляясь читателю своих записок, сообщает, в частности: «<...> редко кто мог столько вылизаться на свою фамилию, как я, в продолжение моей жизни. <...>. Каждый раз, <...> все, кто угодно, спрося мою фамилию и услышав, что я Долгорукий, непременно находили для чего-то нужным прибавить:

– Князь Долгорукий?

И каждый-то раз я обязан был всем этим праздным людям объяснять:

– Нет, просто Долгорукий» [6. С. 7].

Очевидно, что в романе Чудакова Шереметев, в противоположность герою Достоевского, с удовольствием пользуется инерцией восприятия своей фамилии как аристократической. Кроме этого эксплицированного в тексте романа литературного источника поведенческая стратегия Шереметьева, как нам представляется, имеет историческую основу. Наиболее вероятным претендентом на роль прототипа графа (или, по крайней мере, одного из важнейших прототипов) является А.Н. Толстой, узнаваемыми чертами которого отчетливо наделен Шереметев.

Дело в том, что в пореволюционные годы Толстой прибегал к схожему способу самопрезентации, используя полисемантические возможности, которые в новых политических условиях открывало сокращение «гр.», поместив на входной двери табличку «Гр. А.Н. Толстой». Разумеется, «игра идентичностями» не была в постреволюционной России уникальной прерогативой А. Толстого. По мнению Ш. Фицпатрик, революции «...срывают маски, т.е. лишают силы все негласные соглашения о самопрезентации и социальном взаимодействии, которые были достигнуты в дореволюционном обществе. <...> В такие переломные моменты отдельному человеку приходится “пересотворять” себя, находить и создавать в самом себе личность, подходящую для нового послереволюционного общества» [7. С. 11]. Однако именно в случае с Толстым мы имеем дело с разительным сходством стратегии выживания в радикально изменившейся социокультурной среде. Писатель не скрывал, что осознанно выбрал такую амбивалентную стратегию самопрезентации, и признавался в этом Илье Эренбургу. «Он видел трусость обывателей, мелочность обид, смеялся над другими, а сам не знал, что ему делать, – писал Эренбург о Толстом в мемуарах “Люди, годы, жизнь”, с которой первоклассный филолог А.П. Чудаков наверняка был знаком⁵ – Как-то он показал мне медную дощечку на двери – “Гр. А.Н. Толстой” – и загрохотал. “Для одних граф, а для других гражданин”, – смеялся он над собой» [8. С. 476].

В этом фрагменте, в первую очередь, обращает на себя внимание прагматизм Толстого – писателя, который не может определиться с политической принадлежностью и «лавирует» между привычной для него идентичностью графа и появившейся после революции идентичностью гражданина. Выбранная писателем позиция оказалась эффективной. Е.Д. Толстая в своей книге приводит газетную статью «Ярмарка поэзии» одесского литератора Влада Королевича, датированную 18 июля 1918 г. Ранее Королевич посетил Толстого в столице и, по всей вероятности, видел табличку, описанную в мемуарах Эренбурга.

«У дверей остановились на мгновенье, прочитав на карточке:

“Граф Алексей Николаевич Толстой”.

Он нас не заставил ждать и вышел сам, с салфеткой у шеи. Я смотрел на огромную комнату с диваном, обитым старым штофом, овальными портретами на стенах, какими-то бисерными подушками, а главное, на самого хозяина – уютно одетого барина с белыми, пухлыми руками, с боковым пробором, разделяющим длинные волосы, с кусочком сметаны, оставшимся у мягких губ <...>. Из солнечного окна глядела на меня особняками Малой Молчановки – старая Москва, и она же была в барских глазах, будто не живых, а написанных Сомовым» (цит. по: [9. С. 108]).

Кроме сокращения на дверной табличке, Шереметьева роднят с Толстым профессиональные литературные занятия⁶, неизбежно оказывавшиеся конформистскими в рамках стратегии выживания в советском литературном поле. Шереметьев, как уже говорилось, «существовал переводами», причем эта

работа позволяла ему «[ж]и[ть] <...> вполне безбедно; за столом неизменно подымал тост: за кормильца и поильца; таковыми оказывались то прогрессивный писатель Алан Силлитой, то Луи Арагон, то Анна Зегерс» (316).

А.Н. Толстой, в свою очередь, открыто (и гораздо более радикально, нежели романый Шереметьев) декларировал собственную конформистскую позицию. Внимательный мемуарист Ю.П. Анненков зафиксировал такие слова Толстого на этот счет: «Я циник, – смеялся он, – мне на все наплевать! Я – простой смертный, который хочет жить, хорошо жить, и все тут. Мое литературное творчество? Мне и на него наплевать! Нужно писать пропагандные пьесы? Черт с ним, я и их напишу! Но только – это не так легко, как можно подумать. Нужно склеивать столько различных нюансов!» [11. С. 149].

Объединяющей чертой Шереметьева и Толстого является также любовь к застольям и выпивке: «Антон привёз ему приветы от своих родителей вместе с трёхлитровой банкой солёных груздей – граф очень уважал их под водочку и говорил, что таких груздей нет больше нигде в мире» (316). В романе изображены приемы в доме героя, в ходе которых его дядька «Фёдор надевал белые перчатки и расставлял потемневший старый сервиз с сеткой мелких трещин, устраивал на колесиках вилки и ножи – второй после бабкина стол, где Антон увидел такие колесики» (316). Сравним описание дома Толстых во время Второй мировой войны, сделанное молодым художником Элием Белютиным: «Его быт был очень элементарен. Очевидно, так же это было в российских помещичьих домах, с прислугой, салфетками, со всем... с чаем, с вареньем и обязательно с сахаром. Всегда было печенье. Это было всегда очень вежливо и очень интеллигентная среда. Приемы, где каждая серебряная ложка и серебряная чашка, где все доказывало, что тебя здесь уважают так, как будто ты испанский король» [12. С. 356]. Как видно, мемуарист тоже делает акцент на строгом соблюдении Толстым церемониала, прямо отсылающего к дореволюционному дворянскому быту. В обоих случаях это стремление тщательно следовать дворянскому этикету резко диссонирует с окружающей реальностью (конец Великой Отечественной войны в случае с Толстым и середина 1950-х гг. в романе) и создает эффект ностальгически окрашенной театрализации повседневности.

Наделяя Шереметьева чертами А. Толстого, Чудаков эксплуатирует активно создававшийся самим Толстым и регулярно воспроизводимый впоследствии имидж барина-эпикурейца. Характерно при этом, что автор романа осознавал несводимость сложной фигуры Толстого к этому образу. Так, в дневниковой записи от 10 февраля 2005 г., сделанной после разговора с внучкой автора «Петра Первого» Т.Н. Толстой, читаем:

«Поговорили об ее дедушке, А.Н. Толстом.

– Я никогда не верил, что он был пьяница. Написать столько к 62-м годам! Наоборот, он был трудоголик.

– Конечно! С утра садился и до обеда никто ему не должен был мешать. А насчет вина – он больше при-

творялся, он был актер. Он больше любил застолье, бражничество как действо»⁷ (588).

Интересно, что своеобразный ключ к расшифровке аллюзий на фигуру А. Толстого содержится в той же 27-й главе романа Чудакова. На выставке Кончаловского Антон встречает своего однокашника Генку Буланова, «их курсового комсорга», с которым вступает в иронически описанный спор о социальной справедливости у портрета Толстого, на котором писатель сидит за роскошно сервированным столом. Читатель узнает, что Генка был «извест[ен] своей нетерпимостью к стилям, к искусству толстых – джазу, своей бедностью и манерой не отдавать долги. Брал, правда, мало, но никогда не возвращал; все это знали, но почему-то всё равно давали. “Искупление вины перед бедняками”, – объяснял Юрик Ганецкий» (323). Упоминание о неприязни Генки к джазу как «искусству толстых» в предваряющей спор у портрета Толстого ретроспективной «справке» о персонаже, предоставленной нарратором, семантически обогащает ситуацию.

Весь разговор Антона с Булановым является примером коммуникативной рассогласованности. Антон любит психологическую точность картины: «Хорошо, правда? <...> Сразу виден характер сидящего за столом» (323). Собеседник же, не избавившийся от «уравнительно-пролетарски[х] замаш[ек]» (325), немедленно переводит разговор в «социально-классовый» план: «Да не в характере тут дело, ты глянь, что на столе» (323). Далее следует такой экфрасис: «Весь передний план картины занимал гастрономический натюрморт: огромный окорок, румяная курица с торчащими вверх лоснящимися от жира ногами, огурчики, водка в старинном штофе, серебро, хрусталь» (323).

Антон поддерживает реплику старого знакомого: «По-моему, тоже очень недурно. Особенно хорош окорок: так и сочится. Я такого и не видал никогда.

– Вот именно! – обрадовался Генка. – Ты не видал. Даже сейчас! Через десять лет после войны! А ты обратил внимание на дату? То-то и оно-то! Сорок четвёртый! ещё только-только снята блокада Ленинграда. Страна в руинах. У нас под Белгородом ели картофельную шелуху – я сам ел» (323).

С одной стороны, эта сцена опирается на биографически достоверные детали окружавшего А. Толстого быта, с другой же – сюжетно рифмуется с манерами графа Шереметьева, имевшего возможность жить относительно безбедно. В этом же разговоре появляется цитата из романа другого, «первого» Толстого⁸, которую приводит Антон и предсказуемо не опознает Генка: «Нехлюдов оделся в вычищенное и приготовленное на стуле и вышел в длинную, с натёртым вчера тремя мужиками паркетом столовую...» (324)⁹. Эта цитата как бы подчеркивает разноречивость жизненных стратегий «первого» и «третьего» Толстых: если автор «Войны и мира» к концу жизни пришел к идее «опрощения», то «третий Толстой» выбрал прямо противоположный путь.

Кроме того, в романе приводится рассказ матери Антона, отвечающей на расспросы сына о том, «не заставляли ли студентов в Москве и Семипалатинске

подписывать что-нибудь, голосовать на собраниях, чтобы расстреляли троцкистско-зиновьевских вырождков», так: «Подписи для газет требовали от известных людей. Я очень расстроилась, когда в “Литературке” под таким письмом увидела имена Алексея Толстого, Фадеева, Пильняка, которых я уважала» (463).

Как видно из приведенных примеров, Чудаков достаточно точно воспроизводит характерный поведенческий жест и некоторые колоритные черты образа А.Н. Толстого (показное, «артистическое» пьянство, хлебосольство). Какую же функцию в таком случае получает знаковое сокрытие фамилии прототипа, подчеркивающее и усиливающее дистанцию между ним и романном образом? Этот вопрос особенно важен, если учесть, что в названии главы фамилия Шереметьева окружена именами реальных исторических фигур.

Можно предложить несколько объяснений. Первое из них состоит в том, что это позволяет добавить к предпринятой Толстым игре еще одну грань – не только «граф» и «гражданин», но и «Григорий», как уже отмечалось выше. Кроме того, персонаж Чудакова получил возможность манипулирования социальными идентичностями вследствие ошибочного добавления к его фамилии одной буквы («ь»), что невозможно с фамилией «Толстой».

Второе объяснение заключается в том, что изменение фамилии прототипа соответствует общему конструктивному принципу романа, заключающемуся в синтезе элементов fiction и non-fiction¹⁰. Это проявляется, в частности, в регулярном переключении нарратора¹¹ (с всеведущего рассказчика, повествующего об Антоне в третьем лице, на перволичную форму повествования, ведущегося самим Антоном). Учитывая очевидный автобиографический фон романа-идиллии, можно сказать, что эта смена нарративных инстанций создает мощный эффект «достоверности» и «интимности» рассказываемого в соответствующих фрагментах романа-идиллии. По мнению М. Балиной, «роман Чудакова – это автофикция [autofiction], построенная на основе реальных событий, отфильтрованных в памяти с восторженной точки зрения ребенка» [17. Р. 199]¹². Стоит отметить, что в дневниках и записных книжках, начиная с 1956 г., когда впервые был зафиксирован замысел романа, Чудаков напряженно размышлял над сочетанием автобиографического / мемуарного и фикционального начал в своем долгие годы вызревавшем произведении¹³.

В обсуждаемом случае эта работа с «зазором» между фикциональным и мемуарным дискурсами выражается в том, что в названии главы Шереметьев оказывается в окружении реальных исторических персонажей, которым автор оставляет их имена: «Вольф Мессинг, гр. Шереметьев, барон Унгерн и прочие». Причем, характерно, что о Мессинге и Унгерне читатель узнает в нарраторском пересказе историй, поведанных Антону другими (эпизодическими) персонажами романа – соответственно, аспиранткой института психологии Викторией и знакомым переводчиком. Иными словами, рассказ о реальных исторических акторах в этой главе романа опосредован в большей степени, нежели повествование о фикциональном Шереметьеве.

Шереметьев не является единственной романной фигурой, имеющей прототипа, но при этом в той или иной мере отличающейся от него. Рассмотрим еще один пример. Так, например, в 32-й главе появляется профессор-теплотехник Резенкампф (имени и отчества которого читатель из романа не узнает), сосланный в Чебачинск. Не озаботившись заведением огорода, семья профессора быстро тратит сбережения и продает драгоценности. «Стало не на что покупать яйца и молоко, а профессор страдал желудком» (416). Как и в случае с Шереметьевым, незадачливому профессору помогает «случай»: непредвиденно оказываются востребованными знания Резенкампфа в области печного дела, благодаря чему удается поправить положение семьи (416–418).

По всей вероятности, прототипом этого персонажа является профессор-гидротехник Георгий Константинович Ризенкампф (1886–1943), дважды арестованный в советское время и умерший в мордовском Темлаге. Показательно, что в этом случае сдвиг от прототипа к персонажу достигается способом, схожим с невольным искажением фамилии Шереметьева: в фамилии профессора меняется одна буква (Резенкампф вместо Ризенкампфа). Кроме того, фамилия профессора-«печника» Резенкампфа, как и фамилия Шереметьева, вынесена в название главы.

Сдвиг происходит и на уровне профессии персонажа: «засор» между Толстым и Шереметьевым подчеркивается разностью литературных занятий: с одной стороны – Толстой, не владевший свободно ни одним иностранным языком, с другой же – переводчик Шереметьев. То же и в случае с Ризенкампфом – оказавшийся в лагере ученый-гидротехник в романе Чудакова превращается в теплотехника, сосланного в Чебачинск.

Итак, образы Шереметьева и Резенкампфа обладают типологическим сходством, которое, как представляется, позволяет выявить важную авторскую интенцию. Логика развития судеб этих персонажей свидетельствует о том, что, по Чудакову, представителям «старой», дореволюционной России удастся выжить в кардинально изменившихся исторических условиях благодаря умениям, приобретенным до революции.

Не случайно для Антона, alter ego автора, «золотым веком» являются именно предреволюционные годы. Во время одной из откровенных бесед друг Антона Юрий Ганецкий говорит ему: «Ты, в сущности, тоскуешь о том, что скоро не останется никого, с кем ты бы мог говорить о своих любимых девятисотых, о золотом веке. Тебе ведь на самом деле современный мир неинтересен – только ты это хорошо скрываешь» (489–490).

Как отмечает А. Степанов, конструктивный принцип романа находится «в области авторской историософии» [22. С. 401], а «[и]стория литературы, науки и культуры окружает героя со всех сторон, ниточки тянутся ко множеству знаковых имен, причем как бы “неотобранных”, разномасштабных <...>. Параллельно аморфной, “бесструктурной” реальности деревенской жизни и независимо от нее в настоящем как бы присутствует прошлое – мир истории и культуры, мир

“большой”, но в то же время очень узкий, почти деревенский» [22. С. 405–406]. В связи с этим точным замечанием стоит еще раз вспомнить название главы, где Шереметьев помещен в окружение реально существовавших личностей. Но самое главное состоит в том, что, следуя логике романа, персонажи, воплощающие авторский идеал, – это люди, которые ранее были причастны к истории, часть из которых даже в советские годы смогла сохранять культуру прошлого. Важно также, что в таком узком мире почти каждый такой герой знаком с кем-то из семьи или окружения главного героя. К таким персонажам относится и Шереметьев, сумевший в советские годы *физически* сохранить дореволюционный быт (в противовес вынужденной «сельской» чебачинской жизни семьи Антона).

Почему же Чудаков скрывает фамилию прототипа? Как представляется, фигура Толстого могла бы разрушить историософскую конструкцию романа: если Шереметьев использует трикстерские приемы только ради выживания и сохранения некоторого артистизма, то с «красным графом» А.Н. Толстым дело обстоит сложнее. Толстой принял правила игры советской системы и (по крайней мере, публично) отвергал свои дореволюционные идеалы (см., например, знаменитое письмо Толстого Н.В. Чайковскому о размежевании с эмиграцией и принятии большевизма, написанное в 1922 г.). Это невозможно для героя, реализующего в романе Чудакова парадигму сохранения дореволюционных интеллектуальной культуры и повседневных практик.

По словам А. Степанова, «отношение к советской власти деда и внука – определяется в первую очередь тем, что большевики отрезали страну от истоков», а к негативным персонажам в романе можно отнести лишь тех, «кто пытается подменить истоки (Лысенко, Мичурин или Лепешинская)» (405). К этой категории можно отнести и Толстого, одного из мэтров синтетического и «искусственного» художественного метода – соцреализма.

Важно, что маркирование героев внутри аксиологической шкалы производится в романе прежде всего дедом протагониста, хотя периодически эта функция передается и другим членам семьи (ср. расстройство матери Антона по поводу фамилии Антона под этически недопустимыми погромными письмами).

Таким образом, можно предположить, что А.П. Чудаков, будучи знатоком советской культуры, находит в реальности прецедентную литературно-биографическую модель, однако наполняет ее совершенно иным смыслом: в романе «чужой» Толстой становится «своим» Шереметьевым, воплощающим стратегию выживания литератора в суровой советской реальности.

Судьба Шереметьева становится как бы метонимией судьбы всей дореволюционной интеллигенции, вынужденной трансформироваться в условиях советской системы. Кроме того, на определенную выделенность фигуры Шереметьева из ряда столичных персонажей, входивших в круг знакомых семьи Антона, указывает то, что, приехав в Москву с несколькими рекомендательными письмами, Антон, столкнувшись с несколькими холодными приемами, от-

правляется именно к нему. Важно обратить внимание на то, что Шереметьев появляется не в самом начале главы «Вольф Мессинг, гр. Шереметьев, барон Унгерн и прочие». Первым адресатом приехавшего учиться в МГУ Антона становится «некто Ратинов, в свое время два месяца проживший у Стремоуховых на Пироговке, где он отсиживался от НКВД» (314). В этом же абзаце нарратор рассказывает о том, что ему удалось спастись, сменив свою фамилию Драпов на аналогично «тканевую» фамилию жены – Ратинов. После этого он «вышел из подполья, с новой фамилией явился на швейную фабрику “Большевичка” и сказал, что хочет в пошивочный цех, где как раз начали шить входящие в моду у аппарата ратиновые пальто» (314). Фигура Драпова-Ратинова описывается рассказчиком как откровенно чуждая «чебачинской» системе нравственных и эстетических координат. Так, он находит, что история оборотистого отцовского знакомого «походил[а] на среднего качества юмор». Ратинова, несмотря на это, «тут же зачислили, и он сделал большую карьеру», но вполне ожидаемо не помог Антону, высокомерно проигнорировав просьбу Стремоухова-отца. Встретив после Ратинова еще один отказ, Антон «<...> из прочих рекомендательных писем решил отнести только одно – к графу Шереметьеву» (315). Таким образом, Ратинов составляет контрастную (или даже двойническую – если учесть, что в этой же главе, как уже было упомянуто, обозначена ориентация на модель поведения из романа Достоевского) пару к появляющемуся на его фоне Шереметьеву: артистическая работа Шереметьевым с собственной фамилией, измененной по воле случая, выгодно отличается от сознательной смены трусливым, ловким и неблагодарным Драповым-Ратиновым своей «текстильной» фамилии на схожую фамилию жены (последнее обстоятельство особенно показательно).

Крайне значимо также и то, что образ Шереметьева также выполняет в романе одну важную сюжетную функцию – смерть графа-переводчика вместе со смертями «нескольких любимых профессоров» возвращает Антона к мучительной танатологической рефлексии (487). Это в очередной раз сигнализирует о принадлежности Шереметьева к персонажам, описанным с авторской симпатией, реконструируемой с помощью общей сюжетной логики.

Наконец, третья и последняя причина созданной автором романа дистанции между А. Толстым и Г. Шереметьевым состоит в том, что, помимо очевидных сходств, между ними, разумеется, есть и важные различия. Трикстерская стратегия Толстого была успешна в полной мере и уберегла его от каких бы то ни было преследований¹⁴, тогда как персонаж Чудакова оказался менее удачлив и «загребел, глупо, уже в тридцать девятом, когда, наоборот, кое-кого выпускали» (315). Однако Шереметьев «получил скромно – пятилетнюю ссылку, которую отбывал в Чебачинске» (315), где и познакомился с отцом Антона. Важен акцент на немотивированном везении героя: «После истечения срока ему каким-то образом удалось – редкий случай – не получить минус десять (городов), а вернуться в Москву» (315). Меньшая удачливость Шереметьева, наряду с постоянством, стабильностью его игры (Толстой менял стратегии самопрезентации в зависимости от ситуации), меньшим масштабом таланта и некоторой комичностью поведения, обуславливают дистанцию между ним и его прототипом. В результате образ Шереметьева становится проще и однозначнее, нежели более объемная и амбивалентная фигура автора «Петра Первого», с которым прочно ассоциируются прежде всего неизменная и непоколебимая литературная и бытовая «ловкость» и «удачливость».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О толстовском литературном творчестве в трикстерской перспективе см. работы М.Н. Липовецкого: [1–2]. Вместе с тем любопытно отсутствие имени Толстого в ряду примеров советских трикстеров в другой программной работе автора [3], обусловленное тем, что А. Толстой в понимании Липовецкого (опирающегося здесь на концепцию П. Слотердайка) скорее циник, преследующий конформистские цели выживания в советском «закрытом обществе», нежели трикстер (или, по крайней мере, человек, сочетавший тематизацию трикстерства в книгах с поведенческим цинизмом). С нашей точки зрения, жизнетворческая жестикюляция Толстого может быть охарактеризована как трикстерская, однако подробное обсуждение этого вопроса выходит за рамки задач настоящей статьи.

² С судьбой Шереметьева рифмуется биография друга его отца, «бывш[его] бел[ого] офицер[а], сумевш[его] это скрыть и в новой жизни хорошо устроивш[его]ся – завскладами при гортопе» [4. С. 316]. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках.

³ Стоит обратить внимание на название главы, в котором титул «граф» написан сокращенно, а «барон» – целиком.

⁴ См. об этом: [5. С. 61, 242].

⁵ В этом едва ли можно усомниться, учитывая сферу научных интересов Чудакова и его супруги М.О. Чудаковой, в частности, подготовивших совместно с Е.А. Тоддесом фундаментальный комментарий к работам Ю.Н. Тынянова, в котором было продемонстрировано детальное знание культуры 1910–1930-х гг.

⁶ Круг знакомых Шереметьева тоже во многом состоял из литераторов, в числе которых были, например, старик «с бородою сильно впрозелень» («писатель, правда, последняя его книга вышла у Сабашниковых в двадцать пятом году» (317)) или известный итальянист князь Голенищев-Кутузов. Любопытно, что реальный Голенищев-Кутузов был арестован в Югославии за «советскую пропаганду» после того, как в 1938 г. опубликовал в журнале «Смена» статьи о первом томе «Поднятой целины» М.А. Шолохова и романе А.Н. Толстого «Пётр Первый» [10. С. 10].

⁷ Здесь Т.Н. Толстая продолжает «семейную» линию описаний А.Н. Толстого. «<...> те, кто хорошо знал отца, вряд ли вспоминают о нем как о разудалом прожигателе жизни. Правда, у него была такая маска. Он надевал ее иногда перед людьми (кстати, перед людьми, не очень приятными для него). Но это была только маска, не более», – писал об отце Д.А. Толстой [13. С. 229].

⁸ Вспомним очерк И.А. Бунина, дискредитировавшего автора «Хождения по мукам» как «третьего Толстого» (после Льва Николаевича и Алексея Константиновича). Любопытно, что в романе в том или ином виде присутствуют все трое Толстых (имя А.К. Толстого не упомянуто, но появляется в раскавыченном виде цитата из его баллады «Илья Муромец», см. об этом: [11. С. 390]).

⁹ Ср. в дневнике А.П. Чудакова (запись от 10 марта 2005 г.): «У Толстого Нехлюдов размышляет: “Какие на них белоснежные рубашки, как хорошо вычищены сапоги. И кто делает все это?” Я бы тоже через сто лет хотел задать этот вопрос – неуж они, как я, стирают по вечерам свои рубашки, а утром перед лекцией гладят их?».

Толстой боролся за то, чтобы по утрам самому выносить за собою свое судно. Я чищу дачный клозет за родственниками, гостями, рабочими, строящими сарай и чердак. Получилось, как он хотел, – и с большим превышением» (609).

- ¹⁰ В рецептивном плане следствием этого стало то, что ряд критиков, игнорируя жанровую характеристику «роман-идиллия», предложенную Чудаковым, описывают «Ложится мгла на старые ступени» как «автобиографию» или «мемуары», неминуемо искажая тем самым авторскую интенцию. О недовольстве прозаика подобными интерпретациями его романа свидетельствовала М.О. Чудакова. См.: [14].
- ¹¹ Этот прием был отмечен большинством критиков и литературоведов, писавших о романе. См., напр.: [15. С. 388–389; 16. С. 245; 17; 18. С. 213; 19].
- ¹² Балина отмечает «нефикциональный характер» прозы Чудакова и считает, что акцент на «автобиографическом характере» «Ложится мгла на старые ступени» был усилен в издании 2012 г., где роман сопровождается выдержками из эго-документов автора [20. Р. 196].
- ¹³ Так, весной 1956 г. он оставил запись, начинающуюся с характерной аллюзии на книгу В.Г. Короленко: «История моего современника. Попробовать написать историю молодого человека нашей эпохи, используя автобиографический материал, но не давая своего портрета» (502). Уже после выхода романа в свет, в 2003 г. Чудаков оставил следующее программное рассуждение о соотношении fiction и non-fiction: «На первый взгляд кажется, что собственно художественная литература, *bell lettre* и non fiction – поляры. В первой – сюжет, действие, несуществующие герои, диалоги, занимающие значительное повествовательное пространство. Во второй – ничего этого нет, одни авторские наблюдения и медитации. Но эта полярность – только в случае литературы второго, третьего и прочих рядов» [21. С. 203].
- ¹⁴ Ср. выразительные слова писателя, приводимые в уже цитированных мемуарах Анненкова: «Приходится, действительно, быть акробатом. Мишка Шолохов, Сашка Фадеев, Илья Эренбурги [sic! – А.Г., В.Ч.] – все они акробаты. Но они – не графы. А я – граф, черт подери! И наша знать (чтоб ей лопнуть!) сумела дать слишком мало акробатов! Понял? Моя доля очень трудна» [11. С. 149].

ЛИТЕРАТУРА

1. Липовецкий М.Н. Утопия свободной марионетки, или Как сделан архетип (перечитывая «Золотой ключик» А.Н.Толстого) // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 252–268.
2. Lipovetsky M. Charms of the Cynical Reason: The Trickster's Transformations in Soviet and Post-Soviet Culture. Boston : Academic Studies Press, 2011. 296 p.
3. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое общество» // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 224–245.
4. Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени : роман-идиллия. 5-е изд., стереотип. М. : Время, 2012. 640 с.
5. Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) // Селищев А.М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / сост. Б.А. Успенский, О.В. Никитин. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 47–279.
6. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. XIII. Л. : Наука, 1975.
7. Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М. : РОССПЭН, 2011. 375 с.
8. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Книга первая // Эренбург И.Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6: Статьи о литературе и искусстве. 1946–1967. Люди, годы, жизнь. Кн. I / сост., подгот. текста И. Эренбург, Б. Фрезинского; коммент. Б. Фрезинского. М. : Худож. лит., 1996. С. 343–565.
9. Толстая Е.Д. «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М. : РГГУ, 2006. 685 с.
10. Гардзонио С. Предисловие // Голенищев-Кутузов И.Н. Благодарю, за всё благодарю : собрание стихотворений. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2004. С. 5–20.
11. Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий: в 2 т. М. : Худож. лит., 1991. Т. 2. 336 с.
12. Андреева И.Г. «Он был мне как отец...» (из воспоминаний Элия Белютина об А.Н. Толстом) // Алексей Толстой: диалоги со временем. М. : ИМЛИ РАН, 2014. С. 351–357.
13. Толстой Д.А. Воспоминания // Воспоминания об А.Н. Толстом / сост. З.А. Никитина, Л.И. Толстая. М. : Сов. писатель, 1982. С. 225–234.
14. Чудакова М.О. «Роман до сих пор многие называют мемуарами. Автора это огорчало» (интервью) // Известия. 2011. 1 дек. URL: <https://iz.ru/news/508361> (дата обращения: 10.07.2018).
15. Лапушин Р. «Живая свежесть» (К поэтике романа-идиллии А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени») // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М. : Водолей, 2009. С. 381–399.
16. Немзер А. Как сохранилась Россия // Отечественные записки. 2002. № 1. С. 244–245.
17. Жолковский А.К. Антонов огонь // Новая Русская Книга. 2002. № 2 (13). URL: <http://magazines.russ.ru/nrk/2002/2/zholk.html> (дата обращения: 10.07.2018).
18. Паперный В.В. Поисках утраченного // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 209–213.
19. Булкина И. История внука века // Знамя. 2012. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/8/b12.html> (дата обращения: 10.07.2018).
20. Balina M. (Auto)Biographical prose // Russian Literature since 1991 / ed. by E. Dobrenko, M. Lipovetsky. Cambridge : Cambridge university press, 2018. P. 188–206.
21. Абрамов А., Айзенберг М., Балина М., Гандлевский С., Гудков Л., Клев И., Либкин О., Лурье С., Работнов Н., Чудаков А. Литература non fiction: вымыслы и реальность // Знамя. 2003. № 1. С. 190–203.
22. Степанов А. Идиллия vs. прогресс: заметки о прозе А. Чудакова (Idyll vs. progress: notes on the prose of A. Chudakov) // Тыняновский сборник. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М. : Водолей, 2009. С. 400–411.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 сентября 2018 г.

Citizen, Count, Grigoriy: Aleksey Tolstoy in A.P. Chudakov's Novel *A Gloom is Cast Upon the Ancient Steps*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 5–11.

DOI: 10.17223/15617793/443/1

Aleksandr Yu. Gorbenko, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: al_gorbenko@mail.ru

Vikentiy V. Chekushin, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation).

E-mail: viksha@bk.ru

Keywords: A.N. Tolstoy; A.P. Chudakov; allusion; prototype; self-mythmaking.

The novel *A Gloom is Cast Upon the Ancient Steps* by A.P. Chudakov is analyzed in the article in the context of its allusions on Aleksey Tolstoy's biography and diverse direct references of his name. One of the secondary but very important characters in terms of the novel's literary characters is Count Grigoriy Sheremetev, writer and translator, who escaped repressions in the beginning of the 1930s because a passport girl added the soft sign to his noble surname. In the authors' opinion, A.N. Tolstoy is the prototype of this character. This suggestion explains the aim of this investigation: to reveal the method of the creation of Sheremetev's image and to analyze "Tolstoy's trace" in the novel. The material of the study is Chudakov's novel and diary, memoir evidence about Tolstoy by contemporaries (memories of Yu.P. Annenkov, I.G. Erenburg, D.A. Tolstoy). The authors used the research methodology of life-creating, the early Soviet works on language and culture by A.M. Selishchev and Sh. Fitzpatrik, M. Lipovetsky's works on the phenomenon of tricksterism. The authors came to the following conclusions. The prototype of Count Sheremetev was Tolstoy. The

character signed his translations as “Gr. Sheremet’ev”, which can be interpreted in three ways: the recipient can read it as an abbreviation for the name of the translator – Grigoriy, or it can be perceived as a mark of his social status (“grazhdanin” [citizen] or “graf” [count]). Aleksey Tolstoy used the same strategy in the transformed socio-cultural postrevolutionary circumstances: he put a sign plate on his office “Gr. Aleksey Tolstoy”. Sheremetev and Tolstoy have a lot in common, e.g., professional writing and love for formal banquets. The important dialogue of the main character Anton near Tolstoy’s portrait supports the version that Tolstoy was the prototype. However, there were also important differences between Tolstoy and Sheremetev. The distance between the character of the novel and his prototype, the change of the character’s surname and the “whitewashing” of some Tolstoy’s biography facts are consistent with the constructive concept of the novel which is the synthesis of fiction and non-fiction. In the novel, the writer, who became one of the classics of socialist realism in the 1930s–1940s, could not embody the ideal of the man who preserved pre-revolutionary culture. Sheremetev uses the trickster tactics for survival and artistry, Tolstoy’s situation is much more complicated. He accepted the rules of the Soviet system and abandoned his previous views, at least in public discourse. One more fundamental difference between Sheremetev and Tolstoy is that Tolstoy’s trickster strategy was rather successful and helped him to avoid prosecution while Chudakov’s character experienced repression. Sheremetev’s less luck resulted from the smaller scale of talent and some comicality of his behavior which culminated the distance between the character and his prototype.

REFERENCES

1. Lipovetskiy, M.N. (2003) *Utopiya svobodnoy marionetki, ili Kak sdelan arkhetyip (perechityvaya “Zolotoy klyuchik” A.N.Tolstogo)* [Utopia of a free puppet, or How the archetype is made (re-reading “The Golden Key” by A.N. Tolstoy)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 60. pp. 252–268.
2. Lipovetskiy, M. (2011) *Charms of the Cynical Reason: The Trickster’s Transformations in Soviet and Post-Soviet Culture*. Boston: Academic Studies Press.
3. Lipovetskiy, M. (2009) *Trikster i “zakrytoe obshchestvo”* [Trickster and the “closed society”]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 100. pp. 224–245.
4. Chudakov, A.P. (2012) *Lozhitsya mгла na starye stupeni: roman-idilliya* [A Gloom is Cast Upon the Ancient Steps]. 5th ed. Moscow: Vremya.
5. Selishchev, A.M. (2003) *Trudy po russkomu yazyku* [Works on the Russian language]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury. pp. 47–279.
6. Dostoevskiy, F.M. (1975) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: In 30 vols]. Vol. XIII. Leningrad: Nauka.
7. Fitzpatrick, S. (2011) *Sryvayte maski!: Identichnost’ i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the masks!: Identity and imposture in twentieth-century Russia]. Translated from English by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN.
8. Erenburg, I.G. (1996) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: In 8 vols]. Vol. 6. Book I. Moscow: Khudozh. lit. pp. 343–565.
9. Tolstaya, E.D. (2006) “Degot’ ili med”: *Aleksey N. Tolstoy kak neizvestnyy pisatel’ (1917–1923)* [“Tar or Honey”: Alexey N. Tolstoy as an unknown writer (1917–1923)]. Moscow: RSUH.
10. Gardzonio, S. (2004) *Predislovie* [Preface]. In: Golenishchev-Kutuzov, I.N. *Blagodaryu, za vse blagodaryu: sobranie stikhotvoreniy* [Thank you, thank you for everything: A collection of poems]. Toms; Moscow: Vodoley Publishers.
11. Annenkov, Yu. (1991) *Dnevnik moikh vstrech: Tsikl tragediy: v 2 t.* [The diary of my meetings: A cycle of tragedies: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit.
12. Andreeva, I.G. (2014) “On byl mne kak otets...” (iz vospominaniy Eliya Belyutina ob A.N. Tolstom) [“He was like a father to me . . .” (from the memoirs of Elia Belyutin about A.N. Tolstoy)]. In: Radomskaya, T.I. et al. (eds) *Aleksey Tolstoy: dialogi so vremenem* [Alexey Tolstoy: dialogues with time]. Moscow: IWL RAS.
13. Tolstoy, D.A. (1982) *Vospominaniya* [Memories]. In: Nikitina, Z.A. & Tolstaya, L.I. *Vospominaniya ob A.N. Tolstom* [Memories of A.N. Tolstoy]. Moscow: Sov. pisatel’.
14. Chudakova, M.O. (2011) “Roman do sikh por mnogie nazyvayut memuarami. Avtora eto ogorchalo” (interv’yu) [“Many still call the novel memoirs. The author is upset”]. *Izvestiya*. 1 December. [Online] Available from: <https://iz.ru/news/508361>. (Accessed: 10.07.2018).
15. Lapushin, R. (2009) “Zhivaya svezhest” (K poetike romana-idillii A.P. Chudakova “Lozhitsya mгла na starye stupeni”) [“Live Freshness” (On the poetics of A.P. Chudakov’s idyllic novel by “A Gloom is Cast Upon the Ancient Steps”)]. In: Toddes, E.A. et al. (eds) *Tynyanovskiy sbornik* [Tynyanov collection]. Is. 13. Moscow: Vodoley. pp. 381–399.
16. Nemzer, A. (2002) *Kak sokhranilas’ Rossiya* [How Russia was preserved]. *Otechestvennyye zapiski*. 1. pp. 244–245.
17. Zholkovskiy, A.K. (2002) *Antonov ogon’* [Antonov fire]. *Novaya Russkaya Kniga*. 2 (13). [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nrk/2002/2/zholk.html>. (Accessed: 10.07.2018).
18. Papernyy, V. (2005) *V poiskakh utrachennogo* [In search of the lost]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 75. pp. 209–213.
19. Bulkina, I. (2012) *Istoriya vnuka veka* [A story of the grandson of the century]. *Znamya*. 8. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/8/b12.html>. (Accessed: 10.07.2018).
20. Balina, M. (2018) (Auto)Biographical prose. In: Dobrenko, E. & Lipovetskiy, M. (eds) *Russian Literature since 1991*. Cambridge: Cambridge university press.
21. Abramov, A. et al. (2003) *Literatura non fiction: vymysly i real’nost’* [Non-fiction: myths and reality]. *Znamya*. 1. pp. 190–203.
22. Stepanov, A. (2009) *Idyll vs. progress: notes on the prose of A. Chudakov*. In: Toddes, E.A. et al. (eds) *Tynyanovskiy sbornik* [Tynyanov collection]. Is. 13. Moscow: Vodoley. pp. 400–411. (In Russian).

Received: 17 September 2018

А.В. Дегальцева

К ВОПРОСУ О НАРЕЧНОМ УПРАВЛЕНИИ

Рассматриваются семантические и словообразовательные факторы, определяющие способность наречий образа действия к управлению. Установлено, что на страницах современных газет подобные адverbиальные единицы регулярно употребляются в заголовках статей, причем журналисты могут обыгрывать их значение или звучание. Проведенное исследование показывает, что особенности функционирования наречий, управляющих зависимыми словоформами, отражают активные процессы, происходящие в современном синтаксисе.

Ключевые слова: синтаксис; словосочетание; синтаксическая связь; управление; наречие; наречие образа действия.

Грамматические свойства русского наречия определяют его способность иметь при себе зависимый примыкающий компонент: *очень быстро, по-русски гостеприимно, вызывая ярко* и т.д. Некоторые адverbиальные единицы, однако, способны управлять именной словоформой. Как справедливо отмечал В.В. Виноградов, «наречие с трудом и в сравнительно редких случаях несет на себе тяжесть управления», но в русском языке существуют формы «переходного типа от наречия к предлогу» [1. С. 327]. Такое «сближение наречий с предлогами определяется не только спецификой их грамматических значений, но также и – главным образом – их лексическими значениями: без семасиологического сродства между наречиями и предлогами сближения между ними было бы невозможно» [2. С. 28]. Следовательно, переход наречия в предложную форму зависит «от смысловой близости наречия к значениям предлогов» [1. С. 327]. Так, наречия *втайне, тайком (от кого-либо)* обладают конкретным семантическим наполнением, далеким от семантики предложных форм, поэтому их морфологической транспозиции не происходит. Наречия же *сравнительно (с чем-либо), независимо (от чего-то), согласно (с чем-нибудь)* «уже гораздо ближе к предлогам» [Там же].

Функциональная и семантическая близость наречий и предлогов подтверждается данными истории языка. Диахроническое изучение предлогов, проведенное Е.Т. Черкасовой, показывает, что в общеславянском языке наречия образовались на базе предложно-падежных сочетаний [2].

Согласно взглядам Т.С. Тихомировой [3], которые получили развитие в трудах представителей московской лингвистической школы [4–6], существует несколько факторов, позволяющих установить факт перехода какой-либо части речи (в частности, наречия) в предложную единицу. К ним относятся следующие лингвистические показатели: 1) расхождение в лексическом значении (наборе лексико-семантических вариантов) исходной формы слова и ее деривата; 2) элиминация деривата из морфологической и словообразовательной парадигмы части речи; 3) потеря дериватом синтаксических функций и возможностей исходного слова, разрушение синтагматических связей; 4) наличие у деривата морфосинтаксической парадигмы; 5) возможность слова иметь при себе зависимую словоформу, к которой легко задается падежный вопрос; 6) невозможность изъятия базового ком-

понента из состава предложной единицы (*находиться близко к дому*) [3–6]; 7) невозможность предложной единицы определяться прилагательным; 8) морфологическая специализация по отношению к другим словам того же ряда с аналогичным категориальным значением [4].

Пунктам 5 и 6 уделяется наиболее пристальное внимание в современных лингвистических работах. В частности, М.В. Всеволодова в статье [5] показывает различие между наречием и предлогом на конкретном языковом материале. В словосочетании *подойти ближе / близко к окну* выделенные слова являются наречием или компаративом, поскольку их можно легко изъять без ущерба для смысла, а в сочетании слов *стоять ближе / близко к окну* выделенные лексемы «суть первоначальные предлоги» [Там же. С. 11], так как их нельзя элиминировать из контекстного окружения. Первообразный предлог *к* во втором случае является «вставкой-экспликатором», формирующей парадигму предлогов *ближе* и *близко* [Там же]. Подобная точка зрения представлена и в диссертации Ф.И. Панкова [6]. В трудах же О.Н. Селиверстовой высказывается несогласие с такой трансформационной операцией разграничения наречия и предлога [7]. Неизменяемые слова, выражающие пространственные отношения, рассматриваются лингвистом как наречия даже в случае невозможности их устранения из контекста. Например, в предложении *Наш поселок расположен далеко от железной дороги* слово *далеко* классифицируется как наречие, *от* – как предлог [Там же. С. 772].

В современной науке о языке существует несколько концепций, позволяющих охарактеризовать статус неизменяемых слов, способных управлять зависимыми именными словоформами (*близко к дому, наперез лошадей* и под.). Рассмотрим основные из них.

Согласно господствующей в современной лингвистике позиции, такие слова следует считать предлогами [8], поскольку одной из грамматических черт русского предлога является возможность управлять зависимой падежной словоформой [9]. Такая точка зрения отражена, например, в [5, 10–12]. Подобное экстенсивное понимание предложных единиц можно обнаружить в концепции функционально-грамматического поля М.В. Всеволодовой: к ним относятся не только собственно служебные единицы, но и слова самостоятельных частей речи, выполняющие функцию предлога [Там же]. В рамках этой теории все предложные

единицы образуют поле, центр которого составляют предлоги, а периферию – их эквиваленты [5].

Отмечая особый статус подобных языковых единиц, лингвисты, считающие их предлогами, предлагают относить их к особой группе – наречным предлогам [1, 10]. Такие слова совмещают в себе функции наречия и предлога одновременно. По значению наречные предлоги разделяются на две подгруппы: 1) предлоги, связанные с обстоятельными наречиями: (*внутри, возле, вокруг, позади* и др.); 2) предлоги, связанные с качественными наречиями (*относительно, сообразно, соразмерно, соответственно* и под.) [1. С. 558]. По форме наречные предлоги могут быть простыми (*наперекор кому-то, касательно чего-то, против чего-то / кого-то, соразмерно чему-то* и др.) или составными (*вблизи от чего-то / кого-то, независимо от чего-то / кого-то, согласно с кем-нибудь / чем-нибудь* и др.) [10. С. 705]. Простые предлоги «совпадают с наречием; составные представляют собой соединение наречия с первообразным предлогом» [Там же. С. 705].

Похожую позицию в отношении таких слов занимал и А.А. Шахматов [13]. Рассматривая вопрос о разграничении предлогов и наречий, он замечал, что «те наречия, которые имеют такое же синтаксическое употребление, как предлоги», например, *мимо, кругом* и др., следует признать предлогами, однако условно называть их «предложными наречиями» [Там же. С. 357].

Следует отметить, что разграничение наречий и наречных предлогов бывает не всегда последовательным даже в академических изданиях. Так, в первом томе «Русской грамматики» такие языковые единицы, как *вблизи от чего-то / кого-то, вдалеке от чего-то / кого-то* и др. рассматриваются как наречные предлоги [10. С. 705], а во втором томе их относят к наречиям, если они реализуют комплетивные отношения [14. С. 77]. При этом авторы «Русской грамматики», вслед за В.В. Виноградовым, признают, что наречие имеет связи управления и примыкания. К управлению «относятся такие беспредложные и предложные связи, при которых возникают отношения информативного восполнения» [Там же].

По мнению М.В. Всеволодовой, широко понимающей предложные единицы, современные толковые словари ошибочно характеризуют некоторые предлоги, не имеющие при себе зависимого имени (*вслед, мимо, наперерез, наперекор* и др.), как наречия, ведь в их словарные дефиниции включены актанты [5]. Исследователь полагает, что у наречия отсутствует возможность управлять зависимой синтаксемой. Примеры употребления предлогов «с нулевой формой анафорического имени или его субститута (например, местоимения)» приводятся и в диссертационном исследовании Ф.И. Панкова [6. С. 226]. Противоположное отношение к статусу таких единиц высказано в работе Ю.Т. Долина [15]. Развивая взгляды, отраженные в [16], лингвист отмечает, что некоторые предлоги (*без, до, за, перед, после, через*), употребляясь семантически и грамматически самостоятельно, переходят в разряд наречий [15]. Исходя из отсутствия зависимой словоформы при таких неизменяемых сло-

вах, исследователь делает вывод о том, что «в грамматической системе современного русского языка возможны не только наречные предлоги (что является общепризнанным в русистике), но также и предложные наречия» [15. С. 74].

Расширительное понимание предложных единиц обусловлено тем, что «за последние 70 лет число предлогов, выделяемых в русском языке, увеличилось в десятки раз, при этом реестры предлогов в различных грамматических и лексикографических описаниях не совпадают», что говорит «о растущем субъективизме ученых, изучающих предлоги» [17. С. 63–64].

В науке о языке существует и противоположная концепция, согласной которой подобные неизменяемые слова, способные иметь при себе актанты, относятся к наречиям [2, 8, 18, 19]. Такая точка зрения выражалась еще в «Синтаксисе русского языка» Д.Н. Овсянико-Куликовского [20]. Лингвист отмечал, что «наречия выражают приблизительно те же представления, что и предлоги, <...> только гораздо ярче и определительнее» [Там же. С. 261]. Д.Н. Овсянико-Куликовский указывал на то, что наречия «могут управлять падежом», «но это не составляет их назначения» [Там же]. В современной лингвистике такая позиция довольно полно и последовательно обосновывается в работах Е.В. Урысон [8, 18, 19].

Е.В. Урысон считает, что «разница между наречными предлогами и соответствующими наречиями состоит в их синтаксической функции» [8. С. 37]. Как показывает лингвист, существуют наречия, имеющие семантический актант, выражение которого не описывается морфологическими, синтаксическими или иными подобными «жесткими» правилами полностью [8]. «Это, по-видимому, основное синтаксическое отличие наречия от наречного предлога» [Там же. С. 40]. Например, в предложении *Он живёт далеко от работы* актант выражен предложно-падежной формой существительного, а в предложении *Он живёт далеко* «тот же семантический актант выражается каким-либо словом обычно в предтексте, причем способ оформления этого актанта не может быть описан четкими морфологическими или морфосинтаксическими правилами» [19. С. 763]. Исследователь предлагает выделять два типа наречий, способных к управлению: предикативные (вслед за академической грамматикой [14]) и «предлогообразные» [19. С. 764]. Предлогообразное наречие, в отличие от предлога, часто употребляется без зависимой словоформы, но может управлять не только падежной формой, но и целой предложно-падежной группой (*далеко от музея*) [19]. При этом «предложно-падежная группа может зависеть от этого наречия (наречное управление)», или соподчиняться глаголу [Там же. С. 764]. В концепции Е.В. Урысон в предложениях *Вокруг стояли люди* и *Вокруг костра стояли люди* слово *вокруг* является наречием, имеющим семантический актант «ориентир» (только в первом предложении он должен быть выражен в предтексте, во втором – представлен зависимой формой родительного падежа существительного) [18].

Третья позиция заключается в том, что такие неизменяемые слова, как *впереди, мимо, внутри,*

наперекор и под., необходимо рассматривать как омонимичные предлоги и наречия [21, 22]. К наречиям они относятся в том случае, если не управляют падежными формами имен, к предлогам – если обладают таким грамматическим свойством [22]. Однако, на наш взгляд, способность иметь при себе актант не должна становиться основополагающей при разграничении наречий и предлогов, ведь некоторые наречия способны управлять именными формами, а предлоги в определенных контекстах могут употребляться и без зависимых слов.

С точки зрения других исследователей, можно говорить о «двойной (бифункциональной) природе» таких слов: «иногда они употребляются в функции наречий, иногда – в функции предлогов» [6. С. 259]. Так, в предложении *Скамейка стояла близко к дому* наречие функционально сближается с предлогом [23. С. 22]. То есть такие слова, как *близ, вдоль, внутрь, возле, вокруг, кругом, напротив* и др., в разных языковых условиях могут употребляться и как наречия, и как предлоги [1].

Поскольку объектом нашего научного интереса являются наречия образа действия, необходимо определить, способны ли данные языковые единицы управлять зависимыми именными словоформами или такое синтаксическое свойство будет свидетельствовать об их переходе в разряд производных – наречных – предлогов.

Мы склоняемся к тому, чтобы считать неизменяемые слова, имеющие качественное значение и способные употребляться как самостоятельно, так и с зависимыми именными словоформами, наречиями (при этом, безусловно, не отрицая способность таких единиц функционально сближаться с предлогами). Приведем несколько аргументов в пользу такого мнения. Во-первых, как мы уже увидели, многие авторитетные лингвисты признают за наречием право на возможность управлять зависимой синтаксемой [1, 2, 6, 8, 14 и др.]. Во-вторых, группа интересующих нас наречий выражает не пространственное или логическое, а качественно-характеризующее значение, что не способствует ее полному семантическому сближению с предложными единицами. В-третьих, сохранение компонентов значения производящей базы может приводить к воспроизведению наречием ее синтаксических свойств. Так, предикативные наречия регулярно воспроизводят управление прилагательных, причастий, отглагольных существительных, от которых они образованы [14. С. 77; 19]. Следовательно, возможность управления может «наследоваться» конкретным наречием образа действия. В-четвертых, следует иметь в виду справедливое замечание Е.В. Урысон: лингвисты, выделяющие наречные предлоги, не учитывают того, что такие слова могут определяться наречиями меры и степени (*совсем рядом с чем-то, очень близко к чему-либо*), ведь в таком случае за предлогом следует признавать способность иметь при себе зависимое наречие-интенсификатор, а «это очень усложняет описание предлогов» [18. С. 703] и противоречит их грамматическим свойствам. В-пятых, в реальном функционировании языка наблюдаются случаи постпозиции или дистанционного расположе-

ния так называемых предложных наречий по отношению к управляемой форме (*с ним рядом, пополам разделил с ней* и т.д.), что не свойственно русским предлогам [8]. В подобных случаях «придется признать, что составной наречный предлог не обязан быть цельнооформленной единицей: он допускает перестановку своих частей» [8. С. 45]. Это является еще одним аргументом в пользу рассмотрения интересующих нас единиц как наречий.

При изучении семантики и функционирования наречий образа действия в разных сферах общения нами был составлен словарь, насчитывающий около 6 000 адвербиальных единиц. Среди них была выделена малочисленная группа наречий (0,33%), способных управлять зависимой именной словоформой («предлогообразных» наречий в терминологии Е.В. Урысон [19]). Такие наречия, в отличие от предлогов, выражают качественные характеристики объектов или явлений и имеют более конкретные лексические значения. Возможность отнесения таких неизменяемых лексем к классу наречий соотносилась нами с данными «Современного толкового словаря русского языка» под ред. С.А. Кузнецова [24], поскольку в нем отражен «узкий подход к пониманию предлога» [17. С. 63]. Среди всех наречий образа действия были зафиксированы 20 наречий, способных управлять зависимыми именными словоформами: *тайне, тайком, тихомолку (от кого); закономерно (для кого, чего); аналогично, идентично, наперехват (кому, чему); вполюбо́рот / вполюбо́рота (к кому, чему); вперемежку, вприкуску, вразрез, наперевес (с чем); пополам, наполом, наравне, наперегонки, сходно (с кем, чем); одинаково (с кем, чем; для кого, чего); наперебой (с кем); верхом (на чем)*. Все эти слова определены в словаре [24] как наречия, причем *вдогонку* при употреблении с зависимыми именными словоформами имеет помету «в значении предлога» [Там же. С. 114].

Следует уточнить, что мы различаем детерминирующие и собственно второстепенные члены предложения. По этой причине в наш список не попадают многие предикативные наречия, являющиеся главным членом предложений, построенных по минимальной структурной схеме Praed, расширенной детерминантами (*мне обидно, удобно для пенсионеров, у него на душе грустно* и др.)

Возможность наречия управлять зависимой именной словоформой определяется грамматическими свойствами его производящей базы: у наречий, мотивированных прилагательными, глаголами (и их атрибутивными формами) и отглагольными существительными, регулярно воспроизводятся связи, свойственные этим частям речи. Например, словарное толкование наречия *одинаково* отсылает нас к его производящей базе. В дефиниции прилагательного *одинаковый* обнаруживаем актантные позиции: «совпадающий, сходный с кем-, чем-либо» [Там же. С. 700].

В словарных толкованиях многих интересующих нас наречий заключены актантные (реже – сирконстантные позиции): *вперемежку* – «перемежая, чередуя с другим» [Там же. С. 154]; *наравне* – «с кем-чем. На одной линии; на одном, одинаковом уровне, в равноценном положении, состоянии» [Там же. С. 596]; *вер-*

хом – «сидя **на спине животного**» [24. С. 121]. Иногда в словарном толковании могут быть заданы конкретные слова, которыми управляет неизменяемая лексема: *наедине* – «обычно **со словами с собой, самим собой** – один, в одиночестве» [Там же. С. 580], *наперевес* – «перед собой, с наклоном вперед (**о положении винтовки, ружья, пики** и т.п.)» [Там же. С. 591].

Особенности функционирования наречий образа действия, управляющих зависимыми именными словоформами, были рассмотрены нами на примере одной из сфер коммуникации: газетной публицистики. В качестве материала мы обращались к таким региональным и центральным изданиям, как «Коммерсантъ», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Российская газета», «Коммерческие Вести». Всего было проанализировано 207 случаев наречного управления.

Анализ материала показал, что наречия-синонимы, обладающие сходными семами, как правило, управляют одинаковыми предложно-падежными формами имен. Так, наречия *тайно, тайком, втайне, втихомолку* способны управлять формой родительного падежа с предлогом *от*: *Родственники Меньшиковых крестили мальчиков **тайно от родителей*** (Аргументы и факты. Пермь 05.04.2017); *Он съест **тайком от нее** десяток кексов, а она **втайне от него** выкурит несколько сигарет* (Коммерсантъ 21.02.2013); *Полигон **втихомолку от общественности*** (Коммерческие Вести 20.04.2016). Следует отметить, что иногда на страницах газет встречаются случаи игнорирования грамматических норм при выборе управляемой наречием формы: *В то же время корма выглядят **практически идентично с дореформенными версиями***, *Х-образных выштамповок на боковинах нет* (Российская газета 28.08.2018); *Слова благодарности звучали **наперебой с рассказами о тех непростых годах войны, вспомнили и павших в боях, и тех, кто попросту не дождал до сегодняшних дней*** (Московский комсомолец 13.04.2015). По-видимому, это связано с тем, что журналисты ориентируются на нормы управления, предписанные грамматикой для других, семантически близких наречий (*сходно с чем-то – идентично с чем-то, попеременно с чем-то – наперебой с чем-то*). Г.Н. Акимова полагает, что сочетания, нормативность которых «колеблется», «отражают процесс унификации синтаксиса под воздействием семантики, а унификация – это своего рода форма опрощения синтаксических конструкций» [25. С. 18]. Следовательно, особенности функционирования интересующих нас наречий свидетельствуют о взаимосвязи семантических и грамматических процессов, а также являются следствием активных явлений в области современного синтаксиса.

Чаще всего управляющие наречия невозможно извлечь из высказывания, не разрушая его смысл: *Боевиков ликвидировали **втайне от милиции*** (Коммерсантъ 12.04.2006); *Отреставрировали редкий экспонат Государственного Эрмитажа – **закономерно для Cartier** было выбрано произведение ювелирного искусства* (Коммерсантъ 22.10.2018); ***Наперехват решению** диссертационного совета поступает второе письмо от*

Литвиненко, уже на имя руководителя ВАК академика Кирпичникова (Российская газета 21.03.2008). Это свидетельствует о том, что выделенные именные словоформы напрямую зависят от наречия, конкретизируя его содержание, а не от другого компонента предложения, например, глагола. Кроме того, на страницах газет встречаются «предлогообразные» наречия, вступающие в комплетивные отношения с глаголами-сказуемыми: *В документах **партия-спойлер «Гражданская позиция» была обозначена практически идентично партии «Гражданская платформа»*** (Коммерсантъ 09.09.2013); ***Накопительная пенсия будет рассчитываться одинаково для женщин и мужчин*** (Коммерсантъ 05.06.2015); ***Симптомы половых инфекций могут быть как достаточно сильными (скажем, трихомониаз часто протекает сходно с гонореей), так и полностью отсутствовать (это характерно, например, для хламидиоза, уреаплазмоза и микоплазмоза)*** (Коммерсантъ 14.04.2003). Такие наречия также невозможно элиминировать из высказывания, сохранив его смысловую целостность.

Несмотря на это, наречия *пополам, напополам, попеременно, попеременно, попеременно* вполне можно устранить из контекста без ущерба его содержанию: *Зачем нам этот скипидар **напополам с лимонадом?*** (Российская газета 17.07.2015); *Бильярд **впеременно** с эротической мойкой* (Аргументы и факты 26.12.2001); *Взбодрит и согреет в первой половине дня чай с имбирём и лимоном **вприкуску с мёдом** или малиновым **вареньем**, но на улице после этого выходить не стоит* (Аргументы и факты 14.12.2016); *Тощий корейский солдат **с ружьём наперевес** в мучениях пытается выпустить нас с аэродрома, вручную отодвигая механические ворота* (Аргументы и факты 22.09.2004); *Плюшевый Пушкин **верхом на коне*** (Независимая газета 06.03.2014). Это легко объяснить. Наречия (*на*)*пополам, попеременно* и *вприкуску* лишь углубляют и конкретизируют значения совместности, совмещения или смешения, которые уже передаются предлогом *с*. Слова *верхом* и *наперевес* также служат только для уточнения характера положения человека или предмета в пространстве, поэтому могут быть легко элиминированы из высказывания.

Большинство интересующих нас наречий (67%) характеризует различные действия. Некоторые адвербиальные лексемы, однако, чаще используются при глаголах бытия, состояния или качества, конкретизируя или восполняя их смысл: ***Потребление энергии снижается аналогично падению ВВП*** (Коммерсантъ 18.05.2009); ***И выглядят они идентично оригиналу, в котором точно так же перебивают, спорят и т.д.*** (Коммерсантъ 01.05.2013); ***Влоботорота к дворцу стоят в голубых камзолах Казаков и Баженов*** (Независимая газета 02.10.2014); ***Здесь они живут попеременно с тюркоязычными булгарами, хазарами, онгурами*** (Независимая газета 28.03.2012); ***Международная политика России, особенно ее позиция по Сирии и Ливии, поддержка Ирана и режима Асада, последние годы складывалась вразрез с трендами в мировом суннитском большинстве*** (Независимая газета 07.10.2013); ***Дом делим попеременно с Лией Ахеджаковой*** (Аргументы и факты. На даче 18.11.2011).

Наречия, способные управлять зависимыми именными словоформами, довольно часто и регулярно (около 60% случаев) могут употребляться в заголовках статей, причем без глагольной формы, от которой грамматически зависят: *Втайне от следствия* (Российская газета 15.03.2017); *Наедине с Москвой* (Аргументы и факты 26.08.2016); *Владимир Путин вполоборота к либералам* (Независимая газета 19.12.2014); *Наперегонки со смертью: с зацеперами борются и власти, и общественность* (Московский комсомолец 01.05.2017). Встречаются такие структуры не только в заголовках, но и внутри текста – в парцеллированных конструкциях: *О причине этого события – погромах армян с 13 по 19 января – предпочитают не вспоминать. Аналогично с трагедией в Ходжалы* (Независимая газета 07.03.2018). При этом под воздействием коммуникативных факторов зависимая словоформа может занимать препозицию по отношению к управляющему наречию: *С антибиотиком вприкуску. Почему в кировское молоко попадают лекарства* (Аргументы и факты. Киров 21.04.2016). Такие высказывания являются следствием активных процессов современного синтаксиса – ослабления синтаксических связей, распространения расчлененных конструкций, повышения смысловой емкости высказывания [25, 26]. Иногда «автономное» употребление адвербиальных единиц связано с тем, что и наречие, и глагол-предикат обладают одинаковой способностью к управлению конкретной зависимой словоформой (*ехать на чём- / ком-либо, верхом на чём- / ком-либо*). В таком случае смысл и грамматическая целостность высказывания не нарушаются даже при намеренном устранивании из него глагола-сказуемого: *Верхом на ядре. Как атомная отрасль России заняла первое место в мире по проектированию и строительству АЭС* (Коммерсантъ 17.10.2016).

Довольно часто анализируемые наречия употребляются на страницах газет (особенно в заголовках) в переносном значении: *Верхом на «ЕдРе»*. Как я делал карьеру в партии власти (Московский комсомолец 13.11.2013); *Вена, например, построена «вполоборота» к великой реке* (Независимая газета 11.02.2016);

Инновации вприкуску с ухой (Аргументы и факты. Челябинск. 12.08.2009); *Наперегонки с инфляцией* (Коммерсантъ 14.12.2018); *С ароматом наперевес* (Коммерсантъ 20.11.2006). В заголовках встречаются и случаи обыгрывания устойчивых выражений, например, *с грехом пополам*: *С Грефом пополам* (Московский комсомолец 25.10.2003); *С греком пополам* (Коммерсантъ 07.04.2015). Все это связано со стремлением журналистов максимально емко и одновременно экспрессивно и оригинально подать материал.

Таким образом, полагаем, что неизменяемые адвербиальные единицы, выражающие качественное значение и управляющие зависимыми именными словоформами, более логично относить к наречиям, а не к предложным единицам. Поскольку возможность управления грамматически не присуща наречию образа действия, такие слова составляют 0,33% от данной группы наречий. Способность к управлению во многом определяется семантикой адвербиальной единицы и грамматическими свойствами ее производящей базы. При этом актантные позиции часто могут быть включены в словарное толкование наречия.

Большинство управляющих наречий примыкает к глаголам лексико-семантического поля действия и деятельности. Несмотря на это, в современной прессе часты случаи автономного употребления таких адвербиальных единиц. На страницах газет наречия с зависимыми именными словоформами употребляются довольно активно, чаще всего – в сильных позициях текста: в роли заголовков или подзаголовков публицистических материалов. При этом журналист старается использовать такие конструкции максимально ярко и креативно, обыгрывая их значения или особенности звучания. Подобное употребление наречного управления не только способствует смысловой емкости заголовка, но и мгновенно привлекает внимание читателя к материалу.

Особенности функционирования в прессе наречий образа действия, управляющих зависимыми именными словоформами, показывают взаимосвязь семантики и грамматики, а также отражают активные процессы, происходящие в синтаксисе современного русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М. : Русский язык, 2001. 720 с.
2. Черкасова Е.Т. Переход полизначных слов в предлоги. М. : Наука, 1967. 280 с.
3. Тихомирова Т.С. Процессы адвербиализации форм творительного беспредложного в польском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 17 с.
4. Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25–50.
5. Всеволодова М.В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 3–26.
6. Панков Ф.И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 844 с.
7. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
8. Урысон Е.В. Предлог или наречие? (Частеречный статус наречных предлогов) // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 36–55.
9. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. 428 с.
10. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемистику. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 783 с.
11. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология : учеб. пособ. М. : Изд-во МГУ, 1999. 240 с.
12. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М. : URSS, 2014. Кн. 1. 304 с.
13. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
14. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. 709 с.
15. Долин Ю.Т. О предложных наречиях в русском языке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 11. С. 72–74.

16. Современный русский язык : учеб. пособ. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. М. : МГУ, 1964. 638 с.
17. Виноградова Е.Н. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 5. С. 56–74.
18. Урысон Е.В. О производных предлогах: наречные предлоги // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» 2014 (Бекасово, 2013 г.) / гл. ред. В.П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ, 2014. Вып. 13 (20): в 2 т. Т. 1. С. 695–706.
19. Урысон Е.В. Синтаксис предлогообразных наречий: некоторые сложные случаи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 2018 г.) / гл. ред. В.П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ, 2018. Вып. 17 (24). С. 762–774.
20. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. СПб. : Издание Д.Е. Жуковского, 1902. 312 с.
21. Аничков И.Е. Труды по языкознанию / сост. и отв. ред. В.П. Недялков. СПб. : Наука, 1997. 510 с.
22. Шелякин М.А. Справочник по русской грамматике. 2-е изд., исправл. М. : Русский язык, 2000. 355 с.
23. Патаркина Е.О. Процесс адвербиализации языковых единиц на периферии функционально-грамматических полей наречия и предлога в русском языке // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 19–22.
24. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. М. : Норинт, 2008. 1536 с.
25. Акимов Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: учеб. пособ. М. : Высшая школа, 1990. 168 с.
26. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М. : Логос, 2003. 304 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 января 2019 г.

On Adverbial Government

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 12–18.

DOI: 10.17223/15617793/443/2

Anna V. Degaltseva, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: deganna@mail.ru

Keywords: syntax; collocation; syntactic relations; government; adverb; adverb of manner.

The article deals with the issue of adverbial government. The linguistic literature related to the topic is briefly considered. Criteria of differentiation of adverbial and prepositional units formulated in modern research works are analyzed. Based on the analysis of the functioning of adverbs of manner in different spheres of communication, the author of the article personally compiled a dictionary, which includes about 6 000 units. The author allocated a small group of adverbs of manner (less than 1%) capable of adverbial government. Such adverbs, unlike prepositions, express qualitative characteristics of objects or phenomena and have more specific lexical meanings. The study does not take into account syntactemes that are determining members of the sentence. The author notes that the ability of adverbs of manner to control the dependent form of the word is determined by the semantics of the adverb and by the grammatical properties of the words from which they derive. The positions of the actants can often be reflected in the dictionary definition of the adverbial lexeme. Synonymous adverbs usually govern the same prepositional case forms of nouns. Features of adverbial government are considered on the material of modern newspapers. An analysis of the material shows that most of these adverbial units characterize different actions, but some of them are used with verbs of being, state or quality. Adverbs that govern the dependent forms are used frequently and regularly in the titles of articles without forms of verbs they are grammatically dependent on. Under the influence of the communicative factors, the dependent form may precede the adverb. It is a consequence of active processes of modern syntax of the Russian language: the weakening of syntactic connections, the wide spread of parcelled constructions, the increased semantic capacity of statements. In headlines, journalists often use a language game based on the peculiarities of the meaning or sound of such language units. This is due to the desire of journalists to present the material as concise and at the same time expressive and original as possible. This tactic instantly draws the reader's attention to the material. Sometimes journalists ignore or violate grammar rules when they choose an adverb-dependent form of a word. Perhaps, this is due to the tendency to unify syntactic forms under the influence of semantic factors.

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. (2001) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (Grammatical teaching about the word)]. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
2. Cherkasova, E.T. (1967) *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [The transformation of notional words into prepositions]. Moscow: Nauka.
3. Tikhomirova, T.S. (1972) *Protsessy adverbializatsii form tvoritel'nogo bespredlozhnogo v pol'skom yazyke* [Adverbialization of the instrumental non-prepositional case forms in Polish]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
4. Vinogradova, E.N. (2016) Grammatikalizatsiya v russkom yazyke: ot formy sushchestvitel'nogo k predlogu (na materiale somatizmov) [Grammaticalization in Russian: From noun to preposition (a case study of body part names)]. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 25–50.
5. Vsevolodova, M.V. (2010) Grammaticheskie aspekty russkikh predlozhnykh edinits: tipologiya, struktura, sintagmatika i sintaksicheskie modifikatsii [Grammatical properties of the prepositional units in Russian: typology, structure, syntagmatics and syntactical modifications]. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the Study of Language*. 4. pp. 3–26.
6. Pankov, F.I. (2009) *Funktsional'no-kommunikativnaya grammatika russkogo narechiya* [Functional-communicative grammar of the Russian adverb]. Philology Dr. Diss. Moscow.
7. Seliverstova, O.N. (2004) *Trudy po semantike* [Works on semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. Uryson, E.V. (2017) Predlog ili narechie? (Chasterechnyy status narechnykh predlogov) [Preposition or adverb? (Status of the adverbial prepositions as a part of speech)]. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the Study of Language*. 5. pp. 36–55.
9. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka.
10. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
11. Kamynina, A.A. (1999) *Sovremennyy russkiy yazyk. Morfologiya* [Modern Russian language. Morphology]. Moscow: Moscow State University.
12. Vsevolodova, M. V., Kukushkina, O. V., Polikarpov, A. A. (2014) *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskoy opisaniyu real'nogo upotrebleniya: Vvedenie v ob'ektivnyuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh edinits* [Russian prepositions and units of prepositional type. Materials for a functional-grammatical description of real usage. Introduction to objective grammar and lexicography of Russian prepositional units]. Book 1. Moscow: URSS.
13. Shahmatov, A.A. (2001) *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. 3rd ed. Moscow: Editorial URSS.
14. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.

15. Dolin, Yu.T. (2007) O predlozhnykh narechiyakh v russkom yazyke [About prepositional adverbs in the Russian language]. *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta – Bulletin of Orenburg State University*. 11. pp. 72–74.
16. Galkina-Fedoruk, E.M. (ed.) (1964) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian language]. Part 2. Moscow: Moscow State University.
17. Vinogradova, E.N. (2017) Problemy leksikograficheskogo i grammaticheskogo opisaniya predlogov v sovremennom russkom yazyke [Problems of lexicographical and grammatical description of prepositions in the modern Russian language]. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*. 5. pp. 56–74.
18. Uryson, E.V. (2014) [On derivative prepositions: adverbial prepositions]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog" 2014 (Bekasovo, 2013)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue" 2014, (Bekasovo, 2013)]. Vol. 13 (20): 1. Moscow: RSUH. pp. 695–706. IRR
19. Uryson, E.V. (2018) [Syntax of prepositional adverbs: some difficult cases]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog" 2018 (Moscow, 2018)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue" 2018, (Moscow, 2018)]. Vol. 17 (24). Moscow: RSUH. pp. 762–774. IRR
20. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1902) *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. St. Petersburg: Izdanie D.E. Zhukovskogo.
21. Anichkov, I.E. (1997) *Trudy po lingvistike* [Works on linguistics]. St. Petersburg: Nauka.
22. Shelyakin, M.A. (2000) *Spravochnik po russkoy grammatike* [Handbook of Russian grammar]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
23. Patarakina, E.O. (2013) Process adverbializatsii yazykovykh edinits na periferii funktsional'no-grammaticheskikh poley narechiya i predloga v russkom yazyke [The process of adverbialization of linguistic units on the periphery of functional-grammatical fields of adverb and preposition in the Russian language]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*. 3. pp. 19–22.
24. Kuznetsov, S.A. (2008) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [A modern explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Norint.
25. Akimova, G.N. (1990) *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [New in the syntax of the modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola.
26. Valgina, N.S. (2003) *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active processes in the modern Russian language]. Moscow: Logos.

Received: 25 January 2019

И.В. Евсеева, Е.А. Пономарева

КОГНИТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ БАЗЫ ДАННЫХ

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00051.

Работа посвящена когнитивному анализу русских лексико-словообразовательных гнезд с вершинами-соматизмами. Гнездо рассматривается как фрагмент концепта, зафиксированный в языке на деривационном уровне. В основе описания – метод фреймового моделирования. Метаязык описания гнезд ориентирован на создание электронной базы данных «Соматическая лексика русского языка и его диалектов», которая призвана в автоматическом режиме осуществлять поиск соматических дериватов по разного рода запросам.

Ключевые слова: лексико-словообразовательное гнездо; соматическая лексика; соматизм; электронная база данных; фрейм; слот; пропозициональная схема; пропозиция.

Постановка проблемы исследования

Исследование выполнено в рамках одного из направлений когнитивной лингвистики – когнитивной дериватологии.

Когнитивное направление в лингвистике приобретает в настоящее время все большую популярность. Ученых, развивающих это направление, привлекают, прежде всего, его основная цель и общая идея, связанные с раскрытием сущности и интерпретацией разных видов знаний, которые отображаются в естественном языке. Наиболее значимым для когнитивистов является установление того, каким образом человек хранит знания, приобретенные им в процессе жизни, как он их категоризирует, перерабатывает и использует. То есть когнитивную лингвистику интересуют концептуальная организация языковых единиц, установление их взаимодействия, а также законы применения этих единиц в разных текстах.

Выявленные представителями когнитивной лингвистики структуры хранения знаний (мыслительные картинки, схемы, фреймы, инсайты, сценарии и др. – А.П. Бабушкин [1]; конкретно-чувственные образы, представления, схемы, понятия, прототипы, пропозиции, фреймы, сценарии и др. – Н.Н. Болдырев [2]; концепты высшего уровня и обычные концепты – С.Г. Воркачев [3], параметрические и непараметрические концепты – В.И. Карасик [4]; образы, идеи и символы – М.В. Пименова [5] и др.) демонстрируют внутреннее устройство этих знаний и помогают ответить на вопросы, заявленные когнитивным направлением: как полученная информация усваивается человеком, как она структурируется и хранится. Когнитивный анализ деривационных единиц способствует раскрытию тех видов знаний, на которые ссылаются люди при создании деривата, т.е. знаний, несущих в себе важную информацию для человека как представителя культурного сообщества. Иерархически устроенные системные образования – комплексные деривационные единицы – предстают единицами хранения таких знаний.

В данной работе внимание уделяется комплексной деривационной единице – лексико-словообразо-

вательному гнезду (далее – ЛСГ), которое по природе своей когнитивно. Применяя принципы категоризации, человек объединяет в общий класс однокоренные слова, репрезентирующие один и тот же концепт, представленный в языке базовым словом – вершиной гнезда. Знания, заключенные в семантике каждого производного слова гнезда, являются ассоциативно связанными. Эти знания раскрывают то, как человек, используя базовое слово, переносит его на объекты окружающей действительности и именуем их посредством этого слова. В круг смыслов, заложенных в базовом слове, вовлечены дериваты одного гнезда, которые вербализуют часть этих смыслов. На этом основании лексико-словообразовательное гнездо рассматривается нами в работе как фрагмент концепта, зафиксированный в языке на деривационном уровне. Применение к анализу гнезда метода фреймового моделирования способствует, на наш взгляд, раскрытию этого фрагмента знаний. Выявление когнитивных структур в гнезде позволяет не только установить ядерные и периферийные смыслы, но и осознать некоторые механизмы словопорождения, а также продемонстрировать упорядоченность и системность информации об окружающем мире, хранящейся в сознании человека.

Основная задача исследования – построение фрагмента когнитивной модели русского национального языка, основу которой составляет фреймовая репрезентация русских ЛСГ и обработка релевантной соматической информации, закодированной в базовой и производной лексике данного языка. Разработка мета-языка фреймового описания ЛСГ ориентирована в итоге на создание электронной базы данных, которая призвана в автоматическом режиме осуществлять поиск соматических дериватов по разного рода запросам.

Материал исследования

В качестве материала исследования с целью когнитивного моделирования ЛСГ были взяты гнезда с вершинами – именами соматических (телесных) объектов. Выбор материала исследования неслучаен. Де-

риваты, образованные от имен соматических объектов, позволяют проследить, как носитель конкретного языка осмысляет себя в окружающем мире через тело, телесные объекты и явления. Кроме того, анализируемые единицы способствуют раскрытию некоторых особенностей мыслительных процессов носителей русского языка при создании производных слов.

К анализу привлекались литературные, просторечные и диалектные дериваты (список лексикографических источников, из которых были почерпнуты дериваты, см. в конце статьи), что позволяет наиболее полно продемонстрировать формально-смысловую организацию ЛСГ. То есть фреймовая модель ЛСГ строится на уровне «лингвистического макроконструкта», под которым понимаем совокупность всех дериватов одного гнезда, существующих в современном русском национальном языке [6]. За этим понятием и термином стоит идея привлечения к лингвистическому анализу деривационных единиц литературного и диалектного языков, а также единиц из стилистически маркированных слоев лексики – просторечия, жаргонов и т.п. Это позволяет сформулировать и обосновать принципы включения конкретных дериватов из разных слоев русской лексики в толковые лексикографические источники русского языка. Выбор указанных пластов лексики объясняется тем, что анализ не только литературной, но и просторечной и диалектной лексики показывает универсальность глубинных структур одного языка, на основе которых строятся производные единицы, вне зависимости от места жительства его носителей и сферы использования языка.

Остановимся на толковании термина «соматизм». Термин «соматизм» был введен Ф. Вакком [7] для обозначения (1) тела человека и различных явлений телесности и (2) телесных объектов и их функций, присущих животным. В современных научных работах [8], направленных на исследование телесных объектов, термин «соматизм» используется исключительно для обозначения человеческого тела и его частей, внутренних органов и других телесных объектов, для указания на признаки этих объектов и значения признаков.

Мы придерживаемся второй точки зрения, привлекая в качестве материала исследования базовые слова-соматизмы – производные имена, называющие объекты тела человека (*нос, глаз, рука* и проч.), которые являются вершинами ЛСГ. Однако наполняют эти гнезда производные слова, соотносящиеся и с телесностью человека, и с телесностью животных, что оправдано задачами исследования. Во-первых, исключение из гнезд с вершинами-соматизмами обширного пласта производной лексики, называющей телесные объекты животных, способствовало бы неполной представленности этих гнезд. Во-вторых, в каждом из гнезд мы относим всю производную лексику, называющую телесные объекты животных, к отдельному субфрейму, поэтому она не рассматривается наравне с дериватами, соотносимыми с телом человека. В-третьих, с позиций антропоцентризма человек именует объекты окружающего мира, ориентируясь на свой опыт, в том числе, и свое тело, а анализ производных слов, обозначающих телесные объекты жи-

вотных, способствует выявлению разницы в восприятии носителем языка человеческого тела и тела животного. Например, для ноги животного в языке есть указание на естественный цвет (*красноногий, пегоногий*), тогда как для обозначения ноги человека такая характеристика отсутствует.

Соматизмы, являясь одним из многочисленных пластов лексики современного русского национального языка, активно участвуют в формировании языковой и, шире, семиотической, картины мира и в отображении многих фрагментов действительности. Многие слова, свободные и фразеологические выражения, относящиеся к соматизмам, уже исследовались учеными (Ю.Д. Апресян, Д.Б. Гудков, Анна А. Зализняк, Г.Е. Крейдлин, И.Б. Левонтина, Е.В. Падучева, А.Д. Шмелёв и др.). Однако основное внимание в трудах лингвистов сосредоточено на производной лексике, тогда как дериваты (производные слова) привлекались главным образом для уточнения отдельных положений. Акцент в нашей работе делается именно на производной лексике, т.е. на единицах, образованных от соматизмов (ср.: *сердечность, бессердечный, безглазый, рукастый, безголовый, обезглавленный* и др.). Последнее говорит о новизне привлеченного к анализу материала.

Методология. Описание фреймовой модели лексико-словообразовательного гнезда

Фреймовая модель лексико-словообразовательного гнезда. При построении фреймовой модели ЛСГ мы оперируем такими терминами, как фрейм, субфрейм, слот, пропозициональная схема и пропозиция.

Под *фреймами*, вслед за М. Минским [9], мы понимаем структуры знания, организованные вокруг некоторого понятия. В нашей модели фрейму соответствует конкретное ЛСГ. Вершину каждого гнезда, или фрейма, образует, как мы говорили, имя соматического объекта – производное слово (например, *рука, сердце, душа, голова, нога* и пр.). Так, например, гнездо с вершиной *сердце* являет собой фрейм «сердце».

Фрейм может подразделяться на субфреймы. Их количество зависит от числа значений, присущих базовому слову. Так, фрейм «сердце», определяющий структуру гнезда с вершиной *сердце*, имеет четыре субфрейма. Субфреймы, в свою очередь, подразделяются на слоты. Например: «количество» (указание на количество соматических объектов – *двоеглавый, многорукий, стеножка, двоедушник* и пр.), «размер» (описание размера соматического объекта – *большеголовый, ножница, мелкодушный, ручища* и др.), «форма» (специфическая форма соматического объекта – *круглоголовый, клещеножка, сердцеобразный* и пр. и др.). *Слот*, в терминологии М. Минского терминал, – это элемент фрейма, ориентированный на конкретизацию одного аспекта какого-то конкретного знания. Слот задает некоторую тему, объединяющую производные слова.

В пределах слотов выделяются *пропозициональные схемы*, в основе каждой из которых лежит предикация, т.е. предикат с его актантами. Важным на уровне единиц

словообразования является фиксация актантов, обозначенных как мотивирующим средством (базовым, исходным), так и формантом (словообразующим средством мотивированного слова). В результате заполнения ячеек пропозициональной схемы при помощи базового слова или его деривата образуется конкретная пропозиция – частная реализация данной пропозициональной схемы. Пропозиции объективируют лексико-словообразовательные значения каждого деривата.

Выявление в семантике производного слова структур пропозиционального типа восходит к теории семантического синтаксиса. В качестве распространителей предиката в пропозиции учеными выделяются разные типы актантов (субъект, объект, адресат, инструмент) и сирконстантов (локатив, темпоратив). Описание актантов с позиции семантического синтаксиса представлено в работах Г.А. Золотовой [10], В.В. Богданова [11], Т.В. Шмелевой [12] и других ученых. Кроме того, в пропозиции могут быть выделены смыслы фазисности, интенсивности, количественности и негации.

В нашей модели все распространители в пропозициональной схеме понимаются как актанты, среди которых выделяются объект, субъект, субъект-животное, совокупность субъектов-животных, субъект-вымышленное существо, признак, качество, процесс, средство, место, результат. Вычленение пропозиции в семантике производного слова, на наш взгляд, не должно сводиться к вычленению всех ситуаций. Наша задача – создать такую структуру, в которой была бы отражена зависимость производного и производящего слов.

Анализ деривационных единиц позволил выделить разные типы пропозициональных схем: двухактантные – схемы, в которых присутствуют все три элемента – предикат и два актанта (актант 1 – предикат – актант 2: пропозициональная схема «субъект – предикат – объект» реализуется в пропозиции «лицо, у которого болит соматический объект», соответствующей деривату *сердечник* ‘человек, страдающий заболеванием сердца’), и одноактантные – схемы, в которых присутствует лишь один актант (предикат – актант 1: пропозициональная схема «предикат – признак» соответствует пропозиции «действие, названное по признаку соматического объекта», реализующейся в слове *великодушничать* ‘быть великодушным’; предикат – актант 1: пропозициональная схема «признак-предикат – объект» с пропозицией «относящийся к соматическому объекту», характеризующие производное слово *душевный*₁, ‘относящийся к душе’. Наличие у деривата цифрового индекса говорит о многозначности этого слова).

В зависимости от того, какое слово является производным для деривата, пропозициональные схемы мы подразделяем на первичные и вторичные (в пропозициональную схему в этом случае вводятся буквенные индексы – «п» и «в»). К первичным пропозициональным схемам относим такие, где в роли второго актанта выступает вершина гнезда. Например, производное слово *сердечник* ‘врач, лечащий заболевания сердца’ соответствует пропозициональной схеме «субъект – предикат – объект» и пропозиции «лицо, лечащее больной соматический объект». Здесь мотивирующим словом выступает слово *сердце* как орган

тела человека. К вторичным пропозициональным схемам будут относиться такие, в которых в роли мотивирующего выступает производное слово, образованное от базового соматизма. Например, дериват *милосердствовать* ‘быть милосердным’ имеет в основе пропозициональную схему «предикат – признак» и пропозицию «действие, названное по признаку соматического объекта», где в качестве признака соматического объекта выступает слово *милосердный*. Позиции актантов пропозициональных схем, а также типы схем подробно описаны в диссертационном исследовании Е.А. Пономаревой [13].

Фрагмент фреймовой модели лексико-словообразовательного гнезда. Приведем пример фрагмента фреймовой модели ЛСГ с вершиной «сердце». Рассмотрим отдельные составляющие субфрейма 2 «Эмоциональное начало в человеке, средоточие в нем чувств, переживаний, личных отношений к кому-либо». Данный субфрейм представлен слотами: отношение, каритивность, качество, субъективная оценка, воздействие, функционирование.

Слот «каритивность», среди прочих, наполняет дериват *бессердечный* ‘жестокий, чуждый мягкости, сочувствию, сердечности в отношении к людям’, соответствующий пропозиции «характеризующийся качеством соматического объекта» и пропозициональной схеме «признак-(предикат) – объект_п» (где предикат – характеризующийся качеством, актант – *сердце* / объект).

Слот «качество» формируют дериваты *чистосердечие* ‘качество чистосердечного человека – искренность, откровенность’, *добросердечие* ‘качество человека, которому свойственны доброта, сердечное участие в жизни кого-либо’, *простосердечие* ‘качество человека, которому свойственны добродушие и простота, наивность, доверчивость, искренность’ и др. Все эти единицы соотносятся с пропозицией «качество, названное по признаку соматического объекта», которая, в свою очередь, реализована пропозициональной схемой «качество – предикат-признак_в» (где *именование по признаку* – предикат с актантом – *качество*).

В слот «воздействие» входят дериваты *сердцецепительный* ‘чувствительный, трогательный’, *сердцеукрепительный* ‘обжигающий грудь, сердце’, *сердцеёд* ‘мужчина, пользующийся большим успехом у женщин’ и др. Первые два слова опираются на пропозицию «характеризующийся воздействием на соматический объект», закрепленную за пропозициональной схемой «признак-(предикат) – объект_п», а третье – на пропозицию «лицо, воздействующее на соматический объект» и схему «субъект – предикат – объект_п».

Построенная фреймовая модель ЛСГ показывает индивидуальность каждого деривата, которые образуются с опорой на определенные структуры – слоты, пропозициональные схемы, пропозиции. Одна и та же схема, а также пропозиция или слот могут являться основой именования целого ряда дериватов. При этом пропозициональные схемы, будучи более абстрактными структурами по сравнению с пропозициями, могут быть исчислены. Иными словами, глубинные структуры имеют типизированный характер. Эти ти-

пизированные структуры фреймовой модели гнезда легли в основу создания электронной базы данных «Соматическая лексика русского языка и его диалектов».

Прикладной результат фреймовой модели лексико-словообразовательного гнезда – электронная база данных

Электронная база «Соматическая лексика русского языка и его диалектов» – это собрание в электронной форме производной лексики русского литературного языка и русских диалектов, наполняющих лексико-словообразовательные гнезда с вершинами-соматизмами. База призвана в автоматическом режиме осуществлять поиск соматических дериватов по разного рода запросам: по общим фреймам, субфреймам, слотам, пропозициональным схемам, конкретным пропозициям и по форманту искомого производного слова.

Электронная база представляет собой веб-приложение «*vocabulary-frame*», которое состоит из клиентской и серверной частей. Клиентская часть реализует пользовательский интерфейс, формирует запросы к серверу и обрабатывает ответы от него. Доступ к клиентской части осуществляется посредством веб-браузера по адресу: <http://vocabulary-frame.sfu-kras.ru>. Серверная часть приложения написана на языке программирования PHP и JavaScript. Данные веб-приложения *vocabulary-frame* хранятся в базе данных, основанной на реляционной модели с табличным способом хранения данных. База состоит из нескольких отдельных файлов (таблиц), каждый из которых представляет собой организованное собрание связанных записей. Записи формируются набором данных, где элементы представляет собой поле. Чтобы извлечь нужную информацию из базы или внести новые сведения, необходимо специальное программное обеспечение – Система управления базами данных (СУБД – программа, позволяющая создать новый электронный ресурс, открыть существующий, просмотреть записи, выбрать необходимую информацию по условию, удалить запись и т.д.). База данных *vocabulary-frame* использует СУБД MySQL и содержит следующие взаимосвязанные таблицы: фрейм, субфрейм, слот, схема (пропозициональная схема), пропозиция, формант. Работая с веб-приложением «*vocabulary-frame*», пользователь составляет запрос, выбирает (комбинирует) необходимые значения, отображаемые в клиентской части; запрос отправляется на сервер, где происходит его обработка; сервер генерирует веб-страницу и от-

правляет ее обратно, пользователь видит в клиентской части результат запроса.

Продemonстрируем возможности работы с базой на конкретных примерах. Так, пользователь хочет посмотреть организацию фрейма «сердце» в базе. Для этого нужно в таблице с заголовком «фрейм» выбрать нужную единицу и нажать на кнопку «поиск». Получаем списки субфреймов, слотов, схем, пропозиций, соответствующих конкретным производным словам. Здесь же отображены значение каждого деривата, его производящая база и словообразующий формант.

Поиск в базе можно сузить, задав нужный запрос. Например, пользователь хочет посмотреть, какие единицы соответствуют слоту «лечение» в фрейме «сердце». Выбираем в соответствующих таблицах нужный фрейм, слот и нажимаем на кнопку «поиск». Можно отфильтровать дериваты всех гнезд базы на соответствие слоту «лечение». В этом случае нужно сделать запрос только в таблице «слот», выбрав нужный, в остальных таблицах должны высвечиваться заголовки: «фрейм», «субфрейм», «схема», «пропозиция», «формант». Таким же образом можно отфильтровать дериваты с одним формантом. Если задать в качестве параметра поиска, например, формант – *аст(ый)*, то в качестве результата база выдаст дериваты, образованные суффиксальным способом посредством указанного суффикса: *головáстый, ногáстый, ручáстый* и др.

Иными словами, поиск в базе можно осуществлять как по одному показателю (фрейм, слот, формант и др.), так и по их комбинации. Чем больше позиций (ограничений) установим в запросе, тем меньшее количество единиц получим. Включая дериваты в базу данных, мы учитываем наличие в гнездах полисемичных производных слов. Каждая лексема вокабулы сопровождается цифровым индексом. Отсутствие у единицы гнезда такого индекса сообщает о том, что дериват моносемичен.

В настоящий момент в электронную базу включены единицы семи лексико-словообразовательных гнезд с вершинами *сердце, душа, голова, рот, нос, рука, нога*. Общее количество единиц разного уровня, представленных в базе, отображено в таблице. Преимущество программного устройства представляемой электронной базы данных состоит в возможности пополнять ее языковыми данными. Будучи полностью заполненной материалом электронная база позволит с большей эффективностью описывать конкретные смысловые объединения соматических объектов (в нашей модели эти смысловые объединения фиксируются в части «слоты»).

Т а б л и ц а

Фрейм	Голова	Нога	Душа	Сердце	Рука	Нос	Рот
Количество субфреймов	8	2	4	4	1	5	3
Количество слотов	15	12	10	11	9	12	5
Количество пропозициональных схем	14	12	9	11	14	9	6
Количество пропозиций	53	37	21	21	35	35	10
Количество лексем	186	171	125	104	154	230	21

При работе над электронной базой был выявлен ряд трудностей, на решение которых, среди прочего, было направлено наше исследование.

1. Прежде всего, трудность представляет введение языкового материала в базу. Например, формирование субфреймов каждого фрейма требует четкого вы-

деления всех значений непроизводной единицы – вершины гнезда. В современных лексикографических источниках значения слов трактуются с позиции научной картины мира, тогда как в предложенной нами модели они формулируются с точки зрения обыденного языкового сознания. Это требует формулирования дополнительных значений базового слова, отсутствующих в словарях. Такие значения выделялись нами на основе функционирующих в языке контекстов и деривационного языкового материала.

Сравните, например, значение слова *рука* в Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов (с. 842) в первом значении – ‘одна из двух верхних конечностей человека от плеча до кончиков пальцев, а также от запястья до кончиков пальцев’. В разрабатываемой модели мы формулируем на основе указанного два значения, каждое из которых соответствует самостоятельному субфрейму: 1. Одна из двух верхних парных частей тела человека от плеча до кончиков пальцев (ср.: *Он писарь, и ему на фронте оторвало правую руку.* М. Шишкин. Венерин волос); 2. Часть руки человека от запястья до кончиков пальцев (ср.: *Взять рукой*). Выделению самостоятельных двух значений на базе одного способствовал языковой материал. Сравните семантику дериватов, включенных в контекст:

(1) Подошёл американец, лауреат Нобелевской премии, нескладный, *длиннорукий*. (Д. Гранин. Зубр);

(2) В годы войны он, *однорукий* летчик, лично сбил шесть фашистских самолетов и еще два – в паре с другим летчиком. (В. Симонин. Кавказский марш-рут миротворцев);

(3) Знакомая *безрукавка* зеленого бархата висела на ней, худые плечи торчали. (В. Каверин. Два капитана);

(4) Она сняла перчатку; *ручка* была восхитительна и, не в укор будь сказано нашим степным дамам, редкой белизны, кроме того изобличала самую внимательную об ней заботливость. (В.А. Соллогуб. Метель);

(5) *Рукавица* с кроличьей оторочкой была высушена из снега и на ней лежали часы. (В. Астафьев. Пастух и пастушка. Современная пастораль).

Контексты демонстрируют четкую закреплённость каждого из выделенных дериватов за одним из двух субфреймов разрабатываемой нами модели: *длиннорукий, однорукий, безрукавка* соответствуют первому субфрейму, *ручка и рукавица* – второму.

2. Кроме того, одним из проблемных вопросов, стоящих перед нами, явилось вычленение пропозиций и соотнесение их с той или иной пропозициональной схемой на базе значения каждого производного слова. При установлении актантов пропозициональной схемы и пропозиции главная трудность, с которой мы столкнулись, заключалась в том, чтобы избежать полной зависимости пропозициональной схемы от значения деривата. Решая эту проблему, при формулировке пропозициональных схем и пропозиций, соответствующих конкретным дериватам, было принято отображать те семантические актанты и их языковые корреляты, которые воспроизводят ситуацию, зафиксированную в лексико-словообразовательном значении производного слова. Существенна в этой связи

регистрация актантов, означенных мотивирующим и мотивированным словами.

3. Включая языковой материал в электронную базу, мы опирались в первую очередь на данные литературных и диалектных лексикографических источников. Но при сборе материала были обнаружены соматические дериваты, отсутствующие в лексикографических источниках, но имеющие место в языке, что подтверждается контекстуальным окружением этих единиц. Такие слова тоже включались в электронную базу. Например, значение слова *ручноз* ‘с применением физической силы, при помощи рук’ было выведено нами из следующего контекста: «Протодиякон Петр Михайлов имеет от папы указ: «во время шумства унимать словесно и ручно». [Д.С. Мережковский. Петр и Алексей]. К этой же группе слов относим дериват *клювонос*₁ ‘специальная повязка для фиксации головы ребенка в машине, чтобы он не «клевал носом»’ (ср.: Клювоносы прошли краш-тест, который показал, что при малейшем столкновении автомобиля они смягчают удар и минимизируют вероятность повреждения шейных позвонков, так как надежно фиксируют положение головы ребенка. [О Клювоносе. Клювонос <https://kluvonos.ru/pages/page-1>]). Подобные единицы извлекались путем сплошной выборки из текстов художественной литературы и интернет-сайтов. В разработанной нами электронной базе каждое производное слово сопровождается контекстом со ссылкой на источник.

Остановимся на вопросе, касающемся **перспектив работы с электронной базой**, ее исследовательских **задачах и преимуществах**. Данный справочно-поисковый ресурс позволяет говорить о лексико-словообразовательных гнездах как о структурах фреймового типа, которые включают деривационную информацию в упорядоченном виде и объективируют данные о картине мира русского языка. Материал электронной базы, на наш взгляд, откроет новые пути и средства для решения ряда теоретических и практических задач.

Данная база может быть полезна при анализе и описании концептуального устройства семантики дериватов, входящих в состав того или иного гнезда. Поисковая система электронной базы способна выявлять типизированные смыслы на уровне слотов и пропозициональных схем, заключенных в значении дериватов. Например, для гнезд с вершинами *сердце, душа, голова, рука, нога* поиск в базе позволяет выделить типизированные слоты «качество» (ср.: *слабоголовый* ‘глупый, неумный’, *мохнатонóжка* ‘кто-либо с мохнатыми ногами’, *твердосéрдый* ‘чуждый сердечности, милосердия, с жестким сердцем’, *добродушный* ‘добрый и мягкий по характеру, незлобивый’, *тонкорукий* ‘с тонкими руками’ и др.), «каритивность» (*безгла́вый* ‘без головы, с отрезанной головой’, *безно́гость* ‘отсутствие ног’, *бессердéчность* ‘отсутствие способности сопереживать, жестокость, равнодушие’, *обезду́шить* ‘нравственно опустошать, лишить души’, *обезру́чить* ‘лишиться руки, рук или способности владеть ими’ и др.).

Поиск в базе способен установить общие пропозициональные схемы, так, например, схеме «субъект –

предикат – объект_n» соответствуют дериваты: *главaрь* ‘зачинщик, руководитель, вожак’, *коротконoжка* ‘кто-либо с короткими ногами’, *сердця* ‘ласково-сострадательное обращение к человеку’, *сердцевидец* ‘человек, ведающий, знающий человеческое сердце, переживания человека’.

Будучи полностью построенной, база позволит: (1) определить наиболее существенные для человека и его жизнедеятельности смыслы, заключенные в производной соматической лексике каждого гнезда; (2) систематизировать и описать производную лексику русского языка, литературную и диалектную (именно в диалектной и просторечной лексике в большинстве своем заключена национальная специфика); (3) установить общность и отличия разных гнезд на глубинном и поверхностном уровнях фреймовой модели; (4) вскрыть разнообразные ассоциативные связи между значениями производных слов; (5) выявить деривационный потенциал каждого гнезда; (6) прогнозировать формально-семантическое развитие гнезд.

Электронная база предназначена в первую очередь для научных исследований производной соматической лексики русского языка. Прежде специалисту для сбора, например, дериватов, образованных одним способом словообразования, необходимо было просмотреть словообразовательные гнезда с вершинами-соматизмами в Словообразовательном словаре русского языка А.Н. Тихонова (1995 г.) и вручную выписать нужные единицы. Эта деятельность была очень трудоемкой и занимала много времени. Электронная база снимает ограничение на скорость поиска информации. Кроме того, преимуществом Электронной базы, по сравнению с указанным словообразовательным словарем, является то, что каждое производное слово сопровождается толкованием и контекстуальным окружением.

Заключение

Метод моделирования языковых единиц, являющийся одним из активно используемых в когнитив-

ных исследованиях, позволяет обнаружить закономерности языковых и мыслительных операций человека, а также установить разного рода связи между единицами языка. Предложенная в данной работе оригинальная методика фреймового моделирования комплексной деривационной единицы – лексико-словообразовательного гнезда – направлена на эксплицитное отображение семантики дериватов, представленной на разных уровнях абстракции: глубинных (пропозиционные схемы и пропозиции) и поверхностном (лексико-словообразовательное значение деривата). Структуры глубинного уровня имеют типизированный характер.

Рассмотрение ЛСГ как когнитивной структуры в виде фрейма с его целостной концептуальной организацией представляется нам весьма перспективным. Фреймовая структура обеспечивает категориальное и семантическое структурирование языковых и культурных знаний о базовом слове и производных словах, наполняющих каждое ЛСГ. В свою очередь, ЛСГ обладает ярким прогнозирующим свойством, позволяющим выявить деривационный потенциал слова, в значительной мере зависящий от степени прагматической значимости для человека предметов, названных базовыми словами или их производными.

Фреймовая модель лексико-словообразовательного гнезда легла в основу создания электронной базы данных «Соматическая лексика русского языка и его диалектов», которая ориентирована на поиск дериватов по следующим параметрам: фрейм, субфрейм, слот, пропозиционная схема, пропозиция, словообразовательный формант. Разработанный электронный ресурс дает возможность взглянуть на языковую картину мира человека с позиций словообразовательных механизмов, заложенных в сознании человека. Исследования производной соматической лексики русского языка позволяют не только вскрыть некоторые механизмы словопорождения, но и продемонстрировать упорядоченность и системность информации об окружающем мире, хранящейся в сознании человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1996. 104 с.
2. Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Тезисы II Международной конференции «Филология и культура». Тамбов, 1999. С. 62–68.
3. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье». Волгоград : Перемена, 2003. 164 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
5. Пименова М.В. Концепт сердце: образ, понятие, символ. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2007. 500 с.
6. Евсеева И.В. Фреймовая организация комплексных единиц словообразовательной системы // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 163–172.
7. Вакк Ф. О соматической фразеологии в современном эстонском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1964. 24 с.
8. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Тело в диалоге: семантическая концептуализация тела (итоги проекта). Ч. 2. Признаки соматических объектов и их значения // Труды Международной конференции «Диалог – 2010». М., 2010. С. 382–388.
9. Минский М. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979. 152 с.
10. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского языка. М. : Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
11. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1977. 204 с.
12. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск : Красноярский гос. ун-т, 1994. 46 с.
13. Пономарева Е.А. Фреймовое моделирование лексико-словообразовательных гнезд с вершинами – именами соматических объектов (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2017. 212 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ефремова Т.В. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М. : Русский язык, 2000. 1235 с.

2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 18.02.2019).
3. Словарь русских народных говоров. Т. 1–47. М. ; Л. : Наука; СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 1965–2014.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999.
5. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М. ; Л. : АН СССР, 1948–1965.
6. Словарь вологодских говоров: в 12 вып. Вологда : ВГПУ : Изд-во «Русь», 1985–2007.
7. Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края / под общ. ред. О.В. Фельде (Борхвальдт). Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2008.
8. Словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск : Наука, 1999. 304 с.
9. Словарь русских народных говоров южных районов Красноярского края. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1988. 448 с.
10. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: Дополнение: в 2 ч. / С.В. Сыпченко, Р.Я. Тюрина, М. Н. Янценецкая и др.; под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1975.
11. Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2001. 960 с.
12. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Ок. 145 000 слов. М. : Рус. яз., 1985.
13. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1934–1940.
14. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.
15. Ширинов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Комплексное описание русской лексики и словообразования. М. : ООО «Издательство АСТ 2 : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство «Русские словари» : ЗАО НПП «Ермак», 2004. 1022 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 апреля 2019 г.

Cognitive Organization of a Lexical Derivational Family of Words as a Basis for Creating an Electronic Database

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 19–26.

DOI: 10.17223/15617793/443/3

Irina V. Evseeva, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ivevseeva@yandex.ru

Ekaterina A. Ponomareva, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kolokolnikova88@mail.ru

Keywords: lexical derivational family of words; somatic lexis; electronic database; frame; slot; propositional scheme; proposition.

The aim of the research is to construct a fragment of the cognitive model of the Russian national language. The fragment is based on the frame representation of Russian lexical derivational families of words and the processing of the relevant somatic information encoded in the basic and derivative lexis of this language. The material of the research is lexical derivational families formed from somatisms (words naming body parts). The authors analyzed literary, colloquial, dialect words and units of stylistically marked layers of vocabulary (e.g., slang). The choice can be explained by the fact that the analysis of not only literary, but also colloquial and dialect words demonstrates the universality of the language's deep structures, regardless of its speakers' place of residence and the sphere of language use. These deep structures are the basis of the derived units of the language. The main methodological approach was frame modeling of the lexical derivational families of words. While constructing a frame model of the lexical derivational family of words, such terms as frame, subframe, slot, propositional scheme and proposition were used. The meta-language of lexical derivational families' description is oriented to be used in the electronic database "Somatic Lexis of the Russian Language and Its Dialects", which is designed to automatically search for somatic derivatives by various kinds of requests. An analysis of derivational language units reveals the types of knowledge people refer to while forming a new word. Native speakers unite derivatives organizing a concept into groups by virtue of categorization principles. The concept is represented in the language as the basic word. The knowledge put in the derivatives reveals the way native speakers transfer the main features of the basic word to the objects of the surrounding reality and name them by means of this word. Thus, the lexical derivational family of words is considered as a fragment of the concept fixed in the language at the derivational level. The original method of frame modeling of lexical derivational families of words proposed in this article is aimed at an explicit demonstration of derivatives' semantics at different levels of abstraction: the deep level (propositional schemes and propositions) and the superficial level (lexical and derivational meaning of the derivative). It is shown that the structures of the deep level have a typed character. When completed, the database "Somatic Lexis of the Russian Language and Its Dialects" is supposed to be a resource which represents families of words as structures (1) containing structured language information and (2) objectifying data which exemplify the Russian linguistic view of the world. Moreover, the language material in the electronic database will help to (3) determine the kind of information contained in the derivatives that is the most important for native speakers, (4) discover the common and distinctive features of different families of words at different levels of the frame model, (5) identify the derivational potential of each family of words, (6) predict the structural and semantic development of families of words.

REFERENCES

1. Babushkin, A.P. (1996) *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of concepts in the lexical and phraseological semantics of the language]. Voronezh: Voronezh State University.
2. Boldyrev, N.N. (1999) [Conceptual structures and linguistic meanings]. *Tezisy II Mezhdunarodnoy konferentsii "Filologiya i kul'tura"* [Abstracts of the II International Conference "Philology and Culture"]. Tambov: Tambov State University. pp. 62–68. (In Russian).
3. Vorkachev, S.G. (2003) *Sopostavitel'naya etnosemantika teleonomnykh kontseptov "lyubov'" i "schast'e"* [Comparative ethnosemantics of the teleonomic concepts "love" and "happiness"]. Volgograd: Peremena.
4. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
5. Pimenova, M.V. (2007) *Kontsept serdtse: obraz, ponyatie, simbol* [Concept "heart": Image, concept, symbol]. Kemerovo: Kemerovo State University.
6. Evseeva, I.V. (2011) The frame organization of word-formation system's complex units. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 4. pp. 163–172. (In Russian).
7. Vakk, F. (1964) *O somaticheskoy frazeologii v sovremennom estonskom yazyke* [On somatic phraseology in modern Estonian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tallin.
8. Kreydlin, G.E. & Pereverzeva, S.I. (2010) [Body in dialogue: semantic conceptualization of the body (project results). Part 2. Signs of somatic objects and their meanings]. *Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog–2010"* [Proceedings of the International Conference "Dialogue–2010"]. Moscow: Nauka, pp. 382–388. (In Russian).

9. Minsky, M. (1979) *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [A Framework for Representing Knowledge]. Moscow: Energiya.
10. Zolotova, G.A. (2006) *Sintaksicheskii slovar': Repertuar elementarnykh edinit russkogo yazyka* [Syntax dictionary: Repertoire of elementary units of the Russian language]. Moscow: Editorial URSS.
11. Bogdanov, V.V. (1977) *Semantiko-sintaksicheskaya organizatsiya predlozheniya* [The semantic-syntactic organization of the sentence]. Leningrad: Leningrad State University.
12. Shmeleva, T.V. (1994) *Semanticheskii sintaksis: tekst lektsiy iz kursa "Sovremennyy russkiy yazyk"* [Semantic syntax: Lectures of the course "Modern Russian language"]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
13. Ponomareva, E.A. (2017) *Freymovoe modelirovanie leksiko-slovoobrazovatel'nykh gnezd s verшинami – imenami somaticheskikh ob"ektov (na materiale russkogo yazyka)* [Frame modeling of lexical derivational families of words with names of somatic objects as nuclei (on the material of the Russian language)]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.

SOURCES

1. Efremova, T.V. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy: v 2 t.* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational: In 2 vols]. Moscow: Russkiy yazyk.
2. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/>. (Accessed: 18.02.2019).
3. Filin, F.P. & Sorokoletov, F.P. (eds) (1965–2014) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–47. Moscow; Leningrad: Nauka; St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS.
4. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy.
5. Chernyshev, V.I. et al. (eds) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [The dictionary of the modern Russian literary language: In 17 vols]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
6. Panikarovskaya, T.G. & Zorina, L.Yu. (eds) (1985–2007) *Slovar' vologodskikh govorov: v 12 vyp.* [Dictionary of Vologda dialects: in 12 vols]. Vologda: Volga State Pedagogical University: Izd-vo "Rus".
7. Fel'de (Borkhval'dt), O.V. (ed.) (2008) *Slovar' russkikh govorov tsentral'nykh rayonov Krasnoyarskogo kraia* [Dictionary of Russian dialects of the central regions of Krasnoyarsk Krai]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
8. Fedorov, A.I. (ed.) (1999) *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
9. Rogova, V.N. et al. (eds) (1988) *Slovar' russkikh narodnykh govorov yuzhnykh rayonov Krasnoyarskogo kraia* [Dictionary of Russian folk dialects of the southern regions of Krasnoyarsk Krai]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
10. Blinova, O.I. & Palagina, V.V. (eds) (1975) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi: Dopolnenie: v 2 ch.* [Dictionary of Russian old-time dialects of the middle part of the Ob: Supplement: In 2 parts]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2001) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.
12. Tikhonov, A.N. (1985) *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: v 2 t. Ok. 145 000 slov* [Derivational dictionary of the Russian language: In 2 vols. C. 145,000 words]. Moscow: Rus. yaz.
13. Ushakov, D.N. (ed.) (1934–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols]. Moscow: OGIZ.
14. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2007) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [The explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Azbukovnik".
15. Shirshov, I.A. (2004) *Tolkovyy slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: Kompleksnoe opisanie russkoy leksiki i slovoobrazovaniya* [Explanatory derivational dictionary of the Russian language: A comprehensive description of Russian vocabulary and word formation]. Moscow: OOO "Izdatel'stvo AST 2: OOO "Izdatel'stvo Astrel": OOO "Izdatel'stvo "Russkie slovari": ZAO NPP "Ermak".

Received: 06 April 2019

А.В. Загребельный

АВТОРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЧНО-ПОГОВОРОЧНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА 1905–1907 гг., ОБРАЗОВАННЫЕ НА БАЗЕ ГЕНЕРАЛИЗОВАННЫХ СТРУКТУРНЫХ МОДЕЛЕЙ ПАРЕМИЙ-ИСТОЧНИКОВ

Рассмотрен один из механизмов образования авторских паремий русского языка периода 1905–1907 гг., состоящий в использовании генерализованных структурных моделей рядов существующих в языке паремий, имеющих схожие структуры и смысловое наполнение. Выполнен лингво-семиотический и культурно-исторический анализ авторских паремий «*Всякая скотина идет ко двору*»; «*Кому жандарм, а тебе дяденька*»; «*Каков кабинет, таков и бюджет*», определены перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: авторская паремиология; генерализованная структурная модель паремии; анализ авторских паремий; широкий экстралингвистический контекст; язык политической сферы; пословица; поговорка; пословично-поговорочное выражение.

Паремии, являясь своеобразными языковыми аккумуляторами народной мудрости, всегда привлекали внимание исследователей. Сложность объекта изучения обусловила отсутствие общепринятого определения паремии, классификации данных единиц языка. Нет единого мнения ученых и в вопросах о месте паремий в языковой системе, их соотношении с другими единицами языка, определении статуса появляющихся паремий (проблема отнесения их к единицам языка или речи), методике их анализа и пр. За последние 20 лет в свет вышли сотни научных статей, посвященных различным аспектам исследования паремий, было защищено множество диссертаций. В центре внимания современных ученых-языковедов – общие вопросы теории и практики изучения паремий [1–5], семантика и функционирование паремий в русском и иностранных языках [6–8], объективация концептов паремиями [9–13], образование новых и трансформации существующих паремий [14–19], отражение картины мира в паремиологическом фонде языка [20–22], семантико-грамматические аспекты исследования паремий [23, 24], вопросы структурной паремиологии [25] и пр.

Наиболее интересным и перспективным в современной паремиологии представляется направление исследований новых паремий русского языка, в рамках которого решаются такие актуальные задачи, как регистрация традиционных и новых паремий, а также фиксация и функционально-стилистическая интерпретация их трансформ [15. С. 4].

В связи с тем, что в настоящее время «специализированное лингвистическое исследование русских антипословиц... ориентируется преимущественно на материалы современной прессы» [15. С. 9], особую актуальность приобретают научные изыскания в области исторической авторской паремиологии.

В ходе исследования текстов общественно-политических сатирических журналов периода первой русской революции было выявлено свыше 40 авторских паремий (*Старого воробья на овсе не поймаешь*; *Каков кабинет, таков и бюджет*; *Не красна Москва домами, а кровавыми следами*; *На войско надейся, а сам уезжай*; *Не все то золото, что лежит в Государственном банке*; *Бей, адмирал – наместником будешь*; *Люди думают, – так до чего-нибудь додумываются*, а мы с нашей Думой из раздумья не выходим; *Вот тебе, бабушка, и конституция*; *Корми сына до поры: вырастет – в тюрьму на казенные хлеба сядет* и др.). В других источниках начала XX в. (документах политических партий, воспоминаниях политических деятелей, стенографических отчетах заседаний депутатов Государственной думы, художественных произведениях и пр.) указанные авторские паремии не были обнаружены. Выявленные единичные примеры употребления авторских паремий никак не свидетельствуют о том, что данные новые образования не употреблялись активно в устной речи. Сложно себе представить, чтобы малые по объемам, но значительные по тиражам и количеству наименований журналы общественно-политической сатиры, которых «... в 1905–1907 гг. на русском языке вышло 263...» единицы [26. С. 21], активно не читались и не обсуждались в народе. Историки отмечают, что в период первой русской революции средства массовой информации распространялись в самых отдаленных уголках России: «в деревне в большом количестве распространялись газеты, брошюры, прокламации» [27. С. 431].

Цель настоящей статьи заключается в лингво-семиотическом и культурно-историческом анализе авторских пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений русского языка периода 1905–1907 гг., образованных на базе генерализованных структурных моделей функционирующих в языке паремий, на примере следующих выявленных единиц языка: *Всякая скотина идет ко двору*; *Кому жандарм, а тебе дяденька*; *Каков кабинет, таков и бюджет*.

Опираясь на работы В.П. Жукова, Е.Ю. Пономаревой, Н.Н. Амосовой, В.П. Фелицыной, З.К. Тарланова, В.Г. Дидковской, Л.А. Петровой, паремию мы будем рассматривать как языковую единицу, представляющую собой устойчивое воспроизводимое выражение предикативной структуры, выражающее суждение, «... являющееся маркером ситуаций или отношений между реалиями» [12. С. 132], «... в котором получают отражение и оценку культурно значимые феномены народной жизни» [28–31; 32. С. 69].

Пословица рассматривается нами как «... устойчивое выражение, образованное из деактуа-

лизированных компонентов, то есть компонентов, у которых полностью утрачены связи с первоначальными областями референции, и имеющее структуру предложения, характеризующееся наличием предикативности, неделимого значения» [33. С. 222], поговорка – как устойчивое выражение (зачастую назидательного, поучительного характера), имеющее лишь буквальный план (т.е. образованное на базе сохранивших свое исходное значение слов-компонентов) и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение [33. С. 7; 34. С. 11].

Под пословично-поговорочным выражением нами будет пониматься «... устойчивое выражение, образованное на базе деактуализированных и неактуализированных (сохранивших первоначальное значение) компонентов и имеющее структуру предложения» [28; 29; 33. С. 222].

Анализируя подвергшиеся различным структурно-семантическим трансформациям общеизвестные паремии, представляется принципиально важным определить с их терминологическим наименованием. Несмотря на наличие значительного количества научных исследований, посвященных изучению новых паремий, единства взглядов ученых в этом вопросе нет: в научной литературе подобные образования именуют антипословицами [15, 16, 19, 36–38], авторскими выражениями, трансформами [17], паремиями-трансформами [18], индивидуально-авторскими квазипаремиями [32], слоганами-трансформами и слоганами-конструкциями [39], новыми паремиями [40], квазифоризмами и квазипословицами [41], неопословицами [42].

В нашем исследовании для обозначения данных образований мы будем использовать составное терминологическое наименование *авторская паремия*, определяя его как вариант функционирующей в языке паремии, образованный конкретным человеком (группой людей) посредством использования соответствующего высшего логико-семиотического инварианта (в терминологии Г.Л. Пермякова), не приводящего к потере «узнаваемости» исходной структуры структурно-семантических трансформаций, в целях реализации конкретной, детерминированной определенными экстралингвистическими факторами, прагматической задачи автора.

Именуя в нашем исследовании трансформы классических паремий авторскими паремиями, мы акцентируем внимание на происхождении данных образований: все они создавались конкретными людьми (возможно, группами лиц) и использовались, по причине своей необычной формы, в качестве средств привлечения внимания читательской аудитории и акцентуации или экспликации определенных функциональных (прагматических) элементов [18. С. 5]. Имена авторов новых паремий нам не известны: в лучшем случае в журнальных статьях, презентующих данные паремии, указывался псевдоним. Так, например, в № 24 журнала «Зритель» за 1905 г. под перечнем опубликованных авторских паремий размещена подпись «УЖЪ».

Несмотря на то, что авторские паремии являются продуктом преобразования классических паремий

русского языка, данные единицы лишены ряда ключевых дифференциальных признаков паремий, на что указывают современные лингвисты. Так, Е.Е. Жигарина отмечает, что «специально создаваемые видоизмененные пословицы действительно обладают нетрадиционной структурой и специфическим набором функций, значительно отличающимся от тех, который принято ассоциировать с привычным текстом» [24. С. 8]. Под «привычным текстом» Е.Е. Жигариной как раз и понимается традиционная паремия. Х. Вальтер и В.М. Мокиенко отмечают, что антипословицы «по сравнению с традиционными паремиями... как бы нарочито «приземлены» и обычно не отрываются от конкретно-бытового концепта, их породившего» [15. С. 5]. По мнению С.В. Буренковой, «псевдопословицы отличаются от традиционных пословиц, кроме того, тем, что они, как правило, недолговечны, их существование в языке кратковременно. В отличие от настоящих изречений, модифицированные пословицы лишены такого важного признака, как широкая известность» [43. С. 82]. «Недолговечность» существования в языке авторских паремий, по всей видимости, является следствием их привязки к историческим реалиям, обусловившим их появление. В итоге авторская паремия может быть лишена таких признаков классических паремий, как воспроизводимость, выражение вневременной житейской мудрости, назидательности, поучительности.

При проведении анализа отобранных языковых единиц мы будем опираться на разработанную Г.Л. Пермяковым методику структурного (лингвосомиотического) анализа паремий [44, 45], использовать методы компонентного анализа и анализа словарных дефиниций.

В связи с тем, что рассматриваемый языковой материал ранее не становился предметом изучения других ученых-лингвистов, а также по причине отсутствия в современной лингвистике методики анализа исторически дистанцированных и политически детерминированных авторских паремий, представляется важным кратко представить общую логику анализа данных образований, привести определения используемых терминов, дать характеристику источников, в которых были выявлены авторские паремии.

На начальном этапе исследования был сформирован общий перечень выявленных авторских паремий. Далее – определены цель и задачи работы. Анализ выявленных единиц строится по следующей схеме: 1) на основании обращения к словарям пословиц и поговорок русского языка определяется паремия – источник трансформации, под которой понимается классическая паремия русского языка, структурно-содержательная основа которой послужила базой для образования новой языковой единицы; 2) приводится выражаемое ей суждение; 3) на основе сопоставления компонентного состава паремии-источника и выражаемого ей суждения определяется ее тип (пословица, поговорка, пословично-поговорочное выражение). Определение типа паремии-источника важно для последующего сопоставления с типом ее трансформы. Данное сопоставление позволяет сделать вывод об изменении степени «идиоматичности» классической

паремии в процессе ее трансформации, что, в свою очередь, необходимо для выявления характера взаимосвязи между реализуемой авторской паремией конкретной прагматической задачей акцентировать внимание читателя на определенной информации, самой формой представления этой информации и способностью читательской аудитории корректно воспринять новый смысл. К тому же, как известно, «употребление паремий-трансформов на страницах прессы провоцируется борьбой за читательский интерес...» [18. С. 3], а успех в этой борьбе может быть достигнут лишь в одном случае – при наличии полного понимания читателем заложенного, как правило, неизвестным автором смысла в новую паремию. На данном этапе исследовательской работы можно лишь предположить, что установка на понимание многочисленными читателями заложенного смысла должна была неминуемо приводить к регрессии степени «идеоматичности»; 4) приводятся структурные схемы паремии-источника и образованной на ее основе авторской паремии; 5) устанавливается принадлежность авторской паремии и ее системного прототипа к конкретному высшему логико-семиотическому инварианту, объективирующему положенную в основу исходной паремии и ее трансформации типическую ситуацию; 6) определяются логико-тематические группы, в составы которых входят паремия-источник и авторская паремия; 7) приводятся значения слов-компонентов анализируемой авторской паремии, дается (при наличии возможности) сумма данных значений; 8) приводится анализ экстралингвистического контекста, обусловившего появление новой паремии; 9) дается краткая содержательная характеристика других материалов, опубликованных в тех же выпусках журналов, что и исследуемые авторские паремии (это необходимо для подтверждения правильности «прочтения» содержания авторских паремий); 10) формулируется выражаемое авторской паремией суждение (суждения); 11) определяется тип авторской паремии.

В настоящей статье анализируются авторские паремии, образованные на базе генерализованных структурных моделей паремий-источников. Количество таких образований в общей массе выявленных авторских паремий невелико и составляет 5 единиц: *Всякая скотина идет ко двору; Каков кабинет, таков и бюджет; Кому жандарм, а тебе дяденька; Те же петли, да не на те бы головы; Конституция не балалайка – поиграешь, на стену не повесишь*. Последние две авторские паремии уже были рассмотрены нами в предыдущих работах [33, 46].

Авторские паремии, образованные на базе генерализованных моделей ряда структурно и семантически схожих паремий, противопоставлены всем другим авторским паремиям тем, что в процессе их образования использовалась не какая-то конкретная паремия, а целый ряд паремий. Возникает закономерный вопрос: почему нельзя считать все послужившие основой для новой единицы языка классические паремии – источниками трансформации? Конечно же, в широком смысле каждая из таких паремий, несомненно, выступает в качестве паремии-прототипа, привносит что-то «свое» в «конечный продукт», однако, руководству-

ясь изложенной выше логикой анализа авторских паремий, отсутствие возможности выбрать какую-либо одну классическую паремию из ряда других паремий, послуживших основой трансформации, вследствие их структурных и содержательных различий является, на наш взгляд, достаточным основанием для дифференциации авторских паремий, образованных на базе конкретных классических паремий, и образованных посредством генерализации ряда структурно и содержательно схожих паремий.

Все выявленные нами авторские паремии приведены однократно в отдельных рубриках журналов общественно-политической сатиры 1905–1907 гг. Так, например, на странице 6 выпуска № 24 журнала «Зритель», изданного в декабре 1905 г., авторские паремии представлены следующим образом: «Пословицы. 1. Снявши голову, не вешают. 2. Те же петли, да не на те бы головы. 3. Ешь щи с червями, а язык держи за зубами. 4. Царский манифест – для известных мест. 5. Всякая скотина идет ко двору. УЖЬ». Данный перечень авторских паремий нельзя назвать текстом по причине отсутствия таких ключевых дифференциальных признаков, свойственных тексту как высшей коммуникативной единице, как наличие объединенной смысловой связи последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность [47. С. 507]. Таким образом, мы вынуждены констатировать отсутствие собственно лингвистического контекста употребления анализируемых авторских паремий, понимая под контекстом «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [47. С. 238]. Тем не менее необходимость подтверждения полученных результатов содержательного анализа авторских паремий, выражаемых ими политически детерминированных суждений, определяет важность обращения к их ближайшему языковому «окружению». В итоге мы будем в рамках настоящей статьи использовать термин «контекст», понимая под ним не часть текста по отношению к анализируемой единице, а совокупность языковых единиц, составляющих наполнение рубрики, в которой данная анализируемая единица представлена. Также, по мере необходимости, нами будут приводиться краткие характеристики других размещенных в журналах материалов.

В связи с тем, что образование авторских паремий русского языка начала XX в., как показывает практика анализа, нередко связано с обыгрыванием тех или иных современных автору резонансных событий, действий, а также обстоятельств, при которых данные действия были совершены, характеристик реалий и т.д., в работе мы также по мере необходимости обращаемся к понятию языковой игры. Сами же вопросы обыгрывания существующих пословиц и поговорок и использования приемов языковой игры при создании авторских паремий неоднократно поднимались лингвистами [48. С. 314–319; 19; 49; 50 и др.].

Учитывая отсутствие в лингвистике единого мнения исследователей относительно статуса авторских

паремий, представляется важным кратко сформулировать позицию автора.

В вопросе об определении принадлежности авторских паремий к единицам языка или речи мы исходим из того, что изначально системный характер имеют структурные модели (в том числе и генерализованные) классических паремий, на базе которых образуются их трансформы. Использование «оболочек» общеизвестных паремий в качестве основ для образования новых единиц языка всегда преследует одну и ту же цель – доведение до широкой аудитории авторского отношения к конкретным явлениям, событиям современной автору паремии реальности. Принципиально важным в процессе создания паремии-трансформа является сохранение структуры (формальной и содержательной) паремии-источника, так как именно наличие общеизвестной основы обуславливает узнаваемость новой единицы. В свою очередь, «...«эффект узнавания» любой трансформы пословицы – необходимое условие ее популярности и функционирования» [15. С. 12]. Сам факт узнавания в авторской паремии ее системного прототипа свидетельствует о ее языковом (не речевом) статусе. Подобную логику рассуждений находим, например, в работах В.М. Мокиенко и Х. Вальтера [14–16].

Таким образом, в данном исследовании вслед за В.М. Мокиенко, Х. Вальтером, М.А. Сташковой и другими учеными нами рассматриваются авторские паремии в качестве языковых единиц.

Как было отмечено ранее, одной из задач настоящего исследования является научное обоснование узнаваемости носителями языка структурно-смысловых моделей функционирующих в языке паремий, послуживших основой для создания авторских паремий. Данная задача решается нами с опорой на труды Г.Л. Пермякова, Л.И. Швыдкой, С.С. Кузьмина, В.М. Мокиенко, Л.П. Дядечко, С.И. Гнедаш, Е.В. Жигариной, Н.Н. Федоровой и др. [15, 16, 38; 41, 51–53]. Обосновывая узнаваемость в авторской паремии ее системного прототипа, ученые-языковеды ссылаются на структурно-смысловое сходство производящего и производного (может иметься в виду не собственно тематическое сходство, а общность выражаемой типической ситуации) [15, 16, 38], хорошее знание русского языка, языковую интуицию. Так, Л.И. Швыдка, ссылаясь на работы И.Н. Горелова, К.Ф. Седова, С.С. Кузьмина и Л.П. Дядечко, отмечает, что одним из факторов неразрывной связи паремии-источника и авторской паремии выступает «...вероятностное прогнозирование отрезка текста на основе прошлого опыта, каковым можно считать стереотипное использование той или иной пословицы», т.е. «...как только мы слышим часть идиомы или пословицы, мы автоматически дополняем ее до исходной единицы...» [38. С. 236]. Апеллируя к трудам И. Сандомирской и Н.Г. Брагиной, Л.И. Швыдка отмечает, что «...данный психолингвистический фактор обеспечивает коллективную культурную идентичность как форму коллективной лингвокультурной памяти» [Там же]. Несколько иной позиции придерживается в этом вопросе Ю.В. Бутко, рассматривающая авторские паремии в качестве специально смоделированных

объектов языковой игры. По ее мнению, узнаваемость черт системного прототипа в новой паремии обеспечивается за счет лингвистической интуиции и «эвристичности» языкового мышления [19. С. 146]. Н.Н. Федорова отмечает, что «прототип классической пословицы, стоящий за... трансформами, легко узнается носителями языка» [53. С. 6].

Мы исходим из того, что образование новой авторской паремии возможно только при сохранении структуры логико-семиотического инварианта (в терминологии Г.Л. Пермякова) ее системного прототипа с появлением привязки к конкретным реалиям окружающего мира [38. С. 238], а узнаваемости структурно-смысловой модели паремии-источника, «просвечивающей» сквозь форму новообразованной единицы языка, как раз и способствует их (паремии-источника и авторской паремии) структурно-смысловое сходство: «...подавляющему большинству... пословиц можно найти прототип или хотя бы типологическую и структурную модель в русской «классической» паремиологии» [15. С. 12].

Обращение к разработанной Г.Л. Пермяковым теории структурной паремиологии и методике логико-семиотического анализа паремий при обосновании узнаваемости авторских паремий не является чем-то новым в языкознании. Так, например, Л.И. Швыдка, анализируя ряд авторских паремий, отмечает, что «в них сохраняется структура логико-семиотического инварианта прототипа и его тематического значения...» [38. С. 238]. При этом, исходя из содержания работы Л.И. Швыдкой, приведенное выше утверждение относится не только к конкретным авторским паремиям, а в целом к любым паремиям-трансформам. Типическая ситуация, объективируемая структурно-содержательной моделью паремии, на уровне содержания выступает в виде обобщенного значения, которое, в свою очередь, «...возникает в результате сопоставления или чаще противопоставления значений компонентов пословицы...», что «...ведет к появлению дополнительной дистрибуции, составляющей ее основное значение» [38. С. 238]. Возможность образования авторской паремии на базе паремии-источника Л.И. Швыдка как раз и связывает с наличием дополнительной дистрибуции, при которой становится возможной замена слов-компонентов паремии-прототипа на новые слова-компоненты без нарушения исходных отношений между ними [38. С. 238]. В итоге установление принадлежности паремии-источника и авторской паремии к одной и той же высшей логико-семиотической инвариантной группе представляется необходимым условием обоснования узнаваемости новой единицы языка.

Говоря о теории структурной паремиологии Г.Л. Пермякова, следует отметить, что всего им было выделено четыре высших логико-семиотических инварианта, подразделенных на логико-семиотические конструктивные типы и подтипы, в составе последних, в свою очередь, выделяются «...отдельные логико-тематические группы, охватывающие изречения, сходные не только по своей структуре, но и близкие по характеру объектов» [44. С. 21]. Так как классификация паремий разных языков, разработанная

Г.Л. Пермяковым, является достаточно сложной для восприятия, а цель и задачи, поставленные в данной статье, не требуют детального обращения к ней, мы будем использовать теорию структурной паремиологии Г.Л. Пермякова в редуцированном виде: нами будет определяться отнесение авторских паремий и их прототипов к тем или иным высшим логико-семиотическим инвариантным группам и выделенным в их составе конкретным логико-тематическим группам. Вхождение авторской паремии и паремии-источника в одну и ту же логико-тематическую группу не является обязательным условием узнаваемости «системной основы» авторской паремии, тем не менее, сохранение тематического единства обуславливает более сильную связь варианта и инварианта, может способствовать усилению образного потенциала новой языковой единицы.

Таким образом, в ходе анализа отобранных 3 авторских паремий мы будем научно обосновывать узнаваемость в них их системных прототипов путем установления общности структурной модели (определяются структурные модели авторских паремий, выявляются классические паремии, построенные по такой же либо схожей модели), определения принадлежности паремии-источника и авторской паремии к одной из четырех высших логико-семиотических инвариантных групп.

Одной из особенностей анализа авторских паремий является приведение значений образующих их слов-компонентов, что может, на первый взгляд, показаться излишним. Тем не менее определение языковых значений слов-компонентов, а также формулирование суммы их значений (при наличии такой возможности) представляется необходимым и принципиально важным для определения типа рассматриваемой авторской паремии: сопоставление выражаемого авторской паремией суждения с приведенными значениями образующих ее слов-компонентов позволяет однозначно идентифицировать первично и вторично маркированные компоненты, тем самым сделать соответствующий вывод о принадлежности авторской паремии к одному из трех типов (пословица, поговорка, пословично-поговорочное выражение).

В нашем исследовании мы будем использовать в качестве основного толкового словаря Большой толковый словарь русского языка, так как он построен на корпусе текстов XIX–XXI вв. и «в нем собрано и объяснено более 150 000 слов русского языка его классического (XIX в.) и нового (XX–XXI вв.) периодов» [54. С. 3], что в полной мере отвечает требованиям проводимого анализа. При необходимости (в случаях отсутствия соответствующих значений слов-компонентов) мы также будем обращаться к данным четырехтомного Словаря русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой, Словаря русского языка, составленного вторым отделением Императорской академии наук, семнадцатитомного Словаря современного русского литературного языка и некоторых других.

В ходе работы с текстами общественно-политической сатирической печати нами были выявлены авторские паремии, образованные на базе суще-

ствующих в языке паремий посредством использования различных трансформационных механизмов (расширение компонентного состава исходной паремиологической структуры; замена ключевых слов-компонентов паремии, сопровождающаяся языковым обыгрыванием конкретных экстралингвистических фактов; замена ключевых слов-компонентов паремии-источника без языкового обыгрывания экстралингвистических фактов; использование генерализованной структурной модели ряда структурно и семантически схожих паремий; замена одного слова-компонента паремии-источника, сопровождающаяся утратой переносного смысла и актуализацией политически детерминированного смысла и пр.). В данной статье мы рассмотрим авторские паремии, образованные на базе генерализованных моделей функционирующих в языке паремий, имеющих схожие структуры и обобщенное смысловое наполнение.

Авторская паремия *Всякая скотина идет ко двору* была опубликована 4 декабря 1905 г. в рубрике «Пословицы» № 24 журнала «Зритель» [55. С. 6]. В целях обоснования политического прочтения содержания паремии ниже приводится краткая характеристика издания и ближайшего языкового окружения исследуемой авторской паремии.

Как отмечают исследователи, «первой ласточкой новой сатирической печати в России был еженедельный журнал “Зритель”, начавший выходить в Петербурге 5 июня 1905 г.» [26. С. 14]. Издателем и редактором журнала был художник-портретист Ю.К. Арцыбушев. В числе постоянных сотрудников редакции были поэты Н. Фалеев (Чуж-Чуженин), В. Зоргенфрей, Ф. Сологуб, А. Рославлев, В. Лихачев, Саша Черный, Я. Годин, В. Башкин, Л. Андрусон и некоторые другие [26. С. 14]. В соответствии с выданным разрешением «Зритель» должен был издаваться как иллюстративный юмористический журнал, содержащий литературный, художественный разделы, хронику и объявления. Однако редакция журнала (как и многих других сатирических журналов периода первой русской революции) поставила перед собой совсем другую цель: как высмеивание отдельных государственных деятелей, представителей политических партий, конкретных политических сил, так и «...уничтожающую критику всего механизма русской государственности, всей иерархии паразитизма и хищничества...» [26. С. 8]. Цензура не была помехой для размещения в нем подобных материалов. Редакция журнала «...избрала особую тактику: каждый номер от начала и до конца был проникнут антиправительственной тенденцией, трудноуловимой для формальных цензурных придинок, но совершенно явственной для читателя, способного с полуслова понимать и оценивать сказанное» [26. С. 14]. Журнал пользовался большой популярностью среди читателей, тиражи отдельных его выпусков доходили до 100 тысяч [56. С. 591].

Антиправительственная направленность содержания журнала приводила к тому, что его отдельные номера изымались из печати. Так, «№ 24 был конфискован за: 1) стих. “Экспромт”, 2) сказку о тульском Правше, 3) “Поучение детям”, 4) стих. “Митинг”,

5) “Письмо в редакцию”, 6) стих. “Так болтали в кофейнях Багдада”, 7) пословицу “Царский манифест для известных мест”, 8) стих. “Сомнение”, 9) подпись под рисунком на стр. 5 “Слухи»» [57. С. 32].

Ближайшим языковым окружением авторской паремии *Всякая скотина идет ко двору* являются авторские паремии *Снявши голову, не вешают; Те же петли, да не на те бы головы; Ешь щи с червями, а язык держи за зубами* и *Царский манифест – для известных мест*. Предшествует рубрике «Пословицы» «Сказка о тульских правшах и о золотой блохе», в которой в индизнавательной форме говорится о забастовках рабочих и их борьбе за свои права: например, «– Не хотим, – говорят, – дымить больше восьми часов в сутки и не хотим, молвят, чтобы золотая блоха кровь нашу пила да пухла» [55. С. 6]. После пословиц в журнале размещен материал «Поучение детям», повествующий о двух мальчиках: Ванечке (возможно, имеется в виду санкт-петербургский градоначальник (с 12.02.1904 по 11.01.1905), а позднее командир 11-го армейского корпуса (с 01.06.1905 по 06.08.1911) Иван Александрович Фуллон) и Коленьке (речь идет об императоре Николае II), первому из которых родители не позволили забрать с собой весь двор («уток, гусей, порослят, собак») при переезде с дачи в город. Второй же мальчик вместе со своим двором переезжает с дачи на дачу и в городе не показывается [55. С. 6]. Как видим, неизвестным автором (материал подписан псевдонимом Н.И. Мюрь) высмеивается поведение императора и его приближенного в период подготовки вооруженного восстания в декабре 1905 г.

Обращение к словарям пословиц и поговорок русского языка не позволило установить паремии-источник, на базе которой могла быть образована рассматриваемая единица языка [28, 29, 58–60 и др.].

В целях определения механизма образования анализируемой авторской паремии обратимся к ее структурной модели, которая может быть представлена в следующем виде: опр. мест. *всякий* в форме им. п. ед. ч. + сущ. в форме им. п. ед. ч. + глагол в форме 3-го л. ед. ч. н. в. + предлог *ко* + сущ. в форме дат. п. ед. ч.

В ходе работы с профильными словарями русского языка были выявлены следующие пословицы и поговорки, структурно схожие с анализируемой авторской паремией: *Всякая птица свое гнездо любит, Всякая работа мастера хвалит, Всякая сосна своему бору шумит, Всякий поп свою обедню служит, Всякий человек вперед смотрит, Каждая собака в своей шерсти ходит* и пр. [28, 29, 58–60 и др.].

Перечисленные выше функционирующие в языке пословицы и поговорки со схожей структурной организацией и образованная на их базе анализируемая авторская паремия в соответствии с разработанной Г.Л. Пярмяковым классификацией относятся к высшему логико-семиотическому инварианту II (2), в котором «...моделируются отношения между вещами в зависимости от наличия у них определенных свойств: если вещь P обладает каким-нибудь (положительным) свойством (x), а вещь Q не обладает этим свойством ($\bar{x}$), то вещь P лучше, чем Q» [44. С. 21]. В схематическом виде данный логико-семиотический инвариант может быть представлен в следующем ви-

де: $[(P \rightarrow x) \wedge (Q \rightarrow \bar{x})] \rightarrow (P > Q)$, где знаком $\rightarrow$ обозначена импликация, знаком $\wedge$ – конъюнкция, знаком $>$ – преференция [42. С. 21]. Паремии-источники и их трансформ (авторская паремия) входят в состав логико-тематической группы «Свое – Чужое» [44. С. 144–145].

В итоге можно предположить, что автором паремии *Всякая скотина идет ко двору* в качестве источника была использована не какая-то конкретная существующая в языке пословица, а генерализованная структурная модель, полученная путем обобщения целого ряда частично схожих (в структурном и смысловом отношении) паремий.

Для того чтобы сформулировать суждение, выражаемое рассматриваемой единицей языка, обратимся к анализу образующих ее слов-компонентов, а также событиям общественно-политической жизни Российской империи, которые могли обусловить ее появление.

Определительное местоимение *всякий* имеет значение ‘1. Каждый, любой’ [54. Т. 3. С. 311].

Существительное *скотина* определяется как ‘1. Собирает. Четвероногие сельскохозяйственные животные; скот’ [61. Т. 13. С. 1038].

Глагол *идти*, употребленный в форме 3-го л. н. в., имеет следующее толкование: ‘1. Двигаться, передвигаться, ступая ногами, шагая’ [54. Т. 7. С. 52].

Предлог *ко* ‘употребляется при обозначении места, лица, в сторону которого направлено действие, движение’ [54. Т. 7. С. 508].

Существительное *двор* имеет значение ‘2. Крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками при нем; отдельное крестьянское хозяйство’ [54. Т. 4. С. 556].

Таким образом, механическая сумма значений компонентов рассматриваемой авторской паремии может быть представлена в следующем виде: ‘любое четвероногое сельскохозяйственное животное передвигается, ступая ногами, в сторону крестьянского дома со всеми хозяйственными постройками при нем’.

В связи с тем, что сумма значений слов-компонентов рассматриваемой паремии позволяет сформулировать лишь суждение, выражаемое не собственно ею, а свободным предложением того же лексического состава, можем заключить, что имела место вторичная семантическая маркированность слов-компонентов (кроме компонента *всякий*, у которого сохранилась соотнесенность с соответствующим словом свободного употребления), явившаяся следствием смены их первоначальных областей референции.

Принимая во внимание тот факт, что в Российской империи XIX – нач. XX вв. сочетание *ко двору* могло употребляться в значении ‘домой’ [54. Т. 4. С. 556], анализируемая паремия при прямом «прочтении» составляющих ее слов-компонентов могла выражать следующее суждение: ‘каждое живое существо возвращается в свой дом’. В таком случае тип анализируемой паремии следовало бы определить как пословично-поговорочное выражение. Однако учитывая специфику источника, в котором была выявлена рассматриваемая авторская паремия, а также преследуемые ее автором цели, с большой вероятностью воз-

можно предположить, что она должна выражать иное, политически детерминированное суждение.

Основным значением слова *двор* является следующее: '1. В странах с монархическим правлением – монарх и приближенные к нему лица. Правительство, кабинет министров' [54. Т. 4. С. 557]. В ближайшем языковом окружении исследуемой авторской паремии (материал «Поучение детям») под словом *двор* также понимается совокупность приближенных к государю лиц: «Не хотелось маленькому Ванечке с дачи в город перебираться, но что делать! Хотел он хоть забрать с собой летних друзей своих: уток, гусей, порослят, собак, словом весь двор – не позволили ему папа с мамой, и горько он заплакал, и завидовал другому мальчику Коленьке, который даже на зиму в город не показывается, с дачи на дачу, знай, переезжает, да за собой всякую скотину, весь двор таскает» [55. С. 6].

Вся полнота власти в Российской империи до издания «Высочайшего манифеста об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. принадлежала императору. После же обнародования указанного документа полномочия Николая II были формально ограничены: «3. Установить, как неизблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий постановленных от нас властей» [62. С. 1].

20 февраля 1906 г. вышел в свет «Высочайший манифест о преобразовании Государственного совета», в соответствии с которым Государственный совет Российской империи был, по сути, преобразован в верхнюю палату парламента, в функции которой входило итоговое рассмотрение законопроектов, подготовленных в Государственной думе. Сокращение полномочий Думы было также отражено в Основных государственных законах Российской империи, принятых 23 апреля 1906 г.

В итоге уже в 1906 г. полнота самодержавной власти была вновь юридически закреплена за императором.

В 1905 г. в число ключевых фигур политической жизни страны входили следующие лица: председатель Совета министров С.Ю. Витте; министр внутренних дел П.Н. Дурново; санкт-петербургский генерал-губернатор (с 11 января по 25 октября 1905 г.) дворцовый комендант (с 26 октября 1905 г.) Д.Ф. Трепов; член Государственного совета генерал-адъютант В.Б. Фредерикс; вице-адмирал (1899 г.) московский генерал-губернатор (1905 г. – начало 1906 г.) Ф.В. Дубасов; градоначальник Санкт-Петербурга (1904–1905 гг.) И.А. Фуллон.

Представленный перечень имен известных государственных деятелей 1905 г., конечно же, не является исчерпывающим. Нами приведены фамилии лиц, работа которых постоянно находилась под пристальным вниманием общественности. В значительной мере все ключевые события общественно-политической жизни страны 1905 г. были так или иначе связаны с деятельностью указанных чиновников. Именно фамилии данных лиц наиболее часто встречались на стра-

ницах периодических изданий (в том числе и общественно-политической сатиры) рассматриваемого временного периода. Подобная ситуация неудивительна: председатель Совета министров, московский и санкт-петербургский генерал-губернаторы, градоначальники двух главных городов Российской империи, министр внутренних дел и прочие находились на передовой борьбы с революцией, их «руками» проводилась политика царской власти.

С.Ю. Витте, П.Н. Дурново, Д.Ф. Трепов и другие составляли ближний круг императора, «образовывали» так называемый двор – совокупность лиц, приближенных к монарху.

Результаты работы членов правительства, перечисленных выше государственных деятелей подвергались всяческой критике не только со стороны леворадикальных политических сил, что вполне объяснимо, но и со стороны монархистов. Если первые видели в чиновниках, состоящих при дворе, и правительстве в целом политических врагов, препятствующих смене власти в стране, то вторые в лучшем случае характеризовали их (членов правительства) как неумелых руководителей, в худшем – как сторонников конституционной монархии и даже республики.

Так, на первом общем собрании «Союза 17-го октября», состоявшемся 4 декабря 1905 г., член данной центристской организации Г. Шереметев обвинил правительство в массовых нарушениях законодательства в российской деревне: «...закон в глазах населения потерял всякую силу; целый ряд преступлений: поджогов, грабежей, насилий, революционной пропаганды с призывом к вооруженному восстанию, издевательство печати над религиозным и национальным чувством народа – остаются безнаказанными. <...> Главная вина в этом падает на правительство, действия представителей которого разрозненны, противоречивы, неопределенны, непонятны, слабы» [63. С. 32].

Один из сторонников монархической формы правления А.А. Киреев в своих дневниковых записях от 16 октября 1905 г. прямо обвинил членов правительства в антигосударственной деятельности: «И это (революция – уточнение наше. – А.З.) длится месяцами и уже принесло самые горькие плоды: школы, фабрики, отчасти города уже во власти революции. Нам (консерваторам) говорят, что же Вы ничего не делаете, не предпринимаете!? Да, ведь нам приходится бороться не с одной революцией, а с самим правительством, всячески ей помогающим!» [64. С. 102].

Непоследовательностью своих действий, отсутствием четкого плана мероприятий по борьбе с революцией правительство вызывало раздражение большинства политических сил общества, давало веский повод для критики в свой адрес. Так, например, в Словаре историческом и социально-политическом, изданном в 1906 г. в Санкт-Петербурге под редакцией В.В. Битнера, в статье, посвященной С.Ю. Витте, приводятся следующие данные: «... По возвращении из Портсмута Витте получил графское достоинство и вскоре после издания знаменитого Высочайшего манифеста от 17 октября 1905 г. <...> был назначен премьер-министром первого конституционного каби-

нета в России, оставившего после себя мрачную память – борьбой с освободительным движением, бесчисленными погромами, расстрелами и казнями русских граждан» [65. С. 291–292]. В этом же словаре отражена и позиция его составителя относительно роли Ф.В. Дубасова в социально-политической жизни страны: «...1905 г. Д. назначен московским генерал-губернатором, в каковой должности он прославился в качестве усмирителя вооруженного восстания в декабре того же года» [Там же. С. 567–568].

Недовольство граждан действиями правительства многократно усиливалось по причине имевшей место совершенно открытой избирательности в применении уголовного законодательства к преступникам в зависимости от их политической принадлежности [66]. В частности, князь Н.С. Волконский, говоря о ситуации в стране, отмечал, что «многочисленные аресты людей, иногда ни в чем не виновных, вызывают недовольство населения» [63. С. 48]. Граф П.А. Гейден придерживался аналогичной точки зрения: «...опасность переживаемого положения обуславливается отсутствием искренности в направлении деятельности правительства; от его репрессивных действий страдают большей частью невинные, а виновных они почти не захватывают» [63. С. 48].

По всей видимости, именно достаточно негативное отношение граждан российского общества к государственным деятелям, входившим в ближний круг императора, членам правительства явилось причиной создания паремии-новации *Всякая скотина идет ко двору*.

Обратимся еще раз к компонентному составу анализируемой единицы языка.

Существительное *скотина* может употребляться не только в прямом, но и в переносном просторечном значении ‘то же, что скот (во 2-м знач.)’ [61. Т. 13. С. 1038]. Слово *скот* определяется как ‘2. Перен. Просторечн. О непорядочном, грубом и т.п. человеке’ [61. Т. 13. С. 1037].

Таким образом, политически детерминированное суждение, выражаемое паремией *Всякая скотина идет ко двору*, может быть сформулировано следующим образом: ‘лишь непорядочные люди входят в ближний круг императора и в правительство’. Тип анализируемой единицы языка – пословично-поговорочное выражение.

На корректность прочтения содержания слова *скотина* косвенно указывает и его употребление в «Поучении детям» [55. С. 6].

Двуплановость паремии, ее способность выражать два различных суждения в зависимости от характера соотносительности ее слов-компонентов с исходными либо новыми областями референции были умело использованы для образования новой языковой единицы. Единство двух совершенно различных в понятийном отношении суждений (‘любое четвероногое сельскохозяйственное животное передвигается, ступая ногами, в сторону крестьянского дома со всеми хозяйственными постройками при нем’ и ‘лишь непорядочные люди входят в ближний круг императора и в правительство’), выражаемых авторской паремией *Всякая скотина идет ко двору*, возможность их одно-

временного восприятия носителями языка обусловили значительную образность, колоритность ее содержания. Так, в частности, нейтральная понятийная семантика сущ. *скотина*, употребленного в основном значении, контрастирует со следующими микрокомпонентами этого же слова, но уже использованного во втором значении: семой отрицательной рациональной оценки, локализуемой в околоядерной части денотативного блока значения, актуализированной семой ‘неодобрение’, входящей в состав эмотивного блока значения, и актуализированной семой ‘отрицательная оценка’ оценочного компонента значения.

Использование узнаваемой на подсознательном уровне обобщенной структурно-смысловой модели, полученной путем генерализации (обобщения) структурно-смысловых моделей целого ряда общеизвестных пословиц и поговорок, позволило неизвестному автору создать новую единицу языка с прозрачной внутренней формой и максимально доступным для понимания и восприятия содержанием.

Авторская паремия *Кому жандарм, а тебе дяденька* была опубликована в № 3 журнала «Зарницы» в 1906 г. в рубрике «Новейшие пословицы» [67. С. 2]. Под перечнем опубликованных авторских пословиц размещен псевдоним автора – Инъ.

Журнал «Зарницы» являлся литературно-художественным и сатирическим изданием. Так как он был учрежден уже после издания манифеста 17 октября, редакция не скрывала его истинных целей. Так, например, на последней странице № 3 журнала редакция указывала следующее: «Преследуя цель беспощадной политической и общественной сатиры и ставя на знамени своем борьбу с отжившим режимом, журнал в то же время будет отражать новейшие течения художественной жизни и будет служить строго выдержанным требованиям искусства» [67. С. 8]. Издателем журнала был Я.В. Йогихесс, редактором – И.Н. Кац. Над выпусками журнала трудились известные литераторы и художники, в числе которых были В.А. Анзимилов, А.В. Аров, князь В.В. Барятинский, В.А. Бонди, М.А. Демьянов, А.М. Любимов и др.

Журнал просуществовал недолго: всего в свет вышло 9 номеров в 1906 г., причем номера 6 и 7 были конфискованы полицией [57. С. 214]. Столь короткий период издания журнала, вероятно, обусловлен сильнейшей реакцией 1906 г.

Кроме исследуемой авторской паремии в рубрике «Новейшие пословицы» размещены еще 5 единиц: *Пеший рабочий – конному казаку не товарищ*; *Любишь печатать – люби и в кутузке сидеть*; *В чужой арсенал со своим пулеметом не суйся*; *Скажи, в кого ты стрелял, – и я тебе скажу, кто ты*; *Старого воробья на овсе не поймает*. Все данные авторские паремии выражают политически детерминированные суждения. Так, например, авторская паремия *Пеший рабочий – конному казаку не товарищ* выражает суждение ‘Представитель рабочего класса, являвшийся сторонником смены государственного строя, и казак как представитель военного сословия, стоящего на защите интересов самодержавия, не являются соратниками и единомышленниками’ [68. С. 102].

В ближайшее языковое окружение анализируемой единицы входят материалы «Телеграммы» и «Из частных разговоров». В «Телеграммах», например, неизвестный автор (отсутствует даже псевдоним) в сатирической форме изобличает царскую власть в казнях ни в чем невиновных граждан, иронизирует по поводу планируемого визита Д.Ф. Трепова в Тифлис: «ст. Расказниловка (случайная). Расстрелян мятежник, читавший газету. Недоразумение выяснилось лишь после того, как газета оказалась “Новым временем”». Тифлис. В ожидании приезда генерала Трепова город украшен красными флагами, грандиозно иллюминирован, жители выражают свой восторг ружейными салютами» [67. С. 2].

Как видим, общая тематическая направленность журнала исключает вариативность понимания факторов, обусловивших появление анализируемой авторской паремии *Кому жандарм, а тебе дяденька*: данная единица определенно выражает политически детерминированное суждение.

В ходе работы со словарями пословиц и поговорок русского языка лишь в одном издании нами была выявлена структурно идентичная пословица *Кому (для кого) война, а кому (для кого) мать родна*, выражающая следующее суждение: ‘Неодобр. Говорится тому или о том, кто даже в трудные для всех минуты жизни преследует свой интерес, ищет выгоду, пренебрегая чужими проблемами’ [60. С. 56–57]. Отсутствие данной единицы в словарях и сборниках эпохи [58, 69], а также в современных профильных словарях наводит на мысль о том, что она не являлась той паремией-источником, на базе которой была образована рассматриваемая авторская паремия, а скорее наоборот, как и авторская паремия, она была создана на основе ранее существовавшей в языке структурной модели.

Для определения паремии-источника обратимся к структурной модели исследуемой авторской паремии, которая может быть представлена в следующем виде: относительное мест. *кто* в форме дат. п. ед. ч. + сущ. в форме им. п. ед. ч. + союз *а* + личное мест. 2 л. ед. ч. *ты* в форме дат. п. + сущ. в форме им. п. Любая структурная модель выступает средством языковой объективации отношений между понятиями, явлениями, объектами, состояниями и прочим, номинируемыми словами-компонентами, а также выражаемыми служебными частями речи. Представленная выше модель служит для передачи следующего обобщенного смысла: для какого-либо человека что-либо, выражаемое словом-существительным, плохо, для другого – хорошо. В соответствии с классификацией Г.Л. Пермякова данный смысл может быть передан следующим утверждением: «качество одной вещи для двух других вещей, находящихся в определенной связи между собой (или – что то же самое: отношение двух других вещей к этой одной) представляется или оказывается неодинаковым: для первой из двух оно не таково, как для второй» [70. С. 187]. Структурная модель паремии *Кому (для кого) война, а кому (для кого) мать родна* служит средством передачи того же смысла.

Таким образом, авторская паремия *Кому жандарм, а тебе дяденька* входит в состав высшей логи-

ко-семиотической инвариантной группы II (1), в которой «...моделируются отношения между свойствами разных вещей в зависимости от отношения самих этих вещей: если какая-либо вещь (Q) зависит от другой вещи (P) и при этом вещь P обладает каким-нибудь свойством (x), то и зависимая вещь (Q) будет обладать тем же свойством» [44. С. 21]. Моделируемые данной высшей инвариантной группой отношения могут быть представлены в виде следующей схемы: $(P \rightarrow Q) \rightarrow [P(x) \rightarrow Q(x)]$. Рассматриваемая авторская паремия входит в состав логико-тематической группы «Хорошее – плохое» [42. С. 110; 70. С. 187].

В итоге паремия (либо паремии), послужившая основой для создания анализируемой авторской паремии, должна входить в состав указанной высшей логико-семиотической инвариантной группы и относиться к той же логико-тематической группе.

В сборнике русских пословиц А.И. Богданова, датируемом первой половиной XVIII в., были выявлены следующие имеющие схожую структуру паремии: *Кому зима, а нам лето; Кому убыль, а нам прибыль; Кому урон, а нам прибыль; Кому пост, а нам масленица; Кому ужин, а нам обед* [71. С. 87]. Также был выявлен ряд паремий, структурные модели которых служат для передачи инвертного смысла: для какого-либо человека что-либо, выражаемое словом-существительным, хорошо, для другого – плохо. В числе подобных паремий следующие: *Кому мать, а нам мачеха; Кому рай, а нам мука; Кому рыба, а нам репа; Кому сытно, а нам голодно; Кому зван, а нам болван* [71. С. 87]. Приведенные паремии входят в состав той же высшей логико-семиотической инвариантной группы и логико-тематической группы, отличается лишь подтип логико-семиотического конструктивного типа [44. С. 22].

В сборнике пословиц и поговорок В.И. Даля была выявлена лишь одна паремия, построенная на основе несколько иной структурной модели, но передающая такой же обобщенный смысл и, следовательно, входящая в состав высшей логико-семиотической инвариантной группы II (1): *Людам тын да помеха, а нам смех да потеха* [58. Т. 1. С. 157].

Таким образом, можем заключить, что анализируемая авторская паремия *Кому жандарм, а тебе дяденька* была образована на базе генерализованной структурно-смысловой модели, полученной путем обобщения целого ряда структурно и содержательно схожих пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений.

Для того чтобы сформулировать суждение, выражаемое авторской паремией, а также определить ее тип рассмотрим ее компонентный состав и обратимся к историческим фактам, которые обусловили ее появление.

Местоимение *кто*, использованное в форме дат. п. ед. ч., употреблено ‘4. С разделительным значением (обычно при сопоставлении двух или нескольких предложений)’ [54. Т. 8. С. 734].

Существительное *жандарм* имеет следующее значение: ‘лицо, состоящее в жандармском корпусе’ [72. С. 217]. В Словаре историческом и социально-политическом, изданном в 1906 г. под редакцией

В.В. Битнера, в словарной статье «Жандармы» представлена следующая информация: «появились в середине века в виде королевской гвардии, тяжело вооруженные рыцари. Теперь Ж. исполняют обязанности конной, тайной и железнодорожной полиции. Впервые в России Ж. появились в 1792 г. в составе гатчинских войск цес. Павла Петровича» [65. С. 593].

Противительный союз *а* употреблен в своем первом значении и используется «для соединения противопоставляемых предложений или отдельных членов предложения; соответствует по значению словам: *но, зато, наоборот, напротив*» [73. Т. 1. С. 17].

Личное местоимение *ты* «2. Употребляется для обозначения человека вообще, какой-либо неопределенной группы лиц» [61. Т. 15. С. 1187].

Слово *дяденька* определяется как «ласкат. от с. дядя» [72. Т. 1. Вып. 3. С. 1237]. Слово *дядя* имеет следующее значение: «2. В вежливом обращении: всякий посторонний человек средних лет» [Там же. С. 1238].

Таким образом, сумма значений слов-компонентов анализируемой авторской паремии может быть представлена в следующем виде: «если для одних людей это лицо, состоящее в жандармском корпусе, то для других – всякий посторонний человек средних лет».

Отношение граждан царской России начала XX в. к жандармам всецело определялось их политическими взглядами. Жандармы, исполняя обязанности полиции, наравне с казаками и армейскими частями служили опорой монархическому строю, обеспечивали силовую поддержку принимаемых правительством и императором решений.

В первой половине 1906 г. правительство усилило свою деятельность в борьбе с революцией. Опираясь на имеющиеся силовые структуры, в том числе и на жандармские корпуса, власть продолжила преследовать подозреваемых и зачастую ни в чем не виновных граждан. Так, председатель московского центрального комитета Союза 17 октября Д.Н. Шипов на первом Всероссийском съезде делегатов партии (8–12 февраля 1906 г.) отметил следующее: «Но когда, наконец, революционное движение было подавлено, правительство, однако, по-прежнему продолжало идти и до сих пор идет по пути крутых репрессий и продолжает насилие и произвол над обществом. Грубо нарушаются все права и свободы, возмущенные высочайшим манифестом 17-го октября!» [74. С. 109–110]. Другой делегат этого съезда, коллежский асессор, мировой судья, гласный Московской городской думы Л.Г. Урусов, говоря об отношении правительства к людям, отметил, что оно «...без суда и следствия высылает, арестует и гноит в тюрьме тысячи и тысячи людей и возмущает и душит всю страну своими насилиями и произволом, вызывая общее раздражение и негодование...» [Там же. С. 120].

В итоге к жандармам относились по-разному: если проправительственные ультраправые партии видели в них союзников, то все остальные политические силы страны (левые и центристы в их многочисленных вариациях) – противников, ту силу, которая мешала осуществить смену политического строя.

Учитывая изложенные выше факты социально-политической среды, принимая во внимание сумму

значений слов-компонентов авторской паремии *Кому жандарм, а тебе дяденька*, выражаемое данной единицей языка суждение может быть представлено в следующем виде: «по отношению человека к жандармам можно судить о его политической принадлежности». Наличие в составе паремии актуализированного слова (жандарм) позволяет определить ее тип как пословично-поговорочное выражение.

Авторская паремия *Каков кабинет, таков и бюджет*, также как и рассмотренная выше авторская паремия *Кому жандарм, а тебе дяденька*, была опубликована в журнале «Зарницы», но в другом номере [75. С. 7]. Ближайшим языковым окружением исследуемой языковой единицы являются авторские паремии *Вот тебе, бабушка, и конституция!; Дума не митинг, соберется – не разгонись; Не красна Москва домами, а кровавыми следами; На войско надейся, а сам уезжай* [Там же]. Все указанные авторские паремии подписаны псевдонимом Раругус.

Сразу же после материала «Новейшие пословицы» дана короткая заметка «Я знаю, как спасти Россию» следующего содержания: «Проезжающие по Каменноостровскому проспекту с удивлением оглядывают фасад дома графа Витте, на окнах которого наклеены билеты о сдаче его внаймы. Очевидно, для устранения финансового кризиса России бывший министр финансов решил на отчаянное средство» [Там же]. Некорректная бюджетная политика правительства в совокупности с масштабной коррупцией не раз становилась объектом критики авторов сатирических журналов. Приведенная выше заметка как раз и входит в число подобных материалов.

Анализируемая авторская паремия образована на базе следующей структурной модели: относительное мест. *каков* + сущ. в форме им. п. ед. ч. + определительное мест. *таков* + частица *и* + сущ. в форме им. п. ед. ч. В ходе работы со словарями пословиц и поговорок русского языка было выявлено множество паремий, образованных по такой же либо схожей структурной модели: *Каков поп, таков и приход; Каков батка, такова и matka; Каков брат, такова и сестра; Каков ветер, таков и воздух; Каков гнев, такова и милость; Каков дар, таков и поклон; Каков дом, таков и господин; Каков дед, такова и баба; Каков есть, такова и в люди весть; Каков изумен, такова и братия; Каков корм, такова и работа; Каков лен, такова и пряжа; Каков заем, таков и платеж; Каков мал, таков и велик; Каков мех, такова и шуба; Каков Савва, такова и Слава* [71. С. 85]. Обобщенный смысл приведенных выше паремий может быть выражен следующим образом: качества объекта, называемого во второй части паремии, определяются через качества объекта, называемого в первой части паремии. Иначе говоря, «если две вещи находятся в определенной связи друг с другом, то между свойствами этих вещей наблюдается известное соответствие или несоответствие» [70. С. 142]. Следует отметить, что данный общий смысл (обобщенная типическая ситуация), выражаемый авторской паремией и всеми приведенными паремиями-прототипами, относящимися к одному конструктивному типу (в данном случае – конструктивному типу I) [Там же], при подразделении данного конструктивного

типа на подтипы подвергается трансформациям. Тем не менее в данном случае и рассматриваемая авторская паремия, и паремии-источники представляют собой образный вариант одной типической ситуации: «свойства (качества) вещей, находящихся в определенной связи между собой, соответствуют друг другу: какова по своим свойствам (качествам) одна вещь, такова же и другая» [70. С. 142].

Образный вариант сформулированной выше типической ситуации (обобщенного смыслового наполнения) позволяет однозначно отнести авторскую паремию и паремии-прототипы к высшей логико-семиотической инвариантной группе II (1), характер моделируемых отношений и структурная схема которой были приведены ранее.

Таким образом, как и в случаях с авторскими паремиями *Всякая скотина идет ко двору* и *Кому жан-дарм, а тебе дяденька*, имела место генерализация структурно-смысловых моделей целого ряда паремий-источников, результатом которой явилась обобщенная структурно-смысловая модель, использующаяся для выражения той же самой типической ситуации и положенная в основу образования новой социально и политически детерминированной авторской паремии.

Объединения авторской паремии и паремий-источников в рамках единой логико-тематической группы в данном случае не наблюдается: авторская паремия *Каков кабинет, таков и бюджет* входит в состав логико-тематической группы «Производитель – производимое», паремии-источники *Каков батка, такова и матка; Каков брат, такова и сестра; Каков дед, такова и баба* относятся к логико-тематической группе «Мужчина – женщина»; *Каков поп, таков и приход; Каков игумен, такова и братия* – к логико-тематической группе «Возглавляющее – возглавляемое»; *Каков лен, такова и пряжа; Каков мех, такова и шуба; Каков ветр, таков и воздух* – к логико-тематической группе «Исходное – производное»; *Каков мал, таков и велик* – к логико-тематической группе «Старое – молодое» и т.д.

Рассмотрим компонентный состав авторской паремии, а также проанализируем факторы внешней среды, которые могли обусловить появление данной языковой единицы.

Местоимение *каков* '3. Обозначает качество предмета, вводя придаточные предложения определительные и дополнительные' [61. Т. 5. С. 692].

Слово *кабинет* толкуется как '4. В некоторых странах – состав министров, входящих в правительство; правительство' [Там же. С. 625].

Местоимение *таков* 'употребляется в функции соотносительного слова в главном предложении с уточнением его в придаточном предложении' [Там же. Т. 15. С. 55].

Частица *и* '2. Соответствует: также' [Там же. Т. 5. С. 9].

Существительное *бюджет* имеет следующее значение: '1. Смета, расчет доходов и расходов государства, предприятия, учреждения на определенный период' [Там же. Т. 1. С. 732].

Сумма значений слов-компонентов анализируемой авторской паремии может быть представлена в сле-

дующем виде: 'каков состав министров, входящих в правительство, такова также смета доходов и расходов государства'. Можем предположить, что суждение, выражаемое паремией *Каков кабинет, таков и бюджет*, в значительной степени основывается на языковых значениях образующих ее слов. Следовательно, тип авторской паремии – либо поговорка, либо пословично-поговорочное выражение.

1906 г. остался в памяти современников не только как период напряженной общественно-политической борьбы, реакции царского правительства, но и как время тяжелых экономических потрясений. Так, И.В. Шауров, вспоминая 1906 – начало 1907 г., отмечал следующее: «Рабочие там (на небольших предприятиях – уточнение наше. – А.З.) получали маленькую зарплату, многие из них жили в общежитиях, в весьма тяжелых условиях, так что здесь, естественно, были веские основания для недовольства» [76. С. 85].

Крестьяне в 1906 г. оказались в еще более плохом положении, чем рабочие: «неурожай и голод в 1906 г., поразившие многие районы страны, толкали крестьян на новые выступления» [27. С. 429]. В газетах того времени периодически размещались статьи о неурожаях, голоде и болезнях в различных регионах страны. Вопросы помощи голодающим неоднократно обсуждались депутатами I Государственной думы, благодаря усилиям которых был получен кредит в размере 15 миллионов рублей на решение данной проблемы [77. С. 249].

В итоге непродуманная финансовая политика кабинета министров обусловила еще большее обнищание населения, в значительной степени крестьян и рабочих, создала все условия для активного вовлечения данных слоев населения в активную политическую борьбу против правительства.

На основе учета факторов внешней среды, а также значений слов-компонентов авторской паремии *Каков кабинет, таков и бюджет* выражаемое ею суждение может быть представлено в следующем виде: 'каковы министры, такова и смета доходов и расходов государства'. Тип паремии – поговорка.

Таким образом, в рамках настоящей статьи был проведен лингво-семиотический и культурно-исторический анализ трех авторских паремий русского языка периода 1905–1907 гг., образованных на базе генерализованных структурных моделей паремий-источников. Детальное изучение накопленной теоретико-практической базы в области научных исследований авторского паремиологического фонда русского языка позволило сформулировать дефиницию термина «авторская паремия», обосновать отнесение авторских паремий к единицам языка. Новизна материала исследования, привлеченных источников (журналов общественно-политической сатиры начала XX в.), равно как и отсутствие исчерпывающих научных изысканий в области авторской паремиологии периода первой русской революции, обусловили несомненную научную новизну данной работы.

В ходе проведенного анализа было установлено, что рассмотренные авторские паремии и паремии-прототипы, генерализованные модели которых были использованы для создания новых языковых единиц,

входят в составы одних и тех же высших логико-семиотических инвариантных групп, что является одним из научных обоснований «узнаваемости» исходных структурно-смысловых основ паремий (другим таким основанием выступает сама обобщенная структурная модель). Так, было установлено, что авторские паремии *Кому жандарм, а тебе дяденька* и *Каков кабинет, таков и бюджет* вместе со своими паремиями-источниками относятся к высшей логико-семиотической инвариантной группе II (1), моделирующей отношения между свойствами разных вещей в зависимости от отношения самих этих вещей. Авторская паремия *Всякая скотина идет ко двору* и ее паремии-прототипы представляют собой образные варианты типических ситуаций, образующих высшую логико-семиотическую инвариантную группу II (2), в которой моделируются отношения между вещами в зависимости от наличия у них определенных свойств.

Наличие отнесенности паремий-прототипов и образованных на их основе авторских паремий к одним и тем же логико-тематическим группам носит, как показал анализ, необязательный характер. Так, авторская паремия *Всякая скотина идет ко двору* и ее паремии-прототипы входят в состав логико-тематической группы «Свое – Чужое»; авторская паремия *Кому жандарм, а тебе дяденька* и ее паремии-прототипы – в состав логико-тематической группы «Хорошее – плохое»; авторская паремия *Каков кабинет, таков и бюджет* – в состав логико-тематической группы «Производитель – производимое», а паремии, на базе генерализованной модели которых она была образована, – в составы других логико-тематических групп. Различие в логико-тематической отнесенности варианта и инварианта, возникшее в результате процесса образования новой языковой единицы, представляется явлением вполне закономерным на том основании, что новый компонентный состав авторской паремии призван создать и создает новый детерминированный конкретными экстралингвистическими факторами план содержания.

Как справедливо отмечают современные исследователи, «паремии-трансформы всегда служат сред-

ством привлечения внимания читательской аудитории» [18. С. 5]. Особенно эффективным представляется их использование для привлечения внимания к тем или иным событиям общественно-политической жизни страны. Период же первой русской революции был перенасыщен различного рода резонансными событиями. Учитывая историческую дистанционность данных событий и их ведущую роль в мотивировке выражаемых авторскими паремиями суждений, принципиально важным оказывается детальный анализ исторических фактов, реалий и т.п., которые привели к образованию новых единиц языка. При этом отсутствие непосредственного языкового контекстного окружения не играет существенной роли: на первый план выходит широкий культурно-исторический контекст и языковое «окружение». Формально отсутствующие компоненты содержания (вследствие отсутствия контекстного окружения) могут быть легко и однозначно восстановлены носителем языка, в том числе и исходя из широкого культурно-исторического контекста. Проведенный анализ позволил сформулировать выражаемые тремя рассмотренными авторскими паремиями суждения. Так, авторская паремия *Всякая скотина идет ко двору* выражает суждение ‘лишь непорядочные люди входят в ближний круг императора и в правительство’; авторская паремия *Кому жандарм, а тебе дяденька* – ‘по отношению человека к жандармам можно судить о его политической принадлежности’; авторская паремия *Каков кабинет, таков и бюджет* – ‘каковы министры, такова и смета доходов и расходов государства’.

Определение значений слов-компонентов каждой из рассмотренных авторских паремий позволило на научных основаниях однозначно идентифицировать их типы: первые две единицы представляют собой пословично-поговорочные выражения, третья – поговорку.

В качестве ближайших перспектив исследования можно отметить следующие: 1) исследование авторских паремий периода первой русской революции, образованных с использованием иных трансформационных механизмов; 2) рассмотрение проблемы классификации выявленных авторских паремий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашуба Л.Б. Детерминация паремии как единицы языка коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 53–57.
2. Кашуба Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2013. Т. 10, № 1. С. 65–67.
3. Никтошенко Е.Ю. Структурное многообразие паремий и их лингвистический статус // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. № 1. С. 22–26. URL: <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtu/2013-01/004.pdf>
4. Романюк Л.В. Проблемы исследования фразеологии и паремий в современной лингвистике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 9 (84). С. 26–29.
5. Макаров В.И. Паремия – фразеологизм – слово: динамика употребления в юрислингвистическом аспекте // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 221–224.
6. Закиров Р.Р. Особенности перевода арабских паремий на русский язык // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 49–52.
7. Захарова Т.В. Семантика угощения в русских и французских паремиях о гостеприимстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2010. № 1. С. 75–78.
8. Константинова А.А. Современный американский политический дискурс: паремии в риторике Барака Обамы // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 7–13.
9. Калмыкова Е.Л. Понятийные признаки концепта «Война» и их вербализация в паремиях (на материале лексикографических источников) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2011. № 22. С. 100–102.
10. Савченко В.А. Концепт «Борода» в русских и немецких паремиях // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 44–47.
11. Просвирнина И.С., Шао Жуй. Концепт «Скромность» в русских и китайских паремиях // Филология и культура. 2013. № 4 (34). С. 97–104.

12. Пономарева Е.Ю. Структура и особенности взаимодействия концептов оппозиции «Мир ссора» (на материале паремий английского языка) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2011. № 1. С. 132–138.
13. Альварес Солер А.А. Репрезентация гетерогенного концепта «Женщина» в испанских паремиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 9 (642). С. 56–63.
14. Вальтер Х. Трансформы русских пословиц как объект преподавания в иностранной аудитории // Материалы XXX Межвузовской конференции преподавателей и аспирантов. 11–17 марта 2001 г. Вып. 16. Русский язык как иностранный и методика его преподавания. Ч. 2. СПб., 2001. С. 3–10.
15. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб. : Издательский дом «Нева», 2005. 576 с.
16. Вальтер Х., Мокиенко В. Паремнологические трансформы в речи и жаргоне // Функционирование стандартных и субстандартных языковых единиц : сб. науч. тр., посвященных памяти проф. Б.Б. Максимова. Магнитогорск : Магнитогорский гос. ун-т, 2001. С. 34–53.
17. Константинова А.А. Пословицы и поговорки в современной англо-американской прессе: авторское использование традиционных паремий // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 22–25.
18. Антонова О.Н. Изменение компонентного состава как вид трансформации паремий (на материале англоязычных массмедиа) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 11. С. 3–5.
19. Бутко Ю.В. Ассоциативный контекст и его реализация в новых паремиях // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 6. С. 142–153.
20. Пименова М.В. Фольклорные картины мира русского и татарского народов // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 95–98.
21. Аносов Е.А. Гендерные стереотипы в паремиях русского языка в свете методологических подходов к исследованию феномена гендерной стереотипизации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2012. № 25. С. 93–96.
22. Руженцева Е.Н. Жизнь и смерть в языковой картине мира смоленского крестьянина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 206–210.
23. Кацюба Л.Б. Особенность структуры обобщенного значения личных форм глагола в паремиях (опыт семантико-грамматического исследования языкового сознания русского народа) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2007. № 1. С. 52–57.
24. Мухарлямова Л.Р. Функционально-семантическая категория темпоральности в разноструктурных языках (на материале паремий русского, татарского и английского языков) // Вестник Чувашского университета. 2009. № 1. С. 253–257.
25. Джелалова Л.А. Принцип объединения паремий (пословиц и поговорок) в формообразующие классы по методу Г.Л. Пермякова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 2 (26). С. 155–168.
26. Стихотворная сатира первой русской революции (1905–1907). Л. : Сов. писатель, 1969. 720 с.
27. Гуковский А.И. Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг. (Спецкурс). Вологда : ВГПИ им. В.М. Молотова, 1957. 528 с.
28. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Русский язык ; Медиа, 2005. 537 с.
29. Фелицина В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.П. Костомарова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1988. 272 с.
30. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. 3-е изд. М. : Изд-во URSS, 2013. 216 с.
31. Гарланов З.К. Синтаксис русских пословиц. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1970. 448 с.
32. Дидковская В.Г., Петрова Л.А. Пословицы и поговорки как объект «наивной лингвистики» // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 68–70.
33. Загребельный А.В. Революция 1905–1907 гг. в зеркале авторской паремииологии русского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 221–230.
34. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 2000. 544 с.
35. Батулина А.В. Пословично-поговорочные выражения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2003. 211 с.
36. Сечко Н.С., Кирюшкина А.А. Трансформированные паремии и их место в паремииологическом фонде языка // Молодежная наука в XXI веке: традиции, инновации, векторы развития. Уфа : изд-во ООО «Азтерна», 2017. С. 64.
37. Никитина Т.Г. Новый «статус» русских антипословиц // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 87–89.
38. Швыдкая Л.И. Лингвистический статус традиционных паремий и антипословиц (на материале русских и английских фразеологических источников) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3. С. 236–239.
39. Бегун В.В. Рекламный слоган как трансформация культурных стереотипов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1 (7). С. 31–37.
40. Зайкина З.М. Понятийная и структурно-типологическая специфика паремииологических единиц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1 (79). Ч. 1. С. 108–112.
41. Жигарина Е.Е. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.
42. Торунь Е.Д. Об образовании фразематических единиц русского языка путем контаминации // Sliavia Orientalis. 2012. Т. 61, № 1. С. 81–88.
43. Буренкова С.В. Комизм псевдопословиц как способ переоценки витальных ценностей // Фундаментальная наука вузам. 2008. № 4. С. 80–86.
44. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М. : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1970. 240 с.
45. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремииологии / сост., вступ. ст. Г.Л. Капчица. М. : Наука, 1988. 235 с.
46. Загребельный А.В. Авторские паремии в русском языке начала XX века // Вопросы филологии. 2015. № 3. С. 39–47.
47. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
48. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
49. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica. Филологические исследования. М. : Наука, 1990. С. 50–71.
50. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: к проблеме «языковой картины мира» // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3–19.
51. Гнедаш С.И. Провербиальные единицы и возможности их трансформации в современном немецком языке // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С. 155–159.
52. Дядечко Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания : история и современность. Киев : ИПЦ «Киев. ун-т», 2002. 294 с.
53. Федорова Н.Н. Современные трансформации русских пословиц : дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2006. 234 с.
54. Большой академический словарь русского языка. М.; СПб. : Наука, 2004–.
55. Зритель. 1905. № 24. 12 с.
56. Сатирические журналы 1904–1906 г. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Доп. т. Па: Пруссия – Фома. М., 1907. С. 591–593.
57. Русская сатира первой революции 1905–1906 / сост. В. Боцяновский, Э. Голлербах. Л. : Гос. изд-во, 1925. 221 с.
58. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. 1–2. 2-е изд., без перемен. СПб. ; М. : Тип. т-ва М.О. Вольф, 1879.

59. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4 000 ед. М. : Изд-во «Русские словари»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. 624 с.
60. Словарь русских пословиц: ок. 1 000 ед. / В.М. Мокиенко, Ю.А. Ермолаева, А.А. Зайнульдинов и др.; под ред. В.М. Мокиенко. М. : Астрель ; АСТ, 2007. 381 с.
61. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965.
62. Ведомости. 18.10.1905. № 221. С. 1.
63. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 408 с.
64. Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 / сост. К.А. Соловьев. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 472 с.
65. Словарь исторический и социально-политический / под ред. В.В. Битнера. СПб. : Издание «Вестник Знания» (В.В. Битнера), 1906 г. 1247 с.
66. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) : сб. док. Сер. «Первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2001.
67. Зарницы. 1906. № 3.
68. Загребельный А.В. Паремия «Пеший рабочий – конному казаку не товарищ» в русском языке начала XX века // И.А. Бодуэн де Куртене и мировая лингвистика : Междунар. конф. VI Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 18–21 окт. 2017 г.) : тр. и матер.: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галлиулина, Е.А. Горобец, Д.А. Мартынова, Г.А. Николаева. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017. Т. 1. С. 100–103.
69. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков / изд. подгот. М.Я. Мельц [и др. ; вступ. ст. Б.Н. Путилова]. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. Ленингр. отд-е, 1961. 289 с.
70. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 671 с.
71. Сборник пословиц А.И. Богданова // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков / изд. подгот. М.Я. Мельц [и др. ; вступ. ст. Б.Н. Путилова]. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. Ленингр. отд-е, 1961. С. 65–119.
72. Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук / [ред. акад. Я.К. Грот]. Т. 1–9. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1891–1930.
73. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. доп. М., 1981–1984.
74. № 28. Первый Всероссийский съезд делегатов «Союза 17 октября». 8–12 февраля 1906 г. // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 107–162.
75. Зарницы. 1906. № 5.
76. Шауров И.В. Воспоминания участника первой русской революции. Изд. 2-е. М. : Мысль, 1974. 264 с.
77. Речи, произнесенные 5-го ноября 1906 г. на общем собрании членов С.-Петербургского отдела «Союза 17-го октября» // Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. Т. 1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 239–256.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 октября 2018 г.

Authorial Proverbs, Sayings and Proverbial Expressions of the Russian Language of 1905–07 Formed on the Basis of Generalized Structural Models of Source Paroemias

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 27–43.

DOI: 10.17223/15617793/443/4

Artur V. Zagrebel'nyi, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russian Federation). E-mail: pechorin2106@mail.ru

Keywords: authorial paroemiology, generalized structural model of source paroemias, authorial paroemias analysis, wide extra-linguistic context, language of political sphere; proverb; saying; proverbial expression.

The aim of the present article consists in the linguistic and semiotic and cultural-historical analysis of author's proverbs, sayings and proverbial expressions of the Russian language of the period of 1905–07 that were formed on the basis of generalized structural models of paroemias functioning in language on the example of the following revealed language units: *Any cattle goes to the yard; For some people he is a gendarme, for others he is simply a good man; The characteristics of the budget done always depend on ministers who do it*. The revealed units are analyzed according to the following scheme: (1) on the basis of the dictionaries of Russian proverbs and sayings, the paroemia that is the source of transformation is determined; (2) the judgment the paroemia expresses is given; (3) on the basis of a comparison of the component structure of a paroemia source and the judgment it expresses, its type is determined (a proverb, a saying, proverbial expression); (4) block diagrams of a paroemia source and the author's paroemia formed on its basis are provided; (5) the author's paroemia and its system prototype are classified as belonging to a specific higher logical and semiotic invariant objectifying the typical situation underlying the initial paroemia and its transformation; (6) logical and thematic groups are defined whose composition includes the source paroemia and the author's paroemia; (7) the meanings of the component words of the analyzed author's paroemia and (if possible) the sum of these meanings are given; (8) the extra-linguistic context that led to the emergence of the new paroemia is analyzed; (9) a brief, informative description of other materials published in the same journal issues as the author's paroemias under study is given (this is necessary to confirm the correctness of the “reading” of the content of the author's paroemias), (10) the author's judgment(s) expressed in the paroemia is (are) formulated, (11) the type of the author's paroemia is determined. The research was done with the usage of the method of structural (linguistic and semiotics) analysis of paroemias developed by G.L. Permyakov, descriptive and comparative methods, which included methods of component analysis, dictionary definition analysis and wide extra-linguistic context analysis. Due to the lack of a uniform approach to the definition of the paroemia and the author's paroemia in linguistics, the author of the article briefly explains his positions on these issues. The author also indicates the specificity of author's paroemias formed on the basis of generalized structural models of source paroemias. During the analysis, it was established that the considered author's paroemias and paroemia prototypes whose generalized models were used for creation of new language units are parts of the same highest logic and semiotic invariant groups, which is one of scientific justifications of the “recognition” of initial structural and semantic bases of paroemias. The analysis has shown that the attribution of the paroemia prototypes and the author's paroemias formed on their basis to the same logical-thematic groups is optional. The article presents the judgments expressed by the author's paroemias, their types are determined. The final part of the article outlines the prospects for further research on the author's paroemias of the Russian language of 1905–07.

REFERENCES

1. Katsyuba, L.B. (2013) Determinatsiya paremii kak edinitsy yazyka kommunikatsii [Determining a paroemia as a unit of the language of communication]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 1 (292). pp. 53–57.
2. Katsyuba, L.B. (2013) Definition of proverbs (linguistic aspect). *Vestnik YuUrGU. Ser. Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Series "Linguistics"*. 10 (1). pp. 65–67. (In Russian).
3. Niktovenko, E.Yu. (2013) Structural diversity of proverbs and their linguistic status. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. [Online] Available from: <http://lib.mkgtu.ru/images/stories/journal-vmgtu/2013-01/004.pdf>. (In Russian).
4. Romanyuk, L.V. (2013) Issues of research of phraseology and paroemias in modern linguistics. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9 (84). pp. 26–29. (In Russian).
5. Makarov, V.I. (2014) Proverb-idiom-word: Dynamics of use in terms of forensic linguistics. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 77. pp. 221–224. (In Russian).
6. Zakirov, R.R. (2013) Peculiarities of translation of Arab PAROEMIAS into Russian. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 1 (31). pp. 49–52. (In Russian).
7. Zakharova, T.V. (2010) Semantics of ritual meal in Russian and French paroemias of hospitality. *Vestnik YuUrGU. Ser. Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Series "Linguistics"*. 1. pp. 75–78. (In Russian).
8. Konstantinova, A.A. (2010) Contemporary American political discourse: paroemias in Barack Obama's rhetoric. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 331. pp. 7–13. (In Russian).
9. Kalmykova, E.L. (2011) Conceptual characteristics of the concept "war" and their verbalization in proverbs (in lexicographic sources). *Vestnik YuUrGU. Ser. Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Series "Linguistics"*. 22. pp. 100–102. (In Russian).
10. Savchenko, V.A. (2008) Concept "beard" in Russian and German paroemias. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 3. pp. 44–47. (In Russian).
11. Prosvirina, I.S. & Shao Zhuy. (2013) The concept of "modesty" in Russian and Chinese proverbs. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 4 (34). pp. 97–104. (In Russian).
12. Ponomareva, E.Yu. (2011) Struktura i osobennosti vzaimodeystviya kontseptov oppozitsii "Mir ssora" (na materiale paremiy angliyskogo yazyka) [The structure and features of the interaction of opposition concepts "World of Quarrel" (on the material of English paroemias)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya – Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 1. pp. 132–138.
13. Al'vares Soler, A.A. (2012) Representation of the heterogeneous concept "woman" in Spanish proverbs. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 9 (642). pp. 56–63. (In Russian).
14. Walter, H. (2001) [Transforms of Russian proverbs as an object of teaching in a foreign audience]. *Russkiy yazyk kak inostrannyi i metodika ego prepodavaniya* [Russian as a foreign language and its teaching methods]. Proceedings of the 30th Inter-University Conference of Teachers and Graduate Students. 11–17 March 2001. Is. 16. Pt. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 3–10. (In Russian).
15. Walter, H. & Mokienko, V. (2005) *Antiposlovitsy russkogo naroda* [Antiproverbs of the Russian people]. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom "Neva".
16. Walter, H. & Mokienko, V. (2001) Paremiologicheskie transformy v rechi i zhargone [Paroemiological transforms in speech and jargon]. In: *Funktsionirovanie standartnykh i substandartnykh yazykovykh edinits. Sb. nauchn. tr., posvyashchennykh pamyati prof. B. B. Maksimova* [Functioning of standard and substandard language units. Collection of articles dedicated to the memory of Prof. B.B. Maximov]. Magnitogorsk: Magnitogorsk State University.
17. Konstantinova, A.A. (2009) Proverbs and Sayings in Modern Anglo-American Press: Authorial Use of Traditional Paroemias. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 322. pp. 22–25. (In Russian).
18. Antonova, O.N. (2011) Changes in component composition as a way of paroemias transformations in the English language massmedia. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 11. pp. 3–5. (In Russian).
19. But'ko, Yu.V. (2008) Associative context and its implementation in new paroemias. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 6. pp. 142–153. (In Russian).
20. Pimenova, M.V. (2012) The Russian and Tatar Folk Pictures of the World. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 2 (28). pp. 95–98. (In Russian).
21. Anosov, E.A. (2012) Gender stereotypes in Russian idioms in terms of methodological approaches to the phenomenon of gender stereotyping research. *Vestnik YuUrGU. Ser. Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Series "Linguistics"*. 25. pp. 93–96. (In Russian).
22. Ruzhentseva, E.N. (2012) Life and death in the linguistic world-image of a Smolensk peasant. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie – Science Journal of VolSU. Linguistics*. 1 (15). pp. 206–210. (In Russian).
23. Katsyuba, L.B. (2007) Osobennost' struktury obobshchennogo znacheniya lichnykh form glagola v paremiyakh (opyt semantiko-grammaticheskogo issledovaniya yazykovogo soznaniya russkogo naroda) [The peculiarity of the structure of the generalized meaning of the personal forms of the verb in paroemias (the experience of semantic-grammatical research of the linguistic consciousness of the Russian people)]. *Vestnik YuUrGU. Ser. Lingvistika – South Ural State University Bulletin. Series "Linguistics"*. 1. pp. 52–57.
24. Mukharlyamova, L.R. (2009) Functional and semantic category of time in non-related languages (based on the Russian, Tatar and English proverbs). *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*. 1. pp. 253–257. (In Russian).
25. Dzhelalova, L.A. (2013) Principle of joining paroemias (proverbs and sayings) into forming classes by the method of G.L. Permyakov. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki – University Proceedings. Volga Region. Humanities*. 2 (26). pp. 155–168. (In Russian).
26. Blank, N.B., Zakharenko, K.G. & Shneyderman, E. (eds) (1969) *Stikhotvornaya satira pervoy russkoy revolyutsii (1905–1907)* [Poetic satire of the first Russian revolution (1905–1907)]. Leningrad: izd-vo "Sovetskiy pisatel".
27. Gukovskiy, A.I. (1957) *Pervaya russkaya burzhuažno-demokraticeskaya revolyutsiya 1905–1907 gg. (Spetskurs)* [The first Russian bourgeois-democratic revolution of 1905–1907 (Special Course)]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute.
28. Zhukov, V.P. (2005) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow: Russkiy yazyk; Media.
29. Felitsyna, V.P. & Prokhorov, Yu.E. (1988) *Russkie poslovitsy, pogovorki i krylatye vyrazheniya: lingvostranovedcheskiy slovar'* [Russian proverbs, sayings and winged expressions: A linguistic dictionary]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.
30. Amosova, N.N. (2013) *Osnovy angliyskoy frazeologii* [Basics of English phraseology]. 3rd ed. Moscow: Izd-vo URSS.
31. Tarlanov, Z.K. (1970) *Sintaksis russkikh poslovits* [Syntax of Russian proverbs]. Leningrad: Leningrad State University.
32. Didkovskaya, V.G. & Petrova, L.A. (2014) Proverbs and sayings as an object of "naive linguistics". *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 77. pp. 68–70. (In Russian).
33. Zagrebel'nyy, A.V. (2017) The revolution of 1905–1907 in the mirror of an author's paroemiology of the Russian language. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 3. pp. 221–230. (In Russian).
34. Zhukov, V.P. (2000) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. 7th ed. Moscow: Russkiy yazyk.
35. Batulina, A.V. (2003) *Poslovichno-pogovorochnye vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke* [Proverbial expressions in modern Russian]. Philology Cand. Diss. Velikiy Novgorod.

36. Sechko, N.S. & Kiryushkina, A.A. (2017) [Transformed paroemias and their place in the paroemiological foundation of the language]. *Mo-lodezhnaya nauka v XXI veke: traditsii, innovatsii, vektory razvitiya* [Youth Science in the 21st century: traditions, innovations, vectors of develop-ment]. Proceedings of the Conference. Ufa: izd-vo OOO "Aeterna". pp. 64. (In Russian).
37. Nikitina, T.G. (2014) The new "status" of the Russian antiproverbs. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 77. pp. 87–89. (In Russian).
38. Shvydkaya, L.I. (2011) Linguistic status of proverbs and anti-proverbs (based on Russian and English phraseographic sources). *Problemy is-torii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 3. pp. 236–239. (In Russian).
39. Begun, V.V. (2010) Advertising slogans as cultural stereotypes transformation. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 1 (7). pp. 31–37. (In Russian).
40. Zaykina, Z.M. (2018) Conceptual and structural-typological peculiarities of paroemiological units. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 1 (79):1. pp. 108–112. (In Russian).
41. Zhigarina, E.E. (2006) *Sovremennoe bytovanie poslovits: variativnost' i polifunktional'nost' tekstov* [The modern existence of proverbs: text variability and polyfunctionality]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
42. Torun', E.D. (2012) Conceptual and structural-typological peculiarities of paroemiological units. *Sliavia Orentalis*. 61 (1). pp. 81–88. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2018-1-1.28
43. Burenkova, S.V. (2008) Komizm psevdoposlovits kak sposob pereotsenki vital'nykh tsennostey [The comic in pseudoproverbs as a way to reassess vital values]. *Fundamental'naya nauka vuzam*. 4. pp. 80–86.
44. Permyakov, G.L. (1970) *Ot pogovorki do skazki (zametki po obshchey teorii klishe)* [From sayings to fairy tales (notes on the general theory of clichés)]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka".
45. Permyakov, G.L. (1988) *Osnovy strukturnoy paremiologii* [Fundamentals of structural paroemiology]. Moscow: Nauka.
46. Zagrebel'nyy, A.V. (2015) Author's Paroimia in the Russian Language of the Early XXth Century. *Voprosy filologii*. 3. pp. 39–47. (In Rus-sian).
47. Yartseva, V.N. (ed.) (1998) *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
48. Sannikov, V.Z. (2002) *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [The Russian language in the mirror of the language game]. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
49. Apresyan, Yu.D. (1990) Yazykovye anomalii: tipy i funktsii [Language anomalies: types and functions]. In: Likhachev, D.S. & Stepanov, G.N. (eds) *Res Philologica. Filologicheskie issledovaniya* [Res Philologica. Philological studies]. Moscow: Nauka, 1990. pp. 50–71.
50. Arutyunova, N.D. (1987) Anomalii i yazyk: k probleme "yazykovoy kartiny mira" [Anomalies and language: to the problem of the "linguistic picture of the world"]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 3. pp. 3–19.
51. Gneshin, S.I. (2010) Proverbial units and the ways of their transformation in the modern German language. *Vestnik Chuvashskogo universi-teta – Bulletin of the Chuvash University*. 2. pp. 155–159. (In Russian).
52. Dyadechko, L.P. (2002) *Krylatye slova kak ob'ekt lingvisticheskogo opisaniya: istoriya i sovremennost'* [Winged words as an object of lin-guistic description: history and modernity]. Kiev: IPTs "Kiev. un-t".
53. Fedorova, N.N. (2006) *Sovremennye transformatsii russkikh poslovits* [Modern transformations of Russian proverbs]. Philology Cand. Diss. Pskov.
54. Gorbachevich, K.S. (ed.) (2004) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large Academic Dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Nauka.
55. *Zritel'*. (1905) 24.
56. Brockhaus & Efron. (1907) *Satiricheskie zhurnaly 1904–1906 g.* [Satirical journals of 1904–1906]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Suppl. Vol. IIa. Moscow: Brokgauz i Efron., 1907. pp. 591–593.
57. Botsyanovskiy, V. & Gollerbach, E. (1925) *Russkaya satira pervoy revolyutsii 1905–1906* [Russian satire of the first revolution of 1905–1906]. Leningrad: Gos. izd-vo.
58. Dal, V.I. (1879) *Posloviitsy russkogo naroda. Sbornik poslovits, pogovorok, recheniy, prisloviy, chistogovorok, pribautok, zagadok, poveriy i pr.* [Proverbs of the Russian people]. Vols 1–2. 2nd ed. St. Petersburg; Moscow: Tip. T-va M.O. Vol'f.
59. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2000) *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka: okolo 4000 edinit* [Large dic-tionary of Russian winged words: about 4000 units]. Moscow: Izd-vo "Russkie slovari", OOO "Izdatel'stvo Astrel'", OOO "Izdatel'stvo AST".
60. Mokienko, V.M. (ed.) (2007) *Slovar' russkikh poslovits: okolo 1000 edinit* [Dictionary of Russian proverbs: about 1000 units]. Moscow: Astrel': AST.
61. Shakhmatov, A.A. (ed.) (1950–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Vols 1–17. Moscow; Leningrad: USSR AS.
62. *Vedomosti*. (1905) 18 October. 221. pp. 1.
63. Shelokhaev, V.V. (ed.) (1996) *Partiya "Soyuz 17 oktyabrya". Protokoly s'ezdov, konferentsiy i zasedaniy TsK: v 2 t.* [The party "Union of 17 October". Minutes of congresses, conferences and meetings of the Central Committee: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
64. Kireev, A.A. (2010) *Dnevnik. 1905–1910* [A diary. 1905–1910]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
65. Bitner, V.V. (ed.) (1906) *Slovar' istoricheskii i sotsial'no-politicheskii* [A dictionary, historical and sociopolitical]. St. Petersburg: Izdanie "Vestnik Znaniya" (V.V. Bitnera).
66. Bordyugov, G.A. (ed.) (2001) *Politicheskaya politiya i politicheskii terrorizm v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): sbornik dokumentov* [Political police and political terrorism in Russia (second half of the 19th – early 20th centuries): a collection of documents]. Moscow: AIRO-XX.
67. *Zarnitsy*. (1906) 3.
68. Zagrebel'nyy, A.V. (2017) [Paroemia "A walking worker is not a friend to Cossack on a horse" in the Russian language of the beginning of the 20th century]. *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika* [I.A. Baudouin de Courtenay and world linguistics]. Proceedings of the International Conference VI Boduenovskie chteniya [6th Baudouin Readings]. Kazan. 18–21 October 2017. Vol. 1. Kazan: Kazan State University. pp. 100–103. (In Russian).
69. Mel'ts, M.Ya. et al. (eds) (1961) *Posloviitsy, pogovorki, zagadki v rukopisnykh sbornikakh XVIII–XX vekov* [Proverbs, sayings, riddles in manuscript collections of the 18th – 20th centuries]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
70. Permyakov, G.L. (1979) *Posloviitsy i pogovorki narodov Vostoka. Sistematizirovannoe sobranie izrecheniy dvukhsot narodov* [Proverbs and sayings of the peoples of the East. Systemized collection of sayings of two hundred nations]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka".
71. Mel'ts, M.Ya. et al. (eds) (1961) *Sbornik poslovits A.I. Bogdanova* [A.I. Bogdanov's collection of proverbs]. In: *Posloviitsy, pogovorki, zagadki v rukopisnykh sbornikakh XVIII–XX vekov* [Proverbs, sayings, riddles in manuscript collections of the 18th – 20th centuries]. Moscow; Len-ingrad: USSR AS.
72. Grot, Ya.K. (ed.) (1891–1930) *Slovar' russkogo yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniem Imperatorskoy akademii nauk* [Dictionary of the Russian language, compiled by the second branch of the Imperial Academy of Sciences]. Vols 1–9. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akad-emii nauk.

73. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy.
74. Shelokhaev, V.V. (ed.) (1996) № 28. Pervyy Vserossiyskiy s"ezd delegatov "Soyuza 17 oktyabrya". 8–12 fevralya 1906 g. [No. 28. First All-Russian Congress of Delegates of the Union of 17 October. February 8–12, 1906]. In: *Partiya "Soyuz 17 oktyabrya". Protokoly s"ezdov, konferentsiy i zasedaniy TsK: v 2 t.* [The party "Union of 17 October". Minutes of congresses, conferences and meetings of the Central Committee: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
75. *Zarnitsy.* (1906) 5.
76. Shaurov, I.V. (1974) *Vospominaniya uchastnika pervoy russkoy revolyutsii* [Memories of the participant of the first Russian revolution]. 2nd ed. Moscow: Mysl'.
77. Shelokhaev, V.V. (ed.) (1996) Rechi, proiznesennye 5-go noyabrya 1906 g. na obshchem sobranii chlenov S.-Peterburgskogo otdela "Soyuza 17-go oktyabrya" [Speeches delivered on November 5, 1906, at the general meeting of members of the St. Petersburg department of the Union of 17 October]. In: *Partiya "Soyuz 17 oktyabrya". Protokoly s"ezdov, konferentsiy i zasedaniy TsK: v 2 t.* [The party "Union of 17 October". Minutes of congresses, conferences and meetings of the Central Committee: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).

Received: 08 October 2018

В.Б. Зусева-Озкан

ОБРАЗ ДЕВЫ-ВОИТЕЛЬНИЦЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А. БЛОКА (НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМ И ПРОЗЫ)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

Рассматривается образ воительницы в драматическом и публицистическом наследии Блока. Показано, что связанные с воительницей мотивы, заданные в его лирике (поединок, любовь-вражда, ассоциации с бурей, грозой, связь с образом «лебединой девы» и др.), в том числе отсылающие к истории Зигфрида и Брунгильды (прохождение героем через море огня вокруг героини и ее пробуждение им, невольное забвение героя, роковое неузнавание), переходят в пьесы и прозу Блока, встраиваясь в его автобиографический миф, основанный на гностическом сюжете спасения.

Ключевые слова: воительница; валькирия; Брунгильда; Вагнер; софийная героиня; гностический сюжет; автобиографический миф.

Эта статья посвящена проблеме, которая, насколько нам известно, ранее не ставилась, а именно – описанию образа девы-воительницы в художественном мире А. Блока. На первый взгляд, этот образ присутствует у него в весьма ограниченном числе текстов. По нашему мнению, однако, он представлен весьма широко, но, так сказать, не в чистом виде: воительница интерпретируется им как вариант «софийной» героини.

Образ воительницы у Блока и связанный с ней мотивно-сюжетный комплекс мы уже рассматривали – но исключительно на материале его лирики. В этой статье мы ставим перед собой задачу рассмотреть их на другом материале: это драматургическое и публицистическое наследие Блока, а также эго-документы – как его собственные, так и людей, не просто жизненно наиболее близких ему, но вписанных в его автобиографический миф, а именно Л.Д. Менделеевой-Блок и Андрея Белого. При этом мы будем пользоваться некоторыми ранее сделанными наблюдениями и выводами.

Так, прежде всего укажем, что воительница у Блока получает лишь одно «мифологическое» имя – Брунгильда, причем она спроецирована у него именно на вагнеровскую интерпретацию этого образа в тетралогии «Кольцо Нибелунга», хотя поэт был, по всей вероятности, знаком также с немецким эпосом о Нибелунгах, исландской «Сагой о Вёльсунгах» и переложениями песен «Старшей Эдды», а из обработок ближайших современников знал пьесу Г. Ибсена «Воители в Гельгеланде». Как правило, однако, героиня-воительница у Блока никак не именуется, и несомненные отсылки к истории Зигфрида и Брунгильды (прохождение героем через море огня вокруг героини и ее пробуждение им, измена и в результате смерть героя, невольное забвение и роковое неузнавание, «двойной» погребальный костер и пр.) дополняются общими мифологическими ассоциациями и архетипическими мотивами, навеянными, по видимому, разными традициями и связанными с образами воительницы, «богини ратей», валькирии (поединок, любовь-вражда и любовь-борьба, бешеная скачка или полет на коне, независимость поведения героини, в том числе в выборе возлюбленного, ассоциации с бурей, грозой, молнией, связь с образом «лебединой девы»).

Поэт почти никогда не воспроизводит целостный сюжет (будь то традиционный сюжет борьбы героя и воительницы или вагнеровский сюжет пробуждения героем спящей – и некогда пожертвовавшей собой ради его спасения – воительницы, их краткого брака, ухода героя в широкий мир, забвения им возлюбленной и узнавания на пороге смерти, спровоцированной героиней) или хотя бы последовательный ряд его звеньев. Почти всегда дело ограничивается узнаваемым *мотивом или рядом мотивов* (так что именно этот аспект и будет находиться в фокусе статьи – в его связи с такими уровнями организации произведения, как система персонажей и сюжет). Они соединяются с генетически иными и вплетаются в сюжет, обусловленный автобиографическим мифом Блока, в основе своей имеющим *софийный (гностический) миф в двух взаимодополнительных вариантах* – о плененной, спящей Мировой Душе, подлежащей спасению героем, и о плененном злыми силами героем, освобожденном софийной героиней [1]. Эта связка была тем более естественной, что два указанных варианта гностического мифа можно увидеть и в сюжете тетралогии Вагнера. Историю Зигфрида и Брунгильды как воплощение древнего мифа, впоследствии связанного с гностическими идеями, фактически описал еще Ф.Ф. Зелинский в главе «Елена Прекрасная» своей книги «Соперники христианства» [2. Т. 2. С. 153–185], которая Блоку была известна со студенческих лет [1. С. 73].

Мотивно-сюжетный комплекс, связанный у Блока с образом воительницы, наиболее отчетливо представлен и подробно развернут в пьесе «Песня Судьбы» (1908). Однако, руководствуясь хронологическим принципом, укажем сперва на те его черты, что отразились в более ранних текстах Блока для театра. Так, в «Балаганчике» (1906) ряд черт воительницы присутствует во Второй влюбленной:

Она
Я – вольная дева! Путь мой – к победам!
Иди за мной, куда я веду!¹
О, ты пойдешь за огненным следом
И будешь со мной в бреду!

Он
Иду, покорен участи строгой,
О вейся, плащ, огневой проводник!
Но трое пойдут зловещей дорогой;
Ты – и я – и мой двойник! [З. Т. 6. Кн. 1. С. 17]

Здесь и мотив вольного девичества, и победительность, и мотив волшебного водительства, и мотив огня, сопутствующие образу воительницы в лирике Блока, и – что соответствует мотивному репертуару второго тома лирики, хронологически параллельного «Балаганчику», – мотив двойничества и мотив бреда (оба они, в частности, присутствуют в стихотворении «Бред», написанном в конце 1905 г. и посвященном истории Зигфрида и Брунгильды). При этом здесь наблюдается сюжетная контаминация, когда герои соединяют сюжетные функции разных персонажей прототекста; так, Вторая влюбленная действует не только как Брунгильда, но и как Гутруна, заставившая героя забыть свой путь и свою первую любовь:

Она
Иди за мной! Настигни меня!
Я страстней и грустней невесты твоей!
Гибкой рукой обними меня!
Кубок мой темный до дна испей!

Он
Я клялся в страстной любви – другой!
Ты мне сверкнула огненным взглядом,
Ты завела в переулок глухой,
Ты отравила смертельным ядом!

Она
Не я манила, – плащ мой летел
Вихрем за мной – мой огненный друг!
Ты сам вступить захотел
В мой очарованный круг! [З. Т. 6. Кн. 1. С. 17]

Отметим, что такого рода контаминация и, напротив, дихотомия образов, так или иначе базирующиеся на принципе дуальности, типичны для пьес Блока – так, в «Песне Судьбы» мы встретимся с противоположным вариантом характерологии, когда изначально единая героиня распадается на две ипостаси – Елену и Фаину, которые представляют собой два этапа пути Софии (Мировой Души) – в славе и в падении соответственно (см. далее).

В «Короле на площади» (1906) как бы воспроизводится ситуация Зигфрид – Брунгильда – Вотан из вагнеровской тетралогии² (разумеется, многочисленные новозаветные образы и ассоциации при этом не сбрасываются со счетов). Обращает на себя внимание уже описание Поэта в списке действующих лиц: «юноша, руководимый на путях своих Зодчим, влюбленный в его Дочь» [Там же. С. 25]. Это ли не описание Зигфрида? Как и Зигфрид, Поэт одновременно и любим Зодчим, который как бы наделяет его особой миссией («Я послал вам сына моего возлюбленного...» [Там же. С. 60]), и обладает свободной волей. Двойственность отношения к нему Зодчего заставляет героя сомневаться в его любви: «Я не хочу больше

видеть тебя. Я хотел научиться от тебя мудрости, но ты горд и стар. Ты не любишь меня»; ответ же Зодчего гласит: «Ты не встретил бы меня, если бы я не любил тебя» [З. Т. 6. Кн. 1. С. 53]. Зодчий – наравне с Королем, которого он «напоминает» «чертами лица и сединами» [Там же. С. 25] – предстает как божественная фигура Творца. Он спроецирован не только на библейскую фигуру Бога Отца (а Поэт, как явствует из финальной реплики Зодчего, на Христа), но и на Вотана, мудрого, знающего пути судьбы; а Король – на Вотана, этим судьбам противостоять не могущего, связанного роком и договором, фактически бессильного. Дочь Зодчего же, в таком случае, отчасти исполняет роль Брунгильды (а отчасти – «Розы небесной» [Там же. С. 58] и «звезды морей», т.е. Девы Марии: это сочетание для Блока не редкость³ и возникает в целом ряде произведений, от ранних стихотворений «Мой остров чудесный...» и «Заклинание» 1903 г. до цикла «На поле Куликовом» 1908 г., а также в пьесе «Песня Судьбы», в образе Елены).

Как и валькирии, Дочери Зодчего сопутствуют образы бури, например: «Сумерки быстро сгущаются. Рог ветра трубит, пыль клубится, гроза приближается, толпа глухо ропщет вдали <...>. Вверху, над скамьей, вырастает Дочь Зодчего. Ветер играет в ее черных волосах, среди которых светлый лик ее – как день» [Там же. С. 53]; см. также другую ремарку: «В бледном свете молнии кажется, что ее черные шелка светятся. В темных волосах зажглась корона. Она внезапно обнимает его... Из дальних кварталов, с дальних площадей и улиц несется возрастающий вой прибывающей толпы. Кажется, сама грозовая ночь захлебнулась этим воем, этим свистом бури, всхлипываньем волн, бьющих в берег, в дрожащем, матовом, пресыщенном грозью блеске» [Там же. С. 55]. Помимо грозы, спутником ее является туман: «В то время как Дочь Зодчего медленно сходит вниз, сцена заволакивается туманом...» [Там же. С. 41], – что, по нашему мнению, отсылает не столько к лирической героине второго тома, дышащей «духами и туманами», с которой Дочь Зодчего роднит и «черные шелка», сколько к Брунгильде в постановках «Кольца Нибелунга». Так, А. Гозенпуд пишет о тумане и паре как необходимых их элементах: «Все четыре картины “Золота Рейна” исполнялись без перерыва, и пары, закрывавшие сцену, позволяли сменять декорации невидимо для зрителей. Пар окутывал подмостки и в финале “Валькирии” (заклинание огня), и в последней сцене “Гибели богов”» [5. С. 131]. Это – о Байрейте, но декорации и костюмы русской постановки, вся ее техническая сторона копировались с байрейтской. См. также о «Гибели богов» в новаторском оформлении А. Бенуа: «С самого момента, когда герой испускает дух, сцена заволакивалась идущим от Рейна туманом...» [6. С. 373].

Дочь Зодчего ведет себя, как воительница, когда грозит: «Во мне довольно силы, чтобы сейчас сразить тебя» [З. Т. 6. Кн. 1. С. 57]. Как и Брунгильда, она есть эманация отца (ср.: «Ты, воспринявшая / шлем и щит, / радость и блеск, / имя и жизнь от меня...» [7. С. 85]), часть его души – как говорит Первый неизвестный, «в ней творческий хмель ее отца и гнев последних поко-

лений» [З. Т. 6. Кн. 1. С. 33]. Не случайны две сцены (одна – оставшаяся в черновиках), как бы воспроизводящие стандартные мизансцены постановок «Валькирии»: когда Брунгильда припадает к ногам Вотана во 2-м акте («В страхе бросает щит, копье и шлем и с участием опускается к его ногам» [8. С. 17]; «Доверчиво, хотя и робко кладет голову и руки ему на колени», а отец «долго смотрит ей в глаза, потом гладит ее по голове...» [Там же. С. 17]) и когда Вотан склоняется над Брунгильдой в 3-м акте («Брунгильда, растроганная, в восторге падает к нему на грудь» [Там же. С. 38]; отец «целует ее в глаза, которые и остаются закрытыми; она слабеет и тихо опускается к нему на руки. Он нежно ведет и укладывает ее на низком холме...» [Там же]). Первая – сцена в третьем действии, где Дочь садится у ног Короля: «На расстоянии одного шага от Короля она опускается на колени и прикасается устами к королевской мантии, складками лежащей на полу. <...> И покорным движением, спокойная, садится у ног его, обняв гигантские колени. Она кажется теперь ребенком у ног царственного Отца» [З. Т. 6. Кн. 1. С. 57]. Вторая – черновой набросок эпизода «Зодчий и Дочь» из второй редакции пьесы:

В снах, полных тревожных видений,
Вот я сижу над дочерью.
Она дремлет у ног моих,
Закрывшись призрачным покрывалом,
И я, древний отец ее,
Не знаю, что будет
И что она скажет мне проснувшись –
Обрадует или опечалит меня.
<...>

И всё, что осталось мне, –
Любоваться на нее
И с трепетом ждать ее пробуждения. [З. Т. 6. Кн. 1. С. 204]

Как Зигфрид с Брунгильдой оба от крови Вотана, так и герои «Короля на площади», в конечном счете, дети одного отца: «Я послал вам сына моего возлюбленного, и вы убили его. Я послал вам другого утешителя – дочь мою. И вы не пощадили ее» [Там же. С. 60]. Родственность и равенство любящих, как мы неоднократно отмечали в различных статьях о дево-воительнице, являются типичнейшим мотивом сюжетов с ее участием. Как Брунгильда просила отца отдать ее лишь сильнейшему из героев, так Дочь Зодчего ищет равного, героя: «Я искала в тебе героя...» [Там же. С. 54]. Поэт же в своих видениях, в которых Дочь Зодчего предстает сходящей из «высоких покоев» девой-зарей в венце («софийный» образ, типичный для лирики Блока и не раз соединявшийся с образом воительницы), видит себя именно так – светлым, юным и сильным, бесстрашным героем, каким был Зигфрид: «Ты спускалась ко мне. <...> Ты сходила из высокого покоя, и лицо твое было бледно. <...> Ты с улыбкой подавала руку мне – стройному, прекрасному, светлому лицом, овеянному ветром» [Там же. С. 199].

Отметим также мотив верности: как в начале «Гибели богов» Брунгильда отпускает Зигфрида на по-

двиги, лишь прося его помнить о ней и их любви («О клятвах помни / Обоюдных, / Припомни / Искренность и верность, / Любовь, которой / Бьется сердце...» [9. С. 6]; сцена, воспроизводившаяся Блоком и в лирике), так и в «Короле на площади» героиня сначала накладывает на героя заклатье верности, а затем снимает его, возвращая ему свободу воли:

Дочь Зодчего
Кладу заклатье – будь верен ты.

Поэт
Я вижу берег новой земли...

Дочь Зодчего
Снимаю чары. Свободен ты. [З. Т. 6. Кн. 1. С. 42]

Она уверена: «Ты всех верней мне детской душой...» [Там же. С. 43], но герой признается в своей слабости, хоть его сердце и «открыто» только ей.

Наконец, гибель города в блоковской пьесе вызывает прочные ассоциации с Рагнарёком и гибелью Валгаллы в финале «Гибели богов» (помимо, разумеется, эсхатологических видений Откровения Иоанна Богослова) – вплоть до того, что фокус зрения оказывается на разрушении / пожаре террасы дворца, на которой сидит Король, и «зала Валгаллы, в котором сидит собрание богов и героев» [10. С. 108], соответственно. Таким образом, в «Короле на площади» существует мощный вагнеровский субстрат, и в героине отразился образ Брунгильды – при всех искажениях и особенностях, возникающих при специфической блоковской оптике.

В пьесе «Незнакомка» (1906) мотивы, обычно ассоциирующиеся у Блока с вагнеровским сюжетом и образом воительницы, присутствуют лишь в небольшой степени: это полубожественная сущность героини, которая оказывается ввергнута в мир смертных и лишена своей божественности; мотив забвения героя («На лице его – томление, в глазах – пустота и мрак. Он шатается от страшного напряжения. Но он все забыл» [З. Т. 6. Кн. 1. С. 89]), который явлен в двойниковых образах Поэта и Голубого; воинская атрибутика героя («Под рукой моей железной / Светлый меч» [Там же. С. 73]), мотив вечного возвращения («Протекали столетья, как сны. / Долго ждал я тебя на земле» [Там же]). Разумеется, все эти мотивы характерны и для гностического по происхождению сюжета о падшей Софии (и взаимодополнительного ему сюжета о падшем герое), на который, как уже говорилось, Блок проецирует сюжет вагнерианский.

В гораздо большей мере комплекс представлений, связанный у Блока с воительницей, отразился в пьесе «Песня Судьбы», аккумулирующей мотивы и образы всех трех томов лирики. Как обычно у Блока, наиболее отчетливы, обнажены эти ассоциации в черновиках, так что мы будем привлекать к анализу и черновые варианты. Начнем с того, что главный мужской персонаж, как это почти всегда бывает у Блока в произведениях с участием воительницы, предстает в обличье воина (несмотря на условно современный хроно-топ) и героя, причем проецируется и на Зигфрида, и

на образ «князя», участника Куликовской битвы: «Я знаю, как всякий воин в той засадной рати, как просит сердце работы, и как рано еще, рано!.. <...> Опять – торжественная музыка солнца, как военные трубы, как далекая битва... а я – здесь, как воин в засаде...» [З. Т. 6. Кн. 1. С. 144]. В черновиках более явны образы и мотивы цикла «На поле Куликовом»: «...я знаю, как всякий воин в той засадной рати, сколько дела и как просит сердце работы, и как рано еще, рано, рано!... <...> я – одно с этой необъятной равниной, которая истосковалась, измучилась, захлебнулась осенними разливами, и ждет и зовет и кличет героя лебяжьим голосом, как невеста – жениха! Вот утро встает, опять эта торжественная музыка солнца, точно военные трубы, – и я здесь, как воин в засаде <...>! Сердце заливается кровью, как земля – зарей!» [Там же. С. 394]; это связывает «Песню Судьбы» и образ воительницы с темой родины, как уже бывало у Блока в третьем томе лирики. Что касается Зигфрида, то здесь не только известная фраза: «Что это? Рог? Сухой треск барабанов! Вот он идет... идет герой – в крылатом шлеме, с мечом на плече...» [Там же. С. 157], – которая, в принципе, может быть отнесена не исключительно к Зигфриду (см., однако, ту же формулу в статьях «Три вопроса» (февраль 1908) и «О Вагнере» (февраль–март 1908): «...мы слышим где-то, в ночных полях, неустанный рог заблудившегося героя» [Там же. Т. 8. С. 11] и «...тем слышнее в ночных полях, быстро освобождающихся от зимнего снега, далекий, беспокойный рог заблудившегося героя. Быть может, как в былые дни, герой, шествующий в крылатом шлеме, с мечом на плече» [11. Т. 5. С. 240], – где речь идет об Ибсене и Вагнере соответственно, т.е. прочитывается принадлежность героя к германоскандинавской культуре). Есть еще целый ряд реминисценций. Так, в Германе подчеркивается «избыток играющей силы», характерный для юноши Зигфрида, и своеобразное «младенчество», у Зигфрида объяснявшееся тем, что он рос вне человеческого общества:

(Сжимает кулаки и вытягивает руки, как человек, не знающий, как применить избыток играющей силы.)

Друг

Я вам завидую. Забавно видеть взрослого младенца, для которого все – внове. [З. Т. 6. Кн. 1. С. 119]

В черновиках эти черты еще более подчеркнуты:

Ноздри раздуваются от любопытства, как у зверя. Какой я молодой, сильный и здоровый! *(Сжимает кулаки и вытягивает руки, как человек, увидевший новое, восхищенный им, и не знающий, как применить к нему избыток своей силы.)* [Там же. С. 310], –

как и молодость, красота, сила героя: «Подбежав к рампе, он делает [движение] стремительный прыжок и вскакивает на сцену – гибкий, хохочущий и прекрасный» [Там же. С. 325]; тем же движением в окончательной редакции он вскакивает на утес (аналог Брунгильдиной горы): «Подымаясь на откосе, легким прыжком вскакивает на то место, где колдовала и звала Фаина...» [Там же. С. 141]. Неоднократно возника-

ет в связи с героем солярный мотив – у Вагнера Зигфрид и отчасти Зигмунд тоже предстают солярными героями: «Тебя, светлый, жду, бури жду, солнца красного жду!» [З. Т. 6. Кн. 1. С. 140] – говорит Фаина о Германе; и еще: «Это – солнце горит на твоём лице! Ты – тот, кого я ждала. Лебедь кричит, труба вызывает!» [Там же. С. 145] (ср. с мотивом лебяжьих криков, знаменующих битву, в цикле «На поле Куликовом» и с образом «лебединой девы»-валькирии). Герман, подобно Зигфриду, предстает *избранным героем*: «Я услышал тогда волнующую музыку – она преследует меня до по сих пор: с каждым восходом солнца – все громче, все торжественней. <...> чей-то голос говорит мне: – ты избран, ты избран» [Там же. С. 142].

Наконец, уход Германа из дома и от Елены спроецирован на прощание Зигфрида с Брунгильдой в начале «Гибели богов» – ситуацию, которая неоднократно воспроизводилась в лирике Блока (см., например, «Так окрыленно, так напевно...» 1906 г. и явно ориентированное на «Песню Судьбы» стихотворение «В густой траве пропадешь с головой...» 1907 г., помещенное в раздел «Родина»). Герой покидает возлюбленную потому, что так велит ему судьба и он должен совершить «обещанные» ему подвиги, героиня же с верой и любовью отпускает героя:

Герман

Ты сама говорила: проснись⁴. Вот – я проснулся. Мне надо к людям. Он велел идти. Но я вернусь скоро, Елена.

Елена

Верю в тебя. Слышу тебя. Дай мне поплакать одной... *(Уходит в дом.)* [З. Т. 6. Кн. 1. С. 110]

В черновиках в речи Германа практически воспроизводится строчка из стихотворения «Так окрыленно, так напевно...», причем возникает мотив священной весны:

Герман

Я принесу тебе новые вести. И весну – на острие копья. <...> Во все века пускались в странствия цари и герои, потому что им свойственен дух страстной пылкости. <...>

Елена

Я знаю: ты вернешься героем. Ты часто снился мне в одеждах воина. Так буду вспоминать о тебе, мой желанный. Ты вернешься к моему терему в белом весеннем хороводе [Там же. С. 296–298].

Здесь явственны мотивы первого тома блоковской лирики, и сама Елена напоминает его героиню. Получается, что моменты, связанные с Брунгильдой из вагнеровского сюжета, в «Песне Судьбы» распределяются между обеими героинями, и это дает дополнительный довод в поддержку гипотезы о том, что Фаина и Елена на самом деле представляют собой не две разные сущности, но *две ипостаси одной героини* (или, точнее, воплощения двух стадий одного пути): «Фаина – “стихийный”, земной полярный двойник

Елены – воплощает черты падшей Софии, заключенной в земное тело, плененной и тоскующей» [1. С. 35], тогда как Елена – Софии в славе.

Обеим героиням приданы черты воительницы. Так, Елена изначально предстает как синкретичный образ, в котором сливаются ангел, лебедь и Дева Мария (ср. цикл «На поле Куликовом») и который нередко ассоциировался Блоком с валькирией. Герман говорит: «Все белое, Елена. И ты вся в белом... А как сияли перья на груди и на крыльях...» [3. Т. 6. Кн. 1. С. 104]. И: «Там плыла большая белая лебедь, с сияющими перьями... грудью прямо на закат...» [Там же. С. 110]. Те же атрибуты – в реплике Друга: «Еще с того холма я увидел ваше белое платье и, как будто, большие белые крылья у вас за плечами» [Там же. С. 106]. Эти образы появятся и в сказке Старухи, но уже в применении к Фаине. В более откровенных, нежели финальная версия, черновиках Елена предстает валькирией, подбирающей падших воинов на поле боя, чтобы вознести их в небесную Вальгаллу. Так, Ангел, ставший в окончательной редакции Монахом, рассказывает: «И я был когда-то честным воином, как твой прекрасный Герман, Елена. Помню, когда я упал на щит в шумящем поле, белая дева, похожая на тебя, Елена, обняла меня и подняла над землею» [Там же. С. 275]. Примечательно, что в некоторых вариантах она даже появляется в серебряных латах: «Кто это? Какой белый ангел! Белые одежды, серебряные латы, золотые пряди волос. Какое кроткое лицо. Это оно так сияет. И в руках – лилия. <...> Это – Елена!» [Там же. С. 379]. Умиравший, заплутавший во व्यюге Герман также видит Елену в роли валькирии: «Это ты, Елена? / Это она будит меня?

Далее зачеркнуто: Кто это надо мной? Неизбежная: она [проходит всегда] всегда здесь, когда в поле умирает герой» [Там же. С. 379]. И: «Кто со мною? Ты – неизбежная? Ты здесь всегда – когда в поле умирает герой. Какие темные <...> очи! Какие холодные губы! Вспоминаю тебя. Только не спрашивай ни о чем... Темно. Холодно. Не могу вспомнить...» [Там же. С. 380], – причем здесь опять же смешиваются черты Елены и Фаины («темные очи» – явный атрибут Фаины). Отметим здесь и мотив забвения героя, связанный с Зигфридом.

При этом, если Елене приданы черты мифологической, небесной валькирии, то Фаине – черты земной воительницы [12. С. 77–78], что опять же заметнее в черновиках. Так, она бросает вызов герою и, можно сказать, побеждает его физическим актом насилия, причем в обширной ремарке звучит тема любви-ненависти, столь важная для сюжетов с участием воительницы: «...взвившийся бич сухим плеском бьет его по лицу: раз, оставляя на <...> щеке красную полосу. <...> согнувшись, он падает на колени и с изумлением и обожающей ненавистью смотрит на Фаину. <...> Вызывающая улыбка на лице Фаины пропадает. Рука с бичом упала. Она смотрит теперь далеким и бесконечно печальным взором и в голосе ее, все еще воинствующем, слышна печаль, презрение и ласка» [3. Т. 6. Кн. 1. С. 326]. Когда Герман без приглашения входит в артистическую уборную Фаины, та угрожает ударить его вновь, но Герман заранее признает свое

поражение (что является собой один из вариантов поведения героя при встрече с воительницей):

Фаина

Я хлестнула тебя бичом.

Герман

Хлестни еще. В твоих руках бич – как цвет благоуханный⁵.

<...>

Фаина

У тебя – лицо в крови.

Герман

Хуже. Больше. У меня сердце – в крови [3. Т. 6. Кн. 1. С. 341].

Даже речи Фаины уподобляются Германом оружию (но одновременно метели и весне, т.е. стихии жизни в ее символических для Блока обозначениях): «Скоро год, как я знаю тебя. Ты бьешь меня речами и взорами, как била бичом. Как метель – прямо в лицо. Такая звонкая метель – перед новой весной» [Там же. С. 377]. Отметим также описание «первого девичьего поцелуя», что дарит Фаина Герману. В нем звучит сравнение, обычно применяющееся именно к воительницам («львица»): «Как львица бросается к нему Фаина и обвивает его руками и впивается в его губы первым девичьим поцелуем. Лебедь умолк, только неведомое море мировых скрипок торжествует страсть. <...> задыхаясь от восторга, вся сияя перед Германом, <...> как львица перед львом, как земля перед солнцем, как Судьба перед Героем, – лебяжьим трубным голосом кричит Фаина.

Фаина

Старый, старый, старый – прощай! Старый, я свободна! Старый, я невеста! Я свободна! Я невеста! Тройку! Тройку! Тройку!» [Там же. С. 397].

Судьба перед Героем (особенно рядом с образами «мировых скрипок» и мирового оркестра, явно отсылающими к Вагнеру [1. С. 99–100]) – это, конечно, Брунгильда перед Зигфридом, которая в буквальном смысле ответственна за его жизнь со всеми ее основными событиями и за его смерть. А вот Старый, с которым прощается здесь Фаина, становясь «невестой», но от которого оказывается все-таки несвободна в финале («Встретиться нам еще не пришла пора. Он зовет. Живи. Люби меня. Ищи меня. Мой старый, мой властный, мой печальный пришел за мной» [3. Т. 6. Кн. 1. С. 158]), по нашему мнению, представляет собой проекцию Вотана – силы более мощной, чем героиня, до определенной степени властной над ней, но тоже обреченной в финальной эсхатологической перспективе.

В черновом варианте инверсия гендерного поведения героев в обсуждаемом эпизоде, нередкая в сюжетах о воительнице, еще более очевидна, как и динамика притяжения-отталкивания: «Она поворачивает Германа за плечи лицом к себе и смотрит ему в глаза. Он закрывает глаза. И тогда сильным движением, как львица, она обвивает его шею руками и целует его с

жадным любопытством. Потом – отталкивает его...» [З. Т. 6. Кн. 1. С. 343].

Сила героини подчеркивается ремаркой в одном из черновых вариантов: «...она уходит <...> за кулисы походкой любимицы пубрики, уверенная в своей змеиной прелести⁶ и в своей фантастической, безумной, играющей силе» [Там же. С. 326]. То же словосочетание – «играющая сила» – употреблено и по отношению к Герману, т.е., в соответствии с архетипическим сюжетом о воительнице, герой и героиня предстают исключительными и при этом равными друг другу, равносильными, а потому взаимно предназначенными существами.

Кроме того, в облике Фаины есть и другие черты, обычно ассоциировавшиеся Блоком с образом валькирии, и с ней связаны соответствующие мотивы. Так, прежде всего, это мотив огня на горе, тоже отсылающий к Брунгильде и сочетающийся здесь с мотивом ожидания спасителя, – см., например, рассказанный Монахом Елене эпизод самосожжения раскольников (типично русская тема, связывающая «Песню Судьбы» с циклом «Родина»): «Над лесистым обрывом широкой реки остановилось зарево от костров <...> Высоко над обрывом стояла статная девушка и смотрела далеко за реку. <...> Когда же смотрела она наверх, были изломаны гневные черные брови и чего-то просили бледные, полуоткрытые губы...» [Там же. С. 115]. И далее: «В черную ночь увидел я багровое зарево над рекой. Это – раскольники сжигались: старая вера встала заревом над землею... <...> Из рева псалмов, из красного огня – спустилась Фаина в синюю тень береговую...» [Там же. С. 116]. В этих фрагментах отметим такую портретную деталь, как изломанные гневом брови, – частую деталь облика валькириеподобных героинь в лирике Блока.

О своей огневой природе говорит и сама героиня в исполняемой ею песне, причем возникает мотив весны, за которой, собственно, и отправлялся герой:

Я вся – весна! Я вся – в огне!
Не подходи и ты ко мне,
Кого люблю и жду! [Там же. С. 126]

Образ Фаины связан с огнем теснейшим образом, причем огонь ассоциируется здесь не только с зарей (как было в первом томе лирики), но также с топосами свободы и бури: «Везде, где просторно, пахнет гарью!» [Там же. С. 140]. «Колдуя» на утесе, героиня говорит о собственной жизни как о сне и об ожидании героя-спасителя: «Я жизнь мою проспала! <...> (Бросается на землю.) Родимая! Родимая! Бури! Бури!» [Там же. С. 141]. Ассоциации с бурей – константная черта образа воительницы у Блока.

В финале пьесы воспроизводится центральная коллизия третьего тома лирики – забвение героя, – весьма важная также и во втором томе, где она обычно сопровождается бредом и смертью героя, спроецированного на Зигфрида (см., например, стихотворение «Бред»):

Герман (*в бреду*)

Слышу, звенит. Кони умчались. Открой лицо: я не помню тебя.

Фаина (*в тоске*)

Не смертью – жизнью дышу на тебя! <...>
Проснись, Герман! Будет спать! Здесь я одна! Только проснись!

Герман

Она говорит: проснись, Герман. – Нет, нет: ей все равно, все равно... Она показывает мне туда... Как там бело. Она кивает мне... уходит... уходит... ушла... Больше нет ее. – Холодно. Какой блеск! Какие звуки! Что это? Рог? Сухой треск барабанов! Вот он идет... идет герой – в крылатом шлеме, с мечом на плече... и навстречу... [З. Т. 6. Кн. 1. С. 156–157].

Как и в лирике, здесь возникают мотивы вечного возвращения, припоминания, постоянной, вневременной смены состояний «спасаемого» и «спасающего», которыми оказываются то герой, то обе героини. Таким образом, сюжет «Песни Судьбы» оказывается вписан в автобиографический миф Блока, в основе имеющий софийный миф в двух взаимодополнительных вариантах, причем, как и в лирике, этот сюжет в большой степени оказывается спроецирован на историю Зигфрида и Брунгильды. Одновременно, как в разделе «Родина» третьего тома лирики, сюжет осложняется национально-историческими, точнее, национально-мифологическими коннотациями, так что героиня в обеих своих ипостасях предстает еще и Россией.

Многочисленные упоминания о Зигфриде, нередко в ассоциации с Брунгильдой (как и вагнеровские аллюзии вообще, но мы рассматриваем только те из них, что непосредственно связаны с валькирией), встречаем и в публицистике Блока, и в эго-документах (письмах, дневниках). Здесь они тем более не складываются в целостный сюжет, зато дают представление о том, в какой огромной степени мировоззрение Блока во всех его мелких частностях и, казалось бы, сиюминутных суждениях базировалось на софийном (гностическом) мифе, ибо, как мы пытались показать, валькирия и, шире, воительница предстает у Блока вариантом софийной героини, только чаще не в пассивной ее, а в активной ипостаси. Наиболее часто такого рода аллюзии связываются с именами Вагнера и Ибсена и со следующими мотивами.

Во-первых, это *пробуждение от сна* и *освобождение Мировой Души*: «Здесь лежит огненное кольцо с провалом в пустоту смертного сна Валькирии, и над этим провалом должен возникнуть Зигфрид, косматая юность, залог пробуждения от сна...» [З. Т. 7. С. 179]; «Так Зигфрид <...> разрывает огненное кольцо и обретает свою любовь и гибель близ дочери Хаоса, которую он разбудил» [З. Т. 8. С. 144]. Это именование Брунгильды «дочерью Хаоса» позволяет включить ее в ряд, который выстраивает Блок в статье «Рыцарь-монах» (о Вл. Соловьеве), и делает совершенно очевидной блоковский ассоциацию Брунгильды и Вечной Женственности (ср. у Соловьева: «Темного хаоса светлая дочь!» [13. С. 107]): «...одно земное дело: дело освобождения пленной Царевны, Мировой Души, страстно тоскующей в объятиях Хаоса и пребывающей в тайном союзе с “космическим умом”. <...> Пожелаем друг другу,

чтобы каждый из нас был верен древнему мифу о Персее и Андромеде; все мы <...> должны принять участие в освобождении плененной Хаосом Царевны – Мировой и своей души» [3. Т. 8. С. 140–142].

Во-вторых, *прохождение сквозь море огня*: «...произошло решительно все, что должно произойти с героем, носителем мировой воли; но произошло не в дремучем лесу, не в молниях и радугах Валгаллы, не в огненном кольце спящей Валькирии, дочери Хаоса...» [Там же. С. 65]. В-третьих, эсхатологический (берущий начало из Откровения Иоанна Богослова, стихи 2: 4–5) мотив *верности «первой любви»* («...Ибсен не изменился, то есть не изменил своему пути и “призванию”, своей юности, своей *первой любви*...» [Там же. С. 66]; «В первой юности нам было дано неложное обетование. <...> Может быть, мы сами и погибнем, но останется заря той *первой любви*» [Там же. С. 130]), с одной стороны, и *героизма и измены, а также наказания за измену*, т.е., в конечном счете, *юности и возмездия*, с другой (Зигфрид у Блока неизменно предстает как воплощение юности): «...человек может достигнуть вершины славы, свершить много великих дел, может облагодетельствовать человечество, но – горе ему, если на своем восходящем пути он изменит юности, или, как сказано в Новом завете, “оставит первую любовь свою”» [Там же. С. 69]. Ср. в «Саге о Вёльсунгах», которую Блок с огромной вероятностью читал еще будучи студентом (в библиотеке Блока она присутствует с 1912 г., во втором томе следующего издания: «Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов О. Петерсон и Е. Балобановой». СПб., 1896–1900), наставление Брунгильды Сигурду: «...будь верен своей клятве, потому что страшное возмездие ждет вероломных» [14. Т. 2. С. 99]; далее Сигурд клянется жениться на ней: «...я клянусь в том, что на тебе хочу я жениться, потому что ты только и пришлась мне по сердцу. <...> Уговор этот закрепили они между собою торжественною клятвой» [Там же]; клятву эту он, как известно, нарушит. Мотив измены первой любви очень тесно связан в сознании Блока с историей героя Зигфрида и сверхъестественной девы-валькирии, как свидетельствуют постоянные отсылки к ней (в следующей цитате это ковка меча и разговор Зигфрида с русалками, дочерьми Рейна, в финале «Гибели богов»): «...слышны звонкие удары человеческого молота. Это – человек, весь окровавленный, избитый, израненный, идет к своему возрождению лишь ему ведомым, страшным, трагическим путем. <...> эстетика – не жизнь, и если первая венчает изменника, уничтожающего любимое, то вторая беспощадно карает его и бьет бичом Судьбы⁷, <...> “ведет его туда, куда он не хочет”, – дальше от берега, в глубь речного затона» [3. Т. 8. С. 24].

В-четвертых, мотив *сотворения собственной судьбы как акта мужественности*: «...хочу действительности, чувствую, что близится опять *огонь*, что жизнь не ждет (она не успеет ждать – *он сам* прилетит), хочу много ненавидеть, хочу быть жестче» [11. Т. 8. С. 131]. В-пятых, мотив *хаоса и конца времен*: «“Немногие подозревают эту нашу грядущую Валгал-

лу – Сион”. <...> Мы видим себя уже как бы на фоне зарева, <...> а под нами – громыхающая и огнедышащая гора» [3. Т. 8. С. 95]; «Гете <...> будет наблюдать языки огня, которые начнут скоро струиться в этом храме на месте солнечных лучей <...> Он <...> подает руку Рихарду Вагнеру, автору темы огней в “Валькирии” <...>. Вагнер всегда возмущает ключи; он был вызывателем и заклинателем древнего хаоса. Ибсен уводит на опасные и острые скалы» [11. Т. 6. С. 96, 109].

В-шестых, мотив *любви-ненависти*: «Как можно ненавидеть и ставить жертвенник в одно время? Как вообще можно одновременно ненавидеть и любить? <...> Вот этот яд ненавистнической любви <...> и спас Вагнера от гибели и поругания. Этот яд, разлитый во всех его творениях, и есть то “новое”, которому суждено будущее» [Там же. С. 25]; «Романтизм и есть культура, которая находится в непрерывной борьбе со стихией; в этой неустанной борьбе он твердит своему врагу: “Я ненавижу тебя, потому что слишком люблю тебя. Я борюсь с тобой, потому что тоскую о тебе, как ты тоскуешь обо мне, и хочу спасти тебя, и ты, возлюбленная, будешь моей” <...> музыкальная драма есть создание того же романтизма – через Глюка к Вагнеру» [Там же. С. 368]. Как видим, здесь разворачивается тот же комплекс представлений, что в более сложной, синтетической, потаенной и сжатой форме представлен в лирике и театре Блока.

Напоследок хотелось бы коснуться того, как автобиографический миф Блока проецировался уже не на его творчество, а на его жизнь, вписывался в его жизнетворчество. Так, крайне интересно, что Любовь Дмитриевна Менделеева-Блок, несомненно, видела себя Брунгильдой. В письме Блоку от 28 мая 1907 г. она сравнивает себя с валькирией: «...мне очень я понравилась в мужском костюме <...> уж не Валькирия ли; воинственная, да, а Г<еоргию> И<ванови>чу на радость, – вестница смерти (басом: “смёёрть”))» [15. С. 252]. 8 июня 1907 г. Любовь Дмитриевна продолжает тему: «Вот я нашла себе роль-то! Тетя посоветовала. В “Воителях в Гельголанде” Йордис. Великолепная, всё, что я хотела. Буду ее учить и очень хотела бы в ней дебютировать» [Там же. С. 258]⁸. Как известно, эта ибсеновская пьеса написана по мотивам «Саги о Вёльсунгах», и Йордис там – та же Брунгильда. Характерно, что цитируемые письма пишутся в самый разгар увлечения Блока Н.Н. Волоховой, так что последняя, видимо, в сознании Любви Дмитриевны предстает в образе Гутруны, а она сама – в образе забытой (но не вполне и не окончательно) «первой любви». Отметим также тяготение Л.Д. Блок к образу воительницы вообще, в частности, ее любовь к Жанне д’Арк – см., например, ее письмо от 12/25 июня 1911 г.: «Здесь очень много Jeanne d’Ark почти в каждой церкви есть ее статуя. Я люблю их особенно и купила себе маленькую статуэтку в St. Germain d’Auxeroi...» [15. С. 387].

Блок же в переписке с женой на все лады варьирует мотив спящей царевны (и, само собой, спящей Брунгильды), имея в виду саму Любовь Дмитриевну и говоря о необходимости пробуждения. При этом уже в 1903 г. возникает столь важная впоследствии

ассоциация валькирии и софийной героини: по мнению поэта, Прекрасной «Даме <...> должно быть, знакомо и близко чувство сильной страсти, наивной и некультурной <...> германской страсти Валькирий и Богов» [15. С. 161]. В воспоминаниях Л.Д. Блок «И были и небылицы о Блоке и о себе» опять же возникает образ валькирии, спящей посреди моря огня, – образ, который она ассоциирует с собственной личностью. Но теперь, постфактум, он связывается ею и с мотивом гибельных иллюзий – жизнетворчества, создающего над реальностью «облако паров»: «Теперь я научилась остро смотреть на все окружающее меня – и предметы, и людей, и природу. Так же отчетливо вижу и в прошлом. Тогда все было в дымке. Вечно перед глазами какой-то “романтический туман”. Тем более Блок и окружающие его предметы и пространство. <...> Но ведь это и есть то кольцо огней и клубящихся паров вокруг Брунгильды, которое потом было так понятно на спектаклях Мариинского театра. Ведь они не только защищают Валькирию, но и она отделена ими от мира и от своего героя, видит его сквозь эту огненно-туманную завесу» [16. С. 28].

Приведем также два отрывка из «Воспоминаний о Блоке» Андрея Белого, где писатель тоже сближает Любовь Дмитриевну и Брунгильду в контексте идеи жизнетворчества. Он рассказывает о 1905 году: «Будем же высекать жизнетворчество; настроение такое складывалось в А.А. <...> В то время Л.Д. увлекалась Вагнером; часто А.А. и Л.Д. посещали в те дни представления “Кольца” <...>; мы слушали вместе “Валькирию”; звуки “Валькирии” пересекались со звуками, извлекаемыми меж нами; да, кто-то из нас был Вотаном; и кто-то, наверное, – Зигфридом; явно: в Л.Д. проявлялись отчетливо жесты Валькирии...» [17. С. 195].

Начало раздора между собой и Блоком Андрей Белый описывает так: «...издали, из молчания фехтовались друг с другом; “идеи”, которыми жили, казались Брунгильдой, похищенной темным Драконом; хотелось Дракона убить».

Очень помнится мне, что в то именно время Л.Д. показала рукой картину, повешенную на стене, изображавшую привязанную Брунгильду; у ног же ее извивался Дракон.

И сказала она:

– Освободите Брунгильду!

Я понял, что нас призывает она на последний, решительный бой:

– Что такое Дракон?

Он есть демон уныния, косности, разочарованной лени; он – дух буржуазности, жизнь без подвига; и – выходило: А.А., унывающий и угрюмо сидящий часами на кочках, – причина победы Дракона...» [17. С. 180–181].

Обращает на себя внимание описание этой картины, на которой, согласно Белому, оказываются совмещены два в разное время совершенных подвига Зигфрида: убийство Фафнера и пробуждение Брунгильды. Не обманывает ли Белого память, и было ли это действительно изображение Брунгильды («привязанной»!), а не Андромеды из мифа о Персее (или

царевны из легенды о св. Георгии)? Тем более, что суть этих легенд, как она виделась Блоку и Белому, была одной и той же – спасением Вечной Женственности. Возможно также, что это изображение отсылало к «Сказанию о Роговом Зигфриде», где Зигфрид действительно спасает от извергающего пламя дракона плененную в скалах девицу (Кримгильду) и увозит невесту, «а вместе с нею и сокровище Нибелунгов» [14. Т. 3. С. 318].

Характерно, что на «Брунгильду» указывает и призывает к ее «освобождению» именно Любовь Дмитриевна, хотя в данном контексте этот персонаж предстает не столько ее «прототипом», сколько мистической идеей. Таким образом, вновь как бы устанавливается их «родство» в жизнетворческом сюжете Блока. Тем не менее, даже имея в виду эти идентификации и самоидентификации, не будем забывать, что черты валькирии и / или воительницы вообще в творчестве Блока приобретают героини, вдохновленные не только Любовью Дмитриевной, т.е. этот образ и связанный с ним мотивно-сюжетный комплекс в его художественном мире оказывается шире, чем биографический подтекст.

Итак, воительница у Блока (и, в частности, Брунгильда) – это вариант софийной героини, так что к ней прикрепляются мотивы, связанные у Блока и с другими ипостасями последней, а важнейшими источниками остаются гностицизм и соловьевство; ими отчетливо окрашивается и блоковское вагнерианство. Связанные с воительницей мотивы, заданные в лирике, проявляются и в драматическом, и в публицистическом наследии Блока (нередко они выражены и теми же словесными формулами), но особенно многочисленны они в пьесе «Песня Судьбы», хотя даже и там не разворачиваются в целостный мифологический или вагнеровский сюжет (что в принципе характерно для Блока).

Интересно, что в типологическом отношении основная линия блоковской креативной рецепции образа воительницы и традиционно связанного с ней мотивно-сюжетного комплекса соединяет две сюжетные возможности – казалось бы, противоположные. С одной стороны, происходит испытание силы героем и героиней, причем (пусть и в виде отдаленного результата) оно сопровождается гибелью либо одного, либо обоих персонажей; с другой стороны, осуществляется отказ персонажей от испытания силы, и поединок в качестве основного мотива замещается любовным преследованием, эротическим поиском. Благодаря тому, что у Блока основной сюжетной коллизией является гностическая коллизия спасения, пробуждения одного персонажа другим, причем статус «спасающего» и «спасаемого» оказывается меняющимся, нестабильным, осциллирующим (как и факт осуществления / неосуществления интенции спасения), эти сюжетные возможности чередуются, мерцают, взаимодействуют. Так, Фаина и Герман, несомненно, связаны отношениями любви-вражды, и героиня даже побеждает героя в полуметафорическом поединке, но при этом Герман призван спасти героиню, тогда как в другой своей ипостаси (Елены), напротив, именно героиня в перспективе спасает героя.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В черновиках – следующие варианты этой строки: «дева! / дева, жадно (?) Путь мой – к победам! /а Ты – победитель /б Я – победитель» [З. Т. 6. Кн. 1. С. 178], что ярче выявляет суть деви-воительницы.
- ² Насколько нам известно, такие параллели никогда не проводились. Но они, возможно, покажутся более убедительными, если вспомнить о явной связи пьесы с поэмой «Ночная Фиалка», а через нее – как многократно отмечалось – с «Северной симфонией» Андрея Белого, полной образами скандинавской мифологии, и с книгой Р. Вагнера «Вибелунги: Всемирная история на основании сказания» (1848), чье последнее издание сохранилось в библиотеке Блока.
- ³ Как показала О.И. Тогоева, эта параллель восходит еще к раннесредневековому соотнесению Богородицы и Афины Паллады в их функциях «защитницы города»; отсюда образ «так называемой *Virgo militans* (рубеж VIII–IX вв.), на котором она была представлена в доспехах римского воина, с крестом-скипетром (отсылавшим к иконографическому типу *Christus militans* <...>)» [4. С. 315]. Воинственные элементы в образе Богородицы проявляются и в средневековом иконографическом сюжете побивания ею бесов, когда она грозит им палицей или дубиной. Напомним, что Блок собирался писать кандидатское сочинение о чудотворных иконах Божьей Матери, т.е. должен был хорошо разбираться в иконографии Богородицы – не говоря уже о том, что в переведенном Блоком в 1907 г. средневековом «Действе о Теофиле» Богородица лично, своими руками, побеждает дьявола, «намяв ему бока», и отбирает у него расписку Теофила.
- ⁴ Отметим мотив сна героя, принципиальный и для лирики Блока в связи с дополнительным вариантом гностического мифа (при котором не герой спасает спящую Душу Мира, а софийная героиня спасает сонного, пленного, заблудившегося – как в случае «Песни Судьбы» – героя).
- ⁵ По нашему мнению, это вариация идиллического блоковского мотива «бела вишенья», характерного для первого тома лирики, и одновременно – отсылка к иконографическому типу Богородицы Неувядаемый Цвет.
- ⁶ Образ героини-змеи, столь характерный для лирики Блока второго тома, не раз получал у него валькирический ответ; см., например: «И потом, на холмы насылая туманы, / Ты, Валькирия, Дева-Змея, / Будешь страстью лечить мои знойные раны / Под неверным мерцаньем копья» [З. Т. 2. С. 465].
- ⁷ Ср. с бичом Фаины, которая предстает перед Германом, как «Судьба перед Героем», в «Песне судьбы».
- ⁸ Ср. в заметке Блока «О репертуаре» (апрель 1920): «Когда думали о пьесах с главной женской ролью, то вспоминали: <...> Воители в Гельголанде, или Северные богатыри (Иордис), Орлеанскую деву...» [11. Т. 6. С. 477].

ЛИТЕРАТУРА

1. Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997.
2. Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей: в 2 т. [Репринт с изд. 1907, 1922 гг.]. М., 1995.
3. Блок А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1997–.
4. Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой: Две жизни Жанны д'Арк. М.; СПб., 2016.
5. Гозенпуд А. Рихард Вагнер и русская культура. Л., 1990.
6. Бенуа А. Мои воспоминания. Кн. 4–5. М., 1980.
7. Вагнер Р. Валькирия. Первый день трилогии «Кольцо Нибелунга» / пер. В. Коломийцева. М., 1911.
8. Вагнер Р. Валькирия / пер. И. Тюменева. Изд. 5-е. М., [1900].
9. Вагнер Р. Гибель богов / пер. И. Тюменева. Изд. 2-е. М., 1904.
10. Вагнер Р. Закат богов. Третий день трилогии «Кольцо Нибелунга» / пер. В. Коломийцева. М., 1912.
11. Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1960–1963.
12. Гвоздецкая Н.Ю. Деви-лебеди и валькирии в древнеисландской мифопоэтической традиции // Атлантика: Записки по исторической поэтике. М., 2011. Вып. IX. С. 71–88.
13. Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.
14. Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов О. Петерсон и Е. Балобановой: в 3 т. СПб., 1896–1900.
15. А.А. Блок – Л.Д. Менделеева-Блок. Переписка. 1901–1917. М., 2017.
16. Блок Л.Д. И были и небылицы о Блоке и о себе. Бремен, 1979.
17. Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. М., 1995.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 марта 2019 г.

The Image of a Female Warrior in the Creative World of A. Blok (Based on His Dramas and Prose)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 44–53.

DOI: 10.17223/15617793/443/5

Veronika B. Zuseva-Özkan, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Keywords: female warrior; Valkyrie; Brünnhilde; Wagner; Sophia-like heroine; Gnostic plot; autobiographical myth.

This article deals with the image of the female warrior in Blok's dramatic heritage, journalism, and ego-documents (in their relation to Blok's lyrics). The female warrior is interpreted by Blok as a variant of Sophia-like character, is given only one "mythological" name – Brünnhilde, and is mainly projected onto Wagner's interpretation of this figure in his tetralogy *Der Ring des Nibelungen*. But Blok does not usually give such a character any specific name, and the undeniable references to Siegfried and Brünnhilde's story (such as hero's passing through the fire surrounding the sleeping heroine and her awakening, betrayal and death of the hero, involuntary oblivion and fatal non-recognition of the "first love", "double" funeral pyre, etc.) are complemented by general mythic associations and archetypal motifs originating from various traditions and related to the female warrior, the "goddess of armies", Valkyrie (duel, love-hate and love-fight, headlong gallop or soaring on a horse, heroine's independence of conduct, including in her choice of her beloved, associations with storm, thunder, lightning, correlation with the image of the swan maiden). The poet never reproduces the whole plot (be it the traditional plot of the fight between the hero and the female warrior or the Wagnerian plot of the awakening by the hero of the sleeping heroine who formerly sacrificed herself for his salvation, of their short marriage, his departure into the wide world, his oblivion and recognition of the "love he had at first" at the death's door) or even a succession of its episodes. Almost always the matter is limited to a recognizable motif or a complex of motifs which combine with genetically different ones and are interwoven into the plot of Blok's autobiographical myth based on the Gnostic (Sophian) myth in its two variants – of the imprisoned, enchanted and sleeping World Soul waiting to be rescued by the hero, and of the hero who is captured by evil forces and released by the Sophia-like heroine. Both variants of the Gnostic myth may be discerned in the plot of Wagner's tetralogy; the story of

Siegfried and Brünnhilde as an incarnation of the old myth later connected to the Gnostic ideas was described by Th. Zieliński in his book *The Rivals of Christianity* (Chapter “Beautiful Helen”) which Blok was familiar with since his student years. The motif and plot complex Blok associated with the image of the female warrior is the most clearly presented and detailed in his play *The Song of Fate* (1908). Due to the fact that the status of the characters that save or are saved in Blok’s works is changing, non-stable, two plot types characteristic for the figure of the female warrior also alternate and reflect one another: the contest of strength between the hero and the female warrior, on the one hand, and withdrawal from fight, the erotic quest, on the other. Faina and German in *The Song of Fate* are undoubtedly entangled in a relationship of love-hate, and Faina even defeats the hero in a half-metaphorical duel, but at the same time German is intended to save her, while in her another hypostasis (that of Elena) it is the heroine who ultimately saves the hero.

REFERENCES

1. Magomedova, D.M. (1997) *Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve A. Bloka* [Autobiographical myth in the works of A. Blok]. Moscow: IChP “Martin”.
2. Zelinskiy, F.F. (1995) *Iz zhizni idey: v 2 t.* [From the life of ideas: In 2 vols]. Reprint of 1907 and 1922 editions Moscow: Ladomir.
3. Blok, A. (1997–2014) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Moscow: Nauka.
4. Togoeva, O.I. (2016) *Eretichka, stavshaya svyatoy: Dve zhizni Zhanny d’Ark* [A heretic who has become a saint: Two lives of Joan of Arc]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
5. Gozenpud, A. (1990) *Rikhard Vagner i russkaya kul’tura* [Richard Wagner and Russian culture]. Leningrad: Sovetskiy kompozitor.
6. Benua, A. (1980) *Moi vospominaniya* [My memories]. Books 4–5. Moscow: Nauka.
7. Wagner, R. (1911) *Valkiriya. Pervyy den’ trilogii “Kol’tso Nibelunga”* [Valkyrie. Day 1 of the trilogy “The Ring of the Nibelung”]. Translated from German by V. Kolomyitsev. Moscow: P. Yurgenson.
8. Wagner, R. (1900) *Val’kiriya* [Valkyrie]. Translated from German by I. Tyumenev. 5th ed. Moscow: Izd. P. Yurgensona.
9. Wagner, R. (1904) *Gibel’ bogov* [The Death of the Gods]. Translated from German by I. Tyumeneva. 2nd ed. Moscow: P. Yurgenson.
10. Wagner, R. (1912) *Zakat bogov. Tretiy den’ trilogii “Kol’tso Nibelunga”* [The Dusk of the Gods. Day 3 of the trilogy “The Ring of the Nibelung”]. Translated from German by V. Kolomyitsev. Moscow: P. Yurgenson.
11. Blok, A. (1960–1963) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: In 8 vols]. Moscow: Goslitizdat.
12. Gvozdet’skaya, N.Yu. (2011) *Devy-lebedi i val’kirii v drevneislandskoy mifopicheskoy traditsii* [Swan maidens and Valkyries in the Old Norse mythical epic tradition]. In: Smiritskaya, O.A. et al. (eds) *Atlantika: Zapiski po istoricheskoy poetike* [Atlantic: Notes on Historical Poetics]. Is. 9. Moscow: Moscow State University.
13. Solov’ev, V.I. (1974) *Stikhotvoreniya i shutochnye p’esy* [Poems and comic plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel’.
14. Petersson, O. & Balobanova, E. (1896–1900) *Zapadnoevropeyskiy epos i srednevekovyy roman v pereskazakh i sokrashchennykh perevodakh s podlinnykh tekстов O. Peterson i E. Balobanovoy: v 3 t.* [The Western European epic and medieval novel in retelling and abridged translations from original texts by O. Peterson and E. Balobanova: in 3 vols]. St. Petersburg: S.-Peterburgskaya gubernskaya tipografiya.
15. Lavrov, A.V. et al. (eds) (2017) *A.A. Blok – L.D. Mendeleeva-Blok. Perepiska. 1901–1917* [A.A. Blok – L.D. Mendeleeva-Block. Correspondence. 1901–1917]. Moscow: IMLI RAN.
16. Blok, L.D. (1979) *I byli i nebylitsy o Bloke i o sebe* [Anecdotes and myths about Blok and about myself]. Bremen: Kafka-Press.
17. Bely, A. (1995) *Sobranie sochineniy. Vospominaniya o Bloke* [Collected Works. Memories of Blok]. Moscow: Respublika.

Received: 20 March 2019

И.Н. Ломакина

ОСОБЕННОСТИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО РЕМЕЙКА (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ “READER, I MARRIED HIM” ПОД РЕДАКЦИЕЙ Т. ШЕВАЛЬЕ)

Анализируется специфика постмодернистского ремейка, ставшего в англоязычной художественной литературе средством преодоления творческого кризиса, обусловленного недостатком оригинальных идей и тем. Рассматриваются теоретические труды, посвященные изучению ремейка. Приводится алгоритм анализа литературного ремейка, апробированный в практической части исследования. Предлагается новая классификация разновидностей ремейка, включающая монореферентный / полиреферентный, одноуровневый / многоуровневый ремейки, наряду с ремейком-подражанием, ремейком-дополнением и ремейком-преобразованием.

Ключевые слова: ремейк; постмодернизм; Т. Шевалье; интертекстуальность; аллюзия.

Игровая природа постмодернистской литературы, усложнение структурно-композиционной организации текста и отказ авторов от морально-этической оценки изображаемых событий в последние десятилетия привели к ослаблению интереса читателей к подобной художественной прозе, слишком сложной для понимания и далекой от литературной классики. Стремясь преодолеть идейный кризис, писатели используют классические литературные образцы в качестве претекста и материала для дальнейшей «творческой обработки». Речь идет не только об интертекстуальных заимствованиях, но и о более сложных модификациях. В частности, М. Загидуллина отмечает: «Отличие ремейка от интертекстуальности литературы нового времени заключается в афишированной и подчеркнутой ориентации на один конкретный классический образец, в расчете на узнаваемость “исходного текста” (причем не отдельного элемента – аллюзии, а всего “корпуса” оригинала)» [1]. Т.О. Холодинская сопоставляет пародию и ремейк, аргументируя, вслед за Р. Дайером, их зависимость от рецепции читателей. Для ремейка характерно «ностальгическое отношение к претексту», взаимодействие различных жанров, в результате чего «возникают нетрадиционные жанровые формы» [2. С. 60].

Как полагает М.А. Сиривля, «ремейк с точки зрения литературного содержания – это форма переосмысления классических произведений, результатом которого становится новый текст, повторяющий сюжет классического» [3. С. 37]. Е.Е. Шлейникова аргументирует связь ремейка с другими «разноуровневыми формами деконструкции» (пародией, пастишем, интертекстуальностью) [4. С. 140]. Особенностью ремейка является «смыслопорождающая и формообразующая нагрузка», которая «отличает ремейк среди многообразия интертекстуальных подходов» [Там же. С. 141]. В отличие от М.А. Сиривли, Е.Е. Шлейникова упоминает не только переосмысление сюжета, характерное для ремейка, но и трансформацию тематики, идей, образности и даже жанра исходного текста, о чем пишет и Т.О. Холодинская.

Очень важная мысль о природе ремейка содержится в научной статье М.Р. Арпентьевой: «Ремейк не цитирует и не пародирует источник, но, по своей первичной функции, наполняет его новым, более актуальным в

данной социально-политической и культурно-исторической среде содержанием, “с большой оглядкой” на образец» [5. С. 9]. Одно из наиболее полных определений ремейка предлагает Е. Таразевич: «Ремейк – художественный прием деконструкции известных классических сюжетов художественных произведений, в которых авторы по-новому воссоздают, переосмысливают, развивают или обыгрывают их на уровне жанра, сюжета, идеи, проблематики, героев» (цит. по: [5. С. 11]). Е. Таразевич и Т. Ратабыльская предлагают следующую классификацию ремейков: «ремейк-мотив» (заимствование и трансформация мотива претекста), «ремейк-сиквел» (продолжение сюжета оригинального произведения), «ремейк-стеб» (пародийное преобразование претекста); «ремейк-репродукция» (интермедияльная деконструкция, жанровые трансформации), «ремейк-контаминация» (использование нескольких претекстов) (цит. по: [5. С. 10]). Особый интерес представляет постмодернистский ремейк, или п-ремейк, который представляет собой «текст, повторяющий общую сюжетную схему первоисточника, постоянно отсылающий к первоисточнику, постоянно цитирующий первоисточник, прямо или травестийно» (цит. по: [5. С. 10]). Анализируя природу кинематографического ремейка, Я.А. Пархоменко пишет: «Все его [п-ремейка] структурные элементы подвергаются деформации, преувеличенной иронизации, травестированию (переделка художественного произведения, с целью придания ему какого-либо нового вида, неожиданной формы или искаженного содержания) или искажению вплоть до полного обесмысливания и абсурда» [6. С. 28].

Целью исследования является изучение специфики постмодернистского ремейка, а также разработка алгоритма его литературного анализа. Очевидно, что назрела необходимость формулировки определенных критериев сопоставления оригинального текста и ремейка.

Первым шагом является идентификация одного или нескольких претекстов, что позволит на начальном этапе отнести ремейк к разряду контаминированного, т.е. опирающегося на два и более оригинальных текста. Нередко информация о претексте содержится во вступлении, посвящении автора или даже самом названии произведения, например, «Памяти Печори-

на» (1985) Н. Садур, «Чайка» (2000) Б. Акунина, «Джейн» (*Jane*, 2010) Э. Линднер, «Мориарти» (*Moriarty*, 2014) Э. Горовица.

Второй шаг – гипотетическое «совмещение» оригинального текста и ремейка с целью выявления степени сходства двух произведений. Как было отмечено выше, наличие в художественном тексте исключительно аллюзий не свидетельствует о его принадлежности к ремейку, под которым понимается комплексное, глобальное преобразование претекста, его деконструкция и переосмысление. Максимальное сходство двух текстов также не является показателем удачного ремейка, в частности, – ремейка постмодернистского; оно, скорее, свидетельствует о намерении автора создать сиквел, своего рода продолжение оригинального произведения.

Третий этап анализа ремейка – поиск сходств с оригинальным текстом и отличий от него на уровне сюжета, тематики, мотива, системы образов (персонажей), наррации. Безусловно, для узнаваемости претекста авторы ремейков нередко сохраняют одного или нескольких оригинальных персонажей, при этом меняя их личностные характеристики и роль в построении сюжета и развитии действия. Заимствование мотива, элементов сюжета является одной из отличительных особенностей ремейка. Некоторые авторы прибегают к повествовательным трансформациям, в результате чего нарратором может выступать второстепенный персонаж, при этом изображаемые события предстают перед читателем под другим углом зрения.

Четвертый шаг – установление наличия или отсутствия в ремейке элементов стилизации, попыток воспроизведения идиостиля и идиолекта автора оригинального текста, иногда – в ироничном и пародийном ключе, характерном для ремейка-стеба.

Пятым (завершающим) этапом анализа видится систематизация базовых характеристик изучаемого ремейка и выявление его функциональной и смысловой нагрузки, что будет продемонстрировано в практической части данного исследования.

Материалом исследования послужил сборник рассказов *Reader, I Married Him* (2016), отредактированный известной англо-американской писательницей Трейси Шевалье, которая и выступила автором идеи и инициатором создания ремейков романа Ш. Бронте «Джейн Эйр». В предисловии к изданию Т. Шевалье пишет: «Jane is the embodiment of the underdog who ultimately triumphs. And who doesn't support the underdog? No matter what our circumstances, most of us see ourselves as underdogs; we can relate to her, and cheer her on» [7. Р. 7]. В сборник вошел 21 рассказ, авторами выступили как известные (С. Вickers, Х. Данмор, Э. Донахью, Ф. Проуз, С. Холл, С. Хилл, Т. Шевалье, Л. Шрайвер), так и начинающие писательницы (К. Ганн, Л. Грант, Н. Мохамед, О. Ниффенеггер, Э. Фрейд и др.).

Возвращаясь к предложенной схеме анализа ремейка, акцентируем внимание на своеобразии материала исследования: в отличие от контаминированного ремейка, опирающегося на два и более претекста, перед нами предстает целый ряд произведений, авторы кото-

рых предпринимают попытку деконструкции и переосмысления одного романа, что позволяет проследить широкий спектр возможных вариаций ремейка.

Большинство представленных рассказов строится на современном прочтении мотива неравного брака, запретных отношений, осуждаемых обществом (в оригинале – любовь женатого Эдварда Рочестера к гувернантке Джейн Эйр). В частности, С. Хилл в рассказе «Читатель, я вышла за него» (*Reader, I Married Him*) повествует об отречении от престола Эдуарда VIII, причиной которого стал брак с разведенной американкой Уоллис Симпсон. Нарратором выступает сама миссис Симпсон, которая тяжело переживает презрение общества: «There was nothing they did not say about me, no name I wasn't called. I was abused to my face and behind my back. They said I was ambitious, hard and ruthless and would stop at nothing to get what I wanted» [7. Р. 65]. Хотя в рассказе короля зовут Дэвид, реальные исторические лица и события легко узнаваемы, несмотря на авторскую трансформацию. Данное произведение С. Хилл представляет собой ремейк-мотив с элементами историографической метафикциональности.

Ремейк-пародия Тессы Хэдли «Свадьба моей матери» (*My Mother's Wedding*) представляет иное прочтение оригинального текста. В отличие от протагониста Ш. Бронте, героиня Т. Хэдли – уверенная в себе девушка, готовая высказать свое мнение в любой ситуации: «That was the way life was divided up between me and my mother. I knew about things, and she was beautiful» [Ibid. Р. 13]. Если в «Джейн Эйр» на пути к счастью главной героини стоит законная супруга мистера Рочестера, то в ремейке – мать юной Джейн, ведь девушка влюбляется в будущего отца.

Т. Хэдли не только пародирует отдельных персонажей «Джейн Эйр», гиперболизируя и осовременивая их черты характера (Джону Риду соответствует глупая и лживая Итти, сестра главной героини, Бланш Ингрэм – мать Джейн, Сент-Джону Риверсу – Патрик), но и придает неожиданный поворот «классическим» сюжетным ходам претекста. В частности, эпизоду с самоубийством Берты Рочестер, выпрыгнувшей из пылающего Торнфилд-холла, в рассказе Т. Хэдли соответствует прыжок из окна Итти: «And then she stepped forward out of the window into nothingness, flopping down like a doll and landing with a thud on a heap of rubble overgrown with nettles» [Ibid. Р. 16]. Младшая сестра Джейн влюбляется в жениха матери, Патрика, и решает привлечь к себе внимание и сорвать свадьбу. Девочка прыгает со второго этажа в куст крапивы, не получив при этом никаких повреждений. Мать успокаивает Итти, попросив Джейн передать жениху и гостям, что она задерживается. Однако, девушка поступает по-своему: «... I put my arms around his neck and kissed him. "Mum's not coming," I said. "Marry me." <...> "Marry her, marry Janey instead," they all called encouragingly, maliciously» [Ibid. Р. 17]. Импульсивный поступок Джейн, тайно влюбленной в Патрика, усиливает трагикомизм ситуации, доводя ее до абсурда. Гости, подначивающие жениха взять в жены будущую падчерицу, предстают действующими лицами некоего фарса. В пародийном

ремейке Тессы Хэдли имеет место переосмысление мотива, отдельных элементов сюжета, некоторых действующих лиц, но при этом отсутствует стилизация, а повествовательная инстанция претекста остается неизменной.

Оригинальную интерпретацию классического сюжета предлагает в своем рассказе «Сиротский обмен» (*The Orphan Exchange*) Одри Ниффенеггер. Хотя события происходят в наше время, начало повествования имеет большое сходство с оригиналом. В некоторых эпизодах, изображающих будни Джейн в сиротском приюте, присутствует стилизация: «Our hair was cut short as a defence against lice and vanity» [7. P. 154]. Цитата вызывает в памяти абсурдную методику воспитания преподобного Брокхерста, директора Ловудского приюта. Подобно благотворительному учреждению в романе Ш. Бронте, сиротский приют в рассказе О. Ниффенеггер также расположен в уединенной местности: «It [orphanage] stood by itself in a narrow valley that was prone to flooding, lacked protective trees and was vulnerable to passing planes and drones» [Ibid. P. 153]. Джейн попадает в приют в тяжелое военное время и знакомится с Хелен Бернс: «She [Helen] looked <...> as though she was an actress playing the part of an orphan and when the scene was over she would laugh and have a coffee and a cigarette and flirt with the director of the movie, of which she was obviously the heroine» [Ibid. P. 155]. Очевидно, что этот персонаж совсем не похож на свой прототип – тихую и набожную героиню Шарлотты Бронте.

В пятнадцатилетнем возрасте, по распоряжению руководства приюта, Джейн становится гувернанткой Адель, отец которой пропадает на работе, а мать – душевнобольная: «The dad was seldom at home and the mum was ill; she was kept in seclusion in a suite at the top of the house and I was warned not to speak to her» [Ibid. P. 159]. В отличие от претекста, Джейн изначально знает о существовании миссис Рочестер. Со временем подросшая Адель поступает в университет, и в услугах гувернантки больше не нуждаются. В ремейке полностью отсутствует линия романтических отношений Джейн и мистера Рочестера.

Блуждая по городу в поисках работы, героиня случайно встречает Хелен Бернс, которую директора приюта продали фармацевтической компании для тестирования опасных вакцин. Хелен рассказывает подруге: «They were testing biological weapons <...> They gave me smallpox and then my father wanted me returned to the Orphan Exchange, and they gave me the antidote, but it didn't quite work» [Ibid. P. 160]. Выясняется, что воспитанниц приюта «сдают на прокат» различным корпорациям и даже продают в сексуальное рабство: «<...> in exchange for us the place did not get bombed. So the other girls were protected in exchange for a few of us being handed over to the horror show» [Ibid. P. 160]. В результате бесчеловечного обращения Хелен теряет былую привлекательность, что не мешает Джейн воспылать к подруге детства отнюдь не дружескими чувствами: «When it eventually became legal, Reader, I married her» [Ibid. P. 160]. Тематика однополых отношений прослеживается и в рассказах Дж. Бриско, Э. Донохью и Э. Маккрэкен.

Ремейк О. Ниффенеггер имеет большее сходство с претекстом, нежели вышеупомянутое произведение Т. Хэдли. При описании места действия (сиротского приюта) автор применяет элементы стилизации, однако на смену викторианским реалиям приходят «атрибуты» современности – дроны, фармацевтические компании, однополый брак. О. Ниффенеггер в своем повествовании создает зловещую, напряженную атмосферу, что дает основание отнести рассказ «Сиротский приют» к ремейку-антиутопии.

Действие ремейка Кирсти Ганн «Опасный пёс» (*Dangerous Dog*) происходит в наши дни. Главная героиня Китти, как и Джейн Эйр, рано осиротела, но в отличие от протагониста Ш. Бронте, ее удочерила любящая супружеская пара. Повествуя о переломном моменте своей жизни, девушка апеллирует непосредственно к читателю. В рассказе присутствуют элементы стилизации претекста. Романтической сцене знакомства Дж. Эйр с мистером Рочестером в ремейке Кирсти Ганн соответствует комичный эпизод встречи Китти с мистером Ридом: «One day he cycled past me as I was in this kind of day dream and when I lunged out of my thoughts to shout "Hi!" he nearly fell off his bike, took a sort of tumble to avoid hitting me, but then went on his way» [7. P. 33]. В итоге Китти все же выходит замуж за писателя.

Очевидно, что в ремейке «Опасный пёс» прослеживаются тематические и сюжетные параллели с претекстом, например, сиротство, жестокое обращение (хулиганы в парке), неравный брак (мистер Рид намного старше Китти), вещие сны. Писательница «играет» с именами героев оригинального произведения. Так, если в «Джейн Эйр» мистер Рид – дядя (и кузен) главной героини, то в «Опасном псе» – возлюбленный Китти; у Шарлотты Бронте Рочестер – аристократ и главный герой произведения, у Кирсти Ганн – бездомный пес.

Рассказ Хелен Данмор «Грейс Пул: её свидетельство» (*Grace Poole Her Testimony*) представляет неожиданную интерпретацию классического сюжета. В отличие от вышеупомянутых ремейков, где, как и у Шарлотты Бронте, нарратором выступает молодая девушка, в произведении Х. Данмор повествование ведется от лица Грейс Пул. Автор сохраняет ключевых персонажей претекста, но кардинально меняет их личностные характеристики и по-своему интерпретирует сюжетную линию. В частности, Джейн Эйр предстает хитрой и лицемерной охотницей за богатством: «If the pale one had not come to this house we should all have kept on safe <...> She will have us all wrapped tight, I see him walking in the garden, and her walking after him, so sly and small and neat that you would never think twice of it» [Ibid. P. 29]. Писательница использует стилизацию, но созданный ею образ далек от оригинала: «But you could put your hand through Miss Eyre and never grasp her. I know what she is. There she seats in the window-seat, folded into the shadows, watching us. She has come here hunting» [Ibid. P. 30]. Если в оригинале Джейн Эйр не знает о существовании Берты Рочестер до самой свадьбы, то в ремейке гувернантка убеждает своего возлюбленного избавиться от постылой супруги: «She wants my lady gone. She spins out words in her head like a spider» [7. P. 29].

Так как повествование ведется именно от лица Грейс Пул, есть основания предполагать, что ее отношение к Джейн Эйр не лишено предвзятости ввиду ее былой симпатии к хозяину и любовной связи, завершившейся рождением ребенка, которого отдали на попечение кормилицы. Однако, по-видимому, служанка искренне привязана к первой жене мистера Рочестера, Берте: «Violent? Not she. Not my lady. Mr. R. brought Dr. Gallion here to measure her skull <...> Here, he said, this is the bump of Amativeness. A propensity to Combativity, do you see here, sir?» [Ibid. P. 26]. Здесь очевидна параллель с оригиналом, когда Рочестер, беседуя с Джейн Эйр, рассуждает о «шишке почтения» и «буграх тщеславия», апеллируя к модной в те времена френологии. Х. Данмор подводит читателя к мысли о том, что именно Грейс Пул подожгла Торнфилд-холл, желая препятствовать свадьбе Эдварда Рочестера и Джейн Эйр.

Если ремейк Х. Данмор характеризуется мрачной и зловещей атмосферой, то рассказ Салли Викерс «Читатель, она вышла за меня» (*Reader, She Married Me*) пронизан грустью и безысходностью. В качестве повествовательной инстанции выступает мистер Рочестер, который с ностальгией и нежностью вспоминает первые годы семейной жизни с Бертой. Смерть дочери Клары в младенчестве послужила ударом для супругов и пошатнула психическое здоровье миссис Рочестер. Обстановка в доме накаляется с приездом гувернантки, напомнимшей Эдварду его дочь: «With her girlish body and elfin looks she had come to seem to embody the daughter I might have had» [Ibid. P. 112]. В ремейке С. Викерс повествование не лишено пробелов и неясностей: если единственный ребенок Рочестеров умер, для кого пригласили гувернантку? Каким образом мистер Рочестер, предстающий перед читателем нежным и любящим супругом Берты, в конце рассказа женится на Джейн Эйр?

Как и в ремейке Х. Данмор, в данном произведении Джейн предстает коварной и расчетливой особой, упивающейся своей властью над искалеченным супругом: «For Jane would always have preferred me as I am now, maimed, under her control. In my full health and strength I was too much a match for her» [Ibid. P. 112]. Салли Викерс изображает классический сюжет под новым углом, изменив повествовательную инстанцию и отношения между персонажами.

Ремейк Франсин Проуз «Зеркало» (*Mirror*) основан на сюжетной линии претекста, но если роман Шарлотты Бронте завершается бракосочетанием героев, то в рассказе Ф. Проуз основные события разворачиваются как раз после свадьбы Рочестера и Джейн Эйр. Автор мастерски создает гнетущую атмосферу повествования, приобретающего черты триллера. Эдвард пытается убедить молодую супругу в том, что она психически больна: «Ultimately, I couldn't understand why my husband would want the mother of his son to have the reputation of being mentally ill. Unless this was part of an evil pattern, an elaborate psychosexual drama that my husband was playing out. Marry someone, drive her mad, burn the house down, marry someone else. Repeat» [7. P. 76]. Несмотря на то, что время действия в ремейке тождественно хронотопу оригинала, героиня

рассказа Ф. Проуз использует слово «психосексуальный», явно апеллируя к учению Зигмунда Фрейда.

Вспоминая о былой любви Эдварда Рочестера, Джейн обращается к читателю: «<...> possibly you are forgetting what he said to me in Chapter 27, the speech that goes on for pages and pages, during which he says everything that every woman wants to hear <...>» [Ibid. P. 74]. Франсин Проуз использует интертекстуальную отсылку к претексту, за которой следует обширная цитата из романа Ш. Бронте.

Упоминание в «Зеркале» триллера «Газовый свет» (*Gaslight*), снятого в 1944 г. американским режиссером Дж. Кьюкором, способствует созданию двойного плана повествования: напряженная атмосфера фильма перекликается с элементами саспенса, присутствующими в «Зеркале». В своем постмодернистском ремейке Ф. Проуз играет с читателем, мастерски сочетая стилизацию и аллюзии как на оригинальное произведение, так и на современный кинематограф.

Подводя итог, необходимо систематизировать и дополнить имеющиеся классификации ремейка, четче обозначив критерии разграничения его разновидностей и подробнее охарактеризовав постмодернистский ремейк. В частности, по отношению к претексту (оригинальному произведению) целесообразно выделить монореферентный, т.е. опирающийся на один претекст, и полиреферентный, основывающийся на двух и более претекстах, ремейк. Очевидно, что все представленные в анализируемом сборнике рассказы являются монореферентными ремейками. Предложенный Е. Таразевич и Т. Ратабыльской термин «ремейк-контаминация», или контаминированный ремейк, представляется нам не совсем удачным, так как его английский аналог – *contaminated* – переводится как «загрязненный, зараженный». По сложности структуры и внутренней организации, ремейк может быть одноуровневым и многоуровневым. Под одноуровневым ремейком понимается его соотнесенность лишь с одним уровнем художественной структуры претекста, например, ремейк-мотив (рассказы Э. Донохью, Н. Серпелл, С. Хилл). Многоуровневый же ремейк представляет собой комплексное преобразование исходного текста на уровне сюжета, системы образов, наррации и т.д. В зависимости от творческой задачи автора, выделим ремейк-подражание, ремейк-дополнение и ремейк-преобразование, при этом, говоря о многоуровневом ремейке, возможны комбинации этих разновидностей. Например, автор ремейка может сознательно подражать идиостилю и идиолекту автора претекста (стилизованный ремейк), но дополнять сюжетную линию и преобразовывать жанровую природу оригинала (ремейк О. Ниффенеггер).

Безусловно, постмодернистский ремейк целесообразно отнести именно к категории ремейка-преобразования, учитывая его деконструктивистский пафос и интеллектуальную игру с читателем. Отличительной особенностью постмодернистского ремейка является интенциональное переустройство формально-содержательной составляющей претекста, что осуществимо посредством включения в ремейк интертекстуальных и метатекстуальных вкраплений, перманентных отсылок к оригиналу, искаже-

ний пространственно-временного континуума и сознательного нарушения причинно-следственных связей (рассказ Ф. Проуз «Зеркало»). Постмодернистский ремейк, прежде всего, ориентирован на игровое преобразование структуры и формы исходного текста. Создатель такого ремейка не ставит себе целью

интерпретировать сюжетные коллизии оригинала и выразить отношение к поднимаемым в претексте моральным проблемам. Он, скорее, стремится к усложнению произведения и апеллирует к интеллектуальному читателю, способному оценить искусные авторские ходы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Загидуллина М. Ремейки, или Экспансия классики // НЛО. 2004. № 69. URL: magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13-pr.html (дата обращения: 12.01.19).
2. Холодинская Т.О. Ремейк и пародия: критерии разграничения в исследовательской парадигме XX–XXI веков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 4 (58), ч. 2. С. 58–61.
3. Сирилья М.А. Художественное и языковое оформление литературного ремейка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 11 (77), ч. 1. С. 37–41.
4. Шлейникова Е.Е. Ремейк // Новый филологический вестник. 2011. № 21 (17). С. 139–143.
5. Арпентьева М.Р. Ремейк как сюжетная реконструкция // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 9–17.
6. Пархоменко Я.А. Художественная природа ремейка в контексте современного экранного искусства : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 31 с.
7. Reader, I Married Him: Stories Inspired By *Jane Eyre* / ed. by T. Chevalier. N.Y. : William Morrow, 2016. 197 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 апреля 2019 г.

The Peculiarities of the Postmodern Literary Remake (Based on the Short Stories Collection *Reader, I Married Him* Edited by T. Chevalier)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 54–58.

DOI: 10.17223/15617793/443/6

Irina N. Lomakina, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: irina.lomakina254@gmail.com

Keywords: remake; Postmodernism; T. Chevalier; intertextuality; allusion.

The article is devoted to the study of the Postmodern remake. The aim of the research is elaboration of the algorithm of the literary analysis of remakes. The basic research methods are the close reading method, the method of intertextual analysis, the hermeneutic and typological approaches. During the research the following stages of the remake analysis were singled out: (1) the identification of one or several authentic texts; (2) the juxtaposition of the authentic text and the remake; (3) the search for similarities to the authentic text at different levels of the work of fiction; (4) the identification of stylization elements in the text; (5) the systematization of the remake's basic characteristics and the determination of its functional and semantic load. The short stories collection under analysis is a variety of works of fiction whose authors make an attempt to deconstruct and reconsider Ch. Brontë's novel *Jane Eyre*. It gives an opportunity to trace a great number of the remake's types, e.g., remake-motif, remake-parody, remake-dystopia. The aforementioned algorithm of the remake analysis enabled the author of the article to systematize and complement the existing classifications of the remake. In regard to an authentic work of fiction, it is advisable to point out a monoreferential remake that is based on one original text and a polyreferential one that is based on two or more texts. With regard to its complexity and inner organization, any remake can be single-level (e.g., remake-motif) and multilevel, i.e., one that implies a complex transformation of the initial text. According to the remake author's creative goal, it is possible to single out such types of the remake as imitation, addition and transformation. The author of the remake can intentionally imitate the style of the original work of fiction (e.g., stylized remakes), but add some episodes to the storyline and transform the genre of the authentic text, e.g., A. Niffenegger's story. It is advisable to refer the Postmodern remake to the category of transformation remakes taking into account its deconstructive pathos and intellectual game with the reader. The characteristic feature of the Postmodern remake is the intentional reconstruction of the formal-substantive component of the original text, which is achievable due to the inclusion of intertextual and metatextual fragments in the remake, permanent references to the authentic text, the distortion of the space-time continuum, and the purposeful disruption of the causal relationship (F. Prose's *Mirror*). The Postmodern remake is primarily aimed at a game-like transformation of the original text's form and structure. The author of such a remake does not aim to interpret the original story of conflict and express his/her attitude to the moral issues posed in the text. S/he rather aims to complicate the work of fiction, and addresses an intelligent reader who is capable of evaluation of the intricate author's tricks.

REFERENCES

1. Zagidullina, M. (2004) Remeyki, ili Ekspansiya klassiki [Remakes, or the Expansion of the Classics]. *NLO*. 69. [Online] Available from: magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13-pr.html. (Accessed: 12.01.19).
2. Kholodinskaya, T.O. (2016) Remake and parody: the criteria for distinguishing in the research paradigm of the XX–XXI centuries. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 4 (58):2. pp. 58–61. (In Russian).
3. Sirivlya, M.A. (2017) Artistic and language arrangement of literary remake. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 11 (77):1. pp. 37–41. (In Russian).
4. Shleynikova, E.E. (2011) Remake. *Novyy filologicheskyy vestnik – New Philological Bulletin*. 21 (17). pp. 139–143. (In Russian).
5. Arpent'eva, M.R. (2016) Remeyk kak syuzhetnaya rekonstruktsiya [Remake as a plot reconstruction]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 9–17.
6. Parkhomenko, Ya.A. (2011) *Khudozhestvennaya priroda remeyka v kontekste sovremennogo ekrannogo iskusstva* [The artistic nature of the remake in the context of modern screen art]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
7. Chevalier, T. (ed.) (2016) *Reader, I Married Him: Stories Inspired By Jane Eyre*. N.Y.: William Morrow.

Received: 08 April 2019

М.Г. Маслина

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМ МНОГОЯЗЫЧИЯ В ЛЮКСЕМБУРГСКОЙ ГАЗЕТЕ «ЛЮКСЕМБУРГЕР ВОРТ»

Исследуется отражение в крупнейшей люксембургской газете «Люксембургер ворт» проблем, порождаемых многоязычным обществом. В Великом Герцогстве Люксембург, помимо трех официальных языков – немецкого, французского и люксембургского, – на которых большинство люксембуржцев говорят одновременно, все больший вес набирают языки проживающих в Люксембурге иностранцев, прежде всего португальский и английский. Изучается, какие именно проблемы многоязычия затрагиваются в газете и какую позицию занимает издание в спорных языковых вопросах.

Ключевые слова: СМИ Люксембурга; многоязычие; немецкий, французский, люксембургский языки.

Введение

«Люксембургер ворт» («Luxemburger Wort» – «Люксембургское слово») – крупнейшая и старейшая газета Люксембурга, основанная в 1848 г. как орган люксембургских католиков. В настоящее время «Люксембургер ворт» – качественная общенациональная газета, выходящая тиражом 159 500 экземпляров и имеющая охват аудитории 33,1% [1]. В данной статье рассматривается отражение одного из самых ярких аспектов люксембургской культуры – многоязычия – в публикациях «Люксембургер ворт». Автором были проанализированы материалы языковой тематики за 2016–2018 гг., как находящиеся в свободном доступе на сайте газеты, так и доступные только подписчикам платной электронной версии «Люксембургер ворт».

В настоящее время официальными языками Великого Герцогства признаны немецкий, французский и люксембургский языки. По закону все три языка равноправны, но в реальной жизни существует их неофициальное разделение в зависимости от сферы употребления: французский – единственный язык законодательства и предпочтительный язык администрации, немецкий – доминирующий язык печатных СМИ, люксембургский – язык повседневного общения и национального телерадиовещания. Однако это разделение достаточно условно и часто все три языка взаимозаменяемы. Кроме того, из-за большого количества проживающих в Люксембурге иммигрантов все больший вес набирают другие языки, прежде всего португальский, который по распространенности опережает французский и немецкий (см. далее).

Вопрос многоязычия волновал люксембуржцев на протяжении всей истории их страны и активно обсуждался в прессе. Практически весь XIX в. люксембургская пресса провела в дебатах на языковую тему: какое место должен занимать тот или иной язык и какой является наиболее «родным» для люксембуржцев. К началу XX в. сложилась система многоязычной прессы, существующая и по сей день: наличие многоязычных изданий с доминированием материалов на немецком языке, редкое использование люксембургского языка в заголовках, названиях рубрик или – в порядке исключения – в подчеркнuto «национальных» материалах и наличие чисто франкоязычных изданий.

Газета «Люксембургер ворт» относится к многоязычным изданиям с преобладанием немецкого языка. На сайте газеты представлены практически самостоятельные «Немецкое издание» (наиболее расширенное), «Французское издание», «Английское издание», материалы которых не повторяются (в многоязычных газетах не публикуются одни и те же материалы, переведенные на разные языки, а размещаются разные материалы на разных языках, поскольку подразумевается, что читатель владеет несколькими языками). При оформлении электронной подписки читателю предлагается выбрать предпочтительное издание, на языке которого он хотел бы получать рассылку по электронной почте. Люксембургский язык встречается в заголовках и редких статьях.

В среднем в «Люксембургер ворт» публикуются в месяц две-четыре статьи, так или иначе касающиеся языковых тем (например, за полгода – с октября 2017 по апрель 2018 г. – всего вышло 16 статей языковой тематики¹) по различным информационным поводам: меры правительства в области языковой политики, нововведения в образовательной системе, последние лингвистические исследования, появление новых изданий, телепередач и т.п. на люксембургском языке и т.д.

Многоязычие Великого Герцогства: «ценность» или «гибель»

Проблемы языковой тематики, затрагиваемые в «Люксембургер ворт», в целом можно разделить на две группы: проблемы, связанные с интеграцией в многоязычное общество как подрастающего поколения, так и приезжающих в Люксембург иностранцев, и проблемы, связанные с возможным нарушением сложившегося языкового баланса или, наоборот, с необходимостью его изменения. В данном случае речь идет прежде всего об опасности вытеснения люксембургского языка другими.

Адаптация ребенка к обществу, где одновременно используется три языка, – сложный и длительный процесс, поэтому темы образования и многоязычия часто пересекаются. «Люксембургер ворт» публикует статьи об изменениях, вносимых в школьную программу [2], о приобщении детей к нескольким языкам в раннем возрасте [3, 4], об исследованиях многоязычия в контексте системы образования. К последним, в частности, относится объемный материал «Исследо-

вательский проект Университета Люксембурга: ценность многоязычия» Мишель Гантенбайн. В статье подробно рассказывается о глобальном проекте, который «рассматривает проблему многоязычия с разных точек зрения и охватывает всю систему образования в Люксембурге, от раннего воспитания до университетского образования». Исследование состоит из 11 отдельных проектов, каждый из которых посвящен вопросу о том, «в чем состоит ценность многоязычия и как его можно использовать более эффективно» [5]. Проект рассчитан на три-четыре года, в течение которых 11 докторанток из разных стран будут изучать, «как можно использовать многоязычие в качестве потенциала для учебных и образовательных процессов и как учреждения могут в этом помочь» [6] с точки зрения языкознания, педагогики, психологии и нейронауки. От Национального исследовательского фонда Университет Люксембурга получил 2 млн евро на выполнение этого проекта.

«Люксембургу завидуют из-за его многоязычия. Но многим школьникам оно на гибель», – так начинается статья. Использование нескольких языков затрудняет обучение детей – как люксембуржцев, так и выходцев из иммигрантских семей – на всех образовательных этапах. «Внедрение многоязычного раннего стимулирования в детских садах является первой попыткой учесть разнообразие языков в стране и нацелить способность маленьких детей одновременно усваивать несколько языков» – говорится в статье. В начальной школе трудности в большей степени испытывает учитель, который должен определить «языковые ресурсы детей» и стараться учитывать их при проведении занятий. «Некоторые учителя разрешают, например, на математике португальским детям думать, говорить и решать задачи по-португальски. Затем решение записывается на немецком языке. В других классах обучение проводится полностью на немецком языке», – приводится цитата профессора Клодин Кирш. Задача проекта по исследованию многоязычия в начальной школе – собрать как можно больше эмпирических данных о том, «каким образом, когда и в каких формах учителя выходят на языковые ресурсы детей» и выстраивают на них занятия, с целью дальнейшей корректировки школьной программы.

Отдельный проект посвящен профессиональному образованию, которое «до сих пор практически не изучено и поэтому очень интересно». «Это – ступень между школой и профессиональной практикой, и многие... встречаются со многими школьниками-иммигрантами. Многоязычие, таким образом, в значительной степени присутствует». В рамках проекта докторантка из Германии Констанце Тресс рассматривает, как средства массовой информации (пресса, телевидение, радио, социальные медиа) сообщают о профессиональной подготовке, дипломах и учащих, что общество знает об этой форме обучения, и наблюдает за взаимодействием учащихся в школах и на образовательных предприятиях. Ее задача – понять, «как знание вырабатывается... и через языки» и «как язык используется для создания профессиональной идентичности».

Следующая часть проекта – изучение университетского образования. В университете учатся и работают люди «разных национальностей и с различными языковыми репертуарами», большинство магистрантов и докторантов пишут свои работы на языке, который является для них вторым или даже третьим. Это порождает массу вопросов для исследования: как функционирует написание работы на втором или третьем языке, осуществляется ли мысленный перевод, существуют ли гибридные формы мышления, согласны ли люди с языковыми стандартами или игнорируют их и так далее. Основной метод получения данных – интервью со студентами и аспирантами, а также протоколы «мыслей вслух»: студентам предлагается вербализировать свои мыслительные процессы при планировании, написании и корректировке работы.

Инициаторы проекта всячески подчеркивают его важность и отличие от других проектов, проводимых ранее. «Многоязычие ...все больше становится предметом исследований. Университет Люксембурга много лет исследует эту тему, “но это никогда не было действительно видимым”, – говорит Адельхайд Ху. Теперь это должно измениться». «“Должно стать еще яснее, что сегодня мы не можем заниматься одноязычными теориями”, – говорит она [Клодин Кирш]. И: “Существует достаточно знаний, которые подтверждают, что не нужно разделять на отдельные языки”. Но изменить это значило бы отказаться от десятилетних языковых идеологий».

Проблема языковой интеграции осложняется тем, что в Люксембурге проживает огромное количество иностранцев². «Люксембург – это плавильный котел разных культур и языков, – пишет Мишель Гантенбайн. – Удивительно видеть, с какой легкостью Великое Герцогство справляется с демографическими изменениями, как естественно живут местные жители и иностранцы». Это сильно влияет на систему образования, главная особенность которой, «помимо разнообразия учащихся, заключается, по мнению Адельхайда Ху, в том факте, что система образования по-прежнему трех- или четырехязычная». «Это уже особенность, быть грамотным на втором языке и проводить занятия на втором или третьем. ...Вот столкновение этих многоязычий – детей и взрослой системы, – которое делает тему настолько актуальной», – приводится цитата Ху.

Другой, более ранний исследовательский проект Университета Люксембурга, освещавшийся «Люксембургер ворт», касался устного использования языков на работе [8]. По данным исследования, наиболее распространенным на рабочих местах «во всех секторах» является французский язык: его предпочитают 68% люксембуржцев (люксембургский – 60%, немецкий – 34%, английский – 28%). В то же время из 226 тыс. опрошенных «многие участники указали, что говорят на рабочем месте на нескольких языках».

Что же касается «общего языкового использования в Люксембурге», то люксембургский «как основной язык с 55,8% опережает португальский и французский». Таким образом, «как повседневный язык люк-

сембургский доминирует в школе и дома, французский же – на рабочем месте».

В статье приводятся результаты опроса не только люксембуржцев, но и проживающих в Великом Герцогстве иммигрантов, а также так называемых гренцгенгеров – иностранцев, живущих в соседних странах, но приезжающих в Люксембург на работу. Помимо краткого обобщения результатов в тексте, в онлайн-версии статьи доступны для просмотра отдельные диаграммы, демонстрирующие процентное соотношение использования языков на рабочем месте «всеми национальностями», люксембуржцами, иностранцами, португальцами, французами, итальянцами, бельгийцами, немцами, британцами (в диаграммы включены, соответственно, французский, люксембургский, немецкий, английский, португальский, итальянский и – под общим показателем – «другие языки»).

Тон публикаций «Люксембургер ворт» о проблемах языковой интеграции можно охарактеризовать как нейтральный: статьи изобилуют цитатами экспертов, статистическими данными, личные мнения журналистов уступают место факту: многоязычие было, есть и будет, и вопрос не в том, хорошо это или плохо, а в том, как учиться, жить и работать в его условиях, причем ответы на последние в большей степени предоставляются экспертам.

Родной язык люксембуржцев: «вымирающий» или «здоровый»

Активное использование французского и немецкого языков, постоянный приток иммигрантов заставляют люксембуржцев опасаться за свой родной язык – люксембургский. Изначально возникший и развивавшийся как диалект немецкого языка, люксембургский в 1984 г. был уравнен в правах с немецким и французским языками на законодательном уровне. Согласно Закону о языках от 24 февраля 1984 г. [9], люксембургский является «национальным языком люксембуржцев», а также одним из «административных и судебных» языков Великого Герцогства наравне с немецким и французским. Направляя обращение в государственные органы, люксембуржец вправе составить его на любом из трех языков, и администрация, в свою очередь, «должна по возможности использовать при ответе язык, выбранный заявителем». Кроме того, в настоящее время тест на владение люксембургским языком является обязательным условием для получения люксембургского гражданства. Тем не менее, по мнению многих носителей, язык находится под угрозой исчезновения. Эти опасения вылились в «языковые дебаты» 2016–2017 гг., начавшиеся после опубликования электронной петиции № 698, требующей сделать люксембургский первым официальным языком страны.

Петиция 698 была создана в сентябре 2016 г. жителем городка Мюнсбах Люсьеном Вельтером. По сообщению «Люксембургер ворт», только за четыре дня она смогла собрать свыше 7 тыс. подписей, в рекордные сроки достигнув необходимого кворума в 4,5 тыс. [10] Помимо введения люксембургского как

первого официального языка и национального языка для всех жителей страны, петиция требовала, чтобы он усиленно изучался в школе, чтобы все официальные публикации правительства, включая тексты законов, были составлены на люксембургском. Французский же, по мнению автора петиции, больше «не должен использоваться исключительно правительством как официальный язык», и судебные решения «должны быть по крайней мере переведены на люксембургский». Впрочем, для граждан, которые не понимают люксембургского языка, должны быть предоставлены переводы на немецкий и французский. Кроме того, автор петиции считает дискриминацией то, что люксембургский – единственный язык, не представленный в официальном бюллетене Европейского союза. По окончании отведенного для подписи срока петиция насчитывала 14 721 голос [11].

После выхода в свет петиции начались активные дебаты буквально повсюду – от правительственных и ученых кругов до социальных сетей. «Люксембургер ворт» тщательно и всесторонне следила за дебатами о люксембургском языке, публиковала материалы о продвижении петиции, мнения известных лингвистов, социологов, а также обычных читателей о петиции 698, статьи о контрпетиции 725, созданной в защиту многоязычия, о слушании по обеим петициям в парламенте, о решениях правительства. К примеру, культурное еженедельное приложение «Варте – Перспективес» («Die Warte – Perspectives») к номеру от 27 октября 2016 г. было целиком посвящено языковым вопросам.

В пользу петиции, в частности, высказывались мнения о дискриминации люксембургского языка в административной сфере. «Администрация... привыкла выражаться... по-французски... – писал люксембуржец Герд Штапельман в читательском письме “Люксембургер ворт”. – ...Сегодня есть положение о том, что орган должен ответить на запрос на одном из выбранных трех языков, что, конечно, игнорируется, поскольку администрация обращает внимание на удобство в переписке. Поэтому, пожалуйста, делайте то, что делает каждая нация, ставьте национальный язык выше других языков! Возможно, тогда для граждан будет более понятным юридический текст» [12].

Однако большинство экспертов не видело повода для паники. В частности, социолог Фернан Фелен однозначно говорил, что введение люксембургского как первого официального языка нереально и что «нет смысла начинать золотой век люксембургского языка, век, которого никогда не было» [13]. Наоборот, его больше беспокоило «ухудшение знаний французского среди люксембуржцев», чем положение люксембургского языка, который «остается языком местных жителей и интеграционным языком иностранцев».

Петер Жиль, профессор лингвистики Университета Люксембурга, в своей статье для «Люксембургер ворт» писал о том, что для того, чтобы развиваться, функция официального люксембургскому языку не нужна [14]. Возникший из западно-мозель-франконского диалекта «самостоятельный язык, который потерял почти все черты диалекта», «структурно в значи-

тельной степени независимый от близкородственного немецкого языка», люксембургский сегодня является для многих важнейшим устным и – все больше – письменным языком. Последнему способствует прежде всего «цифровизация повседневности и рабочей сферы», открывшая путь «новым формам письменности», таким как, например, электронные письма и сообщения в социальных сетях, где используется преимущественно люксембургский, несмотря на то что многие люксембуржцы «посредством своей школьной направляющей ...имеют лучшие компетенции в немецком, французском или английском».

По мнению Жилия, за последние сто лет «не установлено никакого снижения люксембургского языка – ни в отношении числа говорящих, ни в практических контекстах использования». Страх же перед исчезновением языка заключается «в динамике многоязычия»: «Действительно, демографическое развитие и интернационализация страны приводят к увеличению и сложности самого многоязычия. Все чаще английский играет важную роль. Как показывают горячие дискуссии по петиции 698, это может привести к дискомфорту в многоязычии, что, конечно же, необходимо уважать и анализировать».

Возвращаясь к вопросу о пригодности люксембургского языка как официального, Жиль говорит, что «сама языковая структура не знает каких-либо ограничений выражения» и приводит цитату Нико Вебера, который в 1995 г. писал ответ на тот же самый вопрос: «Нет языков, которые по своей природе являются неизменно “крестьянскими”». Как и другие языки, люксембургский «располагает средствами словообразования, чтобы приспосабливаться к новым потребностям», «в новых контекстах могут появляться новые слова, конструкции и возможности выражения», и следовательно, «на люксембургском языке можно обсуждать любой предмет без каких-либо ограничений». Кроме того, сам язык располагает многочисленными заимствованиями – «доказанными средствами расширения словарного состава». Многовековым контактам с немецким и французским языками люксембургский обязан многочисленными неологизмами, такими как, например, «Vitessekontroll» – «проверка скорости» (от фр. «vitesse» – «скорость» и нем. «Kontrolle» – «контроль», «проверка») или «Busarrêt» – «автобусная остановка» (от нем. «Bus» – «автобус» и фр. «arrêt» – «остановка»). Таким образом, по мнению Жилия, «преимущество многоязычия заключается в гибкости новых лексических возможностей», и заимствования «не являются признаком бедности языка».

Тем не менее по поводу введения люксембургского как первого официального языка Жиль пишет, что «было бы возможно, хотя и с большим трудом, перевести законы и административную литературу на люксембургский. Но этого было бы недостаточно, потому что весь правовой и административный аппарат, ...который формировался французской юридической и административной культурой на протяжении более 150 лет, пришлось бы адаптировать». Поэтому эта идея, «при всем добром намерении», кажется ему «нереалистичной и ненужной». «Такое радикальное пре-

образование создаст впечатление, что люксембургский язык планируется и формируется снаружи, например, государством, как изолированный объект», в то время как он «не является языковым монолитом, который можно шлифовать и полировать, а, скорее, представляет собой совокупность способов говорить, столь же сложных и непостоянных, как и само общество».

Более целесообразным Жиллю представляется не ставить язык на службу государству, а развивать его «изнутри», «давать ему ...больше видимости и всячески продвигать ...прагматичным образом»: закрепить люксембургский – а также немецкий и французский – в Конституции³, увеличивать количество переведенных на него материалов, а также «более последовательно преподавать... на всех школьных ступенях».

Причин для беспокойства не видит и Кристоф Бумб, основатель люксембургского цифрового журнала «Репортер» («Reporter»). В статье для «Люксембургер ворт» под названием «Люксембургский в политическом дискурсе: никаких следов исчезновения» он пишет: «Ни в какой другой области общества люксембургский язык сегодня не является таким влиятельным, как в политике» [15]. Бумб апеллирует к выступлениям премьер-министра Жан-Клода Юнкера, который в 1995 г. «помог люксембургскому языку достичь своего окончательного прорыва в парламенте» тем, что первым стал произносить традиционную «Речь о положении нации» на люксембургском языке. До него она произносилась на французском.

По мнению Бумба, «люксембургский язык является неотъемлемой частью политического дискурса». В настоящее время все выступления в Палате проводятся на люксембургском (хотя, согласно регламенту, парламентарии не связаны каким-либо конкретным языком), «министры проводят пресс-конференции на люксембургском, премьер-министр выписывает на люксембургском прессу, избирательная кампания проходит почти исключительно на люксембургском» – следовательно, заключает автор, «в политике не может быть и речи об “вымирании” национального языка».

Об этом свидетельствует также то, что сама петиция 698, целью которой было уберечь люксембургский от «вымирания», «могла быть подана в парламент на люксембургском языке, то, что заявитель мог высказать по-люксембургски свою озабоченность по поводу вероятности смерти люксембургского языка в передаче одного из люксембургоязычных телеканалов, то, что все реакции партий и политиков были сформулированы на люксембургском, что подписанная более чем 14 000 гражданами петиция через несколько недель будет обсуждаться на парламентском пленуме по-люксембургски». «Все это указывает на то, что положение люксембургского языка – по крайней мере, в политическом дискурсе – не может быть таким уж плохим», – считает Бумб.

Он также подчеркивает, что, несмотря на огромное количество проживающих в Великом Герцогстве «нелюксембуржцев» (46,7% населения), 55,8% всех жителей, включая иностранцев, называют люксембургский своим основным языком. Второе место занимает португальский (15,7%), третье – французский (12,1%). Таким образом, заключает автор, «“те-

зис” угрожаемого “вымирания” люксембургского языка скорее относится к более эмоционально прогнозируемому будущему» и, хотя «доля нелюксембуржцев в народонаселении неуклонно растет, ...положение люксембургского языка по крайней мере как решающего языка политического дискурса не ухудшается».

Число недовольных петицией 698 росло, и в результате была создана «контрпетиция» № 725, выступающая против введения люксембургского как первого официального языка. По мнению ее составителей Джозефа Шлессера и Анри Вернера, Люксембург «всегда был предоставлен иммиграции и должен оставаться открытой страной», и «практикуемое в Люксембурге многоязычие является одной из сильных сторон, а не слабостей страны» [13]. Кроме того, авторы петиции 725 опасаются, что «укрепление люксембургского языка в образовании неизбежно будет сопровождаться ухудшением знаний иностранного языка». За «контрпетицию» проголосовали 5 182 человека, т.е. она также преодолела необходимый кворум в 4 500 человек [16]. «С момента появления системы петиций никогда не было двух заявлений с противоположными требованиями, достигших необходимого кворума», – отмечалось в «Люксембургер ворт». Таким образом, мнения люксембуржцев в языковом вопросе разделились: «Сторонники хотят поставить национальный язык на передний план. Противники считают, что, учитывая свое географическое положение, Люксембург не должен ставить на карту козырь многоязычия».

Итогом дебатов стало слушание по двум петициям в Палате депутатов Люксембурга 16 января 2017 г., показанное в прямом эфире по люксембургскому парламентскому телеканалу «Шамбер ТВ» («Chamber TV»). Кристоф Бумб в статье «Слушание о люксембургской петиции: “*Наш родной язык – наша святыня*”» [17] (выделенное курсивом – на люксембургском языке) подробно освещает ход слушания. Журналист акцентирует внимание на фигуре «самого известного петиционера страны» Люсьена Вельтера – вплоть до описания его внешнего вида – и на его выступлении, приводя многочисленные извлечения на люксембургском языке. О последовавших «почти часовых дебатах по петиции 698» он лаконично говорит, что «ни одна из сторон ...не критиковала выступление заявителя в лоб» и «главенствовало скорее политически корректное “как, так и...”».

Аргументы контрпетиции Кристоф Бумб приводит так же сжато, подчеркнув только, что один из авторов петиции 725, Анри Вернер, «не скрывал своей озабоченности по поводу предполагаемого возвращения к национальной идентичности, которая никогда не существовала в этой “чисто люксембургской” форме». По его мнению, «в Люксембурге с незапамятных времен жили с “двойственностью национального характера”», и «сочетание немецких и французских влияний прослеживалось исторически и по сей день обогащает культуру, самобытность и экономическое развитие страны».

В конце статьи приводится позиция премьер-министра Ксавье Беттеля, который «поставил заклю-

чительную точку дебатов». «Выслушав доводы всех сторон, – пишет журналист. – Ксавье Беттель дал понять, что “те, кто ратуют за люксембургский язык, не являются популистами”. Правительство также считает, что люксембургский язык является лучшим языком интеграции в стране. Людей беспокоит, что это может не произойти в один прекрасный день. Будут предприняты дальнейшие шаги по продвижению люксембургского языка – например, путем закрепления национального языка в конституции».

По поводу основного требования петиции – сделать люксембургский первым официальным языком – премьер-министр «дал ясный отказ», но объявил об учреждении должности «правительственного комиссара по люксембургскому языку», в обязанности которого будет входить разработка и представление Совету министров реформ по «поддержке люксембургского языка».

После парламентских слушаний в «Люксембургер ворт» были опубликованы еще несколько статей того же автора о дальнейших планах правительства по «поддержке» люксембургского языка. В одной из них Кристоф Бумб пишет о предложенном правительством «плане действий» [18], в который входит: закрепление люксембургского языка в статье 4 новой конституции как «языка Люксембурга», поднятие его престижа на уровне ЕС, увеличение так называемого языкового отпуска (отпуск, предоставляемый на обучение языку), «оптимизирование коммуникации между государственными администрациями и учреждениями» и, по инициативе Беттеля, «создание правительственного комиссара по люксембургскому языку». В другой статье автор сообщает о том, что «правительство хочет разработать 20-летний план по продвижению люксембургского языка» [19], в который, в частности, входит создание «люксембургского центра» («центрум фир летцебюргешт») под руководством правительственного комиссара по люксембургскому языку. Помимо вышеупомянутых мер, правительство намерено оказать «содействие в секторе образования и культуры». Сюда относится: среднесрочный перевод государственных веб-сайтов на люксембургский язык, ознакомление граждан с историей языка, больше инициатив по стандартизации орфографии и грамматики, обнародование результатов исследований Института люксембургского языка и литературы Университета Люксембурга, совершенствование преподавания люксембургского языка в дошкольных учреждениях, введение обязательных курсов в международных школах, а также предмета «Люксембургский язык как иностранный» на всех уровнях школьного образования.

По словам министра образования Клода Мейша и секретаря по культуре Ги Арендта, новый «центрум фир летцебюргешт» «в тесном сотрудничестве с Университетом и всеми активными в поддержке языка участниками должен координировать меры по реализации 20-летнего плана». Идея его создания – «реакция на “широкое желание населения укрепить люксембургский язык”». «Поддержка люксембургского языка как “выражения нашей культурной идентичности” не про-

тиворечит многоязычной и открытой миру реальности страны», – приводит журналист мнение Мейша.

Несмотря на завершение дебатов и обещание правительства всячески «поддерживать» люксембургский язык, вопрос о его положении в многоязычном Люксембурге остается предметом обсуждений. По-прежнему одни смотрят на это положение оптимистически, не видя повода для опасений, другие – пессимистически. «Язык... относительно здоров» [20], – утверждает профессор лингвистики Университета Люксембурга Петер Жиль, несмотря на то, что, по оценкам ЮНЕСКО, люксембургский язык классифицируется как «уязвимый». «Доклад по языку в Юнесско не следует воспринимать слишком серьезно», – приводит «Люксембургер ворт» цитату лингвиста. Во-первых, потому, что «не принималось во внимание многоязычие страны», а, во-вторых, статистика говорит обратное: 70% населения «используют этот язык в качестве разговорного». Кроме того, подчеркивает Жиль, растет интерес к языковым курсам: «В течение пяти лет количество заявок увеличилось более чем на 30 процентов». Кроме того, люксембургский язык преподается и за рубежом.

Тем не менее, оставаясь основным разговорным языком, люксембургский «не присутствует во многих повседневных ситуациях», в частности, в ресторанах и магазинах с посетителями общаются в основном по-французски, «даже визуально люксембургский вряд ли представлен – только на некоторых вывесках и в названиях магазинов». Это, в частности, породило «страх исчезновения», но, по мнению Жили, опасаться за родной язык не стоит. «Люксембург – многоязычная страна, и это многоязычие также является частью его собственной идентичности» – приводит цитата профессора. – ...Содействие люксембургскому важно, но это не должно ставить под вопрос ценное многоязычие».

Пессимистической точки зрения на положение люксембургского языка придерживается историк,

лингвист и писатель Ален Аттен. В своем интервью «Люксембургер ворт» он говорит: «Раньше не нужно было обучаться люксембургскому в школе, и это было правильно. Но сегодня все по-другому. Никто ...не может сочинять стихи о поле и луге, он не знает, как должен называть животных и растения. Словарный состав исчерпан, количество заимствованных слов из немецкого и французского языков растет. Мне больно» [21].

Если говорить о позиции самой «Люксембургер ворт» в этом вопросе, то ее можно считать скорее оптимистической: общее количество материалов, рассматривающих ситуацию с позитивной стороны, превалирует над количеством «негативных» статей. В целом тон публикаций о проблеме положения люксембургского языка, несмотря на постоянные обращения к экспертам, можно охарактеризовать как более субъективный и даже эмоциональный, нежели тон публикаций о проблемах интеграции в многоязычное общество.

Выводы

Подводя итог, следует подчеркнуть, что языковая тема по-прежнему остается одной из наиболее животрепещущих для люксембургского общества. Интенсивная иммиграция, продолжающаяся по сей день, с одной стороны, еще более сегментирует и без того сложный языковой ландшафт Люксембурга, а с другой – благодаря политике Великого Герцогства способствует увеличению числа говорящих на люксембургском – родном языке люксембуржцев: не владея им, нельзя получить люксембургское гражданство. «Люксембургер ворт», публикующая самые разные точки зрения по языковым вопросам, в полной мере отражает сложный, противоречивый процесс функционирования многоязычного, многокультурного общества, как и не менее противоречивое отношение люксембуржцев к этому процессу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Расчет проводился на основе материалов электронного «немецкого издания» «Люксембургер ворт».

² В Великом Герцогстве проживает 248 900 выходцев из других стран, то есть 45,3% от всего населения [7].

³ На данный момент в Конституции Люксембурга об использовании языков говорится в статье 29: «Закон определяет порядок употребления языков в административном и судебном производстве» (статья изменена 6 мая 1948 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Etude TNS ILRES PLURIMEDIA LUXEMBOURG 2016.II. Available at: https://img.100komma7.lu/uploads/media/default/0001/66/communique-de-presse-etudeplurimedia-2016-ii_8573bf.pdf
2. Michèle Gantenbein. Bildungspolitik: Teil zwei der Sekundarschulreform // Luxemburger Wort. 06.02.2018.
3. Michèle Gantenbein. Frühkindliche Sprachförderung: Bessere Startchancen für alle Kinder // Luxemburger Wort. 11.07.2017.
4. Michèle Gantenbein. Mehrsprachige Frühförderung: Wie Kitas mit den Neuerungen klarkommen // Luxemburger Wort. 18.12.2017.
5. Forschung zur Mehrsprachigkeit // Luxemburger Wort. 16.02.2018.
6. Michèle Gantenbein. Forschungsprojekt der Uni Luxemburg: Mehrwert Mehrsprachigkeit // Luxemburger Wort. 16.02.2018.
7. A propos... Tout savoir sur le Grand-Duché de Luxembourg, Service information et presse du gouvernement, Luxembourg. 2015. 18 p.
8. Volker Bingenheimer. Sprachen am Arbeitsplatz: Französisch liegt weit vorne // Luxemburger Wort. 27.04.2016.
9. Loi du 24 février 1984 sur le régime des langues. Available at: <http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/1984/02/24/n1/jo>
10. Jacques Ganser. Neuer Rekordwert: Petition für Luxemburgisch startet durch // Luxemburger Wort. 16.09.2016.
11. Steve Bissen. Nein zum Luxemburgischen als erste Amtssprache: Gegenentwurf zur Petition 698 // Luxemburger Wort. 31.10.2016.
12. Luxemburgisch als erste Amtssprache // Luxemburger Wort. 28.09.2016.
13. Volker Bingenheimer. Wie sieht die Zukunft des Luxemburgischen aus?: Die Krux mit der Sprache // Luxemburger Wort. 27.10.2016.
14. Volker Bingenheimer. Kein Rückgang der luxemburgischen Sprache: Flexibel, weil mehrsprachig // Luxemburger Wort. 27.10.2016.
15. Volker Bingenheimer. Luxemburgisch im politischen Diskurs: Von Aussterben keine Spur // Luxemburger Wort. 27.10.2016.
16. Maxime Lemmer. Petition 725: 5.000 Personen gegen Luxemburgisch als Amtssprache // Luxemburger Wort. 17.12.2016.
17. Christoph Bumb. Anhörung zur Luxemburgisch-Petition: "Ons Mammessprooch ass ons helleg" // Luxemburger Wort. 16.01.2017.

18. Christoph Bumb. Förderung der luxemburgischen Sprache: Regierung will "Aktionsplan" vorlegen // Luxemburger Wort. 25.01.2017.
19. Christoph Bumb. Strategie zur Sprachförderung: Regierung plant "Zentrum fir d'Lëtzebuergesch" // Luxemburger Wort. 09.03.2017.
20. Maximilian Richard. Sou schwätze mir. 70 Prozent der Einwohner nutzen das Luxemburgische als Umgangssprache // Luxemburger Wort. 21.02.2018.
21. Marc Thill. Der „Sproochmates“ wird 80 Jahre alt Der Historiker, Linguist und Schriftsteller Alain Atten feiert seinen runden Geburtstag mit einem neuen Buch // Luxemburger Wort. 22.02.2018.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 марта 2019 г.

Discussion of Problems of Multilingualism in the Luxembourgish newspaper *Luxemburger Wort*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 59–65.

DOI: 10.17223/15617793/443/7

Maria G. Maslina, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: maria270292@mail.ru

Keywords: Luxembourg media; multilingualism; German; French; Luxembourgish.

In this article, the author analyzes the discussion of the problems engendered by a multilingual society in *Luxemburger Wort*, the largest Luxembourg newspaper. The empirical basis of the research was publications on language topics in 2016–18. The author carried out their qualitative and quantitative content analysis. Currently, the official languages of the Grand Duchy of Luxembourg are German, French and Luxembourgish. By law, all three languages are equal in rights, but in real life there is their informal division depending on the sphere of use: French is the only language of legislation and the preferred language of administration; German is the dominant language of print media; Luxembourgish is the language of everyday communication and national television and radio broadcasting. However, this division is relatively arbitrary and often all three languages are interchangeable. In addition, because of the large number of immigrants living in Luxembourg, more languages are gaining more weight, primarily Portuguese, which is by far ahead of French and German. *Luxemburger Wort* is a multilingual periodical with a predominance of articles in German. On average, two to four articles on language are published each month in *Luxemburger Wort*: about government measures in the field of language policy, innovations in the educational system, recent linguistic research, the appearance of new publications, television programs, etc. in Luxembourgish, and so on. The problems of multilingualism discussed in *Luxemburger Wort* in general can be divided into two groups: problems of the integration of the younger generation and of foreigners coming to Luxembourg into the multilingual society, and problems of a possible violation of the existing language balance or of the need to change it. In this case, it is primarily about the danger of displacing the Luxembourgish language by others. The tone of publications in *Luxemburger Wort* on the problems of language integration can be described as neutral. Articles abound with citations of experts, with statistics. Personal opinions of journalists give way to the fact: multilingualism has existed and will exist, and the question is not whether it is good or bad, but in how to study, live and work in its conditions. Experts give answers to the latter. The newspaper writes about the problem of the situation of the Luxembourgish language and the risk of its extinction more subjectively and even emotionally. The total number of materials reviewing the situation from the positive side prevails over the number of “negative” articles. In general, *Luxemburger Wort* publishes a variety of views on linguistic issues and fully reflects the complex, contradictory process of the functioning of a multilingual, multicultural society, as well as the controversial attitude of Luxembourgers towards this process.

REFERENCES

1. TNS ILRES & TNS MEDIA. (2016) *Etude TNS ILRES PLURIMEDIA LUXEMBOURG 2016.II*. [Online] Available from: https://img.100komma7.lu/uploads/media/default/0001/66/communique-de-presse-etudeplurimedia-2016-ii_8573bf.pdf.
2. Gantenbein, M. (2018) Bildungspolitik: Teil zwei der Sekundarschulreform. *Luxemburger Wort*. 06.02.2018.
3. Gantenbein, M. (2017) Frühkindliche Sprachförderung: Bessere Startchancen für alle Kinder. *Luxemburger Wort*. 11.07.2017.
4. Gantenbein, M. (2017) Mehrsprachige Frühförderung: Wie Kitas mit den Neuerungen klarkommen. *Luxemburger Wort*. 18.12.2017.
5. Luxemburger Wort. (2018) Forschung zur Mehrsprachigkeit. *Luxemburger Wort*. 16.02.2018.
6. Gantenbein, M. (2018) Forschungsprojekt der Uni Luxemburg: Mehrwert Mehrsprachigkeit. *Luxemburger Wort*. 16.02.2018.
7. Service information et presse du gouvernement. (2015) *A propos... Tout savoir sur le Grand-Duché de Luxembourg*. Luxembourg: Service information et presse du gouvernement.
8. Bingenheimer, V. (2016) Sprachen am Arbeitsplatz: Französisch liegt weit vorne. *Luxemburger Wort*. 27.04.2016.
9. Legilux.public.lu. (1984) *Loi du 24 février 1984 sur le régime des langues*. [Online] Available from: <http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/1984/02/24/n1/jo>.
10. Ganser, J. (2016) Neuer Rekordwert: Petition für Luxemburgisch startet durch. *Luxemburger Wort*. 16.09.2016.
11. Bissen, S. (2016) Nein zum Luxemburgischen als erste Amtssprache: Gegenentwurf zur Petition 698. *Luxemburger Wort*. 31.10.2016.
12. Luxemburger Wort. (2016) Luxemburgisch als erste Amtssprache. *Luxemburger Wort*. 28.09.2016.
13. Bingenheimer, V. (2016) Wie sieht die Zukunft des Luxemburgischen aus?: Die Krux mit der Sprache. *Luxemburger Wort*. 27.10.2016.
14. Bingenheimer, V. (2016) Kein Rückgang der luxemburgischen Sprache: Flexibel, weil mehrsprachig. *Luxemburger Wort*. 27.10.2016.
15. Bingenheimer, V. (2016) Luxemburgisch im politischen Diskurs: Von Aussterben keine Spur. *Luxemburger Wort*. 27.10.2016.
16. Lemmer, M. (2016) Petition 725: 5.000 Personen gegen Luxemburgisch als Amtssprache. *Luxemburger Wort*. 17.12.2016.
17. Bumb, C. (2017) Anhörung zur Luxemburgisch-Petition: “Ons Mammessprooch ass ons helleg”. *Luxemburger Wort*. 16.01.2017.
18. Bumb, C. (2017) Förderung der luxemburgischen Sprache: Regierung will “Aktionsplan” vorlegen. *Luxemburger Wort*. 25.01.2017.
19. Bumb, C. (2017) Strategie zur Sprachförderung: Regierung plant “Zentrum fir d’Lëtzebuergesch”. *Luxemburger Wort*. 09.03.2017.
20. Richard, M. (2018) Sou schwätze mir. 70 Prozent der Einwohner nutzen das Luxemburgische als Umgangssprache. *Luxemburger Wort*. 21.02.2018.
21. Thill, M. (2018) Der “Sproochmates” wird 80 Jahre alt Der Historiker, Linguist und Schriftsteller Alain Atten feiert seinen runden Geburtstag mit einem neuen Buch. *Luxemburger Wort*. 22.02.2018.

Received: 09 March 2019

СИНТАКТИКА И ПРАГМАТИКА АНГЛИЙСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ ПРИЗНАКОВОГО ТОЖДЕСТВА МОДЕЛИ NVasN

Рассматриваются английские предложения признакового тождества модели NVasN (например, *they have long worked as missionaries*). Дается краткая характеристика их диахронического развития. На материале современной научной и художественной прозы анализируются следующие особенности данных конструкций: синтаксические (наличие вторичной предикации), семантические (наличие двух видов отношений тождества между подлежащим N и предикативом asN, а именно: фактологическое / объективное и субъективное). Рассматривается прагматический потенциал данных моделей в указанных функциональных стилях.

Ключевые слова: вторичная предикация; предлог *as*; тождество; подобие; идентификация.

Тождество и подобие – это понятия, которые на протяжении многих столетий изучались и изучаются в философии, логике, лингвистике. По справедливому замечанию М. Новоселова данные понятия необходимо исследовать хотя бы потому, что любой процесс познания неотделим от таких операций мышления, как отождествление и различение [1. С. 105]. Исследование явлений действительности начинается с наблюдения и сравнения, т.е. установления тождества, подобия и различия. В лингвистическом плане системное видение логического устройства мира заключается в использовании характеристик, сформулированных в рамках грамматической категоризации. Языковые категории и структуры выражают наиболее важные концептуальные признаки, отношения и связи [2. С. 96].

Средства выражения тождества и подобия рассматриваются и анализируются во многих работах, выполненных на материале различных языков. Констатация тождества – это результат операции сравнения. По мнению большинства исследователей, семантическое пространство данной категории делится между тремя пересекающимися смысловыми полями: тождеством, уподоблением и различием. Н.Д. Арутюнова определяет принципы функционирования предложений тождества следующим образом: «Термы, входящие в предложения тождества, должны удовлетворять требованию семантической однородности. Оба имени должны быть «референтны и равны по своему денотативному содержанию, хотя их смыслы могут различаться по объему» [3. С. 323].

Вышеуказанные свойства отличают отношения тождества от предикации, связывающей денотативное и сигнификативное значения. При всем многообразии языковых средств, позволяющих сделать сообщение о тождестве объектов, главенство в этой функции принадлежит специальной синтаксической модели, по которой строятся предложения тождества. Это конструкция связочного типа, образованная двумя существительными. Однако Н.Д. Арутюнова допускает гибридизацию функций идентификации и характеристики, осуществляемой посредством предикации. В частности, она пишет: «Идентифицирующая семантика обращена к пространственному параметру мира, предикатная организована временной осью. Между этими типами нет пропасти – их соединяет мост, пе-

рекинутый процессами транспозиции, взаимообменом, созданием суждений разной степени абстракции» [4. С. 10].

В классификации И.Б. Шатуновского такой переходный тип, совмещающий тождество и характеристику посредством предикации, представлен предложениями тождества признаков, основными компонентами семантической структуры которых являются: 1) фрагменты действительности, имеющие некоторые тождественные признаки; 2) признаки, которые имеют тождественными эти фрагменты; 3) идея тождества признаков этих фрагментов; 4) параметр – область, или аспект, к которому относятся тождественные признаки. К средствам выражения признакового тождества в русском языке И.Б. Шатуновский относит: 1) лексические показатели: *одинаков, идентичен, эквивалентен, равен, равняется, соответствует* и др.; 2) местоименные показатели: *такой же (так же), один и тот же / тот же (самый) размер / цвет / признак* и др.; 3) сравнительные конструкции: *Вася неуклюжий, как медведь*; 4) метафорические конструкции: *Вы – грубое животное*; 5) именные и глагольные группы с родительным и творительным сравнения: *летит стрелой, ткань цвета морской волны* и т.д. [5. С. 66–67].

Предметом нашего исследования являются английские синтаксические структуры, семантически подпадающие под категорию тождества признаков, а именно предложения с предлогом *as*, который в общем смысле означает «как, в качестве», например: *That effort was universally seen as a good idea; We view it as a nested concept*. При обработке практического материала мы используем метод аппроксимации, предполагающий рассмотрение только той части высказывания, которая содержит основные его элементы, находящиеся в фокусе исследования, а также трансформационный метод, допускающий в случае переходных глаголов преобразование действительного залога в страдательный и развертку причастных конструкций в полноценные предложения структуры NVasN.

Прежде чем мы рассмотрим синтаксические и семантические особенности данной конструкции, кратко охарактеризуем ее диахроническое развитие. Лексема *as* является сложным словом (*amalgamated compound*) и восходит к *ealswa*, где *eal* является предком *all*, а *swa* – предком *so*, имея значение «всецело, совершенно схож» [6. С. 116; 7. С. 229]. Согласно исследованию лингвистов Frauke D'Hoedt и Hubert

Cuyskens, до XIII в. слово *as* в качестве предлога входило в конструкции сравнения / уподобления (конструкции типа *gentle and humble as a dove*), далее, начиная с XIII в., *as* стал употребляться как предикативный маркер в конструкциях подобия: *He was saluted as a brother*. Далее использование оператора *as* распространилось на конструкции идентификации / тождества [8. С. 26]. Такое развитие сопровождалось процессами десемантизации или «семантического обесцвечивания», конструкционализации (превращения предлога в оператор предикативной связи), а также интернализации (*internalization*). Последний термин заимствован из работы Э. Трауготт [9. С. 34–35]; он обозначает процесс, в ходе которого данная конструкция постепенно включала в себя новые глаголы, выражающие в основном внутренние ментальные состояния / процессы. В частности, это глаголы: *account, approve, consider, conceive, deem, esteem, judge, know, note, reckon, remember, think, understand* [8. С. 17]. Как отмечают авторы статьи, в диахроническом развитии конструкция с вторичным предикативом *asN* значительно увеличила свою частотность, главным образом, за счет употребления когнитивных глаголов указанной группы [8. С. 23]. Что касается современного английского языка, то согласно некоторым отечественным исследованиям глаголы данной группы доминируют по частотности употребления в анализируемой конструкции [10. С. 17].

Главной синтаксической особенностью модели *NVasN* является наличие в ней вторичной предикации. В работе Г.Н. Воронцовой дается следующее определение вторичного предиката: «Признак предикатуемый (утверждаемый, устанавливаемый, заявляемый), но не являющийся в предложении сказуемым, мы и называем вторичным предикатом» [11. С. 47]. Отмечается, что вторичный предикат может либо представлять собой относительно самостоятельный член предложения, оформленный как определение, обстоятельство, предикативный член предложения, либо он может быть частью сложного члена предложения, т.е. особой двусоставной синтаксической единицы, отношение между элементами которой подобно связи, существующей между подлежащим и сказуемым. Описание этого явления (*a secondary or complementary predicate*) есть в классических трудах Г. Суита, Г. Поутсмэ, Дж. Керма [12. С. 95; 13. С. 344; 14. С. 30]. Прямое указание на компонент *asN* в функции вторичного предикатива находим у О. Есперсена, который замечает, что предикатив употребляется не только после глаголов, но также после некоторых служебных слов, в английском особенно после *for, to, into, as*: *I look upon him as a fool; He considered it as a good omen* [15. С. 12].

Вторично-предикативные ситуации в структуре простого предложения образуются именными средствами, это обусловлено спецификой развития синтаксического строя английского языка по пути номинализации. Проблема вторичной предикации возникла при исследовании второстепенных членов предложения главным образом в связи с явлениями обособления, постпозиции определений, аппозиции, приложения. Они не порождают вторичную предикацию,

они сами порождаются последней [16. С. 6]. О тенденции выражения предикации именными средствами, приводящей к сдвигу в отношениях второстепенных слов и некоторой напряженности структурного порядка, писал О. Есперсен, разрабатывая теорию нексуса [17. С. 154]. По мнению В.Г. Адмони, нагнетание второстепенных членов не только раздвигает границы предложения, но и вступает в противоречие с прежней моделью, которая уже не может обеспечить ту структурную связанность, которая создавалась ранее в условиях менее многозначных образований [18. С. 73]. В результате разрешения этого противоречия увеличивается информативность высказывания.

В.Н. Ярцева исследовала генезис явления вторичной предикации в английском языке и его последовательное развитие. Она отмечает, что предикативное приложение, становящееся предикативным членом, обязательно проходит стадию обстоятельства, что позволяет ему тесно слиться с глаголом и вступить с ним в новое синтаксическое отношение. Если рассматривать связи вторичного предикатива с главными членами предложения, то он, выражая сопутствующее действие или состояние, является обстоятельством для глагола, а для подлежащего или дополнения как бы добавочным предикатом, придающим ему дополнительный признак. Предикативные приложения соединяются со своим главным словом при посредстве глагола, который не является связкой, а употребляется в своем полном значении. Другими словами, вторичный предикатив характеризуется двусторонней синтаксической связью. В основе его сочетаемости с глаголом лежат лексико-грамматические (валентностные) свойства глагола. По терминологии В.Н. Ярцевой здесь имеет место «незамкнутое подчинение – разновидность подчинения, при котором зависимый компонент (предикатив) соотносит свое содержание через посредство подчиняющего компонента (глагола) с другим компонентом (подлежащим), с которым он также находится в определенной связи» [19. С. 36–37]. Содержание предикатива соотносится с подлежащим предложения, т.е. между подлежащим и предикативом существует согласование по смыслу. Эта связь обусловлена предикативностью [20. С. 14] и предполагает имплицитное предикатное отношение включения или тождества [21. С. 96].

В коммуникативном синтаксисе категория предикации трактуется в рамках теории речевой деятельности. Л.С. Выготский считал предикативность единственной формой внутренней речи, которая с психологической точки зрения состоит из одних сказуемых. Глагол как основной элемент сказуемого важен своей организующей ролью в высказывании, он выполняет текстообразующую функцию [22. С. 143].

Как было отмечено выше, между подлежащим и предикативом существует согласование по смыслу или имплицитное отношение тождества. Данное отношение тождества может быть двух типов. Назовем их фактологическим или объективным тождеством и субъективным тождеством, близким к подобию. Можно найти указания на подобное деление в некоторых зарубежных исследованиях. Например, исследователи Frauke D'Hoedt и Hubert Cuyskens различают два упо-

ребления слова *as* в исследуемой нами функции: «essential» и «similative». В первом случае предикатив *asN* указывает на реальную характеристику существительного *N*, между ними есть объективное отношение тождества. Данную конструкцию можно перифразировать с помощью связки *be*. Пример: *They give the horses hay as food*, где *сено* и является *кормом для лошадей*. Во втором случае существительное *N* и предикатив *asN* сопоставляются, находясь в отношении подобия, причем последний указывает на некую нереальную характеристику. Как правило, такие конструкции могут быть заменены перифразой с глаголами *look, seem*. Пример такой конструкции: *I left him as an abandoned dog*, где он лишь напоминает *покинутого пса*. [8. С. 21].

Рассмотрим более подробно первый тип отношений. Он является наиболее характерным для текстов научного стиля. Такие отношения фактологического или объективного тождества могут быть, например, гиперо-гипонимическими. В данном типе наиболее употребительным является глагол *know*. Примеры из научных текстов журнала “Nature”: *These agents are known as histone deacetylase inhibitors*; *This broad category is known as “metabolic syndrome”*. Данный глагол в своем главном значении «знать» относится к группе глаголов мыслительной деятельности и широко используется для связи идентифицируемого и идентифицирующего компонентов в контекстах выражения когнитивных операций с целью установления гиперо-гипонимических отношений. Он моделирует здесь ситуацию познания, задает определенные условия предметно-понятийной идентификации. Объективный характер представленной информации дополнительно подкрепляется преимущественным выбором глагольной категории страдательного залога. В этой связи весьма существенным представляется замечание Н.Д. Арутюновой, что предикаты относятся к параметризованной субстанции, отражают определенные стороны субъекта в диапазоне допустимого варьирования признаков. Характеризующий признак, выражаемый глаголом, должен войти в отношения конъюнкции с признаками соответствующего класса объектов, выражаемых вторичным предикативом [4. С. 31]. Логико-грамматическая четкость приведенных выше примеров с соответствующим выбором лексических единиц, заполняющих синтаксические позиции, прагматически обусловлена требованиями научного стиля речи. Такие выражения носят познавательный характер, их логическое назначение состоит в том, чтобы раскрыть значение одного понятия посредством соотнесения его с другим, более общим. В нашей выборке из “Nature” типичными глаголами мыслительной деятельности, выполняющими эту «просветительскую» функцию в предложениях модели *NVasN*, наряду с глаголом *know*, являются: *view, classify, identify, interpret, treat, regard, remember, think (of), refer (to)*. И опять же, как и в случаях употребления глагола *know*, преобладающей грамматической формой сказуемого является страдательный залог в качестве дополнительного средства подтверждения объективности информации научного характера, например: *It’s being treated as an infrastructure problem*.

Дж. Николс, исследования которой посвящены вторичным предикативам в русском и английском языках (в предложениях типа *Он работает инженером; Он умер молодым* и в их английских аналогах), отмечает, что с точки зрения прагматики они (вторичные предикативы) подразделяются на зависящие и не зависящие от основного глагола [23. С. 114–127]. К английским конструкциям с *as*, объективирующим соотнесенность субъекта с его идентифицирующим признаком, относятся, в частности, высказывания о функционировании некоего лица в профессиональной сфере. В нашей выборке это примеры типа: *They have long worked as missionaries; Rienhoff had trained as a clinical geneticist in the 1980s*. Аналогичным образом, объективное существование связи неодушевленного субъекта с идентифицирующим признаком его функции выявляется в предложениях типа: *It would act as an intermediary; ...circRNAs serve as miRNA reservoirs; ...anaglyph is still used as a cheap alternative; ...these drugs may act as a double-edged sword during haematopoietic recovery; ...CDR1 antisense can function as a negative regulator of miR-7*. Объективная, фактологическая соотнесенность одушевленного / неодушевленного субъекта с его профессией / функцией подтверждается возможностью замены здесь сочетаний полнозначных глаголов с *as* (*work as, act as, serve as, function as, be used as*) чистой связкой *be* без потери реального смысла идентификации. Кроме профессиональной или функциональной сферы, предикатив может указывать на семейные отношения (термины родства) и другие персональные характеристики: пол, возраст, расовую и национальную принадлежность, социальный статус. Это, как правило, информация фактологического типа.

Обратимся ко второму типу отношений, выражающих «субъективное» тождество. Наличие такого рода отношений обусловлено тем, что смысловые связи элемента *N* с вторичным предикативом формы *asN* осуществляются не только через широкие понятия или родовые признаки, присущие субъекту, но и через его индивидуальные черты. Идентифицирующими могут быть случайные, временные, совсем не характерные и иногда даже абсурдные для данного лица или предмета признаки.

Рассмотрим следующие примеры из художественной прозы: 1) *Sulk about having no boyfriend, but develop inner poise and authority and sense of self as woman of substance, complete without boyfriend, as best way to obtain boyfriend* – *Пребывать в мрачном настроении по поводу отсутствия бойфренда; вместо этого – вырабатывать уравновешенность, авторитетность и чувство собственного достоинства, выглядеть женщиной цельной, самодостаточной и без бойфренда, а это – лучший способ заполучить бойфренда* (H. Fielding, Bridget Jones’s Diary). 2) *For a moment I was excited, imagining it was for me and suddenly seeing myself as a dark, mysterious object of desire to men out in the street* – *На секунду я разволновалась, вообразив, что это для меня, и неожиданно представив себя темным и загадочным объектом желания всех мужчин на улице* (H. Fielding, Bridget Jones’s Diary). Нельзя сказать, что в данных примерах соотноше-

ние предикативов (woman of substance и dark, mysterious object of desire to men) с подлежащим (т.е. говорящим, главной героиней романа – Бриджит Джонс) носит объективный характер. Скорее, данные характеристики субъективны, в них прагматически значимой является не самоидентификация, а самопрезентация, адресованная другим лицам и имеющая своей целью создать определенное впечатление, не обязательно объективного характера (подробнее об этом см.: [24. С. 107–120]). В данном случае речь идет о самопрезентации как о коммуникативной стратегии, т.е. управлении впечатлением о себе и формировании особого мнения у окружающих [25. С. 74].

В прагматически обусловленных контекстах эксплицируются те свойства индивида, понимание и оценка которых важны для автора высказывания. Предложениями модели NVasN с такой оценочной семантикой изобилует художественный текст, например: *Ten years ago people who cared about the environment were laughed at as sandal-wearing beardy-weirdies* (H. Fielding. Bridget Jones's Diary). Глагол *laugh at* обозначает здесь речевой акт (насмехаться, подвергать насмешкам), т.е. поступок, мотивированный оценочной характеристикой, которая является предвзятой, искажающей объективную реальность из-за некомпетентности или невежества тех, кто эту оценку выносит. Ошибочность такой характеристики стала очевидной с течением времени, поэтому автор высказывания использует глагол в прошедшем времени и соответствующее обстоятельство (*Ten years ago*). Можно утверждать, что в исследуемых предложениях сказуемое, как правило, является тем элементом смысловой структуры, который определяет параметры признаковой идентификации субъекта. Значения оценочных глаголов (*respect, value, ridicule, humiliate*) изначально предполагают наличие в семантике субъекта N и соотносимого с ним вторичного предикатива asN некоторых свойств, которые могут служить основанием позитивной или негативной оценки, как в примере выше.

Вторичный предикатив asN в сочетании с оценочными глаголами может совмещать функцию

идентифицирующей характеристики с обстоятельством значением причины. Например, *I struggle to make ends meet and am ridiculed as an unmarried freak* (H. Fielding. Bridget Jones's Diary). Данная цитата из романа допускает перефразирование: *I struggle to make ends meet and am ridiculed because I am an unmarried freak*. В нашей выборке встречается также совмещение функции идентифицирующей характеристики и обстоятельства цели: *Sharon maintains men – present company (i.e. Tom) excepted, obviously – are so catastrophically unevolved that soon they will just be kept by women as pets for sex, therefore presumably these will not count as shared households as the men will be kept outside in kennels*. Но в целом только с учетом контекста (порой достаточно широкого) возможно определить степень объективности подобных характеристик, их фактологическое или тенденциозно-оценочное основание.

Таким образом, английская синтаксическая конструкция NVasN выступает как весьма интересный объект исследования. Учитывая полифункциональность и высокую степень грамматикализации слова *as* в современном английском языке, можно утверждать, что данная лексическая единица является универсальным речемыслительным оператором когнитивного процесса сравнения в аспекте отождествления объектов и их признаков. В исследуемых предложениях функцию идентификации выполняет именно слово *as*, обеспечивая синтаксическую и смысловую связь подлежащего (или дополнения) с вторичным предикативом. Данная семантическая связь может выражать отношения тождества, приближенного к бытийности, может обозначать гиперо-гипонимические отношения, отношения «субъект – профессия», «объект – функция», и тем самым служит цели донесения фактической информации. Кроме того, в исследуемых предложениях выявляются субъективно-оценочные отношения подобия, выражаемые с целью создать некий образ, впечатление, представить характеристику или описание, не совпадающее с реальной действительностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новоселов М.М. Логика абстракций (методол. анализ). Ч. 1. М., 2000. 191 с.
2. Магировская О.В. Координатная представленность антропоцентрического пространства языка // Вып. XXVIII: Антропоцентрический характер языка. Москва ; Тамбов, 2017. С. 82–106.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976. 384 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
5. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова: Значение, коммуникативная перспектива, прагматика. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 400 с.
6. Fónagy I. The Languages Within Language: Toward a Paleontological Approach of Verbal Communication // Approaches to Language: Anthropological Issues. Mouton Publishers. 1978. P. 79–134.
7. Algeo J. The Origins and Development of the English Language. 6 ed. Wadsworth : Cengage Learning, 2010. 347 p.
8. D'hoedt F., Cuyckens H. The Development of the as-Secondary Predicate Construction: constructionalization and internalization // Language Sciences. 2017. Vol. 54. P. 16–35.
9. Traugott E.C. On the rise of epistemic meanings in English. An example of subjectification in semantic change // Language 65. 1989. P. 31–55.
10. Викулова Е.А. Конструкции с субстантивными вторичными предикативами в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 24 с.
11. Воронцова Г.Н. Вторичный предикат в английском языке // Иностранные языки в школе. 1950. № 6. С. 47.
12. Sweet H. A New English Grammar Logical and Historical. Part I: Introduction, Phonology, and Accidence. Oxford, 1900. 499 p.
13. Poutsma H. A Grammar of Late Modern English. Groningen, 1928. 540 p.
14. Curme G.O. A Grammar of the English Language. Syntax. Boston, 1931. 616 p.
15. Jespersen O. A Modern English Grammar on Historical Principles. Part V, vol. IV. London, 1954. 528 p.
16. Коваленко В.Е. Роль именных компонентов в развитии предикативной сущности простого предложения современного английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ленинград : ЛГУ, 1959. 55 с.
17. Есперсен О. Философия грамматики. М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. 400 с.

18. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л. : Наука, 1973. 366 с.
19. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1961. 308 с.
20. Вострикова Л.И. Структура группы связочного глагола в современном английском языке (на материале связочных глаголов с модальным значением) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970. 24 с.
21. Козинцева Н.А. Конструкции с глаголами речи, мысли, чувственного восприятия, эмоционального отношения и оценки // Семантика и синтаксис конструкций с предикатными акантами. Ленинград, 1981. С. 89–102.
22. Норман Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности. Минск : «Высшая школа», 1978. 152 с.
23. Nickols J. Secondary Predicates // Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. Berkeley, 1978. P. 114–127.
24. Норман Б., Плотникова А. Семантика конструкций со значением социальной самоидентификации и самопрезентации в русском языке // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, № 4. С. 107–120.
25. Лаппо М.А. Самоидентификация и самопрезентация в различных типах дискурса // Вестник НГУ. Сер. Психология. 2012. Т.6, № 2. С. 72–76.

ИСТОЧНИКИ ПРАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Fielding H. Bridget Jones's Diary. London : Picador, 2001. 310 p.
 Nature. 2013. Vol. 495, № 7441. 404 p.
 Nature. 2013. Vol. 498, № 7455. 532 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 октября 2018 г.

Syntactic and Pragmatic Features of English Equality Sentences NVasN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 66–71.

DOI: 10.17223/15617793/443/8

Ekaterina S. Chiglintseva, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ekaterina.ch@bk.ru

Elena A. Vikulova, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation); Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: vilena48@bk.ru

Keywords: secondary predication; preposition as; equality; similarity; identity.

The article is devoted to the English clauses of the syntactic structure NVasN, where the preposition *as* generally means ‘in the capacity of’, e.g., *That effort was seen as a good idea*. The aim of this research is to bring to light syntactic, semantic and pragmatic features of the constructions in question. According to the classification of Russian equality sentences proposed by I.B. Shatunovsky, English *as*-constructions of this type can be categorized as equality sentences based on common distinctive features shared by the nouns used. As far as the diachronic development of this construction is concerned, *as* is an amalgamated compound which derives from *ealswa*, where *eal* is the ancestor of *all*, while *swa* is the ancestor of *so*, hence the meaning ‘being altogether alike’. It is generally believed that the preposition *as* was used in comparison structures (e.g. *humble as a dove*) until the 13th century. Later on, due to the process of grammatical constructionalization, the lexeme *as* came to be used as a predicative marker, thus giving rise to the internalization process in these constructions, which means that *as* could be applied in a greater number of contexts, most importantly, in those with mental representation and communication verbs (*know, remember, think, consider*, etc.). The main syntactic property of this construction is secondary predication. The authors analyze the predicative relation between the subject N and the predicative complement asN using examples from the *Nature* journal and some fiction texts, namely, H. Fielding's novel *Bridget Jones's Diary*, which allows the pragmatic potential of these constructions to be evaluated in two functional styles. It is stated that these relations can be either ‘essential’ or ‘similative’. The ‘essential’ type denotes an objective, factual relation (semantic relations of inclusion or hyper-hyponymic relations; the relations ‘object – function’, ‘subject – profession/age/nationality’, etc.). The quality or feature encoded by the predicative complement is construed as being true, as being an actual characteristic. These sentences serve as models of cognitive processes and are typical of scientific prose, because the information presented in such kinds of texts is required to be objective. The verbs that are generally used here are mental representation verbs (e.g. *know, view, classify, identify, interpret*, etc.). The Passive Voice is the preferred form of the verb in these contexts. These constructions can be paraphrased with the copula *be*. The second type (similative use) denotes the relation in which the subject N and the predicative complement asN are compared, and the clauses can be paraphrased using the verbs *look* or *seem*. These sentences create an image, express subjective characteristics, some impressions and may serve as a means of self-presentation. These are typical of fiction texts. When combined with verbs of evaluation (e.g. *laugh, ridicule*), the predicative complement asN can also denote cause or purpose.

REFERENCES

1. Novoselov, M.M. (2000) *Logika abstraktsiy (metodol. analiz)* [The logic of abstractions: methodological analysis]. Part 1. Moscow: IPh RAS.
2. Magirovskaya, O.V. (2017) Koordinatnaya predstavlenost' antropotsentricheskogo prostranstva yazyka [Coordinate representation of the anthropocentric space of language]. In: Vinogradova, S.G. (ed.) *Antropotsentricheskii kharakter yazyka* [Anthropocentric coordinates of language]. Is. XXVIII. Moscow: Institute of Linguistics, RAS; Tambov: Tambov State University.
3. Arutyunova, N.D. (1976) *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its meaning. The problems of logic and semantics]. Moscow: Nauka.
4. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [The human language and world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
5. Shatunovskiy, I.B. (1996) *Semantika predlozheniya i nereferentnye slova: Znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika* [The semantics of the sentence and non-referential words: meaning, communicative perspective, pragmatics]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”.
6. Fónagy, I. (1978) The Languages Within Language: Toward a Paleontological Approach of Verbal Communication. In: McCormack, W.C. & Wurm, S.A. (eds) *Approaches to Language: Anthropological Issues*. Mouton Publishers.
7. Algeo, J. (2010) *The Origins and Development of the English Language*. 6th ed. Wadsworth: Cengage Learning.
8. D'hoedt, F. & Cuyckens, H. (2017) The Development of the as-Secondary Predicate Construction: constructionalization and internalization. *Language Sciences*. 54. pp. 16–35. DOI: 10.1016/j.langsci.2016.06.003
9. Traugott, E.C. (1989) On the rise of epistemic meanings in English. An example of subjectification in semantic change. *Language*. 65. pp. 31–55.
10. Vikulova, E.A. (1984) *Konstruktsii s substantivnymi vtorichnymi predikativami v sovremennom angliyskom yazyke* [Constructions with substantive secondary predicates in Modern English]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
11. Vorontsova, G.N. (1950) Vtorichnyy predikat v angliyskom yazyke [Secondary predicates in English]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 6. pp. 47.

12. Sweet, H. (1900) *A New English Grammar Logical and Historical*. Part I. Oxford: Clarendon Press.
13. Poutsma, H. (1928). *A Grammar of Late Modern English*. Groningen: P. Noordhoff.
14. Curme, G.O. (1931) *A Grammar of the English Language. Syntax*. Boston: Heath & Co.
15. Jespersen, O. (1954) *A Modern English Grammar on Historical Principles*. Part V. Vol. IV. London: George Allen & Unwin.
16. Kovalenko, V.E. (1959) *Rol' imennykh komponentov v razvitii predikativnoy sushchnosti prostogo predlozheniya sovremennogo angliyskogo yazyka* [The role of noun components in the development of the English simple sentence]. Abstract of Philology Dr. Diss. Leningrad.
17. Jespersen, O. (1958) *Filosofiya grammatiki* [The philosophy of grammar]. Translated from English. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
18. Admoni, V.G. (1973) *Sintaksis sovremennogo nemetskogo yazyka* [The syntax of modern German]. Leningrad: Nauka.
19. Yartseva, V.N. (1961) *Istoricheskiy sintaksis angliyskogo yazyka* [The historical syntax of English]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
20. Vostrikova, L.I. (1970) *Struktura gruppy svyazochnogo glagola v sovremenom angliyskom yazyke (na materiale svyazochnykh glagolov s modal'nym znacheniem)* [The structure of constructions with copula verbs in modern English (with reference to copula verbs with modal meaning)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
21. Kozintseva, N.A. (1981) [Constructions with verbs of communication, cognition, perception, emotions and evaluation]. *Semantika i sintaksis konstruktivnykh s predikatnymi aktantami* [The semantics and syntax of constructions with predicative actants]. Proceedings of the Conference. Leningrad: Nauka. pp. 89–102. (In Russian).
22. Norman, B.Yu. (1978) *Sintaksis rechevoy deyatel'nosti* [The syntax of the speech activity]. Minsk: Vysheyschaya shkola.
23. Nickols, J. (1978) Secondary Predicates. *Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley: University of California Press. pp. 114–127.
24. Norman, B. & Plotnikova, A. (2016) Semantics of social self-identification and self-presentation in Russian language structures. *Quaestio Rossica*. 4 (4). pp. 107–120. (In Russian).
25. Lappo, M.A. (2012) Samoidentifikatsiya i samoprezentatsiya v razlichnykh tipakh diskursa [Self-identification and self-presentation in different types of discourse]. *Vestnik NGU. Ser. Psikhologiya*. 6 (2). pp. 72–76.

SOURCES

- Fielding, H. (2001) *Bridget Jones's Diary*. London: Picador.
Nature. (2013) 495 (7441).
Nature. (2013) 498 (7455).

Received: 24 October 2018

К.С. Шаров

ФЕМИНИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХРИСТИАНСКИХ СВЯЩЕННЫХ ТЕКСТОВ И СОВРЕМЕННАЯ ФЕМИНИСТСКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ПРОПОВЕДЬ

Изучен вопрос о возможности создания совокупности новых феминистских смыслов при прочтении текстов Ветхого и Нового Завета, а также использования корпуса данных новых смыслов в христианской проповеди. Делается вывод, что феминистский дискурс, каким бы полезным ни был для достижения гендерного эгалитаризма в современном обществе, тем не менее, не может обосновать истинность лингвистического переосмысления базовых, ключевых понятий христианского богословия, связанных с природой и свойствами Бога, а также характером передачи речи Мессии апостолами в евангельских повествованиях. Мы не можем говорить о Боге как о Матери на небесах или Божественной гендерной паре на основании текста Библии.

Ключевые слова: гендер; гендерно-инклюзивная Библия; имена Бога; лингвистическое описание Бога; масоретский текст; Библия; Танах; проповедь Иисуса Христа; феминизм.

Введение

Насколько возможны феминистские интерпретации священных текстов и феминистская религиозная проповедь как таковая? Можно ли трактовать Библию, Тору или Коран в феминном смысле и как изменится в таком случае наше понимание Бога? При этом насколько адекватным будет такое новое понимание природы божественного и как далеко мы можем и готовы уйти от традиционной интерпретации религиозных законов, проповедей и событий, зафиксированных в священных текстах? В последние несколько десятилетий данные вопросы вызывают оживленную полемику в среде философов, богословов и лингвистов в связи со всеобщей женской эмансипацией и борьбой женщин за равенство.

Феминистское переосмысление священных текстов касается в основном христианского Евангелия и иудейского Танаха (включая Тору и Талмуд). Попыток выделить и проанализировать феминные смыслы в Коране на порядок меньше (см., напр.: [1–3]).

В рамках современного феминистского философского дискурса предпринимается попытка новой интерпретации идей, заложенных в библейские тексты, с целью совмещения нашего понимания божественности и политических программ гендерного равенства [4–8]. Появляется все больше «гендерно-инклюзивных» переводов Библии в основном на английский и немецкий языки, в которых происходит, как говорит Э.Э. Эллис, «переосмысление патриархальных нарративов древнего мира, которые оказываются явно неподходящими человеку настоящего времени» [9. Р. 8]. Внося ряд новых идей в Библию и исключая из нее другие идеи, феминистские исследователи сосредотачиваются на критике патриархального описательного языка, касающегося, во-первых, библейских имен, свойств и описаний Бога-Отца [10–11], во-вторых, слов новозаветной проповеди Христа [12–15] и, в-третьих, повествований о человеческом обществе и социальных отношениях в ветхозаветные и евангельские времена [16].

В данной работе предлагаю рассмотреть первые два вопроса из трех перечисленных, поскольку они менее изучены в философской литературе. Целью статьи будет не только проанализировать феминистское новаторское прочтение священных текстов Библии

и исследовать те новые смыслы, которые данные авторы усматривают в них, но и постараться оценить эвристическую значимость подобного герменевтического истолкования Писания.

В рамках феминистского дискурса предлагается идея о том, что тексты Священного Писания передают не буквальный смысл, а аппроксиматический. О какой аппроксимации здесь идет речь? Это не аллегорическое понимание текстов Писания, равно как и не метафорическое. Некоторые мыслители полагают, что Библия доносит до нас не точные описания событий, а лишь примерные; высказывается мнение, что авторы библейских книг делали это так же, как это делают люди и сейчас в обычной жизни, когда по памяти рассказывают о своих впечатлениях из прошлого [17. Р. 27]. Никто не может описать всей полноты увиденного, поэтому каждый человек использует свой собственный набор денотаторов и семиотических цепочек для воссоздания картины увиденного или услышанного [18. Р. 208]. Поэтому, когда мы читаем тексты Библии, как полагают эти авторы, мы видим не некую языковую «фотографию», или «дагеротип» события, не точно запечатленную ситуацию, послание и его контекст, а всего лишь несовершенные зарисовки, скетчи, наброски произошедшего, сделанные несовершенными людьми, часто не обладающими даром литературного стиля, и которым зачастую могла изменять память [19. Р. 8]. Из этого феминистские исследователи выводят мысль о том, что авторы книг Библии, как Ветхого, так и Нового Завета, использовали патриархальный язык для изображения исторических событий и божественного послания людям, и это привело к вытеснению женщин и феминных смыслов из Писания [20. Р. 31, 47–48; 21. Р. 352–353; 22. Р. 18, 21–22].

Эти авторы утверждают, что так и были устранены феминные смыслы из наименования Бога и проповеди Христа.

Имена и денотации Бога-Отца

Ряд исследователей в рамках феминистского подхода аргументирует, что маскулинный смысл природы Бога был вложен в библейское повествование искусственно древними авторами, которые с помощью лингвистических приемов ретранслировали патриархаль-

ные стереотипы своей эпохи с общественных процессов и институтов, в которых доминировали мужчины, на понятие Бога, т.е., по сути, сконструировали маскулинное понимание Бога искусственно [22–24].

Джонсон утверждает, что вместо того, чтобы называть старшее лицо Троицы Богом-Отцом, мы точно так же можем назвать Его Богом-Матерью [25. Р. 24, 28]. Меган Уокер, так же как и Василий Розанов сто лет назад, считает, что можно говорить о Боге как о Божественной чете, или Божественной паре [26. Р. 7]. Стэнтон придерживается сходной точки зрения [27. Р. 35], она полагает, что маскулинный смысл Бога, понятие о Боге как об Отце пришли в философию и теологию через лингвистику, а туда проникли из патриархальных культурных традиций древнего мира [27. Р. 37–38]. Подробности о языковом представлении Бога в виде небесной Матери или пары Мать-Отец изложены в критической работе Дэвида Неффа [28]. Одним из первых авторов, заговоривших о возможности феминистского, антипатриархального прочтения пассажей, касающихся имен Бога в Ветхом Завете, была Летти Расселл [29. Р. 50–64]. С ее точки зрения, Моисей неверно передал Израилю, ожидающему его у горы Синай, содержание своего общения с Богом, в том числе использовал мужские языковые конструкции там, где мог бы использовать женский род или множественное грамматическое число. Таким образом неверное понятие о патриархальном Боге было кодифицировано в иудаизме.

Попробуем разобраться, справедливы ли подобные допущения в данной области: действительно ли мы можем рассуждать о Боге не как об Отце, а как о Матери на небесах либо о гендерной Божественной паре? Был ли волюнтаризм в повествовании Моисея о Боге, которое он донес до евреев?

Когда Моисей спросил у Бога у горящего тернового куста, как назвать Бога перед евреями, Бог ответил, что имя Ему 'Я есть Сущий' ('От начала Сущий') (Исх. 3:14) – Здесь и далее цитаты на древнееврейском приводятся по Ленинградскому кодексу:

וַיֹּאמֶר אֱלֹהִים אֶל־מֹשֶׁה אֶהְיֶה אֲשֶׁר אֶהְיֶה וַיֹּאמֶר כֹּה תֹאמַר לְבְנֵי יִשְׂרָאֵל
אֶהְיֶה שְׁלֹחַנִי אֲלֵיכֶם:

В этой фразе на древнееврейском обращает на себя внимание конструкция

אֶהְיֶה אֲשֶׁר אֶהְיֶה ehyeh asher ehyeh,
'Я есть Тот, Кто Я есть'.

В синодальном переводе русской Библии строфа звучит следующим образом: «Бог сказал Моисею: Я есть Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам». Однако дословным будет перевод: «*Я есть* послал меня к вам».

Далее, в Исх. 3:15 Бог заветствует Моисею сохранить Его имя навеки:

וַיֹּאמֶר עֹד אֱלֹהִים אֶל־מֹשֶׁה כֹּה תֹאמַר אֶל־בְּנֵי יִשְׂרָאֵל יְהוָה אֱלֹהֵינוּ
אֱבָרְכֶם אֱלֹהֵי אֲבֹתֵינוּ יִצְחָק וְיַעֲקֹב וְיִשְׂרָאֵל וְיִשְׂרָאֵל אֱלֹהֵינוּ
לְעֹלָם וָעֶד וְיִשְׂרָאֵל אֱלֹהֵינוּ לְעֹלָם וָעֶד:

«И сказал еще Бог Моисею: так скажи сынам Израилевым: Господь, Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова, послал меня к вам. Вот имя Мое навеки, и памятование обо Мне из рода в род».

Здесь впервые появляется тетраграмматон *Яхве* (Иегова) יהוה, который является правильной имперфектной формой глагола *быть* биньяна па'аль третьего лица мужского рода единственного числа. Ряд современных исследователей предлагает трактовать тетраграмматон как форму глагола биньяна хиф'иль, и тогда смысл имени Бога изменится на 'Тот, Кто вызывает к жизни'. Однако такая трактовка не считается нормой ни у одного из великих комментаторов Торы и Танаха. Ни у Маймонида, ни у Раши, ни у Адмета, ни у Бертиноро мы не встретим возможности трактовать синайское имя Бога как 'Тот, Кто вызывает к жизни'.

По сути, имя *Иегова*, которое Бог указал Моисею, не раскрывает характеристик Бога, оно просто постулирует вечную самотождественную природу Бога, но с субстанциональной окраской: 'Бог-Отец есть Бог-Отец', а не как-либо еще, не Бог-Мать, и не Бог-пара Богов. В русском языке смысл тетраграммы лучше всего изобразить как

'Я ≡ Я'.

Точной калькой с древнееврейского это будет

'(Он) есть от начала и будет до конца ≡
≡ (Он) есть от начала и будет до конца'.

В процитированной нами строфе Исх. 3:15 Моисей использует два имени (наименования) Бога. Когда он говорит «сказал Бог Моисею», пророк использует слово אֱלֹהִים Elohim ('Бог'). Далее он повторяет его несколько раз после тетраграмматона: אֱלֹהֵי אֲבֹתֵינוּ ('Бог отцов'), אֱלֹהֵי אֲבֹתֵינוּ ('Бог Авраама'), יְהוָה ('Бог Исаака'), וְיִשְׂרָאֵל ('и Бог Иакова'). Так или иначе, в этой фразе в глаголе употребляется мужской грамматический род: שְׁלֹחַנִי ('послал меня') (Исх. 3:15).

Более того, во всей Библии и за пределами этой исходной фразы все глаголы всегда используются с подлежащим *Иегова* только в мужском роде: например, נִרְאָה נִרְאָה raah ('явился мне', 'явился тебе') (Исх. 3:16, Исх. 4:1,5), נִקְרָה נִקְרָה qarah ('призвал нас') (Исх. 3:18), וַיֹּאמֶר וַיֹּאמֶר eymar ('и сказал ему') (Исх. 4:6) и т.д.

Само имя יהוה *Иегова* – грамматическое производное от глагола הָיָה haya ('быть, являться, становиться'); как мы видим, исходно тетраграмматон был глагольной формой, но в контексте библейского повествования стал существительным. Это имя, точнее Свое самонаименование, было передано Моисею Богом в форме самотождественной логико-языковой конструкции אֱלֹהֵי אֲבֹתֵינוּ אֱלֹהֵינוּ. Однако в этой конструкции используется мужской грамматический род, не женский род и не множественное число женского рода. Некоторые авторы, например В. Молленкотт и Дж. О'Дэй, предлагают переписать саму эту фразу в английских и прочих версиях Библии, чтобы устранить из нее мужской род [30–31], но это можно расценивать как некоторый волюнтаризм, поскольку сам

Моисей подчеркивает в Торе, что это была прямая речь Бога, а не передача слов Бога несовершенными словами Моисея.

Та же логика относится к другим именам Бога, используемым в Ветхом Завете (Танахе и неканонических книгах). Обычное слово со значением ‘бог’, равно как и ‘Бог’, в древнееврейском языке и всех арамейских языках – это **אל El**, существительное мужского рода. В случае истинного Бога, а не одного из множества языческих божеств, в Библии чаще всего используется слово **אלהים Elohim** (‘Бог’, множественное число от ‘Бог’). *Elohim* – существительное множественного числа мужского рода – всегда, начиная с книги Бытия, используется с глаголами, спрягающимися по правилам единственного числа. Ряд богословов считает, что это – лингвистическое свидетельство ветхозаветного понятия о Троице, т.е. триединства Бога (см., напр.: [32]). *Elohim* – дословно ‘Боги’, однако на самом деле – это ‘Бог’. Также в ветхозаветных текстах можно встретить такие названия (имена) Бога, как **אדוני Adonai**, **שבאז Sabaoth**, **יה Yahu** и прочие, все представляющие собой существительные мужского грамматического рода единственного или множественного числа [33. Р. 9–13]. Натан Юбанк, пытаясь проанализировать возможность феминистских интерпретаций имен Бога с позиций иудаизма, полагает, что мы можем мыслить Бога не всегда как Отца, а иногда также как Мать, поскольку в раввинистической литературе и каббале широко используется относящееся к Богу слово женского рода **שכינה Shekhinah** (‘пребывание’, ‘присутствие’) [34. Р. 422]. Да, действительно, *Шехина* – существительное женского рода, но все же я полагаю, что этого лингвистического обстоятельства недостаточно для того, чтобы рассуждать о Боге не как об Отце, а как о некоей Матери на небесах: в священных текстах библейского канона это слово ни разу не используется как синоним Бога, а поздние ренессансные раввинистические источники вместе с каббалой не могут служить аутентичными текстами для понимания правильного наименования Бога.

Иудейские богословы талмудистской традиции, не искаженной оккультным каббализмом, такие как, например, Маймонид, Адрет или Раши, все подчеркивали важность книги пророка Даниила для нашего понимания хотя бы некоторых свойств Бога. В книге пророка Даниила в одном месте есть одновременное упоминание Бога-Отца и Бога-Сына (арамейский язык):

הָיָה בְּיָמָיו לִילְיָא וְאַרְלָא עִמָּי שְׂמִיָּא בְּבֵר אֲנָשׁ אֲתָה הָגָה וְעַד-
עֲתִיק יוֹמָא מָטָה וְקִרְמוֹהִי הִקְרְבוּהִי:

«Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему» (Дан. 7:13).

Здесь во всех частях строфы мы видим использование мужского грамматического рода: **בְּבֵר אֲנָשׁ Bar-enash** (‘Сын Человеческий’), где оба существительных, составляющие антропоним, – мужского рода; **הָיָה athah** (‘шел’) – глагол прошедшего времени мужского рода биньяна пе’аль; **יוֹמָא מָטָה** и **עֲתִיק יוֹמָא**

havah ad Attiyq-yom metah (‘был [так], пока до Ветхого днями не дошел’) – глаголы и причастие стоят в мужском роде; **הִקְרְבוּהִי הַקְרְבוּהִי qodam qereib** (‘приведен был перед [Него]’, но можно перевести и ‘принесен был в жертву перед [Ним]’) – опять-таки, глагол *qereib* в биньяне хаф’эль (пассивной форме) использован в мужском роде.

Какие бы имена Бога ни использовались в Библии, все-таки они остаются именами Отца, но не Матери; любые глагольные формы и прилагательные, употребляемые с ними, всегда стоят в мужском роде [33. Р. 12]. Формы глаголов, чаще всего используемые вместе с тетраграмматомом – па’аль перфект, причастие па’аль, ниф’аль перфект. В текстах Ветхого Завета вместе с именем *Иегова* иногда используются и другие древнееврейские глагольные формы (в других биньянах), хотя и намного реже. Правда, такие исследователи, как Хардести, Харрелсон, Джекобс и Шольц, полагают, что это – не более чем грамматическое обстоятельство, и такое согласование в рамках грамматического гендера не отражает натурального гендера референта [35–38].

Хочу отметить, что Бог вообще находится вне сферы гендера; в Ветхом Завете неоднократно подчеркивается, что Бога нельзя мыслить в человеческих категориях, предусматривающих половую дихотомию [39. Р. 244–246]. Моя аргументация в большей степени касается тех феминистских допущений, согласно которым Бог представляет собой не Троицу, а некоторую Божественную «двоицу», чету, комбинацию мужского и женского, как полагают, например, Шерр и Битенхард [40. Р. 72–75].

Теперь обратимся к более строгой аргументации с помощью местоимений. Допуская, что, возможно, в грамматическом согласовании прилагательных и имен Бога по правилам мужского рода в древнееврейском языке не отражается натурального гендера, все же хочу подчеркнуть, что ни в одном месте Священного Писания по отношению к Богу не используется местоимение ‘Она’, только ‘Он’. Если в общем случае мужской грамматический род существительных может не отражать естественного рода референта (натурального гендера), то грамматический род местоимений не может не отражать рода референта в реальности (хотя бы и условного рода, как в случае рассуждения о Боге).

Прежде чем дать развернутую аргументацию этого положения, я все же хочу подчеркнуть еще раз, чтобы меня читатели не поняли превратно: я далек от мысли, что Бог изображается существом мужского пола в библейских текстах, поскольку Он *представляет* Собой существо мужского пола (некоего реального старца). Если мы считаем, что Бог сотворил человека по Своему образу и подобию (Быт. 1:26–27), нельзя думать, что Бог телесен, и у Бога такое же тело, как у мужчины!

Но, как я отметил чуть выше, на Синайской горе Бог захотел раскрыть часть Своей природы Моисею, и он назвал Себя именем вечного и постоянного самостояния, но Тожества в мужском грамматическом роде (тетраграмматон ‘Иегова’). Таким образом, думаю, Бог хотел сообщить людям, что Он есть Бог-

Отец, и Его нельзя считать ни некой метафорической Матерью, как полагает ряд авторов [41–43], ни какой-то Божественной четой, как это делал В.В. Розанов [44], ни Софией, Премудростью Божьей женского пола, как считал В.С. Соловьев [45]. Например, Василий Розанов во вполне феминистском ключе отмечал: «Я все сбиваюсь говорить по-старому ‘Бог’, когда давно надо говорить ‘Боги’, ибо их два... Пора оставлять эту навязанную нам богословским недомыслием ошибку» [44. С. 138]. В книгах Ветхого Завета по отношению к Богу используется либо местоимение третьего лица единственного числа мужского рода הוּ hu (‘Он’), как, например, в строфе Втор. 4:35:

אַתָּה הָרֹאֶת לְדַעַת כִּי יְהוָה הוּא הָאֱלֹהִים אֵין עוֹד מִלְבָּדוֹ:

«тебе дано видеть это, чтобы ты знал, что только Господь есть Бог, и нет другого, кроме Него», либо местоимение второго лица единственного числа мужского рода אַתָּה attah (‘Ты’), как, к примеру, в стихе из книги пророка Исайи Ис. 63:16, где два раза используется это местоимение:

כִּי־אַתָּה אֲבִינוּ כִּי אֲבֹרָהֶם לֹא יִדְעֵנוּ וַיִּשְׁרָאֵל לֹא יִכְיָרְנוּ אַתָּה יְהוָה אֲבִינוּ גִּאֲלֵנוּ מִעוֹלָם שְׂמֹךְ:

«только Ты – Отец наш; ибо Авраам не узнает нас, и Израиль не признает нас своими; Ты, Господи, Отец наш, от века имя Твое: “Искупитель наш”». В русском языке нет полного эквивалента, ибо в русском ‘Ты’ может быть любого рода. В древнееврейском же было ‘ты’ мужского рода и ‘ты’ женского рода.

Весьма показательны такие фразы из пророческих текстов, в которых используется языковая конструкция

‘Я (м. р.) есть Он’

или

‘Ты (м. р.) есть Он’.

Например, у пророка Иеремии в Иер. 14:22 читаем:

הֲיֵשׁ בְּהַבְלֵי הַגּוֹיִם מְגִשְׁמִים וְאִם־הַשָּׁמַיִם יִתְּנוּ רֶבְבִּים הֲלֹא אַתָּה הוּא יְהוָה אֱלֹהֵינוּ וְנִקְוֶה־לָּךְ כִּי־אַתָּה עֲשִׂיתָ אֶת־כָּל־אֲלֵהָ:

«Есть ли между суетными богами языческими производящие дождь? или может ли небо само собою подавать ливень? не Ты ли это, Господи, Боже наш? На Тебя надеемся мы; ибо Ты творишь все это». Кстати, Иеремия вообще выбросил в оригинале слово ‘боги’, вероятно, чтобы подчеркнуть их ложность и ничтожность. Т.е. фраза дословно будет звучать так: «Есть ли между суетными языческими производящие дождь?», хотя с точки зрения древнееврейской грамматики так делать нельзя. Здесь используется конструкция ‘Ты (м. р.) есть Он’, точнее,

lo attah hu Yehovah Elohim הֲלֹא אַתָּה הוּא יְהוָה אֱלֹהֵינוּ
(‘Не есть ли Ты (м. р.) – Он, Господи Боже’),

и буквально на русском языке фраза вопроса прозвучит так: «Разве Ты – это не Он?»

Вторым моментом, который попадает в поле пристального внимания феминистских авторов, является спор о новозаветных текстах Библии: являются ли они дословной передачей бесед Спасителя (так называемых *ipsissima verba*) либо доносят до нас лишь общие смыслы, будучи записанной версией того, что апостолы смогли вспомнить через много лет после бесед со своим Учителем (так называемых *ipsissima vox*) [46. Р. 194–195].

С точки зрения некоторых сторонников феминистского лингвистического подхода к прочтению Библии, тексты канонических Евангелий – это как раз второе [47–48]. Как полагают некоторые иные исследователи, апостолы, будучи мужчинами, исказили смысл слов Иисуса, внося собственные шовинистские и патриархальные смыслы в Его проповедь, устранили женщин из сферы исходной христианской общины, в то время как Сам Христос говорил гендерно-нейтральным языком и хотел активного вовлечения женщин в жизнь церкви [49–51]. Согласно таким авторам, максимально приближенным к желанию Христа является организация современной протестантской церкви (в собирательном смысле), где женщины и нетрадиционно ориентированные личности могут не только служить в алтаре, но и руководить церковью [25. Р. 34].

Согласно Р.А. Гуличу, евангельский рассказ – это создание образа Бога во плоти, имеющее дидактическое и морализаторское значение, но не соответствующее, однако, жизни и проповеди исторического Иисуса [52. Р. 25]. Сходной точки зрения придерживаются Бок, Бломберг и Хагнер. Даррелл Бок считает, что в Евангелиях заложена лишь суть, коррелят, сухая выжимка из того, что говорил и делал Иисус [53. Р. 85–88]. По Боку, в Новом Завете лишь спорадически встречаются упоминания женщин – учениц Христа, да и то в нечетких терминах и без приведения их подробного списка; из этого исследователь заключает, что авторы Евангелий сознательно удалили женщин из контекста, и придали учению Мессии совсем другой, ориентированный на мужчин смысл [53. Р. 92]. В другой своей работе он пытается найти подтверждение своей точке зрения в самих Евангелиях, поскольку апостолы, написавшие их, часто делали оговорку, что записанное – это лишь малая часть слов Спасителя, а если бы записать все, то и весь мир не смог бы вместить этих книг (см., напр.: Ин. 21:25) [54. Р. 661–663].

Крейг Бломберг утверждает, что евангельская история – вовсе не история в прямом смысле этого слова, поскольку любая историческая хроника подразумевает диахронический подход к сменяемости событий, в то время как в Евангелиях используются одномоментные, мгновенные, синхронические описания событий [55. Р. 200–202]. По Бломбергу, Евангелие по структуре можно сравнивать с древними эпосами и мифами, но никак нельзя полагать, что евангельский рассказ – это надежный исторический источник [56. Р. 8–10]. Следовательно, мы ничего не знаем о реальном отношении Бога-Слова к женщинам; а апостолы в прочих текстах Нового Завета постарались удалить

гендерное равноправие из христианского учения [56. Р. 12]. Наконец, Дональд Хагнер говорит о «зарисовочном» характере Евангелий, в которых мы не можем найти четкости и ясности описаний, и именно с этим он связывает неясность гендерной составляющей послания Иисуса Христа [57. Р. 25; 58. Part 2. Ch. 6].

Процитированные работы вовсе не исчерпывают полноты феминистской критики в отношении гендерной достоверности текста Евангелия, однако они очерчивают некоторую базисную систему координат. Существует и намного более радикальная феминистская интерпретация событий, связанных со Христом, и, соответственно, более радикальная критика языка Евангелия и вообще Нового Завета в целом. Например, Ф. Халлиган считает, что среди апостолов Христа были и женщины, но апостолы-мужчины нарочно исключили их из контекста, чтобы захватить власть в будущей церкви и отстранить женщин от священнослужения в алтаре [59. Р. 386]. С.Т. Кимбру полагает, что Христос жил жизнью обычного земного и грешного человека и вовсе не чурался женщин, а Мария Магдалина была его «гражданской женой» [60. Р. 198]. Мои студенты из МГУ, например, после ознакомления с «трусами» Дэна Брауна в этом вообще не сомневаются. Мэри-Пола Уолш пытается «оправдать» Иисуса Христа, доказывая, что Он дал людям вполне политкорректную проповедь, включавшую всю разнообразную гамму гендерных идентичностей, но мужчины-апостолы создали атмосферу гендерной и социальной нетерпимости за счет использования определенных фраз и выражений, которые они приписали Христу, но которые Тот никогда не употреблял [61. Р. 47].

Все вышеуказанные работы, по-видимому, не принимают в расчет двух моментов: богодухновенности Писаний и сомнительной мотивации, которую некоторые феминистские исследователи приписывают апостолам.

Во многих местах Евангелий мы видим, что апостолы описывают в подробностях общение Иисуса с женщинами; описывают они также и то, что многие женщины служили Христу своим имением (Лк. 8:2–3) и вместе с мужчинами ходили за Учителем в Его странствиях по Галилее и Иудее. Феминистская гипотеза о том, что апостолы в Евангелии искусственно выбросили все исторические события, связанные с общением Христа с женщинами, звучит несколько странно в контексте многочисленных евангельских упоминаний женщин и того, что Учитель не чуждался разговоров с ними, не презирал женщин, не сторонился их, а воспринимал их как достойных слушателей Своего слова. Да, Христос не послал женщин-учениц на проповедь, исцеление и изгнание бесов из людей «по двое», как он послал апостолов (Лк. 9:1–6, 10:1). Однако это может свидетельствовать вовсе не о дискриминации женщин, а о предусмотрительности Сына Божьего. Вряд ли бы кто-то в еврейском патриархальном обществе стал вообще слушать одинокую женщину, даже двух женщин, что-то проповедующих и переходящих из города в город без сопровождения мужчин. В лучшем случае их бы проигнорировали, а в худшем – могли посчитать блудницами и побить кам-

нями. Христос, посылая апостолов далеко, не отпускал в дальние походы учениц.

Говоря о доказательствах присутствия в тексте Евангелия случаев дружелюбного и терпимого общения Мессии с женщинами, упомянем несколько наиболее известных евангельских описаний:

1) дружбу Спасителя с Марией и Марфой, сестрами Лазаря, которого Христос воскресил из мертвых перед Своим Входом в Иерусалим (Лк. 10:38–42); Мария сидела и слушала проповедь Спасителя, в то время как Марфа готовила угощение, и апостол Лука дает понять, что Христос не только не оттолкнул ее, но и попенял Марфе, что она не избрала столь благой части, как ее сестра;

2) изгнание из Марии Магдалины нечистых духов (Лк. 8:2) и, вероятно, именно ее прощение, когда Христос сказал толпе иудеев: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин. 8:3–11). Хотя в Евангелии от Иоанна не сказано напрямую, что эта блудница, приведенная к Иисусу иудеями, была именно Мария Магдалина, существует давняя, преимущественно, католическая традиция подобного отождествления, восходящая к Священному Преданию – хотя прямых свидетельств того, что это была Мария Магдалина, нет;

3) приход Марии, сестры Лазаря, и помазание ног Иисуса драгоценным миром на страстной неделе (Ин. 12:1–8);

4) «спонтанное» исцеление женщины, страдавшей кровотечением, когда Иисус направлялся в дом начальника синагоги Иаира (Мф. 9:20–22);

5) Иисус не возмущался открыто разговаривать с самарянкой (Ин. 4:7–26) и сиропфинекиянкой (Мф. 15:22–28), в то время как даже апостолы в душе осудили его за это – сами они никогда бы не снизошли до такого общения; более того, Иисус послал самарянку проповедовать Его слово в город Сихарь, из которого она была родом (Ин. 4:27–42).

Некоторые авторы считают, что сами по себе Евангелия не могут аутентично передать мысли и слова Христа в силу того, что они – не «лингвистические фотографии» событий, связанных с реальной земной жизнью Иисуса, а «лингвистические зарисовки», возможно, прекрасные с поэтической стороны, но все же зарисовки [62. Р. 90; 63. Р. 27, 31]. Ряд из этих авторов идут дальше, например Сюзанна Шольц, которая утверждает, что это-то и есть свидетельство маскулинного шовинистского «заговора» апостолов, которые были настолько коварны, что решили записать послание Иисуса с помощью таких языковых техник, чтобы внести угодные им маскулинные патриархальные смыслы в текст и выбросить все неудобные им отсылки к женщинам и их привилегированному положению, а также к сексуальным меньшинствам, о которых якобы в позитивных интонациях говорил Христос в своей проповеди [38]. Разберем данную гипотезу подробнее.

Обычно феминистские авторы указывают на важное лингвистическое обстоятельство, которое могло бы служить свидетельством в пользу неаутентичности записи апостолами слов Христа и возможном маскулинном искажении Его проповеди, сознательном или

бессознательном, сделанном на уровне спланированного заговора или языковой репрезентации культурного кода того времени.

Поскольку все канонические Евангелия написаны апостолами на греческом языке, а Христос, как известно, общался с людьми на арамейском [64], то запись Евангелия сразу в переводе могла автоматически создать искажение смысла речи Спасителя.

Все четыре канонических Евангелия написаны на греческом – это факт. Но являются ли они переводом слов Сына Божьего – это предмет дискуссии. Мы привыкли считать, что Иисус общался с окружающими на арамейском и только на арамейском, поскольку это был наиболее распространенный язык повседневного общения в Иудее в I в. На самом деле, совершенно неизвестно, было ли это так на самом деле, т.е. общался ли Христос с людьми преимущественно на арамейском. Из лингвистических контекстов евангельских повествований, а также историко-археологических находок, касающихся Палестины того времени, мы можем предположить, что Христос мог использовать греческий намного чаще, чем мы все привыкли думать. Какие аргументы можно привести в поддержку данной точки зрения?

1) греческий язык был тогда *lingua franca* наиболее образованных частей иудейского общества: врачей, философов, книжников, риториков;

2) греческий успешно сосуществовал с ивритом и арамейским языком уже на протяжении более трех веков к началу проповеди Спасителя; даже далекие от науки люди могли в целом понимать греческий и сносно на нем общаться;

3) многие якобы исходно еврейские термины на самом деле являются калькой греческих слов; например, слово *синедрион* – греческое;

4) многие еврейские имена во время проповеди Спасителя были на самом деле греческими, например, Александр, Андрей, Филипп;

5) Иисус, давая новое имя Симону, назвал его одновременно Петром и Кифой (и то, и то означает ‘камень’), т.е. использовал и греческий, и арамейский эквиваленты в разговоре;

6) во время Своей земной проповеди Христу часто приходилось общаться не только с евреями, но и с язычниками из других стран, например, с римскими центурионами и военачальниками; на арамейском такое общение было бы крайне затруднено, если не сказать – невозможно, поскольку римляне в массе своей, презирая иудеев, не учили арамейский, но знали греческий;

7) внимательный лингвистический анализ намекает на то, что разговор Христа с Пилатом и Пилата с иудейской толпой, скорее всего, шел на греческом; латинский в те годы отторгался еврейским обществом примерно так же, как отторгался немецкий в России во время Великой Отечественной войны;

8) в тексте Евангелий некоторые еврейские / арамейские слова даны в виде греческой транслитерации; например, *Равви*, *Раввун* много раз (в Евангелиях используется 15 раз) используются апостолами в тексте вместо греческого слова *Дидаскалос*, учитель (в Евангелиях используется 35 раз). Далее, на кресте,

как написано, Христос восклицает «*Элои, элои*» (Боже Мой, Боже Мой):

καὶ τῇ ᾠρᾷ τῇ ἐννάτῃ ἐβόησεν ὁ Ἰησοῦς φωνῇ μεγάλῃ λέγων Ἐλωι ἐλωι λαμμᾶ σαβαχθανι ὃ ἐστὶν μεθερμηνεύμενον Ὁ θεός μου ὁ θεός μου εἰς τί με ἐγκατέλιπες

«В девятом часу возопил Иисус громким голосом: *Элои! Элои! ламма савахфани?* – что значит: “Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?”» (Мк. 15:34).

Он говорит умершей дочери Иаира «*Талифа куми*» (девица, поднимись). Если в тексте Евангелий ярко выделяются случаи использования Сыном Божиим арамейских / еврейских слов, это свидетельствует о том, что эти случаи были необычными, а значит, Христос мог очень многое в своем общении с людьми говорить по-гречески;

9) апостолы часто используют, цитируя речь Христа, множество греческих синонимов; но если бы Христос произносил те слова по-арамейски, то непонятно, почему бы апостолам употреблять разные греческие эквиваленты для одного арамейского слова.

Все описанное заставляет задуматься о том, насколько «переведенными» на греческий язык можно считать тексты Евангелий. Безусловно, Христос много говорил на арамейском; скорее всего, Он использовал этот язык в Нагорной проповеди и во время иных Своих массовых проповедей при огромном стечении народа, поскольку простой люд с огрубевшими сердцами лучше всего и быстрее всего мог понять Слово, сказанное на том языке, который был их родным языком с детства. Христос, конечно, говорил с людьми и на иврите, особенно во время богословских споров с фарисеями и книжниками, которые любили постоянно цитировать на древнееврейском отрывки из Талмуда и Торы; возражая им, Христу явно приходилось прибегать к подобному цитированию и изъяснению текстов на иврите. Интересно, что в моменты наивысшего волнения или страданий Христос также однозначно говорит на еврейском языке; Магдалина, пораженная воскресением Учителя, сходным образом говорит по-еврейски «*Раввун!*»

Тем не менее утверждение в рамках феминистского дискурса, что Сын Божий мало или вовсе не использовал греческий язык в Своей проповеди и разговорах с людьми, а тексты Евангелий в силу этого являются переводом Его слов, скорее всего, нуждается в пересмотре.

Заключение

В статье мы сфокусировали свой анализ на двух моментах: феминистском переосмыслении имен Бог-Отец и характере проповеди Бога-Сына.

Мне представляется, что феминизм, каким бы заманчивым ни казался в повседневной жизни или политическом дискурсе, не имеет действительно серьезных оснований переосмыслять Писание с лингвистической точки зрения, ведь в священных текстах не содержится смыслов дискриминации женщин. Если Бог понимается как Бог-Отец, Сын и Святой Дух, а не как Бог-Мать и Дочь, это еще не отнимает женщин никаких политических и социальных прав. Феминист-

ский дискурс, являясь, безусловно, полезным и нужным инструментом социальной борьбы за современное равенство и равноправие женщин, в рамках лингвистико-богословского анализа оказывается не столь плодотворным для чтения Библии, ни для целей богослужения или философско-богословской аргументации, ни для христианской проповеди в наши дни.

Мы признаем, что Бог раскрыл человеку через библейские тексты некоторые Свои свойства. Он хотел, чтобы человек понимал Его именно как Отца, но не как Мать и не как некоторую Божественную чету мужского и женского, что так характерно, например, для брахманизма и индуизма. Мы не можем волюнтаристски заменять мужской грамматический род в древнееврейских текстах, касающихся имен Бога и указаний на Бога, и подставлять вместо него женский род или множественное число, как это достаточно часто и не всегда достаточно оправданно делается в наше время в английских и немецких версиях Библии.

С другой стороны, мне кажется очень сомнительным, что существовал некий всеобщий «сговор» мужчин-апостолов с целью дискриминации женщин и вытеснения их за пределы сферы проповеди Спасителя. Если бы это было так, в каких-нибудь исторических источниках обязательно бы проявились попытки женщин вернуть себе свое законное место, которое им дал Бог и отобрали мужчины. Где-то бы обязательно мы смогли найти хотя бы косвенные упоминания о гораздо большей роли женщин в распространении проповеди Христа, чем указывают Евангелия, например, во многочисленных апокрифических евангелиях, в трудах римских историков или Иосифа Флавия, в философских сочинениях иудейского мыслителя первой половины I в. Филона Александрийского, в работах самых ранних христианских апологетов, живших в Иерусали-

ме, Александрии, Антиохии, Эфесе, Коринфе и Риме. Однако ничего подобного мы не встречаем ни у одного из историков, христианских апологетов или первых богословов древности. Считая, что апостолы устроили маскулинный заговор с целью шовинистского искажения послания Христа и насильно удалили женщин из формирующейся церковной иерархии, мы должны также согласиться с тем, что в этом глобальном «заговоре» приняли участие также и люди, которые были совершенно не знакомы с апостолами лично, например, историки Тацит, Сенека, Аппиан, Светоний и Плутарх, в описаниях которых важное место отводится Иудее и иудейскому обществу. В конце концов, если бы среди апостолов были женщины, которых от потомков якобы скрыли апостолы-мужчины с помощью языка Евангелий, то эти женщины, безусловно, также бы написали свои собственные евангелия, свои версии жизни, проповеди, смерти и воскресения Учителя. Но среди апокрифических Евангелий нет ни одного, написанного женщиной.

Если, в целом, мы вряд ли можем согласиться с феминистскими версиями трактовок имен Бога и проповеди Иисуса Христа, то мы, по крайней мере, можем положительно оценить феминистскую методологию как весьма эффективную и полезную. Полагаю, что феминистская задумка по-новому прочитать Библию, помимо того, что она является остроумным эвристическим вызовом существующей философской и богословской традиции, оказывается весьма важной и полезной для кристаллизации и концептуализации того понимания природы и свойств Бога-Отца и Бога-Сына, а также характера проповеди Христа, которое нам доступно из лингвистического исследования священных текстов христианского Евангелия и иудейского Танаха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barlas A. The Qur'an and Hermeneutics: Reading the Qur'an's Opposition to Patriarchy // *Journal of Qur'anic Studies*. 2001. Vol. 3, № 2. P. 15–38.
2. Hammer J. *American Muslim Women, Religious Authority, and Activism*. Austin, TX : University of Texas Press, 2012. 295 p.
3. Roded R. Jewish and Islamic Religious Feminist Exegesis of the Sacred Books: Adam, Woman and Gender // *Nashim: A Journal of Jewish Women's Studies and Gender Issues*. 2015. № 29. P. 56–80.
4. *An Inclusive Language Lectionary*. Philadelphia, PA : Westminster Press, 1985. 264 p.
5. *Bibel in gerechter Sprache*. Gütersloh : Gütersloher Verlagshaus, 2006. 1856 s.
6. Gold V.R. et al. *An Inclusive Language Lectionary: in 3 vols*. Philadelphia, PA : Westminster Press, 1983.
7. Martin C.J. Womanist Interpretations of the New Testament: The Quest for Holistic and Inclusive Translation and Interpretation // *Journal of Feminist Studies in Religion*. 1990. Vol. 6, № 2. P. 41–61.
8. Spencer A.B. Power Play: Gender Confusion and the NIV // *Christian Century*. 1997. Vol. 114, № 20. P. 618–619.
9. Ellis E.E. Dynamic Equivalence Theory, Feminist Ideology, and Three Recent Bible Translations // *Expository Times*. 2003. Vol. 115, № 1. P. 7–12.
10. De Troyer K. The Names of God: Their Pronunciation and Their Translation: A Digital Tour of Some of the Main Witnesses // *lectio difficilior: European Electronic Journal for Feminist Exegesis*. 2005. № 2. URL: http://www.lectio.unibe.ch/05_2/troyer_names_of_god.htm (date of treatment: 19.12.2018).
11. Hess R.S. Adam, Father, He: Gender Issues in Hebrew Translation // *The Bible Translator*. 2005. Vol. 56, № 3. P. 144–153.
12. Kittel G., Friedrich G. *Theological Dictionary of the New Testament*. Grand Rapids, MI : W.B. Eerdmans, 2003. 1392 p.
13. Korsak M.P. *At the Start... Genesis Made New*. New York : Doubleday, 1993. 237 p.
14. Korsak M.P. Glad News from Mark: A Translation of the Greek Text // *In Other Words: The Journal for Literary Translators*. 2010. Vol. 35. P. 45–56.
15. Korsak M.P. Translating the Bible: Bible Translations and Gender Issues // *Bible Translation on the Threshold of the Twenty-First Century. Authority, Reception, Culture and Religion* / ed. by A. Brenner, J. van Henten. London : Sheffield Academic Press, 2002. P. 132–146.
16. Kettemann B., Marko G. But what does the Bible really say? A Critical Analysis of Fundamentalist Discourse // *AAA: Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*. 2005. Vol. 30, № 1/2. P. 201–225.
17. Tate W.R. *Interpreting the Bible: A Handbook of Terms and Methods*. Peabody, MA : Hendrickson, 2006. 496 p.
18. Pearson R.D. Parental Love as Metaphor for Divine-Human Love // *Journal of the Evangelical Theological Society*. 2003. Vol. 46, № 2. P. 205–216.
19. Metzger B. *The Bible in Translation: Ancient and English Versions*. Grand Rapids, MI : Baker Academic, 2001. 200 p.
20. Brenner A., Fontaine C. *A Feminist Companion to Reading the Bible: Approaches, Methods and Strategies*. London, Chicago: Fitzroy Dearborn, 2001. 654 p.
21. Gruber M.I. The Motherhood of God in Second Isaiah // *Revue Biblique*. 1983. Vol. 90. P. 351–359.

22. Meyers C. L. Was Ancient Israel a Patriarchal Society? // *Journal of Biblical Literature*. 2014. Vol. 133, № 1. P. 8–27. DOI: 10.15699/jbibl.133.1.8.
23. Haugerud J. *The Word for Us: Gospels of John and Mark, Epistles to the Romans and the Galatians*. Seattle, WA : Coalition on Women and Religion. 1977. 464 p.
24. Pattemore S. Framing Nida: The Relevance of Translation Theory in the United Bible Societies // Ph. A. Noss. *A History of Bible Translation*. Rome: Edizioni de storia e letteratura, 2007. P. 218–263.
25. Johnson E. She Who Is: The Mystery of God in Feminist Theological Discourse. New York : Crossroad, 1999.
26. Walker M. The Challenge of Feminism to the Christian Concept of God // *Journal of Theology for Southern Africa*. 1989. Vol. 66. P. 4–20.
27. Stanton E.C. *The Woman's Bible: A Classic Feminist Perspective*. Mineola, NY : Dover, 2003. 384 p.
28. Neff D. Lost in the Translation: Can the New Inclusive Bible's Human One, Child of Father-Mother God, Save Us? // *Christianity Today*. 1995. Vol. 39, № 2. P. 19.
29. Russell L.M. *The Liberating Word: A Guide to Nonsexist Interpretation of the Bible*. Philadelphia, PA : Westminster Press, 1976. 121 p.
30. Mollenkott V. *The Divine Feminine: The Biblical Imagery of God as Female*. New York : Crossroad Publication, 1994. 120 p.
31. O'Day G.R. Probing an Inclusive Scripture // *Christian Century*. 1996. № 2. P. 692–694.
32. Freedman D.N. YHWH // *Theological Dictionary of the Old Testament* / ed. by G. Botterweck, H. Ringgren. Grand Rapids, MI : Wm. B. Eerdmans, 1986. Vol. 4. P. 500–521.
33. *Biblical Revelation and Inclusive Language. A Report of the Commission on Theology and Church Relations of the Lutheran Church – Missouri Synod*. Kansas City, MO : Episcopal Church Synod Press, 1998. 39 p. URL: <https://www.lcms.org/Document.fdoc?src=lcm&id=314> (date of treatment: 25.12.2018).
34. Eubank N. Review of *The Contemporary Torah: A Gender-Sensitive Adaptation of the JPS Translation* by David E.S. Stein (ed.) // *Bible and Critical Theory*. 2007. Vol. 3, № 3. P. 421–424.
35. Hardesty N.A. 'Whosoever Surely Meaneth Me': Inclusive Language and the Gospel // *Christian Scholar's Review*. 1988. Vol. 17, № 3. P. 231–240.
36. Harrelson W. Inclusive Language in the New Revised Standard Version // *The Making of the New Revised Standard Version of the Bible* / ed. by B.M. Metzger, R.C. Dentan, W. Harrelson. Grand Rapids, MI : Eerdmans, 1991.
37. Jacobs M.M. Feminist scholarship, biblical scholarship and the Bible // *Neotestamentica*. 2001. Vol. 35, № 1/2. P. 81–94.
38. Scholz S. The Bible as "Men's World"? Feminism and the translation of the Hebrew Bible / Old Testament // *Lectio Difficilior*. 2010. № 1. P. 1–43.
39. Poythress V.S. Gender in Bible Translation: Exploring a Connection with Male Representatives // *Westminster Theological Journal*. 1998. Vol. 60. P. 225–253.
40. Schroer S., Bietenhard S. *Feminist Interpretation of the Bible and the Hermeneutics of Liberation*. London : Sheffield Academic Press, 2003. 178 p.
41. Cosgrove Ch.H. The First Attempt to Use Gender-Inclusive Language in English Bible Translation // *Journal of Ecumenical Studies*. 1993. Vol. 30, № 2. P. 263–268.
42. Falk M. *The Song of Songs: A New Translation and Interpretation*. San Francisco : Harper Collins, 1990. 213 p.
43. Flotow L. von. Feminist Translation: Contexts, Practices and Theories // *TTR: Traduction, terminologie, redaction*. 1991. Vol. 4, № 2. P. 69–84.
44. Розанов В.В. Семья как религия // *Русский Эрос, или Философия любви в России*. / под ред. В.П. Шестакова. М. : Прогресс, 1991. С. 120–139.
45. Соловьев В.С. Смысл любви // *Русский Эрос, или Философия любви в России* / под ред. В.П. Шестакова. М. : Прогресс, 1991. С. 19–77.
46. Thomas R.L. The rationality, meaningfulness, and precision of Scripture // *The Master's Seminary Journal*. 2004. Vol. 15, № 2. P. 175–207.
47. Bullard R.A. Review of *The New Testament and Psalms: An Inclusive Version* by Thomas L. Hoyt et al. // *Encounter*. 1998. Vol. 57, № 3. P. 285–287.
48. Flotow L. von. Women, Bibles, Ideologies // *TTR: traduction, terminologie, redaction*. 2000. Vol. 13, № 1. P. 9–20.
49. Dart J. Gender and the Bible: Evangelical Wrangle Over New Translation // *Christian Century*. 2002. Vol. 119, № 14. P. 11–13.
50. Munday J. *Introducing Translation Studies: Theories and Applications*. London : Routledge, 2001. 384 p.
51. Noss Ph. A. *A History of Bible Translation*. Rome : Edizioni de storia e letteratura, 2007. 521 p.
52. Guelich R.A. *The Sermon on the Mount, A Foundation for Understanding*. Waco, TX : Word, 1982. 451 p.
53. Bock D.L. The Words of Jesus in the Gospels: Live, Jive, or Memorex? // *Jesus under Fire* / ed. by M.J. Wilkins, J.P. Moreland. Grand Rapids, MI : Zondervan, 1995. P. 73–99.
54. Bock D.L. Do Gender-Sensitive Translations Distort Scripture? Not Necessarily // *Journal of the Evangelical Theological Society*. 2002. Vol. 45, № 4. P. 651–669.
55. Blomberg C.L. Today's New International Version: The Untold Story of a Good Translation // *The Bible Translator*. 2005. Vol. 56, № 3. P. 187–211.
56. Blomberg C.L. *The Historical Reliability of the Gospels*. Downers Grove, IL : InterVarsity, 1987. 416 p.
57. Hagner D.A. Interpreting the Gospels: The Landscape and the Quest // *Journal of Evangelical Theological Society*. 1981. Vol. 24, № 2. P. 23–37.
58. Hagner D.A. *The New Testament: A Historical and Theological Introduction*. Grand Rapids, MI : Baker Academic Publ., 2012. 896 p.
59. Halligan F. WomanChurch: Toward a New Psychology of Feminine Spirituality // *Pastoral Care*. 1990. Vol. 44, № 4. P. 379–389.
60. Kimbrough S.T. Theological Table-Talk: Bible Translation and the Gender of God // *Theology Today*. 1989. Vol. 46, № 2. P. 195–202.
61. Walsh M.P. *Feminism and Christian Tradition. An Annotated Bibliography and Critical Introduction to the Literature*. Westport, CT : Greenwood, 1999. 472 p.
62. Adams R.M. How Can I Give You Up, O Ephraim? // *Theology Today*. 2006. Vol. 63, № 1. P. 88–93.
63. Falk M. *The Song of Songs: Love Lyrics from the Bible*. Hanover, NH : Brandeis University Press ; University Press of New England, 2004. 113 p.
64. Pontifical Biblical Commission. *The Interpretation of the Bible in the Church*. Boston, MA : Pauline Books and Media. 1993. 19 p.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 марта 2019 г.

A Feminist Interpretation of Christian Scriptures and the Modern Feminist Christian Sermon

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 72–81.

DOI: 10.17223/15617793/443/9

Konstantin S. Sharov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: const.sharov@mail.ru

Keywords: gender; gender-inclusive Bible; God's names; linguistic description of God; Masoretic text; Bible; Tanakh; Jesus Christ sermon; feminism.

In the article, the possibility of creating a set of new feminist meanings when reading the texts of the Old and New Testaments and of using the corpus of these new meanings in academic Christian theology and liturgical practice is studied. The research methodology includes techniques of comparative linguistic analysis, hermeneutic analysis, historical and contextual analysis. The object of the research is a number of sacred texts of the Masoretic Tanakh and the New Testament (The 1550 Stephanus Textus Receptus). The research is focused on the gender specificity of names (addresses, designations, self-names, titles) of God the Father and the character of Apostolic Evangelical record of the speech of Jesus Christ. At present, within feminist discourse, we can find an obvious criticism of traditional translations of the Bible which are deemed to be patriarchal, creating and reproducing anti-feminist meanings,

discriminating women and representatives of other oppressed social groups, for example, on national, racial, ethnic, sexual and other grounds. Feminist thinkers made attempts to rethink the language of the written texts of the Bible with the aim of discovering the true divine message to people which is believed to have been shaded by patriarchal language consciously or unconsciously used by male authors of the Scriptures. This article examines the validity of feminist claims in the field of revising traditional theological concepts within the Old and New Testament narratives. First, the names and self-names of God are analysed in the original Masoretic texts of the Old Testament of the Bible. The grammatical features and rules of grammatical coordination of nouns, adjectives, verbal forms, including participial and perfect forms, as well as pronouns related to God in the Hebrew Masoretic text of the Bible are studied. Second, the problem of linguistic conveyance by the authors of the canonical Gospels of Christ's speech in His conversations and sermons is investigated. The author concludes that feminist discourse, however useful it may be to achieve gender egalitarianism in the modern society, cannot justify the truth of linguistic re-interpretation of the basic, key concepts of Christian theology related to the nature and properties of God, as well as the nature of the transmission of the Messiah's speech by His disciples in Gospel narrations. We cannot speak of God as a Mother in heaven or a Divine gender couple. Likewise, we cannot accept the view that there was a group of female apostles who were pushed away by male apostles from the administration of the Church and whose existence was concealed from the descendants by male Christ's disciples with the use of linguistic means. In the author's opinion, the artificial feminisation of the Bible text cannot be regarded as a legitimate linguistic-theological concept, but it is useful for our understanding names of God and the character of Jesus Christ's sermon.

REFERENCES

1. Barlas, A. (2001) The Qur'an and Hermeneutics: Reading the Qur'an's Opposition to Patriarchy. *Journal of Qur'anic Studies*. 3(2). pp. 15–38.
2. Hammer, J. (2012) *American Muslim Women, Religious Authority, and Activism*. Austin, TX: University of Texas Press.
3. Roded, R. (2015) Jewish and Islamic Religious Feminist Exegesis of the Sacred Books: Adam, Woman and Gender. *Nashim: A Journal of Jewish Women's Studies and Gender Issues*. 29. pp. 56–80.
4. Gold, V.R. et al. (1985) *An Inclusive Language Lectionary*. In 3 vols. Vol. 3. Philadelphia, PA: Westminster Press.
5. Bail, U. & Crüsemann, F. (Hrsg.) (2006) *Bibel in gerechter Sprache*. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus.
6. Gold, V.R. et al. (1983) *An Inclusive Language Lectionary*. In 3 vols. Vol. 1. Philadelphia, PA: Westminster Press.
7. Martin, C.J. (1990) Womanist Interpretations of the New Testament: The Quest for Holistic and Inclusive Translation and Interpretation. *Journal of Feminist Studies in Religion*. 6(2). pp. 41–61.
8. Spencer, A.B. (1997) Power Play: Gender Confusion and the NIV. *Christian Century*. 114(20). pp. 618–619.
9. Ellis, E.E. (2003) Dynamic Equivalence Theory, Feminist Ideology, and Three Recent Bible Translations. *Expository Times*. 115(1). pp. 7–12.
10. De Troyer, K. (2005) The Names of God: Their Pronunciation and Their Translation: A Digital Tour of Some of the Main Witnesses. *lectio difficilior: European Electronic Journal for Feminist Exegesis*. 2. [Online] Available from: http://www.lectio.unibe.ch/05_2/troyer_names_of_god.htm. (Accessed: 19.12.2018).
11. Hess, R.S. (2005) Adam, Father, He: Gender Issues in Hebrew Translation. *The Bible Translator*. 56(3). pp. 144–153.
12. Kittel, G. & Friedrich, G. (2003) *Theological Dictionary of the New Testament*. Grand Rapids, MI: W. B. Eerdmans.
13. Korsak, M.P. (1993) *At the Start . . . Genesis Made New*. New York: Doubleday.
14. Korsak, M.P. (2010) Glad News from Mark: A Translation of the Greek Text. In *Other Words: The Journal for Literary Translators*. 35. pp. 45–56.
15. Korsak, M.P. (2002) Translating the Bible: Bible Translations and Gender Issues. In: Brenner, A. & Henten, J. van. (eds) *Bible Translation on the Threshold of the Twenty-First Century. Authority, Reception, Culture and Religion*. London: Sheffield Academic Press. pp. 132–146.
16. Kettemann, B.; Marko, G. (2005) But what does the Bible really say? A Critical Analysis of Fundamentalist Discourse. *AAA: Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*. 30(1/2). pp. 201–225.
17. Tate, W.R. (2006) *Interpreting the Bible: A Handbook of Terms and Methods*. Peabody, MA: Hendrickson.
18. Pearson, R.D. (2003) Parental Love as Metaphor for Divine-Human Love. *Journal of the Evangelical Theological Society*. 46(2). pp. 205–216.
19. Metzger, B. (2001) *The Bible in Translation: Ancient and English Versions*. Grand Rapids, MI: Baker Academic.
20. Brenner, A. & Fontaine, C. (2001) *A Feminist Companion to Reading the Bible: Approaches, Methods and Strategies*. London; Chicago: Fitzroy Dearborn.
21. Gruber, M.I. (1983) The Motherhood of God in Second Isaiah. *Revue Biblique*. 90. pp. 351–359.
22. Meyers, C.L. (2014) Was Ancient Israel a Patriarchal Society? *Journal of Biblical Literature*. 133(1). pp. 8–27. DOI: 10.15699/jbibllite.133.1.8
23. Haugerud, J. (1977) *The Word for Us: Gospels of John and Mark, Epistles to the Romans and the Galatians*. Seattle, WA: Coalition on Women and Religion.
24. Pattemore, S. (2007) Framing Nida: The Relevance of Translation Theory in the United Bible Societies. In: Noss, Ph. A. (ed.) *A History of Bible Translation*. Rome: Edizioni de storia e letteratura.
25. Johnson, E. (1999) *She Who Is: The Mystery of God in Feminist Theological Discourse*. New York: Crossroad.
26. Walker, M. (1989) The Challenge of Feminism to the Christian Concept of God. *Journal of Theology for Southern Africa*. 66. pp. 4–20.
27. Stanton, E.C. (2003) *The Woman's Bible: A Classic Feminist Perspective*. Mineola, NY: Dover.
28. Neff, D. (1995) Lost in the Translation: Can the New Inclusive Bible's Human One, Child of Father-Mother God, Save Us? *Christianity Today*. 39(2). pp. 19.
29. Russell, L.M. (1976) *The Liberating Word: A Guide to Nonsexist Interpretation of the Bible*. Philadelphia, PA: Westminster Press.
30. Mollenkott, V. (1994) *The Divine Feminine: The Biblical Imagery of God as Female*. New York: Crossroad Publication.
31. O'Day, G.R. (1996) Probing an Inclusive Scripture. *Christian Century*. 2. pp. 692–694.
32. Freedman, D.N. (1986) YHWH. In: Botterweck, G. & Ringgren, H. (eds) *Theological Dictionary of the Old Testament*. Vol. 4. Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans.
33. Commission on Theology and Church Relations of the Lutheran Church – Missouri Synod. (1998) *Biblical Revelation and Inclusive Language*. Kansas City, MO: Episcopal Church Synod Press. [Online] Available from: <https://www.lcms.org/Document.fdoc?src=lcm&id=314>. (Accessed: 25.12.2018).
34. Eubank, N. (2007) Review of David E.S. Stein's The Contemporary Torah: A Gender-Sensitive Adaptation of the JPS Translation. *Bible and Critical Theory*. 3(3). pp. 421–424.
35. Hardesty, N.A. (1988) 'Whosoever Surely Meaneth Me': Inclusive Language and the Gospel. *Christian Scholar's Review*. 17(3). pp. 231–240.
36. Harrelson, W. (1991) Inclusive Language in the New Revised Standard Version. In: Metzger, B.M., Dentan, R.C. & Harrelson, W. (eds) *The Making of the New Revised Standard Version of the Bible*. Grand Rapids, MI: Eerdmans.
37. Jacobs, M.M. (2001) Feminist scholarship, biblical scholarship and the Bible. *Neotestamentica*. 35(1/2). pp. 81–94.
38. Scholz, S. (2010) The Bible as "Men's World"? Feminism and the translation of the Hebrew Bible / Old Testament. *lectio difficilior*. 1. pp. 1–43.
39. Poythress, V.S. (1998) Gender in Bible Translation: Exploring a Connection with Male Representatives. *Westminster Theological Journal*. 60. pp. 225–253.
40. Schroer, S. & Bietenhard, S. (2003) *Feminist Interpretation of the Bible and the Hermeneutics of Liberation*. London: Sheffield Academic Press.

41. Cosgrove, Ch.H. (1993) The First Attempt to Use Gender-Inclusive Language in English Bible Translation. *Journal of Ecumenical Studies*. 30(2). pp. 263–268.
42. Falk, M. (1990) *The Song of Songs: A New Translation and Interpretation*. San Francisco: Harper Collins.
43. Flotow, L. von. (1991) Feminist Translation: Contexts, Practices and Theories. *TTR: Traduction, terminologie, redaction*. 4(2). pp. 69–84.
44. Rozanov, V.V. (1991) Sem'ya kak religiya [Family as a Religion]. In: Shestakova, V. (ed.) *Russkii Eros, ili filosofiya lyubvi v Rossii* [Russian Eros, or Philosophy of Love in Russia]. Moscow: Progress.
45. Solov'ev, V.S. (1991) Smysl lyubvi [The Sense of Love]. In: Shestakova, V. (ed.): *Russkii Eros, ili filosofiya lyubvi v Rossii* [Russian Eros, or Philosophy of Love in Russia]. Moscow: Progress.
46. Thomas, R.L. (2004) The rationality, meaningfulness, and precision of Scripture. *The Master's Seminary Journal*. 15(2). pp. 175–207.
47. Bullard, R. A. (1998) Review of The New Testament and Psalms: An Inclusive Version by Thomas L. Hoyt et al. *Encounter*. 57(3). pp. 285–287.
48. Flotow, L. von. (2000) Women, Bibles, Ideologies. *TTR: traduction, terminologie, redaction*. 13(1). pp. 9–20.
49. Dart, J. (2002) Gender and the Bible: Evangelical Wrangle Over New Translation. *Christian Century*. 119(14). pp. 11–13.
50. Munday, J. (2001) *Introducing Translation Studies: Theories and Applications*. London: Routledge.
51. Noss, Ph.A. (ed.) (2007) *A History of Bible Translation*. Rome: Edizioni de storia e letteratura.
52. Guelich, R.A. (1982) *The Sermon on the Mount, A Foundation for Understanding*. Waco, TX: Word.
53. Bock, D.L. (1995) The Words of Jesus in the Gospels: Live, Jive, or Memorex? In: Wilkins, M.J. & Moreland, J.P. (eds) *Jesus under Fire*. Grand Rapids, MI: Zondervan.
54. Bock, D.L. (2002) Do Gender-Sensitive Translations Distort Scripture? Not Necessarily *Journal of the Evangelical Theological Society*. 45(4). pp. 651–669.
55. Blomberg, C.L. (2005) Today's New International Version: The Untold Story of a Good Translation. *The Bible Translator*. 56(3). pp. 187–211.
56. Blomberg, C.L. (1987) *The Historical Reliability of the Gospels*. Downers Grove, IL: InterVarsity.
57. Hagner, D.A. (1981) Interpreting the Gospels: The Landscape and the Quest. *Journal of Evangelical Theological Society*. 24(2). pp. 23–37.
58. Hagner, D.A. (2012) *The New Testament: A Historical and Theological Introduction*. Grand Rapids, MI: Baker Academic Publ.
59. Halligan, F. (199) WomanChurch: Toward a New Psychology of Feminine Spirituality. *Pastoral Care*. 44(4). pp. 379–389.
60. Kimbrough, S.T. (1989) Theological Table-Talk: Bible Translation and the Gender of God. *Theology Today*. 46(2). pp. 195–202.
61. Walsh, M.P. (1999) *Feminism and Christian Tradition. An Annotated Bibliography and Critical Introduction to the Literature*. Westport, CT: Greenwood.
62. Adams, R.M. (2006) How Can I Give You Up, O Ephraim? *Theology Today*. 63(1). pp. 88–93.
63. Falk, M. (2004) *The Song of Songs: Love Lyrics from the Bible*. Hanover, NH: Brandeis University Press, University Press of New England.
64. Pontifical Biblical Commission. (1993) *The Interpretation of the Bible in the Church*. Boston, MA: Pauline Books and Media.

Received: 04 March 2019

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.122:8

М.А. Корниенко

ИСИХАЗМ КАК ПРАКТИКА МИСТИЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ

Рассматривается эпоха средневековья как время интенсивного распространения мистики в статусе религиозно-философской доктрины. Выявлены характерные особенности мистического опыта (иррациональность, интуитивность, парадоксальность, символика). Проанализирована специфика историко-культурного становления исихазма как богословского мистического учения. Описаны особенности психосоматического метода, лежащего в основе «Иисусовой молитвы». Проведен сравнительный анализ мистических идей Майстера Экхарта и Григория Паламы. Показано, что мистическому опыту единения с Богом в доктринах М.Экхарта и Г.Паламы присущи такие качества, как холизм, энергетизм, персонализм.

Ключевые слова: мистика; мистицизм; теистская мистика; исихазм; исихия; молитва; «Иисусова молитва»; мистический опыт; апатейя; америмния; психосоматический метод; мистическое богословие; аскеза.

Эпоха средневековья явилась временем интенсивного распространения мистики в статусе религиозно-философской доктрины, признававшей существование сверхчувственного диалога души человека и Бога как первичной духовной реальности; и если говорить о христианском богословии и христианской догматике, можно видеть, что отношения христианской церкви и мистики на различных стадиях эпохи средневековья отличались противоречивостью, определяемой своеобразием историко-культурных контекстов и традиций.

Мистицизм (греч. *mistikos* – таинственный) представляет собой религиозно-философскую концепцию, в границах которой признается возможным сверхчувственное общение души человека и Бога. Сверхразумное созерцание и чувство для мистика – реальная возможность постижения Абсолюта. В этом заключено отличие мистики от схоластики, рационализованного пути и способа постижения абсолютного, признающей в качестве единственно возможного способа постижения логику и рассуждения. Единение с божественным и трансцендентным для мистика выступает как цель духовного поиска скрытой истины. В религиозно-философском смысле мистика может быть интерпретирована как сакральная религиозная практика, целью которой выступает достижение сверхчувственного общения и единения с Богом в экстатически переживаемом откровении; мистицизм интерпретирован как совокупность концептуально оформленных доктрин, раскрывающих существо этой сакральной религиозной практики.

Мистические идеи христианства проявили себя в гностицизме, традициях отцов-пустынников III–IV вв., учении Августина и Майстера Экхарта. И хотя мистика как практика и медитативные техники имеет свои предпосылки и основания уже в архаических оргиастических культах, характеризующих нетеистский тип верования, о концептуально оформленной теистской мистике можно говорить, начиная с текстов Псевдо-Дионисия Ареопагита, переведенных на латынь Иоанном Скотом Эриугеной, начиная с трудов Ансельма Кентерберийского и Бернара Клервосского. Здесь заключен исток коммуникативного основания мистики: мистическое единение души, постигающей единение с

Абсолютом, воспринимается как диалог. Более того, о конституировании теистской мистики говорит сформированная в этот период проблематика и концептуально-логический, категориально оформленный аппарат (термин мистика также возникает в этот период). Интересную в эвристическом плане деталь отмечает М.А. Можейко, когда утверждает, что предпосылкой мистики (в том числе и нетеистского типа) является высокий уровень развития сознания, в том числе и сознания религиозного. Это объяснимо необходимостью понимания предмета веры как трансцендентного миру; что касается отказа от рационально-логического (в мистицизме принят принцип надрационального), это оказывается возможным лишь на платформе высокой философской культуры (М.А. Можейко использованы здесь в качестве аргумента идеи мистицизма пифагореизма). Религиозная практика, именуемая мистикой, и является основанием экстатического переживания единения с Абсолютом и используется в контексте ортодоксальных направлений теизма. Абсолют при этом интерпретируется как личный Бог и непосредственное диалогическое единение с ним. В таких формах мистицизма, как нетеистские, характерных для даосизма, буддизма, неоплатонизма речь идет о безличном, трансцендентном начале (дао, шуньята, единое). Практика мистического опыта стала возможной лишь в ситуации сформированности понятия трансцендентного Абсолюта и высокого уровня развития логической культуры.

В литературе, анализирующей проблематику практики обретения мистического опыта (Р. Отто, Д.-Т. Судзуки, Г. Шолем, С.С. Аверинцев), выделены характерные особенности мистического опыта – его иррациональность, интуитивизм, парадоксальность, его символика, а также то, что смысл мистического акта может быть отражен лишь посредством намека либо молчания. В основание практики обретения мистического опыта положена система психотехник аскетизма, совокупность психофизических действий, дополненная элементами гипноза, молитвенными повторениями фраз и слов. В границах христианской традиции сформировалась теология мистики, получившая название теологии «отрицательной», «негативной», «апофатической». Под апофатикой (греч.

арофатикос – отрицательный) понимается богословский метод; в основание этого метода положена идея презумпции невыразимости бога в позитивном знании. Метод апофатики строится на отрицательных утверждениях – идет утверждение всего, что не соответствует природе Абсолюта, что несоизмеримо с Богом и его сущностью – его атрибутов, его сигнификаций, – к примеру, «благодать», «любовь», «мудрость». Апофатическая теология, говоря о пути от тварного мира к Создателю, строит свое повествование о том все более совершенном, что создал Творец, и одновременно исходит из утверждения о несоизмеримости с божественной сущностью всего самого возвышенного и совершенного. Творец трансцендентен, его природа может быть познана лишь посредством ухода из среды рационального, и духовный опыт, аскеза – условие богопознания. Этот духовный опыт, путь обретения мистического опыта, сопряжен с чистотой сердца и ума; лишь оставив чувственную и умственную деятельность – все не сущее и сущее, – можно устремиться к соединению с Тем, Кто выше всякой сущности и познания [1. С. 341–343].

Исихазм – богословское мистическое учение сформировался в православном монашестве (от греч. *Isihia* – покой, безмолвие, спокойствие, уединение, молчание) как традиция духовного православного аскетизма. По мнению С.С. Хоружего, исихазм не является эзотерической практикой: «В сознании самой традиции исихастский подвиг никогда не мыслился как закрытый эзотерический культ, удел кружка избранных и род некой духовной экзотики и эксцентрики. Он был ничем иным, как осуществлением бытийного призвания человека» [2. С. 553]. Существует и иное определение исихазма как применяемой в восточнохристианской традиции аскетической и монашеской практики отшельнического монашества, связанной с идеями богопознания и обоЖения, в этой версии исихазм интерпретирован как «практика духовного делания», практика «умной молитвы».

О. Иоанн Мейендорф в исследовании «Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение» определял значение исихазма следующим образом:

- 1) отшельническое монашество, молчаливость;
- 2) особая школа и техника молитвы (Синай, Афон, – XIV в.);
- 3) учение Григория Паламы, паламизм;
- 4) явление религиозной культуры России (XIV–XVI вв.).

Сегодня, говоря об исихазме, обычно интерпретируют его как особый способ молитвы, используемый в афонских монастырях XIII и XIV вв. А между тем традиционно исихазм связан с появлением монашества и включает в себя ряд периодов, в числе которых время отцов-пустынников, «синаятская школа», направление преп. Симеона Нового Богослова, афонский исихазм, достаточно новое движение, именуемое филокалическим. Независимо от специфики этапа, исходом для исихазма является постулат: кто не видел Бога, не может иметь ни любви, ни надежды, ни веры.

Исторический путь исихазма включает в себя следующие этапы. Т. Шпидлик в исследовании «Молит-

ва согласно преданию Восточной церкви» пишет о том, что исихазм, в собственном и традиционном смысле, восходит к возникновению монашества [3. С. 370]. По преданию, отцом-основателем исихазма был Арсений Великий, покинувший императорский дворец и ставший отшельником, после того, как им был услышан голос: «Арсений, беги, молчи, безмолствуй». Его история стала примером для монашества патристической эпохи. Духовность была сосредоточена на хранении сердца и мыслей. Исихазм требует апатейи – освобождения от страстей, без-заботности, беспечалия («без-заботность и беспечалие в отношении земных вещей»); исихазм требует америмнии (отложения попечения обо всем): «Малый волос беспокоит око, малое попечение губит безмолвие» [Там же. С. 378]. Отложение всех помышлений – вершина созерцательной молитвы. В IV–V вв. основополагающим явлением для исихазма выступило зарождение христианской аскезы в Египте и Палестине. Исторически сформировалось два типа монашеской аскезы – общежительная и отшельническая. В более позднее время образовался и третий путь аскезы, который С.С. Хоружий называет скитским или идиоритмическим (скит (от греч. *asketes* – аскет, подвижник) – в христианстве жилище отшельника, самостоятельное или выделенное в монастыре). Исихазму присущи диалектическое отношение уединения – единения, ухода от мира и одновременной связи с ним, преобладающее значение молитвы.

Второй этап представлен так называемым синайским исихазмом в V–IX вв., когда формировался метод исихазма как основанный на непрерывной молитве духовная практика. Стадиями этой духовной практики являются: покаяние-борьба со страстями – исихия – «сведение ума в сердце» – бесстрастие – чистая молитва – созерцание нетварного Света – преображение и обоЖение.

Концепция обоЖения (теозиса) в православии – это единение человека с Богом через божественную благодать. Для стадии обоЖения характерны совершенная соединенность человеческих энергий и энергии Бога, совершенная благодать, полнота мистического Богообщения, выраженного посредством всецелостного стремления к Богу.

Наконец, третий этап (конец X – начало XI в.) – он связан с именем Симеона Нового Богослова (949–1022 гг.). В XIV веке исихазм играл важную роль в культурной и религиозной жизни Византии. Основой подобного возрождения стала деятельность афонских монахов. В 1330 г. монах Варлаам Калабрийский выступил с критикой исихазма. Последующая полемика получила название «исихастские споры», соборное же признание исихазма произошло в период с 1347 по 1351 г. на созывавшихся в Константинополе Соборах, что означало признание исихастского опыта и его догматики.

В послевизантийский период исихастская традиция распространилась во всех странах, где было принято православие, и главным образом в России. Первое православное монашество принимало традиции египетско-палестинского пустынножительства. Возрождение исихазма XIX–XX вв. включало в себя со-

здание свода исихастских текстов и возникновение центров влияния исихазма – Оптина пустынь, Валаам, Саров; в исихазме развивается направление «православного энергетизма».

В XIV в. преп. Григорий Синаит пришел на Афон для духовной проповеди. С этого времени возникает исихастский созерцательный идеал. Возникла особая психосоматическая техника, ставшая основой «Иисусовой молитвы». Метод этой техники описали монах Никифор Безмолвник и преп. Григорий Синаит. Афонский монах Григорий Палама сделал впоследствии «Иисусову молитву» частью своего богословского синтеза.

Что же представляет собой исихия? Происхождение данного слова осталось не до конца ясным. Существует версия, что этимология данного слова связана со словом сидеть; в целом же оно означает состояние покоя, отсутствие внешних волнений и беспокойства. Оно также означает одиночество, уединение. В конечном итоге исихазм можно определить как форму духовности, в основе которой лежит исихия, направленная на созерцание. Исихия выступает в качестве средства единения с Богом. В исихазме различают две формы спокойствия – спокойствия в человеке и во внешнем мире. Эти формы спокойствия не всегда связаны одна с другой. Так о. Т. Шпидлик считал, что покой и одиночество слиты, и, как правило, покой продолжает одиночество; утверждение связи слов «исихия» и «отшельничество» или «пустыни» и «исихии» встречается часто, хотя доля различия признается. Одиночество молчания – необходимое условие молитвы, сама молитва создает возможность преодолеть одиночество.

Авторы Синайской школы придают особое значение вниманию. Исихия, непсис (духовная бдительность, трезвение), внимание и молитва находятся друг с другом в тесной связи. Аскеза сводится к непсису, методу, который заключается в практике, посредством которой происходит избавление от страстей. Евагрий пишет о внимании: «Внимание, взыскующее молитву, ее и обретет, ибо как раз молитва, а не иное что, следует за вниманием» (цит. по: [4. С. 92]). В исихазме существуют и трактаты «О внимании». Благодаря вниманию осуществляется отбор того, что может быть нежелательно. В молитве различают несколько уровней внимания. Первый уровень внимания заключается в сосредоточении на произнесении слов молитвы и смысле текста. О «биче рассеяния» говорил Иоанн Златоуст: «Многие входят в церковь; читают бесконечное число молитв, потом уходят, так и не поняв того, что произносят. Их губы двигаются, но уши их не слышат» (цит. по: [5. С. 150]). Такой уровень внимания назван в исихазме «второй молитвой». Второй уровень внимания – «медиативный», «созерцательный», разум сосредоточен на благочестии. Мистическим называется третий уровень внимания, в восточном богословии этот уровень интерпретирован как «внимание сердца».

«Сердечная молитва», христологическая по своей сути, является ключом к мистике исихазма. Главными особенностями «Сердечной молитвы» являются следующие. Во-первых, это отсутствие связи с вообра-

жением. Во-вторых, «Сердечная молитва» не является концептуальной. Наконец, в-третьих, молящийся видит «себя самого, всего светлого». В богословии исихастская мистика названа «мистикой света» (термин Т. Шпидлика, [3. С. 384]). Исихастские источники часто говорят о видении света, которым озарено все. Симеон Новый Богослов отождествляет свет с Христом и утверждает, что благодаря любви Христос живет в сердце человека. Подобное утверждение позволяет понять, почему исихасты придавали особую значимость призыванию Христа, это призывание названо «памятованием о Боге»; именно благодаря кратким призываниям «сердечная молитва» представлена как нечто единственное и органичное (так называемый монологистос). Т. Шпидлик, в исследовании «Молитва согласно преданию Восточной церкви» (заметим, что автор полагает: истинная природа молитвы невыразима, и молитве может научить лишь Бог) отмечает важную деталь: «...в среде исихастов памятование “о Боге”» принимает конкретную форму как памятование о Христе» [Там же. С. 385]. Говоря о христологическом характере молитвы, можно увидеть и цель «Сердечной молитвы», для исихаста эта цель – в соединении с Отцом и всем существующим, призывание Бога – доминирующая особенность исихастского благочестия (была принята практика непрестанной молитвы с «проговариванием» молитвенной формулы: в VI в., к примеру, было две таких формулы, – катаниктическая, основанная на раскаянии, сокрушении («смилуйся надо мной») и содержащая призыв о помощи («приди на помощь мне»)).

Целью уединения христианских отшельников является беседа с Богом – молитва. Однако удаляясь от всех для молитвы, беседующий с Богом «со всеми соединен» [Там же. С. 374]. И хотя одиночество рассматривалось как необходимое условие для молитвы, в то же время молитва являлась способом преодоления этого одиночества.

Одним из способов достижения одиночества является молчание; Эта ситуация была усилена практикой призыва к молчанию во время чтения, псалмопения, во время литургии. Молящийся внимателен к Единственному, чьи слова важнее всего слышимого. Отсюда и общее правило, относящееся ко всем разговорам: бесполезно всякое слово, не направленное к созиданию веры, в безмолвии сердца исихаст слышит лишь голос Бога.

В череде вдохновенных слов этот голос наиболее драгоценен, но услышать Бога можно лишь в безмолвии сердца.

Исихаст стремится к преодолению «рассеяния сердца», находящегося во власти привязанностей, беспокойства, страстей, волнений, и достижению америмнии – беззаботности и беспечалия как «беззаботности в отношении земных вещей».

В основание «Иисусовой молитвы» положен особый психосоматический метод. Особенности формирования этого метода отмечены С.С. Хоружим: если синайский исихазм V–IX вв. открыл «сведение ума в сердце», нашедшее выражение в сплетении интеллектуальных и аффективных энергий в динамическом целом, то пятью веками позже, в XIII–XIV вв. афон-

ским исихазмом к этому сплетению энергий были добавлены энергии соматические – контроль дыхания, позиции молитвенных действий.

Говоря о психосоматической технике исихазма, мы будем ориентироваться на структуру «Иисусовой молитвы», она включает в себя два элемента: призывание имени и просьбу о милости. Обычно в структуре молитвы присутствуют три ступени – словесная молитва, умственная молитва и сердечная молитва. В «Иисусовой молитве» наименьшее внимание уделено второй ступени, поскольку уже простые призывания позволяют перейти к сердечной молитве – молитве сердцем. Именно «Иисусова молитва» приводит к «внутреннему молчанию». В «Слове о Молитве Иисусовой» отмечена постепенность действия этой молитвы, – первоначально «делание представляется необыкновенно сухим, ум, усиливаясь соединиться с сердцем, встречает мрак, жесткость и мертвость сердца, которое не вдруг возбуждается к сочувствию уму... тишина и внимание, проникая к сердцу, возбуждают его от сна» [3. С. 291–292].

Метод священной молитвы и внимания описан Симеоном Новым Богословом. Существуют несколько разновидностей этого метода, им присущ ряд общих элементов: молитва должна произноситься в закрытой тихой келье, молящийся сидит на низком стуле, упершись бородой в грудь, «устремив чувственное око со всем умом в середину чрева», используется задержка дыхания (первые теоретики молитвы сочетали повторение молитвы с замедлением дыхания). Также выделялись семь «внешних пособий», – четки (или лестовка), поясные или земные поклоны, закрытые глаза, держание левой руки на груди, темная келья (названная «благостной пустыней»), сидение на низком стульчике, омование холодной водой [Там же. С. 399]. Дыхание должно быть тихим и замедленным, что способствует, «собираанию ума от скитания». Что касается техники дыхания, применяемой в исихазме, Вл. Соловьев в «Оправдании добра» пишет по этому поводу: «Дыхание есть основное условие жизни... Для власти духа над телом может быть только желательно, чтобы эта основная функция находилась под управлением или контролем человеческой воли. Сознание этого издревле и повсюду вело к различным аскетическим приемам относительно дыхания» [6. С. 4].

Почему особое внимание во время «Иисусовой молитвы» уделяется локализации внимания на верхней части сердца? Григорий Палама приводит этому следующее объяснение: «Внутреннему человеку следует уподобляться внешним формам... уподобляясь желаемому внутреннему движению духа, человек направляет вовнутрь энергию духа» [7. С. 48–49].

На редкость образна символика мистического опыта и практики делания молитвы в исихазме. Замедление дыхания – условие сосредоточения, в молчании, и только в молчании слышим голос Бога,

бьющееся сердце – символ присутствия в человеке Спасителя. Наполнен символикой и «метод странника», подробно описанный в «Откровенных рассказах странника» [8. С. 15]. Слово в молитве использовано как символ и может быть заменено жестом, связанным с мыслью; молитва связана с биением сердца и дыханием, и в этом смысле молитва неотделима от жизни [Там же. С. 30]. Обозначенные техники, положенные в основание практики «делания» молитвы, приводят к тому, что состояние молитвы выражает себя в навыке бесстрастия, приводящем к тому состоянию души, которое сосредоточено на Боге с целью постоянного памятования о Нем. Сама же молитва, проявляя себя как «оживотворение Духа, его обоЖение», по мысли Ф. Затворника, и есть жизнь Духа.

В заключение отметим, что в мистической практике исихазма был сформулирован ряд идей, схожих с идеями мистического богословия Майстера Экхарта. Что делает концептуально схожими богословские идеи афонского исихаста и рейнского мистика? На наш взгляд, это учение о Боге, божественных интеллекте и бытии; это учение об имманентности и трансцендентности Бога; наконец, это учение о божественной эманации, которое и у М. Экхарта (1260–1327 г.) и у Г. Паламы (1296–1359 г.) делится на две части: у М. Экхарта это теория «духовных совершенств» («общих понятий») и теория формы, у Г. Паламы – теория «природного Символа» и теория «тварных произведений», «результатов энергии» (см. подробнее об этом монографическом исследовании М.Ю. Реутина «Мистическое богословие Майстера Экхарта» [9]). Г. Палама определяет энергию как отношение Бога к тварному миру. Под «тварными произведениями, результатами» могут пониматься слова естественного языка.

Онтологические построения Г. Паламы были перенесены в среду лингвистики в начале XX в. российскими имяславцами. М. Экхарт и Г. Палама схожим образом описывают и мистический опыт единения с Богом (в западной традиции именуемый «*unio mystica*»). М. Экхарт и Г. Палама сходятся и в том мнении, что человек, находящийся в состоянии экстаза, не способен совершать молитву. Мистический опыт описывается как созерцание Бога человеком либо как созерцание Богом через человека себя самого. В целом мистический опыт единения с Богом у Майстера Экхарта и Григория Паламы обладает такими качествами, как холизм (в опыт вовлечена вся психосоматика), энергетизм (единение Бога и человека определяется как деятельное), персонализм (в мистическом опыте личность себя сохраняет). Само же состояние молитвы, выраженное в навыке бесстрастия, приводит мистика к состоянию души, сосредоточенной на Боге ради постоянного памятования о нем, имманентном и трансцендентном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ареопагит Д. О божественных именах // Мистическое богословие. Киев : Путь к истине, 1991. 392 с.
2. Хоружий С.С. Русский исихазм: черты облика и проблемы изучения // Исихазм: аннотированная библиография. М. : Издательский совет Русской Православной Церкви, 2004. С. 550–559.
3. Шпиддик Т. Молитва согласно преданию Восточной церкви. М. : Дарь, 2011. 565 с.

4. Шпидлик Т. Духовная традиция восточного христианства. Систематическое изложение. М. : Паолине, 2000. 496 с.
5. Хоружий С.С. Синергия: проблемы аскетики и мистики православия. М., 1995. 368 с.
6. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Вестник Владикавказского научного центра. 2015. Т. 15, № 3. С. 2–6.
7. Палама Г. Триады в защиту священных безмолвствующих. М. : Канон, 1995. 381 с.
8. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Изд. 3-е. Париж, 1948. 292 с.
9. Реутин М.Ю. Мистическое богословие Майстера Экхарта. Традиция платоновского «Парменида» в эпоху позднего Средневековья. М., 2011. 467 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 23 апреля 2019 г.

Hesychasm as a Practice of Mystical Theology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 82–86.

DOI: 10.17223/15617793/443/10

Mikhail A. Kornienko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mkornienko1@gmail.com

Keywords: mysticism; theistic mysticism; hesychasm; hesychia; prayer; “Jesus prayer”; mystical experience; apatheia; amerimnia; psychosomatic method; mystical theology; austerity.

The article shows that the era of the Middle Ages was a time of intensive spread of mysticism in the status of a religious and philosophical doctrine, which recognized the existence of a supersensible dialogue between the soul of man and God. Super-mental contemplation and feeling for the mystic is a real opportunity to comprehend the Absolute. Unification with the divine and the transcendent for the mystic is the goal of spiritual search for hidden truth. The author interprets mysticism as a sacred religious practice. Its goal is supersensual communication and unification with God in an ecstatically experienced revelation. The features of mystical experience are indicated (irrationality, intuitivism, paradoxicality, symbolism characteristic of mystical experience). It is shown that the apophatic theology of mysticism was formed within the boundaries of the Christian tradition. It is also shown that the condition of the knowledge of God is the departure from the sphere of the rational, spiritual experience, austerity. The specificity of Hesychasm as a theological mystical teaching is revealed, the status of Hesychasm in the horizon of spiritual asceticism is indicated. The stages of the historical path of Hesychasm, dating back to the emergence of monasticism and associated with specific types of austerity (societal, hermit, skete, idiorhythmic, etc.), are indicated. The stages of the spiritual practice of Hesychasm are designated and analyzed: repentance – struggle with passions – hesychia – “bringing the mind to the heart” – dispassion – pure prayer – contemplation of the uncreated Light – transformation and deification. The role of apatheia and amerimnia in the spiritual experience of Hesychasm is revealed. Loneliness is called a prerequisite for a tacit prayer; a prayer is the way to overcome it; one can hear God only in the silence of the heart. The nature of the psychosomatic method laid down in the basis of the tacit prayer is characterized, the figurative symbolism of mystical experience realized through the practice of “doing a prayer” in Hesychasm is analyzed. The similarity of the ideas of mystical experience in the practice of Hesychasm (Gregory Palamas) and the mystical theology of Meister Eckhart is shown: holism (the whole psychosomatics is involved in the experience), energeticism (the unity of God and man is defined as active), personalism (in the mystical experience the personality preserves itself).

REFERENCES

1. Saint Dionysius the Areopagite. (1991) O bozhestvennykh imenakh [On the divine names]. Translated from Old Greek. In: *Misticheskoe bogoslovie* [Mystical theology]. Kiev: Put' k istine.
2. Khoruzhiy, S.S. (2004) Russkiy isikhazm: cherty oblika i problemy izucheniya [Russian Hesychasm: Characteristics and study problems]. In: Khoruzhiy, S.S. (ed.) *Isikhazm: annotirovannaya bibliografiya* [Hesychasm: Annotated bibliography]. Moscow: Izdatel'skiy sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi.
3. Shpidlik, T. (2011) *Molitva soglasno predaniyu Vostochnoy tserkvi* [Prayer according to the legend of the Eastern Church]. Moscow: Dar".
4. Shpidlik, T. (2000) *Dukhovnaya traditsiya vostochnogo khristianstva. Sistematicheskoe izlozhenie* [The spiritual tradition of Eastern Christianity. Systematic presentation]. Moscow: Paoline.
5. Khoruzhiy, S.S. (1995) *Sinergiya: problemy asketiki i mistiki pravoslaviya* [Synergy: problems of asceticism and mysticism of Orthodoxy]. Moscow: Institut DI-DIK.
6. Solov'ev, V.S. (2015) Opravdanie dobra. Nравstvennaya filosofiya [The justification of the good; an essay on moral philosophy]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*. 15 (3). pp. 2–6.
7. Palamas, G. (1995) *Triady v zashchitu svyashchennobezmolstvuyushchikh* [Triads For The Defense of Those Who Practice Sacred Quietude]. Moscow: Kanon.
8. YMCA-Press. (1948) *Otkrovennye rasskazy strannika dukhovnomu svoemu ottsu* [Frank stories of a wanderer to his spiritual father]. 3rd ed. Paris: YMCA-Press.
9. Reutin, M.Yu. (2011) *Misticheskoe bogoslovie Maystera Ekkharta. Traditsiya platonovskogo "Parmenida" v epokhu pozdnego Srednevekov'ya* [Mystical Theology of Meister Eckhart. The tradition of Plato's Parmenides in the late Middle Ages]. Moscow: RSUH.

Received: 23 April 2019

К.А. Родин

ВИТГЕНШТЕЙН: ИСТОРИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ (КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДХОДА АНАТ БИЛЕЦКОЙ)

Рассматривается проект А. Билецкой по написанию истории интерпретаций философии Витгенштейна. Наибольшее внимание сосредоточено на проблеме концептуального и исторического описания этапов данной интерпретации (оцениваются критерии периодизации). На основе важнейших недавних открытий ставится под сомнение объективность и завершенность истории интерпретаций Витгенштейна А. Билецкой.

Ключевые слова: Витгенштейн; Логико-философский трактат; интерпретация.

Долгая (далеко не завершенная) история прочтений (интерпретаций) текстов Витгенштейна начинается в 1922 г. с предисловия Б. Рассела к английскому переводу «Логико-философского трактата» (ЛФТ) [1] и длится по настоящее время. Возникшие трудности с апроприацией (усвоением и присвоением) идей австрийского философа условно подразделяются на внутренние (стиль письма Витгенштейна в широком смысле) и внешние (история (выборочных) публикаций первоисточников и долгое отсутствие доступа к исходным рукописям и манускриптам (Nachlass Витгенштейна)). Ситуация усугубляется стремлением некоторых авторов приспособить Витгенштейна к нуждам собственных построений (чаще в области социологии или религиозной философии) {Переведенная в 1996 г. работа Питера Уинча 1958 г. «Идея социальной науки» [2] для русскоязычного читателя здесь наиболее показательна. Автор вступает в дискуссию вокруг природы правилосообразного поведения и понятия «формы жизни» (темы позднего Витгенштейна) для экспликации собственного понимания философии (или методологических оснований) социальных исследований}. Здесь неизбежно возникает вопрос о взаимном влиянии интерпретации и использования (да и саму границу между интерпретацией и использованием провести трудно – вспомним соответствующие замечания Умберто Эко [3]). Кроме того, некоторые недавние работы претендуют или фактически ведут к радикальному пересмотру устоявшихся интерпретаций. Приведем три примера.

1. Пресловутый или печально известный 8 параграф третьего приложения (посвященного первой теореме о неполноте Гёделя) «Заметок по основаниям математики» (ЗОМ) [4] произвел огромное количество комментариев. После публикации ЗОМ в 1956 г. Крайзель и Бернайс приписали Витгенштейну тотальное непонимание первой теоремы о неполноте. Кроме некоторых эпизодических реплик, например, Гудстейна, подобная оценка заметок Витгенштейна о Гёделе сохранилась вплоть до конца 1980-х гг., когда были предприняты (иногда экстравагантные) попытки реабилитации. Некоторые авторы предложили принимать Витгенштейна за предтечу паранепротиворечивой логики (наиболее показательная работа: [5]). Х. Патнем и Дж. Флорид приписали Витгенштейну своеобразный инсайт в теорию моделей [6] и т.д. Апологетические прочтения единодушно рассматривали заметки Витгенштейна безотносительно к мате-

матическому доказательству теоремы – будто заметки затрагивают лишь метаматематические или общеплатонические вопросы (например: антиплатонизм Витгенштейна contra математический платонизм К. Гёделя). Сторонники другой точки зрения доказывали невозможность произвольного разделения между общеплатоническим контекстом и неверным (что они и пытались показать) пониманием первой теоремы в ЗОМ. И вот в 2017 г. Тим Ламперт предложил апологетическое прочтение Витгенштейна при условии соотнесения заметок непосредственно с математическим доказательством первой теоремы [7]. Обсуждение темы Витгенштейн & Гёдель будет теперь подвергнуто ревизии. Неизбежно в ближайшие годы внимание сосредоточится на исследовании Ламперта.

2. 1 декабря 2011 г. К. Вемайер (Wehmeier) выступил на коллоквиуме по математической философии мюнхенского центра математической философии с докладом «Первопорядковая логика в Трактате». В 2012 г. вышла соответствующая статья [8]. До Вемайера введенную Витгенштейном в ЛФТ логическую нотацию (которая требовала исключения знака тождества и использование одного только N-оператора для выражения формул первопорядковой логики) считали (хотя бы отчасти) несостоятельной. Карнап, Блэк, Фогелин, Ландини и др. (период соответствующих публикаций с 1937 по 2007 г.) по разным причинам не признавали релевантность логической нотации Витгенштейна. Доказывалась невозможность построить единую дедуктивную систему в рамках Трактата. Вемайер впервые продемонстрировал принципиальную переводимость формул первопорядковой логики (сформулированных на языке Principia Mathematica Б. Рассела) в нотацию ЛФТ и впервые продемонстрировал «правильное» применение N-оператора (с момента публикации Трактата прошло 90 лет).

3. В июне 2014 г. Лучано Баццоччи (Bazzocchi) (автор открытия) и П. Хакер на летней школе в университете Сиены организовали семинар и познакомили аудиторию с исследованиями системы нумерации Трактата (см. статьи: [9] и [10]). ЛФТ структурирован нелинейно – по образцу логического дерева: каждая последующая констатация (афоризм) не является строго обязательно последовательным развитием предыдущей. Например: 1.13 и 1.12 поясняют констатацию 1.1 (которая принадлежит предыдущему уровню логического дерева) и не следуют из констатации 1.11 (и 1.13 не следует из 1.12). Хакер настаивает на

принципиальной важности открытия и уже использует открытие в полемике с Корой Даймонд и сторонниками решительной интерпретации (*resolute reading*) ЛФТ. Открытие потребует определенного пересмотра существующих прочтений Трактата. Достаточно сказать: в логическом дереве ЛФТ онтология ни в каком смысле не предшествует (не является антецедентом) образной теории значения (нетрудно предположить следствия).

С момента публикации Трактата (и других текстов) предложено огромное число (иногда несвязных, иногда противоречивых, иногда очевидно неверных или не учитывающих контекст) прочтений Витгенштейна. Интерпретации можно было бы условно подразделить на влиятельные и общепринятые и сторонние. Но в условиях обозначенного выше существенного сдвига в понимании (иногда понимание достигнуто впервые) отдельных проблем или даже текстов написать внятную связную законченную историю интерпретаций одного даже ЛФТ представляется трудной задачей. Под историей интерпретации мы подразумеваем наиболее общую историю подходов к прочтению Витгенштейна. Была ли (продолжается ли) такая история в принципе... Имеют ли место существенные для всего контекста интерпретаций определенного временного периода общие тенденции и изменения в базовых подходах к прочтению Витгенштейна... Должна ли такая история (с определенными датами, периодами, значимыми событиями, героями) вообще быть написана... Единственная попытка дать глобальную историю интерпретаций Витгенштейна (кроме книги П. Хакера [11]) была предпринята Анат Билецкой в работе «(Over)interpreting Wittgenstein» (2003) [12]. Нижеследующий краткий обзор основных подходов и результатов А. Билецкой должен отчасти ответить на поставленные вопросы.

Основная установка в подходе А. Билецкой – исключить собственное вмешательство в историю обсуждений отдельных проблем. «Метаистория, история некоторых других историй» пишется без какого бы то ни было желания предпочесть одну историю другой. Участие в конфликте интерпретаций заранее исключено. Любая интерпретация представляет собой попытку понять Витгенштейна. Но для проекта А. Билецкой имеет большее значение многообразие интерпретаций, историческое и концептуальное развитие, иерархия, популярность и взаимное влияние интерпретаций [12. Р. 6–7]. Мы пропустим соображения автора о критериях легитимности интерпретаций и не будем подвергать сомнению причисление отдельных интерпретаций к сторонним (Витгенштейн & Левинас. Витгенштейн & Деррида. Витгенштейн & литературная критика). Фарватер интерпретаций обозначен аналитической традицией и некоторыми очевидными именами (Шопенгауэр. Кьеркегор). Но дальше возникает принципиальный вопрос критериев (исторических и концептуальных) разграничения периодов интерпретации Витгенштейна в историческом потоке стандартных и общепринятых по контексту основной проблематики прочтений (сторонние про-

чтения вынесены за скобки) и вопрос об основаниях соответствующей периодизации.

Первым общим полем классификации периодов и подходов к прочтению Витгенштейна прописана традиционная метафизическая (включая попытки антиметафизической интерпретации) проблематика. Проблематика включает обсуждение привычных разделов Трактата от онтологии до образной теории значения и различные попытки связать и объяснить отдельные тексты Витгенштейна (начиная с публикации «Философских исследований») встраиваются в существующий контекст обсуждения «традиционных» проблем (одновременно на фоне общей проблематики возникает и различным образом модифицируется вопрос соотношения раннего и позднего Витгенштейна). Обозначенная проблема (метафизическое поле) соотношения мира и языка непосредственно затрагивает борьбу реализма и антиреализма (был ли Витгенштейн – пусть только ранний – реалистом...). Вторым общим полем классификации выступает отношение (трактовка) к молчанию и к постулированной в Трактате бессмысленности констатаций Трактата – согласно с внутренними для ЛФТ критериями осмысленности предложения (плюс непосредственно связанные с молчанием и бессмыслицей замечания Витгенштейна об этике и философии как таковой). Таким образом предложены два основания для периодизации (и концептуального различения) истории интерпретаций Витгенштейна. Выделяется пять этапов (*station*):

1. Логико-лингвистическая (анти)метафизика. На этом этапе на уровне небольших комментариев были высказаны наиболее общие замечания по проблеме отношения мира и языка в ЛФТ (предисловие Б. Рассела и работы Фр. Рамсея). Заключительные афоризмы Трактата не играют никакой роли и по преимуществу упускаются из рассмотрения. Согласно Расселу, Витгенштейн предложил отдельную версию логически совершенного языка. По Рамсею же Витгенштейн работает с обыденным языком [12. Р. 38–39]. В центре внимания философия языка и логика. Основные действующие лица, кроме упомянутых: М. Блэк и участники Венского кружка.

2. Изошренная (*sophisticated*) метафизика (и значение как употребление). Период начинается с 1930-х гг. и отчасти продолжается сегодня. Развернутое на первом этапе изучение метафизики ЛФТ усложняется. Изменяется установка: метафизика должна рассматриваться через призму языка и лингвистической проблематики (своеобразный лингвистический поворот среди исследователей Витгенштейна) [Ibid. Р. 33]. Исследователи обращают большее внимание (в сравнении с первым этапом) на отдельные афоризмы или разделы (2-й раздел, онтология, и заключительные афоризмы 6-го раздела). Разгорается дискуссия вокруг понятия объекта, изоморфизма мира и языка, ставятся отдельные, иногда очень специальные вопросы (место отрицательных пропозиций в системе Трактата, природа элементарных пропозиции и пр.) [Ibid. Р. 49–55]. В контекст обсуждения вводятся новые тексты Витгенштейна (опубликованные посмерт-

но). Ко второму этапу отнесены авторы: Малкольм, Энскомб, Стросон, отчасти Хинтикка и др.

3. Обоснованное (reasonable) метапрочтение. Наиболее значимые авторы: Бейкер, Хакер, Д. Пирс, Э. Кенни, Хинтикка. Отдельное внимание привлекает show / say distinction (и соответственно усиливается интерес к темам этики, эстетики, мистики) [12. Р. 62–63]. Предпринимаются попытки причислить Витгенштейна к определенному лагерю: логическому атолизму, позитивизму, реализму, идеализму, антиреализму, солипсизму (автор и называет этап **мета**прочтением: Витгенштейн ничего специально – например – по реализму и антиреализму не писал) [Ibid. Р. 71]. На этом этапе разворачивается и знаменитый спор о (так называемом) индивидуальном языке.

4. Бессмыслица принимается всерьез. Революционный этап. Ключевое значение имеет разрыв с предшествующим этапом и отказ от попытки записать Витгенштейна в какой бы то ни было философский лагерь. Значимые авторы: У. Гольдфарб, Б. МакГиннес, Кора Даймонд и др. Предлагается отнести к заявленной в Трактате бессмысленности (констатации 6.53 и 6.54) серьезно (от метафизических проблем внимание резко смещается к различению осмысленного и бессмысленного) и заново прочесть Витгенштейна. «Бессмыслица ничего не говорит – потому как и нет ничего что должно быть сказано, выражено, сообщено, или даже показано...» [Ibid. Р. 86]. Онтология ЛФТ рассматривается как «онтологический миф». Для К. Даймонд констатации Трактата прописаны только с целью помочь читателю подняться над ними и увидеть их бессвязность. К четвертому этапу относятся и диалектическая интерпретации ЛФТ (еще один способ всерьез «принять» бессмыслицу).

5. Этическое прочтение. Доминирование этической проблематики (связанной у Витгенштейна со «статусом» бессмыслицы и с характеристикой метафизических утверждений как бессмысленных). Витгенштейн как «нигилистический» философ. Конец философии [Ibid. Р. 99].

Такова наиболее общая картина. Социальные науки, религию и философию математики А. Билецкая рассматривает вне основного контекста интерпретаций Витгенштейна. Но если по социальным наукам или по религиозной философии Витгенштейн действительно написал немного или вообще ничего, то философии математики так или иначе посвящена огромная часть рукописей и манускриптов (чуть ли не половина). Соответствующие тексты (ЗОМ исключение) стали доступны исследователям достаточно поздно и поэтому не могли повлиять на историю интерпретаций вплоть до начала 1990-х гг. Поэтому и оценивать подход А. Билецкой уместно исходя из

заданного самим автором (вполне справедливо) исторического контекста. Прежде всего вызывают вопросы критерии классификации и периодизации этапов. Второй этап напрямую наследует первому этапу (ставятся дополнительные вопросы и возникают и разворачиваются споры относительно природы объекта, элементарной пропозиции и прочее). Говорить о существенном смещении исследовательского контекста не приходится. Возникновение метапрочтений исторически не связано с появлением новых источников или совершением каких-либо открытий (так и полемика вокруг «аргумента знания» необязательно идет с привлечением скептицизма, антиреализма). Трудно или невозможно исторически фиксировать границы третьего этапа. Последние этапы стоят совершенно отдельно. Здесь переопределяются **основания** наших подходов к Витгенштейну. Метафизическая проблематика полностью подчиняется заключительным констатациям Трактата. Поэтому третий и последние этапы (вместе) могут представлять собой только две группы отдельных исследований или два множества сходных интерпретации (причем в первом случае объединение в группу будет исключительно условным). Историческое разделение этапов кажется малообоснованным. Можно подразделить интерпретации по способу подхода к текстам: на имманентный анализ (преимущественно первый этап), метапрочтение и прочтение через метафилософские замечания Витгенштейна (последние два этапа). В настоящее время три группы интерпретаций продолжают развиваться параллельно.

Нетрудно усомниться в самой возможности написать историю интерпретаций Витгенштейна (не превращается ли попытка написать подобную историю в серию очерков...). Дело не в стремлении новой интерпретации вытеснить старую (вопрос об истинности отдельного прочтения изначально выносится за скобки). Просто новое открытие позволяет заново переопределить мотивы и рамки предшествующих интерпретаций и отчасти переписать историю. Такое, несомненно, возможно в случае Л. Баццоччи или К. Вемайера (перед нами именно открытия – а не интерпретации). Можно вспомнить относительно недавний интерес к проблеме внутренних и внешних отношений в философии Витгенштейна (ключевую роль играет недавняя работа: Jakub Macha. Wittgenstein on Internal and External Relations: Tracing all the Connections. 2015). Вне непосредственной критики предшествующих интерпретаций данный интерес существенно меняет угол рассмотрения существующих прочтений. Перечисленные выше открытия без исключения имеют отношения к имманентной критике, но способны внести уточнения в историю метапрочтений и в наше понимание метафилософии Витгенштейна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus, translator C.K. Ogden. London, 1922.
2. Уинч П. Идея социальной науки / пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. М., 1996.
3. Eco U. The Role of the Reader. Indiana University Press, 1984.
4. Wittgenstein L. Remarks on the Foundations of Mathematics. Blackwell, 1978.
5. Berto F. The Gödel Paradox and Wittgenstein's Reasons // Philosophia Mathematica. 2009. 3 (17). P. 208–219.
6. Floyd J., Putnam H.A. Note on Wittgenstein's 'Notorious Paragraph' about the Gödel Theorem // The Journal of Philosophy. 2000. Vol. 97, is. 11. P. 624–632.
7. Lampert T. Wittgenstein and Gödel: An Attempt to Make «Wittgenstein's Objection» Reasonable // Philosophia Mathematica. 2017.

8. Rogers B., Wehmeier Kai F. Tractarian First-Order Logic: Identity and the N-Operator // *The Review of Symbolic Logic*. 2012. Vol. 5, № 4. P. 538–573.
9. Bazzocchi L. A Better Appraisal of Wittgenstein's Tractatus Manuscript // *Philosophical Investigations*. 2015. Vol. 38, is. 4. P. 333–359.
10. Hacker P.M.S. How the Tractatus was Meant to be Read // *The Philosophical Quarterly*. 2015. Vol. 65, is. 261. P. 648–668.
11. Hacker P.M.S. *Wittgenstein's Place in Twentieth-century Analytic Philosophy*. Blackwell, 1996.
12. Biletzki A. *(Over)Interpreting Wittgenstein*. Kluwer Academic Publishers, 2003.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 18 марта 2019 г.

Wittgenstein: The History of Interpretations (A Critical Analysis of Anat Biletzki's Approach)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 87–90.

DOI: 10.17223/15617793/443/11

Kirill A. Rodin, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: rodin.kir@gmail.com

Keywords: Wittgenstein; *Tractatus Logico-Philosophicus*; interpretation.

This article is a critique of Anat Biletzki's approach to writing the history of interpretations of the philosophy of Ludwig Wittgenstein. The long (far from complete) history of the readings (interpretations) of Wittgenstein's texts begins in 1922 with the preface of B. Russell to the English translation of *The Tractatus Logico-Philosophicus* and continues to the present. Difficulties with the understanding and appropriation (and sometimes assimilation) of the philosopher's ideas are conventionally divided into internal (Wittgenstein's style in a broad sense) and external (history of (selective) publications of original sources and a long lack of access to Wittgenstein's Nachlass). Anat Biletzki's approach is based on a rather strict classification of periods in the study of the heritage of the Austrian philosopher and assumes, based on certain methodological historical and philosophical principles, the identification of key directions and problems for each period. Anat Biletzki was the first to offer a kind of a meta-historical perspective on the historical and philosophical research of Wittgenstein. In this article, the author shows the weak points and limitations of Anat Biletzki's approach. The author presents several modern revolutionary publications that allow formulating objections to the proposed history of the interpretation of Wittgenstein's philosophy: Was (is) there this history in principle? Do the general tendencies and changes in the basic approaches to the reading of Wittgenstein have significance for the whole context of interpretations of a certain period? Should such a history (with certain dates, periods, significant events, heroes) ever be written? The situation is aggravated by the desire of some authors to adapt Wittgenstein to the needs of their own constructions (often in the field of sociology or philosophy of religion). Inevitably, there appears the question of the mutual influence between interpretation and use. In addition, the author shows that some recent works claim or lead to a radical revision of established interpretations (and indirectly lead to revising the history of interpretations). In this article, the author concludes that, considering a significant shift in the understanding (sometimes this understanding is achieved for the first time) of several problems, it is difficult to write a coherent history of interpretations even of *The Tractatus* (and Anat Biletzki's work should be largely revised). Still, Anat Biletzki's approach may well be refined and is undoubtedly of great interest for further research on Wittgenstein's philosophy.

REFERENCES

1. Wittgenstein, L. (1922) *Tractatus Logico-Philosophicus*. Translated from German by C.K. Ogden. London: Kegan Paul.
2. Winch, P. (1996) *Ideya sotsial'noy nauki* [The idea of a social science]. Translated from English by M. Gorbachev, T. Dmitriev. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
3. Eco, U. (1984) *The Role of the Reader*. Indiana University Press.
4. Wittgenstein, L. (1978) *Remarks on the Foundations of Mathematics*. Blackwell.
5. Berto, F. (2009) The Gödel Paradox and Wittgenstein's Reasons. *Philosophia Mathematica*. 3 (17). pp. 208–219. DOI: 10.1093/philmat/nkp001
6. Floyd, J. & Putnam, H.A. (2000) Note on Wittgenstein's 'Notorious Paragraph' about the Gödel Theorem. *The Journal of Philosophy*. 97 (11). pp. 624–632. DOI: 10.5840/jphil2000971129
7. Lampert, T. (2017) Wittgenstein and Gödel: An Attempt to Make "Wittgenstein's Objection" Reasonable. *Philosophia Mathematica*. 26 (3). pp. 324–345. DOI: 10.1093/philmat/nkx017
8. Rogers, B. & Wehmeier, K.F. (2012) Tractarian First-Order Logic: Identity and the N-Operator. *The Review of Symbolic Logic*. 5 (4). pp. 538–573. DOI: 10.1017/S1755020312000032
9. Bazzocchi, L. (2015) A Better Appraisal of Wittgenstein's Tractatus Manuscript. *Philosophical Investigations*. 38 (4). pp. 333–359. DOI: 10.1111/phn.12093
10. Hacker, P.M.S. (2015) How the Tractatus was Meant to be Read. *The Philosophical Quarterly*. 65 (261). pp. 648–668. DOI: 10.1093/pq/pqv050
11. Hacker, P.M.S. (1996) *Wittgenstein's Place in Twentieth-century Analytic Philosophy*. Blackwell.
12. Biletzki, A. (2003) *(Over)Interpreting Wittgenstein*. Kluwer Academic Publishers.

Received: 18 March 2019

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.8

А.В. Буданов

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ РАКЕТОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ СССР НАКАНУНЕ КАРИБСКОГО КРИЗИСА

При поддержке фонда РФФИ проект № 16-01-00250 «Опыт мобилизации промышленности СССР на производство ракетной техники накануне Карибского кризиса».

Анализируются проблемы финансирования советского ракетостроения в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Описаны причины выбора ракетно-ядерного оружия как основы новой советской военной доктрины. Приводятся сведения об объемах финансовых затрат на производство различных видов ракетной техники, а также влиянии этих расходов на советскую экономику и социальную сферу. Анализируется влияние ракетостроения на укрепление международного положения Советского Союза.

Ключевые слова: ракетостроение; оборонно-промышленный комплекс; Карибский кризис; финансовая политика; холодная война.

В середине 1950-х гг. советское руководство решило использовать ракетную технику как основное средство доставки ядерного оружия, тем более что эта новая технология к середине 1950-х гг. была освоена и начала активно совершенствоваться. Успешное испытание ракеты Р-5М 2 февраля 1956 г., доставившей ядерный заряд на полигон в 1 190 км от места старта, окончательно убедило руководство СССР в перспективности и преимуществах ракетного оружия [1. С. 501–502]. Однако, как и все новое в военной сфере, развитие ракетостроения в СССР требовало многомиллиардных финансовых затрат.

Выбор ракетной техники как одного из приоритетных направлений развития военной доктрины СССР привел к ряду проблем, требующих решения. Необходимо было изыскать источники финансирования новых военных разработок. Ситуацию осложняло то, что в 1953 г. в СССР распоряжением Совета министров СССР от 18 апреля ассигнования Министерству обороны были сокращены на 4 млрд 655 млн руб., так как Г.М. Маленков и его сторонники отстаивали идею о приоритетном развитии гражданских отраслей промышленности [2. С. 252]. Теперь же пришлось снова изыскивать средства. В тех условиях советское руководство традиционно применило мобилизационные методы: перераспределение финансовых и материальных затрат, а также перемещение ресурсов из одних отраслей экономики в другие. Во-первых, было решено отказаться от проектов, которые не могли принести военного превосходства над вероятным противником. Например, после рассмотрения перспектив развития Военно-морского флота в СССР отказались от массового строительства новых кораблей, за что ратовал в ЦК КПСС адмирал Н.Г. Кузнецов. Проект требовал 110–130 млрд руб. на 10 лет, но вызывал у руководства страны сомнения в целесообразности. Вопрос фактически решился после того, как на прямой вопрос Н.С. Хрущева, сможет ли СССР достичь паритета на море с объединёнными флотами США и Англии, адмирал честно ответил отрицательно. К тому же обслуживание этого флота

требовало колоссальных средств. Например, за один учебный выход в море Черноморский флот расходовал мазута столько же, сколько выделялось на год всей Украине [3. С. 58]. Содержание одного крейсера в год обходилось в 22 млн руб. [1. С. 899]. В итоге в сфере развития военно-морских сил было решено строить преимущественно подводные лодки (особенно атомные), вооруженные баллистическими ракетами с ядерными боеголовками. Затем было принято решение о сокращении затрат на развитие дальней стратегической авиации, так как она не могла преодолеть американскую систему противовоздушной обороны [4. С. 444–447]. Стоимость одного передового дальнего бомбардировщика в 1953 г. составляла 50–60 млн руб., а серийная баллистическая ракета стоила дешевле и была менее уязвимой (скорость полета ракеты в 1954 г. доходила до 7 800 км/ч, высота до 170 км, реактивный бомбардировщик же мог лететь на высоте до 15–20 км со скоростью около 1 000 км/ч и был уязвим для зенитных ракет). К тому же ракеты могли нести атомный заряд аналогичной мощности [1. С. 335]. После создания Ракетных войск стратегического назначения 17 декабря 1959 г. было подсчитано, что содержание ракетной дивизии из 3 полков с 8 ракетами Р-12 (стоимость 1 млн 800 тыс. руб. каждая) обходится в 302 млн 11 тыс. руб., а тяжелого бомбардировочного авиационного полка на Ту-16 – 486 млн 110 тыс. руб. Соответственно дешевле обходилось содержание обслуживающего персонала ракетной дивизии (35 млн 338 тыс. руб.), чем авиационного полка (53 млн 49 тыс. руб.); ракетная техника и многочисленные агрегаты обслуживания ракетной дивизии стоили 252 млн 543 тыс. руб., а авиационного полка – 397 млн 250 тыс. руб.; у ракетчиков были ниже и эксплуатационные расходы – 302 млн 11 тыс. руб. против 486 млн 110 тыс. руб. в авиации [Там же. С. 908]. Важным источником средств стало сокращение личного состава вооруженных сил с 5 763 тыс. человек в 1955 г. до 2 500 тыс. в 1960 г. [5. С. 112]. Н.С. Хрущев оценивал экономию от сокращения численности Советской армии в 5–7 млрд руб. в год

[1. С. 902]. Удельный вес расходов Министерства обороны в Государственном бюджете СССР в 1960 г. составлял 11,1 против 19,9 % в 1955 г. При этом в денежном выражении годовые расходы Министерства обороны сократились не столь значительно со 107,4 млрд руб. в 1955 г. до 96 млрд руб. в 1960 г. Важно отметить, что объем государственного бюджета за это время вырос в 1,6 раза с 539,5 млрд руб. в 1955 г. до 862,1 млрд руб. в 1960 г. Это объясняет тот факт, что в процентном соотношении показатели изменились почти в два раза, а в номинальном денежном выражении всего на 11,4 млрд руб. (около 11%) [6. С. 294]. Фактически существенного сокращения оборонных расходов не произошло, но имело место перераспределение финансовых потоков. Теперь значительно больше средств тратилось на закупку нового вооружения различных видов, а не на содержание личного состава. Сокращение личного состава объяснялось и новой военной доктриной государства. Н.С. Хрущев и его военные советники понимали, что в условиях массированного применения ядерного оружия количество солдат уже не играет решающей роли в победе, что позволило сократить расходы по этой статье. Советское руководство также планировало, что бывшие военные будут привлечены к производительному труду, что укрепит советскую экономику. Следующим источником средств стало традиционное перераспределение финансов из различных невоенных отраслей народного хозяйства, например, в воспоминаниях бывший советский лидер указывает на такую статью, как экономия на строительстве метрополитена в Киеве и Баку [7. С. 84]. В итоге полученные средства было решено вложить в ракетный проект.

Помимо изыскания финансовых средств на развитие ракетостроения необходимо было определить, какие отрасли промышленности должны будут производить эту технику. Первоначально решили, что многие авиационные заводы и конструкторские бюро уже освоили принципы реактивного движения при производстве самолетов, а значит, они лучше всего подходят для этой цели. Логичным казалась мысль о привлечении конструкторов дальних бомбардировщиков к созданию межконтинентальных реактивных самолетов-снарядов. К тому же в США с 1950 г. фирмой «Норт Америкен Райт» разрабатывался межконтинентальный крылатый управляемый снаряд «Навахо» XSM-64A [8. С. 51–53]. К созданию ракет решили привлечь авиаконструктора С.А. Лавочкина, вскоре к проекту по созданию дальних ракет подключился также В.М. Мясищев. 20 мая 1954 г. было издано постановление Совета министров СССР № 957-409 о разработке межконтинентальных ракет-носителей ядерного заряда. ОКБ-301 Министерства авиационной промышленности под руководством С.А. Лавочкина разрабатывало крылатую ракету «Буря» (секретный шифр «З50»), а ОКБ-23 В.М. Мясищева – ракетно-самолетную систему РСС-40 «Буран» (секретный шифр комплекса «40»). Фактически ракетный проект было решено передать Министерству авиационной промышленности. Научным куратором обоих проектом был академик

М.В. Келдыш, который еще в 1940-е гг. занимался вопросами создания сверхзвуковых самолетов с жидкостными реактивными двигателями [9. С. 56–57, 74]. На эти проекты были затрачены значительные финансовые средства, но уже в период летных испытаний на стадии, близкой к завершению, они были остановлены. Причина – в развитии более совершенной, как показала практика, технологии – межконтинентальных баллистических ракет, разрабатываемых ОКБ-1 под руководством С.П. Королева. Интересно, что решение о разработке межконтинентальной тяжелой баллистической ракеты Р-7 было принято в тот же день, что и решение о создании «Бури» и «Бурана» – 20 мая 1954 г. Постановлением Совета министров СССР № 956-408сс.

Фактически советское руководство имело несколько конкурирующих проектов по созданию средств доставки термоядерных боеприпасов на территорию США. Показательно, что ракеты, разрабатываемые С.П. Королевым, не были изначально в приоритете у советского руководства, требовалось доказать их преимущества. Переломным стал 1957 г., когда Р-7 прошла серию испытаний и даже смогла вывести на орбиту первые искусственные спутники Земли: 4 октября – первый простейший спутник, а 3 ноября – первый биологический «Спутник-2» с собакой Лайкой на борту [10. С. 238]. Интересно, что в целом работы по созданию искусственного спутника Земли оценивались в 1955 г. в сумму до 250 млн руб. [11. С. 24]. В итоге к 1960 г., когда Р-7 была принята на вооружение и появились разработки новых экономичных межконтинентальных ракет М.К. Янгеля и других конструкторов, технология баллистических ракет получила приоритет над разработкой межконтинентальных крылатых ракет. Причин было несколько: во-первых, крылатые ракеты летели в атмосфере на высоте до 25 км, что позволяло сбивать их средствами противовоздушной обороны, а баллистические ракеты направлялись на цель фактически из космического пространства и верхних слоев атмосферы, что в те годы не позволяло их перехватывать; к тому же в космосе сопротивление воздуха отсутствовало, а это уменьшало расход дорогостоящего топлива и облегчало управление; во-вторых, стоимость межконтинентальных крылатых ракет была выше, чем баллистических. Например, в 1955 г. стоимость опытных образцов ракет (без снаряжения боеголовкой и другими устройствами) оценивалась: «Буря» – в 90 млн руб., Р-7 – в 60 млн руб. [1. С. 474]. К январю 1960 г. с начала испытаний в августе 1957 г. было испытано 14 ракет «Буря» и еще 15 ракет числилось в заделе [Там же. С. 874]. Тем не менее работы на следующий год были прекращены, чему способствовала и скоростная смерть 9 июня 1960 г. знаменитого конструктора С.А. Лавочкина. Сохранить оба направления разработок в те годы по финансовым причинам было невозможно. В итоге авиационная промышленность сосредоточилась на разработке зенитных ракет противовоздушной обороны, крылатых ракет тактического назначения и ракет для вооружения авиации. Тем не менее конструкторы авиационного профиля стремились вернуться к межконтинентальной ракет-

ной тематике. В итоге это удалось руководителю ОКБ-52 Госкомитета Совета министров СССР по авиационной технике, талантливому конструктору В.Н. Челомею.

Сосредоточение работ по межконтинентальным ракетам в Министерстве авиационной промышленности позволяет объяснить трудности, возникшие у экономиста-историка Н.С. Симонова с определением расходов на ракетостроение в середине 1950-х гг. В приведенной им таблице указывается, что в 1955 г. наибольшие расходы Министерства обороны СССР на закупку вооружений были осуществлены по статье «Авиационная техника» – 17 млрд 310 млн руб. из 66 млрд 560 млн руб. (26 %), тогда как расходы по разделу «Б» («Ракетостроение») в таблице не указаны. Однако известно, что к 1955 г. высшее руководство страны и военные уже не рассматривали классическую и стратегическую военную авиацию как приоритетный вид вооружения. Получалось некоторое противоречие, нуждающееся в разрешении. Отметим, что в 1958 г. соотношение расходов по статьям изменилось: на закупки изделий авиационной промышленности было истрачено только 6 млрд 670 млн руб. из 36 млрд 356 млн руб. (18%), а на ракетную технику (раздел «Б») – 6 млрд 986 млн руб. (19%) [6. С. 295]. Важно отметить, что под разделом «Б» понимались преимущественно баллистические ракеты и связанное с ними оборудование. Очевидно, что за три года не была создана новая отрасль промышленности – ракетостроение. К тому же в 1955 г. уже разрабатывалось 33 вида ракетного оружия: 5 межконтинентальных баллистических и крылатых ракет, 6 баллистических ракет, 5 ракет для истребителей-перехватчиков, 5 зенитных ракет, 8 ракет для военно-морского флота, 4 самолета-снаряда для поражения морских и наземных целей [1. С. 503].

Таким образом, представленные цифры объясняются тем, что работники Госплана СССР, составившие таблицу, исходили из принципа ведомственной подчиненности поставщиков военной техники, а не ее типа, что и привело к высоким показателям в сфере закупок авиационной техники. Так как в 1955 г. межконтинентальные крылатые ракеты «Буря» и «Буран» находились в подчинении Министерства авиационной промышленности, то и расходы по этому Министерству были значительно выше. Затраты на покупку баллистических ракет разработки ОКБ-1 С.П. Королева, подчиненного Министерству оборонной промышленности, возможно, были включены в расходы по статье «Вооружение», которая в 1955 г. составляла 8 млрд 70 млн руб., а в 1958 г. – всего 1 млрд 381 млн руб. В других источниках указывается, что план производства реактивного вооружения на 1955 г. составлял 3,1 млрд руб. [1. С. 474]. Видимо, через Министерство авиационной промышленности были проведены также средства на строительство нового ракетного полигона Минобороны СССР – НИИП-5 Тюратам, известного в наши дни как Байконур. Он создавался в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 29 апреля 1955 г. № 827-497 «О мероприятиях по обеспечению строительства специального полигона Министерства обороны

СССР», при этом в пункте 9, содержащем объемы финансовых ассигнований, упоминаются Министерство обороны и Министерство авиационной промышленности. Земли под полигон были выделены в Кызыл-Ординской области Казахской ССР в районе между Н. Казалинском и Джусалы. Район падения головных частей был предусмотрен на севере полуострова Камчатка в районе мыса Озерной. На полигоне предполагалось испытывать ракеты «Буря» и «Буран», а затем Р-7. Согласно постановлению на строительство полигона и связанных с ним объектов на 1955 г. выделялось 95 млн руб. [12]. Ориентировочная стоимость нового полигона оценивалась специалистами в 400–500 млн руб. за 3–4 года [1. С. 388]. Показательно, что на строительство космодрома Плесецк (объект «Ангара») было запланировано 1,5 млрд руб., но к 1959 г. появилась возможность сократить стоимость строительства на 300 млн руб. [Там же. С. 757–758]. Первоначально строительство только одной полностью оборудованной площадки для старта ракеты Р-7 обходилось советскому бюджету в сумму около 500 млн руб. В 1959 г. действовало два боевых старта этой ракеты: один на Тюратаме в отдалении от экспериментальной стартовой площадки, второй на космодроме Плесецк. В 1961 г. ввели в строй еще два старта, которые работали до 1964 г. Четыре ракеты нацелили на американские города: Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго и Лос-Анджелес [3. С. 221]. Интересно, что исследователь Н.С. Симонов при анализе таблицы не объяснил не только этот факт, но и общее снижение расходов Министерства обороны СССР на закупку новой техники. Из анализа последующего содержания монографии следует, что причина состояла в снижении закупочных цен на оборонную продукцию, а это Советское государство осуществляло систематически. Другая причина заключалась в том, что изделия на стадии разработки и освоения стоят значительно дороже, чем серийная и отработанная на производстве продукция. Как уже упоминалось, в 1955 г. в период разработки ракета Р-7 без снаряжения стоила 60 млн руб., а в 1958 г. ее стоимость уже оценивалась в 10 млн руб. [13]. Например, к 1959 г. в результате упрощения и совершенствования системы радиоуправления межконтинентальной баллистической ракеты Р-7А удалось снизить стоимость комплекта радиоуправления с 52 до 23 млн руб., а затраты на строительство пунктов радиоуправления сократить на 80 млн руб. и в 9–10 раз снизить расходы на содержание обслуживающего персонала [1. С. 23]. Расходы сокращались и за счет применения более экономичных и передовых разработок. При этом руководство страны и оборонно-промышленного комплекса требовало от конструкторов и производителей, чтобы при разработке новых ракет наряду с улучшением технических характеристик снижалась и их стоимость. Например, ракета Р-11, имея дальность полета аналогичную ракете Р-1 (270 км), по габаритам и весу была в два раза меньше (Р-1 весила в не заправленном виде 4,03 т, а Р-11 – 1,64 т, диаметр составлял соответственно 1,65 м и 0,85 м), но стоила значительно дешевле: Р-11 – 400 тыс. руб., Р-1 – 632 тыс. руб. за одну ракету [1. С. 355]. Зная стоимость ракет, нетруд-

но определить затраты Министерства обороны СССР на их закупку. Например, ракеты типа Р-1 и Р-2 выпускались сотнями. В 1954 г. только на одной базе (воинская часть № 51951) хранилось 200 таких ракет, а на базе № 666 Министерства обороны СССР – 216 [Там же. С. 377, 381]. По состоянию на 31 июля 1959 г. на складах Министерства обороны СССР хранилось 720 ракет Р-1 и 529 ракет Р-2, которые было решено израсходовать на учебные и метеорологические нужды, так как их обслуживание обходилось дорого [1. С. 826]. С помощью простых вычислений можно выявить затраты Министерства обороны СССР на их приобретение.

Однако финансовые затраты на развитие ракетостроения не сводятся только к закупкам ракетной техники Министерством обороны СССР и обеспечению личного состава ракетных подразделений. Значительные средства тратились на развитие производственных мощностей, строительство или реконструкцию предприятий, научные исследования и конструкторские разработки. Во второй половине 1950-х гг. на эти цели выделялись внушительные средства. Эти затраты отлично иллюстрирует докладная записка М.В. Хруничева и В.М. Рябикова от 20 июня 1955 г. Н.С. Хрущеву и Н.А. Булганину о проекте контрольных цифр пятилетнего плана развития реактивной техники на шестую пятилетку (1956–1960 гг.). В документе приводятся цифры общих затрат на ракетостроение в СССР за 5 лет – 96,2 млрд руб. Структура этих вложений была следующей: 48,4 млрд руб. выделялось непосредственно на производство ракетного и реактивного вооружения; 22,3 млрд руб. – на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; 8,3 млрд руб. – на строительство различных систем; 17,2 млрд руб. – на создание мощностей серийного производства и дублеров НИИ и КБ. Из указанных средств 9,8 млрд руб. предполагалось выделить на строительство новых заводов, 2 млрд – на реконструкцию действовавших оборонных заводов и 2,85 млрд руб. – на подготовку 50 гражданских заводов к производству ракетной техники. На создание дублеров НИИ и КБ предусматривалось 2,1 млрд руб. Показательно, что расходы на научные исследования в сумме 22 млрд 362 млн руб. распределялись между 18 министерствами и ведомствами, но с приоритетом в отношении Министерства авиационной промышленности – 9 млрд 323 млн руб., оборонной промышленности – 5 млрд 750 млн руб., радиотехнической промышленности – 2 млрд 80 млн руб. Этот факт подтверждает тезис о привлечении к производству ракетной техники организаций и предприятий самых различных отраслей. Вложенные средства позволяли произвести следующие изделия: ракет Р-2 – 300 шт.; ракет Р-5М – 330 шт.; Р-11 – 1000 шт.; Р-7 – 42 шт. и 6 стартовых позиций; Р-11ФМ – 150 шт.; крылатых ракет «Буря» – 60 шт. и «Буран» – 33 шт., а также 10 стартовых позиций для них; зенитных ракет – 15 000 шт. [1. С. 472–479]. Однако этим планам не суждено было сбыться, так как при реализации проекта возникли непредвиденные ранее сложности, а в ракетной технике появились новые изобретения и открытия, которые привели к отказу от некоторых уста-

ревших разработок. Например, начались разработки баллистических ракет: средней дальности – Р-12, Р-14, Р-17; межконтинентальных – Р-7А, Р-9, Р-16 и др.

По причине появления новых разработок план поставок Министерству обороны СССР на 1959 г. в январе этого же года Госпланом СССР было предложено увеличить с 7,5 до 8,5 млрд рублей. В плане появились новые изделия: 350 ракет Р-12 и 54 стартовых площадки для них, возникли и новые непредвиденные затраты [1. С. 744]. 13 мая 1959 г. для сокращения сроков разработки ракет Р-14 и Р-16 Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР № 514-232 было дополнительно выделено из резервного фонда Правительства СССР 320 млн руб. на строительство новых производственных мощностей, в том числе Государственному комитету Совета министров СССР по оборонной технике – 130 млн руб., Совету министров Украинской ССР – 135 млн руб., Правительству РСФСР – 23 млн руб., Госкомитету по судостроению – 7 млн руб., Госкомитету по радиоэлектронике – 15 млн руб., Главниипроекту при Госплане СССР – 5 млн руб., Министерству высшего образования СССР – 5 млн руб. для расширения опытного производства Московского энергетического института [Там же. С. 797–708].

Непредвиденный рост расходов на советское ракетостроение стал систематическим явлением. Это было одним из следствий военно-технического прогресса. В записке заместителя начальника Первого отдела Госэкономсовета В. Румянцева, подготовленной в сентябре 1962 г., отмечалось, что в 1958 г. многие образцы ракетной техники были переданы для производства серийным заводам совнархозов, в 1959 г. серийно выпускалось уже 10 типов ракет и управляемых снарядов, а в 1962 г. производство реактивной техники увеличилось более чем в 5 раз по сравнению с 1958 г. [6. С. 296–297]. В 1959 г. в СССР вновь началась программа строительства военно-морского флота, но уже с другими, чем ранее, задачами. Приоритет в ней отдавался подводным лодкам с атомными установками, которых планировалось с 1959 по 1965 г. произвести 421 шт. Новая программа требовала более 30 млрд руб. на развитие производства и научных исследований [Там же. С. 299–300]. Эта программа была связана с ракетостроением, так как подводные лодки должны были, по замыслу руководства СССР и военных, стать неуловимыми носителями баллистических ракет с ядерными боеголовками. Такие ракеты стали успешно разрабатываться на Южном Урале в СКБ-385 под руководством генерального конструктора В.П. Макеева [14. С. 312]. Значительные средства тратились и на космическую программу, что также нарушало схему запланированных на срок шестой пятилетки расходов.

План развития ракетостроения на 1955–1960 гг. в 1959 г. оказался под угрозой срыва, так как возникли непредвиденные ранее затраты. К 1959 г. удалось наладить поточную сборку некоторых видов ракет, которые стали массово поступать в войска. Однако это породило две новые проблемы.

Во-первых, стало не хватать кислорода для их заправки, а значит, требовались мощности для его про-

изводства, транспортировки и хранения. Выяснилось, что в СССР производится в 7–8 раз меньше кислорода, чем в США (в СССР – 25–30 т. в час, США – 210 тонн в час). В 1959 г. началось строительство новых производственных мощностей в Челябинске, Нижнем Тагиле, Магнитогорске, Кривом Роге и других городах [15]. На Уралвагонзаводе № 183 в Нижнем Тагиле началось производство специальных заправщиков, железнодорожных цистерн для транспортировки жидкого кислорода. Объем производства только по одному изданию – заправщикам жидкого кислорода и азота на автомобильном ходу для ракеты Р-9 на Уралвагонзаводе в 1960 г. был установлен в 2 млн руб., а в 1961 г. – 7 млн руб. [16]. На Балашихинском заводе им. 40-летия Октября Московского областного совнархоза началось производство четырех специальных железнодорожных поездов для выработки кислорода [17]. Однако возникла проблема с комплектующими, и сроки производства срывались. Оказалось, что Министерству обороны для оборудования стационарных хранилищ жидкого кислорода только специальной арматуры требовалось в 1960 г. на 4 млн руб., а средств было выделено 1,8 млн руб. [18]. В итоге на 1959–1961 гг. специальным Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 2 января 1959 г. № 23–12 было выделено 434 млн руб. на капитальные работы по созданию мощностей для производства жидкого кислорода и необходимого оборудования [19]. Эти цифры позволяют более объективно взглянуть на спор В.П. Глушко и С.П. Королёва об использовании токсичных и нетоксичных топлив для двигателей ракет.

Вторая проблема, ставшая очевидной в 1959 г., заключалась в том, что жидкостные баллистические ракеты требовали большого количества обслуживающего наземного оборудования (заправщиков, топливозаправщиков, специальных цистерн для транспортировки топлива и окислителей, кабельной продукции, установщиков, стыковщиков с боеголовками, машин для транспортировки атомных боеголовок и т.д.). С целью производства необходимого наземного оборудования к ракетному проекту стали массово подключать десятки предприятий России и Украинской ССР. Стоили эти работы дорого. Например, в 1959 г. для организации производства 45 агрегатов наземного оборудования только для новой ракеты средней дальности Р-14 требовалось 50–55 млн руб., а для межконтинентальной ракеты Р-16 – около 90 млн руб. [20].

Средств явно не хватало, планы шестой пятилетки оказались под угрозой срыва, так как появились новые затраты, а старые проекты потеряли былую актуальность. Работники Госплана СССР уже в 1957 г. стали понимать, что план шестой пятилетки не может быть выполнен в требуемых объемах из-за роста оборонных расходов. Возникли заметные диспропорции в развитии отраслей советской экономики. Рост оборонных заказов снижал темпы роста гражданской продукции. 19 августа 1957 г. Председатель Госплана СССР И.И. Кузьмин направил в ЦК КПСС и Совет министров СССР записку с предложением использовать несколько лет следующей седьмой пятилетки для завершения действовавшего плана. Однако по поли-

тическим причинам это решение оформили как следствие новых больших успехов и возможностей, которые не должны ограничиваться сроками шестой пятилетки [21. С. 117–118]. В результате уже 19 сентября 1957 г. было издано Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 1156 «О разработке перспективного плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы» [22], так в истории СССР появилась знаменитая семилетка (1959–1965 гг.). Согласно семилетнему плану с 1958 по 1965 г. объем поставок ракетной техники Министерству обороны СССР должен был увеличиться в 2,5 раза: с 0,46 до 4,1 млрд руб. (в масштабе цен 1961 г.), в том числе: в 1959 г. – 0,896 млрд руб., 1960 г. – 1,37 млрд руб., 1961 г. – 2,287 млрд руб. [6. С. 303]. Фактически в 1960 г. Министерству обороны СССР было поставлено ракетной техники на 1 млрд 200 млн руб., в 1961 г. – на 1 млрд 494 млн руб. в ценах после реформы денежной единицы 1961 г., в 1962 г. – ориентировочно на 2 млрд 288 млн руб., на 1963 г. запланировано поставить – на 2 млрд 206 млн руб. Однако затраты на создание производственных мощностей значительно превосходили стоимость произведенной и закупленной Министерством обороны СССР ракетной техники. Например, ответственные работники Госплана СССР М.В. Хруничев, Н.И. Строкин, А.С. Павельев отмечали, что только для наращивания производственных мощностей в отраслях гражданского машиностроения с целью выполнения заданий по производству наземного оборудования для ракетного оружия в 1959–1965 гг. дополнительно к предусмотренным планом 8 млрд 416 млн руб. потребуется 2 млрд 635 млн руб. капитальных вложений, в том числе на строительство-монтажные работы – 1 млрд 626 млн руб. дополнительно к запланированным 3 млрд 745 млн 200 тыс. руб. В 1959 г. затраты по этому направлению планировались в размере 1 млрд 342 млн 200 тыс. руб., в 1960 и 1961 гг. – по 625 млн руб. в год, в 1962 г. – 500 млн руб. [23]. Высокими планировались и затраты на освоение космоса, проведение полетов на Луну. На эти работы в 1960–1963 гг., по оценкам руководителей советского оборонно-промышленного комплекса, военных и ученых Д.Ф. Устинова, К.Н. Руднева, В.Д. Калмыкова, М.И. Неделина, М.В. Келдыша, С.П. Королева, В.П. Глушко и других, требовалось в общей сложности 4 млрд 900 тыс. руб., в том числе на запуски космических аппаратов с помощью ракеты Р-7 – 2 млрд руб. и на создание «лунной» ракеты Н-1 – 2 млрд 900 млн руб., всего до 1967 г. планировалось затратить около 12 млрд руб. [11. С. 204]. Однако в условиях гонки вооружений и необходимости создания ракетно-ядерного щита расходы на космические исследования, даже замаскированные под военные нужды, вызывали недовольство руководителей оборонно-промышленного комплекса. 29 марта 1961 г., накануне гагаринского старта, в ЦК КПСС поступила записка Ф.Р. Козлова, Л.И. Брежнева и Д.Ф. Устинова, в которой отмечалось, что ряд работ по космическим исследованиям следует свернуть, что позволит сократить расходы по этой статье с 350 до 250 млн руб. в год, а высвобожденные средства

направить на разработку боевых твердотопливных ракет [Там же. С. 332–333].

Значительные оборонные расходы потребовали от руководства страной проведения финансовых мероприятий, направленных на изыскание дополнительных экономических ресурсов. Одним из таких финансовых «ухищрений» стала денежная реформа 1 января 1961 г. Автором и разработчиком ее был знаменитый реформатор-экономист, первый заместитель председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгин. Формально это была деноминация, т.е. стоимость рубля, цены и сбережения номинально сокращались в 10 раз, с купюр исчез лишний ноль. Однако у реформы была и тайная составляющая: обеспечение рубля золотом и курс к валюте увеличились не в 10, а 4,44 раза. Доллар стал стоить не 40, а 90 коп. При этом курс рубля к доллару изменился несколько раньше – 15 ноября 1960 г. [24]. Обеспеченность рубля золотом теперь составляла 0,987 412 г., а ранее была 0,222 168 г. Таким образом, происходило перекачивание финансовых средств в пользу государственного бюджета. Золото и валюта были также нужны для закупок необходимых товаров и оборудования за границей. Известно, что часть оборудования даже для производства ракетной техники покупалась в капиталистических странах, например, вибростенды, станки и другие изделия. Так, в 1958 г. на закупку импортного оборудования и полуфабрикаты для создания ракет и аппаратуры для полетов к Луне (объектов «Е») Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 343-166 от 20 марта 1958 г. запланировало до 1 млн руб. [11. С. 85].

Первоначально простые граждане этого не заметили, но вскоре и они ощутили последствия. Дело было в том, что в магазинах цены остались прежними, но в них наблюдался товарный дефицит и многие товары приходилось покупать у частных на рынке. Однако частные торговцы ориентировались для своих накоплений на курс золота, который изменился. В результате на рынках выросли цены, что ударило по потребителям. Проблема продуктового дефицита также была связана с развитием оборонной промышленности. Дело в том, что работники оборонных отраслей не производили товары, которые можно было купить, но получали заработную плату, которую можно потратить. По классическим законам экономики в таком случае из-за избытка денежных средств должна была начаться инфляция, но государство контролировало цены. В результате продукты стоили дешево, но их было меньше, чем денег у населения, что и приводило к дефициту. Попытка справиться с этой проблемой была предпринята в субботу 1 июня 1962 г., когда повысились розничные цены на мясо на 30% и на молоко на 25%. Это объяснялось тем, что себестоимость мясомолочной продукции в колхозах составляла 88 руб. за тонну, а закупочная государственная цена – 59 руб. за тонну. Цену же было решено повысить до 90 руб., т.е. на 35%. Эта мера стала причиной не только плохо скрываемого ропота и недовольства населения, но и спровоцировала кровавые события в Новочеркасске, где случилось восстание рабочих Электровозоремонтного завода [25. С. 511–512]. Данная ситу-

ация проиллюстрировала известный пассаж из учебника «Экономика» нобелевского лауреата П. Самуэльсона о границах производственных возможностей общества относительно соотношения оборонного и гражданского производства («пушек или масла») как важном факторе повышения или понижения благосостояния граждан. Экономист указывал, что производство оружия может нанести огромный вред инвестициям и катастрофически понизить уровень потребления [26. С. 54]. Современные российские исследователи, например Н.С. Симонов, также отмечают, что военная отрасль является паразитической для экономики, так как не создает ни средств производства, ни средств потребления для общества и разоряет народное хозяйство страны [6. С. 23]. Показательно, что это понимало и советское руководство. Н.С. Хрущев в своих воспоминаниях неоднократно указывал на обозначенную проблему. Он писал, что непомерные расходы на армию могут «без всякой войны надорвать экономику страны, самим осуществив то, чего именно и добивается наш противник» [4. С. 474]. Хрущев как руководитель Совета министров СССР и Первый секретарь ЦК КПСС понимал и впоследствии указал в своих воспоминаниях, что «самыми непроизводительными затратами остаются расходы на вооруженные силы» [7. С. 84]. Однако в условиях противостояния советской и капиталистической общественно-политических систем иного выхода он не видел. Возможно, карибский кризис в октябре 1962 г. был попыткой советского руководства вырваться из финансовой логики холодной войны, заставить американцев пойти на уступки и если не прекратить, то снизить темпы гонки вооружений. Частично это удалось, так как американцы вывели свои ракеты из Турции, а 5 августа 1963 г. подписали вместе с СССР и Великобританией Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Однако остановить запущенную гонку вооружений не удалось. Тем более что в СССР сформировались социальные слои и группы, заинтересованные в ее продолжении, и Н.С. Хрущев это понимал. В разделе своих воспоминаний под названием «Гонка вооружений или мирное сосуществование?» Н.С. Хрущев указывал, что в росте вооружений заинтересованы военные, чье общественное влияние и материальное благополучие зависит от гонки вооружений. Второй группой он называл работников военно-промышленного комплекса, кто получает заработную плату и премии за новые разработки. К третьей группе он относил людей, поддавшихся ксенофобии и пропаганде [4. С. 496]. После отставки Хрущева гонка вооружений продолжилась. Появились новые источники финансовых средств – открытые в 1965 г. и позднее месторождения нефти и газа в Восточной Сибири. Показательно, что при брежневском руководстве ракетостроение все более ориентировалось на военные нужды, в итоге СССР проиграл «лунную программу».

Таким образом, развитие ракетной техники в СССР привело к истощению финансовой системы и диспропорциям в экономическом развитии, что пони-

зило качество жизни советских людей. Накануне Карибского кризиса в 1958–1962 гг. Министерству обороны СССР было поставлено ракетной техники ориентировочно на 6 млрд руб., но эти затраты не учитывают вложения в создание дополнительных производственных мощностей, научные исследования, строительство полигонов и воинских частей для ракетчиков, жилищного строительства для работников оборонно-промышленного комплекса и другие расходы. Эти затраты в сумме были сопоставимы со стоимостью закупленной военными ракетной техники. Фактически государственный бюджет платил дважды: первый раз – когда создавал производственные мощности и условия для производства ракет, второй – во время закупки готовых ракет для Министерства обороны СССР. В этом отношении ракетный проект в условиях плановой экономики обходился дороже, так как отсутствовали частные инвесторы. В США бюд-

жет оплачивал прежде всего стоимость ракетной техники, а не всю совокупность затрат на подготовку производства, так как оборудование американских предприятий покупалось на их средства и могло использоваться для производства не только ракетной, но и гражданской продукции, т.е. цена оборудования не обязательно полностью включалась в стоимость поставленных ракет. Получается, что в экономическом отношении США было легче вести «гонку» вооружений. Однако объективно это соревнование должно было привести к росту угрозы военного конфликта, что и произошло в октябре 1962 г., когда мир оказался на грани ядерной войны. Финансирование военных разработок само по себе не является фактором, способствующим миру, для поддержания которого необходимы политическая воля, дипломатические усилия и разумная оценка международной ситуации и перспектив мировой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Задача особой государственной важности: из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 г.) : сб. док. / сост. В.И. Ивкин, Г.А. Сухина. М. : РОССПЭН, 2010. 1207 с.
2. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы) / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М. : ИРИ РАН, 2006. 704 с.
3. Хрущев С.Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М. : Время, 2010. 576 с.
4. Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971). Воспоминания : избранные фрагменты. М. : Вагриус, 1997. 512 с.
5. Бабаков А.А. Вооруженные Силы СССР после войны (1945–1986 гг.): История строительства. М. : Воениздат, 1987. 287 с.
6. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М. : Росспэн, 1996. 336 с.
7. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 84–86.
8. Николаев М.Н. Ракета против ракеты (по материалам зарубежной печати). М. : Воен. изд-во Министерства обороны СССР, 1963. 200 с.
9. Долгий путь к «Буре». М. : Вузовская книга, 1999. 109 с.
10. Глушко В.П. Развитие ракетостроения и космонавтики в СССР. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Машиностроение, 1987. 304 с.
11. Советский космос: специальное издание к 50-летию полета Юрия Гагарина / ред. С. Кудряшов. М., 2011. 719 с.
12. Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946–1964 гг. / под ред. Ю.М. Батурина. М. : РТСОфт, 2008. URL: // http://www.coldwar.ru/arms_race/iniaciava/o-meropriyatiyah-po-obespecheniyu-stroitelstva.php (дата обращения 30.12.2017).
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 298. Оп. 1. Д. 160. Л. 38.
14. Russian strategic nuclear forces / Oleg Bukharin [et al.]; ed. by Pavel Podvig; forew. by Frank von Hippel. Cambridge, Mass.; London : MIT press, 2004. XXI. 692 p.
15. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 77. Д. 801. Л. 262.
16. РГАЭ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 686. Л. 17.
17. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 78. Д. 24. Л. 3–4.
18. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 79. Д. 277. Л. 2.
19. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 79. Д. 293. Л. 9.
20. РГАЭ. Ф. 298. Оп. 1. Д. 572. Л. 36.
21. Буданов А.В. Система планирования в ракетостроительной отрасли СССР накануне Карибского кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, вып. 1. С. 105–121.
22. Собрание постановлений Правительства СССР. М, 1957. Ст. 122.
23. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 732. Л. 2–3.
24. Хрущев С.Н. Никита Хрущев. Реформатор. М. : Время, 2010. 1080 с.
25. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. 2-е изд., испр. и доп. М. : РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 622 с.
26. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. 18-е изд.: пер с англ. М. : И.Д. Вильямс, 2010. 1360 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 июня 2018 г.

Problems of Financing of the USSR Missile Production Branch on the Eve of the Caribbean Crisis

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 91–98.

DOI: 10.17223/15617793/443/12

Andrey V. Budanov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: andreybudanov@yandex.ru

Keywords: missile production; defense-industrial complex; Caribbean Crisis; financial policy; Cold War.

The article is devoted to the problems of financing of the USSR missile production branch on the eve of the Caribbean Crisis. To study the problem, the author of the article uses declassified documents that have already been published and are first introduced into scientific discourse. The methodological basis of this study is the theory of modernization because it has an essential informative and cognitive explanatory potential when studying the history of Russia of the middle of the 20th century. The analysis of the problem on the basis of declassified data and theories has allowed to introduce the new facts into scientific discourse and to draw a number of valid conclusions. In the late 1950s – early 1960s, bases of nuclear missile forces were created in the Soviet Union. Advanced mili-

tary technologies became one of the reasons of the world recognition of the Soviet Union in the status of a superpower. At the present stage, it is necessary to consider the possible negative consequences of the development of defense technologies not to repeat mistakes of the past and to avoid social and economic crises. The strengthening of military power and arms race led to financial and social problems. First of all, the development of military-industrial production and the creation of service equipment were costly. On the eve of the Caribbean Crisis, the Soviet army spent six billion rubles on missiles. These costs should be doubled: the production of missiles required new production capacities and launch sites. In fact, the absence of private investors and producers forced at first to spend money on the creation of production capacities for making ballistic missiles, and then on the purchasing of products they made. This shows the defect of the Soviet economic system in which the state was forced to pay for missiles twice. All costs were at the expense of the state and society. The high cost of implementation of the Soviet missile project led to a sharp deterioration in the social and economic situation in the country. In order to minimize the negative consequences, it was necessary to reform the system of planning and management of missile production, to organize competition between design organizations and also to refuse from producing many types of missiles and concentrate financial reserves on the creation of the most perspective systems. Nevertheless, the considerable expenses and efforts allowed building a nuclear-missile shield in the country, which strengthened the defence capability of the Soviet Union. During the Caribbean Crisis, the USA realized the impossibility of a victory over the USSR in a nuclear war, which forced them to abandon an aggressive foreign policy concerning the Soviet block, which led to an easing of the international tension.

REFERENCES

1. Ivkin, V.I. & Sukhina, G.A. (2010) *Zadacha osoboy gosudarstvennoy vazhnosti: iz istorii sozdaniya raketno-yadernogo oruzhiya i Raketnykh voysk strategicheskogo naznacheniya (1945–1959 g.): sb. dok.* [The task of special state importance: from the history of the creation of nuclear missile weapons and the Strategic Missile Forces (1945–1959): Documents]. Moscow: ROSSPEN.
2. Bystrova, I.V. (2006) *Sovetskiy voenno-promyshlennyy kompleks: problemy stanovleniya i razvitiya (1930–1980-e gody)* [Soviet military-industrial complex: problems of formation and development (1930s–1980s)]. Moscow: IRH RAS.
3. Khrushchev, S.N. (2010) *Nikita Khrushchev. Rozhdenie sverkhderzhavy* [Nikita Khrushchev. The birth of a superpower]. Moscow: Vremya.
4. Khrushchev, N.S. (1997) *Khrushchev Nikita Sergeevich (1894–1971). Vospominaniya: izbrannye fragmenty* [Nikita Khrushchev (1894–1971). Memories: selected fragments]. Moscow: Vagrius.
5. Babakov, A.A. (1987) *Vooruzhennye Sily SSSR posle voyny (1945–1986 gg.): Istoriya stroitel'stva* [USSR Armed Forces after the War (1945–1986): Construction History]. Moscow: Voenizdat.
6. Simonov, N.S. (1996) *Voенно-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravleniye* [The USSR military industrial complex in the 1920s–1950s: economic growth rates, structure, production organization and management]. Moscow: Rosspen.
7. Khrushchev, N.S. (1995) *Memuary Nikity Sergeevicha Khrushcheva* [Memoirs of Nikita Khrushchev]. *Voprosy istorii*. 5–6. pp. 84–86.
8. Nikolaev, M.N. (1963) *Raketa protiv rakety (po materialam zarubezhnoy pechati)* [A missile against a missile (based on materials of the foreign press)]. Moscow: Voen. Izd-vo Ministerstva oborony SSSR.
9. Evtif'ev, M.D. (1999) *Dolgiy put' k "Bure"* [A long way to the Burya] Moscow: Vuzovskaya kniga.
10. Glushko, V.P. (1987) *Razvitiye raketostroeniya i kosmonavtiki v SSSR* [Development of rocket engineering and cosmonautics in the USSR]. 3rd ed. Moscow: Mashinostroenie.
11. Kudryashov, S. (ed.) (2011) *Sovetskiy kosmos: spetsial'noe izdanie k 50-letiyu poleta Yuriya Gagarina* [Soviet space: a special edition for the 50th anniversary of the flight of Yuri Gagarin]. Moscow: [s.n.].
12. Baturin, Yu.M. (ed.) (2008) *Sovetskaya kosmicheskaya initsiativa v gosudarstvennykh dokumentakh. 1946–1964 gg.* [Soviet space initiative in government documents. 1946–1964]. Moscow: RTSoft, [Online] Available from: http://www.coldwar.ru/arms_race/iniciativa/o-meropriyatiyah-po-obespecheniyu-stroitelstva.php. (Accessed 30.12.2017).
13. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 298. List 1. File 160. Page 38. (In Russian).
14. Podvig, P. (ed.) (2004) *Russian strategic nuclear forces*. Cambridge, Mass.; London: MIT Press.
15. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 77. File 801. Page 262. (In Russian).
16. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 298. List 1. File 686. Page 17. (In Russian).
17. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 78 File 24. Pages 3–4. (In Russian).
18. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372 List 79. File 277. Page 2. (In Russian).
19. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 79. File 293. Page 9. (In Russian).
20. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 298. List 1. File 572. Page 36. (In Russian).
21. Budanov, A.V. (2018) Planning system in the field of rocket engineering in the USSR before the Caribbean Crisis. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya – Vestnik of St. Petersburg University. History*. 63 (1). pp. 105–121. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.107
22. USSR. (1957) *Sobranie postanovleniy Pravitel'stva SSSR* [Collection of Laws of the USSR]. Art. 122. Moscow: Gospolitizdat.
23. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 77. File 732. Pages 2–3. (In Russian).
24. Khrushchev, S.N. (2010) *Nikita Khrushchev. Reformator* [Nikita Khrushchev. A reformer]. Moscow: Vremya.
25. Aksyutin, Yu.V. (2010) *Khrushchevskaya "ottepel'" i obshchestvennyye nastroyeniya v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev's "thaw" and public sentiment in the USSR in 1953–1964]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN; Fond "Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina".
26. Samuelson, P. & Nordhaus, V. (2010) *Ekonomika* [Economics]. 18th ed. Translated from English by O.L. Pelyavskiy. Moscow: I.D. Vil'yams.

Received: 27 June 2018

ТРАДИЦИОННАЯ И НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ: ВЗГЛЯД СПЕЦИАЛИСТОВ

На основании анкетирования специалистов по исторической демографии из 11 городов России, проведенного авторами в 2017 г., получены ответы, которые дают возможность увидеть состояние и уровень развития современной исторической демографии в России, а также смысл и содержание такого понятия, как «новая историческая демография». Анализ ответов подтвердил сделанный ранее вывод авторов о становлении в России такого научного направления, как «новая историческая демография».

Ключевые слова: историческая демография; новая историческая демография; методы исследования; анкеты; Россия.

Сегодняшние успехи исторической демографии в России в значительной степени связаны с расширением методологического и методического арсенала исторической науки, начавшегося в 1990-х гг. Марксизм, долгое время являвшийся единственной методологической основой практически всех научных работ, отходит в это время на второй план. Произошло восстановление альтернативных методологий и обращение исследователей как к весьма разнообразному опыту дореволюционной российской историографии, так и к методологическим и методическим изысканиям историографии зарубежной. Эти изменения, совпавшие с быстрой информатизацией и компьютеризацией научных исследований, дали эффект резонанса и привели к возникновению и быстрому развитию исторической информатики в России, а также резким изменениям в объекте исследования и методах исторической демографии.

Перенос центра тяжести с макроисследований на мезо- и микроуровень дал толчок развитию региональной источниковой базы и укреплению, а в ряде мест формированию научных коллективов, ее изучающих. Проведенное ранее исследование традиций и тенденций развития отечественных центров исторической демографии приводит к постановке цели настоящей статьи, которую можно обозначить как выявление и анализ представления исследователей различных региональных центров России, работающих в поле исторической демографии, о сути исторической демографии современной России и основных векторах ее развития. Статья завершает цикл наших публикаций о становлении «новой исторической демографии» в России [1–5]. Анализ историографических традиций и тенденций развития отечественных региональных центров, работающих в области исторической демографии, привел нас, в частности, к заключению, что методологический импульс начала 1990-х гг. стал одним из важных факторов развития исторической демографии в России в «горизонтальной» плоскости с формированием региональных научных школ.

Увеличение количества региональных научных центров в России и рост их научно-образовательного уровня привели к существенной коррекции традиционной для советской науки «вертикальной» структуры, когда основная часть научной продукции производится в столице и нескольких крупных городах. В результате постепенно складывается структура с

большим количеством региональных центров развития науки. Учитывая продолжающееся развитие традиционной для России исторической демографии, к таким центрам, определяющим вектор развития, можно отнести Барнаул, Екатеринбург, Москву, Новосибирск, Петрозаводск, Санкт-Петербург, Тамбов, Ярославль и ряд других городов.

Учитывая обширную географию, можно говорить о существующих различиях в направлениях работы региональных коллективов, достаточно отчетливо заметных на историографическом поле. С одной стороны, эти отличия обусловлены различной специализацией исследователей (в этом направлении работают историки, демографы и пр.) и коллективов (имеет значение тематика, хронология работ), с другой – используемыми источниковой базой (массовые первоисточники, агрегированные материалы), методами и технологиями исследований и пр. В силу этого у исследователей складывается разное понимание особенностей и векторов развития исторической демографии.

В основе настоящей работы лежат материалы анкетирования, проведенного авторами в 2017 г. Анкетирование по проблемам российской исторической демографии проводилось среди отечественных специалистов. К сожалению, по ряду причин ответы были получены далеко не от всех, мы располагаем ответами только от 17 участников. Тем не менее, исходя из географии присланных анкет и квалификации опрошенных специалистов, мы считаем возможным использовать эти ответы для того, чтобы получить общее представление о проблемах и перспективах российской исторической демографии. Из 17 ответов 4 были получены из Барнаула, 3 – из Тамбова, 2 – из Екатеринбурга и по одному – из Москвы, Омска, Перми, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Сочи и Ельца. Всего, таким образом, было представлено 11 городов различных регионов России. Все полученные анкеты хранятся на кафедре документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета.

Среди участников анкетирования 10 человек имеют степень доктора наук (из них 1 человек – доктор социологических наук и кандидат исторических, а также 9 докторов исторических наук), остальные являются кандидатами исторических наук (Алт ГУ).

Участники являются представителями государственных университетов и академических институтов,

один опрошенный работает в государственном учреждении управления и имеет прямое отношение к проблемам демографии. Стаж работы в сфере исторической демографии был указан от 3–4 до более 35 лет. В целом состав респондентов представляется весьма квалифицированным.

Всего в анкету было включено шесть вопросов, подразумевающих развернутые ответы:

1. В чем, на Ваш взгляд, заключаются суть и отличительные черты отечественной исторической демографии в настоящее время?

2. Существует ли в России такое явление, как «новая историческая демография»? Если да, то какой смысл Вы в него вкладываете?

3. Какая тематика и проблематика является, на Ваш взгляд, наиболее актуальной и востребованной в современной российской исторической демографии?

4. Является ли «регионализация» российской исторической демографии ее сегодняшней отличительной чертой? Назовите, пожалуйста, известные Вам региональные центры исторической демографии и достижения, являющиеся «визитной карточкой» каждого из названных Вами центров.

5. Отличается ли уровень развития современной отечественной исторической демографии от уровня развития ее зарубежных аналогов, и если да, то чем конкретно определяются эти отличия?

6. Каковы, на Ваш взгляд, основные векторы развития отечественной исторической демографии и ее перспективы?

Отметим наиболее значимые моменты ответов на поставленные нами вопросы.

1. Суть и отличительные черты отечественной исторической демографии в настоящее время.

При ответе на этот вопрос респонденты остановились на двух основных моментах. Во-первых, это характеристика состояния отечественной исторической демографии на современном этапе; во-вторых, анализ исторической демографии в России как научного направления, ее содержательной части.

Что касается первой части, то здесь ответы оказались довольно противоречивыми. Часть респондентов (5 человек) отметила низкий уровень современных научных кадров и подготовки квалифицированных специалистов. Прямо говорилось о том, что те, кто занимается исторической демографией на современном этапе или претендует на то, чтобы называться специалистом в этой области, не владеют в должной мере методами демографии и статистики, технологиями выявления, обработки и анализа массовых источников, математическими методами при работе с данными. Так, по словам зав. сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, д-ра ист. наук В.А. Исупова, недостаточно развит математический аппарат, историки вообще не умеют им пользоваться.

Были отмечены также слабое сотрудничество и координация специалистов. Например, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, д-ра ист. наук Ю.М. Гончаров отметил «отсутствие регулярных семинаров, конференций, нет специального обще-

российского журнала, который мог бы стать организационным центром по развитию данной проблематики». Достаточно критично об исторической демографии в России высказался начальник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета, д-ра социол. наук К.В. Григоричев: «На мой взгляд, современная российская историческая демография пока отсутствует как сложившаяся отрасль научного знания, она находится по-прежнему в процессе формирования, в поисках корректного научного языка и подходов». Он отметил далее, что историки некорректно используют или совсем не понимают методы демографии, а представители социологии, географии и других «неисторических» наук не всегда ясно понимают специфику работы с историческими источниками. Отметим, что исследовательский стаж по исторической демографии среди участников, имеющих подобное, достаточно негативное мнение, составляет от 9 до 37 лет.

Говоря о соотношении поколений исследователей в области исторической демографии, можно привести ответ доцента кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета, канд. ист. наук В.Л. Дьячкова, который отражает общую тенденцию взглядов респондентов, имеющих схожие ответы: «Главная нынешняя проблема отечественной исторической демографии как части общего гуманитарного знания – критическое снижение количества и качества научных кадров молодого и уже среднего возраста, выражающееся в деградации необходимых научных способностей и подготовки исполнителя (от методологической «невинности» до отсутствия должной общей и специальной эрудиции). Как следствие – и неумение увидеть и поставить исследовательскую проблему, и невозможность ее решить (если она, все-таки, верно сформулирована «взрослыми») из-за нехватки и бессистемности естественно-научных и гуманитарных знаний».

Противоположная точка зрения была выражена в ответах менее категорично, при этом ее придерживаются респонденты, имеющие в основном меньший по сравнению с первой группой опыт работы в исторической демографии (примерно от 3 до 15 лет). По их мнению, современная историческая демография в России выходит (или уже вышла) на новый уровень развития благодаря более активному международному сотрудничеству исследователей, вхождению и активному развитию в русле мировой исторической демографии. Отмечаются положительное влияние применения новых методов и технологий, междисциплинарность историко-демографических исследований, заимствование зарубежного опыта.

Примерно половина опрошенных высказали мнение по второй части вопроса. На основе анализа и обобщения их ответов были выделены следующие характерные черты исторической демографии как научного направления в России на современном этапе:

- междисциплинарность исследований;
- заимствование зарубежных методов, подходов, технологий, теоретических разработок;
- новый подход, взгляд на работу с источниками;

- обновление источниковой базы;
- активное внедрение информационных технологий в работу с источниками и в исследования в целом; выход из изоляции, освоение западноевропейских и американских исследовательских площадок (профессор кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета, д-ра ист. наук. Е.М. Главацкая называет, например, ESSHC (European Social Science History Conference) с ее сетями: Family History and Demography и GIS; SSHA (The Social Science History Association) в рамках той же сети Family History and Demography);

- появление новых направлений, обогащение исследовательского поля, с одной стороны, и сокращение исследований по некоторым прежним направлениям – с другой. Так, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета, д-ра ист. наук В.В. Канищев указал на «очень заметное сокращение исследований по демографическим процессам конца XV – начала XVII вв. на фоне трехтомной “Аграрной истории Северо-Запада России”, сокращение внимания к изучению численности и социально-сословного населения России по документам ревизского учета».

2. Существует ли в России такое явление, как «новая историческая демография»? Если да, то какой смысл Вы в него вкладываете?

На этот вопрос положительно ответили 15 человек, один ответ отрицательный, одному участнику этот термин незнаком. Из ответивших положительно два респондента считают, что на данном этапе в России происходит только становление «новой исторической демографии». Один из участников отметил, что сформирована новая исследовательская стратегия.

Под новой исторической демографией большинство респондентов подразумевают направление, которое характеризуется следующими основными чертами:

1. Новыми методами, технологиями, подходами, в том числе заимствованными из-за рубежа. Несомненной чертой новой исторической демографии называются информационные технологии, количественные и математические методы, которые, в свою очередь, дают колоссальные возможности для расширения сфер их применения (работа с источниками, данными, моделирование, проектирование, создание баз данных (БД) непрерывных длительных линий жизненной статистики, социографической информации, технологии BIGdata, ГИС и т.п.).

2. Открытостью исследований, проектов, баз данных и других продуктов, созданных в рамках новых историко-демографических исследований. С этой точки зрения интересным и показательным был ответ уже упоминавшейся Е.М. Главацкой: «Новизна и в том, что БД попадают в открытый доступ и могут быть использованы разными исследовательскими центрами, ставящими различные задачи. До этого на протяжении десятилетий каждый исследователь создавал свою БД, сам ее использовал и никому не передавал, как тот царь Кашей, чахнувший над золотом в Лукоморье Пушкина. Сколько таких БД кануло в лету? – Не счесть им числа и имя им легион. То есть

вторая черта “новой ИД” по сравнению со “старой” – ее большая открытость».

В свою очередь, открытость привела к появлению совместных международных исследований, что также называется неотъемлемой частью понятия «новая историческая демография». Например, доцент кафедры истории и археологии Елецкого государственного университета, канд. ист. наук Н.А. Жиров в своем ответе отмечает, что «совместные проекты российских и зарубежных ученых демографов в 1990–2000-х гг. дали новый импульс в микродемографических исследованиях». Углубление микроисторических эпизодов в современных исследованиях он также называет отличительной чертой новой исторической демографии.

3. Междисциплинарностью исследований, в том числе взглядом на историческую демографию как часть социальной истории.

4. Обращением к массовым первичным источникам. Как отметила начальник контрольного отдела секретариата Губернатора Алтайского края канд. ист. наук Е.В. Тарасова, применение информационных технологий позволило качественно изменить подход к источникам «Облегчился труд ученого по обработке массовых источников».

5. Изменением или расширением исследовательского поля. При этом в изменениях были отмечены и негативные моменты. Так, например, В.А. Исупов говорит о том, что увлечение актуальными и острыми проблемами, такими как «потери населения, демографические катастрофы, депортации и т.д., привело к слабой исследованности воспроизводства и экономических миграций». Расширение исследовательского поля отмечено обращением к микроисторическим эпизодам, к анализу потерь населения, демографических катастроф, динамике систем расселения и структуры населения, депортаций, выявлению демографических процессов, факторов воздействия на систему территориальных связей социумов на разных этапах развития и т.п.

3. Какая тематика и проблематика является, на Ваш взгляд, наиболее актуальной и востребованной в современной российской исторической демографии?

По данному вопросу высказались практически все. Большинство респондентов считает актуальной и востребованной ту тематику, в рамках которой находятся его исследования. Вместе с тем Н.А. Жиров и начальник отдела содействия трудоустройству выпускников АлтГУ д-ра ист. наук М.Е. Чибисов отметили, что с использованием современных методов, технологий и при профессиональном подходе любая тематика может стать таковой.

По-прежнему остаются востребованными традиционные демографические темы, проблемы и вопросы: изучение рождаемости, брачности, смертности, миграций, структуры населения. Как отметила Е.М. Главацкая, «не думаю, что мы хоть одну из них освоили на уровне мировой академической традиции». Также участниками была обозначена тематика, связанная с демографическим поведением, демографическими катастрофами и их последствиями. В ка-

честве относительно новой тематики, но не имеющей широкого распространения, назывались проблемы демографического развития семьи, демографические особенности сословий, социальных страт, а также особенности и специфика демографического развития того или иного региона, населенного пункта или общества.

Отдельную группу составили такие проблемы, как изучение зарубежной историографии по новой исторической демографии, источниковедческие проблемы, совершенствование методов и технологий исследования.

4. Является ли «регионализация» российской исторической демографии ее сегодняшней отличительной чертой? Назовите, пожалуйста, известные Вам региональные центры исторической демографии и достижения, являющиеся «визитной карточкой» каждого из названных Вами центров.

С тем, что регионализация – это отличительная черта российской исторической демографии на сегодняшний день, согласны все респонденты. Они отмечают, что в силу многих факторов (особенности источниковой базы, масштабы страны, традиции исторической науки в целом) регионализация является естественным путем развития не только исторической демографии, но и исторической науки. Интересное наблюдение содержится в ответе зав. кафедрой документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета, д-ра ист. наук Л.Н. Мазур: «...именно региональные центры, в первую очередь, становятся агентами новой исторической демографии. Может быть потому, что влияние традиции и научных школ здесь меньше, и они более открыты новым веяниям, идеям. Региональные центры более мобильны в тематическом и технологическом плане. Кроме того, играет роль источниковый фактор, так как в центральных архивах слабо представлены номинативные источники (первичные массовые данные демографического учета). Они хранятся преимущественно, в региональных архивах и потому доступны на местах».

По второй части вопроса было названо более 15 центров, хотя участники и отметили, что во многих городах центрами их можно назвать условно, так как они представлены единичными исследователями. Практически все респонденты сходятся во мнении, что полноценными центрами можно назвать Московский, Санкт-Петербургский, Уральский, Алтайский, Тамбовский университеты и Институт истории СО РАН. Что касается «визитных карточек» центров, то не все участники дали ответ на этот вопрос, хотя по шести вышеуказанным центрам ответы все же были. При этом Москву и Санкт-Петербург некоторые вполне справедливо не относят именно к региональным центрам.

– Московский университет. Профессор кафедры новейшей истории Пермского государственного национального исследовательского университета, д-ра ист. наук С.И. Корниенко называет в качестве «визитной карточки» этого университета «исследование демографических процессов методами матмоделирования в рамках концепции «мир-системы»»;

– Санкт-Петербургский университет. Здесь отдельно отмечают исследования д-ра ист. наук Б.Н. Миронова и коллектива во главе с д-ра ист. наук С.Г. Кащенко. Упомянуты такие темы и направления, как крестьянство северо-запада России в пореформенный период, демографические особенности и социальный состав русского населения Финляндии по материалам переписи 1897 г.; историческая демография Северо-Запада России конца XVIII – начала XX в.; демографические аспекты крестьянской реформы 1861 г. На основе создания баз данных и применения количественных методов анализа изучаются материалы церковной и иных форм статистики имперского периода (метрических книг, клировых ведомостей, ревизских сказок и т.д.). Проведен сравнительно-региональный анализ демографических процессов на Северо-Западе России в XIX в.;

– Уральский федеральный университет – это этно-религиозные, демографические и миграционные процессы на Урале в XIX в., трансформация модели семьи и домохозяйства в XIX–XX вв. Как отмечает Е.М. Главацкая, «создана лаборатория с зарубежным историческим демографом в штате для осуществления прорыва. Вероятно, в конце концов, мы будем ассоциироваться с созданием БД по городским метрическим книгам, ревизским сказкам и советским переписям и тем, что львиная доля наших работ связана с религиозными и этническими характеристиками населения». Упомянуты также социодемографический анализ населения Среднего и Южного Урала в XX в. и демография современной российской деревни.

– Алтайский государственный университет – это демографические процессы на Алтае по материалам метрических книг, историческое профессиоведение; обращения к номинативу, открытие первичных материалов и создание БД по переписи 1897 г., прорыв в использовании GIS; интенсивное методологическое освоение новых информационных технологий историко-демографических исследований, а также внимание к семейной демографии, демографическим процессам в городах дореволюционной Сибири; специальные исследования миграционных процессов; широкий спектр клиометрических исследований, связанных с изменением системы расселения, структуры населения Алтайского края.

– Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина ассоциируется с исследованиями в области социальной истории; работой с метрическими книгами и изучением демографии сельского населения; созданием непрерывных длительных линий движения популяций различных уровней, формированием на их основе электронной БД, связанной социодемографической информации и открытием в ходе этой работы указанных ритмов (циклов) как выхода на новый уровень понимания пружин, путей и исходов движения традиционных и переходных популяций; современными информационными технологиями в изучении социально-демографического развития населения Центрального Черноземья; моделированием историко-демографических процессов и изучением материалов устной истории демографического поведения конкретных людей. По словам доцента кафедры

всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета, д-ра ист. наук С.К. Лямина, в университетском Центре фрактального моделирования социальных и политических процессов «накоплен большой опыт по исследованию «демографических стратегий» в российской истории средствами фрактального моделирования».

– Институт истории СО РАН характеризуется прежде всего как центр традиционных историко-демографических исследований, куда входят изучение демографии крестьянской семьи в дореволюционной Сибири, а также исследования демографических последствий войн и революций XX в. в регионе; социодемографический анализ населения Сибирского региона, большей частью XX в.); факторы демографического кризиса постсоветского периода, включение в социологические исследования разделов, связанных с анализом изменения структуры населения, участие в проведении этнологических экспертиз.

5. Отличается ли уровень развития современной отечественной исторической демографии от уровня развития ее зарубежных аналогов, и если да, то чем конкретно определяются эти отличия?

Почти все респонденты, которые дали ответ на этот вопрос, ответили, что отличия в той или иной степени есть, один участник считает, что на современном этапе уровни развития современной и зарубежной исторической демографии более ли менее сравнялись. Три человека не ответили на вопрос.

Главной характеристикой отечественной исторической демографии, которая прослеживается практически во всех ответах, является ее «отстающий и догоняющий» характер по всем параметрам. Далее участники называют существенные отличия, которые можно считать факторами, приведшими к отставанию.

Прежде всего, это касается сферы подготовки квалифицированных специалистов, начиная со студенческой скамьи. Речь идет и о преподавании самой дисциплины, которая отсутствует как таковая в большинстве учебных планов, и об обучении методам и технологиям работы с источниками и данными. Как заметил Ю.М. Гончаров, «источниковедческая и методологическая подготовка современных российских историков нередко оставляет желать лучшего... Отсутствие системы подготовки кадров исследователей, слабая координация научных исследований, отсутствие (слабое развитие) научно-организационных центров, нередко слабое знакомство российских исследователей с новейшими методиками и технологиями исследований, зарубежными публикациями негативно сказывается на уровне отечественных исследований». Большинство исследователей, молодых специалистов (не говоря уже о студентах) не имеют возможности знакомиться на практике с зарубежным опытом, налаживать связи и непосредственно контактировать с иностранными коллегами. Как отметила Е.М. Главацкая, «их молодые демографы последовательно проходят несколько международных школ по исторической демографии и снимают сливки знаний, у нас нет такой сети, и не всегда есть возможность отправить студентов на обучение к ним. Они ездят учиться и отправляют студентов на международные

конференции – просто послушать доклады, поговорить с коллегами, проконсультироваться; мы можем поехать только с докладом, что сразу резко ограничивает возможности участия студентов, редкий из которых может самостоятельно подготовить и представить доклад уровня SSHA или ESSHC».

В тесной взаимосвязи с проблемой подготовки специалистов отмечается и такое отличие, как отсутствие профессиональной отечественной сети по исторической демографии, часть специалистов говорят и об отсутствии в России устоявшихся школ и образовательных традиций в этой сфере. Это в свою очередь усиливает регионализацию исследований и малодоступность проектов и разработок для широкого применения с возможностью выхода хотя бы на общероссийский уровень.

Еще одно очень существенное отличие, по мнению участников анкетирования, заключается в особенностях источниковой базы. Здесь выделяется несколько аспектов. Во-первых, степень сохранности необходимых источников и их территориальная распределенность в России существенно ограничивают возможности многих исследований. Во-вторых, условия доступа исследователей к источникам в отечественных архивах, когда, по словам Е.М. Главацкой, «мы бодаемся с архивами за каждую метрическую книгу», не способствуют улучшению источниковой базы и ее широкому использованию на общероссийском уровне в оцифрованном виде. Еще одним немаловажным аспектом, отмеченным доцентом кафедры документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета, канд. ист. наук Е.А. Брюхановой, является то, что имеющиеся исторические источники с персональными данными, переведенные в электронный вид, не имеют единообразия, а базы данных даже по одному источнику могут оказаться несопоставимы.

Следующее отличие, которое можно считать и одной из главных причин отставания отечественной исторической демографии по многим параметрам от зарубежной, – это финансирование научных исследований и образования в целом. «Требуются серьезные временные и финансовые затраты на выполнение средне- и долгосрочных научных проектов. В РФ за последние 25 лет финансовых источников для выполнения этих работ, как правило, нет, а нищета современных исследователей не позволяет эти работы проводить за свой счет», – отметил в одном из ответов и.о. Лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра РАН, д-ра ист. наук А.Н. Садовой. Подобного мнения придерживается и профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, д-ра ист. наук М.К. Чуркин. В своем ответе он указал на то, что финансовая поддержка зарубежных исследований (в США, Великобритании, Нидерландах) позволила более интенсивно внедрять информационные технологии, а это, в свою очередь, сделало более доступными первичные источники, особенно для одновременной работы с ними. В целом, по его мнению, «отсутствие идеологических препятствий и интенсивность внедрения новых информационных технологий, безусловно,

предоставило западной исторической науке фору в реализации историко-демографических исследований».

Среди других отличий было названо преобладание фактографических исследований в отечественной исторической демографии, что также обусловлено всеми факторами, перечисленными выше.

Однако не все участники считают уровень развития отечественной исторической демографии ниже зарубежного. По мнению В.Л. Дьячкова, в лице своих лучших представителей отечественная историческая демография явно выше зарубежной в методологическом отношении и не слабее в методическом (инструментальном). Заведующий кафедрой источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета, д-ра ист. наук С.Г. Кащенко также отмечает, что западные коллеги не учитывают ряд тонкостей в работе с источниками, поэтому предлагаемая ими методика не всегда является идеальной.

6. Каковы, на Ваш взгляд, основные векторы развития отечественной исторической демографии и ее перспективы?

Векторы развития и перспективы отечественной исторической демографии участники анкетирования определили, в основном, исходя из своего опыта историко-демографических исследований, тематики и тех аспектов, про которые они говорили в ответах на предыдущие вопросы. При этом далеко не все выделили векторы и перспективы, дав один общий ответ относительно будущего исторической демографии в России. Три человека ответ на вопрос не дали.

Векторами развития отечественной исторической демографии были названы (насколько возможно было это выделить в ответах):

- сочетание новых и старых методов;
- расширение источниковой базы;
- увеличение возможностей уже изученных материалов (источников);
- продолжение традиционных историко-демографических исследований;
- усиление междисциплинарности. В частности, доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, канд. ист. наук И.Г. Силина отметила: «Перспективы видятся в привлечении

профессиональных демографов, картографов, а также в расширении хронологических рамок исследований».

Что касается тематики исследований, то было отмечено сохранение интереса к демографическим последствиям войн, революций, социальных реформ XX в., историко-демографическим проблемам конца XIX – начала XX вв., особенно периода Первой мировой и Гражданской войн, изучение демографических последствий голода 1932–1933 и 1946–1947 гг., анализ тенденций воспроизводства населения в 1950-, 1960-, 1970-е гг., анализ социодемографического тренда периода перестройки и ельцинских реформ, анализ воспроизводства и миграций населения России в годы Второй мировой войны. Также было указано на смещение акцентов с изучения динамики населения на внутренние факторы, определяющие содержание демографического поведения.

Не менее трех человек отметили, что перспективной должно стать создание различных форм кооперации и взаимодействия исследователей на различных уровнях, начиная со студентов и заканчивая профессорами и академиками. Такими формами могут и должны стать профессиональные сети, ассоциация, регулярные конференции, конгрессы, школы, журналы. Необходимо включать информационные продукты, создаваемые в рамках исследований, в общее научное поле. Должна быть налажена и развиваться кооперация между региональными научными центрами. С этой точки зрения в качестве важного вектора обозначено формирование научных школ.

По мнению респондентов, необходимо создавать базы данных и другие информационные продукты общероссийского уровня, обеспечив при этом широкий общий доступ к ним. Ну, и конечно же, одной из главнейших перспектив должна стать подготовка высококвалифицированных специалистов с соответствующим уровнем заработной платы и финансированием научных исследований. С этими выводами трудно не согласиться.

Подводя общий итог, отметим, что анкета в целом подтвердила сделанный нами ранее вывод о складывании в России такого научного направления, как «новая историческая демография».

Авторы статьи выражают глубокую благодарность всем специалистам, принявшим участие в анкетировании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинина А.С. К истокам «новой исторической демографии»: от формы к содержанию // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4–2 (88). С. 38–42.
2. Щетинина А.С. Историческая демография за рубежом на современном этапе: методы, источники и основные направления // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4–2 (88). С. 260–263.
3. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинина А.С., «New Historical Demography» in Russia: evolution or a leap? // Poland's Demographic Past (Przeszłość Demograficzna Polski). 2016. № 1 (38). P. 7–27.
4. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Щетинина А.С. «Новая историческая демография» в России: эволюция или скачок в развитии? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. № 3 (18). С. 29–53.
5. Щетинина А.С. Новая историческая демография за рубежом. Краткий историографический обзор // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2 (90). С. 181–184.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 ноября 2018 г.

Traditional and New Historical Demography: An Expert View

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 99–105.

DOI: 10.17223/15617793/443/13

Vladimir N. Vladimirov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vvladimirov@icloud.com

Dmitriy E. Sarafanov, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: d_sarafanov@mail.ru

Anna S. Shchetinina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: anyash83@mail.ru

Keywords: historical demography; new historical demography; research methods; Russia.

The aim of this study is to identify and analyze the ideas of researchers from different regional centers of Russia on the essence of the national historical demography and the main vectors of its development on the basis of a survey the authors conducted in 2017. The questionnaire consisted of 6 questions. The first question was “What, in your opinion, is the essence and distinctive features of Russian historical demography at present?” In answering this question, the respondents highlighted two main points: (1) characteristics of the state of Russian historical demography at the present stage; (2) analysis of historical demography in Russia as a scientific direction, its content. The second question was “Is there such a phenomenon as “new historical demography” in Russia? If so, what do you think it means?” 15 people gave a positive answer to the question, one answer was negative, and one respondent was not familiar with the term. The third question was “What topics and problems do you think are the most relevant and in demand in modern Russian historical demography?” Most respondents consider the subject of their research to be relevant and urgent. Two respondents noted that any topic could become one with the use of modern methods, technologies and a professional approach. The fourth question was “Is the “regionalization” of Russian historical demography its distinctive feature today? Please name regional centers of historical demography and achievements you know which are the “visiting card” of each of the centers you have named.” Almost all the respondents note that due to many factors regionalization is a natural way of development not only of historical demography, but also of historical science. The fifth question was “Does the level of development of modern Russian historical demography differ from the level of development of its foreign analogues? If so, what determines these differences?” The respondents that answered this question said that there are some differences, one respondent believes that, at the present stage, the levels of development of modern and foreign historical demography are more or less the same. The main characteristic of Russian historical demography, which can be seen in almost all answers, is its “lagging and catching up” character. The sixth question was “What, in your opinion, are the main vectors of development of Russian historical demography and its prospects?” The respondents determined the vectors of development and prospects of Russian historical demography based on their experience of historical and demographic research, topics and aspects they mentioned in answers to previous questions. In conclusion, it can be argued that the responses to the questionnaire generally confirmed the authors’ previous conclusion about the formation of the scientific directions of a “new historical demography” in Russia.

REFERENCES

1. Vladimirov, V.N., Sarafanov, D.E. & Shchetinina, A.S. (2015) To the Beginnings of “New Historical Demography”: from the Form to the Contents. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4–2 (88). pp. 38–42. (In Russian).
2. Shchetinina, A.S. (2015) Foreign Historical Demography at the Present Stage: Methods, Sources and Basic Directions. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4–2 (88). pp. 260–263. (In Russian).
3. Vladimirov, V.N., Sarafanov, D.E. & Shchetinina, A.S. (2016) “New Historical Demography” in Russia: evolution or a leap? *Poland’s Demographic Past (Przeszłość Demograficzna Polski)*. 1 (38). pp. 7–27.
4. Vladimirov, V.N., Sarafanov, D.E. & Shchetinina, A.S. (2016) “New Historical Demography” in Russia: Evolution or a Leap in Development? *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki – Izvestia of the Ural Federal University. Series 2. Humanities and Arts*. 3 (18). pp. 29–53. (In Russian).
5. Shchetinina, A.S. (2016) New Historical Demography Abroad: a Brief Historiographical Review. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 2 (90). pp. 181–184. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-32

Received: 02 November 2018

Т.М. Димони

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДЕРЕВЕНСКИХ ДЕТЕЙ РОССИИ В 1917–1920-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕДОЛОГИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЙ)

*Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00184
«Социальная революция в советской России: предпосылки, этапы, итоги».*

Исследуются мировоззренческие установки, формируемые посредством новой идеологии у сельских детей в первое десятилетие советской власти. Основным источником анализа послужили материалы педологических обследований второй половины 1920-х гг. Вывод состоит в том, что поколение детей, родившееся в 1910–1917 гг., к середине 1920-х гг. приобрело новые ценностные установки, однако сохранило основные крестьянские архетипы в сознании. В качестве основы своего мировосприятия сельские дети провозглашали идеалы «земли и воли». Этот сплав мировоззренческих установок и стал фундаментом взглядов советского человека 1930–1940-х гг.

Ключевые слова: Россия; советский период; село; детская психология; мировоззрение; педологические обследования; трансформация.

Период 1917–1920-х гг. в Советской России был временем масштабной попытки моделирования «нового» человека, соответствовавшего основным характеристикам гражданина советского общества. В общем виде основными чертами «нового» человека должны были стать: классовое сознание, непримиримость к «старому, буржуазному» обществу, политическая активность, участие в самоуправлении обществом, демократизм (стремление к национальному и гендерному равноправию), стремление к образованию, атеизм и др. [1–7]

Основная роль в процессе создания «новой» личности, по мысли лидеров большевистского правительства, принадлежала образованию. Особая роль отводилась школе, которая практически сразу после революции 1917 г. подверглась масштабному реформированию на новых принципах. 30 сентября 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет утвердил Положение о единой трудовой школе РСФСР, которое устанавливало порядок школьной работы. Единая трудовая школа разделялась на две ступени: 1-я ступень для детей 8–12 лет включительно, 2-я ступень для детей от 12 до 17 лет [8].

Занятия в школе течение учебного года распределялись следующим образом: обычные школьные занятия с 1 сентября по 1 июня; школьные занятия под открытым небом с 1 июня по 1 июля (в форме экскурсий для знакомства детей с природой и жизнью и пр.); полные вакации (свободное от занятий время) с 1 июля по 1 сентября, с 23 декабря по 7 января и с 1 по 14 апреля [9].

Важнейшим стимулом личностного развития для сельских детей становилось посещение школы, получение образования. Тяга к знаниям формировалась у крестьян еще со второй половины XIX в. По данным Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. грамотные крестьяне составляли 17% всего сельского населения России. Среди населения в возрасте 10–19 лет грамотных было 29,1%. Уровень грамотности заметно вырос уже в начале XX в. В среднем по 12 губерниям Европейской России (Центральная и Северо-Западная часть) за период 1908–1913 гг. грамот-

ных было 24–25% общей численности сельского населения, причем по отдельным губерниям этот показатель колебался от 14,8% (Пензенская) до 41,7% (Московская) [10. С. 285–295]. Сельское население в вопросе образования сталкивалось с дилеммой возможности реального применения своих знаний. В заданной клубком противоречий российской социально-экономической системе конца XIX – начала XX вв. грамотный крестьянин был скорее обузой своему хозяйству, чем его преимуществом [11].

Ситуация с отношением к необходимости получения образования серьезно меняется к концу 1920-х гг. Стремительно модернизирующаяся экономика России требовала большого количества рабочих рук, уход же из деревни в город без получения минимальных знаний по письму и счету представлялся для крестьян мало возможным. Поэтому посещение школы и взрослыми (ликбез), и детьми, кроме четкой позиции государства, уже не противоречило рациональному крестьянскому смыслу.

По переписи населения 1926 г. в России (тогда – РСФСР) доля грамотных в возрастах от 16 до 50 лет составляла 58% всего населения, в 1930 г. – 67% [12. С. 506]. Статистика показывает нарастание количества школ и учеников в них. Так, в России в 1927/28 учебном году школы 1-й ступени посещали более 5 млн человек, в 1928/29 учебном году – более 6 млн, в 1929/30 году – более 7 млн, в 1930/31 учебном году – 9 млн 600 тыс. человек [12. С. 506].

Именно через школу и обучение в ней в Советской России происходило формирование социальных идеалов детей в плане лояльности к новому государственному строю и новой идеологии. Уже в 1919 г. в России был создан Государственный ученый совет (ГУС), который руководил разработкой обязательных учебных программ для школы. Программами ГУСа ставилась задача «пронизать» все содержание учебно-воспитательной работы школы идеями революционного преобразования мира.

В 1923/24 учебном году Наркомпросом СССР были изданы обязательные учебные программы для школ. 1917–1920-е гг. были временем экспериментов,

в том числе и в образовании. Поэтому особенностью школьных программ было то, что учебный материал не распределялся по отдельным предметам. Весь объем знаний, подлежащий изучению в школе, был дан в виде единого комплекса сведений о природе, труде и человеческом обществе [13].

Рассмотрим, как строилось обучение и общественно-политическое воспитание в школах, используя одну из школьных программ 1925–1926 гг. – программу Северо-Двинской губернии, располагавшейся на Европейском Севере России. В начале программы сообщается, что методическое бюро Северо-Двинского губернского отдела народного образования (губоно) поставило задачу «наполнить программы... местным содержанием..., облечь программный скелет живой плотью краеведческого материала». Школу методическое бюро назвало «эхом жизни местного населения» [14. С. 5]. Вот как, согласно данной программе, были организованы занятия в первые месяцы обучения в школе (сентябрь–декабрь школы 1-й ступени, первый год обучения). Сначала дети знакомились, рассказывали о себе, о семье, о занятиях летом, об игрушках. При этом попутно считали (например, членов семьи), рисовали, учили стихи. Затем все вместе ходили в лес, наблюдали за деревьями, собирали листья и шишки. Отдельным блоком шли беседы учителя о погоде, о болезнях, о гигиене. Все это совмещалось со счетом и письмом. Далее следовали беседы об уборке урожая, об огороде, о гумне и т.д. И вот, наконец, к ноябрю дети доходили до темы «Октябрьская революция». В процессе освоения данной темы учителю рекомендовалось провести с детьми беседу о том, «как изменилось положение крестьян в последнее время (в качестве исходного момента рекомендовалось использовать наиболее ощутительные в данном районе выгоды революции: переход от «владельцев» земли, особенно луговой, исчезновение полоников, изменение порядков в волости, новшества в культурно-просветительной работе в деревне и т.п.)». Затем учитель должен был дать понятие о рабоче-крестьянской власти, рассказать, когда она была установлена, сколько лет назад, в каком месяце. Все ученики должны были поразмышлять, почему революция называется Октябрьской. Далее планировались рассказы детей о том, что они слышали о революции от старших (особенно старых солдат и красноармейцев). В ходе обсуждения дети должны были решить праздновать 7 и 8 ноября, украсить школу лесным материалом, разучить стихотворения и песни. Также дети должны были приготовить плакат с именем Ленина, «эмблему СССР» (серп и молот), научиться строиться для парада. Примерно в том же ключе шла работа над еще двумя политическими темами – подготовкой к 21 января (день смерти В.И. Ленина) и к 1 мая (День международной солидарности трудящихся). Таким образом, в течение каждого триместра дети имели одно ключевое политическое событие, вокруг которого разворачивалась большая политическая, образовательная и воспитательная работа.

Закономерно встает вопрос, как же можно было замерить результаты изменений в формировании идеалов и личности школьников? Неоценимую работу в

этом направлении вела большая группа ученых педагогического и психологического профиля. Они работали в русле науки, которая называлась педологией.

Педология – направление в педагогике, ставившее своей целью применить объединенные подходы различных наук к методике развития ребенка. Считается, что у истоков педологии стояли американские исследователи начала XX в. (Г.С. Холл, Дж. Боолдуин, Э. Мейман и др.). Примерно на это же время приходится начало педологических исследований в России. Особенный подъем педологии как научная дисциплина и общественное движение пережила в СССР при поддержке правительства большевиков после революции 1917 г., в 1920-е гг. педология находилась на пике своей популярности. В школах активно внедрялось психологическое тестирование и анкетирование, в стране были созданы педологические институты. Однако к началу 1930-х гг. педологические методы стали вызывать много нареканий у власти. Ученых-педологов критиковали за «классово-неверное» ранжирование учащихся, когда в составе одаренных детей оказывалось мало представителей крестьян и рабочих. Все это привело к сворачиванию педологического эксперимента. В 1936 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпроса», которое фактически ликвидировало педологию как самостоятельную научную дисциплину [15].

Тем не менее за треть века активной работы российские педологи сделали очень много для изучения образования, обучения, детства, детских коллективов, провели психолого-педагогические замеры по разным параметрам, которые сегодня особенно интересны историкам. Российская педология вырастила целую плеяду блестящих исследователей. Среди них В.Н. Шульгин, Н.А. Рыбников, М.С. Бернштейн, А.М. Гельмонт, С.М. Ривес и др. Благодаря массово проведенным педологическим опросам и их выводам современные историки могут судить об изменениях в сознании детей, происходящих под влиянием социально-политических и экономических перемен. Методика проведения данных обследований в течение первой трети XX в. менялась мало, что дает нам преимущество в возможности провести сравнение данных обследований на длительном хронологическом отрезке.

В качестве исходного уровня замеров и сравнений изберем довоенный 1913 г. Вот, например, как описаны общественные идеалы в детских ответах на вопросы учителя начальной земской сельской школы Рязанской губернии Голицына. Детей спрашивали, кем они планируют стать, когда вырастут; на кого они хотят быть похожими; что они любят читать, кого считают хорошим человеком и т.д. Основная часть учеников ответила, что в будущем они планируют стать земледельцем. Среди идеалов дети в абсолютном большинстве назвали учителя, несколько человек назвали отца и родителей, также были ответы про Петра Великого, Александра I, князя Святослава, офицера, старшину, и просто «на умного и хорошего». Читательские интересы детей сосредоточились на сказках, рассказах о животных, рассказах о войне, книгах по земледелию.

Среди любимых книжных героев были названы Илья Муромец и Ермак. И, наконец, на вопрос «Кого я считаю хорошим человеком» основная часть учеников ответили об учителе, кроме того называли священника, студента, родных и соседей [16]. Таким образом, дореволюционное состояние социальных идеалов сельских детей соответствовало крестьянскому мировосприятию и мирознанию. Кругозор детей был невелик, они были сосредоточены на мире своей деревни, на семье, основном семейном занятии – земледельческом труде. Довольно большое место в детских идеалах занимал учитель, что тоже довольно типично – у крестьян сложилось уважение к «грамотеям». В то же время присутствовало среди идеалов типичное для «наивно-манархических» настроений крестьянства уважение к царствующим особам и даже к древнерусским князьям.

Материалы педологических обследований 1920-х гг. позволяют представить эволюцию социально-экономических представлений и политических идеалов деревенского школьника. Описание обследований идеологических представлений деревенского школьника конца 1920-х гг. представлено целым рядом публикаций [17, 18, 19]. Обследования проводились очень массово. Так, в педологическом анкетировании конца 1920-х гг. приняли участие 120 тыс. ребят, которые дали 1,5 млн ответов на вопросы [19]. Исследованию были подвергнуты учащиеся школ первой и второй ступени следующих областей и губерний: Астраханской области, Дальневосточной ССР, Дагестанской ССР, Северо-Кавказского края, Костромской, Московской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Псковской, Саратовской, Самарской областей, Сибирского края, Тамбовской, Тверской, Тульской, Уральской областей, Украинской ССР, Чувашской ССР и Ярославской области [20. С. 20]. В обследовании участвовали как городские, так и деревенские школьники (около 66% городских и 34% деревенских). Опрошенные деревенские дети были жителями довольно крупных селений. Основную часть опрошенных составляли школьники первой ступени [20. С. 20]. По типу обследования это были письменные ответы детей на вопросы о событиях реальной действительности. Опросы были разными по тематике. Например, при выяснении политических предпочтений ребенка задавались следующие вопросы: об отношении к Октябрьской революции, об отношении к советской власти, к советскому строительству, об отношениях между СССР и другими странами, об отношениях в семье, отношении к труду, к школе, отношениях рабочих и крестьян, отношении к религии [17. С. 12].

Количество анкет деревенских детей, полученных в ходе обследования 1927 г. по теме «Советская власть и крестьянство в представлениях детей», составило 6 085 единиц. Около 2/3 опрошенных детей были горожанами (3 966 чел.) и 1/3 – деревенскими детьми (2 079 чел.) [21. С. 95].

Говоря о степени открытости деревенских детей, педологи отметили, что деревенский школьник давал более «обильную» речевую реакцию при ответах на вопросы. Если городской школьник давал в среднем

1,6 ответов на каждый вопрос, то деревенский ребенок – 2,2. Исследователи объяснили это степенью близости вопросов детям определенной социально-бытовой среды, т.е. деревенский ребенок был более равнодушен к происходившему вокруг него [21. С. 97].

По итогам обработки анкет педологи выявили значимые пункты социально-политического портрета деревенского школьника. В частности, Н.А. Рыбников сделал вывод, что крестьянский ребенок достаточно умело ориентируется в явлениях политического характера, испытывает к этим вопросам большой («жгучий») интерес.

В качестве главного критерия уровня политического сознания педологами использовались, конечно, рассуждения об Октябрьской революции – отправной точке новой советской истории. Однако тут же исследователи отметили, что ребятам не хватало исторической перспективы в знаниях, понимания движущих сил революции. Деревенские дети нередко не разделяли Октябрьскую и Февральскую революции, считали, что Октябрьская революция свергла царизм. В качестве основных причин революции ребята чаще всего называли классовый гнет, в качестве недочета Н.А. Рыбников указал, что очень немногие в этом качестве назвали роль большевистской партии [19. С. 60].

Спецификой мировоззрения деревенского ребенка, как отметил Н.А. Рыбников, была большая роль экономических сюжетов в ответах на вопросы анкеты [22. С. 57]. В основном эти рассуждения были получены при ответах на вопрос: «Лучше ли живется крестьянам при Советской власти». Об этом же писал в анализе детских ответов М.С. Бернштейн. Он отметил, что при изучении деревенских детей «мы имеем ...дело с специфическим окладом ума и направленностью интересов крестьянских детей, которые, может быть, вообще склонены чаще обращать свое внимание на явления экономического порядка». Кроме того, М.С. Бернштейн подметил в ответах крестьянских детей интересную деталь: «крестьянские дети действительно думают, что экономические завоевания рабочих больше, значительней, многочисленней, чем экономические завоевания крестьян» [22. С. 33]. По мнению этого исследователя, здесь имело место восприятие деревенскими школьниками длительности рабочего дня у пролетариев – не более 8 часов в день [22. С. 29]. В сравнении с длиной дня работы крестьян в весенне-осенний период, особенно в «страду», 8-часовой рабочий день, выглядел действительно намного короче, что и породило «зависть» сельских подростков.

Условно педологи выделили четыре главных темы ответов крестьянских детей по вопросу об отношении к советской власти. На первом месте среди ответов были рассуждения о земле (типичные высказывания были таковы: «раньше земля была помещиков, а теперь – крестьянская», «дала крестьянам право и власть над землей», «он является хозяином земли», «они сами управляют землей») [21. С. 101–102]. Всего «о земле» как главном результате деятельности советской власти в деревне ответили 54% опрошенных детей [22. С. 59]. Даже самые маленькие

дети 8–10 лет говорили о земле, как главном факте деятельности советской власти в деревне. Чем старше был возраст ребенка, дававшего пояснения по вопросу, тем более углубленный подход в рассуждениях о земле они демонстрировали [21. С. 105–106]. Постановка темы «земля» в центр интересов крестьянского ребенка в целом вполне объяснима. Земля была не только главным фактором производства в деревне, она была главным богатством общества аграрного типа, основной мечтой крестьянина, надеющегося построить на базе уравнительного землепользования справедливое общество. Однако детское знание не учитывало главного – земля не была передана крестьянам, она принадлежала государству. В 1920-е гг. во время «общинного возрождения» в российской деревне, это было не так заметно, особенности жизни на государственной земле колхозники в полную силу ощутили в 1930-е гг. Педологи также отметили буквальное понимание детьми (по их ответам) того, что касается завоевания крестьянами земли. Специальные тестовые обследования, проведенные педологами Научно-педагогического института методов школьной работы, подтвердили, что подавляющее число детей действительно думает, что земля в СССР находится в собственности крестьян. Немалое значение в разработке этого представления, по их мнению, сыграли лозунги, выдвинутые коммунистической партией перед Октябрем: «земля – крестьянам», «фабрики и заводы – рабочим» [22. С. 27].

Продолжая рассуждения о роли советской власти в деревне, деревенские ребята довольно часто упоминали как результат ее деятельности улучшение сельского хозяйства («Советская власть старается поднять сельское хозяйство», «Советская власть предоставила в руки крестьян все возможности улучшить свое хозяйство», «Старается не разорять, а поддержать их хозяйство») [21. С. 109]. Об этом в ответах на вопрос о роли советской власти в деревне сказали 20% деревенских детей [19. С. 59]. Чем старше были дети, тем чаще они об этом говорили, как и о налоговой политике советской власти. По вопросу о налогах дети наиболее часто использовали сравнение со «старым временем»: «Раньше налоги задавили», «Прежде они были замучены разными податями, а теперь есть небольшой налог», «Советская власть не дерет с них такие подати, как раньше», «Раньше с крестьян налог брали натурой, а теперь деньгами», «Раньше натурой брали: приезжали и целыми возами увозили, уводили скот», «Не берет выкупных платежей за землю, а только небольшой налог», «У нас берется государственный налог, а остатки они могут продать», «Советская власть отменила подушные налоги», «При советской власти крестьяне платят лишь единый сельхозналог» [21. С. 117]. Как видим, дети обнаруживали довольно высокий уровень осведомленности в хозяйственных делах. Вместе с тем можно заметить, что в ответах не содержалось четких указаний на время, когда крестьянам в налоговом отношении «жилось хуже», возможно, часть этих ответов относилась к периоду до 1921 г., т.е. к тому времени, пока не был введен нэп.

Еще одна категория ответов крестьянских детей отмечала «значение и пользу для крестьян экономической политики советской власти в области товарообмена (города и деревни)» [21. С. 101]. Дети описывали формы, в которых «смычка» осуществлялась: «Все стало дешевле». «Стало дешево все покупать», «В лавках цены уменьшили, а увеличили на предметы роскоши и увеличили цены на хлеб. Это тоже хорошо для крестьян» [21. С. 119]. Самое яркое выражение мотив «смычка» находил в высказываниях, подчеркивающих момент *обмена* между городом и деревней: «Деревня с городом делает смычку и меняется товарами, крестьянин дает хлеб, а рабочий – трактор». «Хлеб меняют на орудия производства», «Потому, что имеет смычку города и деревни, из города они получают все орудия, а туда возят хлеб» [21. С. 120]. В целом в высказываниях детей педологи не заметили мотивов враждебности деревни в отношении города.

В то же время деревенские дети высказали пожелания экономического характера, которые также были зафиксированы в исследованиях педологов. Анализируя эти высказывания, Н.А. Рыбников отметил, что ребята указывали на желательность снижения цен на товары (около 8% опрошенных крестьянских детей), необходимость снизить налог на крестьян (7%), улучшить условия жизни (1%), повысить цены на продукты сельского хозяйства (около 2%), освободить от платы за учебу (1%). Говорили ребята и о проблемах в области сельского хозяйства – они предлагали уничтожить «трехполку» (2%), улучшить сельское хозяйство (1%) [19. С. 57].

Довольно большой пласт ответов детей характеризовал изменения в политическом и правовом положении крестьян в связи с утверждением советской власти. Всего по этому вопросу дали пояснения около 3,7% опрошенных крестьянских детей [19. С. 59]. Педологи отметили, что в детских высказываниях, мотивирующих улучшение положения крестьян *политическими* моментами, звучали три основных мотива: 1) свобода (воля); 2) право (разные политические права и привилегии); 3) власть.

Рассмотрение конкретного содержания этих ответов принесло некоторые неожиданности для ученых. Во-первых, они определили, что около 40% всех обследованных детей города и деревни считали одним из главных завоеваний Октября «освобождение, которое он с собой принес для широчайших народных масс». Причем эта свобода понималась детьми по-разному. Около 20% городских и деревенских детей говорили о *свободе вообще, воспринимали это явление как общенародное*, общечеловеческое освобождение от какого-то абстрактного ига, гнета, угнетения: «советская власть дала свободу», «советская власть принесла освобождение», «советская власть дала волю», «советская власть освободила весь народ» [22. С. 57].

Деревенские дети отвечали, что крестьяне «стали вольными» не расшифровывая при этом, в каком смысле эта воля понимается: «Лучше потому, что он (крестьянин) сейчас волен», «Потому, что мы вольны», «Советская власть дала полную волю», «Дала крестьянам волю и свободу», «Потому, что вольная

жизнь» [21. С. 121]. Педологи подчеркнули: дети довольно ясно дают понять, что, по их мнению, советская власть уничтожила крепостное право. Таким образом, понятие «воля» означало у крестьянских детей освобождение от крепостничества. Даже у многих детей старшего возраста и у пионеров, подчеркивали ученые, присутствовало представление, что советская власть «освободила от крепостного права». Это обстоятельство встревожило исследователей. Данным воззрением крестьянского ребенка они нашли объяснение: «поскольку отмена крепостного права касалась преимущественно крестьянского населения, то вполне естественно, что деревенской школе чаще и больше приходится останавливаться на этом историческом факте». Но «двойная» ошибка – путаница двух событий Октябрьской революции 1917 г. и отмены крепостного права 1861 г., уравнивание их между собой позволила педологам констатировать «непонимание классового характера этих событий», так как «недопустимо смешивать так называемую отмену крепостного права с великим освободительным Октябрем, но и неправильно выдавать исторический акт 1861 года за действительное освобождение крестьян, так как он не столько освободил крестьян от их рабских оков, сколько освободил их... от земли» [22. С. 59–60]. Педологи дали совет поработать над методическими рекомендациями для учителей для преподавания событий 1861 г. и событий Октябрьской революции 1917 г. Педологи отметили, что, прибавив к этому ту долю детей, которые путаются в характеристиках Февральской и Октябрьской революций, придется признать, что школе нужно немало поработать, чтобы выправить представления ребят или чтобы дать им правильную «пролетарски-коммунистическую установку» [22. С. 59–60].

В ответах на вопрос о политических правах и свободах выяснилось, что крестьянские дети и о них рассуждают в категориях «свободы» («воли»): «При царе не было свободы, а теперь – свободные права», «Советская власть дала им свободное право» [21. С. 123]. Особенно важным для крестьян дети называли полученное право участвовать в различных выборных органах – общественных и государственных. Это право находило свое конкретное выражение в форме *права голосования*. «Крестьяне – имеют везде голос». «Крестьяне имеют голос на съездах, на выборах» [21. С. 123]. Очень понравилось исследователям высказыванием одного из детей: «Теперь стало *новоправие*». Детские высказывания категории «*право*», в особенности та часть высказываний, в которых говорилось об избирательном праве и об участии крестьян в общественно-политической жизни страны, близко примыкали к высказываниям категории «*власть*». Исследователи уловили некий «переход» от понятия «право» к понятию «власть»: «Он может пройти в ЦИК (т.е. имеет право быть избранным в ЦИК) и стоять у власти» [21. С. 126]. Однако, по мнению педологов, и в этом вопросе своего «классового места» в новом обществе крестьянские дети не улавливали, так как «игнорируется и затушевывается *пролетарский, рабочий* характер советской власти». Некоторые дети,

например, прямо говорили, «Вся власть в крестьянских руках» [21. С. 127].

Среди проанализированных педологами трех категорий *политико-правовых* мотивов ответов детей (свобода, право и власть) первая занимала самое значительное место (2 305 детей – 38% всех обследованных). По удельному весу ответов категория «свобода» (или «воля») занимала второе место после категории «земля». Таким образом, извечные крестьянские мотивы «земля» и «воля» являлись преобладающими в детских суждениях конца 1920-х гг. о положении крестьян при советской власти. Наличие мотивов «земля» и «воля» в *одном* высказывании, по наблюдениям педологов, также встречалось чаще, чем другие сочетания разных мотивов – как самостоятельно (только «воля»), так и в дополнение к категории «земля» («земля и воля»), и вообще во всевозможных сочетаниях с разными другими мотивами момент «воли» встречался у деревенских детей чаще, чем у городских [21. С. 128–29].

Оценки в отношении культурного развития села деревенские дети давали гораздо реже, чем оценки политических последствий советской власти. Всего лишь 1% деревенских детей останавливалось на трактовке изменений в бытовом и культурном устройстве деревни [21. С. 134]. В отношении такого распределения ответов педологи поясняли, что быт – явление довольно «консервативное, тугоподвижное, поддающееся изменению с чрезвычайной трудностью и крайней длительностью». Они подчеркнули, что экономические достижения и политические завоевания Октября сказались с первых же лет революции, получив реальные и доступные даже для детского понимания формы, а явления нового быта внедрялись в жизнь, особенно в жизнь крестьянского населения, крайне медленно [21. С. 134]. В отношении бытовых моментов дети давали оценки одежды и питания («Они одетые и обутые – дети и сами», «Теперь стали лучше одеваться и кормиться», «Живет лучше и ест лучше», «В некоторых деревнях столовка»), жилища («Теперь не живут в таких плохих помещениях, как раньше жили», «Крестьяне расселились в барских домах», «Стали иметь хорошие помещения», «Построили дома, хотя не больше, а светлее»). Деревенские дети, конечно, довольно специфично, в понимании городского сообщества, описывали улучшения жилища. Например, значительным улучшением им казалось то, что в жилых помещениях не держат больше скот: «У них есть чистые избы и для скота отдельные» [21. С. 135].

В отношении религии педологи обнаружили ослабление ее влияния. Почти половина деревенских ребят причисляла себя к атеистам, причем мальчики гораздо чаще, чем девочки (60% мальчиков, 41% девочек). В более старших возрастах «безбожников» было выявлено особенно много – среди 16-летних детей – 88% [20. С. 59].

Таким образом, экономические и социально-политические представления деревенского ребенка о советской власти конца 1920-х гг. состояли из последовательных характеристик экономики, политики и быта.

Особенно же ярко, по мнению педологов, сказывались изменения социального облика ребенка, произошедшие после революции 1917 г., на детских идеалах. Каждая эпоха, – писал Н.А. Рыбников, – имеет свои идеалы, меняющиеся в зависимости от свойств эпохи, качеств носителей идеалов, своеобразия того класса, представители которого говорят о своих идеалах. Основные же качества крестьянского типа – практичность, реализм, бедность фантазии – сказываются на качестве идеалов крестьянского ребенка [20. С. 63].

Педологи выяснили, что, как правило, деревенский ребенок и до революции и после нее выбирал идеалы из своего окружения. В 1913 г. таких деревенских детей было 55%, в 1928 г. – 46%. Чаще всего крестьянские дети в 1928 г. в качестве идеала указывали знакомых (20,9%), местных деятелей (20,3%), родных (7,2%). Из родных наиболее часто указывались отец и мать. Рассуждая о том, почему родные реже, чем остальные категории, становились идеалом деревенского ребенка, Н.А. Рыбников отмечал, что их трудовая деятельность и бытовая жизнь протекает на глазах у ребенка, он довольно быстро включается во все трудовые операции и овладевает ими. Все это приводит к отсутствию стимулов называть идеалом для подражания родных. Поэтому деревенский ребенок чаще других называл идеалом для подражания деревенского учителя (около 11%). Также в этом аспекте дети упоминали доктора (2%), агронома (2%), портниху (1%), сапожника (1%) и др. [20. С. 64–65]. Ответы деревенских детей, по мнению Н.А. Рыбникова, показывали узость их кругозора. Однако появление среди идеалов учителя, доктора, агронома свидетельствовало и о желании повысить уровень образования.

Более старшие дети среди своих идеалов нередко называли деятелей всесоюзного уровня. При этом, как отметил Н.А. Рыбников, довольно редко звучали имена из прошлого России (Пушкин, Ломоносов, Толстой, царь и др., как это было при обследовании 1913 г.). В 1928 г. ребята называли в качестве идеалов имена: Ленин (23,6%), Калинин (1,2%), Рыков (0,9%), Крупская (0,8%), Ворошилов (0,7%), Пушкин (0,7%), К. Маркс (0,7%), Луначарский (0,5%). Кроме этого, в 1928 г. среди идеалов назывались Степан Разин, М. Фрунзе, Менделеев, Р. Люксембург, Зиновьев, Дуглас Фербенкс, Красин, Надсон, Гарри Пиль, Мэри Пикфорд, Клара Цеткин и др. Ни один ребенок не назвал в качестве идеала «царя» [20. С. 64–65].

Приведем примеры ответов на вопросы анкеты педологов, сохранившиеся в семейном архиве учительницы деревни Слобода Грязовецкого района Вологодской области. Эта деревня была довольно населенная, расположена около небольшого районного города Грязовец на дороге из Вологды в Москву (шоссе, рядом проходит железная дорога). Это было довольно экономически и культурно развитое село. Педологи в конце 1920-х гг. задавали детям деревни Слобода примерно следующие вопросы: «Кем хочешь стать? На кого хочешь быть похожей и почему? Что хочешь иметь и почему? Чем хочешь заниматься сейчас? Какая работа тебе нравится?».

Девочка, 11 лет, середнячка.

«Я жалаю быть в будущем учительницей, потому что хочу быть учительницей. Я жалаю быть похожа на русских людей, а потому что эти люди скромные, красивые. Я хочу иметь больше обуви, а потому что надо обувать на ноги, а босиком ходить не будешь. Я жалаю больше читать про Ленина, потому что он был вождь и учитель рабочих и крестьян всего мира. Мне работа нравится такая писать потому что я хочу быть ученый».

Мальчик, 11 лет, крестьянин, середняк

«Я жалаю быть агрономом. Я жалаю быть похож на тов. Калинина, потому что он красивый. Мне больше всего хочется иметь денег потому что на них можно что угодно купить. Я все больше люблю читать про зверей, потому что как они живут и их ловят. Мне всего лучше делать по хозяйству, косить»

Девочка, крестьянка, середнячка

Я хочу быть прикащицей потому что выучусь. На шурину Александра потому что он хороший рабочий. Я хочу иметь больше всего денег потому что на них много кое чего купишь. Мне больше всего понравится читать о Ленине потому что о нем много кое чего пишут. Я люблю работу мести круг дома потому что когда тепло очень хорошо мести. Я бы нашла денег понесла бы домой и на эти бы деньги поехала в город там бы купила платье и пальто [23].

Продолжая рассуждения о новых идеалах крестьянских детей, педологи отмечали, что в них особенно ярко отражена современность. При этом чем старше становился ребенок, тем шире был его кругозор, что выражалось в лучшем знании исторических и литературных героев. Однако политические деятели явно перевешивали литературные идеалы в мировосприятии школьников села.

В рассуждениях о будущей профессии деревенские школьники, как правило, склонялись к профессиям, связанным с физическим ручным трудом. При этом, как в 1913 г., так и в 1928 г., дети мечтали о смене сельскохозяйственной работы на другую. Наибольшее количество детей называли профессию учителя (39%). Девочки чаще других называли профессию портнихи (24%), мальчики – сапожника (7,4%). Назывались также такие профессии, как бондарь, слесарь, агроном, врач, вагоновожатый, машинист, кузнец, колбасник, шофер и др. [19. С. 67].

Богатейший материал, собранный и проанализированный педологами первой трети XX в., позволяет нам увидеть глубину социальной трансформации деревенских детей, бывших одним из центральных объектов социальных преобразований. Основную роль в построении их мировоззрения играла, конечно, школа и учителя, последовательно проводившие разработанную Советским государством идеологическую линию. Уже в конце 1920-х гг., дети, в основном родившиеся до революции 1917 г. или вскоре после нее (1912–1920 годов рождения), твердо усвоили идеологические положения о преимуществах советской власти, ее экономических и политических завоеваниях, идеалах и символах. В то же время исследования педологов позволяют сделать

вывод о сохранении основных крестьянских архетипов в сознании деревенских детей конца 1920-х гг. – в качестве основы своего мировосприятия они, как и сотни лет назад, провозглашали «землю и волю». Этот причудливый сплав, бывший основой мировоззрения советского человека довоенного периода (подавляющая часть населения страны проживала в деревне, была крестьянами, позднее – колхозниками),

и стал фундаментом феномена «советского человека». Можно с уверенностью сказать, что Советское государство в 1917–1920-е гг. сделало важнейшие и необходимые для новой власти шаги по подготовке «нового человека» к грядущим боям, ближайшим из которых была Великая Отечественная война, где военное поколение как раз и составили школьники 1920-х гг. с их новыми советскими идеалами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа ВКП (б) 1919 г. // Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959.
2. Гольцман А. Реорганизация человека. М., 1924. 52 с.
3. Гастев А. Новая культурная установка. М., 1923. 48 с.
4. Керженцев П.М. К новой культуре. Петербург, 1921. 91 с.
5. Крупская Н.К. О коммунистическом воспитании школьников. М., 1987. 254 с.
6. Луначарский А.В. Задачи просвещения в системе советского строительства. Доклад на I Всесоюзном учительском съезде. М., 1925. 47 с.
7. Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920 год. М., 2002. 415 с.
8. Устав единой трудовой школы // Известия ВЦИК (Москва). 1923. № 296. 28 февраля.
9. Декрет ВЦИК о Единой трудовой школе РСФСР // Известия ВЦИК (Москва). 1918. № 225. 16 октября.
10. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М., 1956. 352 с.
11. Гумп Э. Образование и грамотность в глубине России. Воронежская губерния 1885–1897 гг. // Менталитет и аграрное развитие России (19–20 вв.). М., 1996. С. 306–320.
12. Народное хозяйство СССР: стат. справочник. М.; Л., 1932. 670 с.
13. Ракунов В.А. Государственная политика в сфере школьного образования в 1920–30-х годах // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 1 (январь–февраль).
14. Новые программы 1, 2, 3 и 4 годов обучения школ I ступени. Великий Устюг, 1925. 126 с.
15. Постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» // Правда. 1936. 5 июля.
16. Голицын. Результаты анкеты о детских идеалах учеников второй группы начальной земской сельской школы Рязанской губернии // Вестник Рязанского губернского земства. 1913. № 7–8.
17. Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника / под ред. В.Н. Шульгина. М., 1928. 191 с.
18. Рыбников Н.А. Идеология советского школьника // Педология. 1928. № 1.
19. Рыбников Н.А. Крестьянский ребенок. Очерки по педологии крестьянского ребенка. М., 1930. 109 с.
20. Рыбников Н.А. Наша работа по изучению идеологии современного школьника // Дети и Октябрьская революция. М., 1928. С. 9–18.
21. Гельмонт А.М. Советская власть и крестьянство в представлениях детей // Дети и Октябрьская революция. М., 1928. С. 93–137.
22. Бернштейн С.М. Что дала советская власть рабочему классу // Дети и Октябрьская революция. М., 1928. С. 18–92.
23. Личный архив Ряжевой Н.А., учительницы Слободской школы Грязовецкого района Вологодской области. Сохранены орфография и пунктуация источника.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 ноября 2018 г.

Transformation of Sociopolitical Views of Rural Children of Russia in 1917–1920s (Based on the Materials of Pedological Surveys)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 106–113.

DOI: 10.17223/15617793/443/14

Tatiana M. Dimoni, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: Dimonitm@yandex.ru

Keywords: Russia; Soviet period; village; children's psychology; ideology; pedological surveys; social transformation.

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-09-00184 “Social Revolution in Soviet Russia: Prerequisites, Stages, Results”)

The article deals with the study of peasant children's world view that was formed under the influence of the new ideology in the first decade of the Soviet Union. The source of the analysis is the data of a pedological survey conducted by N.A. Rybnikov, A.M. Gelmont, V.N. Shulgin, and others in the second half of the 1920s. The survey methods of data collection included questionnaires on economic and political values. Several thousands of children from different regions of the Soviet Union were selected for the questionnaire sample. In the article, the pedological survey is analyzed as a historical source for the first time. The author provides a consistent analysis of the peasant children's views on the changes in property relations, land laws, tax immunity, legal relationship (voting right, democratic norms of self-government), everyday life, children's ideals. An important feature of the surveys was that they were conducted in connection with the 10th anniversary of the Soviet government and were perceived as a result of the development of the country and the education system. Polls about the political development of Russia revealed a good acquaintance of students with the Soviet ideological attitudes. They knew the political leaders of the country, called them as ideals (V.I. Lenin, N.K. Krupskaya, M.I. Kalinin, and others). The schoolchildren called the October revolution of 1917 as a starting point for a new stage of the country's development; although they also noted that it was combined with the events of the February revolution. Studies of pedologists show the rural schoolchildren's predominant interest in economic issues, especially those of land use. According to the rural schoolchildren, land as a result of the revolution became the property of the peasants. The revolution was also associated with the liberation of the peasants (the events converged with the abolition of serfdom). The author also describes the changes in the school practice of 1917–20s, which enabled transformations of children's ideals and values. The author concludes that the peasant children, born in 1910–17, acquired new values, yet kept the basic peasants' archetypes in their mind. The peasant children's world view was based on the 'Land and Liberty' ideals. This combination of conceptions and values became a fundamental foundation for the Soviet people's world view in the 1930s–1940s.

REFERENCES

1. USSR. (1959) Programma VKP (b) 1919 g. [The 1919 Program of the CPSU (b)]. In: *Vos'moy s"ezd RKP(b). Mart 1919 goda. Protokoly* [Eighth Congress of the RCP (b). March 1919. Protocols]. Moscow: Gospolitizdat.
2. Gol'tsman, A. (1924) *Reorganizatsiya cheloveka* [Reorganization of man]. Moscow: Tsentral'nyy institut truda.
3. Gastei, A. (1923) *Novaya kul'turnaya ustanovka* [New cultural orientation]. Moscow: Tsentral'nyy institut truda.
4. Kerzhentsev, P.M. (1921) *K novoy kul'ture* [To a new culture]. Peterburg: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
5. Krupskaya, N.K. (1987) *O kommunisticheskom vospitanii shkol'nikov* [On the communist upbringing of schoolchildren]. Moscow: Prosveshchenie.
6. Lunacharskiy, A.V. (1925) *Zadachi prosveshcheniya v sisteme sovetского stroitel'stva. Doklad na I Vsesoyuznom uchitel'skom s"ezde* [The tasks of education in the system of Soviet construction. Report at the I All-Union Teachers' Congress]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
7. Krasovitskaya, T.Yu. (2002) *Rossiyskoe obrazovanie mezdu reformatorstvom i revolyutsionarizmom. Fevral' 1917–1920 god* [Russian education between reformism and revolutionism. February 1917–1920]. Moscow: IRH RAS.
8. Izvestiya VtsIK. (1923) Ustav edinoy trudovoy shkoly [Charter of a unified labor school]. *Izvestiya VTsIK* (Moscow). 296. 28 fevralya.
9. Izvestiya VtsIK. (1918) Dekret VTsIK o Edinoy trudovoy shkole RSFSR [Decree of the Central Executive Committee on the Unified Labor School of the RSFSR] *Izvestiya VTsIK* (Moscow). 225. 16 October.
10. Rashin, A.G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let (1813–1913). Statisticheskie ocherki* [The population of Russia for 100 years (1813–1913). Statistical essays]. Moscow: Gosstatizdat.
11. Gump, E. (1996) Obrazovanie i gramotnost' v glubine Rossii. Voronezhskaya guberniya 1885–1897 gg. [Education and literacy in the depths of Russia. Voronezh Province in 1885–97]. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (19–20 vv.)* [Mentality and the agrarian development of Russia (19th–20th cc.)]. Proceedings of the International Conference. Moscow: ROSSPEN. pp. 306–320. (In Russian).
12. Minaev, S. (ed.) (1932) *Narodnoe khozyaystvo SSSR: stat. spravochnik* [National economy of the USSR: Statistical directory]. Moscow; Leningrad: Ogiz - Gos. sots.-ekon. izd-vo.
13. Rakunov, V.A. (2011) Gosudarstvennaya politika v sfere shkol'nogo obrazovaniya v 1920–30-kh godakh [State policy in the field of school education in the 1920s–1930s]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 1 (January–February).
14. Lobov, A. et al. (1925) Novye programmy 1, 2, 3 i 4 godov obucheniya shkol 1 stupeni [New programs of 1, 2, 3 and 4 years of study of a primary school]. Velikiy Ustyug: Sovetskaya mysl'.
15. Pravda. (1936) Postanovlenie TsK VKP (b) "O pedagogicheskikh izvrashcheniyakh v sisteme Narkomprosa" [Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) "On pedagogical distortions in the system of the People's Commissariat of Education"]. *Pravda*. 5 July.
16. Golitsyn. (1913) Rezul'taty ankety o detskikh idealakh uchениkov vtoroy gruppy nachal'noy zemskoy sel'skoy shkoly Ryazanskoy gubernii [The results of the questionnaire about children's ideals among schoolchildren of the second group of elementary zemstvo rural school of Ryazan Province]. *Vestnik Ryazanskogo gubernskogo zemstva*. 7–8.
17. Shul'gin, V.N. (ed.) (1928) *Deti i Oktyabr'skaya revolyutsiya. Ideologiya sovetского shkol'nika* [Children and the October Revolution. The ideology of a Soviet schoolchild]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
18. Rybnikov, N.A. (1928) Ideologiya sovetского shkol'nika [The ideology of a Soviet schoolchild]. *Pedologiya*. 1.
19. Rybnikov, N.A. (1930) *Krest'yanskiy rebenok. Ocherki po pedologii krest'yanskogo rebenka* [A peasant child. Essays on the pedagogy of a peasant child]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
20. Rybnikov, N.A. (1928) Nasha rabota po izucheniyu ideologii sovremennogo shkol'nika [Our work on the study of the ideology of a modern schoolchild]. In: Shul'gin, V.N. (ed.) *Deti i Oktyabr'skaya revolyutsiya* [Children and the October Revolution]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
21. Gel'mont, A.M. (1928) Sovetskaya vlast' i krest'yanstvo v predstavleniyakh detey [Soviet power and the peasantry in the views of children]. In: Shul'gin, V.N. (ed.) *Deti i Oktyabr'skaya revolyutsiya* [Children and the October Revolution]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
22. Bernshteyn, S.M. (1928) Chto dala sovetская vlast' rabochemu klassu [What the Soviet power gave to the working class]. In: Shul'gin, V.N. (ed.) *Deti i Oktyabr'skaya revolyutsiya* [Children and the October Revolution]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
23. Personal archive of N.A. Ryazheva, a teacher of the Sloboda school of Gryazovetsky District of Vologda Oblast. The spelling and punctuation follow the source. (In Russian).

Received: 01 November 2018

Колченко О.А., Брюханова Е.А.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ОБЩЕСТВА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №17-78-10156.

Рассматриваются основные направления информатизации архивного дела в России. На основе анализа ряда нормативных и учетных документов были выделены некоторые стратегические направления развития архивного дела, к которым можно отнести информатизацию учета и организацию удаленного доступа к архивным документам. Реализация данных направлений будет способствовать расширению информационного обеспечения исторических исследований в части поиска, предварительной оценки и использования архивных источников.

Ключевые слова: архив; документ; оцифровка; НСА; обращения граждан.

В современном мире в период стремительного прогресса и развития информационного общества окружающие нас новые технологии вносят свои коррективы и дают толчок к формированию новых и переосмыслению старых методов, подходов, источников и результатов исследований в гуманитарных, в том числе исторических областях. Благодаря современным цифровым технологиям произошли изменения в ключевых аспектах исторического исследования – поиск, оценка и анализ исторических источников приобрели новую трактовку и особую актуальность. Так, удалось осуществить самые глобальные идеи по оцифровке документов и созданию альтернативного поля хранения – хранения документов в виртуальной плоскости. Оцифровка (англ. Digitization, оцифрование) – это описание объекта, изображения или аудиовидеосигнала (в аналоговом виде) в виде набора дискретных цифровых замеров (выборок) этого сигнала / объекта, при помощи той или иной аппаратуры, т.е. перевод его в цифровой вид, пригодный для записи на электронные носители [1]. Именно благодаря преобразованию документа из традиционной, присущей ему формы в цифровую (компьютерную), в виде электронного файла, обеспечивается расширение доступа к материалам главных хранителей историко-культурного наследия (архивов, библиотек, музеев и т.п.). Этот процесс стал наиболее заметным проявлением «цифрового поворота» и развития цифровых гуманитарных наук. Происходящие изменения, связанные с расширением доступа к оцифрованным источникам, совершенствованием инфраструктуры и профессиональных коммуникаций, повлекли за собой создание программ в различных учреждениях (в том числе и архивах), оказывающих государственные услуги по информационному обеспечению граждан (исполнение социально-правовых запросов). Например, в рамках реализации программ «Электронная Россия» (2002–2010) и «Электронное общество» (2011–2020) активно развиваются сферы осуществления государственных функций и предоставление государственных / муниципальных услуг в электронном виде. В этой связи уделяется внимание информатизации органов управления архивным делом и архивных учреждений федерального, регионального (архивы субъектов Российской Федерации) и муниципального

уровней, которые осуществляют свою деятельность «в интересах граждан, общества и государства» [2. Ст. 1]. Целью статьи является характеристика направлений информатизации архивного дела в России и их реализации на примере архивов Сибири. Основными источниками при подготовке статьи стали тексты государственных программ, докладов руководителя Федерального архивного агентства, аналитических отчетов ВНИИДАД, а также информационных ресурсов архивов Сибири.

Одним из первых шагов архивов в реализации программы электронного общества стала возможность подачи гражданами социально-правовых запросов, связанных с социальной защитой граждан, предусматривающей их пенсионное обеспечение, получение льгот и компенсаций, а также тематических запросов о предоставлении информации по определенной проблеме, теме, событию, факту. В соответствии с законодательством архивы обязаны подготовить и бесплатно предоставить социально-правовую информацию по требованию тех организаций и граждан, которых она касается. Такой запрос можно подать через сайты архивных учреждений, например Государственного архива Алтайского края [3], или единый портал государственных и муниципальных услуг [4]. Порядок подачи запросов в архивные органы и учреждения закреплен в Административном регламенте по предоставлению Управлением Алтайского края по культуре и архивному делу государственной услуги «Организация информационного обеспечения граждан и юридических лиц на основе документов Архивного фонда Алтайского края и других архивных документов» [5]. Данный регламент разработан в целях повышения качества информационного обеспечения ретроспективной документной информацией физических и юридических лиц и определяет сроки, последовательность действий (административных процедур) при предоставлении государственной услуги. Регистрация запросов производится специалистами архива в течение 3 дней с момента поступления в соответствии с п. 2 статьи 8 федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [6]. Информацию о ходе исполнения поданного запроса можно получить на сайте архива [3]. Срок исполнения социально-правовых за-

просов составляет 30 дней. На основе анализа статистических данных Федерального архивного агентства сделан вывод, что услуга по исполнению запросов граждан является наиболее востребованной госуслугой, оказываемой государственными архивами [1].

Вторым аспектом реализации государственных программ является расширение присутствия архивов в информационном пространстве. Для развития данного направления архивного дела в регионах России (и, возможно, муниципальных образованиях) был разработан «Порядок реализации федеральной целевой программы “Культура России (2012–2018 годы)” в части мероприятий Росархива», в соответствии с которым архивы субъектов Российской Федерации могут принять участие в реализации данной программы на условиях конкурсного отбора, паритетного софинансирования из регионального бюджета и наличия собственной «региональной программы (перспективного комплексного плана) развития архивного дела». Кроме того, некоторые аспекты информатизации архивного дела нашли отражение в целевых показателях, достижение которых предусмотрено планами мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности архивного дела» на 2016, 2017–2018 гг. [7. С. 586]

На основе перечисленных выше документов можно выделить некоторые стратегические направления, такие как информатизация учета, научно-справочного аппарата, оцифровка архивных документов и организация доступа к ним, которые способствовали в том числе расширению информационного обеспечения исторических исследований в части поиска, предварительной оценки и использования архивных источников. Итак, первым направлением была предусмотрена информатизация учета документов Архивного фонда Российской Федерации. Для этого было запланировано развитие Единой автоматизированной информационной системы в составе программного комплекса (ПК) «Архивный фонд», «Фондовый каталог», «Центральный фондовый каталог», а также автоматизированной системы (АС) «Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации (АФ РФ)». Благодаря информатизации некоторые учетные базы данных и системы оказываются доступными для пользователей, в том числе в сети Интернет, и становятся частью системы научно-справочного аппарата (НСА) архивов. В соответствии с нормативно-правовыми документами, НСА – это комплекс взаимосвязанных и взаимодополняемых архивных справочников о составе и содержании архивных документов, создаваемых на единой методической основе для поиска архивных документов и архивной информации в целях эффективного использования. К НСА относятся путеводители, каталоги, обзоры, описи. Кроме того, в качестве НСА на сайтах архивов присутствуют списки фондов и справки о наличии документов по определенной теме [8. П. 5.5.1].

Одной из главных форм представления НСА архивов является полностью индексированная общегосударственная информационная система Центральный фондовый каталог (ЦФК) – федеральная государственная информационная система, представ-

ляющая сведения о составе Архивного фонда Российской Федерации и предназначенная для информационного обеспечения пользователей архивными документами. ЦФК рассматривается как информационная модель Архивного фонда Российской Федерации. В ЦФК внесены сведения о фондах 13 федеральных архивов и 2 234 государственных и муниципальных архивах 59 субъектов Российской Федерации [9]. В сведениях к фондам ЦФК содержится поисковые данные (номер, название и крайние даты фонда), аннотацию (состав документов) и историческую справку к фонду, место хранения (архив и субъект РФ). К сожалению, далеко не все фонды сопровождаются аннотацией, что затрудняет работу исследователей. Большинство архивов Сибири представлены в ЦФК. Центральный фондовый каталог можно назвать помощником исследователя в поиске архивных фондов, его использование имеет особую актуальность, если исследовательские интересы охватывают несколько регионов.

На сайтах некоторых архивов список фондов, являющийся учетным документом архива и предназначенный для регистрации принятых на хранение архивных фондов и присвоения им номеров [8. п. 3.4.1], выполняет роль архивного справочника. Например, архивы могут предоставлять открытый доступ к списку фондов в виде онлайн-таблицы, как, например, Исторический архив Дальнего Востока [10], или информационной системы, как Исторический архив Омской области [11]. Таким образом, список фондов становится кратким архивным справочником, представляющим собой реестр фондов с указанием номера, названия, крайних дат фонда, количества описей и единиц хранения (дел). В этом случае пользователям приходится ориентироваться только по названию фонда и его крайним датам, что не всегда позволяет выявить необходимые материалы.

Путеводители являются одними из основных архивных справочников. Они содержат сведения об архивных фондах архива (архивах) в систематизированном виде и предназначены для ознакомления пользователя с их составом и содержанием, состоят из описательных статей на уровне архивного фонда и справочного аппарата [8. П. 5.5.2]. Главным достоинством путеводителя является аннотация к составу и содержанию документов фонда, но глубина комментариев к фонду зависит от вида путеводителя. Именно путеводители представляют для пользователей особый интерес на первом, поисковом, этапе исследования, когда необходимо выявить фонды, содержащие документы по теме.

На портале «Архивы России» представлена пользовательская версия базы данных «Путеводители по российским архивам», а также создан специальный раздел со списком путеводителей, межархивных справочников, перечней, обзоров документов российских архивов, доступных в сети Интернет. Идея создания единой системы по путеводителям и другим архивным справочникам российских архивов представляется интересной и важной для исследователей. На 2016 г. в базу данных были внесены сведения о 41 архивном справочнике [12].

Создание электронных описей входит в перечень стратегических показателей развития отечественного архивного дела. Так, в программе «Культура России» (2012–2018) Росархив ставил задачу оцифровать 19 млн описаний дел (заголовков) [16]. В рамках мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности архивного дела» на указанные годы «Архивы России» содержат следующий пункт: «Доля описаний дел государственных архивов, включенных в электронные описи, электронные каталоги и / или иные автоматизированные информационно-поисковые системы к концу 2016 года должна составлять 27,5 %, на 2017 – 62 %, на 2018 – 73 %». Для федеральных архивов эту работу планировалось завершить в ближайшие два-три года [17], а сейчас на официальном сайте Федерального архивного агентства выставлены ссылки на электронные описи и каталоги большинства федеральных архивов [18]. Создание таких ресурсов и предоставление доступа к ним на сайтах государственных архивов субъектов Российской Федерации происходит гораздо медленнее, несмотря на то, что оцифровка описей становится плановой работой архива, а форму представления описей (электронный текст – формат Word, PDF; изображение – JPEG, PDF; индексированная информационно-поисковая система) архив может выбрать самостоятельно.

Наибольший интерес для исследователей представляют информационно-поисковые системы архивов, позволяющие осуществлять поиск не только на уровне фондов, но и на уровне дел. Такие индексированные информационно-поисковые системы представлены на сайтах государственных архивов Красноярского края [15], Тюменской [13] и Томской областей [14]. Доступ к автоматизированному НСА предоставляется бесплатно, но зарегистрированным пользователям. Другие архивы также стремятся расширить информационные возможности пользователей путем разработки собственных информационно-поисковых систем или полнотекстовых баз данных.

Перевод в электронный формат научно-справочного аппарата и архивных документов, а также предоставление удаленного доступа к ним является перспективным направлением развития архивного дела в Российской Федерации. В России процессы по оцифровке архивных материалов набирают силу. Федеральное архивное агентство совместно с ВНИИДАД регулярно проводят изучение опыта реализации проектов по оцифровке документов Архивного фонда и НСА в архивных учреждениях Российской Федерации. Такой мониторинг был проведен в 2011, 2013 и 2016 гг. К результатам первых исследований можно отнести разработку комплекса методических документов, направленных на формирование единых требований к оцифровке архивных документов и НСА. Наибольшее распространение получили «Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом» [19]. Благодаря отчету ВНИИДАД, в котором был проанализирован

опыт 93 архивов субъектов Российской Федерации, были выявлены цели создания электронных копий документов, среди которых:

1. Выполнение запросов.
2. Формирование фонда пользования.
3. Организация использования архивных документов: выставочная деятельность, публикации, организация удаленного доступа, создание тематических БД с включением электронных копий. Например, в анкете сотрудников Российского государственного архива литературы и искусства уточнялось, что «электронные копии подлинников документов создаются в целях обеспечения сохранности документов при выдаче подлинников для экспонирования на выставках» [1].
4. Формирование электронного страхового фонда.
5. Сохранение информации документов с биологическими поражениями.

Большинство респондентов высказались положительно о наличии программы (плана) оцифровки описей. Так, Российский государственный военный архив отметил, что планомерно оцифровывает наиболее востребованные пользователями в читальном зале ветхие описи. Из 115 архивов, участвовавших в мониторинге 2016 г., 56 архивов отметили, что предоставляют удаленный доступ к НСА, а 48 – к электронным копиям документов. При этом стоит отметить, что большинство архивов из последней группы предоставляет доступ в виде тематических ресурсов, например интернет-выставок или документальных публикаций, тогда как удаленный доступ к делам или даже фондам предоставляет только несколько архивов. Кроме того, часть архивов скорее декларирует предоставление интернет-доступа к оцифрованным документам, в настоящее время их информационные системы находятся в стадии разработки и предоставляют возможность работы только с электронным НСА.

Для исследовательской практики наибольший интерес представляли проекты, направленные не только на создание электронных НСА и копий документов, но обеспечивающие возможности удаленной работы с ними. Из сибирских архивов возможность удаленной работы с оцифрованными историческими документами предоставляют архивные учреждения Красноярского края [15] и Тюменской области [13]. Оцифровка архивных документов в настоящее время просто необходима, чтобы сохранить историческое культурное наследие нашей страны.

Таким образом, российские архивы становятся частью электронного общества. Информатизация основных направлений работы архивов позволяет перевести целый комплекс государственных услуг в интернет-пространство. В настоящее время архивы не только принимают и исполняют социально-правовые и другие запросы в электронном виде, но и поддерживают возможность поиска архивных документов онлайн, а также предоставляют удаленный доступ к оцифрованным архивным документам. Обозначенные направления представляются перспективными в развитии архивного дела в Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический обзор «Мониторинг осуществляемых в государственных архивах Российской Федерации проектов перевода в электронный вид научно-справочного аппарата и архивных документов» // Федеральное архивное агентство: официальный сайт. URL: <http://archives.ru/sites/default/files/2016-monitoring-nsa-gosarhive.pdf>
2. Об архивном деле в Российской Федерации: федеральный закон от 22.10.2004 №125-ФЗ (в ред. от 23 мая 2016 г.).
3. Услуги и работа с гражданами // Государственный архив Алтайского края: официальный сайт. URL: http://www.archiv.ab.ru/back_l/uslugi/
4. Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций): федеральная государственная система. URL: <https://www.gosuslugi.ru/>
5. Административный регламент по предоставлению управлением Алтайского края по культуре и архивному делу государственной услуги «Организация информационного обеспечения граждан и юридических лиц на основе документов Архивного фонда Алтайского края и других архивных документов»: утв. приказом управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 17.02. 2011 № 32.
6. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ.
7. Брюханова Е.А. Архивы on-line: эксперимент по поиску материалов всеобщей переписи населения 1897 г. в информационных ресурсах архивов Сибири // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М.: Этерна, 2017.
8. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук. Утверждены приказом Минкультуры РФ от 18.01.2007 № 19.
9. Центральный фондовый каталог. URL: <http://cfc.rusarchives.ru/CFC-search/Search/Info>
10. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока: официальный сайт. URL: <http://rgiadv.ru/fonds/spisok-fondov/>
11. База данных «Сведения о документах Архивного фонда Российской Федерации, хранящихся в БУ ИСА» // Исторический архив Омской области: официальный сайт. URL: <http://iaoo.ru/af/index.php?act=gl>
12. Путеводители по российским архивам: база данных. URL: <http://guides.rusarchives.ru/search/basic/BasicSearch.html>
13. Управление по делам архивов Тюменской области: официальный сайт. URL: <http://archiv.72to.ru/>
14. Государственный архив Томской области: официальный сайт. URL: <http://gato.tomica.ru/>
15. Архивы Красноярского края: официальный сайт. URL: <http://красноярские-архивы.рф>
16. Перечень мероприятий и объемы финансирования федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)» по направлениям, разделам, пунктам. Приложение к федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 годы): постановление Правительства Российской Федерации от 03.03.2012 № 186 (в ред. от 17.02.2017).
17. Доклад руководителя Федерального архивного агентства А.Н. Артизова «О стратегических подходах к размещению архивной информации в сети Интернет» // Федеральное архивное агентство: официальный сайт. URL: <http://archives.ru/reporting/report-artizov-2014-sovet.shtml>
18. Информационно-поисковые системы и тематические каталоги // Федеральное архивное агентство: официальный сайт. URL: <http://archives.ru/search-systems-catalog.shtml>
19. Юмашева Ю.Ю. Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом. М.: ВНИИДАД, 2012.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 апреля 2019 г.

The Main Directions of Archiving Informatization in the Context of Electronic Society Development

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 114–118.

DOI: 10.17223/15617793/443/15

Olga A. Kolchenko, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: olyakolch@yandex.ru

Elena A. Bryukhanova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: brelenchka@mail.ru

Keywords: archive; document; digitization; reference book; inquiries of citizens.

The article discusses the main directions of informatization of archiving in Russia. Based on the analysis of state programs, reports of the head of the Federal Archival Agency and analytical reports of VNIIDAD (All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management), some strategic directions for the development of archiving were noted, including informatization of record-keeping and reference tools, organization of remote access to digitalized primary sources. The creation of electronic inventories is included in the list of the strategic indicators of Russian archiving development. The article presents an overview of the electronic reference systems (tools), deals with such directories as the Central Catalog of Funds, guidebooks of archives. In addition, the objectives of digitizing archival documents and examples of Siberian archives that provide users with remote access are considered. The implementation of these areas will contribute to the expansion of information support for historical studies in terms of searching, preliminary study and the online use of archival sources. A special attention is paid to the opportunity of making legal inquiries on the social protection of citizens in electronic form, as well as thematic inquiries for information on specific problems, topics, events, facts. This opportunity appeared due to the expansion of access to digitized sources, the improvement of the infrastructure and professional communications. The organization of this opportunity was one of the first stages of informatization of archiving. The article highlights the monitoring projects on archival documents' digitization that result in the development of a set of methodological documents aimed at setting uniform requirements for digitization of archival documents and electronic reference tools. The guidelines for the electronic copying of archival documents and management of the received information array are the most common. In addition, monitoring revealed the purpose of digitizing documents in the archives. The state archives of Tobolsk and of Krasnoyarsk Krai are considered as examples of the implementation of the "electronic archive" concept; they provide users with the opportunity not only to work with electronic reference systems, but also to work remotely with digitized documents. Informatization of the work of archives allows to transfer a whole range of public services in the Internet space. It is concluded that Russian archives are gradually becoming part of an electronic society.

REFERENCES

1. Federal Archival Agency. (2016) *Analiticheskiy obzor "Monitoring osushchestvlyayemykh v gosudarstvennykh arkhivakh Rossiyskoy Federatsii projektov perevoda v elektronnyy vid nauchno-spravochnogo apparata i arkhivnykh dokumentov"* [Analytical review "Monitoring of the projects for the transfer of reference and archive documents into electronic form in the state archives of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <http://archives.ru/sites/default/files/2016-monitoring-nsa-gosarhive.pdf>.

2. Russian Federation. (2016) *Ob arkhivnom dele v Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 22.10.2004 №125-FZ* (v red. ot 23 maya 2016 g.) [On archiving in the Russian Federation: Federal Law No. 125-FZ of 22.10.2004 (as amended on May 23, 2016)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1406/.
3. State Archive of Altai Krai. (n.d.) *Uslugi i rabota s grazhdanami* [Services and work with citizens]. [Online] Available from: http://www.archiv.ab.ru/back_l/uslugi/.
4. *Public Services Portal of the Russian Federation*. [Online] Available from: <https://www.gosuslugi.ru/>. (In Russian).
5. Altai Krai Department of Culture and Archival Affairs. (2011) *Administrativnyy reglament po predostavleniyu upravleniyu Altayskogo kraya po kul'ture i arkhivnomu delu gosudarstvennoy uslugi "Organizatsiya informatsionnogo obespecheniya grazhdan i yuridicheskikh lits na osnove dokumentov Arkhivnogo fonda Altayskogo kraya i drugih arkhivnykh dokumentov"*: utv. prikazom upravleniya Altayskogo kraya po kul'ture i arkhivnomu delu ot 17.02. 2011 № 32 [Administrative regulations for the provision of the public service "Organization of information support for citizens and legal entities on the basis of documents of the Archive fund of Altai Krai and other archival documents" by the Altai Krai Department of Culture and Archival Affairs: approved by Order of the Altai Krai Department of Culture and Archival Affairs No. 32 of 17.02.2011].
6. Russian Federation. (2006) *O poryadke rassmotreniya obrashcheniy grazhdan Rossiyskoy Federatsii: federal'nyy zakon ot 02.05.2006 № 59-FZ* [On the order of consideration of applications from citizens of the Russian Federation: Federal Law No. 59-FZ of 05.05.2006]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/.
7. Bryukhanova, E.A. (2017) *Arkhivy on-line: eksperiment po poisku materialov vseobshchey perepisi naseleniya 1897 g. v informatsionnykh resursakh arkhivov Sibiri* [Archives online: an experiment to search for materials of the 1897 general census in the information resources of the archives of Siberia]. In: Afiani, V.Yu. et al. (eds) *Rol' arkhivov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki* [The role of archives in the information support of historical science]. Moscow: Eterna.
8. Ministry of Culture of the Russian Federation. (2007) *Pravila organizatsii khraneniya, komplektovaniya, ucheta i ispol'zovaniya dokumentov Arkhivnogo fonda Rossiyskoy Federatsii i drugih arkhivnykh dokumentov v gosudarstvennykh i munitsipal'nykh arkhivakh, muzeyakh i bibliotekakh, organizatsiyakh Rossiyskoy akademii nauk. Uverzhdeny prikazom Minkul'tury RF ot 18.01.2007 № 19* [Rules for organizing the storage, acquisition, accounting and use of documents of the Archival Fund of the Russian Federation and other archival documents in state and municipal archives, museums and libraries, organizations of the Russian Academy of Sciences. Approved by Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation No. 19 of January 18, 2007]. [Online] Available from: http://portal.rusarchives.ru/news/prikmkm19_07.shtml.
9. *Central Catalog of Funds*. [Online] Available from: <http://cfc.rusarchives.ru/CFC-search/>. (In Russian).
10. *Russian State Historical Archive of the Far East*. [Online] Available from: <http://rgiadv.ru/fonds/spisok-fondov/>. (In Russian).
11. Historical Archive of Omsk Oblast. (n.d.) *Baza dannykh "Svedeniya o dokumentakh Arkhivnogo fonda Rossiyskoy Federatsii, khranyashchikhsya v BU ISA"* [Database "Information about the documents of the Archival Fund of the Russian Federation stored in the information management system of the Institute of Architecture and Social Sciences"]. [Online] Available from: <http://iaoo.ru/af/index.php?act=gl>.
12. *Guides to the Russian archives: A database*. [Online] Available from: <http://guides.rusarchives.ru/search/basic/BasicSearch.html>. (In Russian).
13. *Office for Archives of Tyumen Oblast*. [Online] Available from: <http://archiv.72to.ru/>. (In Russian).
14. *State Archive of Tomsk Oblast*. [Online] Available from: <http://gato.tomica.ru/>.
15. *Archives of Krasnoyarsk Krai*. [Online] Available from: <http://xn----7sbbimrdkb3alvdfgd8eufwc.xn--p1ai/>.
16. Russian Federation. (2017) *Perechen' meropriyatiy i ob"emy finansirovaniya federal'noy tselevoy programmy "Kul'tura Rossii (2012–2018 gody)" po napravleniyam, razdelam, punktam. Prilozhenie k federal'noy tselevoy programme "Kul'tura Rossii (2012–2018 gody): postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 03.03.2012 № 186 (v red. ot 17.02.2017)* [The list of events and funding levels of the federal target program "Culture of Russia (2012–2018)" in areas, sections, paragraphs. Appendix to the federal target program "Culture of Russia (2012–2018): Decree of the Government of the Russian Federation No. 186 of 03.03.2012 (as amended on February 17, 2017)]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102366731&backlink=1&&nd=102154610>
17. Federal Archival Agency. (2014) *Doklad rukovoditelya Federal'nogo arkhivnogo agentstva A.N. Artizova "O strategicheskikh podkhodakh k razmeshcheniyu arkhivnoy informatsii v seti Internet"* [Report of A.N. Artizov, head of the Federal Archival Agency, "On Strategic Approaches to Placing Archival Information on the Internet"]. [Online] Available from: <http://archives.ru/reporting/report-artizov-2014-sovet.shtml>.
18. Federal Archival Agency. (n.d.) *Informatsionno-poiskovye sistemy i tematicheskie katalogi* [Information retrieval systems and thematic catalogs]. [Online] Available from: <http://archives.ru/search-systems-catalog.shtml>.
19. Yumasheva, Yu.Yu. (2012) *Metodicheskie rekomendatsii po elektronnomu kopirovaniyu arkhivnykh dokumentov i upravleniyu poluchennym informatsionnym massivom* [Guidelines for the electronic copying of archival documents and management of the received information array]. Moscow: VNIIDAD.

Received: 01 April 2019

Е.И. Красильникова

ПАМЯТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТЛИЧИЙ: ЮБИЛЕИ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ (1904–1943 гг.)

Работа выполнена при финансовой поддержке Новосибирского государственного технического университета (проект С-12, 2018 г.).

Статья посвящена истории празднований юбилеев сибирских городов в первой половине XX в. Основное внимание уделяется коммеморативной составляющей торжеств. Автор сравнивает юбилеи Томска (1904 г.), Красноярска (1928 г.) и Новосибирска (1943 г.). Выясняются смыслы политики памяти, отраженные в торжествах; устанавливаются социально-политические и культурные контексты, отражавшиеся на характере празднований в разные годы; выявляются черты исторической преемственности в организации праздничных мероприятий.

Ключевые слова: юбилейные торжества; коммеморация; политический праздник; Сибирь.

Практика торжественно отмечать дни городов в форме массовых мероприятий утвердилась по всей России на излете советского времени. Так, 6 апреля 1987 г. Новосибирский городской исполнительный комитет принял постановление № 1766 «Об учреждении ежегодного празднования Дня города Новосибирска». Концепция торжеств включала ряд идеологических задач: «Праздник должен был способствовать продолжению революционных, боевых и трудовых традиций города; пропагандировать экономические и социалистические достижения трудовых коллективов; воспитывать у горожан патриотизм и любовь к родному городу» [1]. В 1990-х гг., забывшихся, в частности, словами президента Б.Н. Ельцина, адресованными субъектам федерации: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить»; подобные празднования, сопровождавшиеся разнообразными развлечениями, стали восприниматься как привычные и традиционные. Казалось бы, это – заблуждение, ведь День города начали отмечать недавно, однако поиск истоков практики празднований Дня города позволяет обнаружить длительную предысторию. В частности, предшественниками Дня города были дореволюционные и советские юбилеи Сибири и отдельных сибирских городов, празднование которых, наряду с другими торжествами (к примеру, в честь 1 мая), в разных смыслах, подготовило почву для хорошо известной сегодня коммеморативной практики. Актуальность изучения предыстории празднования Дня города состоит в углублении представления об исторически сформировавшихся смыслах и значении этих торжеств как для отдельных городов, так и в целом для страны. Пропаганда разных лет, которая транслировалась в праздничные дни, сформировала в коллективной памяти сибиряков разнообразные стереотипы, упрощающие исторические представления сибиряков и нуждающиеся в критическом осмыслении.

День города – это условный день рождения, очередная годовщина основания, памятная дата. С одной стороны, торжества, связанные с днями города, обращаются к прошлому, поэтому День города обычно сопровождается разнообразными коммеморациями в публичном пространстве, акцентирующими внимание на ключевых с позиции той или иной концепции событиях местного прошлого, включенных в контекст

общероссийского исторического метанарратива. С другой стороны, эти праздники, призванные воспитывать в местных жителях любовь к малой родине, обращены к современным достижениям и перспективам дальнейшего развития города и региона. Условность и символическая слабость точных дат празднований придает значение скорее не событию основания города, а обобщенному «результату» последующего развития локуса в его максимальной версии сегодняшнего или оставшегося в прошлом апогея презентабельной значимости. День города – это политический праздник, отражающий процессы, связанные с реализацией политики памяти как на уровне государства, так и отдельно взятых регионов, имеющих свою специфику. Для политических субъектов местного уровня локальное прошлое является ценным ресурсом символической политики, нацеленной на продвижение определенных интерпретаций социальной реальности и стратегий ее изменений. Эффективность использования прошлого зависит во многом от пригодности избираемых исторических сюжетов и фигур памяти, в частности от их узнаваемости, закреплённости в массовом сознании через разные каналы, подверженности реинтерпретациям, положительной окрашенности и др. [2. С. 140–142]. Политика памяти, разрабатываемая и реализуемая на местах, несомненно, должна отталкиваться от существующего исторического опыта, исследование которого имеет актуальность в контексте формирования адекватно и эффективно функционирующих институтов публичной политики как сферы согласования интересов общества и государства.

Цель данной статьи – проследить динамику коммеморативной составляющей торжеств, устраивавшихся в честь юбилеев сибирских городов в первой половине XX в. На этот период пришлось празднование трех основных юбилеев: 300-летия Томска (1904 г.), 300-летие Красноярска (1928 г.) и 50-летия Новосибирска (1943 г.). На характере торжеств отразились социально-политические реалии трех разных этапов отечественной истории: этапа Первой русской революции, переходного этапа от нэпа к сталинской модернизации, этапа Великой Отечественной войны. В задачи исследования входит выяснение смыслов политики памяти, результатом реализации которой и

являлись интересующие нас торжества; установление социально-политических и культурных контекстов, отражавшихся на характере празднований в разные годы; анализ праздничных коммемораций на предмет исторической преемственности в их формах и содержании а также на предмет эффективности их использования.

Историография изучаемого вопроса включает работы Н.В. Бутаковой, Ю.М. Гончарова, А.В. Куприянова, Н.В. Паршуковой, С.А. Шилина, посвященные городской праздничной культуре Сибири дореволюционного периода [3–7]. В этих произведениях описаны разнообразные примеры массовых празднований памятных дат политического и культурного значения в дореволюционной России, однако коммеморативной стороне торжеств особенного внимания не уделено.

Государственные праздники 20–30-х гг. XX в., устраивавшиеся в Советской России, были охарактеризованы некоторыми исследователями уже в 1960–1980-х гг. (В.С. Аксенов, Д.М. Генкин, П.Г. Ширяева и др.) [8–10]. Эти авторы не могли игнорировать узких идеологических рамок, которые не оставляли возможности для критичного взгляда на советскую праздничную культуру. Кроме того, они уделяли больше внимания педагогическим, художественным и прочим аспектам праздников, не ставя перед собой специальной задачи представить их в контексте истории политического развития страны.

Советский праздничный календарь, специфика массовых торжеств и их идеологическое значение в последние годы активно изучаются как российскими, так и зарубежными учеными. В России эта тематика исследуется преимущественно на региональных материалах. В числе прочих отдельного внимания заслуживают работы С.Ю. Малышевой, выполненные на материалах Татарстана. Автор не только детально описывает изменения в праздничном календаре, разъясняет принципы организации торжеств и выявляет рецепцию советской праздничности, но также интерпретирует символику и историческую мифологию революционных праздников 1920-х гг. [11]. Не менее интересны исследования томского политолога А.И. Щербинина, рассматривающего государственные праздники 1920–1930-х гг. как средство политической индоктринации [12]. Немалый вклад в разработку тематики, связанной с массовыми советскими праздниками, внесли зарубежные специалисты, прежде всего М. Рольф [13] и К. Петроне [14], изучавшие идеологическое и культурное значение для общества советских праздников.

Краткие описания юбилеев интересующих нас сибирских городов приводятся в работах краеведов. Так, 300-летие Томска освещалось в статье историка и архивиста А.Г. Караваевой [15], праздничные мероприятия в честь 300-летия Красноярска были охарактеризованы в научно-популярной книге «Красноярск от прошлого к будущему: очерки истории города», подготовленной коллективом авторов [16. С. 381], торжества в честь 50-летия Новосибирска затрагивались в одной из краеведческих статей журналиста Л.А. Кузьменкиной [1].

В методологическом отношении данная работа опирается на труды, подготовленные в рамках

направления междисциплинарных исследований, известного как «memory studies». В его контексте коллективная и персональная память рассматривается в социальном и культурном аспектах. В частности, изучаются и сопоставляются различные нарративы («схематические шаблоны повествований»), лежащие в основе исторической памяти социальных групп о глобальных и локальных событиях прошлого; способы и формы организации национальной памяти посредством литературы, образования, обычаев, политики; особенности запоминания и забвения обществом значимых событий, в том числе травматических; использование государством и другими политическими субъектами фрагментов исторической памяти для оправдания или осуждения политических действий [17]. Одной из центральных проблем «memory studies» является политика памяти, под которой в самом широком смысле понимаются комплекс средств и сами процессы легитимации тех или иных элементов современного порядка с помощью отсылки к реальным или сконструированным событиям прошлого и их идеологически значимым интерпретациям, которые используют политические субъекты. При этом для исследователя становится актуальной задача критичного и беспристрастного осмысления конструкций и методов политики памяти, тесно связанной с политикой идентичности [18], противостоящая тенденции «служения» историков и других гуманитариев тем или иным историческим нарративам, порожденным политической пропагандой. Дискурсивные проявления коллективной памяти разнообразны. Память запечатлевается, хранится и актуализируется как в культурных практиках, так в устных и письменных нарративах. Именно поэтому изучение политики памяти, как и собственно коллективной памяти, обычно осуществляется в опоре на междисциплинарный подход. Историческое исследование официального праздника, в котором выражается политика памяти и отражаются культурные традиции, не может не учитывать культурологических и политологических контекстов. Неизбежно и обращение к филологическим методам, в частности к нарративному анализу, дающему возможность проследить динамику смыслов политики памяти через широко растиражированные историко-краеведческие и литературно-исторические тексты, дополнявшие и разъяснявшие коммеморативные практики – массовые торжества.

В качестве основных источников данного исследования были использованы неопубликованные делопроизводственные документы, хранящиеся в государственных архивах Томска, Красноярска и Новосибирска (ГАТО, ГАКК, ГАНО). Главным образом эти источники отражают подготовку и проведение юбилейных мероприятий, участие в этом процессе местных органов власти, музейных работников и деятелей культуры. Важным источником данного исследования стали и ежедневные газеты, издававшиеся в Сибири в исследуемый период. Смыслы политики памяти, выражавшиеся в празднованиях юбилеев городов, транслировались местными ежедневными газетами, на страницах которых публиковались как репортажи о подготовке и проведении праздников, так и литера-

турно-исторические, а также историко-краеведческие тексты, тематически связанные с юбилеями. Нами были использованы публикации, приуроченные к юбилеям городов, из изданий «Сибирская жизнь» (Томск), «Красноярский рабочий» (Красноярск) и «Советская Сибирь» (Новосибирск). Значимыми источниками исследования стали и публицистические издания, приуроченные к юбилейным датам в истории Сибири, и отдельные их переиздания [19–23].

Юбилеи сибирских городов имеют предысторию. Еще в дореволюционный период устраивались празднования юбилеев российских столиц. В 1847 г. отмечали 700-летие Москвы, а в 1903 г. – 200-летие Петербурга. Юбилейные торжества, которые проходили по всей стране, подчинялись задачам реализации имперской политики памяти, выражая национальную значимость столиц [24]. Одновременно, после введения городского положения 1870 г. в некоторых старых провинциальных городах России (Рязань, Кострома) также устраивались торжества в честь юбилеев этих городов [15]. В условиях периода либеральных реформ региональные юбилеи стали использоваться местными демократическими силами в качестве информационных поводов для заострения внимания общественности и государства на социально-политических проблемах провинций и окраин. В дни торжеств выдвигались общественно значимые инициативы, направлявшиеся главным образом на народное просвещение, демократизацию судебной и пенитенциарной систем. Смена политического курса после оглушительного теракта 1 марта 1881 г., основной жертвой которого стал император Александр II, лишь усилила эту тенденцию на местах.

Торжествам в честь юбилеев сибирских городов идейно и организационно предшествовало празднование в 1881 г. 300-летия Сибири. Почва для проведения серии мероприятий готовилась постепенно. Уже к 1881 г. стали появляться публикации, претендовавшие на подведение итогов исторического развития Сибири и ее отдельных частей в составе Российского государства. К числу подобных работ относится книга члена Императорского Русского географического общества (ИРГО), выдающегося краеведа, стоявшего у истоков тобольского музея, К.М. Голодников «Тобольская губерния накануне 200-летия завоевания Сибири» [19]. Ее автор описывает покорение Сибирского ханства русскими казаками во главе с Ермаком и отмечает, что сразу, войдя в состав России, Сибирь стала пристанищем тех, кем двигала «любовь к бродяжничеству» и «погоня за наживой», а вскоре – местом ссылки политических преступников, после чего и преступников всех сословий [19. С. 16]. Город Тобольск, где, как можно узнать из этой книги, в 1784 г. праздновалось 200-летие завоевания Сибири, описан К.М. Голодниковым как захолустный в экономическом и культурном отношении, к тому же утративший перспективы развития из-за переноса в Омск военных учреждений и смещения на восток торговых капиталов. Преимущественно мрачно представлены реалии жизни и других городов губернии, особенно оставшихся в стороне от железнодорожных путей. Не делая политизированных выводов, автор издания явно низ-

ко оценивает хозяйственное и культурное состояние губернии. Эти оценки отражают определенную тенденцию. Как будет видно в дальнейшем, юбилейная дата покорения Сибири стала поводом заострить внимание общественности и властей на многочисленных проблемах региона и потребовать преобразований.

В 1881 г. выходцы из Сибири устроили торжества в честь юбилея, имевшие общественный и политический резонанс. Интерес к 300-летию завоевания Сибири русскими казаками изначально возник среди городской интеллигенции. Группа общественных деятелей из числа сибиряков, живших в столицах, избрала для торжеств день взятия Искера – столицы Сибирского ханства – 26 октября. Торжества, устроенные в этот день, прошли в форме праздничных обедов в Санкт-Петербурге и Москве, о чем выходцев из Сибири, «лиц, посвятивших свои труды этому краю» и «лиц, сочувствовавших процветанию этого края», оповещали городские газеты. Организаторы ставили цель собрать и познакомить между собой людей, «связанных Сибирью жизнью и деятельностью и составляющих известную областную группу в среде других, выставляемых русской жизнью» [20. С. 34]. На обед в зале петербургской гостиницы «Демут» собралось более 200 человек: генералы, профессора, врачи, студенты, уроженцы Сибири, учащиеся девицы, курсистки, дамы, члены комитета общества содействия промышленности и торговле. Председательствовал генерал-адъютант Л.П. Сафьяно – бывший председатель Восточносибирского отдела ИРГО. Распорядителями обеда также выступили вице-председатель ИРГО П.П. Семенов и член *Совета Главного управления Восточной Сибири от Министерства финансов, действительный член* Сибирского отдела ИРГО Б.А. Милютин. Они произнесли торжественные речи и зачитали ряд приветственных писем, в том числе от султана Гази-Булата Вали-Хана, а также предоставили слово нескольким ораторам. Юбилейные речи были обращены не столько к прошлому Сибири, сколько к ее насущным проблемам, сформировавшимся исторически. Выступавшими были отмечены героические страницы покорения Сибири русскими, прославлялся сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский, «Божий старец, выходявший вечером в час досуга, не в пышном, а в скромном одеянии на берег реки Ангара и задумчиво обращавший добродушный взор вдаль на запад», правитель, «имя которого и теперь хранится в народной памяти». Лидер сибирского областничества Н.М. Ядринцев, принявший участие в мероприятии, высказал мысль о необходимости написать обобщающую все этапы покорения и освоения историю 300-летней Сибири. К.П. Мейбаум отметил экономические и культурные достижения последних лет царствования Александра II: проведение телеграфов, «предназначенные великого сибирского Александрийского железного пути», открытие морского пути через Северный Ледовитый океан и основание Сибирского (томского) университета, о котором говорили почти все собравшиеся. Обращение именно к этим историческим сюжетам ясно обозначало либеральные установки собравшихся, их намерение отстаивать необходимость

социальных преобразований в Сибири и, говоря словами Н.М. Ядринцева, «гражданских реформ, которые призвут сибирское общество к жизни». Оратор Г. Грацианский призвал сибиряков бороться за то, чтобы освободить Сибирь от «хлама прошедшего», «исторических обносков», которыми она «завалена» более, чем другие российские окраины [20. С. 5–15].

Участники мероприятия обсуждали преимущественно социально-политические и культурные проблемы региона: слабое распространение просвещения, несовершенство судебной системы, резкое имущественное расслоение населения, бесправие женщин, отсутствие земских учреждений, недостаток свободы слова, негативное моральное воздействие сибирской каторги на сибиряков. Г. Фойницкий предложил испросить у министра внутренних дел Высочайшее соизволение на учреждение из сведущих людей сибирской комиссии, которой предоставлено было бы право рассмотрения заявлений жителей Сибири и ходатайств перед правительством о нуждах края по вопросам развития путей сообщения, о развитии промышленности, торговли, образования, науки, местной печати и переселенческого движения [Там же. С. 13]. Собравшиеся высказывали надежды на то, что Сибирь станет полноценной частью России как в административном, так в политическом, экономическом и культурном смыслах.

На «задушевном» обеде в Москве, который прошел в русской палате гостиницы «Славянский базар», присутствовало всего около 90 человек, торжество прошло скромнее, чем в Петербурге, однако это было связано с поздним оповещением сибиряков о мероприятии. Подняв первый тост за государя императора, председатель обеда Н.М. Чукмалдин – тобольский предприниматель, меценат и публицист, обратился к прошлому Сибири, отметив, что залогом ее нынешнего развития стало отсутствие крепостного права, в значительной степени нивелировавшее влияние каторги и недостатки администрации. Демократичность взглядов собравшихся отразилась также в прославлении «народной самодеятельности» казаков и крестьян-переселенцев, «любивших свободу и приволье». Участники мероприятия поднимали тосты за развитие сибирского университета, печатного слова, скорейшее строительство железной дороги, за сибирских женщин [20. С. 18–23].

На празднование 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России активно отозвалась периодическая печать. Издания «Русские ведомости», «Московский телеграф», «Новое время», «Порядок», «Минута», «Неделя», «Новости» и другие, поддерживали идеи организаторов мероприятий. Последняя из указанных газет сообщала о том, что в самой Сибири торжество не устраивалось. В частности, в Томске проведение праздничных мероприятий было запрещено по формальной причине «неопределенности даты присоединения Сибири к Русскому царству». Издание иронизировало: «Судьба к нам еще благосклонна, вырвав из нашей памяти день присоединения страны, которая могла бы для нас служить источником обогащения, но вместо того обращена нами в место российских нечистот» [20. С. 31].

О попытках отпраздновать 300-летие присоединения Сибири к России в Томске свидетельствуют документы, датированные 1882–1883 гг. Действуя в единой логике с организаторами торжеств в российских столицах, гласные томской городской думы пытались использовать юбилей в качестве информационного повода для возбуждения ходатайства перед министром внутренних дел о «введении в Сибирь реформ, существующих в Европейской России» [25. Л. 5]. В частности, томичи настаивали на необходимости создания в их городе мировых учреждений [Там же. Л. 2]. Апелляция к юбилейной дате использовалась как обоснование актуальности формирования единого и однородного правового пространства в стране, преодоления Сибирию колониального состояния, которое тормозит экономическое, социально-политическое и культурное развитие региона.

За юбилейными мероприятиями в честь присоединения Сибири к России последовала череда локальных трехсотлетий, внимание к которым было обусловлено продолжавшейся борьбой демократических сил Сибири за «гражданские реформы», ее культурное и социальное развитие. Так, в 1887 г. акцентировалось внимание на 300-летнем юбилее Тобольска. В честь этой памятной даты местная интеллигенция смогла добиться закладки на народные средства здания первого музея, вскоре принятого под покровительство цесаревича Николая Александровича и получившего губернский статус [26. С. 15–17]. В 1891 г. отмечалось трехсотлетие Березова. Внимание снова акцентировалось на проблемах просвещения и социально-политического развития края [21].

В 1904 г. томичи готовились отмечать 300-летие своего города. Социально-политические контексты, разгоравшейся Первой русской революции отразились на характере мероприятий, выражавших очередные требования местных политических сил, настроенных оппозиционно по отношению к царской власти, осуществить ряд демократических преобразований в Сибири. Еще в 1901 г. на приближение памятной даты обратили внимание местные ученые-краеведы – И.Ф. Токмаков и П.М. Головачев, предложившие городской Думе оказать содействие в подготовке и издать обобщающий труд по истории Томска к его юбилею. Выполнить эту задачу не удалось, однако важен сам прецедент попытки собрать материал для юбилейного издания по истории, которое могло бы стать выражением политики памяти местных антиправительственных сил. Помимо сборника документов по истории Томска к его 300-летию в городе планировалось провести ряд значимых мероприятий.

Для подготовки торжеств городской Думой была создана специальная комиссия. Ее председателем стал присяжный поверенный П.В. Вологодский, известный в городе и вошедший в его историю благодаря своей общественно-политической деятельности, в частности, заботой о распространении в Томске начального образования. В качестве членов комиссии документы зафиксировали имена гласных городской Думы П.М. Вяткина и А.Н. Шипицина, а также юриста М.И. Боголепова, М.М. Дмитриева, врача К.М. Грецишева, профессоров И.А. Малиновского (историк

русского права) и М.Н. Соболева (экономист), общественного деятеля, публициста, одного из лидеров движения областников Г.Н. Потанина и С.П. Шевцова, стоявшего у истоков организации эсеров в Западной Сибири [27. Л. 11]. Комиссия привлекала к своей работе и некоторых общественно активных представителей местной интеллигенции – врача И.Е. Овсянкина, педагога и краеведа Г.К. Тюменцева и др. [Там же. Л. 12 об].

Трехсотлетие Томска рассматривалось комиссией, прежде всего, как повод инициировать ряд либеральных преобразований в городе и губернии. Так, планировалось 27 сентября 1904 г. устроить торжественное заседание Думы, на котором будут рассмотрены вопросы об особенных ходатайствах Томского городского общества по случаю исполнившегося 300-летия г. Томска. Комиссия полагала необходимым возбудить следующие ходатайства: о всеобщем и обязательном обучении в г. Томске; о введении скорейшего суда присяжных заседателей в Сибири; о допущении женщин к обучению в Томском университете; о расширении избирательного права для городских управлений в Сибири; об окончательной отмене ссылки в Томске и Томской губернии [27. Л. 17].

В духе революционного времени комиссия уверенно продвигала антиправительственную политику памяти, выражавшуюся в запланированных юбилейных мероприятиях. Сбор исторических артефактов и сведений о Томске преподносился как всенародное дело. Теоретически каждый мог предложить комиссии любые первоисточники. Однако состав упомянутых в протоколах комиссии артефактов, полученных к юбилею от разных дарителей, очевидно тенденциозен. Эта тенденция отражает фиксацию внимания на предметах, интересных с точки зрения истории свободомыслия в России. В частности, один из протоколов заседания комиссии зафиксировал получение от попечителя Сибирского учебного округа П.И. Лаврентьева плана города Томска, некогда начерченного декабристом Г.С. Батеньковым, отбывавшем в Томске ссылку, а также ряд его личных документов из собрания рукописей профессора П.А. Висковатова. Помимо этого, комиссии стали доступны фотоснимки томских домов, где жили Г.С. Батеньков и лидер областничества Н.М. Ядринцев [Там же. Л. 13–13 об].

Опорами конструкции исторического образа Томска, формировавшегося членами комиссии в преддверии юбилея города, стали памятные места. Наряду с Тояновым городком, возведение которого положило, по мнению комиссии, начало истории Томска, и значимым для местной духовной жизни Алексеевским мужским монастырем комиссия выделила в качестве основных памятных мест Томска дома, «где жил известный в последствии эмигрант Бакунин» и где помещалась редакция просветительской «Сибирской газеты», издававшейся усилиями народников и областников. Эти памятные места предполагалось сфотографировать для издания праздничного альбома. В сборник комиссия намеревалась также включить портреты «исторических личностей»: упомянутого декабриста Г.С. Батенькова, исследователя Сибири Н.А. Кострова, писателя-народника, увлекавшегося

либеральными идеями, Н.И. Наумова (умер в 1901 г.), краеведа и библиотекаря, сподвижника сибирских областников Д.Л. Кузнецова, этнографа, известного публициста, также областника С.С. Шашкова.

Комиссия приняла решение максимально широко оповестить о юбилее Томска все городские управления Сибири и Европейской России, а также учебные заведения, музеи, общественные организации, газеты и почетных лиц. Оповещения содержали просьбы переслать депутации к празднику или как-то иначе принять участие в торжествах. Особенное внимание уделялось участию в мероприятиях Томского университета, как авторитетного во многих отношениях учреждения, поддержка которого могла быть полезной в реализации демократических инициатив. Для прибывших депутатий от городов, лиц и учреждений планировалось устроить совместно с университетом торжественное собрание, на котором зачитывать праздничные речи, приветственные адреса и телеграммы [27. Л. 17].

Помимо торжественного заседания городской Думы программа праздничных мероприятий включала в себя народные чтения на нескольких площадках с целью демонстрации «гуманных картин из прошлой жизни Томска и Сибири вообще», а также соответствующий народный спектакль [Там же. Л. 17]. Это обращение к историческим сюжетам было направлено на то, чтобы образно и эмоционально показать истоки проблем, существующих в регионе, который влачит бремя колониального состояния. Однако масштабных мероприятий так и не состоялось. 11 сентября комиссия, готовившая празднование 300-летия Томска, официально объявила о решении отложить торжества ввиду военного времени до более благоприятного момента [28].

Однако юбилейная дата «прозвучала» в периодической печати. 27 сентября 1904 г., в день 300-летия города, в газете «Сибирская жизнь» было опубликовано стихотворение П. Блиновского, посвященное истории и современным проблемам Томска [29]. Автор произведения прославлял память Ермака, «что принес как подарок Сибирь для московского царского трона». В духе областничества Блиновский подчеркнул, что подвиги Ермака состоялись благодаря лихим казакам, имена которых «не доступны остались преданью». Покорив дикие орды Кучума и еще нескольких «князцов», удалые казаки добрались, наконец, и до князя Таяна, стан которого виднелся у «ленты извилистой Томи». Не видя возможности противостоять казачьей силе, Таян пошел «под высокую царскую руку». Ранняя история Томска была описана Блиновским как мужественное противостояние маленького острога набегам «дикарей» и нападениям беглых каторжан («оборванных, злых беглецов, не умевших с тюрьмой примириться»). Однако спустя 300 лет «вырос город над Томью рекой и как сердце могучее бьется», Томск сделался центром просвещения, «тяжелые таежные были» ушли в прошлое, все больше становится в городе света, простора и жизни, настало время вершить великие дела.

Несколько отвлекаясь от основной темы данной статьи, упомянем также 300-летие Дома Романовых, официальные торжества в честь которого прошли по

всей стране, в том числе и в сибирских городах. Следуя сценарному шаблону государственного праздника, жители Томска устроили в честь юбилея ряд стандартных коммеморативных мероприятий: торжественное заседание городской Думы, молебен в честь Романовых, поставили спектакли «Жизнь за Царя», «Козьма Минин» и «Костромские леса», которые прошли на сценах коммерческого и общественного собраний, а также в бесплатной библиотеке [30. Л. 96 об. – 96 а]. В этих коммеморациях не звучало сибирской темы. Однако, выразив верноподданнические чувства к государю и царствующей династии, вознес в честь Романовых «горячие молитвы», гласные Думы решили вернуться к вопросам социального развития Томска, инициировав открытие в городе к памятной дате приюта для 100 детей и преобразование прогимназии в женскую гимназию [30. Л. 147]. Символично, что к юбилею Дома Романовых был создан памятный сувенир – «вечный календарь» – металлическая коробочка с передвижным численником, который распространялся, в частности, среди городской администрации Томска. «Вечность» календаря отражала оптимистичную идею «вечности» царствования Романовых, которые волей судьбы уже через четыре года навсегда потеряли власть [30. Л. 134–136]. Однако стандарты празднований юбилеев, сложившиеся в имперский период, пережили Дом Романовых. Не прекратились и попытки сибиряков артикулировать местные социально-политические проблемы в ходе празднования региональных юбилеев, хотя в 1920–1940-х гг. эти попытки были уже не столь явными.

Очерedное 300-летие в Сибири пришлось на 1928 г., когда отмечался юбилей Красноярска. Если юбилейные торжества, готовившиеся в Томске, были инициированы политическими силами, настроенными оппозиционно по отношению к государственной власти, то коммеморативные мероприятия в Красноярске, проводившиеся общественными организациями совместно с местными партийными органами, были логично встроены в систему советских политических праздников – памятных дат, центральное место среди которых занимали Октябрьские торжества. 7 ноября – главный праздник страны, во второй половине 1920-х гг. служил, прежде всего, пропаганде идеи значительных достижений социально-экономического и культурного развития страны за короткий период после Октябрьской революции и Гражданской войны. Постановление Октябрьской комиссии при президиуме ЦИК СССР, принятое в 1927 г. (в год 10-летия Октября), содержало формулировку главной цели торжеств: «Юбилей должен подвести итоги достижениям, чтобы с еще большей уверенностью продолжить дело, начатое в Октябре 1917 г.» [31. Л. 16]. В официальных коммеморациях, связанных с годовщинами Октября, дореволюционное прошлое страны преподносилось преимущественно в мрачных красках, контрастных тем, которые использовались для описания жизни обновленного советского общества. При этом к концу 1920-х гг. прежде значительный интерес коммемораторов к событиям военно-революционной истории на местах был заметно погашен. Однако юбилейные торжества в Красноярске противостояли про-

цессу вытеснения сюжетов местной истории общесоветскими сюжетами из системы официальных праздничных коммемораций. Смысловым ядром праздника было разностороннее и интенсивное развитие этого города, ставшее возможным в результате социалистической революции и героической борьбы местных деятелей подполья с «колчаковщиной». При этом дореволюционное прошлое города не очернялось так, как в дни Октябрьских торжеств. Местная интеллигенция, принимавшая активное участие в мероприятиях, широко растиражировала во многом привлекательные образы «красноярской старины».

В организации праздника были задействованы местное отделение Географического общества и Общество врачей, существовавшее с 1885 г. Безусловно, к участию в торжествах привлекались музейщики и краеведы. Важно учитывать, что в Красноярске, как и в Томске, еще до революции сложились устойчивые краеведческие традиции. В 1889 г. был основан музей Приенисейского края, ставший центром краеведения. К началу 1920-х гг. в его запасниках хранилось 1932 предмета, связанных с историей Красноярска [32. Л. 29 об.]. Существовавший отдел «Старый Красноярск», которым с 1920 г. руководил сын священника, историк, филолог и педагог, окончивший еще до революции Петербургский университет, В.А. Смирнов, продолжал пополняться за счет дарителей, представленных как учреждениями, так и частными лицами. Среди них была и дочь выдающегося русского художника, уроженца Красноярска В.И. Сурикова – О.В. Кончаловская. Отдел был представлен планами города и усадеб разных лет, реконструкциями старинных построек, предметами раритетной мебели, посуды, утвари. В музее хранились коллекции костюмов, среди которых имелись артефакты XVIII в., предметов туалета, музыкальных инструментов и прочих редкостей [33. Л. 11]. Здесь сохранилась коллекция портретов городских голов и чиновников дореформенного суда. Музейщики отмечали «заботливое и внимательное отношение граждан к задачам отдела старого Красноярска» [Там же. Л. 21]. Вообще, в конце 1920-х гг. музейные работники Сибири активно занимались городским краеведением, нацеленным на выяснение специфики и деталей местной истории. Их интересовали своеобразие организации городского пространства, старинная архитектура, местные легенды, мемуары горожан. Не составляли исключения и красноярцы во главе с историком В.А. Смирновым, следовавшие этой общей тенденции. Уже в 1930 г. ценностные установки музейщиков, сложившиеся до революции, будут осуждены Первым Всероссийским музейным съездом как «буржуазные». Однако в год юбилея Красноярска краеведческие изыскания в духе дореволюционных устремлений еще были возможны и востребованы как местными властями, так и жителями города.

Нельзя не обратить внимания на историческую преемственность в подготовке празднований юбилеев Томска и Красноярска. Как и в случае с 300-летием Томска, устроители красноярских торжеств приняли решение сделать празднества всенародными, организовать сбор исторических артефактов (зарисовок ста-

ринных зданий, предметов быта, записей преданий и устных рассказов о прошлой жизни города), привлечь к празднику внимание учащихся, заинтересовать их краеведением. Повторился и дореволюционный опыт подготовки к празднику юбилейных книжных изданий. Так, планировалось составить трехтомник «История Красноярска» и начать выпуск ежемесячного журнала «Приенисейский край: человек и природа» как приложения к газете «Красноярский рабочий». Однако эти проекты не удалось реализовать. Там не менее к юбилейной дате красноярские краеведы во главе с профессором В.П. Косованским опубликовали несколько брошюр, посвященных истории города [22, 23]. В конце ноября 1928 г. краеведческий музей Приенисейского края анонсировал юбилейную выставку. Согласно газетному сообщению она включала два зала, посвященные истории города в XVII–XVIII вв. и «мещанскую комнату» конца XVIII – начала XIX в. Ежедневная газета «Красноярский рабочий» приглашала жителей города посмотреть на редкие экспонаты: полотенце из коллекции М.В. Красноженовой, которому насчитывалось 137 лет, столетний диван и кресло есаула Ф.Ф. Спиридонова, «с которого Суриков рисовал Суворова», любопытный старинный шкаф со слюдяными стеклами. Показательно, что о военно-революционной части экспозиции музейщики ничего не сообщали, сделав акцент на «красноярской старине», которая очевидно репрезентировалась «с любовью», в духе аксиологических установок дореволюционного краеведения [34]. Показательно, что к 300-летию Красноярска музей получил от Главнауки 35 тыс. руб., которые были израсходованы на реконструкцию здания и оформление интерьеров. Очередное сибирское трехсотлетие, как и до революции, помогло красноярской интеллигенции добиться заметных результатов в развитии инфраструктуры местной культурной жизни [35].

Порядок торжественных мероприятий в Красноярске во многом повторял сценарии Октябрьских торжеств, оттачивавшихся, в свою очередь, от дореволюционного опыта. Поэтому праздник выглядел вполне советским. С 30 ноября по 8 декабря в клубах читались лекции по истории города. Акцентировалась тема революционного движения в Красноярске. Аналогично 6 ноября устраивались вечера воспоминаний на предприятиях, в учреждениях и клубах. 1 декабря в 10 часов во всех школах города прошли юбилейные утренники, занятия в этот день отменялись. Как и 7 ноября, на площади Просвещения, которая переименовывалась в «Площадь 300-летия», была устроена демонстрация. В ней приняли участие представители профсоюзов, военные и учащиеся. Демонстранты несли плакаты с изображениями исторических сюжетов, посвященных Красноярску, – туземцев, казаков, людей XVIII в. и декабристов. Показательно, что эти фигуры памяти повторяли коммеморативный образный ряд, использовавшийся и при подготовке юбилейных торжеств в Томске [36. Л. 17]. В 19 часов того же дня состоялось традиционное торжественное заседание горсовета. В его ходе прозвучали доклады о 300-летней истории Красноярска, а также о революционном движении в городе [37. Л. 88]. Слово было

предоставлено историку и краеведу В.А. Смирнову. Заседание завершилось инсценировкой на историческую тему, образно представлявшей основание Красноярска, бунт служилых людей Красноярского острога против воеводы (1698 г.), город 100 лет назад, эпизоды революционной истории. Вечером горожане могли посмотреть народные концерты на улицах, украшенных иллюминацией.

2 декабря в 11 часов состоялось торжественное «прибиение» мемориальных досок в Дубенском переулке (прежде переулок Парижской коммуны), которому вернули историческое название в честь основателя города Андрея Дубенского, и на улице Трехсотлетия Красноярска. В 12 часов открылась выставка по истории города в музее Приенисейского края. Фактически она репрезентировала прошлое города не только до, но и после Октябрьской революции. Раскрывались и сюжеты местной революционной истории. 3 декабря в 19 часов началось праздничное заседание местного отделения Географического общества совместно с другими научными организациями. На мероприятие пришли и многочисленные рабочие [Там же. Л. 88–89]. В очередном докладе В.А. Смирнова угадывались коммеморативные мотивы, знакомые нам по празднованиям предыдущих сибирских трехсотлетий. Так, акцентировался героизм покорителей Сибири, боровшихся с минусинскими киргизами, отмечалось, что в первые 200 лет своего существования Красноярск почти не рос, был лишь административным центром, практически не имея промышленного и торгового значения. Из важных событий прошлого выделялись бунт 1698 г. против воевод, строительство железной дороги на территории Красноярья и открытие школ. Другие докладчики раскрывали основные события из истории подпольной борьбы с «колчаковщиной» и имена павших в этой борьбе героев, вспоминали открытие медицинских учреждений в дореволюционном Красноярске усилиями Общества врачей, призывали изучать историю края и заниматься краеведением, объясняя это пользой для развития края, в частности для актуальных задач индустриализации [38].

В 1943 г. отмечалось 50-летие Новосибирска. За два с половиной года войны Новосибирск окреп как промышленный центр. Руководители оборонных предприятий – новая региональная элита, от которой существенно зависели военные успехи страны, – нарабатывали значительный авторитет. Их нахождение на руководящих постах стало более устойчивым, нежели в период Большого террора. Не все предприятия действительно справлялись с грандиозными планами, однако производственные успехи, достигнутые тяжелым неустанным трудом, вызывали гордость у местных руководителей отрасли, которая нашла выражение в официальной праздничной риторике, связанной с локальным юбилеем. Одновременно реалии повседневной жизни рабочих, трудившихся на оборонных предприятиях города, были плачевны. Люди жаловались на недоедание, переутомление и низкие заработки [39. Л. 187]. Стимуляция трудовых подвигов осуществлялась в опоре на строжайшую дисциплину и агрессивную пропаганду. Далеко не все труженики с оптимизмом смотрели в будущее и были

готовы брать на себя обязательства по перевыполнению производственных планов. Поэтому поводом для пропаганды помощи фронту становилось любое сколько-нибудь значимое событие. Так, местные власти обратили внимание на 50-летний юбилей Новосибирска.

Пропаганда военных лет в Сибири была нацелена главным образом на стимуляцию патриотизма и мобилизацию тружеников тыла совершать производственные подвиги в помощь фронту. Этим общим задачам отвечала политика памяти, нашедшая отражение в юбилейных торжествах, посвященных 50-летию города. Праздничные коммеморации репрезентировали Новосибирск в качестве «города, созданного советской властью, как политический и индустриальный центр». При этом упускалось из вида очевидное обстоятельство – то, что оборонные предприятия эвакуировались за Урал вынужденно, и лишь поэтому промышленный рост города превышал планы мирного времени. Не обращалось внимания и на тяжелейшие бытовые условия жизни трудящихся, на их недовольство [40. Л. 6]. Пропаганда прославляла рабочий класс, «куяющий победу» и город Новосибирск как эту самую «кузницу-крепость». 7 ноября секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагин, почтив в своей речи, произнесенной на торжественном заседании горкома партии, героев, павших на фронтах Великой Отечественной войны, а после этого воздал хвалу Новосибирску. Он отметил, что за время войны в городе были построены десятки новых заводов, появилась даже электропромышленность, которой никогда не было в Сибири [41]. Приходится признать, что именно в 1943 г. родилась политизированная позитивная оценка роли войны в истории Новосибирска, которая укоренилась в историографии последующих лет и в коллективной памяти новосибирцев. В те годы мысль о войне как о двигателе прогресса должны были воодушевлять истощенное тяжелым трудом население на преодоление сегодняшних тяжелых условий жизни и труда как временных и укреплять веру в Победу.

В свете задач пропаганды военного периода концептуально изменились официальные репрезентации истории сибирских городов. В 1920–1930-х гг. их дореволюционное прошлое изображалось в официальных коммеморациях преимущественно мрачным и бесперспективным. Исключение составляли отдельные музейные репрезентации 1920-х гг., основанные на ценностных установках дореволюционного краеведения, «любовавшегося милой, ускользающей стариной». Публицистика, напротив, обычно акцентировала дореволюционные сюжеты из истории городов Сибири, связанные с каторгой, социально-политическими контрастами и противоречиями, изображала сибирские города как захолустные, неблагоустроенные, культурно отсталые. Так, еще в 1935 г. очерк по истории Новосибирска, приводившийся в справочнике по городу, содержал крайне неприглядный образ дореволюционного Новониколаевска (с 1926 г. Новосибирска) – города-«убожества»: «Город одноэтажных деревянных домиков, случайно разбросанных в мелких, рассчитанных а уездный городок

кварталах, – вот общая картина досоветского Новосибирска» [42. С. 353].

К 50-летию Новосибирска в газете «Советская Сибирь» был опубликован очерк известного журналиста и писателя С.Е. Кожевникова под заголовком «Город на Оби» [43]. О прошлом сибирских городов автор очерка говорил по-новому, с любовью, в героико-патриотическом тоне: «Тюмень, Тобольск, Нарым, Томск – по улицам этих городов мы ходим как по страницам истории, здесь следы наших предков, здесь первая наша слава». Особая, восторженная любовь выражалась к Новосибирску: «Страстно любим мы Новосибирск! Мы восхищаемся в Новосибирске великой творческой силой русского народа». Воздавалась хвала и новосибирцу, Герою Советского Союза А.И. Покрышкину. В начале этого произведения дореволюционная история подчеркнута героизировалась через рассказ о покорителях Сибири. Заметно, что данный сюжет отражает уже сложившуюся коммеморативную тенденцию, связанную с подготовкой к юбилеям сибирских городов. Героические образы казаков появлялись и ранее как в томских, так и в красноярских коммеморациях. Однако если в прежних коммеморативных репрезентациях начало прогрессивного развития региона связывалось преимущественно с Октябрьской революцией, то теперь фиксировалась свежая мысль: «И вот в сонную Сибирь, в таежную глухомань вдруг ворвался гудок», который издавал поезд, ехавший по Транссибирской магистрали. Сава Кожевников использовал прием стилизации текста под эпос, а также былинные образы («Обь-матушка», «город-богатырь», «каменные пояса домов»). В его трактовке Новосибирск еще до революции олицетворял тип нового русского города, «вольный» и «самочинный», его появление якобы открывало новую страницу в истории Сибири: «Отсюда, с каменистых обских берегов пошла Сибирь на просторы новой жизни». Едва ли эта мысль отвечала тем оценкам, которые до революции давали сибиряки маленькому Новониколаевску и перспективам его развития. В 1920-х гг. Новосибирску как столице Сибири уже предписывались особые качества, якобы присущие этому городу изначально: «Новониколаевск символизировал конец былой Сибири примитивного хозяйства, Сибири Московского тракта, гуза, верблюда». В исторической публицистике 1920-х гг. Новониколаевск предстает, прежде всего, как центр коммерции, история которого началась с базара [44. С. 167]. Но С.Е. Кожевников совершенно игнорирует эту мысль. По его словам, Новосибирск советский «взял на свои плечи богатства и дары огромной социалистической Сибири», стал крупным индустриальным и логистическим центром, самым большим, самым величественным городом региона. Автор очерка сформулировал понимание роли Новосибирска в борьбе за победу в Великой Отечественной войне, отвечавшую официальной позиции местных властей: «Здесь в глубине страны, на берегу многоводной Оби создана и работает крепость огромной несокрушимой силы».

Стимуляция патриотизма, особенно актуальная в военных условиях, опиралась также на использование

сюжетов героической борьбы деятелей новониколаевского подполья с режимом А.В. Колчака в период Гражданской войны. Подготовка к юбилею традиционно связывалась с предпраздничной ревизией памятных мест. В их числе были отмечены дом, где в 1908 г. останавливался С.М. Киров, популярный в годы войны не только как отважный революционер, но и как герой индустриализации, обеспечившей рывок индустриальному развитию Ленинграда в годы первых пятилеток. Также отмечались дом героев большевистского подполья периода «колчаковщины» – семьи Шамшиных, как памятного места «борьбы рабочего класса с царизмом»; конспиративная квартира подпольного комитета периода «колчаковщины», где запланировали создать небольшой музей. В системе памятных мест Новосибирска были зафиксированы также памятники вождям: В.И. Ленину, Гражданской войны, а также единственный памятник местному герою дореволюционной истории – И.В. Сталину, С.М. Кирову, братские могилы жертв инженеру-мостостроителю Н.Г. Гарину-Михайловскому, названному одним из основателей Новосибирска. В список памятных мест, которые предполагалось обновить к празднику, вошли и 15 мемориальных досок, связанных с революционной историей. Представленная система памятных мест в основном оформилась еще в 1920-х гг. Новым в списке был лишь Гарин-Михайловский, которого в довоенное время практически не упоминали. Возрождение памяти об этом человеке отвечало контекстам трудовой мобилизации населения, ассоциируясь с логистическим и индустриальным развитием города [40. Л. 6].

Для политики памяти 1930-х гг. было присуще заметное подавление сюжетов локальной революционной истории сюжетами общесоветскими. Памяти местным героям Гражданской войны в Сибири уделялось все меньше внимания, забывались их имена и подвиги. Патриотические контексты пропаганды предвоенного времени заставили местных музейщиков и журналистов начать работу над актуализацией этого сегмента коллективной памяти. Еще перед войной, к 20-летию «освобождения» Сибири от «колчаковщины» реставрировался главный военно-революционный мемориал города на братской могиле жертв колчаковской расправы и планировалось установить памятник на могиле расстрелянных жертв первого совдепа, находившейся на Новом городском кладбище [45. С. 459]. В 1943 г. продолжилась линия увековечивания в «твердых формах» памяти местных героев военно-революционных лет. В частности, запланировали установить памятник председателю первого в городе совдепа – В.Р. Романову, расстреленному колчаковцами. В связи с этими планами новосибирский горком КПСС обратился к сыну погибшего героя, который написал об отце воспоминания и передал представителям горкома документы отца [40. Л. 35–41]. В этих мемуарах вновь актуализировалась тема «колчаковских зверств», говорилось о судьбах членов семьи Романова, в частности о гибели на фронте в 1941 г. его сына Ростислава, чекиста.

Сохранился и план выставки по истории города, которая готовилась к юбилею. Краеведческий музей в

военный период законсервировали, поэтому местом его размещения был выбран еще не открытый официально театр оперы и балета. План включал разделы, посвященные истории возникновения и развития Новосибирска. Предполагалось продемонстрировать экспонаты, раскрывающие процесс превращения поселка мостостроителей при реке Обь сначала в уездный город, потом в губернский, краевой, областной центр, город республиканского подчинения. Выставка включала интересные факты о переименовании города, о его юном возрасте в сравнении с другими городами, о его посещениях членами правительства. Демонстрировалось прежнее значение города как крупного торгового центра и его развитие в крупный промышленный и культурный центр в советское время. Выставка включала сюжеты о формах управления и самоуправления, о выборах в советы, раскрывала историю революционного движения в городе, темы Октября и Гражданской войны, историю комсомола и профсоюзов. В завершение был показан план развития города 1941 г., который, очевидно, скорректировала война [40. Л. 14]. Выставка демонстрировала динамичный рост Новосибирска, который, вопреки войнам первой половины XX столетия, продолжает интенсивно развиваться, говоря словами Савы Кожевникова, «50-й юбилей свой встречает в строю как боец, сосредоточенный и подтянутый» [41].

В связи с 50-летием Новосибирска не планировалось пышных торжеств, которые считались непозволительными в условиях военного времени. Юбилейные мероприятия особенно не акцентировались и в периодической печати. Однако известно, что 13 декабря, в канун памятной даты освобождения Новониколаевска и Сибири от «колчаковщины» в недостроенном здании театра оперы и балета прошло традиционное торжественное заседание местной партийной и советской элиты, получившей возможность ознакомиться с описанной выставкой, также традиционной по форме [1].

Итак, у современной российской коммеморативной практики отмечать дни города существует предыстория, насчитывающая более чем полтора столетия. В частности, она восходит к празднованиям юбилеев основания городов, сначала столичных, а потом и провинциальных. Идеино близкими юбилеям городов являлись и торжества в честь юбилеев присоединения к России отдельных территорий, в частности Сибири. Все эти юбилеи отличались политизацией. При этом использовать памятную дату как информационный повод для продвижения своих инициатив старались разные политические силы. В дореволюционный период отмечались юбилеи Москвы и Петербурга, которые, как и 300-летие Дома Романовых, выражали государственную политику памяти, нацеленную на укрепление национальной идентичности в имперском смысловом ключе. Сибирские же юбилеи устраивались оппозиционно настроенными по отношению к царской власти политическими силами, добивавшимися демократических реформ в регионе и его социального развития. Формально и официально их организаторы демонстрировали лояльность, даже верноподданническую преданность царскому режиму,

прославляя память русских царей: Ивана Грозного, в годы правления которого началось присоединение Сибири к России, Бориса Годунова, при котором был основан Томск, Александра II, чье правление дало положительные импульсы социально-экономическому и культурному развитию Сибири. Однако параллельно увековечивалась память о лицах, связанных с Сибирью, чья деятельность имела явную антиправительственную направленность. А фактические политические требования коммемораторов, звучавшие в юбилейные дни, окончательно раскрывали их оппозиционную настроенность по отношению к царской власти, не случайно запрещавшей массовые празднования региональных юбилеев. Консервативный противовес сибирским юбилеям составляли торжества в честь 300-летия правления Романовых, однако и этот праздник городская Дума Томска использовала для дальнейшего продвижения идей развития женского образования и общественного презрения в их городе.

300-летие Красноярска прошло в советских условиях, диктовавших строго определенные коммеморативные стандарты и акценты. Однако на этой памятной дате акцентировала внимание, прежде всего, местная интеллигенция, создавшая основные коммеморации, которые во многом воспроизводили отношение к прошлому Сибири, уже выражавшееся организаторами торжеств, в честь дореволюционных сибирских трехсотлетий. Но красноярские коммемораторы не демонстрировали антиправительственных настроений, критикуя лишь позицию уже свергнутой царской власти в отношении Сибири. В ходе торжеств красноярцы использовали те же образы и приемы актуализации коллективной памяти, что и их предшественники – томичи, занимавшиеся мемориализацией декабристов, народников и областников, которые уже были узнаваемы сибиряками. К этому списку добавились красноярские герои революции и большевистского подполья времен «колчаковщины». Претензии красноярских коммемораторов к царизму адресовались прошлому, и звучали они из «благополучного» настоящего, в котором, как вещала пропаганда, проблемы отсталых окраин страны эффективно решаются. Юбилейные торжества уже не выражали смыслов политического протеста. В итоге, прославляя революцию и советскую власть, якобы эффективно справлявшуюся с трехсотлетними проблемами Сибири, местные музейщики и краеведы смогли добиться от центральных властей получения средств на реконструкцию музея и издание исторической литературы. Эти возможности создавали для краеведов иллюзию благоприятной перспективы взаимодействия с советской властью, которая не отвергает их коммемораций. Местные советские и партийные структуры, участвовавшие в организации юбилейных мероприятий, также получили от 300-летия города свою пользу. Праздник акцентировал внимание на давних проблемах Красноярска, которые репрезентировались преимущественно как уже изжитые и, соответственно, легитимировал власть местных большевиков, прошедших героический путь в борьбе за политические и социально-экономические интересы населения При-

нисейского края, а также за культурное строительство. Стоит подчеркнуть, что этот юбилей отражал специфику исторического момента – кануна «Великого перелома», когда еще не начался агрессивный натиск на старые традиции краеведения и музейного дела, идейно связанного с дореволюционными искажениями сибирской интеллигенцией исторических особенностей локуса для их использования в ходе реализации задач партикуляции пространства страны. В 1928 г. в Красноярске еще публично выступали краеведы старой закалки, многие из которых подверглись физическому истреблению в годы сталинского террора, когда происходило резкое сокращение официальных репрезентаций местной истории в публичном пространстве.

Заострение внимания на 50-летию Новосибирска было обусловлено не только необходимостью стимулировать в условиях войны патриотизм и производственные подвиги тружеников тыла, но также ростом самосознания местной элиты – «крепких хозяйственников», «кузнецов победы». После долгих лет практического игнорирования местной истории в официальных публичных репрезентациях пропаганда вновь эффективно использовала знакомые старшим поколениям сибиряков образы регионального прошлого – «таежной глухомани», лихих казаков-покорителей Сибири, С.М. Кирова – героя Первой русской революции в Сибири и сталинской индустриализации, а также местных героев Гражданской войны, для формирования образа города – великого труженика, по-своему доблестно сражающегося за Победу. Подчеркивалась важнейшая роль этого города в решении общенациональных задач, что символически поднимало статус Новосибирска. При этом из коммемораций исчезли образы «милой старины», вольнодумцев и борцов с империей (метрополией), что отвечало общесоветским задачам максимальной национальной консолидации в условиях войны. Применялся и старый прием противопоставления мрачному прошлому Сибири ее настоящего, но не просто благополучного, а героического. Соответственно, и достижения современности изображались в 1943 г. иначе, чем в год 300-летия Красноярска. Образ особенной, мощной Сибири выстраивался на основе индустриальных мотивов, которые появились в описаниях еще дореволюционного этапа сибирской истории. Из небытия возник образ инженера Гарина-Михайловского, а вместе с ним актуализировался образ паровоза – олицетворение прогресса. Образ Новосибирска – промышленного гиганта, города трудовой славы, дающего мощные импульсы прогрессивного развития всей Сибири, отчасти вынужденно порожденный пропагандой военных лет, проявил очевидную жизнеспособность. Он был востребован местной производственной элитой, которая фактически срасталась с элитой управленческой и решала за счет сформированной в годы войны героической концепции памяти о труде в тылу задачи самолегитимации. В 1943 г. новосибирским коммемораторам удалось грамотно отсортировать «правильные» фигуры памяти – хорошо узнаваемые, позитивно окрашенные, связанные с идеями героизма, патриотизма и верности правящему режиму. При этом прежде всего героизировалась не советская власть, а

трудовой народ, рабочие, «кующие Победу», усилиями которых Новосибирск уверенно преодолел состояние уездного городка в сибирской глухомани. Из новосибирских юбилейных коммемораций удивительным образом практически исчезла фигура Сталина – главного символа советской власти. В то же время коммеморации справлялись с задачами консолидации местного сообщества вокруг идеи народного трудового подвига. Образ индустриального Новосибирска вполне мог бы удовлетворить томичей начала XX в., мечтав-

ших о прогрессивном развитии их губернии, перенесись они в будущее. Этот образ удобен и современным властям, прежде всего местным. В коммеморативных репрезентациях, воспроизводящихся по сей день, сибирский город Новосибирск имеет в масштабах страны собственное, особое историческое лицо и важную историческую роль, которая в целом не противоречит общенациональным задачам и отвечает давним мечтам сибиряков о преодолении их регионом состояния отсталой провинции.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузьменкина Л.А. Когда в Новосибирске впервые отпраздновали день города? // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/content/kogda-v-novosibirsk-vpervye-otprazdnivali-den-goroda> (дата обращения: 01.05.2018).
- Малинова О.Ю. Консерваторы и «инфраструктура» коллективной памяти: проблемы репертуара политически пригодного прошлого // Тетради по консерватизму: альманах. 2014. № 3. С. 140–156.
- Бутакова Н.В. Общественный быт горожан Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 27 с.
- Гончаров Ю.М. Городские праздники в Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 4. С. 9–15.
- Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX в.: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. 157 с.
- Паршукова Н.П. Литературные праздники в Барнауле в конце XIX – начале XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 477–480.
- Шилин С.А. Общественные праздники в Барнауле (конец XIX – начало XX в.). Барнаул, 2008. 54 с.
- Аксенов В.С. Организация массовых праздников трудящихся (1918–1920) : пособие по курсу «История массовых праздников». Л., 1974. 76 с.
- Генкин Д.М. Массовые праздники. М., 1975. 140 с.
- Ширяева П.Г. Из истории становления революционных пролетарских традиций // Советская этнография. 1970. № 3. С. 38–48.
- Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, мифы (1917–1927). Казань, 2005. 400 с.
- Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы. Политические праздники и игры // Полис. 1998. № 5. С. 79–96.
- Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. 440 с.
- Petrone K. Life Has Become More Joyous. Comrade : Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000. 266 p.
- Караваева А.Г. «Год свободы» или как город Томск свои юбилеи отмечал // TV-2: официальный сайт телекомпании. URL: <http://tv2.today/TV2Old/God-svobody-ili-kak-gorod-tomsk-svoi-yubilei-otmechal> (дата обращения: 01.05.2018).
- Красноярск от прошлого к будущему: очерки истории города / ред. Г.Ф. Быконя, В.В. Куимов, П.И. Пимашков, В.И. Федорова. Красноярск, 2013. 640 с.
- Roediger H.L., Wertsch J.V. Creating a new discipline of memory studies // Memory studies. 2008. Vol. 1 (1). P. 9–22.
- Radstone S. Memory studies: For and against // Memory studies. 2008. Vol. 1 (1). P. 31–38.
- Голодников К.М. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири. Тобольск, 1881. 192 с.
- 300-летие Сибири. Празднование в Петербурге и Москве дня 26 октября 1581 г. СПб., 1882. 43 с.
- Путинцев М.П. К празднованию 300-летия города Березова. Тобольск, 1891. 24 с.
- Триста лет города Красноярска, 1628–1928 гг. Красноярск, 1928. 48 с.
- Очерки по истории Красноярского края / В.А. Смирнов; предисл. В.В. Чагина. Красноярск, 1996. 129 с.
- Мельникова Е. День города: Изобретение традиции и праздник локальной солидарности // Эксперт online. URL: <http://expert.ru/northwest/2013/21/otkuda-est-poshlo/> (дата обращения: 01.05.2018).
- Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Д-233. Оп. 2. Д. 344.
- Исламова Д. Государственное краеведение и музейное дело в Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2011. 25 с.
- ГАТО. Ф. Д-233. Оп. 2. Д. 2667.
- Хроника жизни Томска // Путь томича. URL: <http://tomich.tomintech.ru/hronika/58/> (дата обращения: 01.05.2018).
- Блиновский П. 300-летие г. Томска (1604–1904 гг.) // Сибирская жизнь. 1904. 27 сент.
- ГАТО. Ф. Д-233. Оп. 2. Д. 778.
- Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 70. Оп. 1. Д. 60.
- Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 1.
- ГАКК. Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 18 а.
- Музей к трехсотлетию // Красноярский рабочий. 1928. 20 нояб.
- 35 тысяч на достройку музея // Красноярский рабочий. 1928. 18 нояб.
- ГАКК. Ф. Р-795. Оп. 1. Д. 40.
- ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 541.
- Триста лет Красноярска // Красноярский рабочий. 1928. 5 дек.
- Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1206.
- ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1388.
- Торжественное заседание в театре имени Пушкина // Советская Сибирь. 1943. 7 нояб.
- Новосибирск: справочник по городу и району / отв. ред. А. Львов. Новосибирск, 1935. 491 с.
- Кожевников С. Город на Оби // Советская Сибирь. 1943. 3 нояб.
- Болдырев В. Столица Сибирского края // Сибирские огни. 1926. № 5–6. С. 167–176.
- Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск, 2015. 572 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 октября 2018 г.

The Memory of Regional Differences: Anniversaries of Siberian Cities (1904–43)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 119–131

DOI: 10.17223/15617793/443/16

Yekaterina I. Krasilnikova, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru

Keywords: jubilee celebration; commemoration; political celebration; Siberia.

The aim of this article is to trace the dynamics of the commemorative component of the jubilee celebrations that took place in Siberian cities during the first half of the 20th century. The author compares jubilee events in honor of the 300th anniversary of Tomsk (1904), the 300th anniversary of Krasnoyarsk (1928) and the 50th anniversary of Novosibirsk (1943). Unpublished documents kept in the archives of Siberian cities, daily newspapers printed in Tomsk, Krasnoyarsk and Novosibirsk and journalistic works were used as sources for the research. In the article, the meanings of the policy of memory reflected in the celebrations are clarified; socio-political and cultural contexts that affected the nature of celebrations in different years are established; features of historical continuity in the organization of festive events are identified. The modern practice of celebrating City Days has a long history. At the beginning of the twentieth century, there were three-hundredth anniversary celebrations in several Siberian towns, including Tomsk. Festive events were prepared by political forces oppositional to the tsarist authorities. They used the memorable date as an informational occasion to accentuate the problems of Siberia and to achieve democratic reforms in Tomsk. But due to obstacles on the part of the state, the holiday in honor of the 300th anniversary of Tomsk never took place. The 300th anniversary of Krasnoyarsk was celebrated in 1928 when the system of Soviet commemorations was already established. The holiday took a subordinate position in relation to the anniversary of the October Revolution. The anniversary was organized by local party bodies that involved museum workers and historians in the celebrations; the latter in many ways reproduced the ideas of pre-revolutionary organizers of the Siberian jubilees. But in 1928 the commemorators did not express anti-government sentiments. They criticized only the position of the already overthrown imperial authority in relation to Siberia. Glorifying the revolution and Soviet power, extolling its success in solving the three-hundred-year-old problems of Siberia, local museum workers and local historians obtained finances from the central authorities for the reconstruction of the museum and the publication of historical literature. Also, the holiday contributed to the legitimization of the power of local Bolsheviks, who had heroically struggled for the political and socio-economic interests of the population of the Priensky Krai and achieved good results. The focus on the 50th anniversary of Novosibirsk was due to the need to stimulate patriotism and industrial feats of workers stationed at the rear of the Russian forces during the war. Celebrations also reflected the growing self-awareness of the local production elite that was actually merging with the management elite. In 1943 the image of the city of Novosibirsk was formed: a great worker valiantly fighting for Victory, struggling at the front of the defense industry. The anniversary symbolically raised the status of Novosibirsk and its administration that achieved great production successes in extreme conditions. Novosibirsk was credited with the historical role of a locomotive that dragged the whole of Siberia along the path of progressive development. This image remains relevant.

REFERENCES

1. Kuz'menkina, L.A. (n.d.) *Kogda v Novosibirskye v pervyye otprazhnovali den' goroda?* [When was the first City Day celebrated in Novosibirsk?]. [Online] Available from: <http://bsk.nios.ru/content/kogda-v-novosibirskye-v-pervyye-otprazhnovali-den-goroda>. (Accessed: 01.05.2018).
2. Malinova, O.Yu. (2014) *Konservatory i "infrastruktura" kollektivnoy pamyati: problemy repertuara politicheskoy prigodnogo proshlogo* [Conservatories and the "infrastructure" of collective memory: problems of the repertoire of the politically operable past]. *Tetrad' po konservatizmu: al'manakh*. 3. pp. 140–156.
3. Butakova, N.V. (2005) *Obshchestvennyy byt gorozhan Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Public life of citizens of Tomsk Province in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
4. Goncharov, Yu.M. (2004) *Gorodskie prazdniki v Zapadnoy Sibiri v seredine XIX – nachale XX v.* [City holidays in Western Siberia in the middle of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 4. pp. 9–15.
5. Kupriyanov, A.I. (1995) *Russkiy gorod v pervoy polovine XIX v.: obshchestvennyy byt i kul'tura gorozhan Zapadnoy Sibiri* [A Russian city in the first half of the nineteenth century: the social life and culture of the citizens of Western Siberia]. Moscow: AIRO-XX.
6. Parshukova, N.P. (2003) *Literaturnye prazdniki v Barnaule v kontse XIX – nachale XX v.* [Literary festivals in Barnaul in the late nineteenth – early twentieth centuries]. In: Goncharov, Yu.M. & Skubnevskiy, V.A. (eds) *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Book 2. Barnaul: Altai State University, Kn. 2. pp. 477–480.
7. Shilin, S.A. (2008) *Obshchestvennyye prazdniki v Barnaule (konets XIX – nachalo XX v.)* [Public holidays in Barnaul (the end of the nineteenth – the beginning of the twentieth centuries)]. Barnaul: Altai State University.
8. Aksenov, B.C. (1974) *Organizatsiya massovykh prazdnikov trudyashchikhsya (1918–1920): posobie po kursu "Istoriya massovykh prazdnikov"* [The organization of mass holidays of workers (1918–1920): a guide for the course "A History of Mass Holidays"]. Leningrad: LGIK.
9. Genkin, D.M. (1975) *Massovyye prazdniki* [Mass holidays]. Moscow: Prosveshchenie.
10. Shiryayeva, P.G. (1970) *Iz istorii stanovleniya revolyutsionnykh proletarskikh traditsiy* [From the history of the formation of the revolutionary proletarian traditions]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 38–48.
11. Malysheva, S.Yu. (2005) *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvol, mify (1917–1927)* [Soviet festive culture in the province: space, symbols, myths (1917–1927)]. Kazan: Ruten.
12. Shcherbinin, A.I. (1998) *Totalitarnaya indoktrinatsiya: u istokov sistemy. Politicheskie prazdniki i igry* [Totalitarian indoctrination: at the origin of the system. Political holidays and games]. *Polis*. 5. pp. 79–96.
13. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovyye prazdniki* [Soviet mass holidays]. Translated from German by V.T. Altukhov. Moscow: ROSSPE.
14. Petrone, K. (2000) *Life Has Become More Joyous. Comrade: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington: Indiana University Press.
15. Karavaeva, A.G. (2014) *"God svobody" ili kak gorod Tomsk svoi yubiley otmechal* ["The Year of Freedom" or, How Tomsk celebrated its anniversary]. [Online] Available from: <http://tv2.today/TV2Old/God-svobody-ili-kak-gorod-tomsk-svoi-yubiley-otmechal>. (Accessed: 01.05.2018).
16. Kuimov, V.V. et al. (eds) (2013) *Krasnoyarsk ot proshlogo k budushchemu: ocherki istorii goroda* [Krasnoyarsk from past to future: essays on the history of the city]. Krasnoyarsk: RASTR.
17. Roediger, H.L. & Wertsch, J.V. (2008) Creating a new discipline of memory studies. *Memory studies*. 1 (1). pp. 9–22.
18. Radstone, S. (2008) Memory studies: For and against. *Memory studies*. 1 (1). pp. 31–38.
19. Golodnikov, K.M. (1881) *Tobol'skaya guberniya nakanune 300-letney godovshchiny zavoevaniya Sibiri* [Tobolsk Province on the eve of the 300th anniversary of the conquest of Siberia]. Tobolsk: tipografiya Tobol'skogo gubernskogo pravleniya.
20. Anon. (1882) *300-letie Sibiri. Prazdnovanie v Peterburge i Moskve dnya 26 oktyabrya 1581 g.* [300th anniversary of Siberia. Celebration in St. Petersburg and Moscow on October 26, 1581]. St. Petersburg: Tip. Fund Eleonskogo i K°.

21. Putintsev, M.P. (1891) *K prazdnovaniyu 300-letiya goroda Berezova* [To the celebration of the 300th anniversary of Berezov]. Tobolsk: tipografiya Tobol'skogo gubernskogo pravleniya.
22. Fefelova, A.K. (1928) *Trista let goroda Krasnoyarska, 1628–1928 gg.* [Three hundred years of Krasnoyarsk, 1628–1928]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy Gorsovet.
23. Smirnov, V.A. (1996) *Ocherki po istorii Krasnoyarskogo kraia* [Essays on the history of Krasnoyarsk Krai]. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
24. Mel'nikova, E. (2013) Den' goroda: Izobretenie traditsii i prazdnik lokal'noy solidarnosti [The City Day: The invention of tradition and the celebration of local solidarity]. *Ekspert online*. [Online] Available from: <http://expert.ru/northwest/2013/21/otkuda-est-poshlo/>. (Accessed: 01.05.2018).
25. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund D-233. List 2. File 344. (In Russian).
26. Islamova, D. (2011) *Gosudarstvennoe kraevedenie i muzeynoe delo v Tobol'skoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [State local history and museum affairs in Tobolsk Province in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Chelyabinsk.
27. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund D-233. List 2. File 2667. (In Russian).
28. Put' tomicha. (n.d.) *Khronika zhizni Tomska* [Chronicle of the life of Tomsk]. [Online] Available from: <http://tomich.tomintech.ru/hronika/58/>. (Accessed: 01.05.2018).
29. Blinovskiy, P. (1904) 300-letie g. Tomska (1604–1904 gg.) [The 300th anniversary of Tomsk (1604–1904)]. *Sibirskaya zhizn'*. 27 September.
30. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund D-233. List 2. File 778. (In Russian).
31. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 70. List 1. File 60. (In Russian).
32. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-795. List 1. File 1. (In Russian).
33. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-795. List 1. File 18 a. (In Russian).
34. Krasnoyarskiy rabochiy. (1928) Muzei k trekhstotletiyu [Museum by the 300th anniversary]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 20 November.
35. Krasnoyarskiy rabochiy. (1928) 35 tysyach na dostroyku muzeya [35 thousand for the completion of the museum construction]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 18 November.
36. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-795. List 1. File 40. (In Russian).
37. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). F.P-10. List 1. File 541. (In Russian).
38. Krasnoyarskiy rabochiy. (1928) Trista let Krasnoyarska [Three hundred years of Krasnoyarsk]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 5 December.
39. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-22. List 3. File 1206. (In Russian).
40. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-22. List 3. File 1388. (In Russian).
41. Sovetskaya Sibir'. (1943) Torzhestvennoe zasedanie v teatre imeni Pushkina [A ceremonial meeting in the Pushkin Theater]. *Sovetskaya Sibir'*. 7 November.
42. L'vov, A. (ed.) (1935) *Novosibirsk: spravochnik po gorodu i rayonu* [Novosibirsk: a guide to the city and region]. Novosibirsk: Izd-vo "Sovet. Sibir'".
43. Kozhevnikov, S. (1943) Gorod na Obi [A city on the Ob]. *Sovetskaya Sibir'*. 3 November.
44. Boldyrev, V. (1926) Stolitsa Sibirskogo kraia [The capital of the Siberian Krai]. *Sibirskie ogni*. 5–6. pp. 167–176.
45. Krasil'nikova, E.I. (2015) *Pomnit' nel'zya zabyt'? Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [Remember or forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 – mid-1941)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.

Received: 24 October 2018

И.В. Лиджиева

ЧИНОВНИКИ ИНОРОДЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В СИСТЕМЕ ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8.

Предметом исследования в данной статье является чиновничий аппарат Инородческого управления Ставропольской губернии, в ведении которого находились кочевые народы: калмыки, ногайцы, туркмены. Автор приходит к выводу о том, что имперское правительство в процессе интеграции окраинных территорий государства использовало различные подходы к установлению системы управления и привлечения достойных кадров, начиная от законодательного закрепления льгот и привилегий, а также и сохранения элементов традиционного управления.

Ключевые слова: Инородческое управление; Главный пристав кочующих народов; Ставропольская губерния; частные приставы; чиновники.

Рост численности кочевого населения в степной части Северного Кавказа в конце XVIII в., прежде всего ногайцев, подтолкнул российское правительство к упорядочению системы жизнедеятельности на данной территории, что привело в 1793 г. к образованию четырех приставств: Калаус-Саблинского, Калаус-Джембойлуковского, Ачикулак-Джембойлуковского и Караногайского. Первоначально указанная форма административно-территориального устройства в составе империи существовала лишь формально, подчиняясь военному ведомству. И только в 1803 г. Министерство иностранных дел учредило должность Главного пристава, в ведомство которого вошли калмыки, ногайцы, туркмены и кабардинцы. Между тем еще именным указом императора Павла I от 29 августа 1800 г., данным коллегии иностранных дел, к управлению делами калмыков, кабардинцев, тухмен, ногайцев и других азиатских народов был определен коллежский советник И.М. Макаров с подчинением как к коллегии иностранных дел, так и к военному ведомству, в зависимости от подведомственности дел. В соответствии с этим же указом были определены штат в составе секретаря, переводчика, писца и двух толмачей, а также содержание, включающее жалованье, канцелярские расходы и пересылочные [1]. Выбор места пребывания и подбор кадров оставался за И.М. Макаровым. Уже 30 сентября 1800 г. коллегия иностранных дел разработала и дала И.М. Макарову наставления по управлению народами, находящимися в его юрисдикции, которые полностью отражают имперскую политику на Кавказе. Так, текст документа гласит: «...иметь ласковое обхождение и оказывать пристойную учтивость, на требования же их отвечать благосклонно и сходственно с Высочайшим Е. И. В. узаконениями и указами; а при том смотреть и наблюдать, чтобы все оные начальники, управляя с кротостию подвластными им ордами и народами по прежним их правам и обыкновениям, которые все оставляются в силе, поступали, не делая никому обид, и ни у кого собственности что кому принадлежит не отнимали ни под каким предлогом и вымыслом...» [2. С. 231].

19 мая 1802 г. была Высочайше утверждена «Инструкция Главному Приставу при кочующих в Астраханской губернии кабардинцах, тухменцах, ногай-

цах, абазинцах и других народах», согласно которой давалось четкое наставление приставам: «...поведение ваше должны вы располагать таким образом, чтоб оно приобретаая вам личную доверенность тех народов, соответствовало намерению определения вас при них для предохранения их пользы и должного благоустройства» [3]. Как утверждает Л.Г. Свечникова, приставы утверждались из числа русских офицеров, ознакомившихся с обычаями и характером горцев» [4].

Несмотря на столь подробное руководство по управлению иноплеменными народами, уже 8 января 1803 г. кн. П.Д. Цицианов докладывал императору о жалобах на приставов: «Ногайские разных народов татары, выведенные из-за Кубани, поселенные около Бештовых гор, подали мне жалобу на пристава их губернского секретаря Корнилова в отягощении их непозволительными поборами и всякого рода мздоимством...» [5. С. 986]. Согласно данному рапорту «...пристав Корнилов в корыстовании взятками изобличается и, следовательно, подлежит к сменению...». Князь П.Д. Цицианов на эту должность рекомендовал генерал-майора Султан Менгли-Гирея, при этом ходатайствуя перед императором об определении его не в виде частного пристава в ведомстве Главного пристава Макарова, а управляющим бештовскими ногайцами, находящимися в прямом подчинении у Начальника Кавказской линии. По поводу кандидатур на административные должности Цицианов выразил следующее мнение: «...я почитаю полезнейшим определять вообще в приставы людей почетных и известных, ибо от их поведения часто зависит как благосостояние подвластных нам иноплеменных народов, так и спокойствие на Линии» [Там же]. Предложением П.Д. Цицианова от 11 декабря 1803 г. Султан Менгли-Гирей был утвержден на должность начальствующего над ногайскими татарами [6. С. 994].

Отношением от 15 сентября 1803 г. министр внутренних дел В.П. Кочубей на основании донесений Главного пристава И.М. Макарова сообщал князю П.Д. Цицианову о положении кочевых народов на Северном Кавказе, отмечая, что «с открытием в тамошнем краю наместничества, благосостояние народов сих приметным образом начало упадать, с тех пор стали делать им различные утеснения, отбирая кочев-

ные места и реки во владение помещиков и под оброчные статьи, наконец самые приморские берега, заливы и ильмени, где растущий камыш единственное было для них место во время зимы убежище и спасение, под предлогом неудобных мест у них отобраны; оставлена только пустая и безводная степь, в которой с великою трудностью посредством рытья копаней достают нездоровую и горькую воду» [7. С. 993]. Таким образом, уже первоначальные мероприятия царского правительства привели к падению жизненного уровня автохтонного населения, что осознавалось и рассматривалось как проблема, которую попытались решить на законодательном уровне путем установления системы управления, учитывавшей местные особенности, но, к сожалению, кадровый вопрос оставался одним из актуальных практически до начала XX в.

Целью данной статьи является рассмотрение чиновничьего аппарата Инородческого управления Ставропольской губернии. Исследование построено на основе принципов научности и объективности. В качестве методов исследования использованы: библиографический, позволивший проследить траекторию жизненного пути чиновников, и реконструктивный – восстановить отдельные факты и структуру Инородческого управления.

20 октября 1859 г. император утвердил составленный Наместником и рассмотренный Кавказским комитетом новый штат Управления магометанскими кочевыми народами, обитающими в Ставропольской губернии. Данным нормативным правовым актом в связи с упразднением общего Ставропольского Губернского управления все права и обязанности по заведыванию внутренними кочевыми инородцами и надзор за их управлением передавались Начальнику Ставропольской губернии [8]. В связи с передачей калмыков под юрисдикцию Главного пристава Магометанских народов на основании указа от 15 марта 1860 г. должность последнего стала называться Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии, что обусловило разработку и утверждение нового штата. Согласно вновь принятому штатному расписанию общее годовое содержание 36 чиновников Управления, включая 5 частных приставов и 6 их помощников, письмоводителей, переводчиков в приставах, а также фельдшера, сторожа и секретаря при Управлении, отопление, освещение, канцелярские и проездные расходы обходилось в 14 790 руб., из которых чуть менее 15% приходилось на Главного пристава [Там же].

Указанная сумма, определенная на содержание Магометанского управления, первоначально отпускалась из государственного казначейства до того периода, когда главное на Кавказе и за Кавказом начальство признало возможным обратить их на общественный, принадлежащий магометанскому народу запасный капитал; остальные же 11 903 руб. 68 коп. направлялись из суммы, получаемой инородцами за перевозку казенного для войск Кавказской армии провианта.

Денежные доходы чиновников Управления кочующих народов Ставропольской губернии так же, как и остальных чинов и служащих, зависели от классного чина и занимаемой должности. Содержание скла-

дывалось из нескольких составляющих: непосредственно жалованье, столовые, а также выплачивались прогонные и квартирные. Например, до назначения на должность Главного пристава кочующих народов Алексей Александрович Самойлов являлся воспитателем Тифлисской военной гимназии с доходом, включающим жалованье и столовые в размере 900 руб., добавочные – 240 руб. и квартирные – 228 руб., а всего – 1 368 руб. [9. Д. 779. Л. 15, 17], тогда как доходы по новой должности составили 2 100 руб. В период отпуска для выезда на лечение или по семейным обстоятельствам сроком до двух месяцев жалованье сохранялось.

Все гражданские чины, указанные в данном штате, обязывали носить мундир, присвоенные подведомственным Министерству Государственных Имуществ учреждениям. Следует отметить, что образец мундира, положенный для ношения гражданских чинов на протяжении XIX в., менялся не раз, что закреплялось на законодательном уровне. Так, к нормативным актам, регулирующим форму мундира для гражданских чиновников, относились: Высочайше утвержденное «Положение о гражданских мундирах» от 27 февраля 1834 г. [10]; «Описания изменениям в форме одежды чиновников гражданского ведомства. Правила ношения сей формы» от 8 марта 1856 г. [11] Указанные законодательные акты оговаривали фасон, цвет, количество пуговиц, их форму, головной убор и обувь чиновников, но изготавливался этот мундир за счет его обладателя, что, несомненно, ложилось тяжким бременем на бюджет государственных чинов. В связи с дороговизной формы, как утверждает Л.Е. Шепелев, она «могла сопутствовать человеку почти всю жизнь – от гимназии или кадетского корпуса до выхода на пенсию (право ношения мундира могло сохраняться)» [12. С. 12].

Из остатков от суммы, определенных приведенным штатом на содержание Управления магометанскими народами, могли быть с разрешения Наместника кавказского по истечении года выдаваемы награды отличившимся усердием к службе чинам, а также направляться и на другие по Управлению надобности. На основании представления Главного пристава кочующих народов, коллежского советника П. Ланко от 4 сентября 1865 г. за № 1822 орденом Св. Владимира 4 ст. были награждены Пристав ачикулак-жембойлуковского, едисанского и едишкульского народов, коллежский ассессор Иван Дмитриевич Эсмонт и его помощник губернский секретарь Рудановский Платон Осипович за ликвидацию банды разбойников, орудовавших в Трухменском и Ачикулакском приставах. Поимку преступников, наводивших «своею отвагою и удалством страх на безоружный кочевой народ», затрудняли «...огромные пространства степной волнистой местности, где не только трудно, но и невозможно нападать на след их без особенного знания местности, что известно только кочевым народам» [13. Д. 1. Л. 1–3 об.]. В качестве проводников привлекали представителей инородцев, отставного капитана, служившего частным приставом в Магометанском управлении Иванова, а также бывшего помощника Караногайского пристава, губернского

секретаря Красновского, которым согласно ходатайству главного пристава была назначена денежная премия из сумм магометанского капитала в размере 100 и 50 руб. серебром соответственно.

По представлению Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе 18 февраля 1891 г. императором Александром III Главный пристав кочующих народов полковник А.А. Самойлов был «награжден 3 000 руб. серебром за особенные его заслуги, оказанные деятельностью по управлению кочевыми народами, с отнесением сего расхода, по равным частям на калмыцкий и магометанский общественные капиталы» [13. Д. 236. Л. 5].

Несмотря на создание привлекательных условий для службы в данном ведомстве, следует отметить, что имела место частая сменяемость чиновников на постах, что во многом обуславливалась определенной экстремальностью жизни. Со второй половины XIX в. до начала XX в. на должности Главного пристава магометанских (кочующих) народов Ставропольской губернии сменилось десять человек, тогда как в Управлении калмыцкого народа на должности Главного попечителя калмыцкого народа – 7. Средний возраст вступления в должность главных приставов за указанный период составил 45 лет, а срок их службы – 4,2 года. К примеру, средняя продолжительность службы на посту Главного попечителя калмыцкого народа была 7,1 года. Исключение составили только Алексей Александрович Самойлов, возглавлявший Управление кочующих народов с 11 июля 1878 г. по 20 июля 1891 г., сменивший его на данном посту Михаил Евгеньевич Коневский – с 1891 по 1903 г., и Яков Андреевич Тимофеев – с марта 1864 г. по 16 августа 1871 г., прослуживший с перерывом на два года. С 1866 по 1868 г. должность Главного пристава кочующих народов исправлял П.З. Ланко.

Абсолютное большинство из них прошли военную службу, происходили из дворянского сословия и исповедовали православие. Исключение составляли подполковник Давлет Мурза Магометов Шейх-Али (Давлет-мирза Шейх-Али) – потомственный перво-степенный узден, мусульманского вероисповедания, а также Яков Андреевич Тимофеев, происходивший из семьи протоиерея. Годы беспорочной службы на благо Отечества позволили ему добиться получения дворянского титула. Представление к награждению орденом св. Станислава 3 ст. в Российской империи до 1855 г. автоматически давало право причисления к дворянскому сословию (личное дворянство). Так, в соответствии с Указом Его императорского величества из Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 26 мая 1853 г. № 3654 Яков Андреевич Тимофеев был признан в дворянском достоинстве. Орден св. Владимира 4 ст., пожалованный Тимофееву за 25-летнюю беспорочную службу 25 ноября 1869 г., производил его в потомственного дворянина.

Если рассматривать семейное положение чиновников, занимавших должность Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии, то следует согласиться с мнением Б.Н. Миронова, отмечавшего: «Что касается чиновников, то они, согласно свидетельствам современников, весьма неохотно свя-

зывали себя семейными узами, многие из них оставались холостяками, и если вступали в брак, то в зрелые годы, и вследствие этого у них было меньше детей, чем в семьях других сословий» [14. С. 179]. Анализ семейного положения главных приставов на протяжении второй половины XIX в. показывает, что абсолютное большинство из них заключали брак, достигнув более 40 лет, около четверти из них были вовсе не женаты. Многодетным отцом из всех главных приставов был только Яков Андреевич Тимофеев, выросший и воспитанный в семье священнослужителя, он имел восьмерых детей. В рапорте ставропольского губернатора Наместнику Кавказскому от 18 декабря 1863 г. за № 7296 в связи с подачей прошения об отставке Главного Пристава кочующих народов В.П. Мевеса представляется кандидатура Я.А. Тимофеева, а также отмечается, что последний «испытывает затруднения в содержании многочисленного его семейства» [15. Д. 91. Л. 6]. При этом около половины главных приставов на момент службы в означенной должности детей не имели совсем.

В своем рапорте об отставке в декабре 1863 г. Главный пристав В.П. Мевес пишет: «...расстроенное здоровье не позволяет продолжать службу в настоящей должности, сопряженной с необходимостью вести кочевую жизнь...» [Там же. Л. 5]. Одновременно Тифлисский гражданский губернатор от 11 декабря 1863 г. просит ставропольского губернатора уведомить его о том, что «нет ли препятствий на перемещение подполковника Мевеса на службу во вверенную мне Тифлискую губернию на просимую им должность (Уездного Начальника)» [Там же. Л. 7].

Подобное прошение на имя императора Александра II 18 февраля 1871 г. подал также следующий Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии Я.А. Тимофеев: «Чувствуя каждодневный упадок сил от расстроенного на службе здоровья, требующего серьезного лечения и при этом совершенного покоя от всяких занятий, я при всем моем желании далее продолжать службу Его Императорского Величества не могу. К сему Почему Всеподданейше прошу, дабы повелено было сие мое прошение принять и меня уволить вовсе от службы в отставку...».

Гражданский губернатор Н.Е. Никифораки в своем рапорте министру внутренних дел от 6 марта 1891 г., проявляя озабоченность тем, что действующий Главный пристав А.А. Самойлов рекомендован на должность Начальника Закатальского округа, ходатайствует о назначении на его место адъютанта и делопроизводителя Ставропольского казачьего юнкерского училища капитана М.Е. Коневского, отмечая: «...замещение должности Главного пристава именно военным офицером в видах достижения лучшего успеха в делах управления почти дикими людьми, какими представляются кочевники, в особенности калмыки» [15. Д. 156. Л. 21]. Канцелярия Главноуправляющего гражданской частью на Кавказе от 29 августа 1891 г. за № 7974 уведомляет ставропольского губернатора Н.Е. Никифораки о назначении 20 июля капитана Коневского исполняющим обязанности Главного пристава кочующих народов, в связи с чем был затребован послужной список последнего. На запрос, сделанный

по этому поводу, начальник Ставропольского юнкерского училища 9 сентября препровождает приказ по училищу, характеризующий М.Е. Коневского только с положительной стороны, отмечая его как «выдающегося знатока и образцового исполнителя военного законодательства...» [15. Д. 156. Л. 25–26].

Процедура увольнения включала прием-передачу от увольнявшегося Главного пристава к получившему назначение, в случае отсутствия последнего прием осуществлял чиновник особых поручений от Управления кочующих народов, по результатам составлялось донесение на имя гражданского губернатора о том, «что первый из нас сдал, а второй принял должность Главного Пристава на законном основании с передачею последнему сумм, значущихся по денежным книгам» [Там же. Д. 91. Л. 12].

О кадровых перестановках, в том числе в структуре Управления кочующими народами, население оповещалось через периодическую печать. Так, например, на страницах газеты «Ставропольские губернские ведомости» от 7 ноября 1881 г. была опубликована следующая информация официального характера: «По Управлению Главного Пристава кочующих народов Ставропольской губернии. Увольняется: от должности и вовсе от службы, согласно прошению письмоводитель Ачикулакского приставства канцелярский служитель Иван Рябов с 1 сего ноября. Перемещается: письмоводитель Трухменского приставства, губернский секретарь Иван Молчанов – письмоводителем Караногайского приставства канцелярский служитель Василий Калецкий – на таковую же должность в Ачикулакском приставстве, оба с сего ноября. Определяется: отставной штабс-капитан Александр Скальский письмоводителем в Трухменское приставство с 11 сего ноября» [16. С. 2].

Назначение на должность, так же как и получение чина, частными приставами и попечителями происходило двумя путями: первый – приказ губернатора (как правило, в отношении тех, кто обращался с прошением о переводе) и второй – представление возможной кандидатуры со стороны Главного пристава на рассмотрение ставропольского губернатора. Например, Главный пристав кочующих народов уведомляет Попечителя Большедербетовского улуса К.А. Игнациуса о том, что «Резолюцией Г. Начальника губернии от 30 ноября 1904 г. Вы назначены на должность Ставропольского Уездного Исправника, а секретарь вверенного мне Управления коллежский секретарь Мишин также резолюцией Г. Губернатора от 10 сего декабря допущен к временному исполнению обязанностей Попечителя Большедербетовского улуса, впредь до утверждения его в этой должности» [17. Д. 181. Л. 1].

Уже 20 января 1905 г. Главный пристав направляет Н.В. Мишину уведомление о назначении распоряжением министра внутренних дел от 29 декабря 1904 г. Попечителем Большедербетовского улуса [Там же. Д. 181. Л. 2]. В августе 1905 г. уже Попечитель улуса Н.В. Мишин в рапорте на имя Главного пристава докладывая о том, что он был представлен в марте-апреле 1903 г. к производству в чин титулярного советника, просит выяснить причину, по которой

не состоялось производство». В XIX в. титулярные советники, как правило, занимали должности старших помощников столоначальников в департаментах министерств, старших помощников секретарей, протоколистов, регистраторов и переводчиков в Сенате, вице-консулов и т.д. [12. С. 67]. Задержка чина вызвала закономерное беспокойство, так как именно чин титулярного советника давал право на приобретение дворянского звания, которое в свою очередь приносило ряд преимуществ материального характера. По данным, представленным в «Кавказском календаре» на 1907 г., Николай Васильевич Мишин – Попечитель Большедербетовского улуса уже значится в чине титулярного советника [18. С. 159]. Кроме того, 6 декабря 1906 г. Высочайшим приказом Н.В. Мишина наградили орденом Св. Анны 3-й ст., который давал право на получение личного дворянского звания.

Согласно уведомлению от 8 августа 1892 г. за № 1575 Главный пристав сообщает попечителю Большедербетовского улуса о том, что «приказом Ставропольского губернатора от 7 сего августа потомственный почетный гражданин Яков Дуброва допущен к временному исполнению должности второго Помощника Попечителя» [19. Л. 4]. Уведомление же Главного пристава об утверждении Я. Дубровы на данной должности было произведено 23 января 1893 г. за подписью губернатора, генерал-майора Н. Никифораки [Там же. Л. 21].

Вручение классного чина сопровождалось торжественным приведением получающего к присяге и подписанием печатной формы присяжного листа, который затем направлялся в Правительствующий Сенат. 4 апреля 1851 г. в Большедербетовское улусное управление поступило предписание, согласно которому Попечитель улуса Владышевский произведен в чин надворного советника, а «о вычете из его жалования, следующих за повышение чином денег, Управление получит особое предписание» [17. Д. 39. Л. 1]. В данном случае речь идет о своего рода организационном взносе, который полагался к оплате за получаемый классный чин. Каждому чину соответствовал свой правовой статус, при выходе на пенсию или увольнении от службы права и привилегии согласно присвоенному ему чину сохранялись.

Злоупотребление служебным положением, используя неграмотность управляемым народом, а также невыполнение должностных обязанностей со стороны чиновников однозначно имели место. Так, согласно распоряжению Ставропольского губернатора Г.К. Властова было выдано прогонных в размере 100 руб. и суточных сроком на три месяца старшему чиновнику особых поручений, коллежскому секретарю Толгскому и переводчику, состоящему при Управлении, коллежскому ассессору Шехмаметову с целью поездки в Караногайское приставство «для производства дознания о беспорядках...» [13. Д. 53. Л. 1]. До назначения на пост губернатора Георгий Константинович зарекомендовал себя высокообразованным, дисциплинированным и строгим чиновником, который выполнял в том числе секретные поручения о злоупотреблениях должностных лиц.

В начале второй половины 60-х гг. XIX в. старшим чиновником особых поручений при Ставропольском Гражданском губернаторе, коллежским ассессором и кавалером Артамоновым производились следственные мероприятия по делу о нарезке 500 десятин земли чинам магометанского управления. В ходе следствия были выявлены два приговора общества трухменского народа от 5 декабря 1864 г. и ачикулак-джембойлуковского, едисанского и едишкульского народов от 5 июня 1865 г., в соответствии с которыми была проведена нарезка земли. Обоснованием такого решения, закрепленного в приговоре трухменского общества, послужило то, что «средства их в отношении содержания по дороговизне здесь продуктов весьма ограничены» [21. Д. 4956. Л. 2]. Другой приговор был составлен по «примеру трухменского...» [20. Д. 4956. Л. 8]. В то же время Караногайский пристав, титулярный советник И.И. Гоглазин уведомляет Артамонова о том, что подобных решений на сходах о выделении земли в пользование чиновников приставства не принималось. Следует отметить, что, согласно объяснениям помощника Трухменского пристава Киреева Артамонову была представлена копия приговора, тогда как подлинник найти не смогли и землей практически не пользовались, за исключением прошлого года [Там же. Л. 12 об.]. Сложно предположить, что в условиях дефицита плодородных земель и значительного объема налоговой нагрузки общества могли инициировать передачу земли чиновникам «навсегда без платы» [Там же. Л. 2], как отмечалось в трухменском приговоре.

В отношении Частного пристава Караногайского народа штабс-капитана Д.Я. Зазулевского его помощником Д.В. Самборским были выдвинуты обвинения «в разных злоупотреблениях», таких как вымогательство 2 000 руб. с лиц, избранных на общественные должности, а также 500 руб. за освобождение арестованного народного казначея Аубекира Кара Аджиева; удержание 10% с сумм, выдаваемых ногайцам из средств вспомогательной кассы для личного обогащения; незаконная сдача в аренду земельных участков. Кроме того, командированному чиновнику следовало разобраться по факту двух «просьб», поданных ногайцами. Если в первом прошении содержалась жалоба на Пристава Дмитрия Яковлевича Зазулевского, подписанная 111 ногайцами, то во втором случае 70 человек подписались под тем, что никаких притеснений со стороны последнего не было. В ходе расследования путем дознания на местах и изучения делопроизводственной документации как Управления Главного пристава кочующих народов, так и Караногайского приставства, проведенного чиновником особых поручений Толгским, было выяснено о фактах злоупотребления служебным положением Д.Я. Зазулевским, что было отражено на страницах рапорта, поданного 9 октября 1871 г. На основании распоряжения губернатора от 11 октября 1871 г. за № 289 Караногайский пристав Д.Я. Зазулевский был отстранен от занимаемой им должности и на его место назначен помощник Молчанов [13. Д. 53. Л. 10–11]. Таким образом, следует сделать вывод о том, что данный чиновник в целях личного обогащения путем

подкупа добился поддержки незначительной части населения, тем самым пытаясь обеспечить себе авторитет у начальства. Подобные факты незаконного вымогательства чиновниками Инородческого управления денежных средств у подведомственного населения были далеко не единичны. Начальник Ставропольского жандармского управления от 8 июня 1874 г. за № 120 и с отметкой «Конфиденциально» сообщает Ставропольскому губернатору о незаконных действиях Караногайского пристава Х.В. Чернядьева в отношении населения. Эти действия заключались в следующем: «1, выдавая ногайцу в ссуду кассовые деньги, оставляет в свою пользу с каждого рубля по 10 коп.; 2, извлекает в свою пользу часть сарацинского зерна от беднейших ногайцев, занимающихся посевом такового на затеречном участке; 3, 13 апреля сего года, созвав к себе всех Аксакалов, избранных обществом в 1873 г. как бы для новых выборов, потребовал от них с каждого по 150 руб., которые не дали удалил от должности» [15. Д. 123. Л. 1 об.]. При этом руководитель правоохранительного органа отмечает в документе, что он только доводит до сведения о действиях нижестоящих чинов и представляет разрешение ситуации на усмотрение губернатора. Следует отметить, что титулярный советник Х.В. Чернядьев прослужил в данной должности еще три года и подал прошение об отставке, сославшись на состояние здоровья.

Приведенный ряд фактов, разоблачающих действия чиновников, не может служить аргументом в подтверждение сплошного злоупотребления служебным положением. Между тем, по мнению Л.Ф. Писарькова, «материальная необеспеченность толкала чиновников на путь должностных преступлений, главным из которых было взяточничество. Связь между низкими окладами чиновников и должностными преступлениями признавалась в правительственных кругах» [21. С. 137]. Например, обстоятельства следующего служебного разбирательства являются тому доказательством. 3 января 1906 г. в канцелярию ставропольского губернатора поступила жалоба от крестьян села Арзгир. Суть указанного документа заключалась в том, что Трухменский пристав А.Л. Добрыня незаконно продал посевы хлеба, принадлежащего арзгирцам. Далее этот же пристав и Главный пристав кочующих народов А.А. Польский обвинялись в получении взятки от инородцев, в практике которых бытовал «...обычай собирать деньги поголовно, и эти деньги передаются богачам инородцам, а те добавляют от себя тысячи и все эти деньги отдают должностным лицам начальствующим над инородцами, якобы подарок от инородцев своим начальникам, чрез это к инородцам особое внимание и покровительство...» [9. Д. 3135. Л. 6]. Анализ следственных материалов показывает, что хлеб был засеян крестьянами села Арзгир в нарушение всех процессуальных норм, регулирующих передачу в аренду оброчных земель. Между тем Помощником Трухменского пристава было объявлено Арзгирскому волостному правлению: «...если означенные посевы действительно были сделаны кем-либо из его членов, то виновные должны к 25 июня

представить Помощнику Трухменского пристава деньги для обращения по принадлежности...» [9. Д. 3135. Л. 2]. При этом в случае непоявления собственников посевов предполагалась их продажа, что и было сделано. В связи с обращением 19 июня Земского начальника Наркевича к Главному приставу М.Е. Коневскому с просьбой «в виду полного неурожая хлебов в селе Митрофановском и бедности крестьян этого села, передать посевы самовольщиков митрофановцам по 8 руб. за дес.» [Там же. Д. 3135. Л. 2 об.].

Главный пристав кочующих народов 26 мая 1906 г. обратился к Ставропольскому губернатору с просьбой привлечь жалобщиков к ответственности за ложный донос.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что губернские власти, заинтересованные в благополучии управляемого ими народа и поддержании мира и порядка, своевременно назначив служебную проверку, тем самым снискали уважение со стороны кочевников и поддерживали авторитет власти на местах.

Особенные условия имперской окраины, каковой являлась Ставропольская губерния, требовали от Гражданского губернатора качественного подбора кадров, которые могли бы нести службу по управлению кочевыми народами, отличавшимися не только способом хозяйствования, но и этнической и конфессиональной принадлежностью. Характеризуя чиновничество на Северном Кавказе в первой половине XIX в., С.В. Фарфоровский писал, что молодые люди «стремятся на Кавказ потому, что здесь легче выслужиться и получить чины, кроме того здесь вообще легче получить *место*... заставить служить людей с отличными способностями и нравственностью, не представляется никакой возможности...» [22. Л. 6]. В заключительной части отчета за 1859 г. губернатора П.А. Брянчанинова отмечается, что «делопроизводство почти по всем присутственным местам Ставропольской губернии неудовлетворительно, главнейшею причиною чего отчасти увеличившаяся по разным случаям переписка и отчасти недостаток опытных чиновников» [23. Л. 356 об.]. Этот вывод П.А. Брянчанинов сделал в конце первого десятилетия второй половины XIX в., но следует отметить, что данная проблема имела актуальность на всем протяжении XIX столетия. В декабре 1899 г. Главный пристав кочующих народов циркулярно направляет предписание приставам и попечителю о необходимости приведения в единообразие делопроизводственную документацию «...помимо указания числа, месяца и номера непременно излагать и краткое содержание переписки» [17. Д. 155. Л. 85]. Подобного рода требования были вызваны не только необходимостью систематизации, но и ускорения процесса решения тех или иных вопросов. Как показывает практический опыт, зачастую рассмотрение различного рода прошений настолько затягивалось, что в конечном итоге теряло свою актуальность для просителей. Кроме того, изложение краткого содержания переписки являлось характерным признаком делопроизводства указанного периода, т.е. коллежский порядок составления официальных бумаг, при

котором каждый последующий документ, создаваемый в ходе процесса решения отдельно взятого вопроса, дублирует текст предыдущего.

При вступлении в должность Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии уведомлял подведомственных ему попечителя и приставов о своем «намерении обозреть вверенное мне Управление для ознакомления с народом и делами оно» [17. Д. 61. Л. 3].

В ходе службы во вверенном ему Управлении Главный пристав для поездки по территории кочевания подведомственных ему народов должен был уведомить гражданского губернатора о сроках и цели поездки. Так, Главный пристав подполковник П.Н. Иванов 16 марта 1859 г. направляет губернатору П.А. Брянчанинову рапорт с просьбой о разрешении ему выехать «...для обозрения вверенного мне магометанского народа в назначенные для каждого сроки... для совещания с ними по народным делам, для выслушания их просьб и разбирательств, претензий по разным их нуждам...» [20. Д. 3880. Л. 1а]. Положительный ответ со стороны Канцелярии губернатора последовал только 30 июня того же года, тогда как в рапорте указывались сроки проведения встреч с народом в каждом приставстве на апрель, о чем были уведомлены частные приставы на местах [Там же. Л. 3–4].

На практике не всегда главные приставы получали одобрение со стороны Гражданского губернатора своего намерения «выехать в народы», несмотря на то, что в соответствии с § 19 «Устава для управления ногайцами и другими магометанами, кочующих в Кавказской области» четко оговорена обязанность Главного пристава «...по крайней мере два раза в год обозреть состояние всех подведомственных ему народов» [24]. В фонде «Главный Пристав кочующих народов Ставропольской губернии» Государственного архива Ставропольского края отложился весьма интересный документ – письмо генерал-адъютанту Его Императорского Величества, князю Григорию Дмитриевичу Орбелиани от Главного пристава кочующих народов, написанное 31 мая 1865 г., подписанное секретарем. К письму приложено предписание Гражданского губернатора от 28 мая 1865 г., в котором значится: «По рассмотрении дел о беспорядках и о злоупотреблениях по магометанскому Управлению я предписываю Вам все распоряжения по этому управлению, которые Вы предполагали бы делать не приводить в действие, не испросив предварительно моего разрешения, а в особенности в делах, сопряженных с денежным интересом. В народы же вообще из Ставрополя не выезжать» [25. Д. 210. Л. 1]. Исходя от даты подписания документа, должность губернатора занимал Константин Львович Пашенко, а Главного пристава – Яков Андреевич Тимофеев. В самом же письме автор пишет: «...с мая месяца прошлого года, а именно с первых дней вступления моего в надлежайшую должность я до сего времени не был в народах, как об этом имел честь донести в рапорте моем от 25 сего мая за № 975, я до сего времени не знаю, что за беспорядки во вверенном мне управлении, какие именно злоупотребления, кем они допущены и в какое время; точно так же мне неизвестно и того, что

за цель была у Г. Начальника губернии меня на этой должности с первого дня моего вступления в оную лишить власти и оставить без всякого внимания все мои предположения к улучшению быта народного, доверив управление большей частью избранным чиновникам, которые вместе с тем позволяют быть начальниками, ревизорами и судьями моих действий...» [25. Д. 210. Л. 3–3 об.]. Дальнейший текст письма позволяет сделать вывод о том, что между чиновниками канцелярии губернатора и магометанского управления имело место крайне напряженное отношение друг к другу, со взаимными обвинениями, что в конечном итоге не могло привести к положительным изменениям в управляемых ими народах. К сожалению, реакция князя Орбелиани неизвестна, но Главный пристав кочующих народов Я.А. Тимофеев прослужил на этой должности 7 лет.

В ходе инспектирования дел в приставствах Главный пристав большое внимание уделял состоянию делопроизводства в канцеляриях, что позволяло судить об эффективности деятельности чиновников на местах. Так, например, по результатам проверки Главный пристав Я.А. Тимофеев в своем письме Трухменскому приставу от 20 апреля 1870 г. отмечает, что «при ревизии мною денежных книг и документов... я во всем заметил исправность. Варанов исполняет свои обязанности добросовестно и с усердием, а потому предлагаю... объявить ему мою искреннюю благодарность за его усердие» [Там же. Д. 437. Л. 4]. В то же время было проверено состояние дел в Караногайском приставстве, пристав которого Д.Я. Зазулевский находился под следствием и был отстранен, обязанности частного пристава исполнял Д.В. Самборский. Главным приставом кочующих народов Я.А. Тимофеев в предписании на имя помощника пристава караногайского народа Д.В. Самборского писал: «Рассмотрев находящиеся у Вас в производстве следственно-уголовные дела, я нашел, что они в настоящее время производятся медленно и без должного внимания. Из прилагаемой при сем заметки Вы увидите о тех упущениях, кои были замечены мною по делам и должны быть исправлены... предлагаю... стараться на будущее время не допускать таковых и заниматься делами с большим усердием и вниманием» [Там же. Л. 17].

За допущение фактической ошибки в официальном документе со стороны письмоводителя Большедербетовского улуса А.А. Якобсона, выявленной Главным приставом кочующих народов А.А. Самойловым, «закрывающейся в том, что он вместо 18 июня написал 18 июля и чрез то сделал содержание бумаги не верным», последним было предложено Попечителю Большедербетовского улуса объявить выговор «за небрежное исполнение лежащих на нем обязанностей» [17. Д. 103. Л. 3]. В ответ на предписание А.А. Самойлова от 13 сентября 1888 г. исполняющий обязанности Попечителя улуса П.П. Сахаров направляет ответ, что выговор Якобсону был сделан 18 сентября.

Нарушение исполнительской дисциплины являлось актуальной проблемой в чиновнической среде Ставропольской губернии, что вызвало необходи-

мость применения строгих мер, о чем было указано в циркуляре губернатора Н. Никифораки от 6 декабря 1888 г. за № 11875. Так, в вводной части отмечалось: «Ввиду неоднократно замеченного неисполнения подведомственными мне местами и лицами подтвержденных предписаний о скорейшем представлении требуемых сведений, объяснений и т.п., не взирая даже на посылку повторений с назначением сроков на исполнение предписаний, — я вынужденным нахожу напомнить этим местам и лицам, что не только они сами подвергают себя такой медленностью ответственности по стат. 331 и 2 ч. 336 ст. Уложения о наказ. уголов. и исправ., но и начальства, пославшие сие предписания и не привлечшие виновных к означенной ответственности, также подлежат взысканиям...» [17. Д. 108. Л. 2].

Правила требовали подачу рапорта нижестоящего служащего вышестоящему с прошением об отпуске и с указанием его причины, выезде на лечение и по другим, в том числе семейным причинам. В соответствии с правовыми нормами, регулирующими гражданскую службу, «запрещается лицам, состоящим в службе как военной, так и гражданской, вступать в брак без дозволения их начальства, удостоверенного письменным свидетельством» [26. С. 2]. Вышестоящие чины должны были быть осведомлены практически о всех сторонах жизни своих подчиненных. Так, например, согласно рапорту на имя Главного пристава кочующих народов от 11 октября 1888 г. за № 1851 попечителя Большедербетовского улуса, который испрашивал разрешение «на вступление в первый законный брак письмоводителя Улусного управления А.А. Якобсона с дочерью отставного вахмистра, девицею Александрой Мионовной Михайловой», при этом отмечается, что с его стороны «не имеется препятствий» [17. Д. 103. Л. 15]. Согласно нормам семейного права при заключении брака, без наличия на то согласия начальства, не влекло за собой признание его недействительности, между тем это грозило лицам, состоящим на гражданской службе, негативными санкциями с занесением в послужной список [27. С. 67]. По мнению А.Д. Кузьмина, «эта норма возникла в процессе формирования бюрократического аппарата и имела цель контролировать государственных служащих как носителей государственной власти» [28. С. 70].

Закономерно, что люди стремились туда, где более комфортные условия проживания и имелась возможность дальнейшего карьерного роста. На протяжении всего XIX в. и в начале XX в. Северный Кавказ, а особенно его степная часть рассматривались чиновниками как трамплин для продвижения по службе. На основании ходатайства Попечителя Большедербетовского улуса И.И. Воронова решением Ставропольского губернатора от 4 ноября 1880 г. за № 1964 он был переведен Приставом Караногайского приставства, а Пристав Караногайского приставства Ф.А. Влесков — Попечителем Большедербетовского улуса. Каждый из них в означенных должностях прослужил не более двух лет. Подобная географическая мобильность являлась характерной чертой чиновников, управлявших кочевыми народами Ставропольской губернии, что, на наш взгляд, не могло принести пользы для населения.

С увеличением официального документооборота и при всех законодательно закрепленных обязанностях нагрузка на попечителя и частных приставов требовала помощи со стороны помощников, положенных по штату. Но реалии времени в сочетании с личными предпочтениями и возможностями чиновников порой диктовали свои условия, при которых остро стоял вопрос дефицита кадров.

Правительство стремилось привлечь квалифицированные и опытные кадры для службы на Кавказе, законодательно закрепляя льготы для чиновничества. Так, например, согласно главе IX «Особенные преимущества служащих чиновников в Кавказской области» Высочайше утвержденного Учреждения для управления Кавказской области предусматривалась выплата прогонных средств за проезд по почтовым дорогам на любые расстояния; для направляемых на службу по распоряжению Гражданского губернатора в область чиновникам выплачивалась треть жалованья по новому месту назначения, которое, как правило, при повышении должности соответственно росло; по прибытии к месту новой службы выплачивалась еще треть от жалованья; служба на Северном Кавказе в течение пяти лет давала право на получение ордена Св. Владимира 4-й ст., на общих условиях полагалась служба в течение семи лет. Десять лет беспорочной службы, «начиная со звания Начальника стола», давали чиновнику право при выходе на пенсию получать выплату в размере трети от последнего жалованья, тогда как прослужившим двадцать лет – половину размера. Имеющие стаж гражданской службы в Кавказской области, равный тридцати годам, имели право на получение полного пенсионного или на получение земли по представлению Главноуправляющего на Кавказе. При службе после выхода в отставку, т.е. на пенсию, после тридцатилетнего срока службы, «пенсии производятся сверх определенного по месту жалованья». В соответствии с положением § 220 рассматриваемого «Учреждения» «служба, сопровождаемая поведением предосудительным чести и званию, судом обнаруженным, лишает права на сии преимущества» [24].

Согласно § 70 «Устава о пенсиях и единовременных пособиях», утвержденного 6 декабря 1827 г., чиновник, уходя в отставку, подает прошение об увольнении его со службы и заявляет о своих правах на пенсию или единовременное пособие. Так, например, Главный пристав кочующих народов В.П. Мевес в своем прошении об отставке на имя императора от 18 декабря 1863 г. пишет: «...прошу сохранить мой пенсион за раны, полученные мною на службе...» [15. Д. 91. Л. 1].

После подписания императором прошения об отставке Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии канцелярия производила расчет размера пенсии на основании «Списка представляемого к увольнению от службы». Форма данного «Списка» содержала следующие сведения: 1) ФИО; 2) по каким обстоятельствам представлен к увольнению; 3) сколько находился на действительной службе; 4) сколько времени находился в походах и сражениях.

Размер пенсионного обеспечения Главного пристава кочующих народов Петра Николаевича Иванова, происходившего из дворян Санкт Петербургской

губернии, кавалера орденов Св. Анны 2-й и 3-й ст., Св. Владимира 4-й ст. и Св. Станислава 4-й ст., прослужившего 36 лет, 3 месяца и 22 дня, составил 511 руб. 43 коп. серебром. Жалованье его по последнему месту службы на должности Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии, утвержденное 20 октября 1859 г., составляло 1 500 руб. и столовых 600 руб. серебром в год [15. Д. 57. Л. 35].

М.Е. Коневский, будучи Главным приставом кочующих народов Ставропольской губернии, не раз выражал беспокойство по поводу компетенции чиновников инородческого Управления, указывая служащим чиновникам на необходимость повышения квалификации в связи с имевшей место текучестью кадров. В практике инородческого Управления имеется множество примеров вертикальной социальной мобильности чиновников, проходивших службу от письмоводителя управления до попечителя или частного пристава. Так, Н.В. Мишин, начинал с должности секретаря Управления, далее нес службу в Большедербетовском улусе Попечителем, затем стал Помощником Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии.

С конца XIX – в начале XX в. в составе инородческого управления, а также в штате улусного попечителя и частных приставов на местах появляются национальные кадры, получившие образование и поступающие на службу толмачами, переводчиками и письмоводителями. В 1906 г. в структуре органов исполнительной власти на должностях переводчиков служили: в Большедербетовском улусе – Эрдени Санджиев, в Трухменском приставстве – Эреджеп Ниязиков, в Ачикулакском приставстве – Стамбул-Мухомбет Отемисов [29. С. 194]. Бывший переводчик штаба войск Кавказской Линии и Черномории Давлет Мирза Шихалиев впоследствии стал приставом карангайского народа.

Министром государственных имуществ на рассмотрение Государственного совета, состоявшегося 12 июня 1886 г., был подан проект нового штата Управления кочевыми народами Ставропольской губернии, Высочайше утвержденный и введенный в действие с 1 января 1887 г. [30]. В соответствии с вновь утвержденным штатом на содержание Управления кочевыми народами предусматривалось 29 455 руб., из них 25 335 руб. – Управления магометанскими народами из денежного сбора повинностей, взимаемого с магометанских народов на основании ст. 575 Учреждения управления инородцев [31], 4 120 руб. – на содержание Большедербетовского улусного управления из сбора калмыков, определенного ст. 713 Устава о земских повинностях [32] и общественного калмыцкого капитала. В итоге получается, что содержание Управления кочевыми народами, а также управлений приставов и попечителя государственной казне обходилось в ноль рублей, все средства выделялись из общественного капитала. При этом, по утверждению современников, «все служащие в инородческом управлении получают, как говорят ставропольцы, «не русские, а инородческие оклады» [33. С. 113].

Таким образом, как показывает анализ использованных источников, имперское правительство в процессе интеграции окраинных территорий государства использовало различные подходы к установлению си-

стемы управления и привлечения достойных кадров, начиная от законодательного закрепления льгот и привилегий, а также сохранения элементов традиционного управления. К примеру, в названии должностей сохранялась этническая особенность, попечитель Большедербетовского улуса – должностное лицо исполнительной власти по управлению калмыками, а также должностные лица органов местного самоуправления, которые будут рассмотрены впоследствии.

Следующим аспектом управленческой политики на региональных окраинах имперских властей являлось привлечение немногочисленных национальных кадров, оставивших свой позитивный след в истории как народа, так и региона в целом. Между тем делопроизводственная документация свидетельствует об имевших место злоупотреблениях служебным положением, дефиците и частой сменяемости чиновников на местах и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об определении коллежского советника Макарова к управлению делами калмык, кабардинцев, тухменцев, ногайцев и других азиатских народов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVI. СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. № 19536. 873 с.
2. Извлечение из наставления, данного из Государственной коллегии иностранных дел определенному в делах калмык и других азиатских народов, кол. с. Макарову // Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею / под ред. А.Д. Берже. Т. 1. Тифлис : Типография Главного Управления Наместника, 1866. С. 727–231.
3. Высочайше утвержденная Инструкция Главному Приставу при кочующих в Астраханской губернии кабардинцах, тухменцах, ногайцах, абазинцах и прочих народах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVII, № 20.271. СПб. : Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1120 с.
4. Свечникова Л.Г. Обычай в правовой системе (на материалах правового развития народов Северного Кавказа в XIX в.) Ставрополь : АРГУС, 2003. С. 74–75.
5. Всеподанный рапорт кн. Цицианова, от 8 января 1803 г. // Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. II / под ред. А.Д. Берже. Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
6. Предложение кн. Цицианова ген-м. Султану Менгли-Гирею, от 11 декабря 1803 г., № 73 // Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. II / под ред. А.Д. Берже. Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
7. Отношение гр. Кочубея к кн. Цицианову 15 сентября 1803 г., № 4408 // Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. II / под ред. А.Д. Берже. Тифлис : Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. 1238 с.
8. Высочайше утвержденный штат Управления Магометанскими кочевыми народами, обитающими в Ставропольской губернии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIV, № 34988. Отделение первое. СПб. : Типография II Отделения Его императорского Величества канцелярии, 1861. 839 с. С. 159.
9. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 101. Оп. 4.
10. Высочайше утвержденное Положение о гражданских мундирах 1834 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. IX. № 6860. Отделение первое. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1835. С. 168–181.
11. Описание изменений в форме одежды чиновников гражданского ведомства. Правила ношения сей формы от 8 марта 1856 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXI, № 30247. Отделение первое. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. С. 120–121.
12. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М. : Наука, 1991. 228 с.
13. ГАСК. Ф. 101. Оп. 5.
14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). Генезис личности демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. Т. 1. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 547 с.
15. ГАСК. Ф. 101. Оп. 3.
16. Ставропольские губернские ведомости. 7 ноября 1881 г. № 45. С. 2.
17. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. И-21. Оп. 1.
18. Кавказский календарь на 1907 г. / под ред. Д.Д. Пагирева. Тифлис : Типография К.П. Козловского, 1906. 828 с.
19. ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 26
20. ГАСК. Ф. 101. Оп. 1.
21. Писарькова Л.Ф. Российские чиновники на службе в конце XVIII – начале XIX в. // Человек. 1995. № 3. С. 121–139.
22. Фарфоровский С.В. Из быта чиновничества в дореформенной время. Ставрополь-Кавказский : Электротечания Вайнблат, 1910. 6 с.
23. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 10. 1861 г. Д. 16.
24. Высочайше утвержденное Учреждение, для управления Кавказской области // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. II, № 878. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1138 с.
25. ГАСК. Ф. 249. Оп. 2.
26. Уставы о службе гражданской. Т. III. Ч. 1 // Свод Законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный в 15 т. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 604 с.
27. Григоровский С. О браке и разводе. Сборник церковных и гражданских законов с дополнениями и разъяснениями на основании циркулярных указов и сепаратных определений Святейшего Синода. СПб. : Синодальная Типография, 1912. 327 с.
28. Кузьмин А.Д. Матримониальные связи и демографическое поведение чиновников белорусских губерний (1864–1914) // Вестник Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 69–75.
29. Кавказский Календарь на 1906 г. / под ред. Д.Д. Пагирева. Тифлис : Типография К.П. Козловского, 1906. 629 с.
30. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О новом штате управления кочевыми инородцами Ставропольской губернии» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. VI, № 3813. СПб. : Типография II Отделения Его Императорского Величества канцелярии, 1888. 595 с.
31. Учреждение Управления Ставропольской губернии // Свод законов Российской империи. Т. II, ч. II. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 748 с.
32. Уставы о повинностях // Свод законов Российской империи. Т. IV. СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 846 с.
33. Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 октября 2018 г.

Officials of the Foreign Office of Stavropol Province in the System of the Imperial Power

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 132–142.

DOI: 10.17223/15617793/443/17

Irina V. Lidzheva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Elista, Russian Federation). E-mail: irina-lg@yandex.ru

Keywords: Foreign Office; Chief Bailiff of nomadic peoples; Stavropol Province; private bailiffs; officials.

The aim of this article is to consider the bureaucracy of the Foreign Office of Stavropol Province. Early in the second half of the 19th century, the highest imperial authorities in fact established a legal framework regulating the process of organizing administration structures of Stavropol Province which supervised nomadic peoples: the Nogais, the Turkmen and the Kalmyks. Each of these peoples was under the direct control of a private bailiff or a trustee subordinate to the Chief Bailiff of the nomadic peoples. The research is based on the principles of scientificity and objectivity. The research methods were bibliographic, which allowed to trace the trajectory of the life path of officials, and reconstructive, which allowed to restore individual facts and the structure of the Foreign Office. In the course of the research, on the basis of the analysis of legislative acts, office documentation and official lists of the Foreign Office officials, the author focuses on the corps of Chief Bailiffs of the second half of the 19th – early 20th centuries, their official activities and facts from personal biography. The transition to settlement was one of the main tasks of the Foreign Office, it was solved thanks to the officials who cared for people: first settled communities began to form. Despite the attractive conditions for service in the Office, there was a frequent turnover of officials at the posts, which was largely due to a certain extreme life. Practical experience shows that among the officials there were so-called “random” people who only wanted to become rich, often by criminal means, and used their official position and illiteracy of the population they supervised. It is natural that people aspired to go to places with more comfortable living conditions and with opportunities of further career growth. Throughout the 19th and the beginning of the 20th centuries, officials saw the North Caucasus, especially its steppe part, as a springboard for promotion. In conclusion, the author states that the imperial government was interested in the effective integration of the borderlands of the state and sought to employ decent personnel familiar with the traditions and customs of the peoples, including those of the Steppe Ciscaucasia. In addition, there was a trend of synthesis of traditional and imperial administration systems, which was expressed in the titles of the positions, which preserved ethnic features, e.g., the Trustee of Bolshederbetovskiy Ulus.

REFERENCES

1. Russian Empire. (1830) Ob opredelenii kollezhskogo sovetnika Makarova k upravleniyu delami kalmyk, kabardintsev, trukhmentsev, nogaytsev i drugikh aziatskikh narodov [On the appointment of the collegiate adviser Makarov as manager of the affairs of the Kalmyks, the Kabardians, the Trukhmen, the Nogais and other Asian peoples]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection II. Vol. XXVI. 19536. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
2. Berzhe, A.D. (ed.) (1866) Izvlechenie iz nastavleniya, dannogo iz Gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del opredelennomu v delakh kalmyk i drugikh aziatskikh narodov, kol. s. Makarovu [Extract from the instruction given by the State Board of Foreign Affairs to the manager of the affairs of the Kalmyk and other Asian peoples, the collegiate adviser Makarov]. In: *Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkhograficheskoyu komissieyu* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Vol. 1. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika.
3. Russian Empire. (1830) Vysochayshe utverzhdannaya Instruktziya Glavnomu Pristavu pri kochuyushchikh v Astrakhanskoy gubernii kabardintсах, trukhmentsakh, nogaytsakh, abazintsakh i prochikh narodakh [Highly Approved Instructions to the Chief Bailiff of the Kabardians, the Trukhmen, the Nogais, the Abazins and other nomadic peoples of Astrakhan Province]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection I. Vol. XXVII. 20.217. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
4. Svechnikova, L.G. (2003) *Obychay v pravovoy sisteme (na materialakh pravovogo razvitiya narodov Severnogo Kavkaza v XIX v.)* [A custom in the legal system (on the materials of the legal development of the peoples of the North Caucasus in the 19th century)]. Stavropol: ARGUS. pp. 74–75.
5. Berzhe, A.D. (ed.) (1868) Vsepoddannейshiy raport kn. Tsitsianova, ot 8 yanvarya 1803 g. [A devoted report of Prince Tsitsianov of January 8, 1803]. In: *Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkhograficheskoyu komissieyu* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Vol. 2. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika.
6. Berzhe, A.D. (ed.) (1868) Predlozhenie kn. Tsitsianova gen-m. Sultanu Mengli-Gireyu, ot 11 dekabrya 1803 g., № 73 [Offer of Prince Tsitsianov to Mayor General Sultan Mengli Giray, December 11, 1803, No. 73]. In: *Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkhograficheskoyu komissieyu* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Vol. 2. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika.
7. Berzhe, A.D. (ed.) (1868) Otnoshenie gr. Kochubeya k kn. Tsitsianovu 15 sentyabrya 1803 g., № 4408 [A letter of request from Count Kochubey to Prince Tsitsianov, September 15, 1803, No. 4408]. In: *Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkhograficheskoyu komissieyu* [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Vol. 2. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika.
8. Russian Empire. (1861) Vysochayshe utverzhdennyy shtat Upravleniya Magometanskimi kochevymi narodami, obitayushchimi v Stavropol'skoy gubernii [Highly Approved staff of the Office of the Mohammedan nomadic peoples living in Stavropol Province]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection II. Vol. XXXIV. 34988. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
9. State Archive of Stavropol Krai (GASK). Fund 101. List 4. (In Russian).
10. Russian Empire. (1835) Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o grazhdanskikh mundirakh 1834 g. [Highly Approved Regulations on Civil Uniforms of 1834]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection II. Vol. IX. 6860. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
11. Russian Empire. (1857) Opisaniya izmeneniyam v forme odezhdy chinovnikov grazhdanskogo vedomstva. Pravila nosheniya sey formy” ot 8 marta 1856 g. [Descriptions of changes in the form of clothing of civil servants. Rules for wearing this form of March 8, 1856]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection II. Vol. XXXI. 30247. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
12. Shepelev, L.E. (1991) *Tituly, mundiry, ordena v Rossiyskoy imperii* [Titles, uniforms, orders in the Russian Empire]. Moscow: Nauka.
13. State Archive of Stavropol Krai (GASK). Fund 101. List 5. (In Russian).
14. Mironov, B.N. (1999) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachala XX v.). Genezis lichnosti, demokraticeskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t.* [The social history of Russia in the period of the empire (18th – early 20th centuries). The genesis of a personality, a democratic family, a civil society and the rule of law: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
15. State Archive of Stavropol Krai (GASK). Fund 101. List 3. (In Russian).
16. *Stavropol'skie gubernskie vedomosti*. (1881) 7 November. 45. pp. 2.
17. National Archive of the Republic of Kalmykia. Fund I-21. List 1. (In Russian).

18. Pagirev, D.D. (ed.) (1906) *Kavkazskiy kalendar' na 1907 g.* [The Caucasian calendar for 1907]. Tiflis: Tipografiya K.P. Kozlovskogo.
19. State Archive of Stavropol Krai (GASK). Fund 249. List 1. File 26. (In Russian).
20. State Archive of Stavropol Krai (GASK). Fund 101. List 1. (In Russian).
21. Pisar'kova, L.F. (1995) Rossiyskie chinovniki na sluzhbe v kontse XVIII – nachale XIX v. [Russian officials in the service at the end of the 18th and early 19th centuries]. *Chelovek*. 3. pp. 121–139.
22. Farforovskiy, S.V. (1910) *Iz byta chinovnichestva v doreformennoy vremya* [From the life of officials in the pre-reform time]. Stavropol'-Kavkazskiy: Elektropечатnya Vaynblat.
23. Russian State Historical Archive. Fund 1268. List 10. 1861 g. File 16. (In Russian).
24. Russian Empire. (1830) Vysochayshe utverzhdennoe Uchrezhdenie, dlya upravleniya Kavkazskoy oblasti [Highly Approved institution for the management of the Caucasus region]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection II. Vol. II. 878. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
25. State Archive of Stavropol Krai (GASK). Fund 249. List 2. (In Russian).
26. Russian Empire. (1857) Ustavy o sluzhbe grazhdanskoy [Statutes on civil service]. In: *Svod Zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy v 15 t.* [The Digest of Laws of the Russian Empire compiled by the order of Emperor Nicholas the First, in 15 vols]. Vol. III. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
27. Grigorovskiy, S. (1912) *O brake i razvode. Sbornik tserkovnykh i grazhdanskikh zakonov s dopolnleniyami i raz'yasneniyami na osnovanii tsirkulyarnykh ukazov i separatnykh opredeleniy Svyateyshego Sinoda* [On marriage and divorce. The collection of church and civil laws with supplements and explanations on the basis of circular decrees and separate definitions of the Holy Synod]. St. Petersburg: Sinodal'naya Tipografiya.
28. Kuz'min, A.D. (2014) Matrimonial bonds and demographic behavior of civil officers in Belarusian provinces (1864–1914). *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 1. pp. 69–75. (In Russian).
29. Pagirev, D.D. (ed.) (1906) *Kavkazskiy Kalendar' na 1906 g.* [The Caucasian Calendar for 1906]. Tiflis: Tipografiya K.P. Kozlovskogo.
30. Russian Empire. (1888) Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta "O novom shtate upravleniya kochevymi inorodtsami Stavropol'skoy gubernii" [Highly Approved opinion of the State Council "On the New State of Management of Nomadic non-Russians of Stavropol Province"]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Collection III. Vol. VI. 3813. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
31. Russian Empire. (1857) Uchrezhdenie Upravleniya Stavropol'skoy gubernii [Establishment of the Office of Stavropol Province]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Digest of Laws of the Russian Empire]. Vol. II. Pt. II. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
32. Russian Empire. (1857) Ustavy o povinnostyakh [Charters of duties]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The Digest of Laws of the Russian Empire]. Vol. IV. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
33. Dubrova, Ya.P. (1998) *Byt kalmykov Stavropol'skoy gubernii* [The life of the Kalmyks of Stavropol Province]. Elista: Kalm. kn. izd-vo.

Received: 22 October 2018

В.В. Петрик

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ШКОЛ И НАПРАВЛЕНИЙ В ТРАНСПОРТНЫХ ВУЗАХ СИБИРИ В 50-е – НАЧАЛЕ 90-х гг. XX в.

Рассматриваются формирование и развитие научных школ и направлений в транспортных институтах Сибири в 1950-е – начале 1990-х гг. Показано, что в вузах данного профиля сформировались авторитетные научные школы. Охарактеризованы наиболее значительные достижения ученых-транспортников региона в научно-исследовательской деятельности. Сделан вывод о народнохозяйственной важности проводимых учеными исследований, направленных на освоение новых территорий к востоку от Урала.

Ключевые слова: транспортные вузы; Сибирь; научные школы и направления; кафедры и лаборатории; ученые-транспортники.

Промышленное освоение Западной и Восточной Сибири в послевоенное время требовало развития сети железных дорог, а также использования для судоходства сибирских рек. Дефицит специалистов железнодорожного и водного видов транспорта был очень высоким. Потребность в инженерах-транспортниках с хорошей профессиональной подготовкой с каждым годом возрастала. Необходимы были и научные изыскания ученых для развития этих отраслей народного хозяйства.

В начале 1950-х гг. в Сибири функционировали три отраслевых института: новосибирские – инженеров железнодорожного и водного транспорта (НИИЖТ и НИИВТ) и Томский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта (ТЭМИИТ). В 1961 г. ТЭМИИТ был переведен из Томска в Омск. На новом месте вуз стал именоваться Омским институтом инженеров транспорта (ОМИИТ) [1. Л. 32].

Формирование научных школ в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта началось еще в 1930-е гг., но окончательно они сформировались лишь в 1950-е гг.

Рассмотрим деятельность ведущих научных школ и основные направления исследований ученых этого транспортного вуза в изучаемый период. Так, научную школу по строительной механике и механике деформируемого тела, созданную проф. А.Я. Александровым, возглавляли профессор М.Х. Ахметзянов, И.Б. Лазарев и Ю. Ил. Соловьев [2. Л. 13].

Научная школа по мостам и тоннелям создана проф. К.К. Якобсоном. Ее основные направления связаны с совершенствованием способов расчета и определением грузоподъемности эксплуатируемых мостов, разработкой рекомендаций для мостовых конструкций современного исполнения, созданием методов борьбы с ледовыми затруднениями при строительстве и эксплуатации мостов. Эти направления успешно развивали профессор Г.М. Власов, В.М. Круглов, В.П. Устинов.

Широкую известность в стране получили исследования по воздействию льда на инженерные сооружения, выполненные под руководством заслуженного деятеля науки и техники РСФСР, проф. К.Н. Коржавина, проработавшего в вузе около 60 лет [Там же. Л. 14].

В 1960-е гг. появились новые научные школы, становлению которых способствовал Ф.Ф. Краснов –

проректор по научной (в 1960–1964 гг.) и учебной работе (в 1965–1968 гг.).

Одна из них – по основаниям и фундаментам, мерзлотоведению и грунтоведению – создана проф. Ф.А. Никитенко, позже ее возглавил проф. Ю.Ил. Соловьев.

Научная школа по проектированию и строительству железных дорог была создана проф. А.К. Дюниным. Ее основные направления: проектирование и строительство железных дорог в сложных физико-географических условиях, реконструкция плана и продольного профиля железных дорог, защита автомобильных и железных дорог от снежных лавин и заносов.

Научная школа по железнодорожному пути создана проф. В.Т. Альбрехтом. В ее работе активное участие принимали профессора Л.М. Дановский, Н.П. Кондаков, М.С. Боченков. К началу 1990-х гг. школу возглавил проф. Н.И. Карпущенко. Основными направлениями ее научной деятельности являлись надежность железнодорожного пути и совершенствование системы ведения путевого хозяйства [2. Л. 15].

Научная школа по обеспечению сохранности перевозимых грузов создана проф. В.К. Бешкетом, позже ее возглавил проф. А.М. Островский. Основными направлениями деятельности научной школы являлись: совершенствование перевозок опасных грузов, создание безопасной технологии ликвидации аварийных ситуаций, рациональное использование грузоподъемности и вместимости вагонов, создание жидкокозотной системы охлаждения вагонов. Разработки этой научной школы получили широкое признание. Профессор А.М. Островский являлся членом Комитета экспертов Экономического и социального совета Организации Объединенных Наций по перевозке опасных грузов и руководителем научного направления по разработке международных правил перевозки опасных грузов.

Научную школу по экономике и организации строительства возглавлял проф. А.А. Комаров. Основными направлениями исследований ученых являлись: железнодорожное строительство, притрассовые временные дороги и гражданское строительство. В рассматриваемый период под руководством доц. Г.И. Пирожкова получили развитие два направления научных исследований – вопросы теории сцепления арматуры с бето-

ном и автоматизация проектирования железобетонных конструкций. Научная школа по экономике железнодорожного транспорта возникла в начале 1970-х гг. под руководством проф. А.И. Журавеля. Основными направлениями исследований школы являлись: совершенствование методики технико-экономических расчетов и совершенствование хозяйственного механизма на железнодорожном транспорте [2. Л. 16].

Научная деятельность в Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта в 1950-е – начале 1990-х гг. являлась одним из основных направлений работы. Научно-исследовательский сектор НИИЖТа объединял 4 научно-инженерных центра («Антикоррозийная защита», «Экогеология», КОСК, «Путеец»), 11 лабораторий и 8 групп, 12 малых предприятий. В вузе трудилось около 200 научных работников. Ежегодный объем научных исследований превышал в НИИЖТе 2 млн руб. В описываемый период времени сотрудники и студенты вуза получили около 350 авторских свидетельств на изобретения [3. Л. 49–50]. За 1982–1991 гг. на ВДНХ СССР ими было получено 4 золотых, 28 серебряных и 37 бронзовых медалей [4].

К началу 1960-х гг. потребность в инженерах железнодорожниках в Сибири значительно возросла. С этой целью в 1961 г. в г. Иркутске был открыт филиал НИИЖТа, который в 1975 г. стал самостоятельным транспортным вузом – Иркутским институтом инженеров железнодорожного транспорта [5. Л. 2]. В 1980-е – начале 1990-х гг. основной объем научно-исследовательской работы (НИР) в этом вузе проводился по перечню, утвержденному Министерством путей сообщения СССР, который включал важнейшие вопросы совершенствования перевозного процесса и управления транспортом. Ряд тем, возглавлявшихся проф. С.С. Черняком, доцентами В.Н. Поздеевым, А.В. Дмитриенко, А.С. Новиковым, Е.А. Полинцевым, Н.С. Назаровым и другими, имел общесоюзное значение [6. Л. 100–101].

В числе основных научных направлений Омского института инженеров транспорта в 1960-е – начале 1990-х гг. были работы в области строительства и эксплуатации железнодорожного пути, электрификации железнодорожного транспорта, управления процессами перевозок, автоматики, телемеханики и связи. Возглавляли научные школы известные ученые, профессора М.П. Пахомов, В.В. Лукин, М.Г. Шалимов, М.Н. Ларин, В.П. Михеев, В.А. Четвергов. Так, за период с 1965 по 1985 гг. объем выполненных в вузе научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИР и ОКР) вырос почти в три раза [7. Л. 41].

Становление Новосибирского института инженеров водного транспорта (НИИВТа) совпало с периодом, когда происходил значительный прогресс по всем направлениям работы речного транспорта. Получил применение метод толкания составов вместо буксировки, произведена полная замена деревянных несамоходных судов металлическими. Для внедрения толкания началось новое строительство буксиров-толкачей и переоборудования для этого старых судов. Доля судов с паровыми машинами постепенно

уменьшалась по отношению к дизельным. В бассейны поступали дизельные буксиры-толкачи, сухогрузные теплоходы, дизель-электрические землесосы. Весь паровой флот был переведен с угля на жидкое топливо, мазут. Производились значительные работы по реконструкции рек Сибири, увеличивалось судоходство на них, особенно в связи с освоением добычи нефти в северных регионах.

Все это способствовало быстрому и многостороннему развитию в институте научной работы. Часть научных работ выполнялась по заданию Министерства речного флота СССР, который их и финансировал. Вместе с тем появлялись и расширялись научные связи с пароходствами, научными и общественными организациями. Вскоре после создания вуза начались совместные НИР с учеными Западно-сибирского филиала АН СССР [8. Л. 139–140].

С самого начала в институте сформировался сильный научно-педагогический коллектив гидротехнического факультета, в который вошли опытные специалисты по водным путям, гидротехнике, строительному производству. Это были доценты П.Н. Орлов, Ф.М. Чернышев, В.В. Дегтярев, М.А. Богословский. Активную научную работу по водным путям вели доценты, впоследствии профессора, В.С. Перехвальский и А.В. Станкеев, опытный специалист В.М. Худомясов.

В 1964 г. НИИВТ был назначен головным вузом по проблемам судоходства и транспортному освоению малых рек в восточных бассейнах. Под них было выделено госбюджетное финансирование и созданы две проблемные лаборатории: гидромеханики судна и судоходства малых рек. В том же году были организованы еще 4 хозяйственные лаборатории: эксплуатационно-экономических изысканий, гидротехники, технической эксплуатации флота, технологии и организации судоремонта. Это позволило всю научную работу сконцентрировать в этих подразделениях. Были защищены первые докторские диссертации: В.Г. Павленко и Н.Ф. Сторожевым.

Именно в эти годы окончательно сформировались направления, определившие научное лицо института на весь последующий период. Автосцепы УДР получили массовое внедрение в 1964–1971 гг. В результате исследований и проектных проработок летом 1968 г. пущен первый в стране изгибаемый состав на Верхнем Иртыше. Впервые было осуществлено сжигание в цилиндрах судового дизеля водотопливной эмульсии. Разработана технология и осуществлено создание на реках Сибири экономичных выправительных сооружений из грунта. Созданы первые радиофазовые системы управления движением земснаряда на прорези «Автоствор» [8. Л. 141].

Для научной деятельности НИИВТа в 1968–1976 гг. характерно дальнейшее укрепление материально-технической базы. Созданы вычислительный центр пароходств восточных бассейнов, русловой ангар, лаборатория СДВС, лаборатория испытания автосцепов. Учеными было осуществлено гидравлическое моделирование по ряду проектов улучшения судоходных условий на трудных участках Оби и других рек Сибири. Проводилось гидравлическое моделирование по проектам строительства водозаборов на

Оби, Иртыше и Амуре. Результаты научных исследований института представлялись на международных научных конгрессах, конференциях.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. начался новый этап освоения восточных регионов страны. Перед речным транспортом была поставлена задача транспортного обеспечения подъема экономики за Уралом. Он оказался единственным видом транспорта, который мог доставить десятки миллионов тонн грузов на север Тюменской и Томской областей для геологоразведчиков и добытчиков нефти и газа. Столь же масштабные задачи стояли и перед речниками Енисея и Лены. В этих условиях коллективу научных работников НИИВТа было необходимо оказать пароходствам и их линейным предприятиям научно-техническую помощь в решении поставленных перед ними задач.

Сложность работы заключалась в том, что кроме резкого увеличения объема перевозок этот прирост следовало осуществить и за счет доставки грузов к местам добычи нефти и газа по неосвоенным малым рекам. Сильно изменялась номенклатура грузов. В эти районы необходимо было доставить уникальные крупногабаритные машины, установки, а также товары для жизнеобеспечения работающих там людей.

Ученые института очень ответственно отнеслись к выполнению поставленных задач. Коллектив кафедры организации работы флота, возглавляемый В.П. Зачесовым, развернул исследовательские работы по двум направлениям: транспортному освоению малых рек и оптимизации использования флота. За период 1976–1990 гг. были обследованы 20 рек общей протяженностью более 2 тыс. км, в результате чего определены их путевые возможности, оценены объемы перевозок по ним, даны рекомендации по организации завоза грузов и типам флота [8. Л. 142].

Коллектив кафедры механизации и организации перегрузочных работ под руководством М.К. Сорокина сосредоточил свои усилия на разработке и внедрении прогрессивных транспортных технологических систем доставки генеральных грузов, которые обеспечили повышение производительности труда в 4 раза. Работа была представлена на ВДНХ, авторы удостоены серебряных и бронзовых медалей.

Над проблемами создания новых типов судов и составов продолжали работать коллективы кафедр теории и устройства корабля во главе с В.Г. Павленко и строительной механики, возглавляемой Н.Ф. Сторожевым. Так, второй коллектив, совместно с проектно-конструкторскими организациями речного флота, разработал новые сцепные устройства речных составов и в 1979 г. был удостоен Государственной премии СССР.

Проблемы коренного улучшения судоходных условий на сибирских реках решались коллективом кафедры водных путей и гидравлики, который возглавили В.В. Дегтярев и Ф.М. Чернышев. Наиболее острой проблемой, поставленной перед ними, был

поиск оптимального решения по обеспечению требуемых габаритов пути на самом напряженном участке реки Лены от Усть-Кута до Киренска. Одновременно коллектив кафедры и лаборатории по заказу Гипроречтранса проводил исследования на гидравлической модели, в результате которых был выявлен оптимальный вариант расположения причальных сооружений проектируемого Надымского порта, а также был найден эффективный способ предотвращения размыва грунта у основания причальных сооружений Нижневартовского порта.

Все возрастающие объемы работ по обеспечению необходимых габаритов пути потребовали соответствующего увеличения гидрографических работ и повышения производительности труда изыскательских партий, а также технической производительности дноуглубительных снарядов. Решение этих задач взяли на себя коллективы, возглавляемые В.Г. Власовым (кафедра автоматики и промэлектроники) и В.И. Мухиным (кафедра теоретических основ электротехники). Их разработки демонстрировались на ВДНХ и были удостоены медалей.

Коллектив лаборатории технической эксплуатации флота, возглавляемый О.Н. Лебедевым и Г.Л. Егоровым, развернул работы по созданию и широкому внедрению установок приготовления водотопливных эмульсий. Был создан унифицируемый модуль, испытания которого подтвердили его высокую надежность. К концу 1980-х гг. в Западно-Сибирском речном пароходстве на эти эмульсии было переведено 30 судов. Оснащение судов такими модулями происходило и в других пароходствах. Эта работа была представлена в 1989 г. на ВДНХ и удостоена «Диплома Почета» ВДНХ, а руководители О.Н. Лебедев и В.Д. Сисин удостоены премии Совета министров РСФСР.

Коллектив кафедры судостроения и судоремонта под руководством Л.К. Арабьяна развернул комплекс работ по созданию современной технологии ремонта, восстановления и повышения долговечности деталей судового и портового оборудования на базе новейших достижений науки и техники. Кафедра электрооборудования судов и береговых сооружений (Д.Ф. Зенков и В.Б. Пономарев) приступила к созданию новых типов электропривода шлюзовых механизмов и земснарядов. В рассматриваемый период в НИИВТе были созданы признанные научные школы гидромеханики судна (В.Г. Павленко), речной гидравлики (В.В. Дегтерева) и теплотехники (О.Н. Лебедева) [8. Л. 143–144].

Таким образом, предпринятый нами обзор формирования и развития научных школ и направлений в транспортных вузах Сибири в 1950-е – начале 1990-х гг. показал народнохозяйственную важность проводимых учеными исследований, направленных на освоение новых крупных территориально-производственных комплексов к востоку от Урала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 3040. 1951–1961 гг.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-498. Оп. 1. Д. 150. 1951–1991 гг.
3. ГАО. Ф. П-498. Оп. 1. Д. 281. 1951–1991 гг.
4. Текущий архив Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта. Годовые отчеты по НИР вуза за 1982–1991 гг.

5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Оп. 1 (предисловие к описи). 1961–1975 гг.
6. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 6371. Оп. 1. Д. 18. 1980–1991 гг.
7. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДННАО). Ф. 771. Оп. 1. Д. 59. 1965–1985 гг.
8. ГАНО. Ф.П-4. Оп. 80. Д. 183. 1953–1991 гг.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 июля 2018 г.

The Formation and Development of Scientific Schools and Directions in Transport Higher Schools of Siberia in the 1950s – Early 1990s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 143–146.

DOI: 10.17223/15617793/443/18

Valeriy V. Petrik, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: v.v.petrik@mail.ru

Keywords: transport universities; Siberia; scientific schools and directions; departments and laboratories; transport-related researchers.

On the basis of archival documents first introduced into scientific discourse, the article examines the activities of transport higher schools of Siberia in the formation and development of scientific schools and directions in the 1950s – early 1990s. The author points out that the industrial development of the territories of the region in the postwar period called for the development of the railway network and the use of the Siberian rivers for navigation. Therefore, scientific research was necessary for the development of these sectors of the economy. It is noted that by the beginning of the period under study Siberia had three transport universities: two in Novosibirsk and one in Tomsk. Later transport universities were opened in Irkutsk and Omsk (it was transferred from Tomsk in 1961). A large part of the article is material on the formation and development of leading scientific schools of Novosibirsk Institute of Railway Engineers (NIIZhT). They were headed by distinguished scientists, professors A.Ya. Aleksandrov, K.K. Yakobson, G.M. Vlasov, K.N. Korzhavin, Yu.I. Soloviev, A.K. Dyunin, V.T. Albrekht and others. The main directions of transport-related research are described in detail. The author emphasizes that scientific activity in NIIZhT in the period under study was one of the main areas of work. This allowed the university to become a leader in its industry. Among the main scientific directions of Omsk Institute of Transport Engineers in the 1960s – early 1990s were works in the field of construction and operation of the railway, electrification of railway transport, transportation management, automation, telemechanics and communication. The heads of the scientific schools were well-known scientists, professors M.P. Pakhomov, V.V. Lukin, M.G. Shalimov, M.N. Larin, V.P. Mikheev, V.A. Chetvergova. The author examines in detail the scientific work of Novosibirsk Institute of Water Transport Engineers (NIWTE). The establishment of the institute coincided with the period of a significant progress in all areas of river transport. All this contributed to the rapid and multilateral development of science at the institute. The first doctoral theses were defended. In 1964 NIWTE was selected to be the leading institute on issues of navigation and transport development of small rivers in the eastern basins. It was in these years that the directions that determined the scientific image of the institute for the entire subsequent period were finally formed. It is noted that the scientific activity in the institute concentrated mainly in the departments and laboratories. During the period under study, the institute established recognized scientific schools of ship hydromechanics (V.G. Pavlenko), river hydraulics (V.V. Degterev) and thermal engineering (O.N. Lebedev). The article concludes on the economic importance of transport-related research aimed at the development of new large territorial-industrial complexes to the east of the Urals.

REFERENCES

1. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast. Fund 607. List 1. File 3040. 1951–1961. (In Russian).
2. State Archive of Novosibirsk Oblast. Fund P-498. List 1. File 150. 1951–1991. (In Russian).
3. State Archive of Novosibirsk Oblast. Fund P-498. List 1. File 281. 1951–1991. (In Russian).
4. Current archive of Novosibirsk Institute of Engineers of Railway Transport. Annual reports on research of the Institution for 1982–1991. (In Russian).
5. State Archive of Irkutsk Oblast. List 1 (Preface to the Inventory). 1961–1975. (In Russian).
6. State Archive of the Modern History of Irkutsk Oblast. Fund 6371. List 1. File 18. 1980–1991. (In Russian).
7. Documentation Center of the Modern History of Omsk Oblast. Fund 771. List 1. File 59. 1965–1985. (In Russian).
8. State Archive of Novosibirsk Oblast. Fund P-4. List 80. File 183. 1953–1991. (In Russian).

Received: 05 July 2018

К.П. Прибыткова, В.Н. Разгон

МАТЕРИАЛЬНОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАБОЧИМИ КАДРАМИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1940–1980-е гг.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках проекта «Мотивация труда в промышленности Алтайского края в 1940–1980-е гг.», № 17-11-22001-ОГН-Р_СИБ-А, региональный конкурс «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном» 2017 – Алтайский край.

На основе регионального и микроисторического подходов с целью оценки значения материального вознаграждения в проблеме обеспечения рабочими кадрами промышленности Алтайского края изучена система оплаты труда, действовавшая на советских предприятиях в 1940–1980-е гг. Материальное вознаграждение рассмотрено как стимул труда в промышленности региона, на заводах машиностроительной отрасли, а также как фактор привлечения и закрепления на производстве рабочих отдельных профессиональных групп.

Ключевые слова: мотивация труда; материальное вознаграждение; заработная плата в СССР; промышленность; микроистория; Алтайский край.

Обеспечение промышленности рабочей силой с помощью привлечения в необходимом для производства количестве рабочих кадров и их последующего закрепления на предприятиях наряду со стимулированием интенсивного и высокопроизводительного труда работников представляет собой важное направление системы мотивации труда. До конца советской истории проблема высокой текучести кадров на промышленных предприятиях сохраняла остроту, что указывает на неэффективность действовавших трудовых стимулов. В современной историографии кризис системы мотивации труда рассматривается в качестве одного из ключевых факторов разрушения советской модели социализма [1. С. 6–7], что определяет актуальность изучения содержания и эволюции на различных этапах направлений и способов мотивации труда в СССР.

В экономической системе командного типа трудовые стимулы устанавливались государством, но их реализация происходила в обстоятельствах функционирования конкретных производств, которые могли быть различными на уровне региона и отдельных предприятий, что создает необходимость при анализе тех или иных аспектов проблемы мотивации труда учитывать социально-экономические и демографические особенности регионального развития и определяет перспективность использования микроисторического подхода, получившего распространение в современных исследованиях стимулирования труда в СССР [1, 2].

Изучение процесса мотивации труда в историографии осуществляется с помощью подхода, выделяющего три группы стимулов: принуждение, материальное вознаграждение и моральные побуждения, которые в различных сочетаниях действовали в любых исторических условиях [1. С. 8; 2. С. 5; 3]. Как стимул работать интенсивнее вознаграждение действовало с помощью сдельной системы оплаты труда и премий, которые определяли зависимость заработной платы от результатов труда. В качестве стимула для привлечения кадров и их закрепления выступал уровень средних заработков на предприятии и его отдельных производствах. Значимость материального

вознаграждения в проблеме обеспечения промышленности рабочими кадрами определялась степенью дифференциации системы оплаты труда в зависимости от условий жизни в регионе, приоритета той или иной отрасли для решения государственных задач, цеховых условий труда, сложности профессии и ряда других параметров.

В современной историографии проблемы мотивации труда фактор материального вознаграждения в обеспечении промышленности рабочей силой является слабоизученным вопросом, при этом работы, в которых материальные стимулы выступают в качестве самостоятельного объекта исследования, в основном не выходят за рамки периода Великой Отечественной войны [4–6]. Стимулирующее значение материальных поощрений на последующих этапах советской истории рассматривается в качестве одного из элементов системы мотивации труда [2]. Наиболее дискуссионный вопрос представляет оценка роли материальных стимулов в годы войны. В.А. Сомов отрицает значение вознаграждения в этот период, так как его уровень не мог компенсировать трудозатраты рабочих в тяжелейших условиях производства и быта [7]. Ряд исследователей отмечают лишь снижение роли денежных выплат при нормированном снабжении, росте налогов и остром дефиците продуктов питания и товаров первой необходимости [6, 8]. Несмотря на указанные явления, по мнению А.М. Маркевича и А.К. Соколова, работники были вынуждены обращаться к услугам государственной и частной торговли, и зарплата в денежной форме сохраняла свою значимость [2. С. 331]. Как считают последние авторы, с середины 1950-х гг. в трудовой политике государства отчетливо обозначился уравнилительный вектор, следствием которого стала тенденция сокращения разрыва в доходах рабочих различных отраслей и категорий [Там же. С. 251–253]. По мнению Л.И. Бородкина, уравнилительная линия в материальном вознаграждении окончательно установилась позже, после тарифной реформы 1972–1975 гг., которая резко сократила дифференциацию оплаты труда [9. С. 12].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении значения материального вознаграждения как фактора обеспечения рабочими кадрами промышленных предприятий Алтайского края в 1940–1980-е гг. Исследование выполнено на основе регионального и микроисторического подходов. В качестве объектов для микроанализа были выбраны три предприятия, представляющие ключевые отрасли машиностроения края: Барнаульский завод транспортного машиностроения («Трансмаш»), Алтайский тракторный завод (АТЗ) в г. Рубцовске, а также Барнаульский вагоно-ремонтный завод (ВРЗ).

Основу источниковой базы исследования составила отложившаяся в Государственном архиве Алтайского края и Архивном отделе администрации г. Рубцовска делопроизводственная документация выбранных для изучения предприятий: годовые отчеты и объяснительные записки к ним, приказы руководства, отчеты по работе с кадрами, содержащие сведения о размерах заработной платы, действиях руководителей в отношении оплаты труда, динамике текучести кадров.

Задачи системы материального вознаграждения в промышленности Алтайского края в 1940–1980-е гг. В изучаемый период в регионе более острый характер, чем в стране в целом, носила проблема отставания в развитии социальной инфраструктуры – жилищного фонда, городского благоустройства, общественного транспорта, системы здравоохранения, досуга, учреждений школьного и дошкольного образования. Единственно возможным компенсирующим перечисленные условия фактором мог стать повышенный в сравнении с центральными районами страны уровень оплаты труда. Необходимость в нем обуславливалась и климатическими особенностями Алтайского края, которые создавали потребность в дополнительных расходах на питание, одежду и топливо.

В рабочих коллективах машиностроительных заводов большую группу составляли кадры «горячих» цехов: формовщики, обрубщики, кузнецы, сварщики и другие профессии, условия труда которых оказывали вредное воздействие на здоровье. Вне зависимости от регионального расположения предприятий привлечь и закрепить на производстве рабочих данной категории было возможно только с помощью обеспечения повышенных заработков или предоставления социальных льгот.

Условием нормального функционирования машиностроительных предприятий являлась их укомплектованность кадрами так называемых ведущих профессий. К ним относились, во-первых, рабочие станочных (универсальных, сквозных) профессий, которые занимались обработкой металла и других материалов с помощью оборудования: токари, фрезеровщики, шлифовщики, сверловщики и ряд других; во-вторых – слесари ремонтного и инструментального профилей, в обязанности которых входил ремонт и обслуживание станков, а также изготовление и ремонт приспособлений (к примеру, форм для литья) и инструмента (обрабатывающего, измерительного и др.). Содержание труда перечисленных профессий было сложным, а овладение необходимыми для работы навыками требовало

прохождения продолжительного обучения, в отличие, например, от освоения профессии сборщика для работы на конвейере. При этом руководители предприятий сталкивались с проблемой обеспечения рабочим «ведущих» профессий повышенных заработков. Причины проблемы заключались в том, что для ремонтников и инструментальщиков более целесообразной являлась повременная система оплаты труда, тарифные ставки¹ которой были ниже, чем ставки для рабочих-сдельщиков, а станочники, являясь рабочими сдельной системы оплаты труда, не располагали возможностями для значительного увеличения выработки (соответственно, заработной платы), так как операции механизированного труда поддавались точному нормированию и потенциал перевыполнения норм на таких работах ограничивался мастерством рабочего и возможностями оборудования.

Система материального вознаграждения в решении перечисленных задач рассматривается в рамках трех этапов: 1) в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны, когда приоритетное значение в обеспечении промышленности рабочей силой принадлежало принудительным механизмам (первая половина 1940-х гг.); 2) в условиях снижения значения централизованных источников комплектования предприятий рабочими кадрами и ослабления принуждения в их закреплении в послевоенное десятилетие (вторая половина 1940 – первая половина 1950-х гг.); 3) в период полного отказа от принудительных мер закреплении кадров и серии реформ системы оплаты труда (вторая половина 1950-х – 1980-е гг.).

1. Первая половина 1940-х гг. В период Великой Отечественной войны предоставляемое на заводах материальное вознаграждение, которое в условиях карточной системы снабжения реализовывалось не только в денежной, но и в натуральной форме, не являлось значимым фактором в решении задачи привлечения рабочих на производство. Промышленность обеспечивалась кадрами преимущественно централизованно: Комитет по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР и его бюро на местах направляли на предприятия мобилизованных для работы в промышленности городских и сельских жителей, рабочих, эвакуированных из европейских областей страны, а также выпускников системы трудовых резервов – ремесленных и железнодорожных училищ, школ фабрично-заводского обучения. Закрепление поступавших рабочих кадров должно было обеспечиваться действием судебной ответственности за самовольное оставление места работы, которая была установлена до начала войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и в качестве наказания предусматривала тюремное заключение на срок от двух до четырех месяцев. Для рабочих предприятий оборонных отраслей промышленности Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. самовольный уход был приравнен к дезертирству с фронта, а в качестве наказания определено тюремное заключение на срок от пяти до восьми лет. В течение 1942–1944 гг. действие последнего Указа распространялось на другие отрасли промышленности и отдельные предприятия.

Несмотря на введение строгих наказаний высокий уровень самовольных уходов рабочих представлял собой острую проблему для промышленных предприятий. В 1943 г. без санкции администрации АТЗ покинули 2 102 чел., или 68,8% от среднего числа рабочих в этом году, в 1944 г. – 1 585 чел. (34%); завод «Трансмаш» в 1943 г. – 1 188 чел. (21%), в 1944 г. – 1 232 чел. (19,5%); ВРЗ в 1943 г. – 149 чел. (6,9%), в 1944 г. – 364 чел. (17,3%) [10. С. 103]. Представленные данные показывают, что отдельные предприятия демонстрировали различия в масштабах самовольных уходов: доля «дезертиров» в рабочих коллективах на заводе «Трансмаш» и ВРЗ в годы войны была существенно ниже, чем на АТЗ. Факторами этих различий выступали структура трудовых коллективов с точки зрения источников комплектования (для эвакуированных кадров «дезертирство» не имело практического смысла), характер наказаний за самовольный уход с места работы (на основе Указа от 26 июня 1940 г. или предполагавшего более строгие санкции Указа от 26 декабря 1941 г.), а также уровень материального вознаграждения за труд, который зависел от ведомственной принадлежности предприятия: в стратегически важных в условиях войны отраслях промышленности были установлены повышенные тарифные ставки, предоставлялись более значительные ресурсы для снабжения рабочих продовольствием, топливом, одеждой, обувью и необходимыми бытовыми предметами [Там же. С. 103–104]. Завод «Трансмаш» в годы войны производил танковые двигатели и подчинялся Наркомату танковой промышленности, ВРЗ находился в ведомстве Наркомата путей сообщения, в свою очередь, АТЗ принадлежал к Наркомату сельскохозяйственного машиностроения. На ВРЗ и заводе «Трансмаш» всем без исключения рабочим предоставлялось двухразовое питание. Согласно записке директору завода «Трансмаш» Д.И. Толмачеву от его заместителя по рабочему снабжению в сентябре 1943 г. перерасход продуктов в столовых предприятия против установленных норм на одного человека по мясу и рыбе составил 5,2 кг, по жирам – 0,8, по крупам – 6,4, по сахару – 0,8 кг. [11. Оп. 1. Д. 207. Л. 133]. При этом продуктовая база АТЗ до конца 1944 г. позволяла осуществлять питание рабочих в столовых

только один раз в день [12. Д. 24. Л. 11–12]. В 1943 г. средняя заработная плата рабочих завода «Трансмаш» превышала заработки рабочих АТЗ на 30% (73,2 руб.² в месяц против 56,3), в 1944 г. – на 23% (77,7 руб. в месяц против 63) [11. Оп. 1. Д. 463. Л. 43; 12. Д. 103. Л. 62]. Относительно высокий уровень материального вознаграждения в некоторой степени позволял облегчить положение рабочих в тяжелых жилищных и производственных условиях, которые являлись главной причиной нарушений законодательства о запрещении самовольного оставления производства.

Система материального вознаграждения, установленная в годы войны, предполагала значительные различия в оплате труда в зависимости от условий: для рабочих «горячих» цехов полагалось второе горячее питание и снабжение хлебом по повышенной норме (1 000 г), действовали более высокие тарифные ставки. На ВРЗ часовые ставки сдельщиков 1-го разряда тяжелых условий труда (6 коп.) и особо тяжелых (7 коп.) превышали ставку 1-го разряда нормальных условий (5,5 коп.) на 9 и 27% соответственно [13. Оп. 2. Д. 27. Л. 23], на заводе «Трансмаш» практически аналогично – на 9,4 и 30% (10,5 и 12,5 против 9,6 коп. [11. Оп. 1. Д. 465. Л. 49]). Повышенные ставки также действовали для рабочих «ведущих» профессий. Кроме того, на заводах широкое распространение имела практика перевода ремонтников и инструментальщиков на сдельную систему оплаты труда, ставки которой были выше (данное явление в ведомственной документации предприятий получило название «фиктивная сдельщина»).

Действовавшая система оплаты труда обеспечивала дифференциацию заработков рабочих различных категорий. В 1944 г. на заводе «Трансмаш» при средней зарплате рабочих 77,7 руб. в месяц токари 5-го и 6-го разрядов зарабатывали 91,6 руб. (на 17,9% больше), формовщики тех же разрядов – 97,7 руб. (на 25,5% больше), электросварщики – 105 руб. (на 35% больше) [11. Оп. 1. Д. 405. Л. 54]. Данные табл. 1 о среднем часовом заработке рабочих отдельных профессий на ВРЗ за январь 1945 г. также подтверждают предоставление в годы войны повышенного вознаграждения кадрам ключевых профессий, а также рабочим тяжелых условий труда (сварщики).

Таблица 1

Средние часовые заработки рабочих отдельных профессий Барнаульского вагоноремонтного завода во второй половине 1940 – начале 1960-х гг.

Профессия	Период							
	январь 1945 г.		январь 1950 г.		январь 1954 г.		июнь 1961 г.	
	Коп.	% к среднему заработку	Коп.	% к среднему заработку	Коп.	% к среднему заработку	Коп.	% к среднему заработку
Средний часовой заработок рабочих	18,6	–	32,8	–	39	–	51,9	–
Слесари-ремонтники вагонных цехов	26	139,8	36,5	111,3	48,3	123,8	50,9	98,1
Слесари инструментального цеха	36,8	197,8	40,6	123,8	46,5	119,2	Нет данных	
Станочники вагонных цехов	25,2	135,5	Нет данных				47,3	91,1
Токари механических цехов	23,2	124,7	38	115,9	36,8	94,4	45	86,7
Электросварщики	30,4	163,4	44,3	135,1	42,5	109,0	57,2	110,2
Подсобные рабочие	Нет данных		27,9	85,1	31	79,5	50,3	96,9

Подсчитано по: [13. Оп. 1. Д. 88. Л. 173, 174; Оп. 2. Д. 43. Л. 7; Д. 57. Л. 91, 98; Оп. 3. Д. 73. Л. 115, 121; Оп. 4. Д. 22. Л. 1; Д. 38. Л. 1].

2. *Вторая половина 1940-х – первая половина 1950-х гг.* После окончания войны судебная ответственность за самовольное оставление производства была сохранена³, но возможности рабочих для свободного увольнения существенно увеличились, поэтому в течение послевоенного десятилетия в текучести кадров на предприятиях постепенно снижалось значение «дезертирств» и возрастало – увольнений по собственному желанию. Если в 1943 г. АТЗ таким образом покинули 4,1% от числа уволенных рабочих, то в 1946 г. – 18,7%, в 1950 г. – 50,1%, а в 1955 г. – 55% [12. Д. 34. Л. 49; Д. 37. Л. 17; Д. 42. Л. 24; Д. 73. Л. 29]. Аналогичная динамика наблюдалась и на остальных изучаемых заводах. В июне 1945 г. в Алтайском крае была прекращена мобилизация, и основным источником пополнения трудовых коллективов промышленных предприятий стал вольный найм. В декабре 1947 г. одновременно с денежной реформой в СССР была отменена карточная система распределения продовольствия. В этих условиях размер заработной платы как основного источника дохода рабочих⁴ становился одним из значимых факторов для привлечения кадров на предприятия и их последующего закрепления.

В течение послевоенного периода текучесть кадров, вызываемая увольнениями «по собственному желанию», на предприятиях возрастала. Если в 1946 г. ВРЗ таким образом покинули 10% от общего числа рабочих, АТЗ – 6,2%, завод «Трансмаш» – 4,5%, то в 1952–1955 гг. по собственному желанию ежегодно увольнялись 18–19% от общего числа рабочих ВРЗ и 20–22% – АТЗ и завода «Трансмаш» [10. С. 104–105]. Основное содержание текучести в алтайской промышленности в этот период составлял отток кадров, эвакуированных в годы войны, которые обладали в трудовых коллективах наиболее высокой квалификацией и продолжительным производственным стажем. На заводе «Трансмаш» в 1946 г. с просьбами об увольнении в адрес дирекции поступило 5 300 заявлений от эвакуированных инженеров и рабочих [Там же. С. 104], которые на тот момент составляли более половины кадрового состава предприятия. Из желающих покинуть завод была сформирована очередь, и работники отпускались постепенно. В 1945 г. эвакуированные рабочие составляли 50,3% трудового коллектива, на 1 января 1948 г. – 39,2% [11. Оп. 1. Д. 262. Л. 1–2], на 1 января 1950 г. – 19% [11. Оп. 1. Д. 265. Л. 25]. В дальнейшем доля эвакуированных на предприятии не фиксировалась, но в отчетах по работе с кадрами до середины 1950-х гг. отмечалось, что рабочие данной категории составляют значительную часть среди уволенных «по собственному желанию». На тракторном заводе ситуация развивалась аналогичным образом. Если в 1943 г. эвакуированные рабочие составляли 25,6% от общего числа (1 156 из 4 512 чел.), то к 1 января 1947 г. их число сократилось в 3 раза и стало составлять 6,8% (387 из 5 650 чел.) [12. Д. 106. Л. 44]. На ВРЗ, трудовой коллектив которого в годы войны пополнился рабочими и инженерами вагоноремонтных заводов европейской части страны, реэвакуация кадров проводилась централизованно и началась еще до окончания войны. К началу 1945 г. на

заводе работали 489 эвакуированных рабочих, или 28,4% от среднего числа в этом году (1 724 чел.), практически все их них (482 чел.) покинули предприятие в 1945–1946 гг. [13. Оп. 1. Д. 82. Л. 127 об.].

Стремление эвакуированных кадров вернуться на прежнее место работы и жительства объяснимо: многие из них прибыли в Алтайский край отдельно от семей или находились в тяжелых жилищных условиях, так как в годы войны заводами строилось исключительно временное жилье: деревянные бараки и саманные дома. Невозможность закрепления эвакуированных кадров на промышленных предприятиях определялась низкими социально-бытовыми условиями жизни в Алтайском крае в целом. Заработная плата в послевоенное десятилетие не стала фактором, компенсирующим проблемы региона, – ее уровень не только не превосходил средний в СССР, но и не достигал его. В 1945 г. средняя заработная плата промышленных рабочих в стране составила 41,3 руб. [16. С. 189], в сентябре этого года в среднем в промышленности Алтайского края – 39 руб. (94,4% к общесоюзному уровню) [17. Оп. 14. Д. 1. Л. 30]. В 1953 г. размер денежного дохода на одного человека в семьях алтайских рабочих составил 96,6% по отношению к аналогичному показателю в среднем по РСФСР [14. С. 69]. За третий квартал 1947 г. рабочие завода «Трансмаш» в среднем заработали 202,4 руб. против 211,9 руб. на предприятиях Главного управления дизелестроения СССР (95,5% к среднеотраслевому уровню) [11. Оп. 1. Д. 406. Л. 31].

Причины отставания заработков алтайских рабочих от средних в стране заключались в отсутствии в СССР до конца 1950-х гг. единых принципов региональной дифференциации в системе оплаты труда – районные коэффициенты в рамках одного региона могли применяться только в отдельных отраслях. К примеру, Постановление СНК СССР от 18 ноября 1945 г. «О перечне отдаленных местностей, приравненных к районам Крайнего Севера», которое устанавливало надбавку в 20% к зарплате рабочих Урала, Сибири и Дальнего Востока, в Алтайском крае распространялось только на металлургические предприятия и угольную промышленность [18. Оп. 3. Д. 11. Л. 5].

Стоит отметить, что, по мнению руководителей предприятий, установление районного коэффициента являлось важным инструментом для закрепления в алтайской промышленности эвакуированных кадров. Во второй половине 1940-х гг. в записках к годовым отчетам, которые направлялись в отраслевые министерства, руководители изучаемых заводов регулярно указывали на несправедливость действовавшей системы оплаты труда и предлагали установить региональные надбавки [11. Оп. 1. Д. 262. Л. 29–30; 12. Д. 105. Л. 21].

Массовые увольнения на изучаемых машиностроительных заводах компенсировались стабильным притоком рабочих из местного населения. За послевоенное десятилетие численность рабочих ВРЗ увеличилась на 8% (с 1724 чел. в 1945 г. до 1862 чел. в 1955 г.) [13. Оп. 1. Д. 83. Л. 63; Оп. 2. Д. 58. Л. 47], завода «Трансмаш» – на 11% (с 6 216 до 6 906 чел.)

[11. Оп. 1. Д. 471. Л. 16; Д. 359. Л. 52], АТЗ – более чем в два раза (с 5 046 до 10 853 чел.) [12. Д. 104. Л. 14; Д. 117. Л. 18]. Для желающих работать в Алтайском крае машиностроительная отрасль с точки зрения уровня оплаты труда являлась привлекательной. В сентябре 1949 г. средняя заработная плата рабочих в промышленности края составила 58,7 руб. [17. Оп. 14. Д. 1. Л. 30], в среднем в месяц в этом году рабочие ВРЗ зарабатывали на 13,1% больше (66,4 руб.) [13. Оп. 1. Д. 87. Л. 70], завода «Трансмаш» – на 16,4% (68,3 руб.) [11. Оп. 1. Д. 478. Л. 27], АТЗ – на 21,6% (71,4 руб.) [12. Д. 110. Л. 27]. В 1953 г. средняя заработная плата рабочих завода «Трансмаш», АТЗ и ВРЗ превышала аналогичный показатель в промышленности края на 31,7, 21 и 18,5% соответственно (78,5 руб. в месяц, 72,1 и 70,6 против 59,6 руб.) [11. Оп. 1. Д. 481. Л. 18; 12. Д. 116. Л. 28; 13. Оп. 2. Д. 58. Л. 98; 17. Оп. 14. Д. 15а. Л. 20].

Данные, приведенные выше, также показывают, что в послевоенное десятилетие заработки рабочих могли заметно различаться даже на предприятиях, принадлежавших к одной отрасли. Указанный факт являлся следствием существовавшего в промышленности в этот период многообразия тарифных сеток⁵, которые могли директивно устанавливаться и изменяться, в том числе для отдельного предприятия. В 1955 г. на предприятиях 24 промышленных министерств действовало около 1,9 тыс. тарифных сеток, из них в машиностроении – свыше 800 [18. Оп. 3. Д. 15. Л. 11–12]. Например, согласно установленным в 1946 г. тарифным сеткам, которые действовали до конца 1950-х гг., часовые ставки сдельщиков нормальных условий труда на заводе «Трансмаш» были выше аналогичных ставок на АТЗ на 4–7,5%; ставки сдельщиков ВРЗ с 1-го разряда по 3-й превышали ставки сдельщиков соответствующих разрядов завода «Трансмаш» на 6–14,7%, а ставки сдельщиков с 5-го разряда по 8-й, наоборот, были ниже на 1,8–5,5% [11. Оп. 1. Д. 252. Л. 4 об; 13. Оп. 4. Д. 32. Л. 3 об; 19. Д. 267. Л. 6–7]; для ВРЗ, в отличие от АТЗ и завода «Трансмаш», не были установлены сетки с повышенными ставками для особо тяжелых и особо вредных условий труда. Различный размер тарифных условий на отраслевых предприятиях являлся одним из факторов высокой текучести кадров, создавая мотивы поиска места работы с возможностями более высокого для своей профессии и квалификации заработка при аналогичных условиях и характере труда.

Тарифные сетки, введенные для предприятий после окончания войны, сохранили дифференцированный в зависимости от профессии и условий труда характер. Например, ставки станочников завода «Трансмаш» были выше ставок рабочих-сдельщиков других профессий на 16–22%, ставки сдельщиков тяжелых и вредных работ превышали ставки для нормальных условий труда на 12–17% (в зависимости от разряда рабочих) [11. Оп. 1. Д. 252. Л. 4]. В полной мере установленная система вознаграждения в послевоенное десятилетие не реализовывалась. В условиях увеличения возможностей для свободного увольнения с предприятий и снижения значения централизованных источников пополнения кадров такие отрица-

тельно воздействовавшие на уровень текучести обстоятельства, как отсутствие у региона преимуществ в материальном вознаграждении и разнообразные условия оплаты труда на предприятиях одной отрасли, способствовали формированию практик, которые позволяли заводским руководителям «подтягивать» заработки рабочих до соответствующих средних показателей. К наиболее важным для рассмотрения обозначенных в статье вопросов относились следующие: широкое использование премий и доплат к заработной плате, а также сохранение заниженных норм выработки, от уровня выполнения которых зависел размер заработка сдельщиков. Использование руководителями перечисленных практик приводило к падению удельного веса тарифного оклада⁶ в заработной плате рабочих. В 1955 г. в среднем на предприятиях машиностроения СССР тариф в заработках сдельщиков составлял только 48% [18. Оп. 3. Д. 15. Л. 206]. Следствием такой ситуации являлось происходившее на протяжении послевоенного периода сокращение дифференциации оплаты труда рабочих различных профессий и условий труда, так как разница в заработках в первую очередь определялась размером тарифных ставок. Если в январе 1943 г. средняя зарплата рабочего в чугунолитейном цехе АТЗ превышала аналогичный показатель в сборочном и автоматном цехах на 32,6 и 40% соответственно (данные в абсолютных значениях отсутствуют), то в 1950 г. рабочие «горячих» цехов в среднем ежемесячно зарабатывали 78,8 руб., что только на 18% превышало заработок в «холодных» цехах (64,7 руб.) и на 11,3% – средний на заводе (70,8 руб.) [12. Д. 34. Л. 41; Д. 110. Л. 28].

На ВРЗ разница в доходах рабочих в различных условиях труда также сократилась: если январе 1945 г. часовая зарплата рабочих в литейном цехе (21,3 коп.) превышал аналогичный показатель в среднем по заводу (19,2 коп.) на 10,9%, то в январе 1950 г. рабочие этого цеха в час зарабатывали 34,5 коп., что превышало средний заводской заработок (32,8 коп.) только на 5,2% [13. Оп. 4. Д. 22. Л. 1; Д. 38. Л. 1]. Согласно данным табл. 1 за январь 1950 и 1954 гг. на ВРЗ за послевоенный период произошло существенное сближение заработков сварщиков и рабочих «ведущих» профессий со средними на заводе. Сокращение дифференциации оплаты труда способствовало росту текучести кадров в «горячих» цехах и дефициту рабочих станочного и ремонтного профилей, на что делопроизводственная документация изучаемых заводов содержит регулярные указания. Например, на АТЗ дефицит слесарей ремонтного и инструментального профиля на 1 января 1952 г. составил 16,6%, рабочих станочных профессий – 15,5%. За 1952 г. рабочий коллектив чугунолитейного цеха обновился на 43%, а за 1954 г. – на 60% (средний уровень текучести кадров на АТЗ в 1952 г. составлял 34,1% от общего числа рабочих, в 1954 г. – 26,8%) [12. Д. 111. Л. 44; Д. 116. Л. 13].

3. *Вторая половина 1950-х – 1980-е гг.* В течение обозначенного периода была реализована серия реформ оплаты труда (тарифных реформ), в рамках которых можно выделить схожие направления, которые оказали воздействие на значение заработной платы как мотива выбора профессии и места работы: 1) упо-

рядочение региональной дифференциации оплаты труда через введение единой системы районных коэффициентов; 2) отраслевая унификация системы вознаграждения за труд с помощью установления новых тарифных сеток; 3) повышение минимального размера заработной платы по тарифу с помощью увеличения тарифных ставок. Реформы были проведены во второй половине 1950-х – начале 1960-х, 1967, 1972–1975 и 1986 гг.⁷

В ходе первой из названных реформ в течение второй половины 1950-х гг. к заработной плате рабочих всех отраслей промышленности Алтайского края был установлен районный коэффициент в размере 1,15 (для машиностроения – в июне 1959 г.). Однако данная мера не оказала устойчивого воздействия на систему материального вознаграждения, так как уже в начале 1960-х гг. коэффициент для края был отменен

[20. С. 148]. В 1972 г. в рамках очередной тарифной реформы районный коэффициент был окончательно распространен на все регионы Западной Сибири (для Алтайского края составлял 1,15).

Согласно данным табл. 2 даже в периоды отсутствия районного коэффициента заработная плата рабочих в машиностроении края, в том числе на изучаемых предприятиях, превышала общесоюзные отраслевые показатели. Причина заключалась в том, что заводские руководители могли использовать ряд способов, названных выше, которые позволяли повысить доходы рабочих. Как показывает табл. 2 за 1975, 1980, 1985 гг., после окончательного установления районного коэффициента разница в заработках рабочих кадров в машиностроении края по отношению к средним в стране увеличилась относительно периода 1950–1970 гг.

Таблица 2

Среднемесячная заработная плата рабочих на машиностроительных предприятиях Алтайского края и СССР в 1950–1985 гг., руб.

Год	Тяжелое, энергетическое и транспортное машиностроение				
	СССР	Алтайский край	% к общесоюзному уровню	Барнаульский завод «Трансмаш»	% к общесоюзному уровню
1960	88,8	94,6	106,5	93,8	105,6
1970	130,1	136,8	105,1	142,7	109,7
1975	161,5	178	110,2	184,4	114,2
1980	187,6	207	110,3	222,2	118,4
1985	217	235,6	108,6	229,2	105,6
Год	Тракторное и сельскохозяйственное машиностроение				
	СССР	Алтайский край	% к общесоюзному уровню	Алтайский тракторный завод	% к общесоюзному уровню
1950	68,3	70,6	103,4	70,8	103,7
1960	86,8	94,6	109,0	93,2	107,4
1970	130,1	134	103	143	109,9
1975	164,8	181,4	110,1	188,6	114,4
1980	190	209	110	220,3	115,9
1985	218,4	233,3	106,8	249,2	114,1

Подсчитано по: [11. Оп. 3. Д. 1702. Л. 50 об; Д. 2337. Л. 65; Д. 3466. Л. 33; Оп. 4. Д. 74. Л. 35 об; Д. 384. Л. 55; 12. Оп. 1. Д. 110. Л. 27; 16. С. 191–192; 17. Оп. 19. Д. 10. Л. 42 об; Д. 11. Л. 27 об; Д. 2281. Л. 13–14 об., 23–34 об; Д. 3162. Л. 15–16 об; Д. 4128. Л. 23–24 об., 37–38 об; Д. 5583. Л. 25–26, 39–40; Д. 5593. Л. 41, 44, 65, 69; 19. Д. 1762. Л. 54; Д. 2724. Л. 26; Д. 3767. Л. 41; Д. 4638. Л. 42; 21. Д. 22. Л. 241].

Региональная дифференциация системы оплаты труда являлась значимым фактором в проблеме обеспечения рабочей силой промышленных предприятий. В условиях отсутствия регионального коэффициента уровень текучести кадров в промышленности Алтайского края превышал средние показатели в стране. Необходимо пояснить, что общее число рабочих, которые по разным основаниям увольнялись с предприятия, фиксировалось в каждом годовом отчете изучаемых заводов, но во второй половине 1950-х – 1980-е гг. увольнения по собственному желанию среди них отмечались нерегулярно. Наиболее систематическая статистика представлена в отчетной документации АТЗ и завода «Трансмаш». В 1955 г. самовольно, по собственному желанию, а также за нарушения дисциплины в промышленности СССР были уволены 18,9% рабочих от общего числа [18. Оп. 1. Д. 2410. Л. 1], на АТЗ – 28,4% [12. Д. 73. Л. 29], на заводе «Трансмаш» – 29,9% [11. Оп. 1. Д. 359. Л. 60]. В 1960

г. по собственному желанию в промышленности СССР уволились 17,4% рабочих, в машиностроении – 13,5% [18. Оп. 1. Д. 2410. Л. 2–3], на заводе «Трансмаш» – 22,2% [11. Оп. 4. Д. 79. Л. 17], на АТЗ – 25,4% [19. Д. 433. Л. 78]; в 1965 г. в машиностроении – 17,2% [18. Оп. 1. Д. 2410. Л. 3], в среднем на предприятиях Главного управления тракторной промышленности – 15,7% [22. Оп. 1. Д. 18. Л. 60], на АТЗ – 21% [19. Д. 889. Л. 88]. Разница с предприятиями центральных областей могла быть еще более существенной – отдельные данные, имеющиеся в нашем распоряжении, свидетельствуют в пользу этого предположения: в 1968 г. в машиностроении РСФСР по собственному желанию и за нарушение дисциплины были уволены 16,9% рабочих, на предприятиях отрасли в центральном районе – 13,9%, в Западной Сибири – 20,4% [18. Оп. 1. Д. 2410. Л. 19].

Главной причиной увольнений рабочих с алтайских предприятий «по собственному желанию» яв-

лялся «выезд из города», что в большинстве случаев означало отъезд за пределы края. По оценкам социологов, с конца 1950-х – начала 1960-х гг. увеличилась миграция населения Алтайского края в другие районы СССР [23. С. 34; 24. С. 54]. В 1966 г. из 3 559 рабочих, покинувших АТЗ по личной инициативе, «выезд из города» в качестве причины увольнения в анкете указали 2 169 чел. (54,4%) [19. Д. 889. Л. 88]. Первостепенное значение в увольнениях по данной причине имели низкие социально-бытовые условия жизни в регионе⁸, и отмеченное преимущество в заработках рабочих алтайской промышленности до введения районного коэффициента не оказывало необходимого компенсирующего воздействия.

После окончательного установления районного коэффициента различия в показателях текучести кадров в среднем в промышленности СССР и на изучаемых алтайских заводах сократились. В 1975 г. «по собственному желанию» и за нарушения дисциплины на советских предприятиях были уволены 19% от общего числа рабочих [16. С. 258], на заводе «Трансмаш» – 15% [11. Оп. 3. Д. 1315. Л. 71], на АТЗ – 21% [19. Д. 3050. Л. 29]; в 1980 г. аналогичный показатель в промышленности страны составил 13,6% [18. Оп. 1. Д. 4713. Л. 124], на заводе «Трансмаш» – 14,3% [11. Оп. 3. Д. 2790. Л. 93.], на АТЗ – 13,5% [19. Д. 3855. Л. 171]; в 1985 г. в среднем на предприятиях СССР – 12% [16. С. 258], на АТЗ – 12,6% [16. Оп. 3. Д. 4689. Л. 3]. Кроме того, в увольнениях по собственному желанию снизилось значение мотива «выезда из города». Если в 1970 г. на заводе «Трансмаш» на такую причину сослались 988 из 1 815 чел., уволившихся по собственному желанию (54,4%), то в 1975 г. – 404 чел. из 1 178 (34,3%), в 1980 г. – 343 чел. из 1 865 (18,4%) [11. Оп. 3. Д. 1315. Л. 71; Д. 2337. Л. 75].

В рамках реформы системы оплаты труда в течение второй половины 1950-х гг. в промышленности СССР были установлены новые тарифные сетки – всего 10 вместо 1,9 тысяч. Несмотря на столь внушительное сокращение количества сеток реформа была нацелена скорее на унификацию заработков рабочих на предприятиях внутри отраслей, чем на межотраслевое уравнивание. К примеру, согласно установленным тарифным сеткам ставки сдельщиков в машиностроении на 14–23% превышали ставки в швейной и обувной промышленности, на 9–18% – в хлопчатобумажной, льняной и шелковой, ставки повременщиков в машиностроении превышали ставки во всех отраслях легкой промышленности – на 6–16% (с повышением разряда разница увеличивалась) [25. С. 104–106, 206–220, 231–232]. Различия в заработках должны были обеспечиваться и тем обстоятельством, что тарифные сетки с повышенными ставками для особо тяжелых и особо вредных условий труда вводилась только в машиностроении и химической промышленности.

Сравнить уровень отраслевой дифференциации системы оплаты труда с предшествующим реформе периодом ввиду разнообразия действовавших тарифных сеток затруднительно, поэтому для оценки уравнительного воздействия преобразований на материальные стимулы мы руководствуемся данными о средних заработках рабочих в различных отраслях. Согласно данным табл. 3 за 1956 г. и декабрь 1960 г. (до начала реализации реформы и после ее завершения в представленных в таблице отраслях), в целом различия в оплате труда рабочих в промышленности края сократились, но оставались существенными в качественно отличных по условиям и содержанию труда отраслях.

Таблица 3
Среднемесячная заработная плата рабочих в отдельных отраслях промышленности Алтайского края во второй половине 1950-х – 1980-е гг.

Отрасль промышленности	Год	1956	Декабрь 1960	1966	1970	1975	1980	1985	1988
Машиностроение:	Руб.	87,5	94,6	108,1	134,4	177,7	204,3	229,3	244,3
– Транспортное		81, 1		109	136,8	178	207,6	235,6	254,7
– Энергетическое		91,7							
– Тракторное и с.-х.		83,2							
– Химическое и нефтехимическое		–			132,4	173,8	196,8	219,1	241,6
Цветная металлургия	Руб.	104,1	114,4	127,3	155,2	186,6	202,2	230,5	277,8
	% к уровню в машиностроении	119,0	120,9	117,8	115,5	105,0	99	100,5	113,7
Химическая	Руб.	74,3	90,5	110	138,2	174,7	191,8	206,2	233,9
	% к уровню в машиностроении	85,0	95,7	101,8	102,8	98,3	93,9	89,9	95,7
Легкая	Руб.	65	83,4	86,6	106,8	135,8	170	193	195,8
	% к уровню в машиностроении	74,3	88,2	80,1	79,5	76,4	83,2	84,2	80,1
Пищевая	Руб.	52,8	76,2	82,1	101,1	140,9	157,8	172,6	Нет данных
	% к уровню в машиностроении	60,4	80,5	76,0	75,2	79,3	77,2	75,3	

Подсчитано по: [17. Оп. 12. Д. 10. Л. 26 об, 42 об; Д. 11. Л. 7 об., 18 об., 26 об., 27 об, 42 об, 90 об; Д. 1662. Л. 15, 18 об, 17–20 об., 25–26 об., 31–32 об., 39–42 об; Д. 2281. Л. 9–14 об., 18–19 об., 23–34 об., 35–38 об; Д. 3162. Л. 11–16 об., Л. 21–22 об., 41–42 об, 45–46 об; Д. 4128. Л. 19–24 об., 29–30 об., 37–38 об., 47–48 об., 53–54 об; Д. 5583. Л. 23–26, 31, 39, 107, 125, 129; Д. 5593. Л. 33, 41, 44, 48, 51, 65, 69, 77–79; 21. Д. 22. Л. 241].

Кроме того, впоследствии, как это видно из табл. 3 за 1966 г., при неизменных тарифных ставках разница в доходах рабочих в различных отраслях увеличилась.

В реформах системы оплаты труда 1967 и 1972–1975 гг. уравнительная линия прослеживается более отчетливо. Тарифные сетки 1967 г. должны были обеспечить повышение минимальной заработной платы до 60 руб. в месяц. Согласно введенным условиям оплаты труда ставки рабочих 2-го и 3-го разрядов в машиностроении только на 2–9% превышали ставки в легкой и пищевой промышленности, а ставки 1-го разряда в перечисленных отраслях стали равными. Для высококвалифицированных рабочих отраслевая дифференциация сохранилась: ставки сдельщиков 5-го и 6-го разрядов в машиностроении превышали аналогичные ставки в легкой и пищевой промышленности на 16–23%, ставки повременщиков – на 13–16% [26]. Реформа 1972–1975 гг. сократила число отраслевых тарифных сеток с 10 до 4. Новые ставки рабочих в машиностроении в зависимости от системы оплаты труда и разряда рабочего превышали ставки в легкой и пищевой промышленности на 3–10% [27]. Кроме того, в 1972 г. во всех отраслях промышленности были введены сетки с повышенными ставками для особо тяжелых и особо вредных условий труда, что также сокращало отраслевую дифференциацию в системе материального вознаграждения.

Как показывают данные табл. 3, преобразования тарифной системы, реализованные во второй половине 1960-х – 1970-е гг., несмотря на уравнительное содержание, не оказали соответствующего воздействия на доходы рабочих в промышленности края: заработная плата в машиностроении в этот период росла быстрее и превышала заработки в легкой промышленности на 16–24%, в пищевой – на 20–25%, что не было ниже уровня различий, который установился после реформы второй половины 1950-х гг. Таким образом, для рабочих края машиностроительные предприятия до конца советского периода с точки зрения уровня оплаты труда оставались одними из наиболее привлекательных. По приведенным в литературе данным во второй половине 1960-х гг. свыше 15% поступавших на машиностроительные заводы г. Барнаула в порядке вольного найма ранее работали на предприятиях легкой и пищевой промышленности [28. С. 131]. Повышенный уровень оплаты труда в машиностроении обеспечивался за счет увеличения на заводах числа рабочих, оплачиваемых по ставкам для тяжелых и вредных, а также для особо тяжелых и особо вредных условий труда. Например, на АТЗ в 1959 г. в тяжелых и вредных условиях работали 28% рабочих, в особо тяжелых и особо вредных – 9%, а по данным на 15 мая 1975 г. – 41 и 16% соответственно [17. Оп. 12. Д. 159. Л. 14; Д. 3183. Л. 16 об.]. Еще одним способом выступала практика сохранения пониженных норм выработки для рабочих-сдельщиков: если в октябре 1965 г. средний уровень выполнения норм в пищевой промышленности СССР составлял 113,9%, в 1968 г. – 129,4%, в легкой промышленности – 114,8 и 119,4%, то в машиностроении – значительно выше: 137,6 и 141,1% [18. Оп. 1. Д. 2410. Л. 50].

В отношении дифференциации материального вознаграждения в зависимости от условий труда реформа второй половины 1950-х гг. также не была нацелена на уравнивание. Если разница между сдельными ставками тяжелых условий труда и ставками нормальных условий, утвержденными для заводов в 1946 г., на ВРЗ составляла 6,2%, на АТЗ – 9%, на заводе «Трансмаш» – 12%, то ставки 1959 г. для всех предприятий машиностроения устанавливали разницу в 14,5–14,7% [11. Оп. 1. Д. 252. Л. 4 об; 13. Оп. 4. Д. 32. Л. 3 об; 19. Д. 267. Л. 6–7; 25. С. 105; 27]. Тенденцию к уравнительности можно усмотреть в обновлениях тарифных сеток в 1967 и 1972 гг., в результате которых разница между сдельными ставками для тяжелых условий труда и ставками для нормальных условий в машиностроении сократилась до 12,5% [26, 27].

Наиболее систематическая статистика о средней заработной плате в «горячих» цехах, имеющаяся по заводу «Трансмаш», свидетельствует о сокращении разницы со средними заработками на предприятии в результате введения тарифных сеток 1967 и 1972 гг. В 1955 г. уровень среднемесячной заработной платы рабочих в литейном цехе превышал средний на заводе на 17% (94,8 руб. против 81), в 1960 г. (после завершения перевода на новые условия труда) – на 16,2% (109 руб. против 93,8), в 1975 г. – на 10,9% (204,5 руб. против 184,4), в 1980 и 1983 гг. – на 7,1% (238 руб. против 222,2 в 1980 г. и 249,2 руб. против 232,6 в 1983 г.) [11. Оп. 1. Д. 350. Л. 10; Оп. 2. Д. 173. Л. 5; Оп. 3. Д. 1315. Л. 26; Д. 2337. Л. 23; Д. 2972. Л. 13].

Тарифная система, установленная в рамках реформы заработной платы во второй половине 1950-х гг., не содержала отдельных сеток для оплаты труда рабочих «ведущих» профессий. Кроме того, в рамках одного из мероприятий реформы – перетарификации, ремонтники, наладчики и инструментальщики переводились на повременную систему оплаты с пониженными, в сравнении со сдельной системой, тарифными ставками. Как показывают данные табл. 1 за июнь 1961 г., одним из результатов реформы второй половины 1950-х гг. стало продолжение обозначившейся после окончания войны тенденции сокращения уровня заработков рабочих «ведущих» профессий по отношению к средним на заводах.

В рамках тарифной реформы 1967 г. рабочим-станочникам машиностроительных предприятий устанавливались ставки, повышенные на 15%. В ходе реформы 1972–1975 гг. ставки станочников были приравнены к ставкам тяжелых и вредных работ [27], по отношению к остальным рабочим нормальных условий труда это означало повышенное на 12,4–12,7% (в зависимости от разряда рабочего) вознаграждение по тарифу, что было меньше разницы, установленной в результате предыдущего реформирования системы оплаты труда.

Ввиду описанных в начале статьи особенностей труда рабочих станочных профессий размер повышения тарифных ставок, который был установлен в 1967 г. и несколько сокращен в 1972 г., не обеспечил данной категории кадров преимущества в доходах: заработная плата станочников не отличалась от средней на предприятиях или даже не достигала ее уров-

ня. В конце 1960-х гг. в ремонтных, автоматном и механических и цехах АТЗ токари, имеющие стаж менее одного года, выполняли нормы на 77–95% и зарабатывали 65–85 руб. в месяц, только при опыте работы более двух лет они справлялись с нормами на 123–160%, что определяло заработки на уровне 120–150 руб., при этом средняя заработная плата на предприятии в этот период составляла 120–140 руб. [24. С. 56–57]. В октябре 1983 г. на заводе «Трансмаш» средний показатель выполнения норм составил 131,1%, у станочников – 124%, в среднем рабочие-сдельщики за месяц заработали 260 руб., а сдельщики станочных профессий – 246 руб. (меньше на 5,7%), в октябре 1986 г. средний заработок сдельщиков составил 294 руб., станочников – 271 руб. (ниже на 8,5%) [11. Оп. 3. Д. 2977. Л. 76; Д. 3466. Л. 36].

Отсутствие преимуществ в заработках у кадров сложных по содержанию труда профессий способствовало тому, что молодые рабочие не стремились осваивать станочные и ремонтные специальности в профессионально-технических училищах (ПТУ). Ежегодно в 1970-е гг. на предприятиях Алтайского края только 7% дополнительной потребности в рабочих-станочниках обеспечивалось за счет выпускников ПТУ. В 1980 г. потребность во фрезеровщиках превышала их выпуск в 15 раз, шлифовщиках – в 9 раз, в наладчиках оборудования – в 6 раз, в токарях – в 1,2 раза [28. С. 66–67]. Предприятия направляли поступающих на производство рабочих без квалификации осваивать профессии через ускоренную систему заводского обучения, что сказывалось на уровне выполнения ими норм выработки и, соответственно, на размере заработной платы.

В отчетной документации предприятий во второй половине 1950-х – 1980-е гг. содержится регулярные указания на дефицит как рабочих «горячих» цехов – формовщиков, литейщиков, кузнецов, так и рабочих «ведущих» профессий – токарей, фрезеровщиков, наладчиков и ремонтников. В заводской многотиражке АТЗ «Боевой темп» перечисленные профессии не исчезали из раздела «Требуются...». По словам директора тракторного завода В.С. Яковенко, на конференции по итогам выполнения коллективного договора в 1970 г., текучесть на участках с вредными и тяжелыми условиями труда на заводе ежегодно превышала 50% [19. Оп. 3. Д. 1228. Л. 60]. Годовые отчеты завода «Трансмаш» за 1970-е – начало 1980-х гг. содержат сведения о текучести рабочих станочных профессий, согласно которым 25–40% в составе уволенных с предприятия ежегодно являлись станочниками [11. Оп. 3. Д. 463. Л. 49; Д. 507. Л. 30; Д. 757. Л. 58; Д. 1315. Л. 72; Д. 2790. Л. 76].

Подводя итог изучению системы материального вознаграждения в проблеме обеспечения рабочими кадрами промышленных предприятий Алтайского края в 1940-е – 1980-е гг., можно сделать следующие выводы. В период Великой Отечественной войны денежное и натуральное вознаграждение не оказывало существенного воздействия на процесс привлечения кадров на производство, но являлось важным фактором закрепления рабочих, централизованно распределенных на заводы. В послевоенное десятилетие в

условиях либерализации трудового законодательства в системе оплаты труда значимость приобрели такие параметры, как ее региональная, отраслевая и профессиональная дифференциация. Низкий размер заработков в промышленности края, а также многообразие тарифных условий находились в числе причин масштабной текучести рабочих в этот период. Указанные недостатки системы оплаты труда способствовали формированию практик материального вознаграждения, которые использовались заводскими руководителями для повышения на предприятиях средних заработков с целью привлечения рабочих кадров и их закрепления. В результате без государственного вмешательства в оплату труда рабочих различных профессий и условий труда, имевшей значительно дифференцированный характер в годы войны, во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. развивалась уравнительная тенденция.

Если в послевоенные годы уровень оплаты труда промышленных рабочих Алтайского края не компенсировал низкий уровень жизни в регионе и способствовал оттоку эвакуированных кадров, то в 1950–1960-е гг. – стимулировал миграцию местного населения за пределы края, что повышало текучесть рабочей силы на предприятиях. В свою очередь, установление в 1972 г. районного коэффициента оказало положительное воздействие на закрепление рабочих кадров в промышленности края, что доказывает значимость фактора материального вознаграждения как стимула к труду на производстве.

Тарифная реформа второй половины 1950-х гг. оказала неоднозначное воздействие на роль материального вознаграждения как фактора обеспечения предприятий рабочими кадрами: сложившиеся отраслевые и цеховые различия в тарифных сетках были сохранены, но система заработной платы стала более однообразной, что затруднило заводским руководителям решение задачи обеспечения повышенных заработков рабочим ключевых для производства профессий. В отношении отраслевой и профессиональной дифференциации материального стимулирования уравнительная линия отчетливо прослеживается в реформах системы оплаты труда 1967 и 1972–1975 гг., которые были частью социальной политики Советского государства, направленной на повышение минимального размера заработной платы с помощью большего увеличения тарифных ставок в отраслях, на производствах и участках с более низкими заработками рабочих.

Установленные тарифными сетками 1967 и 1972 гг. различия в размерах тарифных ставок для отдельных категорий рабочих не обеспечивали повышенных заработков рабочим «ведущих» профессий и не были достаточными для компенсации труда в тяжелых условиях. В свою очередь, заводские руководители в рамках сложившейся системы заработной платы не располагали возможностями для дополнительного поощрения рабочих отдельных профессиональных групп и не были заинтересованы в поиске соответствующих способов. В конце 1960-х – 1980-е гг. материальное вознаграждение не являлось значимым стимулом к труду на вредном производстве и к освоению сложных профессий, что

определило неукомплектованность промышленных предприятий Алтайского края важными для их нормального функционирования категориями рабочих.

Несмотря на уравнилительный вектор государственной трудовой политики, заработной рабочих в качественно отличных по условиям и содержанию труда отраслях промышленности сохранялись до конца советского периода, что достигалось в том числе за счет использования низких норм выработ-

ки на предприятиях тех отраслей, где в целом труд рабочих был более сложным и напряженным. Указанный способ позволял повышать средние заработки на заводах, но приводил к снижению доли тарифного оклада в заработной плате рабочих, что наряду с уравнилительной политикой государства выступало фактором сокращения дифференциации оплаты труда рабочих различных профессий и категорий.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тарифная ставка – фиксированный размер денежной выплаты, который устанавливается за труд рабочего определенного разряда за единицу времени (как правило, за час).
- ² Здесь и далее размеры заработной платы и тарифных ставок приведены с учетом деноминации 1961 г.
- ³ Указ от 26 декабря 1941 г. был отменен в 1948 г., Указ от 26 июня 1940 г. действовал до 1956 г.
- ⁴ В Западной Сибири в 1946 г. в структуре дохода рабочих семей в среднем заработная плата составляла 79,3%, в 1950-е – начале 1980-х гг. – около 85% [14. С. 68; 15. С. 109]. Остальными источниками дохода выступали пенсии, пособия, доходы от продажи продукции личного хозяйства.
- ⁵ Тарифная сетка – шкала, определяющая соотношение между тарифными ставками и квалификацией труда (разрядами рабочих), которая устанавливается для определенного вида работы и условий ее выполнения.
- ⁶ Тарифный оклад – размер денежной выплаты в составе заработной платы, который выплачивается работнику за выполнение нормы выработки (трудовых обязанностей) за установленное время без учета сдельного приработка, компенсационных, стимулирующих и иных выплат.
- ⁷ Реформа 1986 г. реализовалась на изучаемых предприятиях в конце 1980-х гг. в сложных условиях их перехода на самофинансирование. Введение новых условий оплаты труда в советский период не было закончено, поэтому данная реформа не оказала существенного воздействия на систему материального вознаграждения.
- ⁸ В 1968 г. население Алтайского края в расчете на одного городского жителя было обеспечено меньше, чем в среднем по РСФСР, жилой площадью – на 16%, водопроводом – на 35%, канализацией – на 33%, центральным отоплением – на 27%, газом – в 37 раз. В расчете на 1 000 жителей в крае было меньше на 26% мест в предприятиях общественного питания, на 3% – в больницах, на 24% – в пионерских лагерях, на 26% – в детских дошкольных учреждениях (по числу детей в детских садах и яслях в расчете на 100 работающих женщин – на 45%) [23. С. 34].

ЛИТЕРАТУРА

1. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М. : РОССПЭН, 2004. 240 с.
2. Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М. : РОССПЭН, 2005. 386 с.
3. Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: Некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник. М. : РОССПЭН, 2000. С. 206–216.
4. Ильюхов А.А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2010. 416 с.
5. Фадеев Л.А. Заработная плата рабочих машиностроительных предприятий в годы первых пятилеток: проблемы мотивации труда // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 3. С. 143–165.
6. Романов Р.Е. Денежные стимулы труда рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 83–86.
7. Сомов В.А. Потому что была война: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2008. 234 с.
8. Шалак А.В. Особенности и формы мотивации труда в индустриальном секторе народного хозяйства Восточной Сибири (1941–1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 19–23.
9. Бородин Л.И., Дробышевская Т.А. Советская экономика в 1930–1970-е гг.: Взгляд из XXI века : междунар. конф. в Звенигороде (22–24 июня 2001 г.) // Экономическая история. Обзор. Вып. 7. М., 2001. С. 3–12.
10. Прибыткова К.П. Факторы текучести рабочих кадров в промышленности Алтайского края в 1940-е – первой половине 1950-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5 (97). С. 102–106.
11. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. Р-1038.
12. ГААК. Ф. Р-1122. Оп. 1.
13. ГААК. Ф. Р-3.
14. Букин С.С. Повышение реальных доходов рабочих Западной Сибири в послевоенный период (1946–1958 гг.) // Известия Сибирского отделения академии наук СССР. 1979. № 6. Вып. 2. С. 63–69.
15. Ефимкин М.М. Рабочие Сибири, конец 50-х – середина 80-х гг. Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1990. 219 с.
16. Труд в СССР : стат. сб. М. : Финансы и статистика, 1988. 302 с.
17. ГААК. Ф. Р-718.
18. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9553.
19. Архивный отдел администрации г. Рубцовска. Ф. Р-34. Оп. 3.
20. Мальков Р.А. Формирование и развитие советского рабочего класса на Алтае (1917–1965 гг.). Новосибирск : Западсиб. кн. изд-во, 1969. 326 с.
21. ГААК. Ф. Р-1060. Оп. 3.
22. Российский государственный архив экономики. Ф. 504.
23. Еловилов Л.А. Некоторые особенности условий воспроизводства рабочей силы в Алтайском крае // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук. 1971. Вып. 1, № 1. С. 29–36.
24. Антосенков Е.Г., Мищенко В.Т. Текучесть кадров в промышленности и пути ее сокращения. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1971. 205 с.
25. Организация заработной платы рабочих СССР : сб. нормативных актов / сост. И.Н. Попов-Черкасов. М. : Экономика, 1965. 860 с.
26. Постановление Госкомтруда СССР, Президиума ВЦСПС от 20 ноября 1967 г. «Об утверждении тарифных ставок и окладов рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства в связи с увеличением минимального размера заработной платы до 60 рублей в месяц

и повышением тарифных ставок и окладов отдельным категориям работников» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР (1917–1992). URL: http://www.libu.ssr.ru/doc_ussr/ussr_6699.htm (дата обращения: 30.05.2018).

27. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС от 12 декабря 1972 г. «О повышении минимальной заработной платы рабочих и служащих с одновременным увеличением тарифных ставок и должностных окладов среднеоплачиваемых категорий работников, занятых в производственных отраслях народного хозяйства» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР (1917–1992). URL: http://www.libu.ssr.ru/doc_ussr/ussr_6549.htm (дата обращения: 30.05.2018).
28. Ефимкин М.М. Источники и формы пополнения рабочих Западной Сибири в условиях развитого социализма. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е. 1979. 157 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 ноября 2018 г.

Financial Incentives as a Factor of Supply of Labour Force for Enterprises of Altai Krai in the 1940s–1980s

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 147–158.

DOI: 10.17223/15617793/443/19

Karina P. Pribytkova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: pr.karina.p@gmail.com

Victor N. Razgon, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vrazgon@rambler.ru

Keywords: labour motivation; material incentives; wages in the USSR; industry; microhistory; Altai Krai.

The aim of the article is to identify the significance of financial incentives as a factor of supplying labour force for enterprises of Altai Krai in the 1940s–1980s. The research was carried out on the basis of regional and microhistorical approaches. Three large machine-building enterprises of Altai Krai were chosen as an object for study: the Barnaul Railway Car Repair Plant (Barnaul VRZ), the Barnaul Transport Machinery Plant (Transmash) and the Altai Tractor Plant in Rubtsovsk (ATZ). The authors singled out three tasks of the system of financial incentives: (1) retention of labour force in the industry of Altai Krai, a region with low living conditions; (2) supply of labour force for production areas with harmful and dangerous working environment; (3) recruitment of workers of the “leading” professions: machine operators, maintenance fitters and instrument mechanics. The authors revealed a direct dependence between the level of unauthorized leaves and the level of the financial resources and the wages at the enterprises during the Great Patriotic War, established a significant differentiation of the wage system for workers in various professions and working environment during this period. In the postwar decade, the system of financial incentives in the industry of Altai Krai had two main shortcomings, which contributed to the mass layoffs of workers: (1) there was no regional wage coefficient in Altai Krai, except for metallurgy and the coal industry; (2) there was an excessive variety of wage scales, in which the earnings of workers of identical profession and qualifications could differ significantly even at enterprises within the same industry. These shortcomings contributed to the formation of social practices that the plant managers used to increase average wages at the enterprises in order to hire and keep labour force. As a result, in the second half of the 1940s – first half of the 1950s, the equalization tendency was developing in wages of workers in various professions and working environment. In the second half of the 1950s–1980s, there were waves of reforms of the system of remuneration, which modern historiography evaluates as equalizing. The analysis of the changes in the wage scales showed that equalization was most pronounced in the reforms of 1967 and 1972–75: the wage rates established within the framework of these reforms did not provide high earnings for workers of hot work shops and workers of the “leading” professions. As a result, in the late 1960s–1980s, money was not a significant incentive for mastering hard professions and working in harmful working environment, which determined the understaffing of the industrial enterprises of Altai Krai.

REFERENCES

1. Zhuravlev, S.V. & Mukhin, M.Yu. (2004) “Krepost’ sotsializma”: povsednevnost’ i motivatsiya truda na sovetском predpriyatii, 1928–1938 gg. [“The Fortress of Socialism”: Everyday Life and Work Incentives at a Soviet Enterprise, 1928–1938]. Moscow: ROSSPEN.
2. Markevich, A.M. & Sokolov, A.K. (2005) “Magnitka bliz Sadovogo kol’tsa”: Stimuly k rabote na Moskovskom zavode “Serp i molot”, 1883–2001 gg. [“Magnitka near Sadovoe koltso”: Work Incentives in Moscow Plant “Serp i molot”, 1883–2001]. Moscow: ROSSPEN.
3. Van der Linden, M. (2000) Motivatsiya truda v rossiyskoy promyshlennosti: Nekotorye predvaritel’nye suzheniya [Work incentives in Russian industry: some preliminary judgments]. In: Anderson, K.M., Borodkin, L.I. & Sokolov, A.K. (eds) *Sotsial’naya istoriya. Ezhegodnik* [Social history. Yearbook]. Moscow: ROSSPEN.
4. Il’yukhov, A.A. (2010) *Kak platili bol’sheviki: Politika sovetskoy vlasti v sfere oplaty truda v 1917–1941 gg.* [How the Bolsheviks paid]. Moscow: ROSSPEN.
5. Fadeev, L.A. (2011) Zarabotnaya plata rabochikh mashinostroitel’nykh predpriyatii v gody pervykh pyatiletok: problemy motivatsii truda [Wages of workers of machine-building enterprises in the years of the first five-year plans: problems of work incentives]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. 12 (3). pp. 143–165.
6. Romanov, R.E. (2014) The monetary incentives of the industrial activities of the young workers of Siberian defense enterprises during the Great Patriotic War (1941–1945). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1. pp. 83–86.
7. Somov, V.A. (2008) *Potomu chto byla vojna: Vneekonomicheskie faktory trudovoy motivatsii v gody Velikoy Otechestvennoy vojny (1941–1945)* [Because there was a war: non-economic factors of work incentives during the Great Patriotic War (1941–1945)]. N. Novgorod: Volga-Vyatka Academy of State Service.
8. Shalak, A.V. (2010) Specific Features of Labor Motivation in the Industrial Sector of Eastern Siberia (1941–1945). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 19–23. (In Russian).
9. Borodkin, L.I. & Drobyshevskaya, T.A. (2001) Sovetskaya ekonomika v 1930–1970-e gg.: Vzgl’yad iz XXI veka. mezhdunar. konf. v Zvenigorode (22–24 iyunya 2001 g.) [Soviet economy in the 1930s–1970s: A view from the 21st century. International Conference in Zvenigorod. 22–24 June 2001]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. 7. pp. 3–12.
10. Pribytkova, K.P. (2017) Factors of the Staff Turnover in the Altai Territory Industry in the 1940s — the First Half of the 1950s. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 5 (97). pp. 102–106. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-16
11. State Archive of the Altai Krai (GAAK). Fund R-1038. (In Russian).
12. State Archive of the Altai Krai (GAAK). Fund R-1122. List 1. (In Russian).
13. State Archive of the Altai Krai (GAAK). Fund R-3. (In Russian).
14. Bukin, S.S. (1979) Povyshenie real’nykh dokhodov rabochikh Zapadnoy Sibiri v poslevoenny period (1946–1958 gg.) [An increase in real incomes of workers in Western Siberia in the postwar period (1946–1958)]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya akademii nauk SSSR*. 6 (2). pp. 63–69.
15. Efimkin, M.M. (1990) *Rabochie Sibiri, konets 50-kh – seredina 80-kh gg.* [Workers of Siberia, the late 1950s – mid-1980s]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd.
16. Goskomstat SSSR. (1988) *Trud v SSSR: stat. sb.* [Labor in the USSR: Statistics]. Moscow: Finansy i statistika.

17. State Archive of the Altai Krai (GAAK). Fund R-718. (In Russian).
18. State Archive of the Russian Federation. Fund R-9553. (In Russian).
19. Archival Department of the Administration of Rubtsovsk. Fund R-34. List 3. (In Russian).
20. Mal'kov, R.A. (1969) *Formirovanie i razvitie sovetskogo rabocheho klassa na Altae (1917–1965 gg.)* [Formation and development of the Soviet working class in the Altai (1917–1965)]. Novosibirsk: Zapadnosib. Kn. izd-vo.
21. State Archive of the Altai Krai (GAAK). Fund R-1060. List 3. (In Russian).
22. Russian State Archive of the Economy. Fund 504. (In Russian).
23. Elovikov, L.A. (1971) Nekotorye osobennosti usloviy vosproizvodstva rabochey sily v Altayskom krae [Some features of the conditions for the reproduction of labor in the Altai Krai]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk.* 1 (1). pp. 29–36.
24. Antosenkov, E.G. & Mishchenko, V.T. (1971) *Tekuchest' kadrov v promyshlennosti i puti ee sokrashcheniya* [Staff turnover in industry and ways to reduce it]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo.
25. Popov-Cherkasov, I.N. (1965) *Organizatsiya zarabotnoy platy rabochikh SSSR: sb. normativnykh aktov* [Organization of wages of workers of the USSR: Regulations]. Moscow: Ekonomika.
26. State Committee for Labor and Social Problems of the USSR, Secretariat of the All-Union Central Council of Trade Unions. (1967) *Postanovlenie Goskomtruda SSSR, Prezidiuma VTsSPS ot 20 noyabrya 1967 g. "Ob utverzhdenii tarifnykh stavok i okladov rabochikh i sluzhashchikh po otraslyam narodnogo khozyaystva v svyazi s uvelicheniem minimal'nogo razmera zarabotnoy platy do 60 rubley v mesyats i povysheniem tarifnykh stavok i okladov otdel'nym kategoriyam rabotnikov"* [Decree of the State Committee for Labor and Social Problems of the USSR, Secretariat of the All-Union Central Council of Trade Unions of November 20, 1967, "On approval of tariff rates and salaries of workers and employees by branches of the national economy in connection with the increase of the minimum wage to 60 rubles per month and the increase in tariff rates and salaries to certain categories of employees"]. [Online] Available from: http://www.libu.ssr.ru/doc_ussr/ussr_6699.htm. (Accessed: 30.05.2018).
27. Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR, Secretariat of the All-Union Central Council of Trade Unions. (1972) *Postanovlenie TsK KPSS, Sovmina SSSR, VTsSPS ot 12 dekabrya 1972 g. "O povyshenii minimal'noy zarabotnoy platy rabochikh i sluzhashchikh s odnoremennym uvelicheniem tarifnykh stavok i dolzhnostnykh okladov sredneoplachivaemykh kategoriy rabotnikov, zanyatykh v proizvodstvennykh otraslyakh narodnogo khozyaystva"* [Decree of the Central Committee of the CPSU, the Council of Ministers of the USSR, Secretariat of the All-Union Central Council of Trade Unions of December 12, 1972, "On the increase of the minimum wage of workers and employees with a simultaneous increase of tariff rates and official salaries of average paid categories of workers engaged in production branches of the national economy"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_6549.htm. (Accessed: 30.05.2018).
28. Efimkin, M.M. (1979) *Istochniki i formy popolneniya rabochikh Zapadnoy Sibiri v usloviyakh razvitoogo sotsializma* [Sources and forms of replenishment of workers in Western Siberia under conditions of full-fledged socialism]. Novosibirsk: Nauka.

Received: 01 November 2018

Е.Ю. Рахматулина

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В 1925–1939-е гг.

Рассматривается положение первых писательских организаций на востоке Казахстана в 1925–1939 гг.: Семипалатинской Ассоциации пролетарских писателей и Восточно-Казахстанского отделения Союза писателей Казахстана. Проанализирован состав, основные направления деятельности, а также взаимоотношения писателей с советской властью. Сделан вывод о неоднозначности и двойственности действий партийного руководства по отношению к писателям творческого объединения: с одной стороны, руководители ратовали за развитие литературного процесса области, увеличение численности молодой писательской интеллигенции, а с другой – имело место усиление партийной цензуры, введения творческого единообразия, догматизма.

Ключевые слова: Восточный Казахстан; писательская интеллигенция; Семипалатинская Ассоциация пролетарских писателей, Восточно-Казахстанское отделение Союза советских писателей Казахстана.

В последнее время в современной историографии Казахстана наблюдается поворот к изучению истории интеллигенции, вопросам формирования творческой элиты советского образца (Т.Я. Сатпаев, Р.М. Жумаев, Какенова, Е.Б. Сыдыков). Однако в отличие от советского периода, когда история творческих союзов, долгое время оставаясь актуальной и социально-значимой, привлекала многочисленные ряды исследователей, в настоящее время тематика не получает должного освещения в казахстанской историографии. Среди новых монографий и диссертационных исследований преобладают работы, посвященные деятельности партии «Алаш-Орда», ее представителям, а также различные аспекты взаимоотношений партии с советской властью. На этом фоне слабоизученной выглядит история Союза писателей Казахстана 1930-х гг., в том числе история формирования отделений Союза. Таким образом, данная работа ставит целью восполнить пробел в истории литературных организаций Восточного Казахстана 1920–1930 гг., определить основные направления их деятельности и взаимоотношения с советской властью.

История создания писательской организации на Востоке Казахстане восходит к середине 1920-х гг., когда после выхода Постановления ЦК РКП (б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы» Казкрайком ВКП (б) своим решением основывает Казахскую Ассоциацию пролетарских писателей (КазАПП), призванную объединить литературные силы республики [1. С. 340]. Структурным отделением КазАПП в регионе становится Семипалатинская Ассоциация пролетарских писателей (САПП), включающая семипалатинское и усть-каменогорское отделения. С 1932 г. САПП была переименована в Восточно-Казахстанскую Ассоциацию пролетарских писателей.

С первых же шагов КазАПП ориентировалась на деятельность Российской Ассоциации пролетарских писателей (РАПП), о чем в 1925 г. указал один из основателей организации С. Сейфуллин в письме, опубликованном на страницах газеты «Еңбекші қазақ»: «Организация революционных писателей Казахстана считает себя одной из ветвей общей организации пролетарских писателей Советского Союза, поэтому она полностью принимает платформу РАПП и будет руководствоваться ею, о чем мы и заявляем публично ...» [2].

В создании Семипалатинской Ассоциации писателей принимал участие общественный деятель, литератор со стажем Н.В. Феоктистов, служивший редактором губернской газеты «Степная правда» [3]. В этом же году на базе усть-каменогорского Литературного объединения «Звено Алтая» было организовано местное отделение САПП, которое возглавил преподаватель обществоведения педагогического техникума М.Ф. Иванусев, публиковавший свои стихи и рассказы в газетах и журналах под псевдонимом Михаил Алтайский [4. С. 11]. Основным направлением деятельности САПП было проведение литературных встреч, а также организация литературных собраний, где поэты знакомились с книжными новинками, происходило обсуждение готовых текстов и обучение молодежи. По воспоминаниям известного казахстанского писателя Н.А. Анова, работавшего в середине 1920-х гг. журналистом в Семипалатинске, регулярные заседания членов Ассоциации проходили в помещении городской библиотеки, куда на работу русской секции заглядывал и известный в казахской степи акын – импровизатор И. Байзаков [5. Л. 1–6]. В усть-каменогорское отделение входили комсомольский поэт М. Алтайский, Б. Лапин, драматург А. Федотов, начинающие писатели из комсомольцев и учащейся молодежи, сами заседания чаще всего проходили в редакции местной газеты или педтехникуме [4. С. 11]. Не состоял в рядах организации, но с интересом посещал ее творческие вечера, общался с молодежью начинавший тогда свою литературную карьеру «Алтайский Ломоносов» – А.М. Волков.

Несмотря на то, что принципы КазАПП сводились к отстаиванию пролетарской партийности в вопросах художественного творчества и подчеркивалась руководящая роль пролетариата в литературе, в середине 1920-х в республике существовало литературно-идеологическое многоголосье. Его залогом стало Постановление ЦК РКП (б) от 18 июня 1925 г., декларирующее терпеливое отношение к промежуточным идеологическим формам, партия должна была терпеливо помогать «эти неизбежно многочисленные формы изживать в процессе все более тесного товарищеского сотрудничества с культурными силами коммунизма» [6. С. 231]. Так, помимо пролетарской писательской организации, в крае работала писательская интеллигенция из членов бывшей партии Алаш-Орда¹

(Ш. Кудайбердиев, Ж. Аймаутов) и так называемые попутчики, в число которых советская критика поместила видного семипалатинского литератора С. Донентаева [8. С. 10].

Встречи пролетарских писателей с населением проходили на различных площадках, в середине 1920-х гг. часто организовывались на Кояндинской ярмарке [9], после ее закрытия стали проводиться на территории городских или заводских клубов, дворцов культуры. Тематика всех мероприятий заранее согласовывалась с руководством города, о дате проведения и программе жителей извещали афиши и газеты. В 1932 г. в Семипалатинске прошли тематические вечера, посвященные советскому писателю А.С. Серафимовичу, а в апреле 1932 г. во Дворце Труда состоялся вечер памяти В.В. Маяковского [10. С. 1]. Как правило, такие встречи пользовались поддержкой местной партийной организации, на них присутствовали ударники производства, члены профсоюзов, комсомольский актив и члены КазАПП.

Одной из наиболее характерных черт Семипалатинской Ассоциации писателей 1920-х гг. была нестабильность ее творческого состава. Отток наиболее способных авторов из рядов писательской организации края происходил постоянно. В числе первых, в 1925 г., регион покинули идейные основатели Семипалатинской Ассоциации – Н.В. Феоктистов и М. Иванушев, вызванный в Семипалатинск на работу в редакцию «Степной правды» [11. С. 33]. Их отъезд значительно повлиял на внутреннюю целостность организации, чуть позже (в силу разных обстоятельств) отбыли журналисты и писатели Н. Анов, П. Кузнецов, Е. Худяков, Б. Лапин, А. Афанасьев и др. Такое ослабление состава пролетарских писателей более всего сказалось на усть-каменогорском отделении, где после 1928 г. местные авторы не издали ни одного творческого сборника [12. С. 231].

Руководствуясь основными постановлениями РАПП в вопросах развития пролетарской литературы, в том числе о призыве ударников в литературу, местная организация, однако, не достигла на этом пути значительных результатов, имелась критика со стороны СМИ, призывавшая наладить большевистскую учебу писателей: «Прошло много времени со дня исторического обращения ВЦСПС и РАПП о призыве ударников в литературу. Было бы крупнейшей ошибкой считать, что на этом пути у нас все сделано. Сейчас мы создаем свою пролетарскую литературу, преодолевая огромную культурную отсталость и чуждые влияния этой старой буржуазной культуры. Плодотворная работа Восточно-Казахстанской Ассоциации пролетарских писателей должна проходить под углом действительной большевистской учебы, сочетая учебу с творческой работой» [13. С. 2]. Несмотря на свою немногочисленность, имевшиеся структурные проблемы, а также ряд критических замечаний, возникающих со стороны печатных средств, САПП оставалась одной из наиболее сильных в республике.

Однако после судьбоносного Постановления ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» в целях объединения художественной интеллигенции по профессио-

нальному признаку в единые творческие союзы, последовали изменения и для художественной интеллигенции Казахстана. В соответствии с Постановлением секретариата Казкрайкома ВКП (б) от 9 мая 1932 г. «О реорганизации художественных и литературных организаций» КазАПП был ликвидирован и создан Организационный комитет Союза Советских писателей Казахстана, председателем которого был утвержден И. Джансугуров [1. С. 342].

Все стоявшие на социалистической платформе писатели Восточного Казахстана вошли в новую творческую организацию. На базе актива САПП было создано оргбюро ВК отделения Союза Советских писателей Казахстана (ССПК), с делением на две секции – русскую и казахскую. Восточно-Казахстанское отделение было одним из трех первых оформившихся отделений Союза писателей республики, с выбранным уполномоченным в лице поэта, общественного деятеля Т. Касенова [14. С. 33]. В филиал входили члены Союза писателей Казахстана (ими стали Т. Касенов в 1934 г., С. Машаков в 1936 г. и Н. Баймуратов в 1939 г.) [Там же. С. 33, 17, 50], кандидаты в члены – основная часть журналистов, комсомольцев, а также «числившиеся на учете» акыны и начинающие писатели Восточного Казахстана. В силу существующей в крае сильной школы акынов и кюйши, казахская секция значительно превосходила численность русской писательской секции.

Литературный актив Восточно-Казахстанского отделения составили молодые, пришедшие в середине 1920-х – начале 1930-х гг. поэты и писатели: С.К. Машаков, Д.М. Черепанов, С.М. Анисимов. Эти литераторы начинали свой творческий путь с журналистики, печатаясь на страницах местных газет и журналов: «Прииртышская правда», «Сибирские огни», «Охотник Алтая», «Қазақ тілі». В основном молодые журналисты и писатели имели крестьянское либо ремесленное происхождение. По мнению Л.И. Абдуллиной, к публицистике их притягивало: «чувство обостренной ответственности за результаты, в том числе и культурного строительства, участниками, а не равнодушными зрителями, которого они были» [15. С. 20]. Такой синтез журналиста и поэта, возникший во многом благодаря процессу становления новой пролетарской литературы, был характерен не только для Восточного Казахстана, но и являлся важным культурологическим явлением в масштабе всего Советского Союза [15. С. 19]. Главным камертоном произведений 30-х гг. была идея коренного переустройства общества, прочно обосновавшаяся в таких темах, как революция, производство, создание колхозов, переустройство быта, изменения отношения к религии и т.д. Так, работающий в литературе с 1925 г. С.К. Машаков до войны писал исключительно о производстве, колхозниках и ударниках труда, вышли его поэмы «Песня колхоза», «Песня молота», «Скала» [14. С. 17]. Т. Касенов получил известность благодаря поэме 1927 г. «Турксиб», О. Оспанов работал над очерками о старом быте [14. С. 33]. Уровень произведений первых советских литераторов был определен еще в 1930-е гг. С. Мукановым как «незаконченные художественные произведения», поскольку «...роль создания

советской литературы пала на молодые кадры, вышедшие из рабочих, бедняков, которые не имели опыта, не были подготовлены в этой области, у них не хватало знаний, и поэтому первые произведения читаются не совсем с удовольствием» [16. С. 357].

В то же время дело с организацией «единой писательской семьи» на востоке Казахстана продвигалось трудно, о чем свидетельствуют материалы встреч партийного руководства области с писательским активом 1930-х гг. Одна знаковая встреча состоялась в мае 1933 г. в редакции краевой газеты «Прииртышская правда». На встрече присутствовали занимавший в то время пост второго секретаря Казкрайкома ВКП (б) А.Н. Гусев и секретарь обкома ВКП (б) Г. Сафарбеков, заявивший об общей организационной слабости писателей: «Одно несомненно: мы с организацией наших писателей – старых и особенно молодых растущих кадров – запаздываем. Мы продолжаем переживать организационный период. Считать, что наши писатели крепко организовались, что руководство ими крепко – не приходится. Надо готовиться к краевому съезду писателей, показать свою организованность, надо признаться, что мы придем слабыми... У нас нет единой писательской семьи, нет кипучей жизни, нет критики своих произведений и отдельных писателей, отсюда каждый предоставлен сам себе, нет общей установки» [17. С. 2]. Выход из ситуации виделся в следовании партийным установкам, полученным из центра и лично от секретаря Казкрайкома ВКП (б) А.Н. Гусева.

Секретарем Казкрайкома А.Н. Гусевым, в свою очередь, было обращено внимание на слабую работу русской секции: «Что касается русских писателей, то надо сказать, что у нас нет писателей в полном понимании этого слова. Есть очеркисты и то с очень низкой писательской и газетной культурой, политически очень слабоваты. Например, очерки тов. Климова и Черепанова. Многие привыкли видеть то черное, в особенности русские писатели. Это грубейшая ошибка, непонимание трудностей, переживаемых Казахстаном, пасование перед этими трудностями» [17. С. 2]. Также, партийным руководством отмечалась слабость организации русской секции, недостаток осуществляемой на местах работы. Лучше обстояли дела в казахской секции, отмечалась ее более налаженная организационная работа, так как в области велся учет казахских писателей и литактива.

На протяжении второй половины 1930-х гг. подобные встречи партийных лидеров области с литературным и театральным активами устраивались неоднократно. Цель встреч – определение уровня развития литературного процесса в крае, выяснение проблематики произведений пишущей интеллигенции и направление этой работы в нужном идеологическом русле для создания произведений, отвечающих требованиям «социалистической по содержанию культуры». При этом свое требование было и к партийцам, курировавшим деятельность интеллигенции, оно сводилось к усилению внимания к вопросам литературы и театра [18. С. 2].

Начальный этап оформления писательской организации республики был завершен на I Съезде писа-

телей Казахстана, прошедшем 12–18 июня 1934 г., за два месяца до I Съезда писателей СССР [19. С. 204]. И. Джансугуров в докладе, сделанном на I Съезде Союза писателей Казахстана, заявил о подъеме казахской советской литературы, насыщенной как «разнообразием жанров, так и богатством содержания» [19. С. 204]. Хотя фактический уровень вовлечения творческих сил был невысоким, в 1934 г. в республике насчитывалось всего 12 членов Союза писателей, в ССПК не было ни одного русского или уйгурского писателя [16. С. 347].

II Съезд Советских писателей Казахстана, состоявшийся через пять лет, в июне 1939 г., показал значительное прибавление писательского состава. Насчитывалось 70 человек основных членов ССПК, из них – поэтов и писателей – 58, народных акынов – 12. По национальному составу: казахов – 54, русских – 12, уйгуров – 2. Причем, 90% – члены партии, кандидаты партии либо комсомольцы [16. С. 347].

Что касается процесса оформления местного отделения Союза писателей, то подведение его итогов работы состоялось 4–6 июня 1939 г. на Первом слете начинающих писателей и акынов Восточного Казахстана, отчет о деятельности ССПК по области подготовил С. Машаков: «В ряды начинающих писателей, новых творческих сил входят все возрасты и специальности, с подавляющим большинством казахской колхозной молодежи», – информировал докладчик [20. Л. 1]. Несмотря на целый ряд положительных моментов (произошло увеличение численности литературных кружков с первоначальных 3 (в Семипалатинске, Усть-Каменогорске и Риддере) до 10 (новые литературные кружки появились в райцентрах Шемонаихе, Зайсане); налажена более тесная связь с прессой – на страницах газет «Екпінді» и «Прииртышская правда» лишь за 1938–1939 гг. было выпущено около 20 литературных страниц с произведениями начинающих писателей; появились новые формы работы с аудиторией – так называемые «встречи в радиоэфире» [Там же. Л. 1]), у местного отделения ССПК оставались серьезные недоработки. Слабыми сторонами организации были: общение между кружковцами казахских и русских секций оставалось на низком уровне, отсутствовала по-настоящему слаженная групповая работа на периферии: «Если в Семипалатинске связь между газетами, кружками и отдельными членами существует, то по районам начинающие писатели часто работают в одиночку» [20. Л. 2]. Недостаточно была поставлена работа и по выявлению творческих сил в области, не было передачи опыта начинающим писателям. Одним из наиболее значимых отставаний было отсутствие своего издания. Если небольшие литературные материалы могли быть напечатаны либо в центральном журнале Союза писателей Казахстана «Литературный Казахстан», на страницах местной прессы, в сибирском журнале «Сибирские огни», то выхода своей книги (на базе издательства в Алма-Ате) заслуживали лишь проверенные члены партии. Также, в области на низком уровне находилось развитие литературной критики произведений начинающих писателей [20. Л. 4]. Таким образом, несмотря на количественное увеличение

ряда показателей (численность кружков, количество статей, передача), процесс сложения местной писательской организации к 1939 г. не был завершен, оставались серьезные недоработки в организационном и творческом планах.

Если в середине 1920-х власть шла на предоставление свободы самовыражения писателям, во всяком случае были ее декларативные заявления на этот счет, то к началу 1930-х гг. период относительной свободы выражения закончился. Общей платформой для всех советских литераторов становится утвержденный метод социалистического реализма. Данное положение было оформлено и закреплено в Уставе писателей СССР, принятом на I Съезде писателей [1. С. 342]. Социалистический реализм подразумевался как метод, который бы смог объединить различных писателей. Предполагалось, что только при централизации и унификации процессов в литературе можно будет построить будущее общество единомышленников [21. С. 14].

С этого времени в писательской палитре все больше укореняются стереотипность в подаче произведений и тематическое единообразие. Наглядно этот факт отражает партийная тематика новых произведений авторов, готовящихся в 1939 г. – в год проведения XVIII Съезда ВКП (б). И. Байзаков работал над песней «XVIII Съезд ВКП (б)»: «В этой песне я говорю о мощи и силе Советской Родины, о расцвете литературы и искусства, о счастливой радостной жизни в нашей стране» [22. С. 107]. А. Исмамбетов: «С большим волнением и творческим подъемом работаю над поэмой «Песня о третьей пятилетке». Кроме того, пишу специальный цикл лирических стихов, который также закончу к открытию XVIII партсъезда» [22. С. 107].

Ведущая роль в руководстве творческим процессом отводилась партии. На особый характер сложившихся взаимоотношений партии с писательской интеллигенцией указал И. Джансугуров в выступлении на IX Съезде Советов Казахской АССР 6 января 1935 г.: «...Краевой комитет партии, возглавляемый тов. Мирзояном, повседневно руководит Союзом советских писателей Казахстана. В настоящее время под руководством партии писатели Казахстана взялись за создание произведений, отвечающих высоким требованиям эпохи социализма... Основная задача – создать высокохудожественную, революционную литературу, воспитывающую массы в духе Маркса–Ленина» [23. С. 210]. Помимо создания высокохудожественных произведений советские писатели Казахстана должны были «помогать партийным организациям в развертывании агитационной и пропагандистской работы, помогать художественным словом, которое доходчиво и доступно широчайшим массам» [24. С. 94]. Быть агитатором и проводником власти – важнейшие задачи советского писателя 1930-х гг.

В целом создание писательской организации «сверху» позволяло эффективно контролировать ранее разрозненные творческие группы. Творческий союз писателей, таким образом, сохраняя определенные черты добровольного общества, стал приобретать характер особой общественной организации, подконтрольной партийной цензуре [25. С. 30]. Проводниками установок партии на местах фактически выступали

отделения творческих союзов, имевшие функцию внутрицеховой критики, параллельно действовал и идеологический партийный контроль. Казглавлито, функционирующее при Народном Комиссариате Просвещения КАССР, занималось выдачей разрешения на ту или иную творческую продукцию литераторов. К 1934 г. на территории КАССР было запрещено 87 пьес русских авторов, среди них: «Лекарство от любви» (пьеса в 4 действиях Циркина), «Ледяной дом» (социальная мелодрама в 10 картинах Шишановича), «Маскарад» (!) – драма в 4 действиях, 7 картинах М.Ю. Лермонтова, «Обыватели» – комедия Истомина, «Шахтеры» – комедия в 5 действиях Пономарева [26. Л. 50]. Из 37 пьес на казахском языке было запрещено 14 пьес, в том числе некоторые пьесы М. Ауэзова («Энлик-Кебек» в старой редакции, «Байбише-Токал»), пьесы талантливого драматурга Ж. Аймаутова (1889–1931), осужденного в 1931 г. за связь с Алаш-Ордой [26. Л. 4–5]. Специальные циркуляры с утвержденными к просмотру списками были доведены до сведений всех начальников управлений по делам искусств областных и районных уровней. Списки разрешенных и запрещенных произведений в масштабах республики регулярно пересматривались и дополнялись.

Цензура пропускала лишь те произведения, дух которых отражал действия коммунистической партии как единственно правильные и неоспоримые, никаких критических или того хуже – очернительных материалов не допускалось. За профессиональные «вольности» (как это виделось со стороны руководящих органов) во второй половине 1930-х гг. пострадали многие писатели и журналисты, даже стоявшие на «крепкой социалистической основе», в том числе выходцы из Восточного Казахстана. За критические материалы, опубликованные в начале тридцатых на страницах республиканской газеты «Советская степь» в 1937 г. был исключен из партии и снят с должности писатель, журналист, один из бывших руководителей усть-каменогорского отделения САПП М. Иванушеев (М. Алтайский), в 1937 г. он возвращается в Усть-Каменогорск [11. С. 55]. Еще раньше, в июне 1935 г., работавший секретарем днепропетровской газеты «Звезда», талантливый журналист П.Н. Кузнецов был исключен из кандидатов в члены ВКП (б) как троцкист. В 1936 г., однако, его членство в партии было восстановлено [27].

Репрессивный маховик затронул многих писателей и общественных деятелей Восточного Казахстана. В 1937 г. был неожиданно арестован работавший журналистом в «Прииртышской правде» Д. Черепанов, но через месяц отпущен за недостатком улик [28. С. 90]. На большой политический и моральный поступок решился известный журналист, писатель С. Донентаев: не приняв перегибов политики партии в проведении коллективизации, писатель выходит из ее рядов [29].

Был репрессирован и первый уполномоченный краевой организации писателей по ВКО, член Союза писателей Казахстана, поэт Т. Касенов. В 1935 г. обвинен по статье 58. п. 10 (антисоветская агитация и пропаганда), однако через год был оправдан [30]. В 1937 г. Т. Касенов повторно арестован, приговорен к

8 годам лагерей и направлен в Тагиллаг, где скончался в 1942 г. [31].

В 1939 г. писательская организация «Звено Алтая» фактически была признана контрреволюционной. Не избежал трагической участи ее руководитель Б.Н. Лапин, до своего ареста в 1939 г. работавший в школе им. Кирова города Усть-Каменогорска. В предъявленном ему обвинении указывалось, что «Являясь членом антисоветской контрреволюционной организации «Звено Алтая», проводил антисоветскую агитацию среди молодежи и интеллигенции, вел индивидуальную обработку людей в антисоветском духе, выступил с антисоветской речью на собрании среди слушателей литературного кружка. Выступая в печати как литератор, воспевал в своих произведениях уходящую Русь, кулачество и старый кержацкий быт, стремился вызвать у читателей жалость к разрушенному капиталистическому строю» [32. С. 48]. Осужденный в марте 1940 г. на 5 лет лагерей, домой Б.Н. Лапин не вернулся [33].

Таким образом, история писательских организаций Восточного Казахстана выступает наглядным примером генезиса советских литературных организаций периода раннего СССР в его региональном аспекте. Местные литературные объединения, основанные творческой интеллигенцией в начале 1920-х, были преобразованы под влиянием партийных постановле-

ний сначала в организацию пролетарских писателей на платформе РАПП, затем в Восточно-Казахстанское отделение Союза писателей Казахстана. Среди специфических черт деятельности ВК отделения писателей 1930-х гг. выделим: организационную незавершенность объединения, неравномерность развития казахской и русской секций, роль журналистики в становлении писательского коллектива региона.

Крайне сложными и неоднозначными видятся взаимоотношения восточно-казахстанских писателей с властью. С одной стороны, имело место содействие руководителей области более широкому вовлечению молодых талантливых кадров в ряды писательской организации, осознание необходимости укрепления и развития советской литературы края, с другой стороны, налицо проходивший в 1930-е гг. процесс усиления партийной цензуры, введения творческого единообразия, догматизма, что привело к сведению роли писателя к роли агитатора и проводника партийных установок, усилило негативные тенденции. Развернувшиеся с середины 1930-х гг. массовые политические репрессии против писательской интеллигенции, от которых пострадали в том числе и наиболее видные писатели Восточно-Казахстанской области – Т. Касенов, Б. Лапин, М. Иванусьев (Алтайский) и др., привели к ощутимому замедлению в развитии литературного процесса региона.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ «Алаш» – партия, образованная по инициативе видного казахского политического деятеля Алихана Букейханова, ставившая своей целью достижение независимости казахов на уровне автономии в рамках России. Представителями алашской интеллигенции были выходцы из семей султанов, биев, баев и зажиточной части казахских скотовод и земледельцев. Многие из них получили высшее образование в России, большинство служило в царской администрации, врачами, юристами. В группу входят представители казахской национальной и интеллигенции: А. Байтурсунов – главный редактор газеты «Казах», поэт, писатель, лингвист; Ж. Акпаев – юрист; М. Тынышпаев – инженер; М. Дулатов – поэт, писатель; М. Жумабаев – поэт, писатель; Х. Габбасов – писатель; Ж. Аймаутов – писатель, поэт; Х. Досмухамедов – врач; М. Чокай – юрист и многие другие [7. С. 144].

ЛИТЕРАТУРА

1. Самигулин И.М. У нас имеются неиссякаемые возможности для всестороннего развития художественной литературы // Казахстан в документах и материалах : альманах. Караганда : Экожан, 2013. Вып. 3. С. 340–346.
2. Какишев Т. Сакен Сейфуллин // Букинист инфо. URL: <http://litread.info/pages/237450/240000-241000?page=34> (дата обращения: 11.04.2018).
3. Ашимбаев Д., Хлюпин В. Главреды «Казахстанской правды». За штурвалом главной газеты страны (история) // Central Asia Monitor: Республиканская общественно-политическая газета. URL: <https://camonitor.kz/14966-glavredy-kazhastanskoy-pravdy-za-shturvalom-glavnoy-gazety-strany-istoriya-dashimbaev-vhlyupin.html> (дата обращения: 26.04.2018).
4. Черных С.Е. Звено Алтая // Черных С.Е. Под небом Алтая. Алма-Ата : Жазуши, 1988. С. 6–17.
5. Центральный Государственный Архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 440. Д. 144.
6. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» 18 июня 1925 г. // Культурное строительство в СССР 1917–1927 гг. Документы и материалы. М. : Наука, 1989. С. 383.
7. Кенжебаева С.Е. Представители Алашской интеллигенции и Советская власть // Вестник АГТУ. 2011. № 2. С. 144–153.
8. Каип-Назаров М. Казахская литература в борьбе с буржуазными влияниями. Алма-Ата : Казахское краевое изд-во, 1932. 19 с.
9. Аблакова Р. Дыхание жизни // Литературная Алма-Ата. URL: <http://almaty-lit.ucoz.ru/load/5-1-0-8> (дата обращения: 11.04.2018).
10. Вечер памяти В.В. Маяковского // Прииртышская правда. 1932. 14 апреля. Ст. 37.
11. Черных С.Е. Время взлета // Черных С.Е. Под небом Алтая. Алма-Ата : Жазуши, 1988. С. 17–56.
12. Абдуллина Л.И. Восточно-Казахстанский литературный текст: диалог времен и культур // Культура и текст. 2008. № 11. С. 226–233.
13. Смирнов А. За широкое вовлечение рабочих ударников в пролетарскую литературу // Прииртышская правда. 1932. 12 апреля. Ст. 36.
14. Писатели Семипалатинского региона. Био-библиографический указатель / сост. О. Мальцева. Семипалатинск : Талант, 2006. 84 с.
15. Абдуллина Л.И. Литературный ландшафт родного края. Усть-Каменогорск : Изд-во Казахстанско-Американского свободного университета, 2012. 136 с.
16. Стенограмма II Съезда Союза Советских писателей Казахстана. Алма-Ата, 22–25 июня 1939 г. // Казахстан в документах и материалах : альманах. Караганда : Экожан, 2013. Вып. 3. С. 346–435.
17. Встреча тов. Гусева с писателями 25 мая в редакции «Прииртышской правды» // Прииртышская правда. 1933. 30 мая. Ст. 124.
18. Литература, театр – дело каждой партийной организации // Прииртышская правда. 1934. 15 декабря. Ст. 285.
19. Из доклада И. Джансугурова, председателя оргкомитета Союза Советских писателей Казахстана, на I Съезде писателей Казахстана о состоянии казахской советской литературы. 10 июня 1934 г // Культурное строительство в Казахстане 1933 – июнь 1941 гг. : сб. док. и материалов. Алма-Ата : Казахстан, 1985. Т. II. С. 204–205.
20. ЦГА РК. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 70.
21. Литовская М.А. Социалистический реализм в литературе XX века // Филологический класс. 2008. № 19. С. 14–21.

22. Писатели Казахстана к XVIII Съезду ВКП (б) // Литература и искусство Казахстана. 1939. № 5. С. 107.
23. Из речи И. Джансугурова, председателя Союза Советских писателей Казахстана, на IX Съезде Советов Казахской ССР. 6 января 1935 г. // Культурное строительство в Казахстане 1933 – июнь 1941 гг. : сб. док. и материалов. Алма-Ата : Казахстан, 1985. Т. II. С. 209–210.
24. Горлов П. Почетная задача советского писателя // Литературный Казахстан. 1938. № 3. С. 94–97.
25. Коваленко Г.А. Советская модель управления искусством (1917–1953) // Вопросы культурологии. 2009. № 10. С. 26–30.
26. Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1.
27. Список казахстанских журналистов, репрессированных в XX в. // Казахская Академия журналистского мастерства. URL: <http://kalamger.ucoz.kz/index/0-13> (дата обращения: 19.04.2018).
28. Брамина Д.И., Зафиров М.А., Каримов М.К., Мусабалина Г.Т. История Восточного Казахстана. II Ч. История Восточного Казахстана с начала XX в. до современности (учебное пособие). Тенгри, 2013. 185 с.
29. Сабит Донентаев // El. Kz. URL: <http://el.kz/kz/news/archive/content-21043> (дата обращения: 20.04.2018).
30. Хасенов Турлыхан // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/%D0%A5%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%A2%D1%83%D1%80%D0%BB%D1%8B%D1%85%D0%B0%D0%BD_\(1902\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%A5%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%A2%D1%83%D1%80%D0%BB%D1%8B%D1%85%D0%B0%D0%BD_(1902)) (дата обращения: 23.04.2018).
31. Баранова Е. Памятник казахскому поэту // История Нижнего Тагила от основания до наших дней. URL: http://historyntagil.ru/culture/10_p_040.htm (дата обращения: 23.04.2018).
32. Кратенко А. Берестяные письма ГУЛага // Восточный Казахстан. Репрессии 1930–1950. Усть-Каменогорск : ЦГБ, 2011. С. 47–52.
33. Лапин Б.Н. // Мемориал. Портал Министерства Внутренних дел Республики Казахстан. URL: http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/mvd_page/mvd_memorial/mObl7/mObl7_%D0%9B/24C313257D8041C5E054002655122E6Ahttp://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/mvd_page/mvd_memorial/mObl7/mObl7_%D0%9B/24C313257D8041C5E054002655122E6A (дата обращения: 19.04.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 24 октября 2018 г.

Writers' Organizations of East Kazakhstan in 1925–39

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 159–165.

DOI: 10.17223/15617793/443/20

Evgenia Yu. Rakhmatulina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kalina200778@mail.ru

Keywords: East Kazakhstan; writers' intelligentsia; Semipalatinsk Association of Proletarian Writers; East Kazakhstan Branch of the Union of Soviet Writers of Kazakhstan.

The present work aims to analyze the activities of the first writers' organizations in the East of Kazakhstan in 1925–39: the Semipalatinsk Association of Proletarian Writers and the East Kazakhstan Branch of the Writers' Union of Kazakhstan. Based on a wide range of sources (historical and journalistic literature, the archival press of the 1930s, a number of documents from the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan), the composition, main activities, organizational issues and relations between creative organizations and the Soviet power were analyzed. Local literary associations, founded by the creative intelligentsia in the early 1920s, under the influence of party resolutions were transformed into an organization of proletarian writers on the platform of the Russian Association of Proletarian Writers in 1925. From the first steps, members of the writers' organization began to actively participate in the social and cultural life of the region. A feature of the creative staff of the Semipalatinsk Writers' Association of the 1920s was the instability of the team, because throughout the 1920s there was an outflow of the most capable authors from the ranks of the writers' organization of the region. In accordance with the Decree of the Secretariat of the Kazkrai Committee of the CPSU (b) of 9 May 1932 "On the reorganization of art and literary organizations", the Kazakhstan Association of Proletarian Writers was liquidated and the Organisational Committee of the Union of Soviet Writers of Kazakhstan was established. The East Kazakhstan branch became one of the first three departments of the Union of Writers of the Republic; its authorized representative was the poet and public figure T. Kasenov. However, by the end of the 1930s the Writers' Section was incomplete, the sections were developed unevenly, communication between the circle members was poor, there was no tradition of literary criticism. The author made a conclusion about the ambiguity of the relations between the political leadership and the regional creative intelligentsia. On the one hand, there was assistance from the regional leaders in the broader involvement of young talented people in the ranks of the writers' organization, awareness of the need to strengthen and develop Soviet literature of the region; on the other hand, the strengthening of the party censorship, uniformity and dogmatism was obvious, which reduced the writer's role to the role of an agitator and conductor of party attitudes. The strengthening of negative trends is also connected with mass political repressions against the literary intelligentsia that started in the mid-1930s. The repressions affected, among other things, the most prominent writers of the East Kazakhstan region: T. Kasenov, B. Lapin, M. Ivanusiev (Altayskiy), which resulted in a significant slowdown in the development of the literary process in the region.

REFERENCES

1. Samigulin, I.M. (2013) U nas imeyutsya neissysakaemye vozmozhnosti dlya vsestoronnego razvitiya khudozhestvennoy literatury [We have inexhaustible opportunities for the all-round development of fiction]. In: Zhanaev, B.T. (ed.) *Kazakhstan v dokumentakh i materialakh: al'manakh* [Kazakhstan in documents and materials: An almanac]. Is. 3. Karaganda: Ekozhan. pp. 340–346.
2. Kakishev, T. (1972) *Saken Seyfullin*. [Online] Available from: <http://litread.info/pages/237450/240000-241000?page=34>. (Accessed: 11.04.2018). (In Russian).
3. Ashimbaev, D. & Khlyupin, V. (2015) Glavredy "Kazakhstanskoy pravdy". Za shturvalom glavnoy gazety strany (istoriya) [Editors-in-Chief of Kazakhstanskaya Pravda. At the helm of the country's main newspaper (history)]. *Central Asia Monitor*. [Online] Available from: <https://camonitor.kz/14966-glavredy-kazakhstanskoy-pravdy-za-shturvalom-glavnoy-gazety-strany-istoriya-dashimbaev-vhlyupin.html>. (Accessed: 26.04.2018).
4. Chernykh, S.E. (1988) *Pod nebom Altaya* [Under the sky of the Altai]. Alma-Ata: Zhazushi, pp. 6–17.
5. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 440. File 144. (In Russian).
6. Nenarokov, A.P. (ed.) (1989) Postanovlenie Politbyuro TsK RKP(b) "O politike partii v oblasti khudozhestvennoy literatury" 18 iyunya 1925 g. [Resolution of the Political Bureau of the Central Committee of the RCP (B.) "On Party Policy in the Field of Fiction" of June 18, 1925]. In: *Kul'turnoe stroitel'stvo v SSSR 1917–1927 gg. Dokumenty i materialy* [Culture Building in the USSR, 1917–1927. Documents and materials]. Moscow: Nauka.
7. Kenzhebaeva, S.E. (2011) Representatives of Alash intelligentsia and the Soviet power. *Vestnik AGTU – Vestnik of Astrakhan State Technical University*. 2. pp. 144–153. (In Russian).
8. Kaip-Nazarov, M. (1932) *Kazakhskaya literatura v bor'be s burzhuaizmi i vliyaniyami* [Kazakh literature in the fight against bourgeois influences]. Alma-Ata: Kazakhskoe kraevoe izd-vo.

9. Ablakova, R. (2007) *Dykhanie zhizni* [Breath of life]. [Online] Available from: <http://almaty-lit.ucoz.ru/load/5-1-0-8>. (Accessed: 11.04.2018).
10. Priirtyshskaya pravda. (1932) Vecher pamyati V.V. Mayakovskogo [A night in memory of V.V. Mayakovsky]. *Priirtyshskaya pravda*. 14 April. Column 37.
11. Chernykh, S.E. (1988) *Pod nebom Altaya* [Under the sky of the Altai]. Alma-Ata: Zhazushi, pp. 17–56.
12. Abdullina, L.I. (2008) Vostochno-Kazakhstanskiy literaturnyy tekst: dialog vremen i kul'tur [East Kazakhstan literary text: dialogue of times and cultures]. *Kul'tura i tekst – Culture and Text*. 11. pp. 226–233.
13. Smirnov, A. (1932) Za shirokoe vovlechenie rabochikh udarnikov v proletarskuyu literaturu [For the wide involvement of shock-workers in proletarian literature]. *Priirtyshskaya pravda*. 12 April. Column 36.
14. Mal'tseva, O. (2006) *Pisateli Semipalatinskogo regiona. Bio-bibliograficheskiy ukazatel'* [Writers of the Semipalatinsk region. Bio-bibliography]. Semipalatinsk: Talant.
15. Abdullina, L.I. (2012) *Literaturnyy landshaft rodnogo kraya* [A literary landscape of the native land]. Ust'-Kamenogorsk: Kazakh-American Free University.
16. Zhanaev, B.T. (ed.) (2013) Stenogramma II S"ezda Soyuz Sovetskikh pisateley Kazakhstana. Alma-Ata, 22–25 iyunya 1939 g. [Transcript of the II Congress of the Union of Soviet Writers of Kazakhstan. Alma-Ata, June 22–25, 1939]. In: *Kazakhstan v dokumentakh i materialakh: al'manakh* [Kazakhstan in documents and materials: An almanac]. Is. 3. Karaganda: Ekozhan. pp. 346–435.
17. Priirtyshskaya pravda. (1933) Vstrecha tov. Guseva s pisatelyami 25 maya v redaktsii "Priirtyshskoy pravdy" [Meeting of Comrade Gusev with writers on May 25 in the editorial office of Priirtyshskaya Pravda]. *Priirtyshskaya pravda*. 30 May. Column 124.
18. Priirtyshskaya pravda. (1934) Literatura, teatr – delo kazhdoy partiynoy organizatsii [Literature and theater are of concern of every party organization]. *Priirtyshskaya pravda*. 15 December. Column 285.
19. Abdulkadirova, M.A. et al. (1985) *Kul'turnoe stroitel'stvo v Kazakhstane 1933 – iyun' 1941 gg.: sb. dok. i materialov* [Culture construction in Kazakhstan in 1933 – June 1941. Documents and materials]. Vol. 2. Alma-Ata: Kazakhstan. pp.
20. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1778. List 1. File 70. (In Russian).
21. Litovskaya, M.A. (2008) Sotsialisticheskiy realizm v literature XX veka [Socialist realism in the literature of the twentieth century]. *Filologicheskiy klass*. 19. pp. 14–21.
22. Literatura i iskusstvo Kazakhstana. (1939) Pisateli Kazakhstana k XVIII S"ezdu VKP (b) [Writers of Kazakhstan to the XVIII Congress of the CPSU (b)]. *Literatura i iskusstvo Kazakhstana*. 5. pp. 107.
23. Abdulkadirova, M.A. et al. (1985) *Kul'turnoe stroitel'stvo v Kazakhstane 1933 – iyun' 1941 gg.: sb. dok. i materialov* [Culture construction in Kazakhstan in 1933 – June 1941. Documents and materials]. Vol. 2. Alma-Ata: Kazakhstan. pp. 209–210.
24. Gorlov, P. (1938) Pochetnaya zadacha sovetskogo pisatelya [An honorary task of the Soviet writer]. *Literaturnyy Kazakhstan*. 3. pp. 94–97.
25. Kovalenko, G.A. (2009) Sovetskaya model' upravleniya iskusstvom (1917–1953) [A Soviet model of art management (1917–1953)]. *Voprosy kul'turologii*. 10. pp. 26–30.
26. Documentation Center of the Modern History of the East Kazakhstan Region. Fund 663. List 1. File 1. (In Russian).
27. Kalamger.kz. (n.d.) *Spisok kazakhstanskikh zhurnalstov, repressirovannykh XX v.* [List of Kazakhstan journalists repressed in the twentieth century]. [Online] Available from: <http://kalamger.ucoz.kz/index/0-13>. (Accessed: 19.04.2018).
28. Braminova, D.I. et al. (2013) *Istoriya Vostochnogo Kazakhstana* [History of East Kazakhstan]. Pt. II. Semey: Tengri.
29. El. Kz. (n.d.) *Sabit Donentaev*. [Online] Available from: <http://el.kz/kz/news/archive/content-21043>. (Accessed: 20.04.2018). (In Russian).
30. Otkrytyy spisok. (n.d.) *Khasenov Turlykhan*. [Online] Available from: [https://ru.openlist.wiki/%D0%A5%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%A2%D1%83%D1%80%D0%BB%D1%8B%D1%85%D0%B0%D0%BD_\(1902\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%A5%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2_%D0%A2%D1%83%D1%80%D0%BB%D1%8B%D1%85%D0%B0%D0%BD_(1902)). (Accessed: 23.04.2018). (In Russian).
31. Baranova, E. (c. 2013) *Pamyatnik kazakhskomu poetu* [A monument to a Kazakh poet]. [Online] Available from: http://historyntagil.ru/culture/10_p_040.htm. (Accessed: 23.04.2018).
32. Kratenko, A. (2011) Berestyanye pis'ma GULaga [Birchbark letters of the Gulag]. In: Zakharova, T.B. *Vostochnyy Kazakhstan. Repressii 1930–1950* [East Kazakhstan. Repressions of 1930–1950]. Ust-Kamenogorsk: TsGB.
33. Memorial. Portal of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. (n.d.) *Lapin Boris Nikolaevich*. [Online] Available from: http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/mvd_page/mvd_memorial/mObl7/mObl7_%D0%9B/24C313257D8041C5E054002655122E6A. (Accessed: 19.04.2018).

Received: 24 October 2018

Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов

РОССИЙСКИЕ ПРОГРАММЫ ПОДДЕРЖКИ ИНВАЛИДОВ (1993–2015 гг.) И ДОКУМЕНТЫ ООН О ПРАВАХ ИНВАЛИДОВ: ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВИЯ ПО ВОПРОСАМ ТРУДОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ОБЩЕСТВО

На материалах российских федеральных программ социальной поддержки инвалидов рассматривается проблема соответствия государственной социальной политики в сфере обеспечения трудовой реабилитации и занятости основным документам ООН о способах реализации их трудовых прав. Показано, что вопреки широко распространенному мнению о значительном отставании России в отношении реализации трудовых прав инвалидов от западных стран указанные программы в изученный период в целом соответствовали международным документам. По мнению авторов, имеющиеся в России проблемы нарушения трудовых прав инвалидов были связаны не с дискриминацией инвалидов как социально-демографической группы, а с общей слабостью и неэффективностью социальной защиты населения.

Ключевые слова: трудовые права инвалидов; федеральные программы; документы ООН; проблема соответствия.

Интеграция инвалидов в общество на протяжении ряда десятилетий рассматривается как наиболее действенный механизм решения социальных и в значительной мере экономических проблем инвалидности. При этом для инвалидов трудоспособного возраста, сохранивших ограниченную способность к труду, участие в профессиональной деятельности является одним из важнейших критериев этой интеграции.

Существуют различные подходы как к управлению интеграционными процессами в целом, так и к организации трудовой деятельности инвалидов. При этом далеко не всегда выбор того или иного подхода как теоретического обоснования государственной социальной политики исходит из интересов, прежде всего, самих инвалидов, а определяется общими идеологическими, классовыми, политическими, экономическими и иными принципами социальной политики государственной власти. Поэтому и отношение к проблемам инвалидов в разных странах и в разные исторические периоды существенно различается. Именно этим обстоятельством объясняются действия ООН по разработке и широкому внедрению в практику различных стран общих подходов и единых принципов государственной политики в этой сфере.

В отношении российской практики поддержки инвалидов подавляющее большинство отечественных и зарубежных авторов осознанно или стихийно исходят из утвердившихся за последние десятилетия либерально-рационалистических концепций догоняющей модернизации России относительно стран Запада, хотя сама модернизационная теория в последние годы подвергается жесткой критике, в ходе которой под сомнение поставлен прежде всего ее либерально-рационалистический универсализм [1. С. 50]. Это, со своей стороны, неизбежно ведет к признанию необходимости собственного пути прогрессивного развития каждого конкретного модернизирующегося общества. Например, В. Хорос утверждает, что «модернизация, развитие могут успешно осуществляться лишь на почве собственных национальных традиций» [2. С. 79], а Е.В. Нехода вообще считает, что в современных российских социально-экономических условиях основные положения либеральных теорий догоняющего развития неприменимы [3].

Тем не менее сама по себе теория модернизации (с учетом ее современных национальных концепций) применительно к изучаемой проблематике обладает значительным методологическим потенциалом, поскольку раскрывает возможности изучения фактического материала с позиций прогрессивного подхода к общественному развитию, позволяет построить перспективную модель исследуемого объекта, включая «осовременивание» форм и целей государственной социальной политики [4].

Основная цель данного исследования состоит в постановке и разрешении вопроса о степени соответствия российских программ социальной поддержки инвалидов положениям международной «Конвенции о правах инвалидов» и другим аналогичным документам ООН применительно к праву инвалидов на труд, поскольку именно в этих программах содержатся конкретные принципы, цели и способы реализации государственной социальной политики в исследуемой в данной статье области¹.

Принципиальная важность постановки и изучения данного вопроса заключается в возможности показать не формально декларируемые, а реально осуществляемые подходы к решению проблем инвалидности в части реализации одного из важнейших прав человека – права на труд, выявить, действительно ли Россия в решении этого вопроса существенно отстала от мировой практики. Эта отсталость обычно обосновывается тем, что Россия лишь провозгласила приверженность «социальной» концепции инвалидности, а на деле по-прежнему придерживается ее устаревшей «медицинской» парадигмы. В лучшем случае признается наличие «гибридной социально-экономической политики в отношении инвалидов, сочетающей как черты медикалистской, так и социальной парадигм инвалидности», но и они признают, что «переход на социальную модель официально продекларирован в федеральном законодательстве Российской Федерации, а обязательства по его осуществлению делегированы региональным структурам исполнительной власти» и что «заданные в рамках федерального законодательства подходы к проблеме инвалидности прогрессивны и полностью соответствуют международным правилам и нормам» [5].

Для лучшего понимания сути «мировой практики» отметим, что на протяжении длительного периода во всем мире наиболее существенными признавались именно медицинские проблемы инвалидности и лишь в 1990-х гг. общественной организацией инвалидов Великобритании «Союз лиц, имеющих нарушения здоровья, против сегрегации инвалидов»² было разработано определение инвалидности в рамках социальной парадигмы. В социальной интерпретации инвалидность стала рассматриваться как некий социальный, а не медицинский феномен и считаться одной из форм социального угнетения [6. Р. 29]. И хотя в Российской Федерации были приняты социальная парадигма инвалидности и соответствующая модель социальной политики, «медикалистское» определение до настоящего времени считается основным и на него опираются все социальные институты, так или иначе вовлеченные в изучение феномена инвалидности. Документы, рекомендованные ВОЗ для определения инвалидности, также опираются на физиологические ограничения жизнедеятельности [5].

Исходя из сказанного, можно признать, что и сами международные документы ООН о правах инвалидов носят «гибридный» характер, в них одна концепция инвалидности вовсе не противопоставляется другой, а рассматриваются комплексно, и, следовательно, нельзя считать «отсталыми» государства, реализующие «гибридный» подход в своей социальной политике.

Не углубляясь далеко в историю, укажем, что нормативной и в значительной мере социально-идеологической основой разработки программ социальной поддержки инвалидов в России стал закон «Об основных началах социальной защищенности инвалидов в СССР» [7], принятый за восемнадцать лет до вступления в силу международной «Конвенции о правах инвалидов» (2008). Сравнительный анализ показывает, что он гораздо полнее и конкретнее излагал принципы равных возможностей и безбарьерной среды, чем современные ему и последующие международные документы. Более того, наряду с созданием условий для интеграции инвалидов в общество, закон (в соответствии с положениями Декларации ООН «О правах инвалидов» (1975) предусматривал организацию профилактики инвалидности, упоминание о которой в Конвенции вообще отсутствует. Но главное – он исходил из принципа гарантии всеобщности социальной поддержки, а не из позднейшего адресного подхода, позволяющего под разными предлогами оказывать ее лишь ограниченному кругу лиц. Закон действовал до 1996 г., когда был заменен новым федеральным законом, по духу и букве в большей степени соответствовавшим международным документам, но в смысле социальных гарантий инвалидам уступающим закону 1990 г. [8].

На основе этих основополагающих законов в постсоветской России были разработаны и полностью или частично воплощены в жизнь четыре федеральные программы, предусматривавшие реализацию трудовых прав инвалидов. Первая из них, комплексная, под общим названием «Социальная поддержка инвалидов» [9] с большими трудностями осуществлялась в 1995–1999 гг. [10. С. 115–116]. В нее входили четыре

относительно самостоятельные программы: «Медико-социальная экспертиза и реабилитация инвалидов»; «Научное обеспечение и информатизация проблем инвалидности и инвалидов»; «Разработка и производство средств протезирования, строительство, реконструкция и техническое перевооружение протезно-ортопедических предприятий»; «Формирование доступной для инвалидов среды жизнедеятельности».

Абсолютный приоритет отдавался последней, призванной обеспечить беспрепятственный доступ инвалидов к информации и объектам социальной инфраструктуры. Остальные при всей их относительной самостоятельности лишь обеспечивали ее реализацию. Что касается профессиональной реабилитации инвалидов, включая их трудоустройство, то акцент делался на активных действиях в противовес пассивной поддержке (такой как выплата пособий по безработице), чего и требовали международные документы. Если в 1997 г. на пассивные формы поддержания доходов неработающих инвалидов тратилось 74% выделяемых Федеральным фондом занятости населения средств, то в 2000 г. – лишь 16,5%. Соответственно, доля расходов на их профориентацию, профессиональную подготовку, переподготовку и трудоустройство выросла за то же время с 26 до 83,5%. При этом службы занятости от посредничества в трудоустройстве переходили к реализации протекционистской государственной политики, в первую очередь, к устройству на квотируемые места. С 1997 по 2000 г. доля трудоустроенных в соответствии с квотами выросла с 20,8 до 61% [11. С. 120–121]. Это была своеобразная попытка компенсировать потерянные инвалидами рабочие места в связи с сокращением поддержки производственных предприятий объединений инвалидов.

Вторая программа под таким же названием была рассчитана на 2000–2005 гг. [12]. Ее основная цель оставалась прежней – обеспечение социальной интеграции инвалидов в общество, но конкретные направления деятельности несколько изменились. Главными задачами стали завершение реформирования государственной службы медико-социальной экспертизы и государственной службы реабилитации инвалидов, а также развитие предприятий реабилитационной индустрии. Предполагалось также воссоздание уничтоженных в годы «шоковой терапии» реабилитационных учреждений всероссийских обществ инвалидов, развитие их материально-технической базы, включая производственные предприятия.

Программа впервые предусматривала в качестве задач реабилитационной деятельности снижение уровня инвалидности в стране и ежегодный возврат к труду не менее 80–100 тыс. инвалидов. При этом, если на мероприятия предыдущей комплексной программы, финансировавшейся по остаточному принципу, средства зачастую просто не выделялись, то в новой программе уже сознательно закладывались принципы и нормативы, хоть и позволявшие сокращать финансовые расходы на ее реализацию, но только путем «внедрения в практику работы учреждений МСЭ механизмов, обеспечивающих повышение социально-экономической эффективности и результатив-

ности медико-социальной экспертизы, снижение затрат на проведение реабилитационно-экспертных мероприятий» [12. Прил. 1]. В частности, предполагалось повысить экономическую результативность реабилитационных мероприятий путем «внедрения механизмов рыночной экономики в практику деятельности реабилитационных учреждений». Реабилитационные услуги инвалидам стали делиться на бесплатные и платные. Таким образом, с одной стороны, существенно расширялись реабилитационные возможности, включая трудовую и профессиональную реабилитацию, но с другой – на пути к полной интеграции инвалида в общество воздвигался новый барьер, теперь уже экономический. Степень интеграции инвалида в общество стала во многом зависеть от его экономических возможностей. Правовое основание этого барьера было заложено так называемым законом «О монетизации льгот» 2004 г., внесшим изменения в ранее действовавшее законодательство о социальной защите и социальном обслуживании инвалидов, направленные на существенное ограничение натуральных льгот и преимуществ инвалидов, в том числе и в вопросах трудоустройства и занятости [13]. Заметим, однако, что такой подход не противоречил документам ООН о правах инвалидов, в которых самостоятельная адаптация инвалида к рыночным условиям ценилась выше, чем с помощью государства.

Планировалось также внедрение системы профессиональной реабилитации инвалидов, «обеспечивающей их конкурентоспособность и занятость на рынке труда, в том числе путем создания и сохранения рабочих мест для инвалидов», в том числе на базе еще действовавших предприятий инвалидов, принадлежавших их общественным объединениям. Предполагалось усовершенствовать нормативно-методическое и правовое обеспечение системы профессиональной реабилитации инвалидов, их трудоустройства и занятости [12. Пасп. прогр.]. Однако с 2000 г. были отменены налоговые льготы специализированным предприятиям инвалидов, что привело к дальнейшему упадку их деятельности. Из оставшихся на этих предприятиях 250 тыс. рабочих мест лишь треть сохранилась за инвалидами, а с 2004 г. была утрачена и половина квотируемых мест на свободном рынке [14].

Третья одноименная программа была рассчитана на 2006–2010 гг. [15]. Она официально была названа продолжением второй программы и имела целью завершить то, что было заложено на предыдущих этапах. При этом акцент делался на реабилитационной деятельности, призванной переломить негативную тенденцию быстрой инвалидизации населения страны и вернуть к трудовой и общественно-полезной деятельности значительную долю лиц с инвалидностью. Общий объем ассигнований на реализацию программы составил 3 842,9 млн руб., из них 2 268,7 млн (59%) направлялось на поддержку специализированных предприятий инвалидов. Это должно было несколько повысить роль общероссийских общественных организаций инвалидов в создании дополнительных рабочих мест, что также соответствовало международным требованиям о расширении участия этих организаций в реализации прав инвалидов.

Таким образом, хотя противоречиво и непоследовательно, но посредством федеральных программ социальной поддержки инвалидов проводилась политика, направленная на преобладание активных форм организации занятости инвалидов и ограничение сферы действия «закрытого» рынка труда для инвалидов. В этом отношении Россия была впереди многих европейских стран.

Важная особенность реализации последней программы заключалась в том, что она совпала с принятием в 2006 г.³ ООН международной «Конвенции о правах инвалидов», ратифицированной Россией в 2012 г. [16]. По этой причине в программу могли быть внесены существенные изменения и дополнения в духе требований Конвенции, но, как оказалось, этого не потребовалось.

Кроме того, с 2011 г. стала осуществляться новая государственная программа «Доступная среда» на 2011–2015 гг., продленная затем до 2020 г., хоть и с отличным от предыдущих федеральных программ названием, но, судя по сформулированным целям и содержанию мероприятий, также заслуживающая называться продолжением предыдущих программ социальной поддержки инвалидов [17].

К этим программным документам необходимо добавить подпрограмму «Активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан» государственной программы «Содействие занятости населения» на 2013–2020 гг., которой было предусмотрено в 2013–2015 гг. создание ежегодно до 14,2 тыс. специальных рабочих мест для инвалидов [18]. Этот пункт формально не противоречил положению международных документов о преимущественном развитии открытого рынка труда для инвалидов, хотя и предполагал принятие дополнительных мер «закрытого» характера по организации труда, включая адаптацию основного и вспомогательного оборудования к потребностям конкретного инвалида, зато он полностью соответствовал рекомендации включать вопросы поддержки инвалидов не в специальные, а в общие программы (в данном случае программа социальной поддержки безработных). Названные выше федеральные программы создавали методологическую и инфраструктурную основу профессиональной реабилитации и занятости инвалидов. Непосредственные практические мероприятия в этом направлении содержали региональные программы содействия занятости инвалидов, функционировавшие со второй половины 1990-х гг. во всех субъектах федерации. В них также ставилась первоочередная задача поддержки инвалидов на открытом рынке труда.

Ратификация Россией «Конвенции о правах инвалидов» означало ее согласие на адаптацию государственной социальной политики к принципам и положениям Конвенции⁴. Более того, подписавшие ее страны спустя два года должны были предоставить в ООН так называемые «первоначальные доклады» об этой адаптации. Казалось бы, принятые до и после 2006 и особенно после 2012 г. государственные программы поддержки инвалидов в РФ должны существенно различаться между собой как не опирающиеся и опирающиеся на положения Конвенции докумен-

ты. Однако, как показал приведенный анализ программ, между ними нет принципиальных различий. Более того, четко просматривается преемственность поздних программ с более ранними. Даже переработанная программа «Доступная среда» была пополнена всего лишь одной подпрограммой, в том или ином виде присутствовавшей в предыдущих программах. Нет существенных отклонений российских программ (ни принятых до 2006 г., ни принятых позже) от принципиальных требований Конвенции.

Объясняется это тем, что и сама Конвенция не является чем-то принципиально новым, ее принципы тесно связаны с предшествующими документами ООН и восходят ко «Всеобщей декларации прав человека» (1948 г.).

Непосредственными предшественниками Конвенции были «Декларация прав инвалидов» (1975 г.), «Всемирная программа действий в отношении инвалидов» (1982 г.), «Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов» (1993), «Декларация о правах инвалидов» (1995 г.). Указанные документы признавались и учитывались (в части, не противоречащей общественному строю) еще СССР, а затем и Российской Федерацией. Постсоветское законодательство, в первую очередь закон «О социальной защите инвалидов в РФ» (1995 г.), уже полностью опиралось на названные международные документы, равно как и разработанные на их основе комплексные и целевые программы поддержки инвалидов.

Так, Конвенция 2006 г. содержит отдельную главу, посвященную труду и занятости инвалидов (гл. 27). Однако в тех же Стандартных правилах 1993 г., учтенных при разработке уже первой из указанных российских программ поддержки инвалидов, направления действий в отношении занятости инвалидов изложены даже более подробно и детально. В этом документе государства-участники призываются активно поддерживать включение инвалидов в свободный рынок труда [19]. Эта мысль проходит лейтмотивом содержания Правила 7 Стандартных правил «Занятость». Поэтому и способы обеспечения возможностей для трудоустройства инвалидов рекомендуются исключительно косвенные, не наносящие экономического ущерба работодателям: профессиональная подготовка, установление стимулируемых квот, резервирование или целевое трудоустройство, предоставление субсидий или ссуд, преимущественных прав на производство, налоговых льгот, гарантия технической или финансовой помощи предприятиям, использующим труд инвалидов и т.п. Согласие работодателей на использование труда инвалидов на своих предприятиях в этом случае напрямую зависит от их экономической заинтересованности в результатах подобных действий.

С другой стороны, авторы Стандартных правил понимали, что далеко не всякий инвалид способен найти работу при таких условиях. Поэтому как исключение допускалось и существование элементов закрытого рынка – «небольшие хозяйственные единицы, предоставляющие гарантированное или обеспеченное соответствующими средствами трудоустройство» [Там же. Прав. 7. П. 7]. Но такие «не-

большие хозяйственные единицы» в виде специализированных предприятий всероссийских обществ инвалидов широко были распространены в СССР и, естественно, учитывались и составителями программ постсоветского времени. Стандартными правилами настоятельно рекомендовалось также установление взаимодействия с общественными организациями инвалидов по вопросам профессионального обучения и трудоустройства, что также было широко распространено еще с советских времен. Поэтому отражение всех этих требований легко обнаружить в российских программах.

Конвенция 2006 г., по существу, лишь повторила принципы организации труда и занятости, изложенные выше. Разве что добавлены, а точнее, более предметно изложены принципы «расширения возможностей для индивидуальной трудовой деятельности, предпринимательства, развития кооперативов и организации собственного дела» и «обеспечения инвалидам разумного приспособления рабочего места» [16. Ст. 27]. При этом надо отметить, что в отличие от крайне политизированной и идеологизированной «Всеобщей декларации прав человека» документы ООН о правах инвалидов не столь радикальны и ставят перед собой вполне прагматические цели, признавая, что не все страны имеют равные экономические, социальные и политические условия и что в них сложились различные традиции социальной поддержки инвалидов.

Более того, по мнению некоторых авторов, Конвенция 2006 г. является «скорее декларативным, нежели обязывающим документом и не содержит конкретного механизма принудительного ее исполнения для каждого инвалида» [20]. Прочитываемый нами автор также солидарен с мыслью, что Конвенция не содержит существенных отличий от предшествующих документов ООН о правах инвалидов, ранее уже подписанных Российской Федерацией. Следовательно, российское законодательство в целом задолго до принятия этого документа уже соответствовало изложенным в Конвенции требованиям, а продолжавшиеся и продолжающиеся сейчас нарушения прав инвалидов «вызваны не конфликтом норм внутреннего законодательства и Конвенции, а нарушением норм внутреннего законодательства» [Там же]. И хотя автор согласен с тем, что некоторые положения Конвенции противоречат, например, правоприменительной практике в России, относительно главы 27 он таких противоречий не обнаружил.

Следует учитывать и то, что Россия не просто была поставлена перед фактом принятия Конвенции, но в лице всероссийских обществ инвалидов, «Уполномоченного по правам человека в РФ В. Лукина, Председателя комиссии Общественной Палаты А. Очировой, заместителя Председателя комитета Госдумы РФ по образованию и науке О. Смолина, юриста АНО “Юристы за конституционные права и свободы” Р. Жаворонкова... внесли значительный вклад в разработку Конвенции» [21. С. 30].

И хотя, подписав и ратифицировав Конвенцию, Россия «подстраховалась» и не стала ратифицировать Факультативный протокол к ней, что позволяет уклоняться от рассмотрения индивидуальных сообщений

и проведения расследований по вопросам нарушения прав инвалидов Комитетом по правам инвалидов при ООН, это связано с опасением выявления не противоречий принципам Конвенции, а частных случаев нарушений национального законодательства о правах инвалидов.

Составленный в соответствии с требованиями Конвенции Первоначальный доклад РФ также свидетельствует, что отдельные изменения вносились исключительно в законодательные и иные нормативные акты и напрямую программ не касались. Организационные мероприятия по реализации прав инвалидов (например, организация мониторинга специализированных рабочих мест для инвалидов) также осуществлялись помимо программ. Вскользь упомянута в докладе только действовавшая программа «Доступная среда», но лишь с целью подтверждения приверженности России к выполнению взятых на себя обязательств. Из этого упоминания никак не следует вывод о ее специальной работе под требования Конвенции [22]. Это обстоятельство было настолько очевидным, что авторы публикаций по проблеме программно-целевых подходов к решению вопроса профессиональной реабилитации и занятости инвалидов даже не считали нужным задерживаться на вопросе соответствия российской практики требованиям международных документов [23].

В то же время следует учитывать и уровень реализации социальных программ в отношении инвалидов в России. Нельзя отрицать, что акцентирование государственной социальной политики в отношении инвалидов на социальных проблемах с упором на рыночные механизмы их решения в условиях отсутствия достаточной социально-экономической основы для этого принесло больше вреда, чем пользы. По существу, в российских условиях либерального реформирования во многом искусственно созданная дилемма – медицинская или социальная реабилитация – стала производной от проблемы чисто идеологической – «государственный патернализм» или «свободный рынок» в основе государственной социальной политики по отношению к инвалидности и инвалидам. В итоге «победы» рыночного подхода инвалидами были утрачены многие гарантии и льготы в сфере занятости и произошло перекладывание значительной части государственных обязательств по трудоустройству на плечи самих инвалидов. Так, наряду с вышеупомянутой отменой с 2000 г. налоговых льгот по хозяйственной деятельности и фактическим прекращением материальной поддержки специализированных предприятий инвалидов в 2004 г. были отменены нормы внесения работодателем в бюджет субъектов РФ специаль-

ных платежей за каждого нетрудоустроенного инвалида и фактически разрушена система стимулирования работодателей на квотирование рабочих мест для инвалидов. Количество таких мест сократилось вдвое [14. С. 17].

Процесс вытеснения инвалидов с рынка труда продолжается и в настоящее время. По данным ПФ РФ, за июнь 2017 г. из 3,6 млн инвалидов трудоспособного возраста были заняты всего 921 тыс. (25,5%), тогда как в 2014–2015 гг. эта доля составляла 28,2%. Вместе с тем согласно долгосрочной государственной программе Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 годы занятость инвалидов должна ежегодно расти, дойдя в 2020 г. до 60% [24. С. 73]. Трудно представить, как это будет достигнуто без жесткого государственного регулирования, поскольку в годы экономических кризисов «невидимая рука рынка» оставляет на обочине в первую очередь именно рабочую силу инвалидов. С начала и особенно с середины 2000-х гг. происходят общие изменения в российской социальной политике, направленные на сокращение государственных социальных расходов. Но это касается не только инвалидов, а всех категорий нуждающегося в поддержке населения, что позволяет хотя бы формально отрицать их социальную дискриминацию.

Таким образом, можно дискутировать о масштабах реализации заявленных принципов и запланированных мероприятий, но в целом российские программы поддержки инвалидов в части организации труда и занятости составлялись в полном соответствии с международными документами о правах инвалидов и в принципиальном плане не требовали никакой существенной переработки. Требовалось лишь неукоснительное выполнение в полном объеме программных мероприятий. Но именно в этом и заключается главная проблема всей российской социальной политики⁵.

Таким образом, постулат о перманентном отстаивании российской политики по отношению к реализации инвалидами права на труд от принятых под эгидой ООН международных документов о праве инвалидов на труд не имеет под собой достаточного основания. Российский модернизационный процесс в данной сфере происходил без существенного разрыва с остальными странами Запада. Другое дело, что уровень возможностей для реализации трудовых прав инвалидов в России в силу перманентного социально-экономического кризиса существенно ниже европейского. Но это обстоятельство носит общесоциальный характер и касается не только инвалидов, а всего трудоспособного населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конвенция взята в качестве основного международного «эталона» современной социальной политики в отношении инвалидов, прежде всего потому, что является последним по времени принятия документом ООН в последовательном ряду аналогичных актов.

² UPIAS The UPIAS – Union of the Physically Impaired Against Segregation and the Disability Alliance.

³ Вступила в силу с 2008 г.

⁴ Надо отметить, что далеко не все государства оказались готовыми к соответствующей корректировке политики по отношению к инвалидам, в том числе США, так до настоящего времени и не ратифицировавшие Конвенцию.

⁵ И не только российской. В преамбуле Конвенции одной из причин необходимости ее принятия указывается уклонение многих стран от реализации ранее принятых международных документов на эту тему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М. : Научный мир, 1998. 204 с.
2. Хорос В. Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты) // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 8. С. 70–79.
3. Нехода Е.В. Теории модернизации и догоняющего развития: возможности для России // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 167–169.
4. Побережников И.В. Модернизация теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзор. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168.
5. Каспарьян Ж.Э., Олейник А.Г. Информационная среда поддержки социальной политики в отношении инвалидов // Информационные ресурсы России. 2008. № 6. URL: http://www.aselibrary.ru/press_center/journal/irt/2008/number_6/number_6_4/number_6_4897/ (дата обращения: 15.01.2018).
6. Priestley M. Disability Politics and Community Care. 2nd. London ; Philadelphia : Jessica Kingsley Publishers, 1999. 256 p.
7. Постановление ВС СССР от 11.12.1990 № 1827-1 «О введении в действие Закона СССР «Об основных началах социальной защищенности инвалидов в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 51. Ст. 1115.
8. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.
9. Постановление Правительства РФ от 16.01.1995 № 59 «О федеральной комплексной программе “Социальная поддержка инвалидов”» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 5. Ст. 416.
10. Смирнов Г.С. Программно-целевой метод как организационная основа интеграции инвалидов в общество в 1992 – первой половине 2000-х годов (на примере федеральных и региональных программ) // Социум и власть. 2014. № 2. С. 115–119.
11. Бочко М.Э. Занятость инвалидов в регионе: проблемы, пути решения // Вестник Челябинского университета. Сер. 8: экономика, социология, социальная работа. 2001. № 1. С. 117–122.
12. Постановление Правительства РФ от 14.01.2000 № 36 «О федеральной целевой программе «Социальная поддержка инвалидов на 2000–2005 годы» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 4. Ст. 393.
13. Федеральный закон от 22.08.2004 № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.
14. Топилин К.А. Программно-целевой подход к социальной интеграции инвалидов в городе Москве // Вестник РАЕН. Сер. Экономическая, 2010. Т. 10. С. 15–19.
15. Постановление Правительства РФ от 29.12.2005 № 832 «О федеральной целевой программе «Социальная поддержка инвалидов на 2006–2010 годы» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 2. Ст. 199.
16. О правах инвалидов. Конвенция ООН 2006 г. Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. № 61/106. Ратифицирована федеральным законом от 03.05. 2012 № 46-ФЗ // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902114182> (дата обращения: 15.01.2018).
17. Постановление Правительства РФ от 01.12.2015 № 1297 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Доступная среда” на 2011–2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 49. Ст. 6987.
18. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 298 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18. Ч. I. Ст. 2147.
19. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов (1993). Приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. № 48/96. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/4851> (дата обращения: 15.01.2018).
20. Кантор П.Ю. Последствия, возникающие в сфере законодательства и правоприменения в связи с вступлением в действие для России Конвенции ООН о правах инвалидов. URL: <http://www.cirota.ru/forum/view.php?subj=82153> (дата обращения: 15.01.2018).
21. Колонтаевская И.Ф. Конвенция ООН о правах инвалидов: равные среди равных // Вестник МГСГИ. 2010. № 2. С. 27–36.
22. О мерах, принятых для осуществления обязательств по Конвенции о правах инвалидов, и о прогрессе, достигнутом в соблюдении прав инвалидов в течение двух лет после ее вступления в силу для Российской Федерации. Первоначальный доклад Российской Федерации о выполнении Конвенции о правах инвалидов. URL: http://sockart.ru/upload/iblock/681/Doklad_v_OON_2014.pdf (дата обращения: 15.01.2018).
23. Фадин Н.И. Программно-целевой подход в системе социальной поддержки инвалидов России // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 7–1 (12). С. 139–142.
24. Смирнов Г.С., Смирнов С.С., Хамракулова Н.С. Занятость инвалидов как проблема государственного управления (на материалах Челябинской области) // Актуальные проблемы государственного, регионального и муниципального управления: теория, аналитика, практика : сб. ст. Вып. 6, ч. 2. Оренбург : Оренбург. филиал РАНХиГС., 2017. С. 72–76.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 сентября 2018 г.

Russian Disability Support Programs (1993-2015) and UN Documents on the Rights of Persons with Disabilities: The Problem of Compliance on Labor Integration into Society

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 166–173.

DOI: 10.17223/15617793/443/21

Gennady S. Smirnov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: aandg@inbox.ru

Sergey S. Smirnov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: sss45@inbox.ru

Keywords: labor rights of disabled people; federal programs; UN documents; compliance problem.

This article is devoted to the problem of compliance of the Russian federal programs on social support for people with disabilities with the main international documents on the rights of people with disabilities in relation to the integration of people with disabilities into mainstream society and promotion of the realization of the right to work. The aim of this article is to formulate and resolve the question of the degree of compliance of Russian programs with the provisions of the International Convention on the Rights of Persons with Disabilities and other similar documents of the UN with regard to the rights of people with disabilities to work. These programs contain specific principles, objectives and methods of implementation of the state social policy. The main sources on the rights of people with disabilities were adopted and consistently implemented between 1993 and 2010 in three Russian federal programs under the general title “Social Support for People with Disabilities”, as well as published sources with the same overall aims from later programs. The second group of sources consists of documents of the UN on the rights of persons with disabilities in the first

place, the Convention on the Rights of Persons with Disabilities (2006) and previous similar acts. Based on the comparative analysis of these two groups of sources, the authors came to the following conclusions. Contrary to an opinion of a considerable backwardness of Russia in relation to the implementation of employment rights of persons with disabilities in relation to Western countries, the authors found that Russian programs were generally consistent with international conventions. The existing (largely formal) differences between Russian social programs and international documents were not of a fundamental, but rather of a terminological nature. Russia's refusal to ratify the optional Protocol to the Convention on the Rights of Persons with Disabilities only testifies to the desire to evade consideration of particular cases of violation of national legislation on the rights of persons with disabilities and is not associated with the fear of revealing the contradictions of the Russian programs concerning the principles of the Convention. With regard to the refusal to sign this Protocol, Russia, against the background of Western countries, was not alone. Violations of the rights of persons with disabilities taking place in Russia, including the right to work, are not related to disregard for international principles and discrimination against persons with disabilities as a socio-demographic group, but to non-compliance with the national legislation and the general weakness and ineffectiveness of the social policy. The authors conclude that Russia, in the period under study, was not an outsider in the implementation within social programs of the principles of integrating people with disabilities into society by involving them in productive work as set out in UN documents. Unsubstantiated statements, so often made in publications about disability in Russia, are not the case.

REFERENCES

1. Turen, A. (1998) *Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego. Ocherk sotsiologii* [Return of an acting person. An essay on sociology]. Moscow: Nauchnyy mir.
2. Khoros, V. (1991) *Modernizatsiya v Rossii i Yaponii (tsivilizatsionnye aspekty)* [Modernization in Russia and Japan (civilizational aspects)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 8. pp. 70–79.
3. Nekhoda, E.V. (2007) Theories of modernization and catching up development: possibility for Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 304. pp. 167–169. (In Russian).
4. Poberezhnikov, I.V. (2002) *Modernizatsiya teoretiko-metodologicheskie podkhody* [Modernization of theoretical and methodological approaches]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obzrenie*. 8. pp. 146–168.
5. Kaspar'yan, Zh.E. & Oleynik, A.G. (2008) *Informatsionnaya sreda podderzhki sotsial'noy politiki v otnoshenii invalidov* [Information environment of support of social policy in relation to persons with disabilities]. *Informatsionnye resursy Rossii*. 6. [Online] Available from: http://www.aselibrary.ru/press_center/journal/irr/2008/number_6/number_6_4/number_6_4897/. (Accessed: 15.01.2018).
6. Priestley, M. (1999) *Disability Politics and Community Care*. 2nd. London; Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers.
7. USSR. (1990) *Postanovlenie VS SSSR ot 11.12.1990 № 1827-1 "O vvedenii v deystvie Zakona SSSR "Ob osnovnykh nachalakh sotsial'noy zashchishchennosti invalidov v SSSR"* [Decree of the Supreme Soviet of the USSR No. 1827-1 of 11.12.1990 "On the Enactment of the USSR Law "On the Basic Principles of Social Protection of Disabled Persons in the USSR"]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR*. 51. Art. 1115.
8. Russian Federation. (1995) *Federal'nyy zakon ot 24.11.1995 № 181-FZ "O sotsial'noy zashchite invalidov v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 181-FZ of November 24, 1995, "On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 48. Art. 4563.
9. Russian Federation. (1995) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16.01.1995 № 59 "O federal'noy kompleksnoy programme "Sotsial'naya podderzhka invalidov"* [Decree of the Government of the Russian Federation No. 59 of January 16, 1995, "On the federal comprehensive program Social Support for Persons with Disabilities"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 5. Art. 416.
10. Smirnov, G.S. (2014) Programmed-objective method as an organizing basis for integrating disabled people into a society from 1992 to the first half of the 2000s (as exemplified by federal and regional programs). *Sotsium i vlast' – Socium and Power*. 2. pp. 115–119. (In Russian).
11. Bochko, M.E. (2001) *Zanyatost' invalidov v regione: problemy, puti resheniya* [Employment of persons with disabilities in the region: problems, solutions]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Ser. 8: ekonomika, sotsiologiya, sotsial'naya rabota – Bulletin of Chelyabinsk State University. Series 8: Economics, Sociology, Social Work*. 1. pp. 117–122.
12. Russian Federation. (2000) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14.01.2000 № 36 "O federal'noy tselevoy programme "Sotsial'naya podderzhka invalidov na 2000–2005 gody"* [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 36 of January 14, 2000, On the Federal Target Program "Social Support of Disabled People for 2000–2005"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 4. Art. 393.
13. Russian Federation. (2004) *Federal'nyy zakon ot 22.08.2004 № 122-FZ "O vnesenii izmeneniy v zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem federal'nykh zakonov"* [Federal Law No. 122-FZ of August 22, 2004, "On amendments to legislative acts of the Russian Federation and recognition of certain legislative acts of the Russian Federation as invalid in connection with the adoption of federal laws"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 35. Art. 3607.
14. Topilin, K.A. (2010) *Programmno-tselevoy podkhod k sotsial'noy integratsii invalidov v gorode Moskve* [Program-targeted approach to the social integration of persons with disabilities in Moscow]. *Vestnik RAEN. Ser. Ekonomicheskaya*. Vol. 10. pp. 15–19.
15. Russian Federation. (2006) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.12.2005 № 832 "O federal'noy tselevoy programme "Sotsial'naya podderzhka invalidov na 2006–2010 gody"* [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 832 of December 29, 2005, On the Federal Target Program "Social Support for Disabled Persons for 2006–2010"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2. Art. 199.
16. UN General Assembly. (2012) *O pravakh invalidov. Konventsiya OON 2006 g. Prinyata Rezolyutsiei General'noy Assamblei OON ot 13 dekabrya 2006 g. № 61/106. Ratifitsirovana federal'nyim zakonom ot 03.05. 2012 № 46-FZ* [On the Rights of Persons with Disabilities. 2006 UN Convention. Adopted by Resolution of the UN General Assembly No. 61/106 of December 13, 2006, ratified by Federal Law No. 46-FZ of 03.05.2012]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/902114182>. (Accessed: 15.01.2018).
17. Russian Federation. (2015) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01.12.2015 № 1297 "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Dostupnaya sreda" na 2011–2020 gody"* [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1297 of 01.12.2015 On Approval of the State Program of the Russian Federation "Accessible Environment for 2011–2020"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 49. Art. 6987.
18. Russian Federation. (2014) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 298 "Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Sodeystvie zanyatosti naseleniya"* [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 298 of April 15, 2014, On Approval of the State Program of the Russian Federation "Assistance to the Employment of the Population"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 18. Pt. I. Art. 2147.
19. UN General Assembly. (1993) *Standartnye pravila obespecheniya ravnykh vozmozhnostey dlya invalidov (1993). Prinyaty Rezolyutsiei General'noy Assamblei OON ot 20 dekabrya 1993 g. № 48/96* [Standard Rules for the Equalization of Opportunities for Persons with Disabilities (1993). Adopted by the Resolution of the UN General Assembly No. 48/96 of December 20, 1993]. [Online] Available from: <http://www.zakonprost.ru/content/base/4851>. (Accessed: 15.01.2018).
20. Kantor, P.Yu. (2008) *Posledstviya, voznikayushchie v sfere zakonodatel'stva i pravoprimeneniya v svyazi c vstupleniem v deystvie dlya Rossii Konventsii OON o pravakh invalidov* [Consequences arising in the sphere of legislation and law enforcement in connection with the entry into force for Russia of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. [Online] Available from: <http://www.cirota.ru/forum/view.php?subj=82153>. (Accessed: 15.01.2018).

21. Kolontaevskaya, I.F. (2010) Konventsiiya OON o pravakh invalidov: ravnye sredi ravnykh [UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities: Equals Among Equals]. *Vestnik MGSGI*. 2. pp. 27–36.
22. Russian Federation. (2014) *O merakh, prinyatykh dlya osushchestvleniya obyazatel'stv po Konventsii o pravakh invalidov, i o progresse, dostignutom v soblyudenii prav invalidov v techenie dvukh let posle ee vstupleniya v silu dlya Rossiyskoy Federatsii. Pervonachal'nyy doklad Rossiyskoy Federatsii o vypolnenii Konventsii o pravakh invalidov* [On measures taken to implement the obligations of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, and on the progress achieved in respecting the rights of persons with disabilities within two years after its entry into force for the Russian Federation. Initial report of the Russian Federation on the implementation of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. [Online] Available from: http://sockart.ru/upload/iblock/681/Doklad_v_OON_2014.pdf. (Accessed: 15.01.2018).
23. Fadin, N.I. (2015) Programmno-tselevoy podkhod v sisteme sotsial'noy podderzhki invalidov Rossii [Targeted program approach in the system of social support for disabled people in Russia]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*. 7–1 (12). pp. 139–142.
24. Smirnov, G.S., Smirnov, S.S. & Khamrakulova, N.S. (2017) Zanyatost' invalidov kak problema gosudarstvennogo upravleniya (na materialakh Chelyabinskoy oblasti) [Employment of persons with disabilities as a problem of public administration (on the materials of Chelyabinsk Oblast)]. In: Godovoy, E.V. (ed.) *Aktual'nye problemy gosudarstvennogo, regional'nogo i munitsipal'nogo upravleniya: teoriya, analitika, praktika* [Topical issues of state, regional and municipal government: theory, analysis, practice]. Is. 6. Pt. 2. Orenburg: Orenburg. filial RANKhiGS. pp. 72–76.

Received: 09 September 2018

А.А. Сорокин

НИЖЕГОРОДСКИЕ ДЕПУТАТЫ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ (1907–1912 гг.)

Освещаются вопросы деятельности депутатов от Нижегородской губернии в III Государственной думе (1907–1912 гг.). Рассматривается представительство нижегородских парламентариев в различных думских комиссиях, а также деятельность нижегородских депутатов в ходе каждой из парламентских сессий. Показаны наиболее важные для нижегородских депутатов проблемы. Выделяются наиболее активные депутаты от Нижегородской губернии: А.А. Савельев, В.В. Хвошинский, А.Е. Фаворский, Г.Р. Килевейн.

Ключевые слова: Государственная дума; М.Н. Гришкин; Н.В. Зуев; А.В. Иконников; кадеты; Г.Р. Килевейн; Нижегородская губерния; октябристы; А.А. Савельев; А.Е. Фаворский; В.В. Хвошинский.

Изучение деятельности парламентариев от конкретного региона – актуальный и набирающий популярность в современной историографии сюжет. Не является исключением и деятельность депутатского корпуса от Нижегородской губернии [1–3].

В III Государственной думе Нижегородскую губернию представляли семь депутатов: А.А. Савельев, А.В. Иконников, Г.Р. Килевейн, А.Е. Фаворский, В.В. Хвошинский, Н.В. Зуев, М.Н. Гришкин. На нижегородском примере хорошо видно, как резко третьеиюньский избирательный закон изменил социальный состав членов Государственной думы. Абсолютное большинство из них (Савельев, Иконников, Килевейн, Фаворский, Хвошинский) теперь составляли дворяне-помещики (пять из семи).

А.А. Савельев был избран депутатом третий раз подряд. Вторым раз стал депутатом председатель Макарьевской уездной земской управы А.В. Иконников. Г.Р. Килевейн впервые получил депутатский мандат, но до этого дважды участвовал в думских выборах. Все они были известными земскими деятелями, принимавшими участие в работе уездных и губернского комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности [4]. В.В. Хвошинский являлся крупным помещиком Макарьевского уезда Нижегородской губернии (1 000 десятин). Значительную часть жизни он отдал военной службе. В 1900–1905 гг. он являлся директором Кавказских Минеральных Вод [5. С. 684]. А.Е. Фаворский (1843–1924), владеец 440 десятин в Горбатовском уезде, не являлся типичным помещиком. Дворянство у него было не потомственное, а личное (родился в семье священника в с. Павлово Нижегородской губернии). В молодости он участвовал в народническом движении, вел революционную пропаганду, арестовывался и ссылался. Родом из мещан был городской голова г. Семёнова Н.В. Зуев. Нижегородское крестьянство представлял гласный Ардатовского уездного земского собрания М.Н. Гришкин из с. Глухова Ардатовского уезда. Совсем не оказалось среди нижегородских депутатов разночинцев, рабочих и священников.

Крупнейшей фракцией III Думы были октябристы. Во многом они являлись опорой премьер-министра П.А. Столыпина. К ним присоединились три нижегородских депутата: В.В. Хвошинский, А.Е. Фаворский, Н.В. Зуев. Октябристы были сторонниками конституционной монархии и либеральных реформ. Фракция

Союза 17 октября признавала необходимость борьбы с революционным движением, но считала, что она должна осуществляться в строго правовых рамках. Октябристы выступали за расширение начал веротерпимости, отмену ограничений в отношении национальных и религиозных меньшинств.

М.Н. Гришкин стал членом фракции прогрессистов, занимавших промежуточное положение между октябристами и конституционными демократами.

В конституционно-демократическую фракцию вошли трое депутатов-нижегородцев (А.А. Савельев, Г.Р. Килевейн, А.В. Иконников). Конституционные демократы по-прежнему находились в жесткой оппозиции к правящему режиму. Лишь небольшое крыло правых кадетов готово было к поддержке отдельных правительственных инициатив. Но чаще всего депутаты-кадеты голосовали вместе с трудовиками и социал-демократами, отвергая вносимые министерствами законопроекты.

В III Думе работало 9 постоянных и 36 временных комиссий. В ряд комиссий каждую сессию осуществлялось переизбрание. Рассмотрим представительство в них нижегородцев, а также их законодательную деятельность по сессиям.

В первую сессию (1907–1908 гг.) В.В. Хвошинский был избран сразу в пять комиссий: по запросам, бюджетную, по государственной обороне (в ней он занимал пост товарища председателя комиссии), по переселенческому делу и по рассмотрению штата Канцелярии [6. С. 7, 33, 109, 175, 179].

А.А. Савельев избирается в комиссии по исполнению государственной росписи (в ней он также вошел в состав подкомиссии по исполнению смет министерства путей сообщения и специальных средств всех ведомств), продовольственную и по местному самоуправлению [7. Стб. 135, 306; 8. С. 55].

Также в три комиссии был избран А.Е. Фаворский – по рабочему вопросу, по исполнению государственной росписи доходов и расходов и о неприкосновенности личности [7. Стб. 596; 8. С. 39; 9. Стб. 701].

Остальные нижегородские депутаты оказались избраны в следующие комиссии: А.В. Иконников – по народному образованию, Г.Р. Килевейн – по судебным реформам, Н.В. Зуев – по делам православной церкви, М.Н. Гришкин – по торговле и промышленности [7. Стб. 404, 747–748, 749, 888].

Не все депутаты III Думы были одинаково активны. Некоторые систематически не посещали заседания. Другие народные избранники, зарегистрировавшись, тут же покидали Таврический дворец. Обычно на заседаниях присутствовало около двухсот депутатов. Еще меньше появлялось в комиссиях. Но и те, кто исправно приходил в здание Государственной думы, далеко не всегда принимали деятельное участие в законотворческой деятельности. К.А. Соловьев, проанализировавший активность и дисциплинированность депутатов, выделил «работоспособное ядро» III Государственной думы. Он включил в него тех, кто чаще всего выступал на заседаниях, особо отметив докладчиков от комиссий по тем или иным законопроектам. По этим критериям в «работоспособное ядро» вошел 161 депутат. Среди них оказались два нижегородца – А.А. Савельев и В.В. Хвощинский [10. С. 126–132].

Одним из важных среди обсуждавшихся в первую сессию законопроектов был проект реформы волостного управления. Волость являлась совокупностью нескольких сельских обществ (крестьянских общин). Хотя на ее территории могли жить представители всех сословий, выбирали должностных лиц волости лишь крестьяне. И только одни крестьяне платили налоги на все волостные нужды. Либеральная общественность еще с XIX в. заявляла о нетерпимости подобного положения и необходимости введения всесословной волости как низшей административной единицы. Такую позицию в III Государственной думе последовательно отстаивали кадеты. А.А. Савельев доходчиво объяснял изъяны существующего порядка: «Проезжает кто-нибудь по дороге, нужно ее чинить; выгоняют крестьян, и они должны исполнить, все, что требуется, а волостные правления целиком содержатся на крестьянские средства, но при этом «исполняют, вообще, все функции государственной жизни». Депутат особо подчеркивал, что обязанности общегосударственного характера должны отправляться на средства всех жителей данной местности независимо от их сословной принадлежности [11. Стб. 1879–1882].

А.А. Савельев был самым активным нижегородским депутатом в ходе первой сессии. В ходе обсуждения законопроекта об условном освобождении он критикует его как «слишком суровый и черствый», хотя и отмечает, что «лучше взять синицу в руку, чем гнаться за журавлем». Им также вносится поправка о том, что при рассмотрении дела осужденного специальной комиссией в случае равенства голосов необходимо принимать решение в пользу обвиняемого, а не вменять принятие решения ее председателю [9. Стб. 219–220]. Однако данная поправка не была поддержана ни профильной думской комиссией, ни общим собранием [Там же. Стб. 329].

Выступает он и по проблемам образования. Комментируя законопроект Министерства просвещения об ассигновании 1 400 тыс. руб. на нужды народного образования, А.А. Савельев упрекает его разработчиков в некомпетентности, поскольку стоимость одноклассной школы, по его расчетам, равняется более чем 800 руб., в то время как министерство исходит из суммы в 390 руб. [9. Стб. 569]. В целом, по его мне-

нию, необходим пересмотр ассигнований на народное образование в сторону их увеличения, а также расходование средств преимущественно на строительство новых школ, а не на поддержку старых [9. Стб. 571].

Эти же положения А.А. Савельев повторяет и при обсуждении бюджета Министерства просвещения. В качестве дополнительных мер поддержки народного образования он предлагает увеличить размер жалования учителей народных школ, но его поправка отклоняется [11. Стб. 2810, 2898].

В 1908 г. Дума отклоняет представление об ассигновании на 1908 г. кредита в 6 500 руб. на хозяйственные расходы районных и губернских комитетов по делам рыболовства. А.Е. Фаворский выступает одним из немногих его защитников, в качестве обоснования отсылая к проблемам рыболовства в Нижегородской губернии: «...район р. Оки требует продолжительного, детального, основательного исследования не только топографического расположения рыболовных промыслов, но и описания более или менее близкого тех хозяйств, тех промышленников, которые речные богатства эксплуатируют» [Там же. Стб. 1736–1737].

Незадолго до окончания работы первой сессии Дума обсуждала инициативу 39 депутатов об изменении законодательства о крестьянах в отношении взимания и отправления земельных и натуральных повинностей. Инициатива предусматривала уравнивание податей между крестьянами и частными землевладельцами. Мнения нижегородцев в этой дискуссии разошлись. Так, А.Е. Фаворский, не отрицая того, что «вопрос о реформе деревни – вопрос сложный, вопрос глубокий», полагал, что следует учредить специальную комиссию для обсуждения этого проекта в составе 66 депутатов, и лишь затем приступать к его рассмотрению [11. Стб. 1870, 1874]. Напротив, А.А. Савельев настаивал на необходимости уравнивания платежей уже в этом году независимо от принятия остальных реформ в отношении деревни [Там же. Стб. 1881–1882].

Остальные нижегородские депутаты в первую сессию были менее заметны. В.В. Хвощинский запомнился лишь своим настоянием на необходимости придания конфиденциального характера отдельным заседаниям комиссии по государственной обороне. Подтверждая, что основы представительного строя должны базироваться на полной гласности, он, тем не менее, подчеркивал, что практические соображения в ряде случаев будут диктовать закрытость некоторых заседаний комиссии [7. Стб. 1486, 1489]. Г.Р. Килевейн во время обсуждения бюджета западных губерний отмечается речью о необходимости скорейшего распространения общих начал земского самоуправления на эти губернии, поскольку в них «местным лицам и местным людям предоставляется чрезвычайно малая роль» [11. Стб. 3111–3112].

Во вторую сессию А.Е. Фаворский выбирается в редакционную комиссию и комиссию по исполнению государственной росписи доходов и расходов [12. Стб. 32]. В последнюю также включают А.А. Савельева (причем в качестве товарища председателя) и В.В. Хвощинского [Там же]. Хвощинский при этом вышел из состава комиссий по запросам и переселенческому делу [12. Стб. 1607]. А.А. Савельев оказыва-

ется переизбран в комиссию по местному самоуправлению [13. С. 36]. В состав финансовой комиссии входит Г.Р. Килевейн [12. Стб. 126]. М.Н. Гришкин избирается в комиссию по переселенческому делу, Н.В. Зуев – в комиссию о торговле и промышленности [14. Стб. 1952; 15. Стб. 561].

В III Думе обсуждался целый пакет так называемых столыпинских реформ, которые были нацелены на модернизацию сельского хозяйства, судебной системы и местного управления. Наиболее известная из этих реформ – аграрная. Она базировалась на положении указа 9 ноября 1906 г., определявшего изменения в порядке крестьянского землевладения и землепользования.

Как и любой другой законодательный акт, изданный без рассмотрения Государственной думой, на основании 87 статьи Основных законов Российской империи он имел временный характер. Силу закона он мог обрести лишь после того, как Государственная дума одобрит соответствующий законопроект, внесенный правительством.

Такой закон был разработан возглавляемым Столыпиным Министерством внутренних дел. Он предусматривал возможность для крестьянина выйти из общины, укрепив в собственность (приватизировав) свой земельный надел.

Конституционно-демократическая партия не одобрила предлагаемую реформу. Отрицательно высказались против нее и нижегородские депутаты-кадеты. Претензии к столыпинскому законопроекту подробно изложил А.А. Савельев. Они заключались, во-первых, в том, что он выработан «в тиши канцелярии», «не согласуясь с намерениями и желаниями не только самого народа, но и тех представителей его, которые здесь находятся». Во-вторых, «совершенное уничтожение общины», по мнению нижегородского депутата, вело «к некоторым, может быть, весьма нежелательным последствиям в будущем, к некоторым затруднениям для самих тех лиц, которые выделяются из общины» [12. Стб. 296, 299].

Савельев готов был признать экономическую неэффективность общины, но настаивал на ее важных социальных функциях: «Говорят, дайте собственнику голую скалу, и он превратит ее в цветущий сад, а дайте самую плодородную землю в общинное владение, и через год-два ее обратят в пустыню. До известной степени, может быть, это и правильно, но община имеет и другие задачи, другие стороны: община – это тот пластырь, который залечивает всякие раны, возникшие на общественном организме в среде нашего хозяйства» [Там же. Стб. 298].

В конечном счете, депутат предлагал отвергнуть законопроект, указав на возможность различного рода спекуляций с землей: «...нельзя себя утешать той мыслью, что у нас создадутся собственники и будут прекрасно обрабатывать землю, что все это у нас пойдет самыми быстрыми шагами к экономическому прогрессу», «...есть признаки того, что земля, может быть, попадет в руки не настоящих земледельцев, а в руки лиц, которые с помощью этой земли пожелают, так сказать, получать доход и обогащаться на счет крестьян» [Там же. Стб. 300].

Своего товарища по фракции поддержал в критике законопроекта и Г.Р. Килевейн. Разъясняя позицию кадетов, он говорил: «Мы спорим не против принципа основного права на выход из общины, а против тех мер, которые дает Указ для этого выхода». Особое внимание депутат обратил на несправедливость процедуры выкупа земли отрубником у общины по цене 1861 г., многократно возросшей за прошедшие полвека. В этой связи Килевейн задал вопрос: «Неужели вы думаете, что в общинах, из которых во многих ощущается малоземелье, не отметят этой несправедливости, т.е. в то время как рядом земля ценится рыночно в 150–200 р., по отношению к общине, согласно уставной грамоте, она будет оцениваться в 40–45 р.» [12. Стб. 823, 828–829].

Возможные противоречия в крестьянской среде, которые могли бы возникнуть в результате таких ценовых разнотчений, по мнению Г.Р. Килевейна, могли иметь только негативные последствия. Он предрек, что столыпинский закон «...внесет в деревню не благосостояние, а нищету масс; вы даете не мир, а взаимное озлобление, вы даете не твердый правовой порядок, а хаос взаимоотношений» [Там же. Стб. 830].

Октябристы, в отличие от кадетов, в целом поддерживали столыпинскую аграрную реформу. Но некоторые из них предлагали при этом такие поправки, которые, по существу, сводили реформу на нет. Так, В.В. Хвощинский в своей речи указывал, что «все то, что представлено нам в этом законе, является основой той аграрной реформы, того аграрного законодательства, которого страна ждет» [Там же. Стб. 869]. Но далее снова следовала критика в адрес разработчиков реформы: «С одной стороны полагали, что личный собственник-крестьянин, получив и закрепив за собою землю, поднимет экономическое состояние свое, так как, владея личной собственностью – землей, он разовьет ту инициативу в земледелии, которая была стесняема прежде, как думали, миром, общинностью владения этой землей. С другой стороны полагали, что личная собственность разовьет в нем такое понятие о собственности, которое сделает этого крестьянина, этого личного собственника, твердой основой для государственности. Как мне кажется, закон 9 ноября и в том, и в другом случае сильно ошибся: закон 9 ноября не создает личной собственности, он создает только укрепление отдельных полос за отдельным крестьянином» [Там же. Стб. 871].

Более того, В.В. Хвощинский пророчил возможный провал реформы. Он говорил: «Мало того, чтобы крестьянину дали отруб, чтобы его тем или другим путем заставить выйти на хуторское хозяйство, ведь нужно, кроме того, чтобы этот крестьянин был способен к тому, чтобы вести это хуторское хозяйство». Но ни способности, ни желания вести такое хозяйство нижегородский депутат у крестьян не видел. В доказательство своей точки зрения В.В. Хвощинский приводил такой аргумент: «Ведь если бы крестьянство стремилось действительно к этому хуторскому хозяйству, то те миллионы десятин земли, которая состоит в ведении Крестьянского Банка, не оставались бы в руках Крестьянского Банка, а были бы давным-давно проданы отдельным крестьянам и давным-давно там

бы начали заводится хутора». В своем спиче он вопрошал: «Зачем же эти опыты построения всего крестьянского землевладения на личной собственности не делать там, на этом земельном фонде, а не делать на крестьянской наделной земле? Как же можно стремиться к тому, чтобы разрушить общину, чтобы разрушить тот мир, который управляет сейчас общиной, когда есть возможность проводить эти опыты, не внося в крестьянское хозяйство того хаоса, который вносится этим законом?» [12. Стб. 873, 874]. В.В. Хвощинский хотел не только сохранить старую крупную общину, но и создать тысячи новых маленьких общин. Именно к этому вело его предложение признать право собственности на землю не за выделившимся из общины домохозяином, а за всей его семьей с предоставлением домохозяину лишь права пользования и распоряжения землей [Там же. Стб. 875–876].

Такой же точки зрения придерживался другой нижегородский депутат-октябрист – А.Е. Фаворский. Если фактический владелец, хозяин семьи, превратится, вместе с тем, и в юридического собственника, спрашивал депутат, то «куда же денется право отдельных членов семьи, право, не отменяемое этим законом, по которому они, при выделе из семьи, имеют право требовать доли в том наделе, которым владеет вся семья, которые имеют право требовать отреза им совершенно отдельной полосы, которые имеют право требовать раздела инвентаря и других сельскохозяйственных принадлежностей, которые имеют право требовать выдела совершенно особого усадебного участка» [12. Стб. 2245–2246].

Многие октябристы считали, что столыпинский законопроект, «выдуманный в тиши канцелярии», может быть принят «только в виду соображений высшей политики», да и то лишь «переработанный во всех деталях, во всех подробностях» [Там же. Стб. 1539]. К таким относился и А.Е. Фаворский. Он считал, что аграрный проект Столыпина включает в себе «массу пробелов». В качестве примера он приводил ситуацию в родном для него селе Павлове, где община «состоит почти из 10 000 душ», при этом у ее членов «совершенно ничтожные наделы», но зато она как целое «имеет у себя в распоряжении богатые луга, имеет богатые, доходные базарные площади, имеет разного рода общинные учреждения». «Как вы примените этот закон, – спрашивал депутат, – к тем общинам, где земля составляет, так сказать, второстепенное подспорье для существования крестьянина, а на самом деле он живет преимущественно кустарным промыслом, занимается выработкой стальных изделий, прядением веревок, валяет сапоги, шьет сбрую и т.д.» [Там же. Стб. 1539–1540].

Особую опасность проведения реформы в предложенном правительством виде А.Е. Фаворский как бывший народник видел в том, что «появится на рынке масса крестьянских участков, предлагаемых к продаже», «их скупят крестьяне, и из этих скупщиков образуются местные кулаки, местные хозяева, местные банкиры, к которым продавшие землю крестьяне пойдут в батраки, в работники» [Там же. Стб. 1541].

В.В. Хвощинский в эту сессию также активно участвует в работе комиссии по государственной обо-

роне. В декабре 1908 г. он выступает от нее докладчиком по законопроекту об увеличении денежного содержания офицерам. В ходе выступления он отмечает необходимость отмены различных удержаний из офицерского жалованья (на покрытия счетов столовых, подписки на праздники, подношения и т.д.), которые «невольны вводят офицеров в такие расходы, которые непосильны их бюджету» [12. Стб. 2803].

В ходе обсуждения сметы расходов Главного интендантского управления он критикует существующую систему организации поставок в армию. В частности, им была отмечена недопустимость передачи заказов ряду организаций только за их политическую аффилиацию с Союзом русского народа и другими правыми партиями. Тезис о том, что необходимо качественно обути и одеть армию, а не думать о поощрении политических организаций в такой форме был поддержан думским центром и оспариван правыми [15. Стб. 1931].

В то же время комиссия, не без участия В.В. Хвощинского, активно содействовала военному министерству в деле улучшения материального положения личного состава российской армии. Были увеличены оклады офицерам, началась выдача пособий при выпуске из военных училищ, а также пособий вновь произведенным офицерам, прибывающим в часть, на обзаведение необходимым хозяйственным инвентарем [12. Стб. 2795].

Говоря о речах В.В. Хвощинского, известного до избрания в депутаты своей деятельностью на посту управляющего Кавказских Минеральных Вод, стоит упомянуть его покровительство по отношению к ранее возглавлявшемуся им учреждению. В ходе рассмотрения законопроекта Министерства торговли и промышленности об установлении субсидий из казны находящимся в ведении министерства минеральным водам (Кавказские, Липецкие, Сергиевские и Старорусские), он, выступая докладчиком от комиссии, отметил, что Кавказские Минеральные Воды занимают «совершенно отдельное место в хозяйстве государственных курортов», и предложил передать на их развитие большую часть выделяемых средств [Там же. Стб. 60, 64–65]. Кроме того, им было особо подчеркнуто, что государственное управление курортами неэффективно и необходима их передача в частные руки с сохранением лечебных функций при контроле со стороны правительства [Там же. Стб. 70].

А.В. Иконников отметил в ходе второй сессии выступлением по законопроекту о предоставлении чинам уездной полицейской стражи права на получение суточных денег. В ходе него он подверг критике сам институт стражников, отмечая, что они «передвигаются совсем не для надобностей, указанных в законе» и что профильной комиссии следовало бы задуматься над реорганизацией, а не вносить «частичные поправки в этот, по существу, нежелательный, вредный в русской жизни институт» [16. Стб. 490–491].

Н.В. Зуев подверг критике другой законопроект – об устройстве новых поверочных палаток и взимании сбора на повторную проверку мер и весов. По его словам, каждая проверка, стоящая денег и требующая доставки весов в губернский город, приводит на практике к тому, что они после переклеймовки уже негод-

ны, поскольку ее осуществляют простые кузнецы [16. Стб. 2738–2739].

В третью сессию А.В. Иконников избирается в бюджетную комиссию и отказывается от участия в работе комиссии по народному образованию [16. Стб. 2698; 17. Стб. 393]. В финансовую переизбирается Г.Р. Килевейн [17. Стб. 259]. Также он входит в состав комиссии по борьбе с пожарами [18. Стб. 2100]. В.В. Хвощинский входит в состав комиссии по запросам [17. Стб. 259]. В комиссию по исполнению государственной росписи доходов и расходов избирают А.А. Савельева (вновь в качестве товарища председателя) и А.Е. Фаворского [Там же. Стб. 259]. Последний также переизбирается в редакционную комиссию [Там же].

Еще одним важнейшим вопросом в работе III Думы, относящимся также к пакету столыпинских реформ, был вопрос о реформе местного суда. Сначала этот законопроект был внесен в I Думу, которая не успела его рассмотреть. II Дума начала над ним работу, но была распущена. III Думе пришлось рассматривать этот вопрос фактически с самого начала. Согласно проекту реформы предполагалось создание единой системы всесословных местных (сельских) судов – низшего звена юстиции. Они должны были прийти на смену крестьянским волостным судам, которые руководствовались больше местными обычаями, нежели писаными законами [19. Л. 2–96].

Упразднение крестьянского волостного суда вызвало серьезные дискуссии в среде общественности. Одни полагали, что крестьяне имеют право на суд, где дела решались бы в упрощенном порядке на основе местных обычаев. Другие считали, что только вхождение крестьян в единое с остальным населением правовое поле поможет ликвидировать их неравноправие и побороть несовершенство крестьянского суда, в котором многое зависело от взяточничества и личных пристрастий [20. С. 155–156].

Интересно, что оппозиционная партия кадетов, обычно отвергавшая все столыпинские законопроекты, поддержала основные начала предполагавшейся реформы. Г.Р. Килевейн, участвовавший в работе профильной думской комиссии, так изложил партийную позицию: «Положение правосудия на местах настолько отчаянное, что далее терпеть с этим вопросом невозможно. Ныне параллельно действуют: волостной суд, суд земских начальников, суд городских судей и суд уездных членов окружного суда. Одна многочисленность этих инстанций создает чрезвычайную ситуацию в вопросе о подсудности. Мы стараемся ввести в судопроизводство такие изменения, которые дали бы нам суд близкий к народу, и пользующийся его авторитетом, скорый и независимый... чтобы он был на страже законности не только по отношению к населению, но и к власти» [17. Стб. 1492–1499].

Его поддержал другой кадет-нижегородец А.А. Савельев, который при первом чтении законопроекта отмечал: «Важнейшей стороной этого проекта я считаю замену выборными мировыми судьями, с одной стороны, сословных крестьянских судов, а с другой – административно-судебной власти земских

начальников» [17. Стб. 1512]. Кадеты требовали максимально демократизировать суд, применять только выборное начало для замещения судебных должностей и отдавать при этом приоритет образовательному, а не имущественному цензу.

Октябристы в целом тоже выступали за отмену волостного суда. В то же время некоторые из них полагали, что это учреждение можно, реформировав, сохранить. Одним из таких депутатов был А.Е. Фаворский. В отличие от Г.Р. Килевейна и А.А. Савельева, апеллировавших к необходимости единства закона и суда для всех, он отстаивал право крестьян на самобытность, поскольку «в решениях волостных судов, которые руководились обычаем более, нежели писаным законом, несомненно, сказалась и должна была сказаться та идея правды и справедливости, которая в совести крестьян, в совести простолюдинов, безусловно, есть, без наличия которой в жизни человеку простому жить невозможно, без наличия такого принципа бесконечные обиды и притеснения жить ему не дадут» [Там же. Стб. 1676].

А.Е. Фаворский в ходе третьей сессии также принимает участие в обсуждении проблем образования и организации поставок в армию. Так, при обсуждении сметы Министерства просвещения бюджетная комиссия сочла нужным отклонить ассигнования на покупку земель в Москве, Санкт-Петербурге и Вильно для постройки зданий гимназий. Мотивировалось это большой величиной сумм, а также тем, что «гимназические пансионы, как воспитательные заведения, не имеют очень высокой репутации действительного хороших воспитательных заведений» [18. Стб. 46]. Фаворский оказался одним из немногих, кто настаивал на необходимости выделения требуемых средств. Особенно важно, по его мнению, было выделить 218 тыс. руб. на покупку участка для постройки своего здания Московской пятой классической гимназии. Аргументировал парламентарий это тем, что аренда помещений обходится очень дорого, к тому же расходуемые на нее средства учебного заведения «существуют не для того, чтобы заменять казенную ассигновку, которая должна быть своевременно сделана на постройку здания» [Там же. Стб. 51].

В ходе обсуждения сметы Главного интендантского управления Фаворский как представитель партии буржуазии поднимает вопрос о необходимости защиты рисков подрядчиков, «чтобы казна была поставлена при подрядах в такое положение, в каком находится и подрядчик, чтобы она всегда была ответственна» [Там же. Стб. 1241]. Г.Р. Килевейн, помимо прений по вопросам правосудия, выступает в роли докладчика финансовой комиссии по законопроекту об отпуске средств на постройку моста через р. Лисварту и об отказе казны от привилегии на взимание тарифного сбора за проезд по нему [21. Стб. 939]. Также он участвует в обсуждении законопроекта Министерства финансов о борьбе с повышением цен на сахар. Законопроект предусматривал в качестве мер борьбы снижение пошлин на импортный сахар. Килевейн, поддерживая его от имени кадетской фракции в целом, одновременно заявлял о необходимости пере-

смотра существующего законодательства в отношении сахарного производства [18. Стб. 2427–2428].

А.А. Савельев отмечает, помимо выступления по реформе местного суда, критикой законопроекта о введении земства в Западном крае. По его мнению, этот проект передает управление местными делами не в руки местных людей, а в руки правительства, тем самым превращая идею земства в фикцию. Более того, нормы проекта, насаждая обрусение и уничтожение польского влияния, преследуют, по мнению Савельева, задачи, которые в принципе чужды самоуправлению. Неудивительно, что в конце своего анализа законопроекта он призывает его отклонить, поскольку в противном случае «престиж русского правительства будет тем понижен, а любовь к русскому народу окончательно пропадет» [22. Стб. 1145–1146].

В.В. Хвощинский неожиданно близко воспринял проблемы землеустройства. Комментируя соответствующий законопроект, он настаивал, что частновладельческими могут быть земли только тех лиц, которые не владели надельными землями. И хотя его речь была поддержана десятью другими депутатами, общее собрание не поддержало эту поправку [17. Стб. 257–258].

Н.В. Зуев запомнился в третью сессию лишь своей критикой налоговой политики государства при обсуждении бюджета. Так, ставка налога на городскую недвижимость в размере 6% была сочтена им чрезмерной [Там же. Стб. 3500]. Справедливой, по его мнению, была бы ставка в 5%, однако Дума большинством голосов отклонила это предложение.

В четвертую сессию в комиссию по исполнению государственной росписи доходов и расходов переизбирают А.А. Савельева и А.Е. Фаворского [23. Стб. 237–238]. Последний также в очередной раз переизбирается в редакционную комиссию, однако уже через несколько дней выходит из ее состава [Там же. Стб. 238, 747]. То же самое проделывает с сельскохозяйственной комиссией Г.Р. Килевейн [24. Стб. 1266, 2045]. Из состава согласительной комиссии по законопроекту об установлении нового штата Главного казначейства выходит А.А. Савельев [23. Стб. 1163]. При этом он продолжает работать в комиссии по местному самоуправлению [25. С. 301].

Вновь переизбранным в финансовую комиссию оказывается Г.Р. Килевейн [22. Стб. 3206]. В нее же избирают и А.В. Иконникова, который, кроме того, становится членом бюджетной комиссии [Там же. Стб. 1878, 3205]. М.Н. Гришкин и Н.В. Зуев работают в комиссии по делам православной церкви [25. С. 69]. В.В. Хвощинский входит в состав согласительной комиссии по законопроекту о преобразовании государственного ополчения [Там же. С. 459].

Наиболее активным из нижегородских депутатов в четвертую сессию становится А.А. Савельев. В ходе обсуждения законопроекта о введении всеобщего начального обучения он подвергает критике церковно-приходские школы. Им отмечается необходимость финансирования за счет средств Министерства просвещения в первую очередь новых, «гражданских» школ [24. Стб. 555–558].

Также он выступает и за либерализацию семейных отношений. При обсуждении законопроекта о разделъ-

ном жителстве супругов, который был поддержан комиссией по судебным реформам, А.А. Савельев возражает представителю правых Н.Е. Маркову, видевшему в женщине в первую очередь работницу и помощницу для крестьянина, что русский народ смотрит на женщину, которая еще является «существом бесправным», уже другими глазами [24. Стб. 1659].

Важным для А.А. Савельева как депутата-земца был и законопроект о волостном управлении. Наиболее необходимым, по его мнению, являлось отсекание от волостного земства административных функций: «...по возможности, сократить все то, что представляется в проекте не земским, не чисто хозяйственным». Не менее важной для депутата была и независимость земства, его свобода от «давления со стороны местной администрации» [26. Стб. 1333].

Г.Р. Килевейн в январе 1911 г. выступает докладчиком от финансовой комиссии по законопроекту об установлении в доход Нижнего Новгорода и Нижегородской ярмарки сбора с грузов [24. Стб. 688–689]. Ранее этот сбор с каждого пуда грузов взимался на протяжении длительного времени – с 1836 по 1903 г. Затем этот вопрос был вновь возбужден Нижегородской городской думой, и, благодаря тесным связям с ней и Г.Р. Килевейна, и А.А. Савельева, законопроект был принят в очень сжатые сроки [Там же. Стб. 700].

А.Е. Фаворский в четвертую сессию упоминается в числе депутатов-прогульщиков. Правда, в конце 1910 г. он без уважительной причины пропустил всего лишь одно заседание (для сравнения: прогрессист М.Н. Бардыгин за этот период пропустил 15 заседаний) [Там же. Стб. 1651].

В ходе обсуждения сметы Министерства торговли и промышленности он выступает с программной речью, в которой указывает приоритетные направления работы для Министерства. К их числу относится улучшение условий труда, в том числе таких, при которых народ «наиболее полезно и производительно» может действовать. Ставит он вопрос и о необходимости технических школ и защиты прав производителей, поскольку в законодательстве отсутствует понятие торгового знака. Упрекает Фаворский власти и в недостаточном внимании к Павловскому району: «Наши изделия видели только на выставках, наградили многих из нас медалями и орлами, не справляясь в действительности, к чему идет наш торговый промышленный район» [26. Стб. 15–22].

В.В. Хвощинский в четвертую сессию продолжает плодотворно работать в комиссии по государственной обороне, выступая в качестве докладчика от нее при обсуждении законопроектов об изменении закона о дополнительном сверхсметном ассигновании Военному министерству 15 500 тыс. руб. и о смете Главного интендантского управления. При обсуждении последнего он высказывает замечания представителям ведомства за завышение сметы. По его мнению, в условиях, когда не происходит увеличения численности армии вообще и нижних чинов в частности, нецелесообразно испрашивание новых кредитов на вещевое и продуктовое довольствие [26. Стб. 533].

Интересным выглядит участие нижегородских парламентариев в голосовании при обсуждении законода-

тельной инициативы ряда депутатов по отмене ограничений по передвижению и проживанию евреев. Если часть думцев считала возможным передачу ее в соответствующую комиссию, то более трети депутатов не считали возможным обсуждать этот вопрос в принципе. В итоге из числа 208 проголосовавших «за» предсказуемо оказались кадеты Г.Р. Килевейн, А.А. Савельев и А.В. Иконников, а вот среди октябристов единства не было: А.Е. Фаворский выступил за, в то время как Н.В. Зуев – против [24. Стб. 1610–1612].

В пятую сессию Г.Р. Килевейн избирается в состав финансовой комиссии, В.В. Хвошинский – в комиссию по запросам, А.А. Савельев и А.Е. Фаворский – в комиссию по исполнению государственной росписи доходов и расходов [26. Стб. 3924–3925; 27. Стб. 283, 284].

Также нижегородские депутаты оказываются избранными в значительное количество согласительных комиссий, создаваемых для решения разногласий по законопроектам между Думой и Государственным Советом. Сразу в шесть таких комиссий избирается в течение сессии Г.Р. Килевейн, что говорит о высоком доверии фракции к нему [27. Стб. 856, 1547; 28. Стб. 1906, 3515, 3844]. Примечательно, что А.А. Савельев совместно с ним входит в состав согласительной комиссии по законопроекту об установлении сбора привозимых на Нижегородскую ярмарку и в Нижний Новгород товаров [27. Стб. 1547].

Как и в предыдущую сессию, самым активным нижегородским депутатом становится А.А. Савельев. В ноябре 1911 г., комментируя речь председателя Совета министров по вопросу оказания продовольственной помощи населению, пострадавшему от неурожая губерний, он высказывает недовольство нормами существующего законодательства. Ситуация, в которой целый ряд губерний оказывается в состоянии неурожая, требует, по его мнению, проведения реформ, в том числе и нормативного характера: «...те временные правила, которыми мы должны руководствоваться как законом, и по признанию самого председателя Совета министров не годны, а других нет» [Там же. Стб. 1546].

Как и в предыдущие сессии, он не обходит вниманием вопросы земских реформ. В своем выступлении при обсуждении законопроекта о введении земских учреждений в Астраханской губернии Савельев предстает как типичный кадетский ритор: по его мнению, необходимы новые реформы уже существующего земства, а также распространение земской реформы на Сибирь [29. Стб. 425–426].

В качестве докладчика комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов Савельев продолжает критиковать правительство. На этот раз предметом критики становится сама система формирования государственных смет, при которой доходы показываются в преуменьшенном виде, а расходы – не полностью [29. Стб. 886].

Критикует он и, казалось бы, близкий для него как историка-архивиста законопроект о мерах к охранению памятников древности. Выступая за снятие его с обсуждения, Савельев отмечает, что он недостаточно хорошо разработан (не прописан статус

архивных комиссий местных учреждений, не указаны условия произведения раскопок местным населением), в результате чего придется его либо отклонить (что нежелательно), либо принимать в несовершенном виде [28. Стб. 4001].

В пятую сессию в Думе вновь обсуждался законопроект о реформе местного суда. Государственный Совет внес в него значительные правки, сохранив волостной суд и во многом ограничив выборное начало для мировых судей [20. С. 216–217]. Согласительная комиссия поддержала большинство из них. При обсуждении его доклада в Думе разгорелись дебаты. Часть депутатов настаивала на возвращении исправленного законопроекта в комиссию по судебным реформам для нового его обсуждения. Особенно в этом были заинтересованы кадеты (в том числе и голосовавшие за передачу А.А. Савельев и А.В. Иконников), против были в основном правые и октябристы (из нижегородцев против проголосовали А.Е. Фаворский, В.В. Хвошинский, Н.В. Зуев) [28. Стб. 1603–1606].

При обсуждении доклада согласительной комиссии А.А. Савельев активно защищал выборное начало для председателей апелляционной инстанции (съезда мировых судей), поскольку, с его точки зрения, именно выборное начало – основа прочной конструкции проектируемого судебного института. Также им защищалось сохранение полностью выборных судей и выборного председателя апелляции в Нижнем Новгороде [Там же. Стб. 2026–2027].

А.Е. Фаворский в пятую сессию привлекается комиссией по исполнению государственной росписи доходов и расходов в качестве докладчика [29. Стб. 970–979]. Как и в предыдущей сессии, он упоминается в числе депутатов-прогульщиков, причем пропускает без уважительной причины уже три заседания [28. Стб. 1247].

По-прежнему ему близки проблемы предпринимательства. При обсуждении законопроекта об издании устава рыболовства он настаивает на необходимости введения собственников рыбных ловлей в состав рыболовных комитетов. Также им говорится о необходимости распространения знаний о рыболовстве посредством создания соответствующего курса в сельских учебных заведениях [29. Стб. 2958–2962]. Подчеркивает он и необходимость законодательного запрета не только на торговлю, но и на приготовление и употребление в пищу незаконно выловленной рыбы [Там же. Стб. 3102–3103].

Не чужды А.Е. Фаворскому были и вопросы образования, особенно в их связи с конечными знаниями и умениями выпускников образовательных учреждений. При обсуждении смет Министерства просвещения он, опираясь на собственный опыт попечителя Павловского кустарного района, отмечает необходимость привязки программ в ремесленных и промышленных школах к профессиональным торгово-промышленным школам. По его словам, подобный шаг требуется в целях повышения теоретической подготовки будущих ремесленников, поскольку, как выясняется, многие из них не в состоянии подсчитать стоимость собственного производства [30. Стб. 2381–2382].

Также он поддерживает инициативу по увеличению содержания младшего преподавательского состава при обсуждении законопроекта о новых штатах Московского сельскохозяйственного института. По мнению А.Е. Фаворского, низкое жалование может привести к тому, что «интеллигентные работники, окончивши курс, не в состоянии будут оставаться для того, чтобы готовить себя к профессорскому званию» [28. Стб. 1274].

В.В. Хвощинский в течение пятой сессии один раз выступает в качестве докладчика от комиссии по запросам и десять раз – от комиссии по государственной обороне [28. Стб. 914–918, 3761–3773; 29. Стб. 581–585; 30. Стб. 1442, 2205, 2208, 2209]. Г.Р. Килевейн, в силу занятости в большом количестве согласительных комиссий, ограничивается лишь выступлением по законопроекту об упорядочивании платиновой промышленности и мерах к улучшению ее положения [28. Стб. 3467]. А.В. Иконников сталкивается с проблемой судебного преследования. В октябре 1911 г. в Думу поступает из Министерства юстиции копия постановления судебного следователя Нижегородского окружного суда о его привлечении в качестве обвиняемого по п. 2 ст. 341 (превышение власти) и ст. 362 (служебный подлог) Уложения о наказаниях [27. Стб. 862]. Это, видимо, сказывается на его публичной активности, хотя думская комиссия по личному составу приняла

решение не применять к нему никаких мер, связанных с ограничением прав [31. С. 466–467].

Подводя итоги деятельности нижегородских парламентариев в III Думе, нужно отметить, что их активность, как и в Думе предыдущих созывов, зависела от опыта их деятельности. Именно с этим связана активность таких депутатов, как А.А. Савельев, В.В. Хвощинский, А.Е. Фаворский, Г.Р. Килевейн. При этом, не смотря на свой опыт депутата и земского деятеля, довольно блекло на их фоне выглядел А.В. Иконников. Фактически в тени оказались Н.В. Зуев и М.Н. Гришкин, для которых было непривычно участие в обсуждении вопросов общероссийского масштаба. На протяжении работы в III Думе наиболее активные нижегородцы занимали определенные тематические ниши (хотя периодически и выступали по иным вопросам): В.В. Хвощинский – проблемы государственной обороноспособности и функционирования армии, А.А. Савельев – вопросы права и самоуправления, Г.Р. Килевейн – развитие экономики, А.Е. Фаворский – развитие предпринимательства. Деятельность вышеназванных четырех депутатов была довольно продуктивной и высоко оценена в их фракциях, что подтверждается делегированием в значительное количество комиссий, а также выступлениями в качестве докладчиков от них по различным законопроектам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинин Б.Ю., Родионова Ю.В., Шустрова Е.И. Нижегородцы в российском императорском парламенте (1906–1917 гг.) // Сто лет российского парламентаризма: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижегород, 7 апреля 2006 г.). Н. Новгород, 2006. С. 166–171.
2. Сорокин А.А. Деятельность нижегородских депутатов в I Государственной Думе (1906 г.) // Власть и общество в провинции : сб. материалов науч. конф., посвящ. 240-летию Тульской губернии. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2017. С. 387–395.
3. Сорокин А.А. Деятельность нижегородских депутатов во II Государственной Думе (1907 г.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв. : материалы XVII Междунар. науч. конф. (Иваново, 28–29 марта 2018 г.). Иваново : Иван. гос. ун-т, 2018. С. 526–532.
4. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 24: Нижегородская губерния. СПб., 1903.
5. Государственная дума Российской империи. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1: Государственная дума Российской империи. М., 2006.
6. Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия I. СПб., 1908.
7. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия I. Ч. I. СПб., 1908.
8. Комиссии Государственной Думы. Личный состав комиссий к 31 января 1909 г. СПб., 1909.
9. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия I. Ч. II. СПб., 1908.
10. Соловьев К.А. Работоспособное ядро Третьей Государственной думы: численность и состав // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : междунар. науч. конф. (С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2015 г.) : сб. науч. статей / под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2016. Ч. I. С. 126–132.
11. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия I. Ч. III. СПб., 1908.
12. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II. Ч. I. СПб., 1908.
13. Комиссии и отделы Государственной Думы. Личный состав комиссий к 31 января 1910 г. СПб., 1910.
14. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II. Ч. II. СПб., 1909.
15. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II. Ч. III. СПб., 1909.
16. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия II. Ч. IV. СПб., 1909.
17. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия III. Ч. I. СПб., 1910.
18. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия III. Ч. II. СПб., 1910.
19. Российский государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 1164.
20. Сорокин А.А. Вопрос о реформе местного суда Российской империи: власть и общество (1889–1912 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2017. 262 с.
21. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия III. Ч. II. СПб., 1910.
22. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия III. Ч. IV. СПб., 1910.
23. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия IV. Ч. I. СПб., 1910.
24. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия IV. Ч. II. СПб., 1911.
25. Государственная Дума. Третий созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. 1910–1911 гг. СПб., 1911.
26. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия IV. Ч. III. СПб., 1911.
27. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия V. Ч. I. СПб., 1911.
28. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия V. Ч. IV. СПб., 1912.
29. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия V. Ч. II. СПб., 1912.
30. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия V. Ч. III. СПб., 1912.
31. Государственная Дума. Третий созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. 1911–1912 гг. СПб., 1912.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 октября 2018 г.

Deputies from Nizhny Novgorod in the III State Duma of the Russian Empire (1907–12)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 174–183.

DOI: 10.17223/15617793/443/22

Alexander A. Sorokin, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: skaliger1989@yandex.ru

Keywords: State Duma; M.N. Grishkin; N.V. Zuev; A.V. Ikonnikov; Party of Constitutional Democrats; G.R. Kilevein; Nizhny Novgorod Province; Union of 17th October; A.A. Saveliev; A.E. Favorsky; V.V. Khvoshchinskiy.

This article is devoted to the activity of deputies from Nizhny Novgorod Province in the IIIrd State Duma (1907–12). The author examines the social origin, property status and experience of political activities of Nizhny Novgorod deputies. A conclusion is made about the influence of the new electoral legislation on the class composition of the deputies in the IIIrd State Duma. The distribution of Nizhny Novgorod deputies in the Duma political parties is considered. The main features inherent in the policy of these parties are indicated. The article shows the representation of Nizhny Novgorod deputies in the Duma committees. Official documents of the State Duma, including verbatim records of its meetings, serve as a source base. The article discusses the activities of Nizhny Novgorod deputies during each of the Duma sessions. The analysis of frequency, periodicity and content of speeches reveals the most active deputies from Nizhny Novgorod. These are G.R. Kilevein, A.A. Saveliev, A.E. Favorsky, V.V. Khvoshchinskiy. The author comes to a conclusion that the activity of Nizhny Novgorod deputies in the IIIrd State Duma, as in the Duma of previous convocations, depended on their experience. This shows in the activity of the deputies G.R. Kilevein, A.A. Saveliev, A.E. Favorsky, V.V. Khvoshchinskiy. Deputy A.V. Ikonnikov, in spite of his experience of a deputy and a provincial figure, looked rather pale on their background. In fact, deputies N.V. Zuev and M.N. Grishkin with little experience in the discussions at the national scale also were in the shadow. Starting with the third session, only four of the Nizhny Novgorod deputies do the bulk of the work: G.R. Kilevein, A.A. Saveliev, A.E. Favorsky, V.V. Khvoshchinskiy. A.A. Saveliev and V.V. Khvoshchinskiy were the most active deputies of Nizhny Novgorod. During the IIIrd Duma, the most active Nizhny Novgorod deputies had a certain thematic niche (though sometimes spoke on other issues): V.V. Khvoshchinskiy's niche was problems of the state defence capacity and army functioning, A.A. Saveliev spoke on the issues of law and self-government, G.R. Kilevein on economic development, A.E. Favorsky on the development of entrepreneurship. The participation of some deputies in the conciliation committees of the State Duma and the State Council shows their high political authority. The activity of active Nizhny Novgorod deputies was quite productive and highly appreciated by their factions. This is confirmed by their delegation to a large number of committees, as well as their presentations on various draft laws.

REFERENCES

1. Kalinin, B.Yu., Rodionova, Yu.V. & Shustrova, E.I. (2006) [Nizhny Novgorod in the Russian Imperial Parliament (1906–1917)]. *Sto let Rossiyskogo parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [One Hundred Years of Russian Parliamentarism: Past and Present]. Proceedings of the International Conference. Nizhny Novgorod. 7 April 2006. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University. pp. 166–171. (In Russian).
2. Sorokin, A.A. (2017) [The activities of the Nizhny Novgorod deputies in the I State Duma (1906)]. *Vlast' i obshchestvo v provintsii* [Power and society in the province]. Proceedings of the conference on the 240th anniversary of the province of Tula. Tula: Tula State Pedagogical University. pp. 387–395. (In Russian).
3. Sorokin, A.A. (2018) [The activities of the Nizhny Novgorod deputies in the II State Duma (1907)]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vv.* [State, society, church in the history of Russia of the 20th–21st centuries]. Proceedings of the XVII International Conference. Ivanovo. 28–29 March 2018. Ivanovo: Ivanovo State Pedagogical University. pp. 526–532. (In Russian).
4. Anon. (1903) *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti* [Proceedings of local committees on the needs of the agricultural industry]. Vol. 24. St. Petersburg: Tipografiya "Narodnaya pol'za".
5. Shelokhaev, V.V. (ed.) (2006) *Gosudarstvennaya duma Rossiyskoy imperii. Entsiklopediya: v 2 t.* [State Duma of the Russian Empire. Encyclopedia: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
6. State Duma. (1908) *Obzor deyatel'nosti komissiy i otdelov. Tretiy sozyv. Sessiya I* [Overview of committees and departments. The third convocation. Session I]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
7. State Duma. (1908) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya I. Ch. I* [Stenographic reports. The third convocation. Session I. Part I]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
8. State Duma. (1909) *Komissii Gosudarstvennoy Dumi. Lichnyy sostav komissiy k 31 yanvarya 1909 g.* [State Duma Committees. The staff of the committees by January 31, 1909]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
9. State Duma. (1908) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya I. Ch. II* [Stenographic reports. The third convocation. Session I. Part II]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
10. Solov'ev, K.A. (2016) [The operable core of the Third State Duma: the number and composition]. *Tavricheskie chteniya 2015. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Tavria readings in 2015. Topical issues of parliamentarism: history and modernity]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg. 10–11 December 2015. Pt. 1. St. Petersburg: Izd-vo "ElekSis". pp. 126–132. (In Russian).
11. State Duma. (1908) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya I. Ch. III* [Stenographic reports. The third convocation. Session I. Part III]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
12. State Duma. (1908) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya II. Ch. I* [Stenographic reports. The third convocation. Session II. Part I]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
13. State Duma. (1910) *Komissii Gosudarstvennoy Dumi. Lichnyy sostav komissiy k 31 yanvarya 1910 g.* [State Duma Committees. The staff of the committees by January 31, 1910]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
14. State Duma. (1909) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya II. Ch. II* [Stenographic reports. The third convocation. Session II. Part II]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
15. State Duma. (1909) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya II. Ch. III* [Stenographic reports. The third convocation. Session II. Part III]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
16. State Duma. (1909) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya II. Ch. IV* [Stenographic reports. The third convocation. Session II. Part IV]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
17. State Duma. (1909) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya III. Ch. I* [Stenographic reports. The third convocation. Session III. Part I]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
18. State Duma. (1910) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya III. Ch. III* [Stenographic reports. The third convocation. Session III. Part III]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
19. Russian State Historical Archive. Fund 1278. List 1. *II sozyv* [The second convocation]. File 1164.

20. Sorokin, A.A. (2017) *Vopros o reforme mestnogo suda Rossiyskoy imperii: vlast' i obshchestvo (1889–1912 gg.)* [The question of the reform of the local court of the Russian Empire: power and society (1889–1912)]. History Cand. Diss. N. Novgorod.
21. State Duma. (1910) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya III. Ch. II* [Stenographic reports. The third convocation. Session III. Part II]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
22. State Duma. (1910) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya III. Ch. IV* [Stenographic reports. The third convocation. Session III. Part IV]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
23. State Duma. (1910) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya IV. Ch. I* [Stenographic reports. The third convocation. Session IV. Part I]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
24. State Duma. (1911) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya IV. Ch. II* [Stenographic reports. The third convocation. Session IV. Part II]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
25. State Duma. (1911) *Tretiy sozyv. Obzor deyatel'nosti komissiy i otdelov. 1910–1911 gg.* [The third convocation. Overview of committees and departments. 1910–1911]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
26. State Duma. (1911) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya IV. Ch. III* [Stenographic reports. The third convocation. Session IV. Part III]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
27. State Duma. (1911) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya V. Ch. I* [Stenographic reports. The third convocation. Session V. Part I]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
28. State Duma. (1912) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya V. Ch. IV* [Stenographic reports. The third convocation. Session V. Part IV]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
29. State Duma. (1912) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya V. Ch. II* [Stenographic reports. The third convocation. Session V. Part II]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
30. State Duma. (1912) *Stenograficheskie otchety. Tretiy sozyv. Sessiya V. Ch. III* [Stenographic reports. The third convocation. Session V. Part III]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
31. State Duma. (1912) *Tretiy sozyv. Obzor deyatel'nosti komissiy i otdelov. 1911–1912 gg.* [The third convocation. Overview of committees and departments. 1911–1912]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.

Received: 19 October 2018

А.О. Степнов, С.Ф. Фоминых

ПО СТРАНИЦАМ ШТРАФНОЙ КНИГИ: СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ И ПРАКТИКИ СОПРОТИВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСТВА ДИСЦИПЛИНАРНОМУ НАДЗОРУ В ИМПЕРАТОРСКОМ ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (1893–1899 гг.)

*Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России,
проект № 33.1687.2017/4.6.*

Исследуется реализация системы наказаний студентов, отраженная в Штрафной книге Императорского Томского университета, как хроника психологических предпосылок массового протеста. Выдвигается положение, согласно которому целенаправленное нарушение суровых правил, регулировавших жизнь студента и вне университета, позволяет рассматривать их как практики сопротивления тотальному контролю. Отмечается, что протестный дискурс и стратегии протестных действий выстраивались по линиям коллективизации, открытого вызова и ложного уклонения, ярким проявлением чего был символический маскарад.

Ключевые слова: Штрафная книга; история студенчества; система наказаний; протестный дискурс; студенческие волнения 1899 г.; Императорский Томский университет.

24 февраля 1899 г. в Императорском Томском университете (ИТУ) среди студентов «было заметно особенное движение». С утра они не расходились после лекций. Шло обсуждение некоего вопроса, о котором руководство вуза и инспекция студенчества оставались непросвещенными. Попытки пресечь несанкционированную активность не увенчались успехом: к полудню студенты стали собираться в 1-й аудитории главного корпуса. Учащиеся Данилов и Чембаров поочередно с листа писчей бумаги зачитывали здесь для прибывающих воззвания.

Требования инспектора студентов В.П. Григоровского и его помощника Н.Ю. Корниловича о немедленном прекращении сходки не возымели должного эффекта. Больше того, с разных концов обширной аудитории стали раздаваться крики: «Ректора!». Студенты Данилов и Еланцев после очередного визита другого помощника – инспектора И.В. Краснянского – приватно посоветовали ему удалиться. «Студенты возбуждены и могут сильно оскорбить» [1. С. 199], – предупредили они.

Вскоре аудиторию почтил присутствием исправляющий должность ректора ординарный профессор по кафедре судебной медицины с токсикологией М.Ф. Попов. Разумеется, участники стихийного мероприятия не могли не знать о запрете «всяких сборищ и сходок с целью обсуждения каких-либо дел обща, публичных речей», ведь положение это было недвусмысленно выведено в 15-м параграфе 3-го раздела «Правил для студентов университета» [2. С. 12]. Сославшись на устав, напомнил им об этом и профессор Попов, предложив подчиниться требованиям инспекции. Студенты, однако, отказались покинуть аудиторию [1. С. 199].

1899-й – год массовых студенческих волнений, охвативших университетские центры Российской империи. Начались они в Санкт-Петербурге 8 февраля, в день торжественного акта, посвященного 80-летию местного университета, когда продолжительным свистом была встречена речь ректора профессора В.И. Сергеевича, «оскорбительное» объявление кото-

рого (с предупреждением об ответственности за нарушение порядка) от 4 февраля того же года вызвало негодование в среде студентов. По окончании акта группа учащихся, не сумев перейти через перекрытый полицией Дворцовый мост в сторону Невского проспекта, направилась вдоль по набережной. На Румянцевской площади произошло столкновение студентов с отрядами конной полиции.

Хотя в докладе генерала П.С. Ванновского, составленном по результатам расследования специальной комиссии, назначенной императором по ходатайству академиков А.Н. Бекетова и А.С. Фаминцына, отмечалось, что «нарушение порядка в день годового праздника находится лишь в весьма отдаленной связи с последовавшими затем беспорядками» [3. С. 59], именно противоречивые сведения о событиях дня 8 февраля эхом пронесли по всей стране. Дошли они и до самого отдаленного университетского города России – Томска. Н.Ю. Корнилович запомнил отдельные фразы из письма, зачитанного 24 февраля в главном корпусе ИТУ студентом Ильинским: «...8 февраля, в Петербургском университете... Студентов били, жандармы топтали лошадьми, кровь лилась по тротуарам...» [1. С. 199–200].

Выводы комиссии носили компромиссный характер. Отказываясь от эскалации большого конфликта, в докладе Ванновского была избрана «мягкая» тактика: ответственность за происшедшее разделялась между учебным начальством (ректором, инспектором и его помощниками, профессорами и преподавателями С.-Петербургского университета), «смотревшим снисходительно на совершающееся в его глазах нарушение студентами установленных правил»; полицией, в частности нижними чинами с их «грубым обращением с публикою и студентами» и «самовольным употреблением нагаек»; наконец, студентами, «дозволившими себе выразить на торжественном акте публичное неудовольствие своему непосредственному начальству – ректору», «участвовавшими затем в недозволенных сходках» и «предпринявшими забастовку в целях закрытия университета» [3. С. 61–63].

К тому же необходимо добавить, что, как отмечал в заметке из сборника «Студенческое движение 1899 г.» анонимный автор, по словам редакторов В.Г. и А.К. Чертковых, «выражавший, действительно, отголосок большей и лучшей части русского общества в первый период студенческой истории», молодежь «скорее» сомневалась в «плодотворности миссии генерала Ванновского», чем наоборот [4. С. 24]. Другой аноним – студент С.-Петербургского университета в заметке из того же сборника не без иронии писал: «После доклада комиссии Ванновского, ничего существенного и всестороннего в себе не заключавшего, последовала царская резолюция: выговор студентам, полиции и обществу!» [5. С. 34].

Неоднозначным, как для современников событий, так и для потомков, представляется вопрос о характере волнений. Если Р. Пайпс видел в них «начало движения протеста против самодержавия», «не стихавшего уже вплоть до революционных событий 1905–1907 гг.», и события, «не просто предвосхитившие 1917 год, но и прямо приведшие к нему», а также, со ссылкой на мнение Е.Н. Трубецкого, начало «общего кризиса государства» [6], то один из названных анонимных авторов подчеркивал, что волнение «не было несомненно вызвано никакими политическими партиями» [4. С. 24]. Схожей позиции придерживался бывший студент 5-го курса медицинского факультета Томского университета, участник волнений 1899 г. К.М. Гречищев, так позднее вспоминая о студенческой забастовке: «Она по характеру своему не была революционным движением, а только академическим» [7. С. 393]. На очередной студенческой сходке, состоявшейся в университете 2 марта 1899 г., он произнес такие слова: «За что мы боремся? За права, достоинства человека, которых не хотят признать в студентах». И далее: «Студенту отказывают в том, в чем не отказывают каторжнику» [1. С. 210]. И спустя годы Гречищев писал о «борьбе с произволом» и «борьбе за неприкосновенность личности» как о приоритете 1899 г., который в своей стихийности и непосредственности оказался далек от 1905 и, тем более, от 1917 г.

Все это делает актуальным исследование истоков случившегося с точки зрения не столько социально-экономических и политических реалий великой империи эпохи заката, сколько локальной атмосферы бытия студенчества в университетском городе. Для этого мы обращаемся к Штрафной книге ИТУ, содержащей информацию о студентах – нарушителях правил. Записи в ней относятся к периоду с 1893/94 по 1899/1900 академические годы, т.е. времени, непосредственно предшествовавшему студенческим волнениям 1899 г. Авторство этих записей принадлежит инспекторам студентов Томского университета: сначала А.П. Пятницкому (с перерывами вел записи с 1893 до 1897 г.), а затем упомянутому уже В.П. Григоровскому (с 1898 по 1900 г.). В 1898 г. одно время записи вел временно исполняющий обязанности инспектора И.И. Пинков.

Опыт изучения данной книги, единственной в своем роде из сохранившихся по Императорскому Томскому университету, открывает для читателя повсе-

дневность, где поднадзорным оказались учеба и досуг, существование в Доме общежития и личная жизнь, политические взгляды и религиозные убеждения томского студента. Книга отражает реальность функционирования системы наказаний в университетах того периода, а также практики сопротивления студенчества тотальному контролю, что позволяет нам видеть в ней своеобразную хронику психологических предпосылок массового протеста. Нельзя не оценить и полифоничность этого источника, в котором под пером ненадежного рассказчика был зафиксирован голос студента, заключенного в пространстве «преступления и наказания».

Поступающий в первый в Сибири университет, занятия в котором начались осенью 1888 г., обязан был неукоснительно подчиняться «Правилам для студентов», строго регламентировавшим его «университетскую» жизнь от вступительных испытаний и в целом приема в вуз до посещения занятий и сдачи экзаменов и зачетов, что излагалось в особой инструкции. Правила касались не только внутриуниверситетской обыденности студента, но и жизни вне его стен. Так, в 36-м параграфе 3-го раздела мы читаем: «По получении университетским начальством сведений о таких, совершенным студентом вне университета, проступках, которые хотя и не повлекли за собою судебного преследования, но имеют предосудительный характер, ректор предлагает о сем на обсуждение правления, для постановления надлежащего решения» [2. С. 16].

Устанавливалась жесткая субординация в отношениях студента с профессорско-преподавательским составом, ректором, деканами и членами инспекции. Все распоряжения университетского начальства принимали статус внутреннего закона, и незнание их, в лучших традициях жанра, не освобождало от ответственности [Там же. С. 9].

От студента требовалось соблюдение «приличий и вежливости»; оповещение начальства о месте своего жительства, об отъездах; по первому требованию необходимо было предъявлять именной нумерованный билет, без которого вход в университет был невозможен. Студентам запрещалось курить на крыльце, «безусловно воспрещалось устройство читален, столовых, кухмистерских, а также театральных представлений, концертов, балов и других подобных публичных собраний», «участие в каких бы то ни было сообществах, землячествах и кружках, хотя бы и не имеющих преступной цели». Отдельные аспекты личной жизни студента также регулировались параграфами «Правил», о чем будет сказано ниже.

Оговаривались и «правила о назначении студентам стипендий и пособий». Ликвидация финансовых льгот была одним из инструментов поддержания дисциплины. Лишением стипендий, пособий и права на освобождение от платы за обучение сопровождалось «взыскания» по 31-му параграфу 3-й части «Правил»: выговор с арестом и предупреждением об «удалении из университета в случае нового проступка»; увольнение из университета как по собственному прошению, так и без оно.

Существовали и более «щадящие» наказания, такие как выговор, выговор с занесением в Штрафную книгу, а также арест в карцер сроком от 24 ч до 4 недель. Карцер располагался во 2-м этаже служебного корпуса (так называемый корпус с каретниками; ныне хозяйственный корпус Томского государственного университета), что позади главного здания университета. За рассматриваемый период самому строгому заключению в карцер подверглась группа студентов, принявших участие в 1894 г. участие в вечере в одном из частных домов Томска. Среди них были М.А. Курджинский, Н.В. Баканов, Ст. Горский, П.Я. Бауэрберг. Они провели в карцере две недели «с предупреждением немедленного удаления из университета в случае нового проступка» [1. С. 79]. Отметим, что часть студентов, принявших участие в вечере, учитывая их прежние нарушения, и вовсе была исключена.

Наибольшим по урону наказанием мы можем признать исключение из университета с «лишением права поступать в какие бы то ни было учебные заведения». Речь идет о намеренной маргинализации провинившегося и своеобразном его ostracismе. Такому наказанию, к примеру, были подвергнуты в сентябре того же 1894 г. студенты 2-го курса Семенов и Микулин. Они были разоблачены как пассажиры парохода «Николай», на котором во время перехода из Тюмени в Томск они вместе с рядом других студентов, как писал в Штрафной книге инспектор Пятницкий, «беспробудно пили и позволили себе самые безобразные сцены». Ситуация усугубилась тем, что во время разбора дела Микулин не явился по зову инспектора. Выяснилось, что адрес в университет и жандармскому начальнику «сообщен был неверно». Это являлось непростительным нарушением правил.

Следует заметить, что сведения о лицах, которым была «воспрещена педагогическая деятельность» и которые «не должны быть принимаемы в число студентов высших учебных заведений», рассылались по всем учебным заведениям России. На их счет составлялось специальное циркулярное распоряжение министра народного просвещения. И ректор ИТУ регулярно получал списки исключенных студентов с запретом на образование из Казанского, Варшавского, Новороссийского и прочих университетов [8]. Заметим, что иные студенты, лишённые этого права в России, в частности К.М. Гречищев, продолжали учебу в зарубежных университетах. Осенью 1899 г. в Берлине даже образовалось томское землячество студентов, уволенных за участие в забастовке того года.

Бдительному контролю подвергалась жизнь в Доме общежития для студентов Императорского Томского университета. Трехэтажное каменное здание общежития было построено на собранные по инициативе члена строительного комитета ИТУ, первого попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского частные пожертвования с поддержкой университета и являлось предметом гордости местного академического сообщества. Студенты получали здесь не просто жилище в виде удобных и теплых комнат, но и обильный, «всегда сытный и вкусный» стол из нескольких блюд и с самоваром, читальню, где имелись газеты и журналы, «из коих

многие доставлялись редакциями бесплатно». Студент С.М. Тимашев, впоследствии профессор-медик Томского университета, вспоминал и об «очень личной библиотеке с отделом специальных медицинских пособий и учебников» [9. С. 285]. Проживание в общежитии обходилось дешевле съемных квартир, хотя благоприятные условия привлекали сюда «не только недостаточных студентов». «Общежитием пользовались и богатые студенты», – вспоминал один из первых учащихся ИТУ Л.И. Рубинштейн [10. С. 412]. Ф.М. Флоринский в письме от 19 января 1890 г. министру народного просвещения графу И.Д. Делянову писал: «Студенты сполна оценили преимущества этой жизни сравнительно с городскими квартирами и, как в прошлом году, так и новом, весьма дорожат разрешением поселиться в общежитии». Ниже в письме мы читаем: «Городские квартиры в Томске крайне неудовлетворительны (зимою большей частью очень холодны)» [11. Л. 27 об., 28].

Однако всякий претендент на место в общежитии сталкивался с жесткими условиями. Прошения подавалось через инспектора в правление университета, где решение принималось лишь по проверке «всех данных о просителях». Студент обязан был соблюдать порядок, «не нарушать спокойствия своих товарищей» и «подчиняться во всех отношениях всем органам университетского начальства на общих основаниях» [12. С. 173]. Это положение делало волю «начальства» гипотетически неограниченной. Так, несмотря на то, что, по Уставу общежития, для ведения хозяйства назначался эконо́м, в Штрафной книге имеется запись от 1 октября 1893 г.: «В общежитии крайне неряшливо содержатся ватерклозеты. Говорил по этому поводу со студентами. А чтобы скорее и успешнее приучить их к порядку, распорядился одно из отделений привести в надлежащий вид: отчасти они подправили. И что же? Через два-три дня все по-прежнему» [1. С. 16–17]. Характерна и реакция студентов на «игру не по правилам». К примеру, на попытки инспектора Пятницкого заставить студентов читать молитву, некоторые из них отвечали: «Мы поступили в общежитие при других условиях... прежняя администрация не требовала этого». Трудно было бы найти возражения на доводы инспектора, который писал о том, что «дело идет не о нарушении правил (их не было), а о приучении к ним...» [Там же. С. 15].

Пьянство, распевание песен, приглашение посторонних лиц на ночлег, проведение ночи вне общежития – все это оборачивалось порицанием, а затем и выселением из «студенческого дома». Для бдительного надзора за студентами в здании общежития была отведена квартира для помощника инспектора; здесь же постоянно находился один из дежурных педелей. Заботе о крепком сне студента должна была служить специальная книга, в которой ежедневно все проживающие в общежитии должны были ставить свои подписи до наступления полуночи. Надо сказать, что ночное возвращение в общежитие, кроме проблем с инспекцией, было сопряжено с трудностями иного рода. Университетские ворота запирались на ночь и, как вспоминал тот же Рубинштейн, в общежитие «приходилось пробираться через решетку или через

маленькую калитку» напротив театра Королева. Добавим к этому скудное керосиновое освещение улиц Томска конца XIX в., плохие тротуары, даже в центре города, «непролазную грязь», а также риск встретить на своем пути не самого дружелюбного городского обывателя. «Запоздалого прохожего, – отмечал Рубинштейн, – сопровождал стук колотушки ночного сторожа, дряхлого старика, но, к сожалению, довольно редко попадавшегося, так как сторожа предпочитали спать в будках» [10. С. 414–415].

Выговору с занесением записи в Штрафную книгу за несвоевременное возвращение в общежитие в разное время рассматриваемого периода подвергались студенты В. Лебедев, И. Архангельский, А. Спасский (многократно) и др. Среди опаздывающих были лица, указывавшие на неправомерность наказания за подобные проступки. Впрочем, прав в конечном итоге оказывался инспектор. Так, не ночевавший в общежитии с 17 по 21 ноября 1894 г. студент Н.А. Попов сослался на то, что нет «точных правил, запрещающих ночевать вне общежития». Несмотря на замечание, ночь 24 ноября он также провел в месте постороннем, а уже 1 декабря того же года после рапорта Пятницкого правление университета «предложило ему с начала 2-го полугодия оставить Дом общежития, так как он не желает подчиняться его правилам» [1. С. 89]. Ранее, 6 октября, слушателю 1-го курса И. Громову, занимавшему место в общежитии, и вообще было предложено принять обратно свои документы: ночь на 26 августа, как выяснилось, он провел в полицейском участке, «быв привлечен туда в пьяном виде» [Там же. С. 74].

Лишение комфорта и благополучия обитания в Доме общежития, – подчеркнем, что квартирный вопрос в Томске изучаемого и более поздних периодов стоял с особой остротой, – таким образом, становится существенным дополнением к летописи наказаний студента ИТУ.

Однако, введя в наше исследование в качестве основных героев инспектора и его помощников, мы так и не сказали о них несколько слов. Инспекторы студентов в российских университетах рассматриваемого времени назначались министром народного просвещения по представлению попечителей учебных округов. Подчинялись «в своих действиях» они как непосредственно попечителю, так и ректору. Как нам уже отчасти удалось убедиться, главной миссией инспектора было сохранение «порядка и благочиния» студентов и посторонних слушателей не только в зданиях университета, но «по мере возможностей» также и вне их пределов [13. С. 73]. Последнее право, закрепленное за инспектором по закону, небезынтересно для нас, так как углубляет обозначенную нами проблему тотальности надзора за жизнью студента.

В своем «неослабном наблюдении» за исполнением правил члены инспекции обязаны были знать всех студентов лично и по фамилии, иметь полные сведения о них, включая место жительства; следить за исправным посещением лекционных и практических занятий, за отпусками студентов в семестровое и vacationное время. Инспектор был посредником в прошениях учащихся к правлению университета, вы-

давал стипендии и пособия, обязывался в случае пропуска лекций преподавателями донести об этом ректору и т.д.

В «Инструкции для инспекции студентов Императорского Юрьевского университета», имевшей, заметим, типовой характер, подчеркивалось: «Чины инспекции имеют право входа во все помещения университета, не исключая кабинетов и лабораторий» [14]. Ко всему сказанному следует добавить, что, уже по «Правилам для студентов», при появлении своем, в том числе и в комнатах общежития, они должны были встречать там пресловутые «приличия и вежливость». Закономерно, что при таком сочетании правил и инструкций не обходилось без курьезов. Так, 26 апреля 1898 г. Н.Ю. Корнилович, посетив комнату студентов Н. Сперанского и Н. Лепорского, застал их «в неглиже». Не помогли объяснения Сперанского о неожиданности посещения, о том, что «Корнилович вошел к ним в номер без всякого предупреждения», «лишив его возможности встать с постели и одеться». В Штрафной книге отмечалось: «Лепорский сказал, что он крайне был возбужден неожиданным появлением господина Корниловича и не знал, что ему делать, опешил и не встал. Далее сослался на свою нервность и болезненность» [1. С. 165–166]. Студентам не удалось избежать замечания.

Все инспекторы Томского университета, занимавшие этот пост с 1888 по 1906 г., имели чин действительного статского советника по Табели о рангах. А.П. Пятницкий, вступивший в должность инспектора студентов ИТУ с 4 июля 1893 г., до этого был директором Новочеркасской классической гимназии [15. 1893. 6 авг.]. Его преемник (с 21 февраля 1898 г.) В.П. Григоровский являлся бывшим руководителем Новочеркасской учительской семинарии [16. 1898. 7 марта].

В то время как персону инспектора имела неоднозначную репутацию в глазах студентов, о чем будет сказано в свое время, значительно более определенным было отношение учащихся к педелям. Надзиратели студентов низшего ранга, педели (само понятие известно со времен Античности; в используемом значении пришло в Россию из университетской системы Германии) исполняли поручения инспектора и его помощников. Для этого они ежедневно находились в указанных им местах, как в университете, так и за его пределами. Одной из наиболее расхожих их обязанностей был учет посещаемости лекций студентами, что осуществлялось методом отслеживания верхней одежды в гардеробах. А.Н. Морачевский (псевдоним – Н. Зарницын), поступивший в 1898 г. на открытый в тот год юридический факультет ИТУ, вспоминал, как он, «совсем юный семинарист», впервые встретил младших надзирателей: «Я в вестибюле мрачного каменного здания, от стен которого веет холодной немой серьезностью ... “Вот ваша вешалка...”», – указал дежурный педель... В голове на секунду встал вопрос: откуда он меня знает. Очевидно, в этот момент мое лицо изобразило самое беспомощное недоумение, потому что педель тотчас же разъяснил: “Вас мы знаем давно по карточке, которая присылается при прошении...”» [17. С. 422].

6 февраля 1895 г. инспектор получил жалобу от студента К.П. Орлова, который заявил, что педель записал его как отсутствующего на лекции, хотя «фуражка» его «висела на том же месте». И другие студенты, несмотря на тщетность этого, приносили те же жалобы. В январе 1896 г. произошел случай, изобличивший скрытое недовольство, не заметное в иных условиях. Студент 2-го курса В. Кочуров, предварительно в пьяном виде «произведя буйство» в ресторане Крюгера и грозя «пустить пулю в лоб содержателю ресторана Лобанову», в театральном буфете изъявил намерение «ударить педеля». Кочуров был исключен из университета, однако спустя время эта мера была заменена неделей карцера с «внесением в штрафной журнал» [1. С. 115]. 6 марта 1896 г. упомянутый Лепорский в присутствии инспектора употребил слово «педелишко», за что был отправлен в карцер на сутки. В апреле следующего года исключенный месяцем ранее из университета «за невзнос платы» Коржавин, будучи пьяным, ударил педеля в Доме общежития. В общежитии же в январе 1898 г. студент Попов «стал кричать на педеля и угрожать ему». «Нам не интересно, чтобы педели засовывали сюда свою физиономию» [Там же. С. 165], – таким приветствием в марте того же года В. Щербаков почтил педеля, когда тот сделал замечание группе студентов во 2-й аудитории главного корпуса и т.д.

Не будет преувеличением сказать, что образ педеля, являясь «низовым» символом всеобщего надзора, вызывал самые негативные реакции студенчества. Надзор этот в значительной мере был направлен на внешний вид студента, прежде всего его одежду, ведь, по правилам, «как в университете, так и вне его», студенты обязаны были «носить» форменную одежду установленного образца» (пальто, двубортный сюртук, однобортный мундир, застегивающийся на девять желтых металлических пуговиц с изображением государственного герба, фуражку тёмно-зелёного сукна и т.д.) [2. С. 10]. При этом далеко не все студенты следовали этому предписанию, легкомысленно, по всей вероятности, предполагая, что это не столь важно для инспектора, который, впрочем, в этой связи неоднократно доказывал серьёзность своих намерений.

Носить форменную одежду студентам мешали то недостаток средств, то климатические условия, вынуждавшие прибегать к оправданиям перед инспектором за ношение, к примеру, меховой шапки, как это сделал в ноябре 1893 г. студент 3-го курса Н.М. Соловьев, к тому же в расстегнутом сюртуке. В январе 1894 г. попечитель даже сделал «письменное напоминание, чтобы студенты не носили теплых шапок» [1. С. 48].

Критику со стороны инспектора вызывал смешанный стиль одежды, будь то светлые брюки, или пиджак вместо мундира, или брюки, заправленные в сапоги. Не могла не вызывать порицания неопрятность во внешнем облике; так, знакомый уже нам студент Микулин 16 декабря 1893 г. явился к инспектору «в самом неприглядном виде – немытым, не глаженным, без галстука, с расстегнутым у рубашки воротом и в тужурке» [Там же. С. 37]. В огорчение инспектора

Пятницкого приводила и «выпущенная из брюк ситцевая рубашка» студента Горизонтова и т.д.

Каникулярное время не давало повода для смены мундира на партикулярное платье. В мае 1894 г. студент Штейнгауз, по решению правления университета, был уволен по собственному прошению из-за упорства в этом вопросе (ситуацию усугубило и то, что он не явился своевременно в университет для отбывания наказания в карцере). Запрету подвергалось появление в публичных местах в тужурке; карцером могли обернуться для студентов неоднократная прогулка в блузе или поддевке, подбитой мехом, по одной из городских улиц, выход в партикулярном платье в театр или в пальто и цилиндре в общественный сад.

Нарушение правил ношения форменной одежды было наиболее распространенным проступком среди томских студентов, немногим уступая разве что уклонению от субординации. При встрече с попечителем, чиновниками, профессорами и др. студент обязывался прикладывать руку к козырьку, а в случае с высочайшими особами еще и «становясь при сем во фронт» [2. С. 11]. Всякий студент должен был не только раскланиваться с начальствующими особами, но и уступать им дорогу, при разговоре придерживаться соответствующего тона и манер, стоять «не подбоченясь». Особое негодование у Пятницкого, насколько мы можем судить, вызывало «неприлично-фатовская» манера: руки в карманах, расстегнутый мундир, расставленные ноги и т.д. Студент при появлении профессора или ректора, «не изменивший положения своего», например оставшись сидеть на подоконнике, едва ли мог избежать замечания, а в перспективе и более строгих мер наказания. Разговор в фуражке с инспектором наверняка мог окончиться в карцере. Для студента 1-го курса И. Чулкова грубая реплика, обращенная 17 ноября 1899 г. в ложе театра начальнику губернии, несмотря на принесенные извинения, обернулась тремя днями в карцере [1. С. 224].

Мы рискуем совершить ошибку, полагая, что система столь строгой субординации вызывала одобрение в глазах хотя бы малой части студентов. В 1893 г. один из них прямо заявил Пятницкому, что ему «не нравится», что тот «заставляет их раскланиваться с профессорами» и с ним самим, подчеркнув формальность этого правила [Там же. С. 23]. Иные студенты прибегали и к более прямым фразам, в ответ на замечания инспектора откровенно говоря: «Я вас не знаю» [Там же. С. 46]. Замечал инспектор и тех, кто, «словно по принципу», отказывался раскланиваться с ним в продолжение длительного времени.

Нередки были случаи пьянства. И хотя наблюдались они чаще всего в свободное от учебы время, так же становились предметом ведения инспекции. Выговор, а при повторных проступках карцер и исключение, следовали за донесением от дежурных педелей о нахождении в пьяном виде в театре, общественном собрании, гостиницах Томска, а также за возвращением в общежитие в нетрезвом состоянии. Большую озабоченность вызывало не столько пьянство само по себе, а сопряженное с ним поведение: драки, в том числе в Доме общежития, сквернословие, ругань и угрозы по отношению к случайным прохожим и друг

к другу, посещение в соответствующем состоянии «приличным» мест, таких как, например, дом губернатора. В ночь на 25 февраля 1894 г. в университетскую клинику с простреленной щекой был доставлен студент В. Лавров. Как выяснилось, произошел инцидент во время «загородных катаний», когда другой студент Горский непреднамеренно выстрелил из револьвера в своего товарища, который «благодаря только счастливой случайности» остался жив. Участники катаний заявили, что были пьяны. Горский провёл в карцере 4 дня, но попечитель счёл эту меру «снисходительной» и просил инспектора студентов «всем участникам увеселительной прогулки поставить на вид необходимость заботиться о добром имени студента и воздерживаться во время своих увеселений от неумеренного употребления спиртных напитков, но и следить за теми из товарищей, которые имеют к этому склонность» [1. С. 52].

Как видим, за неустанным бдением инспекции и правления за студентами стояла благородная цель – забота об имидже студента первого сибирского университета. Для достижения ее подвергалась контролю и частная сфера жизни студента, фактически стирая грань между университетской и личной повседневностями. Известно, что правила воспрещали студентам вступать в брак «во все время их пребывания в университете» [2. С. 12]. Предосудительными считались любые формы сексуальных отношений, в особенности связанные с прелюбодеянием. 14 декабря 1893 г. в правление ИТУ поступило уведомление из Томской духовной консистории о том, что жена колыванского мещанина С.М. Старцева сожительствует со студентом 4-го курса А.Н. Григорьевым. В январе Пятницкий посетил квартиру учащегося, где «лично убедился, что Григорьев и Старцева живут вместе на положении студенческом». Инспектор не только посоветовал им «обдумать свое положение», но и подал рапорт в правление, предложив обсудить статус Григорьева «в виду предосудительного поведения». Григорьев был на хорошем счету в университете: отлично держался с профессорами, был известен своей благовоспитанностью, примерно исправлял студенческие обязанности и в день храмового праздника всегда бывал в церкви. Все это, однако, стало лишь смягчающим обстоятельством – в качестве «особой милости» правление через попечителя ходатайствовало перед министром народного просвещения о переводе студента в Киевский университет [1. С. 38–39]. Строгим внушением завершались, как правило, и посещения студентами домов терпимости.

Нежелательным считалось пребывание посторонних в номерах Дома общежития; о подобных случаях доносили педели. Так, 3 декабря 1894 г. у студента 2-го курса Спасского до ночи задержался некий мужчина. Спасский признался, что гостем его был товарищ по семинарии Арефьев, корреспондент местных газет, и попросил разрешения регулярно принимать его. Пятницкий тогда в Штрафной книге отметил о «сомнительной репутации» Арефьева и об опасности его влияния на соседа Спасского по комнате Райского. Хотя инспектор не уточнил, в чем же состоит эта «сомнительная репутация», он попросил Спасского

сделать свидания с Арефьевым «более редкими и менее продолжительными» [1. С. 89–90].

Из всего написанного может сложиться впечатление, будто обыденный дискурс студенчества в пику надзору касался лишь низменных сфер. Это, однако, не так. Еще первые студенты Томского университета создали нелегальную библиотеку, «фонды» которой пополнялись из книг, украденных из особого книгохранилища, как писал К.М. Гречищев, «оскопленной» фундаментальной библиотеки университета. Проникали туда под амфитеатром 1-й аудитории главного корпуса, и добытые книги передавали в ведение совета студенческих землячеств. Распределялись эти «трофеи» по жилым комнатам студентов в частных домах Томска. Наибольшей популярностью в библиотеке пользовались труды знаковых авторов того периода: Маркса, Лассаля, Плеханова, Чернышевского, Сеченова, Дарвина и др. Были представлены в ней номера журналов «Современник», «Отечественные записки», «Слово». Функционировала эта библиотека и в 1890-х гг. [7. С. 379].

В поле зрения инспектора попадал круг чтения отдельных учащихся. Так, в начале 1895 г. Пятницкий обратил внимание на список книг, взятых из библиотеки студентом 3-го курса В. Морозовым. Среди них были труды, посвященные крестьянскому и рабочему вопросу, актуальным общественным проблемам того времени и т.д. «Многие из перечисленных книг, – записал инспектор в Штрафной книге, – не заключают в себе ничего недозволенного или вредного; запрещены из них лишь немногие. Тем не менее все вместе взятое указывает на тенденциозность направления». Далее он замечает: «Многие из книг вовсе не были выданы студенту». Уже 10 января правление университета предложило Морозову «оставить Дом общежития» [1. С. 97]. Неоднократно советовал инспектор «быть осторожными» в выборе чтения и другим студентам.

Под определения «непристойного» поведения и предосудительных действий, таким образом, попадали всякое слово и деяние, заключавшие в себе волю учащегося университета. Поэтому вывод относительно магистральной направленности всей системы наказаний в университете становится для нас закономерным: репрессия в широком смысле этого понятия начиналась там, где заявляли о себе уклонение от субординации, склонность к вольному образу жизни, включающая свободные предпочтения в одежде, книгах, дружеских и сексуальных отношениях и т.д. Мы намеренно ставим здесь многоточие, потому что, как мы убедились, запреты для студентов в рассматриваемый период имели весьма неопределенные границы и подчас зависели от личных качеств и настроения следящего, т.е. инспектора. Подчеркнем, что недовольство студентов вызывало и то, что защиты против произвола инспектора с его личными качествами и переменчивым настроением искать, по сути, было негде: при ходатайствах против него дела разбирались членами правления и самим же инспектором [1. С. 210–211].

Поскольку различные виды нарушений часто совершались целенаправленно (т.е. с осознанием табуи-

рованности почти любого шага и последствий его), то рассматривать их в совокупности мы можем с точки зрения протестного дискурса и протестных практик. Это заставляет нас говорить о совершенных проступках не просто как о побочных эффектах молодости, но как о направленном вызове, брошенном системе, как о практиках сопротивления безграничному контролю. Намеренные и нередко повторявшиеся нарушения правил мы наблюдаем в записях на студентов Барбанщикова, Данилова, Кожевникова и др. Многие из таких учащихся так и не доучились в Томском университете.

Небезынтересен в этом контексте случай студента Н.В. Флерова. Он несколько раз получал выговор за пьянство, принимал участие в упомянутой «предосудительной» загородной прогулке (в которой получил ранение Лавров), не вносил своевременно плату за общежитие и являлся туда при этом в нетрезвом виде. 30 мая 1894 г. инспектор застал его на улице в высоких сапогах, «плохом» пиджаке, неформенном пальто. «Только форменная фуражка обнаруживала в нем студента», – писал Пятницкий в Штрафной книге. Позднее Флеров был обнаружен переходящим «из дома в дом терпимости». Студенту следовали один за другим выговоры и предупреждения. Тем не менее в конце того же года он в компании Кокоулина и Кожевникова «в пьяном виде шумел и безобразничал около дома терпимости на Бочановской улице». 30 декабря правление предложило студенту Флерову оставить университет по прошению.

Такая «самоубийственная» тактика во многом приоткрывает нам приоритеты молодых людей того времени, подчас не желавших склоняться перед диктатом самовластного начальства. В то же время это проливает свет и на психологические особенности инспектора, который писал об этом студенте: «По моему мнению, Флеров серьезно больной. Ему более, чем кому либо другому, крепкие напитки вреднее. Нуждается в серьезном лечении. Во время наказаний в комиссии произвел крайне тяжелое впечатление» [1. С. 42]. Тепло говорил с ним и ректор, так же подчеркивая, что «ему более, чем кому-либо иному, должно заботиться о здоровье и избегать вина» [Там же. С. 55]. Флеров ушел от наказания через карцер, хотя не раз подавал к тому повод. «И наказывать-то опасно», – писал после очередного его проступка Пятницкий. «И смех, и слезы», – такую запись инспектора о Флере не раз встречаем мы в Штрафной книге.

Пожалуй, это тот случай, когда ненадежный рассказчик «разоблачает» себя, и за «внешностью» строгого блюстителя порядка мы видим чистые намерения и способность к состраданию. Это в некотором смысле перестраивает шаблон восприятия и взвешивает наши подходы. Рубинштейн, например, вспоминал, что в бытность его студентом отношения учащихся и инспектора «были все время хорошие» [10. С. 413], хотя заметим, что речь шла о предшественнике Пятницкого А.С. Еленеве (бывший директор Красноярской мужской гимназии). Однако «смех и слезы» инспектора Пятницкого выдают в нем живого человека, который, в отличие от своего преемника Григоровского, временами допускал личностную откровен-

ность в записях в Штрафной книге, накладывая на них ярков выраженный отпечаток индивидуальности и субъективности, того, что и принято называть ненадежностью рассказчика. Записи эти временами превращают для нас Штрафную книгу в своеобразный частный дневник.

«К сожалению, такой тон и манера говорить свойственны многим студентам Томского университета», – сделал замечание Пятницкий к комментарию от 17 ноября 1893 г. о не самой уважительной реплике студента Кутузова. Узнав о том, что ранее, 22 октября того же года, в день Храмового университетского праздника, торжественный (годовой) акт посетило только 6–7 студентов, инспектор записал в Штрафной книге: «Печальная связь студентов с Alma Mater, о которой так много и часто говорят!» [1. С. 20]. И неблагоприятность отдельных студентов, и грубый и резкий тон их речей, и нежелание признать, что некоторые правила (при ссылаях студентов на их формальность) должны соблюдать а priori, – обо всем этом, кажется, он писал скорее с болью, чем назидающим. Штрафная книга, написанная рукой Пятницкого, показывает нам мир глазами человека, который в трагических интерьерах современности находит признаки упадка и разрушения.

Поражало инспектора и недостаточное уважение к религиозным ритуалам со стороны студентов. Дело в том, что Императорский Томский университет был одним из немногих вузов в Российской империи, куда наряду с выпускниками гимназий принимали и семинаристов. На протяжении многих лет последние составляли львиную долю студентов университета. Так, в 1893/94 академическом году среди общего числа обучающихся в ИТУ в 377 человек большинство из них, а именно 276 (т.е. более 70 %), составляли воспитанники духовных семинарий [18. С. 15–16]. Из 101 первокурсника, поступившего в 1893 г., 65 были бывшими семинаристами [Там же. С. 7]. Такое устойчивое большинство носителей духовного среднего образования наблюдалось в Томском университете на протяжении многих лет. Однако удержим себя от того, чтобы поддастся ложному впечатлению, будто это означало особую набожность и религиозность студентов. Напротив, на страницах Штрафной книги мы встречаем картину выраженного сопротивления религиозным повинностям, не в последнюю очередь со стороны бывших семинаристов.

В сентябре того же 1893 г. внимание инспектора в Доме общежития привлекло не только то, что «пришедшие раньше к обеду друг друга не ждут, расходятся по мере того, как кто отобедал», но и отсутствие молитвы до и после трапезы. Днем 20 сентября Пятницкий попросил студента 5-го курса И.В. Архангельского (в дальнейшем участник «загородной прогулки» февраля 1894 г.) прочитать молитву тем немногим, кто еще оставался в столовой. После обеда инспектор прошелся по комнатам общежития, сделал студентам внушение по этому поводу. Не трудно представить его удивление, когда некоторые из учащихся «в оправдание» свое говорили о том, что «не привыкли молиться». На следующий день Архангельский приватно заявил инспектору, что «он не может

читать молитвы, боясь быть посмешищем товарищей», и даже выразил готовность оставить общежитие [1. С. 13]. Отметим, что студент Иван Васильевич Архангельский, православного вероисповедания, окончил полный курс наук в Симбирской духовной семинарии, притом в аттестате его за поведение указана оценка «отлично» [19. Л. 2, 16].

Неустанно напоминал инспектор и о необходимости посещения студентами церкви для молебна в так называемые царские дни (6 декабря), хотя правила того и не требовали, равно как не требовали они и молитвы до и после обеда.

В конце октября 1894 г. произошел случай, вновь заставивший задуматься о «религиозном рвении» студенчества. 25 октября застрелился студент 4-го курса П.И. Быстров. Учащиеся (в Штрафной книге количество указано в 250 человек), в основном первых 4-х курсов, без распоряжения руководства вуза из анатомического покоя университета перенесли тело покойного, сделав на улице посмертный снимок, в университетскую Домовую церковь, где священник, профессор ИТУ Д.Н. Беликов, отслужил литию. Уже на кладбище, указывалось в Штрафной книге, после того, как основная масса студентов разошлась, небольшая группа оставшихся пропела песню на стихотворение И.С. Никитина «Вырыта заступом яма глубокая». Хотя заметим, что, по воспоминаниям Гречищева, пели «всей массой», а сами похороны, организованные советом землячеств, превратились в «грандиозную демонстрацию», в «потрясающее выражение скорби и возмущения существующим порядком» [7. С. 374]. Достойны нашего внимания слова этого стихотворения, ставшие предметом разбирательства инспектора и правления: «Жизнь не веселая, жизнь одинокая / Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая / Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая». В период волнений 1899 г. К.М. Гречищев, выступая перед товарищами, произнес такие слова: «Теперь место не аплодисментам, а будем плакать и рыдать до конца...». Данной репликой, по записи в Штрафной книге, он «вызвал сильнейший энтузиазм» в аудитории [1. С. 211]. Все это лишь отчасти проясняет коллективное настроение и очертания мрачного жизненного мира провинциального российского студента конца XIX в., но это уже другая тема.

Всего по делу о перенесении тела и о «пении светских стихов над могилой» было привлечено 12 студентов (из них пятеро за пение) [20. Л. 63–63 об.]. Правление университета постановило, что «ответственность студентов не подлежит сомнению, так как они ни в каком случае не должны были действовать своевольно», а пение светской песни на могиле считало «неуместным и предосудительным, и потому тоже подлежащим наказанию» [Там же. Л. 67]. И хотя наказания за это были не столь строгими, симптоматичны сам поступок и реакция на обвинения со стороны студентов. Знакомый уже нам К.П. Орлов, сын священника, выпускник Владимирской духовной семинарии [21. С. 172], например, сказал инспектору, что «в пении светского стихотворения не видит ничего предосудительного» [1. С. 79]. В журналах заседания правления ИТУ приведены и такие его слова: «Если

бы знали содержание песни, ее глубокий смысл, то ничего не имели против ее пения». Другой обвиняемый А.А. Горский, выпускник Костромской духовной семинарии, сослался на то, что даже «духовное начальство» разрешало произнесение над могилами речей, а, «следовательно, возможно и пение стихов» [20. Л. 65]. В целом апеллирование к более «гуманному» режиму в семинариях характерно было для студентов ИТУ. Отмечается, что не самое прилежное духовное поведение в тот период наблюдалось и непосредственно в семинариях, в частности и в отношениях с духовными воспитателями, которых называли «надзирателями», «смотрителями», «инспекторами» [22. С. 66]. Можно вообразить реакцию бывших семинаристов, которые и в светском высшем учебном заведении встречали строгих ревнителей веры.

25 марта 1896 г. студент 2-го курса Витошинский вместе с рядом других певчих клироса во время архиерейского служения в старом соборе «не благоговейно держал себя», за что и был отправлен в карцер на сутки. 8 мая 1897 г. Пятницкий сделал «надлежащее внушение» студенту Ардашеву за то, что тот, будучи сыном священника и воспитанником семинарии, отказался от говения. Инспектор отметил в Штрафной книге: «Глубоко возмущенный подобными фактами глумления над священными установлениями нашей православной церкви, представляю об этом на благоусмотрение правления» [1. С. 153]. 24 мая 1898 г. студенты А.Н. Городков, А.Н. Аристов (оба окончили Костромскую духовную семинарию), Н.А. Лампсаков (Тверская духовная семинария), П.А. Будрин и С.С. Данилов, певшие литургию в университетской церкви и вечернее богослужение во время чтения настоятелем церкви молитвы Св. Троицы, остались на ногах, когда «по смыслу молитвы христианин должен быть в самом уничижительном положении». Вмешался инспектор Григоровский. Однако Данилов так и не встал на колени во время чтения последующих молитв. Его примеру последовал и Будрин (окончил курс Благовещенской духовной семинарии). Сын священника и выпускник Симбирской духовной семинарии Стефан Данилов «упорно, даже грубо» оправдывал свой поступок долгом совести и призыв инспектора встать на колени истолковал как «посягательство на религиозное чувство». Последний провел в карцере трое суток, Будрин – два дня [Там же. С. 171–175]. С. Данилов, так же как и Аристов и Лампсаков, в скором будущем принял участие в студенческих беспорядках 1899 г. и был за это исключен из университета. 22 октября 1898 г. студент М. Кокосов (выпускник Пермской духовной семинарии), встретивши на лестнице Его Преосвященство епископа Макария в сопровождении Григоровского, отказался принять благословение епископа. Не заметил инспектор даже поклона студента, из-за чего последовал выговор.

Как нам удалось убедиться, уклонение от столь гибких правил и жесткой системы надзора, почти безграничного в практике своей реализации, нередко носило индивидуальный характер, что наглядно подтверждается и практиками сопротивления исполнению не обязательных, но крайне желательных религиозных ритуалов.

Однако высшее проявление неповиновения нередко имеет коллективные формы. Философия подавления выстраивалась вокруг концепции «изолированно-го» учащегося, что нашло отражение в «Правилах для студентов университета». В 13-м параграфе 3-й части мы читаем: «Студенты считаются отдельными посетителями университета, а потому не допускается никакое действие их, носящее в себе характер корпоративный». Включало это и запрет на подачу адресов и прошений «за подписью нескольких лиц», «посылку депутатов», выставление каких бы то ни было объяснений от имени студентов и т.д. Добавим к этому упомянутый уже запрет на всякое участие в сообществах и проясним для себя тот страх перед коллективизацией протеста, который был свойствен инспекторам студентов, и ту особую реакцию правления на всякие акции коллективного нарушения правил. Этим же мы объясним неприятие, которое было вызвано в руководстве вуза самовольным перенесением тела покойного студента. Заслуживают в этой связи внимания и иные случаи. В январе 1894 г. в Европейской гостинице состоялся платный танцевальный вечер с участием инженеров, купечества, чиновников. Приняли в нем участие и порядка 150 студентов. Когда информация об этом дошла до сведения инспекции, попечитель назначил комиссию из ректора ИТУ А.И. Судакова, профессоров Н.Ф. Кащенко, Я.А. Анфимова, М.Ф. Попова и инспектора А.П. Пятницкого. Всего было «допрошено» 70 студентов. Предметом особого разбирательства стал тот факт, что отдельные из них участвовали в устройстве вечера, развоза пригласительные билеты. И хотя студенты на вечере вели себя «прилично», почти всем участникам его в присутствии членов правления был вынесен выговор, а некоторые были отправлены в карцер [1. С. 40–42].

29 октября 1894 г., спустя 2 дня после похорон Быстрова, столь же тщательному разбирательству подверглись обстоятельства из досуга студентов, принявших участие (вновь фигурировала цифра 150) в вечере, который был организован в одном из частных домов на окраине Томска, о чем уже кратко упоминалось ранее. В 9 часов «на место происшествия» прибыли жандармский начальник, полицмейстер и инспектор студентов. Участникам было предложено разойтись. Пятницкий отмечал в Штрафной книге: «В 11-м часу собрание разошлось и по всему пути к Европейской гостинице и в особенности на мосту около означенной гостиницы пело веселые плясовые песни (с неприятными прибавлениями)» [Там же. С. 76]. Ситуация в восприятии руководства университета осложнялась тем, что в те дни страна была «в глубоком трауре» по случаю кончины Государя Императора. Вместе с тем «по случаю бракосочетания его Императорского Величества» правление «нашло возможным подвергнуть виновных студентов умеренному наказанию» [20. Л. 67 об.–68]. Лишь небольшая часть из них была исключена из университета, в частности А.А. Вилков, позволивший себе 29 октября «запереть дверь перед полицмейстером и инспектором» и, кроме того, «дерзко и грубо» державший себя в комиссии по расследованию. При назначении наказаний учитывались и прежние проступки. Так, напри-

мер, строгие меры применялись к тем, кто одновременно участвовал в февральской загородной прогулке, похоронах Быстрова, вечере 29 октября. Одни отправлялись в карцер (как мы помним, именно в тот момент ряду студентов присудили рекордные 2 недели), другие лишались права на освобождение от платы за учебу и льготных условий проживания в общестии и т.д. Попечитель в предложениях своих нашел наказания «снисходительными».

Предосудительным было признано участие студентов в вечере по подписке на постоялом дворе Бычкова в октябре 1895 г. Массовое собрание в том же месяце в доме на Уржатке у студента Левина так же не обошел своим вниманием инспектор. В Штрафной книге отмечалось: «Не усматривая в означенном собрании (студент именинник) ничего предосудительного, я тем не менее повергаю означенный вопрос на благоусмотрение Вашего превосходительства, так как на таких вечерах, где собираются студенты, хотя бы и на именинный пирог, но в большом количестве (15–20 человек) могут происходить иногда нежелательные для студентов и университета неожиданности» [1. С. 109–110].

В качестве отступления упомянем о случаях «разрядки» напряжения в атмосфере бытия студентов. Корпоративизация досуга, на борьбу с которой круглый год были направлены усилия инспекции и правления, находила свою свободную реализацию лишь в день 22 октября. Университетский праздник, который начинался торжественным актом в ИТУ, продолжался затем в здании общественного собрания. Здесь пробуждалась воля студента, а праздник превращался в своего рода карнавальное действо, готовились к которому заблаговременно. Здесь находилось применение певческим талантам бывших семинаристов. Морачевский вспоминал о своем прекрасном товарище и обладателе столь же «прекрасного голоса» А. Щеглове по прозвищу «Птица», которого «знал весь город». Основные события вечера разворачивались в так называемой «мертвецкой» – комнате в нижнем этаже собрания, где располагался буфет для студентов. Так писал Морачевский о празднике по окончании официальной части: «“Мертвецкая” превращалась в настоящий ад. Спорили. Кричали. Пели. Плакали. Целовались. Танцевали. Студент из категории “вечных”, большой весельчак и балагур, медик Т. приносил с собой барабан. Отбивая мерные удары, он вносил в атмосферу мертвецкой настоящий хаос. Отнять барабан удавалось только после целого ряда ухищрений и уговоров и то тогда, когда владелец его лежал где-нибудь под столом или за буфетной стойкой. В конце концов его примеру следовали остальные товарищи, polegшие “мертвыми костями”». Там же мы читаем: «Наутро особой комиссией собирались и убирались “трупы”, разыскивались перепутанные шапки, башлыки, галоши, пальто, шубы. Студенческое добро валялось по всему собранию, по улицам... Праздник на несколько дней вышибал из плановой жизни, которая не скоро входила в обычное русло» [17. С. 427]. Заметим, что происходящему ни полиция, ни университетское начальство не противодействовали, забывая о «правилах» только в этот день.

Не случайно, что и кульминация протеста рождалась в акте массового неповиновения. 27 октября 1898 г. перед вступительной лекцией профессора Живаго, на которой присутствовал весь служебный состав университета, а также попечитель учебного округа, в толпе студентов раздался шум. Григоровский отмечал по этому поводу: «Первоначально трудно было что-либо разобрать; самый шум походил на гул; но потом в отдельных голосах некоторых студентов, в массе и на хорах (в особенности на хорах) собравшихся и потому естественно оставшихся незамеченными, послышалось: “Долой инспектора”».

Этот день стал предтечей протестов 1899 г. Накануне его инспектор отправил в карцер студента Мельникова, отказавшегося снять перед ним фуражку. Вскоре после этого студент Покровский пригласил Григоровского в аудиторию. Разговор в ней с массой студентов, впрочем, был недолгим. В ответ на вторичное приглашение со стороны студентов Еланцева и Хицунова «для объяснений» инспектор заявил: «Объясняться с целым курсом бесполезно, а если им желательно беседовать со мной, пусть по одному в свободное время приходят ко мне в кабинет». Обструкция на лекции профессора Живаго, таким образом, была выражением оскорбления студентов, масса которых не получила ответ на вызов инспектора. Бесспорно, что и сами студенты осознавали действенность массовых стратегий сопротивления. 24 февраля 1899 г. тот же Гречищев заявил на сходке: «Нужно вести дело серьезно, иначе ни черта не выйдет. Не будем являться на лекции, не будем говорить в одиночку с начальством» [1. С. 205]. На сходке 2 марта студент Рубецкой, осознавая значимость «массового» аспекта в протесте, предложил товарищам «в случае исключения» «устроить круговую поруку», подавая «заготовленные заблаговременно прошения об увольнении» [23. Л. 9 об.].

Своевременным видится отметить то значение, которое инспекция и правление отводили ответной мере, направленной на разбитие коллектива и персонализацию ответственности. Проявилось это не только в настойчивом желании инспектора говорить со студентами «по отдельности», но прежде всего в строгом учете педелями всех участников сходок, беспорядков, вечеров и т.д. Каждый участник массового мероприятия по возможности запоминался, а список провинившихся позволял расправиться с отдельными студентами, так как совокупность их для карающей системы оставалась пугающей и недостижимой. Трудно объяснить в этой связи выводы из доклада Ванновского, в котором глубинные причины беспорядков усматривались «в полной беспризорности учащейся молодежи», «разобщенности студентов как между собою, так и с профессорами и инспекцией». Авторы доклада представили движущую силу протеста не иначе как главным инструментом борьбы с ним. Впрочем, есть в этих словах и определенная последовательность: по мысли составителей, узаконение форм коллективной активности студенчества лишило бы смысла нелегальные массовые протесты, а «возможность корпоративного устройства студентов» могла минимизировать значение тайных организаций [3. С. 65, 68].

Однако за коллективизацией протеста мы не можем упустить из виду и другую стратегию сопротивления. Связана она с моделями реакций на внушения, выговоры и наказания. И здесь мы встречаем неоднозначную картину. С одной стороны, отдельные студенты при столкновении с необходимостью соблюдать правила, реальные и придуманные, обоснованные и абсурдные, предпочитали прямо выражать свой протест, что в восприятии инспектора выглядело «дерзким» и «грубым». В октябре 1893 г. группа студентов не уступила в коридоре место ректору. В ответ на замечание инспектора один из них, А. Панов, оглянулся по сторонам и спросил: «А разве ему мало места?». В Штрафной книге мы встречаем, например, случаи открытого игнорирования предписаний относительно формы. В записи от 16 мая 1894 г. инспектор отмечал в Штрафной книге: «Как зимою большинство носило шубы, а не форменное пальто и шапки, так теперь приблизительно около 100 человек носит партикулярное пальто. Некоторые прямо говорят, что нет нужды в форменном пальто».

Тогда же студент 2-го курса Цейтлин в присутствии инспектора усомнился в необходимости соблюдать форму, за что был отправлен в карцер на сутки [1. С. 59]. В августе 1894 г. студент Алчдаевский попросил Пятницкого «выражаться осторожнее», когда тот пригрозил ему «сообщить о его доблестях в правление» (несоблюдение формы и приветствий). В октябре от второкурсника Барзаковского, не удостоившего инспектора поклоном, последний услышал следующую реплику: «Я раскланиваюсь только с тем, от кого могу видеть для себя пользу и кого уважаю». В январе 1895 г. студентам Сокольникову и Ермоловичу был сделан выговор за резкий тон по отношению к профессору А.В. Репреву. Студент Жуков однажды демонстративно отказался говорить с инспектором, а на требование «держаться прилично» ответил: «Все это такая мелочь» и т.д.

Со всем тем более распространенной практикой реакции на выговоры инспектора мы можем признать ложное уклонение, когда провинившийся обещает непременно исправиться, но всякий раз поступает по-своему. Формальные признаки уважения к начальству стали достойным ответом на формальные же, с точки зрения студентов, предписания. «Самых честных правил» инспектор Пятницкий, по-видимому, впадал в недоумение, когда после заверений впредь соблюдать предписания студенты вновь подавали повод к нареканиям инспекции. Так поступал тот же Флеров, «произведя» угнетающее впечатление своим видом в комиссии по расследованию обстоятельств танцевального вечера 29 октября. Когда члены комиссии поинтересовались его самочувствием, Флеров заявил, что у него «тиф, 40 градусов». Однако инспектор отметил в Штрафной книге, что в общении в тот день он «держал себя, как объективно здоровый» [1. С. 42]. Систематично, но вежливо избегали требований соблюдать форму студенты В. Виноградов, В. Скворцов, В. Сперанский и др. 19 октября 1895 г. правление ИТУ уведомило, что ко всем студентам, которые «в текущем семестре не обзаведутся форменной одеждой», будут применены «более строгие меры».

А.П. Пятницкий, подавший предварительно рапорт по этому вопросу, писал: «Студенты приводят в оправдание своей неисполнительности, что они “средств не имеют на форменное пальто” или “приобретут пальто тогда, когда деньги будут”, а срока не указывают» [1. С. 108].

Ранее, в декабре 1893 г., инспектор потратил неделю на разговоры со студентами по поводу непосещения их церкви в царские дни. Запись в Штрафной книге не лишена экспрессии оскорбленных чувств: «Станным мне кажется самый характер формального приглашения студентов в Царские дни. Раз бы навсегда вменить студентам в обязанность знать высокопраздничные Царские дни и чтить их». И далее: «А то приходится слышать при расспросах студентов о причинах непосещения церкви, что иной забыл, иной не знал, иной опоздал (не в первый уже раз) и т.д.» [Там же. С. 35–36].

Умолчание и вежливость, за которыми следовал уход от тягостных повинностей, таким образом, были средством сопротивления не менее действенным, чем открытый протест. Парадокс заключается в том, что попытка сохранить свободное пространство повседневности, код собственной идентичности осуществлялась за счет намеренного сокрытия этой идентичности, демонстративной деперсонификации. В феврале 1898 г. на страницах томской газеты «Сибирский вестник» была опубликована телеграмма Эмилю Золя. Желая внушить «нравственное сознание правоты» деятельности писателя в связи с делом Дрейфуса и руководствуясь порывом донести сочувствие «великому борцу и защитнику самых святых прав человека», адресанты – шестеро студентов – тем не менее в телеграмме пожелали остаться неназванными [15. 1898. 26 февр.]. Стоит ли удивляться, что усилия инспекции были мгновенно направлены на выявление «скрытых» лиц. Ими оказались студенты Данилов, Еланцев, Ефремов, Колошин, Крагинов, Травин. За содеянное все они получили выговор [1. С. 162–163].

Истинный свой облик, таким образом, студент Императорского Томского университета обретал лишь будучи сокрытым маской. Речь, конечно же, о маске символической, однако, что характерно, иррациональное нетерпение инспекции вызывало и участие студентов во вполне материальных маскарадах. Так, в декабре 1895 г. студент И. Громов был обнаружен в местном театре «в маскараде», «партикулярном платье и маске», за что получил замечание от помощника инспектора Доброхотова. Н. Алексеев тогда же «в маскараде» был «замаскированным», о чем имеется запись в Штрафной книге. И впредь «замаскированные» удостаивались чести быть занесенными на страницы этой книги.

24 февраля 1899 г. студенты Томского университета, отказавшись покинуть аудиторию главного корпуса, стали подписывать телеграмму с выражением солидарности петербургским студентам. Планировалось отправить и петицию министру народного просвещения. Университет был признан студентами временно закрытым. 2 марта, как уже было упомянуто, в той же аудитории состоялась вторая общестуденческая сходка. На ней зачитывались письма из столицы

и отрывки из немецких газет. «Эти письма, – вспоминал Гречищев, – стимулировали боевое настроение томского студенчества, а оно и без того оставалось массово боевым в такой степени, что забастовка протекала единодушно, без штрейкбрехеров». Зашла речь и о наказаниях, которые не заставили себя ждать. В том же месяце масса протестующих была разбита на стройные «конduitные» списки, систематизированные по степени тяжести наказания. Более 60 студентов были исключены из университета. Часть из них была лишена права обратного поступления. Многие были высланы «на родину». 6 марта на станции Меженинова (ныне Томск-I) состоялись проводы студентов, где присутствовали «встревоженные» горожане: интеллигенция, рабочие, видные общественные деятели. Был там и директор Томского технологического института Е.Л. Зубашев. Отъезжающие студенты благодарили за сочувствие. «Прощальная речь исключенного и высылаемого студента» нашла свое выражение в стихотворении «В память 6-го марта 1899 г.». Звучали строки из письма «От сочувствующих гимназисток».

Вскоре последовало официальное закрытие университета. Всем студентам было предложено подать «индивидуальное заявление» для восстановления в университете. Гречищев вспоминал: «Значительное количество студентов предпочло разъехаться, а не спешить с заявлениями об обратном приеме в университет, тем более что ожидался жесткий подход со стороны администрации к таким заявлениям».

Безусловно, университетское руководство и инспекция были нацелены на мишень деколлективизации протеста, но солидарность и память о весне 1899 г. и позднее продолжали жить среди студентов. После возобновления занятий осенью того же года в Штрафной книге было зафиксировано, что так называемые сторонники другой партии, т.е. подавшие прошения об обратном поступлении, встречают не самый лучший прием со стороны сочувствующего большинства, для обозначения которых использовалось слово «обструкторы». Так, 22 октября в гостинице «Россия» группа студентов из числа последних встретила криками «Подлец!» некоего Нарциссова. Ночью на Ярлыковской улице завязалась драка. Предметом недопонимания послужило то же оскорбление в адрес двух студентов. По тем же причинам позднее инспектор Григоровский доложил ректору о том, что в начале ноября 1900 г. группа студентов юридического факультета ИТУ, явившись послушать лекцию в Томский технологический университет, вынуждена была отказаться от своих планов. Один из студентов-технологов перед лекцией выступил перед аудиторией со следующими словами: «Среди нас, господа, есть такие студенты университета, которые скомпрометировали себя во время известного студенческого движения 1899 года... Таковым не место среди нас, и я от лица нас и от лица всего курса предлагаю им оставить аудиторию». Григоровский отмечал, что вслед удалявшимся студентам университета «раздались аплодисменты и свист» [24. Л. 22].

Глубинные причины массовых протестов не были устранены, а потому волны новых «обструкций» были

неизбежны. Заметим, что в 1901 г. репрессии против студентов были усилены тем, что над исключенными из университетов, по так называемым Временным правилам, нависала угроза «попасть в солдаты». Жесткое подавление в дореволюционный период, впрочем, чередовалось и умеренными уступками. В частности, в период Первой русской революции, в августе 1905 г., в вузах была отменена инспекция. Прежняя сфера деятельности этой структуры передавались в ведение проректоров и профессорских дисциплинарных судов. Видимо, были учтены и положения из доклада Ванновского, когда студентам было дано право создавать коалиционные органы студенческого самоуправления. Однако отмечается, что «по мере спада революции эти права были значительно урезаны» [25. С. 23].

Подводя итог настоящему исследованию, отметим, что события 1899 г. имели широкие предпосылки, код которых зашифрован в структуре повседневности студента 1890-х гг., равно как и более ранних периодов. Бытие студента, университетское и частное, в рассмотренный период оказалось под куполом неустанного надзора инспектора, его помощников и

педелей, правления университета. Практика реализации тотального контроля фактически стерла грань между личной и профессиональной повседневностями учащихся, создав ситуацию, при которой приоритетными предметами паноптического наблюдения становились не столько успеваемость и взаимоотношения с профессорами, сколько досуг, индивидуальные предпочтения, в частности в одежде и книгах, дружеские и личные связи, религиозные чувства.

Целенаправленный и намеренный характер нарушений установленных правил, которые далеко не исчерпывались писаными положениями, заставляет нас судить о них как о практиках сопротивления студенчества тотальному дисциплинарному надзору. Реализовывались эти практики по траекториям коллективизации протеста, открытого недовольства и деперсонализации в моделях поведения студента с инспектором и университетским руководством. Именно на противодействие этим аспектам была направлена философия подавления, которая рядом со словом объекта этого влияния – студента Императорского Томского университета нашла отражение в депрессивных хрониках Штрафной книги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штрафная книга Императорского Томского университета. 1893–1900 // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 12. Д. 17. 231 с.
2. Правила для студентов университета. Томск : Типо-литография Михайлова и Макушина, б. г. 54 с.
3. Ванновский П.С. Доклад о студенческих беспорядках 1899 года // Издание журнала «Северная Пальмира» (В.С. Туманина). СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1906. С. 1–68.
4. Голос из общества // Студенческое движение 1899 г. : сб. под ред. В.Г. и А.Г. Чертковых (Второе издание «Свободного слова»). Purleigh, Maldon, Essex, England, 1900. № 29. С. 9–25.
5. Комиссия Ванновского // Студенческое движение 1899 г. : сб. под ред. В.Г. и А.Г. Чертковых (Второе издание «Свободного слова»). Purleigh, Maldon, Essex, England, 1900. № 29. С. 30–35.
6. Пайпс Р. Русская революция: в 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1907. М. : Захаров, 2005 [Электронный ресурс] // Публичная библиотека. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PAYPS_Richard/_Payps_R..html (дата обращения: 19.02.2019).
7. Гречишев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 368–406.
8. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 68.
9. Тимашев С.М. Отрывки из воспоминаний старого студента // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 279–285.
10. Рубинштейн Л.И. Воспоминания первого студента Императорского Томского университета // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 407–420.
11. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 480.
12. Устав общежития студентов при Томском университете // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. Год III. № 8. 1888. С. 171–174.
13. Права и преимущества университетов / Об инспекторе студентов и его помощниках // Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. Т. XI, ч. 1. СПб., 1893. С. 73–74.
14. Инструкция для инспекции студентов Императорского Юрьевского университета // Министр народного просвещения, Статс-секретарь граф Делянов. 12 сент. 1895 г.
15. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск.
16. Сибирская жизнь. Томск.
17. Зарницын Н. Дни Юности // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых (отв. ред.), С.А. Некрылов, М.В. Грибовский и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 421–427.
18. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1893 г. Томск : Типо-литография П.И. Макушина, 1894. 82 с.
19. ГАТО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 168.
20. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 85.
21. Список студентов и посторонних слушателей Императорского Томского университета за 1896–97 академический год. Томск : Типо-литография П.И. Макушина, б. г.
22. Духовная школа: Сборник. М. : б. и. 1906. 348 с.
23. ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 6.
24. ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 97.
25. Ищенко О.В. Правовое положение сибирского студенчества в начале XX в. // Сборник научных трудов преподавателей и сотрудников филиала Уральской академии государственной службы в г. Лангеласе / сост. О.В. Ищенко. Екатеринбург, 2003. Вып. 1. С. 22–31.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 февраля 2019 г.

Through the Pages of the Penal Book: The System of Punishments and the Practice of Students' Resistance to Disciplinary Supervision at the Imperial Tomsk University (1893–99)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 184–197.

DOI: 10.17223/15617793/443/23

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Keywords: Penalty book; history of students; system of punishments; protest discourse; student unrest of 1899; Imperial Tomsk University.

In the article, the system of punishment of students of the Imperial Tomsk University is reconstructed. This is done on the materials of the Penalty Book, office documentation, periodicals, sources of personal origin. The Penalty Book contains data on misconduct and punishment of students of the University during 1893–99. This time immediately precedes the 1899 Russian student strike which occurred in Tomsk. These facts allow considering the everyday life of a student imprisoned in the space of “crime and punishment” as a chronicle of the psychological prerequisites of mass protest. The mission to protect the “order and decency” at the University was assigned to the Inspectorate. The students’ inspector A.P. Pyatnitsky wrote the Penalty Book from 1893 to 1897 and was rather subjective. He is considered to be an unreliable narrator in the article. Pyatnitsky’s subjectivity is reflected in the Penalty Book, which turns it into a sort of a personal diary. Violations of the Rules for Students and the Rules of the Hostel of Tomsk University entailed reprimand, imprisonment in a punishment cell, loss of financial benefits (scholarships, the right to exemption from tuition fees) and a place in the hostel, expelling from the University, including bans on teaching and further education in Russian universities. It is emphasized that students’ actions not covered by the rules were also reprimanded. Implementation of the punishments shows that the will of the inspector was actually infinite; he had control over students’ life outside of the University. This removed the distinction between the personal and professional lives of students and created a situation in which the priority subjects of panoptic observation were not so much academic performance and relationship with professors as leisure and individual preferences, in particular in clothes and books, friendly and personal relationships, political views and religious feelings. It is noted that the philosophy of suppression in the period under review was based on the concept of an “isolated” student. The deliberate and systematic violations allow considering students’ misconduct in terms of practices of resistance to total control. In turn, the strategies of this resistance were built along the lines of collectivization, open challenge and false avoidance, or depersonalization in student behavior patterns with the inspector and University leadership. A striking manifestation of the latter strategy was a symbolic masquerade. It is paradoxical that the preservation of the freedom of the student of the Imperial Tomsk University was in direct dependence on the intentional “masking” of one’s own identity.

REFERENCES

1. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 12. File 17. *Shtrafnaya kniga Imperatorskogo Tomskogo universiteta. 1893–1900* [The Penalty book of the Imperial Tomsk University. 1893–1900].
2. Imperial Tomsk University. (s.d.) *Pravila dlya studentov universiteta* [Rules for university students]. Tomsk: Tipo-litografiya Mikhaylova i Makushina.
3. Vannovskiy, P.S. (1906) Doklad o studencheskikh besporyadkakh 1899 goda [Report on student unrest in 1899]. In: *Izдание zhurnala “Severnaya Pal'mira”* (V.S. Tumanina) [Publication of V.S. Tumanin’s journal “Severnaya Palmira”]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg.
4. Chertkovykh, V.G. & Chertkovykh, A.G. (eds) (1900) Golos iz obshchestva [A voice from society]. In: *Studencheskoe dvizhenie 1899 g.* [Student Movement of 1899]. Is. 29. Purleigh, Maldon, Essex, England. pp. 9–25.
5. Chertkovykh, V.G. & Chertkovykh, A.G. (eds) (1900) Komissiya Vannovskogo [The Vannovskiy Commission]. In: *Studencheskoe dvizhenie 1899 g.* [Student Movement of 1899]. Is. 29. Purleigh, Maldon, Essex, England. pp. 30–35.
6. Pipes, R. (2005) *Russkaya revolyutsiya: v 3 kn.* [Russian revolution: in 3 books]. Book 1. Moscow: Zakharov. [Online] Available from: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PAYPS_Richard_Payps_R..html. (Accessed: 19.02.2019).
7. Grechishchev, K.M. (2014) Iz zhizni studentov Tomskogo universiteta (do 1900 g.) [From the life of students of Tomsk University (before 1900)]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [The Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 68. (In Russian).
9. Timashev, S.M. (2014) Otryvki iz vospominaniy starogo studenta [Excerpts from the memories of an old student]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [The Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Rubinshteyn, L.I. (2014) Vospominaniya pervogo studenta Imperatorskogo Tomskogo universiteta [Memories of the first student of the Imperial Tomsk University]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [The Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 1. File 480. (In Russian).
12. A Circular in the West Siberian educational district. Year III. No. 8. 1888. pp. 171–174. *Ustav obshcheshchitiya studentov pri Tomskom universitete* [Charter of the student hostel at Tomsk University].
13. Russian Empire. (1893) *Svod ustavov uchenykh uchrezhdeniy i uchebnykh zavedeniy vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Charters of scientific and educational institutions of the Ministry of National Education]. Vol. XI. Pt. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 73–74.
14. Anon. (1895) *Instruktsiya dlya inspeksii studentov Imperatorskogo Yur'evskogo universiteta* [Instructions for the students’ inspectorate of the Imperial Yuryevsky University]. Minister of National Education, Secretary of State Count Delianov. 12 Sep 1895
15. *Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni*. (n.d.) Tomsk.
16. *Sibirskaya zhizn'*. (n.d.) Tomsk.
17. Zarnitsyn, N. (2014) Dni Yunosti [Days of youth]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [The Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Imperial Tomsk University. (1894) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1893 g.* [Report on the state of the Imperial Tomsk University for 1893]. Tomsk: Tipo-litografiya P.I. Makushina.
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 2. File 168. (In Russian).
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 85. (In Russian).
21. Imperial Tomsk University. (s.d.) *Spisok studentov i postoronnikh slushateley Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1896–97 akademicheskoy god* [List of students and outside listeners of the Imperial Tomsk University for the 1896–97 academic year]. Tomsk: Tipo-litografiya P.I. Makushina.
22. Anon. (1906) *Dukhovnaya shkola: Sbornik* [Theological School: A collection]. Moscow: [s.n.].

23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 10. File 6. (In Russian).
24. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 10. File 97. (In Russian).
25. Ishchenko, O.V. (2003) Pravovoe polozhenie sibirskogo studenchestva v nachale XX v. [The legal status of Siberian students in the early twentieth century]. In: Ishchenko, O.V. (ed.) *Sbornik nauchnykh trudov prepodavateley i sotrudnikov filiala Ural'skoy akademii gosudarstvennoy sluzhby v g. Langepase* [Collection of research works of the faculty and staff of the branch of the Ural Academy of State Service in Langepas]. Is. 1. Yekaterinburg: [s.n.], pp. 22–31.

Received: 26 February 2019

Н.П. Турова

ЛИЦЕВЫЕ ПОКРЫТИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ЮДИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

*Работа выполнена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0001
«Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)».*

Приводится характеристика элементов погребальных лицевых покрытий (масок), выявленных в ходе археологических исследований на юдинском могильнике Вак-Кур (Западная Сибирь, Нижнее Притоболье). Дается детальное описание металлических элементов масок, проводится их сравнение с синхронными лицевыми покрытиями с территории Западной Сибири, Предуралья, Венгрии. Установлено, что детали лицевых покрытий из могильника Вак-Кур наиболее близки венгерским изделиям. Для интерпретации их функционального назначения привлечены материалы из обско-угорской этнографии.

Ключевые слова: Западная Сибирь; Нижнее Притоболье; эпоха Средневековья; юдинская культура; грунтовый могильник Вак-Кур; погребальные лицевые покрытия / маски.

Некрополи, бесспорно, являются уникальными комплексами, в которых нашли отражение разнообразные мировоззренческие установки населения. Археологически фиксируемые элементы погребально-поминального обряда позволяют приблизиться к пониманию основы мировосприятия древнего населения, к решению вопросов этно- и культурогенеза. Существует как ряд стандартных элементов обряда, которыми оперируют ученые при характеристике изучаемой культуры, так и специфических, которые встречаются значительно реже. К последним, несомненно, можно отнести погребальные маски (лицевые покрытия), которые бытовали в разное время во многих уголках мира.

Применение разнообразных лицевых покрытий в погребальном обряде на рубеже эр широко распространяется на просторах Евразии (от Сирии и Причерноморья на западе, до Минусинской котловины на востоке) [1. С. 358]. В эпоху средневековья использование в погребальном обряде лицевых пластин и масок было распространено в Евразии на территории Прикамско-Поволжского региона, Паннонии, Западной Сибири.

Первой обобщающей работой по погребальным маскам стала статья Е.П. Казакова, основанная на материалах Танкеевского могильника [2]. В качестве археологических аналогий танкеевским погребальным лицевым покрытиям исследователь приводит изделия со средневековых некрополей Волго-Уральского региона и Венгрии; их функции определены с опорой на этнографию обских угров Западной Сибири. При этом, вплоть до настоящего момента, нет специальных работ, отражающих такую специфическую деталь погребального обряда, как погребальные маски, у средневекового населения западносибирского региона. Ведь именно здесь происходил этно- и культурогенез аборигенного населения края – хантов и манси, у которого этнографами зафиксировано применение погребальных лицевых покрытий [3. Т. 1. С. 76–77; 4. С. 3; 5. С. 143].

Целью данной работы является введение в научный оборот материалов с крупнейшего некрополя юдинской археологической культуры – могильника Вак-Кур, свидетельствующих об использовании лицевых

покрытий в погребальной обрядности юдинского населения Нижнего Притоболья на рубеже I–II тыс. н.э. К юдинской археологической культуре исследователи относят средневековые памятники южнотазежного и лесостепного Зауралья, в керамических комплексах которых присутствует шнуровой орнамент. Временные рамки существования культуры, по мнению одной части ученых, – X–XIII вв. н.э. [6. С. 175], по мнению других – VII–XIV вв. [7. С. 150]. С юдинской культурой ученые связывают этногенез манси [6. С. 175]. К погребальным памятникам относят 8 некрополей VI–XIII вв., среди которых наиболее полно изученными являются могильники: Пылаевский [8], Ликинский [9] и Вак-Кур [10–12].

Впервые об использовании наглазников и нагубников, изготовленных из разрубленных на части медных блях, в двух погребениях Пылаевского могильника юдинской культуры написали Ю.М. Кутаков и А.В. Старков [8. С. 138], однако детальный анализ расположения пластин (согласно описанию и планам погребений) [8. С. 132, 140], а также отсутствие следов окислов на зубах и лицевой части черепов (согласно проведенному антропологическому исследованию останков погребенных) [13. С. 147–148] не позволяют уверенно отнести обнаруженные в погребениях Пылаевского могильника пластины к деталям лицевого покрытия.

Поэтому к настоящему времени единственным юдинским некрополем, на котором достоверно зафиксирован факт применения в погребальной обрядности лицевого покрытия является могильник Вак-Кур.

Памятник находится в юго-восточной части ареала юдинской археологической культуры (Ярковский район Тюменской области, правобережье р. Тобол). К настоящему времени шестью раскопами исследовано 220 погребений могильника (раскопки В.А. Заха, М.А. Бусловой и А.А. Адамова). Датировается памятник X–XI вв. н.э. [10. С. 249]. Подавляющее количество захоронений некрополя нарушено постингумационными проникновениями, в результате чего практически все останки погребенных и инвентарь смещены с первоначальных мест и находятся в могилах, в их заполнении и межмогильном пространстве [12]. Лишь 12 (5,5%) погребений могильника можно отнести к

«непотревоженным»: 10 детских (младенческих?) захоронений, а также 2 взрослых, в которых анатомический порядок костей был нарушен уже к моменту погребения (вторичное и парциальное захоронения). Кроме того, почва могильника Вак-Кур – супесь – сохраняет лишь фрагменты крупных костей (преимущественно нижних конечностей), черепных коробок и зубов. Поэтому многие могилы не содержат костных останков. Материалы наиболее полно сохранившихся погребальных комплексов свидетельствуют о том, что умерших хоронили в неглубоких ямах по обряду ингумации, на спине, головой в западном и северо-западном направлении. Характерной особенностью погребальной обрядности является поломка части сопроводительного инвентаря.

На площади всех раскопов некрополя (в могилах и межмогильном пространстве) обнаружены небольшие медные пластинки, не являвшиеся обломками каких-либо готовых изделий. Они фигурировали в научных отчетах под наименованием «медные пластинки» или «обломки невыразительных бронзовых изделий». Лишь исследованное А.А. Адамовым в 2004 г. погребение под № 124 позволило определить их роль в погребальном обряде юдинского населения рубежа I–II тыс. н.э. и причислить к особой категории погребаль-

ного инвентаря – металлическим элементам погребальных лицевых покрытий. Приведем описание данного погребального комплекса.

Описание погребения № 124 (рис. 1, 2). Данный погребальный комплекс располагался на площади раскопа № 4 (северо-восточная окраина некрополя), в секторах 20 и 23. Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии СЗ – ЮВ, с отвесными стенками, размером $1,98 \times 0,71$ м и глубиной до 0,25 м от уровня материка (глубина от уровня дневной поверхности – около 0,6 м). Заполнение могильной ямы представлено светло-серой супесью. От погребенного ребенка 9–10 лет¹ (судя по многочисленным бронзовым украшениям – девочки) в северо-западном конце могилы находился только череп плохой сохранности (треснувший, несколько развалившийся), слегка повернутый на правый бок и лежащий, скорее всего, *in situ*. Возможно, погребение – парциальное и захоронена была лишь голова, т.к. костных останков на прилегающем к могиле пространстве не обнаружено; с другой стороны, размеры могильной ямы, а также фиксировавшаяся на дневной поверхности западина (находилась над центральной частью рассматриваемого погребения) могут свидетельствовать о захоронении целого тела.

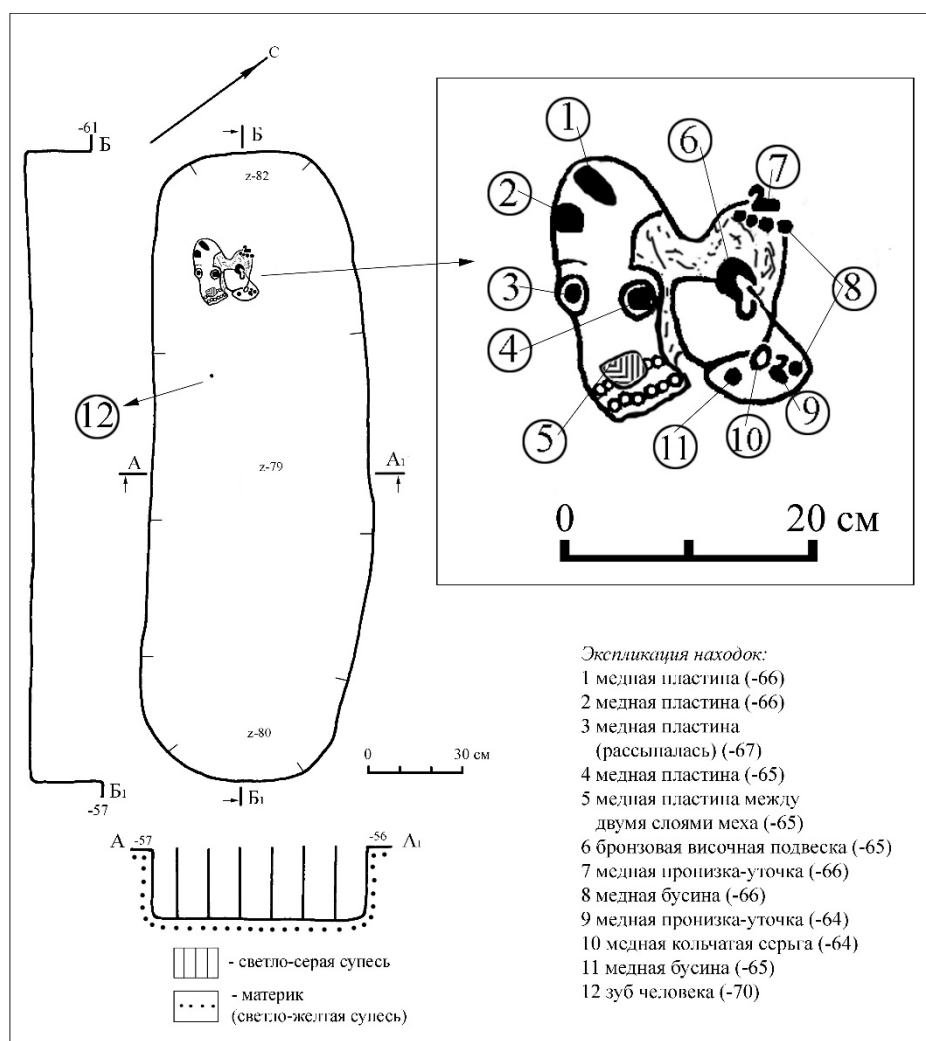

Рис. 1. Могильник Вак-Кур. План и разрез погребения № 124

На черепе находилось 5 пластин, изготовленных из тонкой листовой меди (рис. 2: 1, 2, 6, 7). Две пластины располагались в глазных впадинах: правый наглазник не сохранился (он фиксировался лишь по следу окисла); левый наглазник подтрапециевидной формы со скругленными углами, наибольшей длиной 3,1 см, шириной – 2,4 см, толщиной около 0,08 см (рис. 1, 2: 6). Наротник также медный, трапециевидной формы (длина – 3,1 см, ширина – 2,4 см, толщина около 0,06 см); как на пластине, так и под ней сохранились фрагменты меха (рис. 1, 2: 2). На лбу обнаружено еще две пластины: продолговатая пластина длиной 6,3 см, шириной 1,7 см, толщиной 0,05 см располагалась примерно по центру лобной кости (рис. 2: 1); пластина округлой формы длиной 3,1 см, шириной 2,6 см, толщиной 0,08 см находилась над правой глазной впадиной, у височной кости (рис. 2: 7).

Кроме пластин, на черепе и под ним находилось большое количество медных и бронзовых украшений (на плане не показаны изделия, находившиеся под черепом) (рис. 1, 2), благодаря которым сохранились фрагменты органики (волосы, мех, войлок, древесные волокна). По бокам от черепа обнаружена пара медных кольчатых серег (рис. 2: 5). Слева на черепе, в районе височной кости, находилась бронзовая височная калачевидная подвеска (рис. 2: 3). Также по обе

стороны от черепа находились 3 пронизки-уточки (рис. 2: 4, 8) и 15 медных бусин (они были нанизаны на кожаные ремешки, вдетые в пронизки-уточки), вероятно являвшиеся украшением головного убора или прически (рис. 2: 9–16). К юго-востоку от черепа найден человеческий зуб, возможно, попавший в могилу вместе с засыпкой (рис. 1).

Описание вещевого комплекса; поиск аналогий; датировка. По обе стороны черепа находились три пронизки-уточка (рис. 2: 4, 8), представляющие собой полые, двухсторонние, открытые снизу отливки в виде стилизованного изображения уточки. Небольшая головка, закрученная в виде петельки, изображена довольно схематично. На спине – отверстие для подвешивания. Тулово гладкое (2 экз.) или с обозначенными с помощью гладких валиков крыльями (1 экз., с привеской-лапкой), в нижней части основания, по центру, аходятся две петли (расположены поперек изделия) для лапчатых привесок. Большинство таких пронизок встречено на северо-западе Восточной Европы X–XI вв. [14. С. 19, рис. 4: 6–8]. Бронзовые пронизки с подвесками-«лапками» встречаются в могильниках X–XI вв. Верхнего Прикамья [15. С. 466, рис. 204: 11–13]. В небольшом количестве они найдены и на западносибирских памятниках рубежа I–II тыс. н.э. [16. С. 72–73].

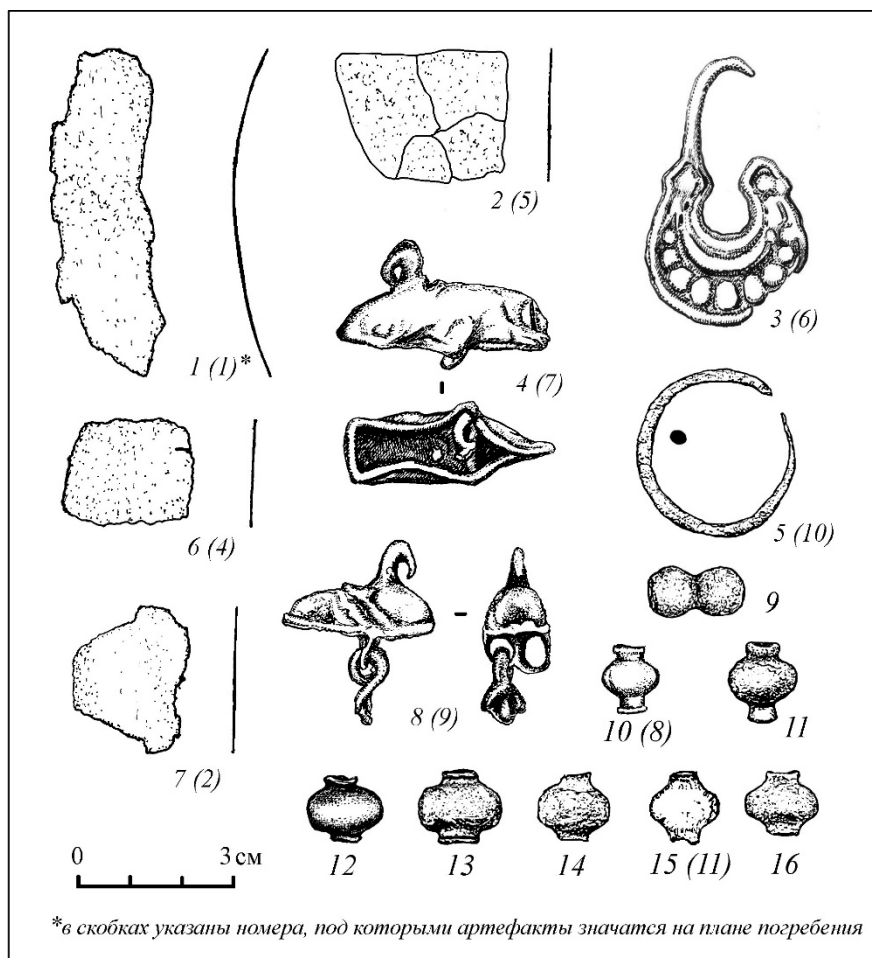

Рис. 2. Могильник Вак-Кур. Инвентарь из погребения №124. Материал: 3 – бронза; остальное – медь

Литая височная калачевидная подвеска (рис. 2: 3) из погребения № 124 декорирована с одной стороны девятью круглыми выступами разных размеров; щиток серповидной формы имеет выступы-«ушки» при переходе к дужке. Медные и серебряные калачевидные височные подвески / серьги встречаются в материалах памятников конца I – начала II тыс. н. э. Ветлужско-Вятского междуречья [17. С. 133, рис. 27: 4–5, рис. 153: 6–7, рис. 184: 2, рис. 245: 3], Пермского Предуралья [18. С. 165, рис. 54: 14–16; 19. С. 54, рис. 1: 18–30], Европейского Севера [20. С. 34, рис. 4:

3, 22, с. 46] и Западной Сибири [21. С. 81, рис. 11, с. 85, рис. 29, с. 88, рис. 47]. Близких аналогий данной височной подвеске выявить не удалось. Подвески сходных форм, но без орнамента имеются среди материалов Рождественского могильника X–XI вв. в Верхнем Прикамье [15. С. 446, рис. 181: 20]. На этом же могильнике присутствуют и калачевидные височные подвески с кружковым орнаментом [15. С. 446, рис. 181: 22, 29]; похожий орнамент имеется на изделии из могильника X–XI вв. Барсов Городок в Сургутском Приобье [21. С. 88, рис. 47].

Таблица 1

Распределение металлических деталей погребальных лицевых покрытий на площади могильника Вак-Кур и их основные характеристики

№ раскопа	Кол-во изученных могил	Кол-во пластин	Могилы, в которых выявлены пластинки (кол-во: взр./детск.)	Пластинки из междоугольного пространства (шт.)	Материал пластин (шт.)	Орнамент на/под пластинами (шт.)	Пластинки с орнаментом (шт.)	Пластинки с отверстиями (шт.)
1	10	8	5: 2/3	–	медь (8)	мех (1)	–	–
2	23	20	7: 3/4	–	медь (20)	мех (1)	–	1
3	44	11	7: 5/2	–	медь (11)	войлок (1)	7	1
4	69	31	11: 9/2	5	медь (22) серебро (9)	войлок (2) мех (2)	–	3
5	31	1	1: 1/0	–	серебро (1 шт.)	–	–	–
6	43	3	1: 0/1	–	медь (3)	–	–	2
Всего	220	74	32: 20/12	5	медь (64) серебро (10)	мех (4) войлок (3)	7	7

Две медные круглопроволочные кольчатые серьги диаметром около 3 см найдены по обе стороны от черепа (рис. 2: 5). Подобные украшения были достаточно широко распространены как территориально, так и хронологически.

В погребении встречены медные бусины-«флакончики» (14 шт.) нескольких вариантов: без воротничка вокруг отверстий (11 шт., диаметр тулова от 1, 1,25 и 1,7 см) (рис. 2: 10–13) и с гладким воротничком вокруг отверстий (3 шт., диаметр тулова 1,4 см) (рис. 2: 14–16). Подобные бусины были широко распространены в X–XI вв. на территории Европейского Севера в древностях белоозерской и приладожской веси [20. С. 34, рис. 4: 19, с. 38–39; 22. С. 61, табл. 2: 7]; встречаются на памятниках Пермского Предуралья [15. С. 464, рис. 202: 14–16; 18. С. 141, с. 172, рис. 61: 6–10], Сургутского и Юганского Приобья [21. С. 82, рис. 15, 16; 16. С. 91, табл. 56: 28].

На одном ремешке вместе с вышеописанными бусинами находилась и одна двухчастная медная бусина (рис. 2: 9). Подобные изделия имеются среди материалов X–XI вв. Рождественского и Огурдинского могильников Пермского Предуралья [15. С. 464, рис. 202: 24, 25; 18. С. 173, рис. 62: 2], в могильниках Юганского Приобья [16. С. 91, табл. 56: 25], на па-

мятниках XI – нач. XII вв. на северо-западе Восточной Европы [20. С. 34, рис. 4: 9, с. 40].

Итак, по комплексу сопроводительного инвентаря погребение № 124 можно датировать второй половиной X – первой половиной XI вв.

Судя по материалам детского погребения № 124, юдинское население использовало в похоронной обрядности лицевые покрытия, состоящие из мехового покрывала, а также металлических накладок (медных), которые располагались на глазах, губах и на лбу (продолговатая форма одной из пластин, обнаруженных по центру лобной кости, длинной стороной поперек нее, наводит на мысль о возможном использовании данной пластины в качестве накладки на нос, но смещенной с места, возможно, в момент погребения – при покрытии головы (тела) еще одним слоем меха).

Характеристика элементов погребальных лицевых покрытий могильника. Кроме вышеописанного погребального комплекса разнообразные по форме металлические пластинки, не являющиеся фрагментами готовых изделий, обнаружены на площади всех шести раскопов могильника Вак-Кур (рис. 3, табл. 1). Косвенным подтверждением использования обнаруженных пластин в качестве лицевого покрытия является их залегание преимущественно в западной части могилы (район черепа), а также следы

зеленой окиси на зубах погребенных (так, например, в погребении № 69 раскопа 3 зубы верхней челюсти

имели зеленый цвет, при том, что ближайшие медные / бронзовые изделия находились в 0,6 м от них).

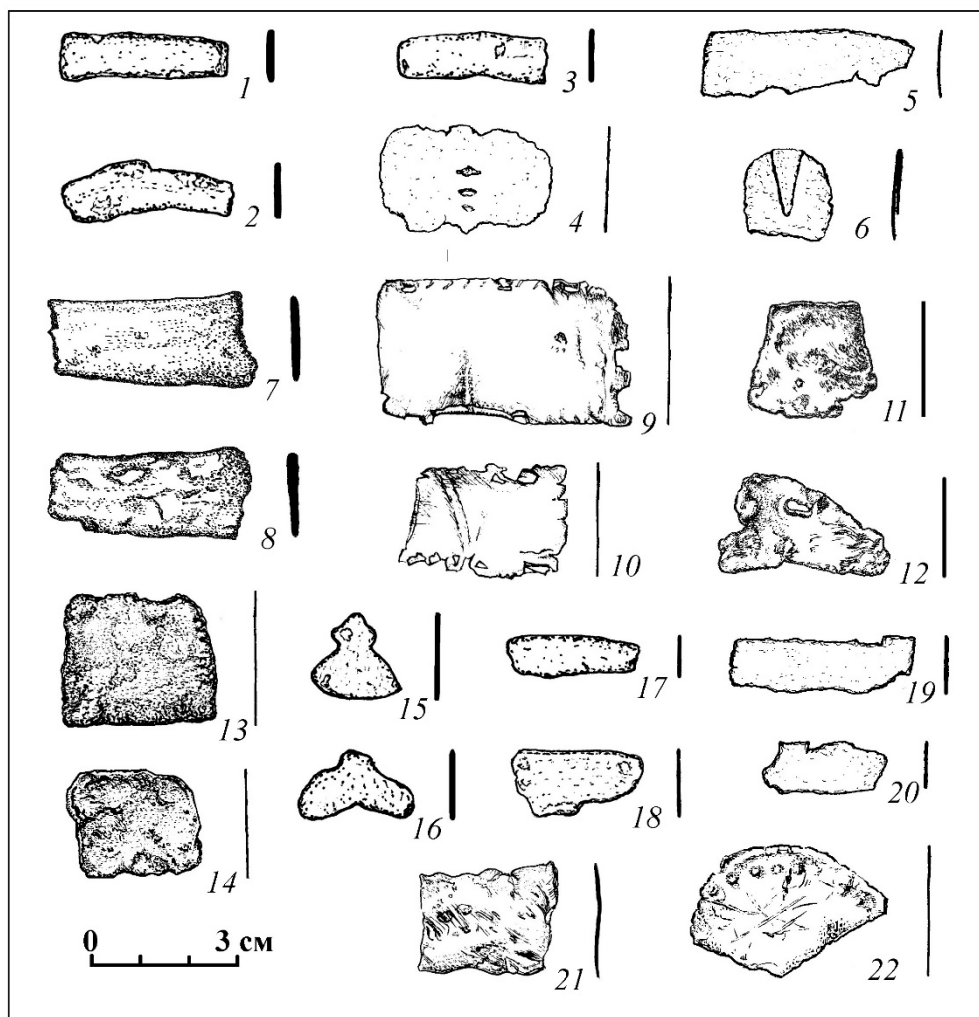

Рис. 3. Могильник Вак-Кур. Металлические элементы погребальных лицевых покрытий.
Материал: 4, 9, 10, 21, 22 – серебро; остальное – медь

Общее количество найденных пластин – 74 шт. (с учетом материалов из погребения № 124). Подавляющее их количество находилось в заполнении 32 могил (20 взр., 12 – детск.²), в межмогильном пространстве найдено 5 пластинок. Материал: 64 накладки (86,5%) изготовлены из меди; 10 пластин (13,5%) – из серебра. Форма пластин самая разнообразная. Чаще всего они имеют вытянутую подпрямоугольную форму (рис. 3: 1, 3, 5, 7–10, 14, 19), встречаются также квадратные (рис. 3: 13, 14, 21), подовальные (рис. 3: 4, 6), трапециевидные (рис. 2: 2; 3: 11), подтреугольные с одним скругленным краем (сегментовидные) изделия (рис. 3: 17, 22), а также пластинки неправильных форм (рис. 3: 15, 16, 18). Пластины преимущественно гладкие, без орнамента. Лишь на 7 экземплярах имеется своеобразный декор: выемки на 3 изделиях (рис. 3: 4), жемчужины – на 1 экз. (рис. 3: 22), насечки в виде стежков на трех серебряных пластинках (рис. 3: 9, 10).

Присутствие на 7 пластинах отверстий позволяет сделать предположение о том, что какая-то их часть могла нашиваться на меховое покрывало (рис. 3: 9,

10, 12). Фрагменты органики сохранились, кроме меха из погребения № 124, еще на некоторых пластинах (или под ними): мех (4 пластины), войлок (3 пластины) (табл. 1). Об использовании в качестве лицевого покрытия войлочной основы можно говорить лишь предположительно, так как они могут быть фрагментами выстилки могилы, или каких-либо других изделий. Например, под одной из пластин сохранился фрагмент шкуры, сшитой из кусочков, представляющей собой, вероятнее всего, остатки меховой одежды [11. С. 110].

Учитывая разграбленность некрополя, нельзя полностью исключать и возможность использования в качестве металлических деталей лицевого покрытия и готовых изделий³. Так, в погребении № 98 в непосредственной близости от черепа обнаружены 3 фрагмента от медной подвески с растительным орнаментом; в разрушенной западной части коллективного погребения № 84 (район головы) обнаружены 2 серебряных дирхема X в. с двумя пробитыми отверстиями на противоположных краях. Использование восточных монет зафиксировано на территории

Пермского Приуралья в двенадцати погребениях Баяновского могильника конца IX – нач. XI вв., где они клались на рот погребенных и, по мнению одного из исследователей некрополя, использовались вместо погребальных масок [23. С. 51, 53].

В эпоху средневековья разнообразные по форме и материалу погребальные покрытия использовались на территории Евразии населением Западной Сибири, Предуралья, Венгрии.

В Предуралье данная черта погребальной обрядности зафиксирована в разнокультурных могильниках:

- ванвиздинской культуры (VI–X вв.): в погребениях присутствуют серебряные наротники и наглазники с прорезями, а также золотые очкообразные наглазники с прорезями и наротник без прорези [24. С. 416, рис. 5: 6];

- ломоватовской культуры (VII–IX вв.): обнаружены вырезанные из тонких серебряных пластин очкообразные наглазники с узкими прорезями, в одном случае под ними зафиксированы остатки шелковой китайской ткани [25. С. 101, табл. VII: 12–13; 26. Табл. XXI: 33, 35];

- родановской культуры (вторая пол. X–XI вв.): выявлены серебряные маски с прорезями для глаз и рта (в одном случае глаза были обозначены чернью), имевшие по краю отверстия для пришивания на мягкую основу, а также серебряные и золотые наглазники и наротники с прорезями [15. С. 478–480; 27. С. 115, рис. 39: 1; 28. С. 99].

На Южном Урале в материалах Стерлитамакского могильника IX–X вв. имеются серебряные очкообразные наглазники и одинарные пластины-наглазники с прорезями [29. С. 93, рис. 49: 1–3].

В древностях ранних булгар (IX–X вв.) выявлены серебряные маски с прорезями для глаз и рта, нашивавшиеся на шелковую ткань [30. С. 153, 158; 31. С. 265]. В Паннонии, в захоронениях IX–X вв., обнаружены погребальные маски, которые состояли из мягкого покрытия (кожа или ткань), поверх которого на месте глаз, рта (возможно и носа) накладывались или нашивались серебряные пластины преимущественно без прорезей, бляхи или пуговицы [32. С. 170; 33. С. 123, рис. 5: 1.2; С. 125].

В Западной Сибири погребальные лицевые покрытия встречаются в Сургутском Приобье в погребениях взрослых и детей в могильниках кучиминского этапа (конец VII – начало X вв.), кинтусовского этапа (X – первая половина XII вв.), а также в погребениях XIII–XV вв.; маска-покрытие состояла из куска меха или кожи, закрывавшего лицо, на месте глаз, а иногда еще рта и носа пришивались металлические накладки-пластинки [34. Т. 2. С. 282, 284, 287–288; 35. С. 47, 55]. К сожалению, сведений о форме пластин, о металле, из которого они были изготовлены, исследователями не приводятся. О материале металлических накладок можно судить из публикации материалов погребения № 14 середины X – начала XI вв. могильника Большая Умытъя, в котором на лицевой части черепа, в области глазниц, были выявлены остатки тонкой серебряной фольги (Зыков и др., 2006, с. 218, ил. 5; с. 228). Также есть основания говорить об использовании серебряных наглазников населением,

оставившим могильник X–XI вв., Барсов Городок [21. С. 106, рис. 131]; в погребении 83 (кости не сохранились) выявлено 2 серебряных округлых диска с орнаментом, которые, судя по описанию, оставленному Ф. Мартином, лежали на черепе и являлись наглазными пластинками [21. С. 16–17, рис. 8]. В погр. 21 найдены «ленты для глаз» – 3 пластины из тонкой листовой бронзы, прямоугольной формы, размером около 4,7 × 1,1 см [21. С. 26].

В Нижнем Приобье в шести погребениях XIII в. могильника Зеленый Яр зафиксированы своеобразные покрытия на телах погребенных. Так, на лице взрослого мужчины (погр. № 27) находилось многослойное лицевое покрытие: к головному убору типа капора был пришито грубыми стежками 2 слоя меха ворсом вниз, а между ними находилась медная пластина от котла (четырёхугольной формы, размером 27×24 см), обжимающая всю лицевую часть головы погребенного (с ее обратной стороны были сделаны 3 удара металлическим инструментом, в результате чего на лицевой (верхней) стороне имеются выпуклости, возможно, имитирующие лицо); поверх этого покрытия голова умершего была еще раз закрыта тонким оленьим мехом ворсом внутрь; еще несколько крупных медных пластин из раскатанных стенок котла располагались на теле мужчины, поверх меховой одежды [37. С. 108–109, 113]. В погр. № 15 лицо ребенка было накрыто оленьим мехом ворсом наружу, к этому лицевому покрывалу изнутри была пришита бронзовая пластина, закрывавшая глаза. Пластина размером 11×6 см представляла собой фрагмент медного котла [37. С. 73–77].

В Барабинской лесостепи в одном из погребений Усть-Тартаасского курганного могильника в глазницах погребенного (взрослый) найдено по бронзовой бляшке в форме сердечка, перевитой серебряной проволокой и завернутой в тонкую полуистлевшую материю; данное погребение датировано IX–X вв. [38. С. 10–12].

В Тобольском Прииртышье найдена единственная на сегодняшний день в Западной Сибири маска-личина. Маска серебряная, без прорезей (черты лица – нос, рот, глаза, брови – показаны выступами); изделие предварительно датировано ранним средневековьем и отнесено к потчевашской культуре [39. С. 149, рис. 1].

В Томском Приобье А.П. Дульзоном на могильнике Басандайка в женском погребении XV–XVI вв. выявлены остатки погребальной маски: на голове погребенной имелось несколько слоев ткани, остаток шкуры мехом к лицу (лежал на ткани, над ним наглазник) на глазах медные овальные бляхи, на верхней челюсти прямоугольная пластина, на лбу и по бокам медные пластинки и бляшки, на ткань нашит бисер [40. С. 28–29, 81, табл. 66, 67].

Использование лицевых покрытий в XVIII–XIX вв. хантыйско-ненецким населением Нижнего Приобья документируют материалы могильника Халас-Пугор. Выявленные здесь лицевые покрытия состояли из тканевого, мехового, кожаного лицевого покрытия с нашивками на месте глаз, рта или носа пуговицами, бляшками или бусинами [41. С. 94–99, 101, 103, 105, 107].

До этнографического времени подобная черта погребальной обрядности сохранилась у многих народов Сибири, в том числе и у обских угуров. Зафиксирован-

ное у угров на рубеже XIX–XX вв. погребальное лицевое покрытие выглядело так: лицо умершего накрывали платком либо целиком закутывали голову большим куском сукна или обработанной оленьей шкурой ворсом внутрь; на месте глаз, рта и носа прикрепляют серебряные, медные монеты или пуговицы [3. Т. 1. С. 76–77].

Лицевые покрытия могильника Вак-Кур наиболее близки к материалам из средневековых погребальных комплексов Западной Сибири (несмотря на практически полное отсутствие подробного описания выявленных в некрополях металлических элементов лицевых покрытий), а также венгерских захоронений IX–X вв.: пластины гладкие, без вырезов, нашиты или уложены на месте глаз, рта, носа поверх мягкого лицевого покрытия. Разница между погребальными лицевыми покрытиями мадьяр и вак-куровскими наблюдается в материале, из которого изготовлены пластины (венгерские – из серебра, золота, а юдинские – из меди, реже – из серебра), а также в материале мягкого лицевого покрытия (венгерские изготовлены из ткани и кожи, юдинские – меховые). Бесспорное сходство зафиксированного на некрополе обычая использования своеобразной погребальной маски с этнографически описанными лицевыми покрытиями обских угров может служить дополнительным подтверждением в пользу отнесения юдинского населения Среднего Зауралья к коллективам, на основе которых проходил этно- и культурогенез угорских народов Сибири – хантов и манси.

Применение в Прикамье и Башкирии наглазников и наротников (а не масок-личин) Е.П. Казаков объясняет дефицитом серебра [31. С. 267]. З.П. Соколова, изучавшая роль металла в обрядовой практике угров, также пришла к выводу, что первичны были полные маски, а позднее, из-за нехватки металла, последний начали использовать экономно: применяли монеты, пуговицы, бусины и т.д. [42. С. 41]. Материалы могильника Вак-Кур свидетельствуют о том, что нехватки в металле (меди) население не испытывало, так как даже после неоднократного ограбления могильника, на площади некрополя выявлено значительное количество металлических изделий. Вероятно, для осуществления благополучного «перехода» умершего в новое состояние достаточно было изготовить небольшие металлические пластинки. Но именно специально изготовить / создать. Видимо, для юдинцев очень важен был сам процесс (ритуал) создания изделия: ведь многочисленные медные и бронзовые украшения по каким-то причинам не подходили для этих целей. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что магические обряды с использованием новых металлических отливок применялись обскими уграми для исцеления больных. Так, чтобы вернуть в тело больного одну из душ – *is* (из-за отсутствия которой он и занемог), делалась форма и отливалось изделие: если отливка удавалась, то душа возвращалась и человек выздоравливал [43. Т. 2. С. 37]. Таким образом, человек, создавая новые металлические изделия, мог влиять на судьбу такой метафизической субстанции, как душа. Исследователи неоднократно подчеркивали необы-

чайно большую роль металла в обрядах и ритуалах обских угров [42. С. 39].

Обско-угорская этнография дает нам лишь отрывочные данные о назначении погребальных лицевых покрытий [Там же. С. 40]. Это объясняется особенно-стью культовой практики хантов и манси, заключающейся в большой сакральности, что особенно характерно для представлений о душе [44. С. 69].

И хотя об истинных функциях погребальных лицевых покрытий у юдинского населения мы можем лишь догадываться, необходимо учитывать двойственный характер отношения к умершими родственникам у обских угров, который достаточно ярко описал К.Ф. Карьялайнен: «Оставшиеся считают своим долгом заботиться о потребностях умершего, но, с другой стороны, испытывают сильный страх перед мертвыми. Оба эти чувства – любовь и страх – накладывают отпечаток и на обряды по отношению к умершему...» [3. Т. 1. С. 75]. Возможно, что, кроме функции своеобразной изоляции, отмечаемой исследователями [4. С. 3], погребальные лицевые покрытия способствовали продолжению / возрождению жизни. Подтверждением такой функции лицевых покрытий, на наш взгляд, может служить один из элементов сохранившейся до наших дней древней церемонии обских угров – медвежьего праздника, сходство которого с похоронным обрядом неоднократно отмечалось учеными [3. С. 174; 45. С. 101; 46. С. 48, 53]. Во время этой церемонии медведь «просыпается» / оживает после наложения монет на его глаза [47. С. 169]. В культуре угров принято было обозначать глаза и рот (иногда уши) лишь у «сущест» одушевленных, например, у изображения духа, умерших: обозначение деталей лица различными способами (наложение маски, процарапывание глаз и рта на лице металлического или деревянного изображения духа и т.д.) [42. С. 40]; а вот для кукол-игрушек в культурах многих народов была характерна безликость.

Выводы. Малое количество выявленных могильников юдинской культуры, а также незначительное количество исследованных к настоящему времени погребений не позволяют говорить о применении погребальных лицевых покрытий на всей территории бытования юдинской археологической культуры. Но для юго-восточной части ареала юдинской культуры материалы могильника Вак-Кур дают неоспоримые свидетельства использования юдинским населением на рубеже I тыс. н.э. погребальных лицевых покрытий, состоящих из металлических наглазников и нагубников, налобников (и возможно, наносников), укладываемых / нашиваемых на меховое покрытие. Металлические пластинки не имеют прорезей для глаз и рта. Наглазники представляют собой отдельные для каждого глаза пластинки. Нагубники и наглазники являются отдельной категорией погребального инвентаря, специально изготавливаемой для совершения захоронения, и представляют собой медные или серебряные изделия преимущественно подпрямоугольной, подквадратной формы толщиной от 0,3 до 1,2 мм и средними размерами 3,5 × 1,5 см. Возможность применения погребальных лицевых покрытий в похоронном ритуале с

большой долей вероятности может быть отмечена для 32 погребений, как взрослых, так и детских. Дальнейшее выявление и изучение средневековых некрополей Западной Сибири позволит нам приблизиться к пониманию духовной культуры предков обско-угорского населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Антропологические определения выполнены научным сотрудником сектора физической антропологии ИПОС СО РАН О.Е. Пошехоновой.
- ² Так как антропологические определения не проводились (а многие могилы и вовсе не содержат костных останков), то могильные ямы длиной до 160 см условно отнесены нами к детским.
- ³ К настоящему моменту подтвердить это предположение не представляется возможным, поэтому обломки изделий и монеты не учитывались нами при анализе выявленных металлических деталей лицевых покрытий некрополя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье : Хозяйство, материальная культура. / под ред. Б.А. Литвинского М. : Восточная литература РАН, 1995. 523 с.
2. Казаков Е.П. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника (об одном элементе погребального обряда) // Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь, 1968. Вып. 191. С. 230–239.
3. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов : в 3 т. / пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. I. 152 с.
4. Росляков И.П. Похоронные обряды остяков // Ежегодник Тобольского губернского Музея. Тобольск, 1896. Вып. 5. С. 2–9.
5. Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных и религиозных верований. М., 1959. (ТИЭ АН СССР. Т. 51). С. 114–156.
6. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья : Археология СССР. М. : Наука, 1987. С. 163–235.
7. Матвеева Н.П., Орлова Л.А., Рафикова Т.Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // Российская археология. 2009. № 1. С. 140–151.
8. Кутаков Ю.М., Старков А.В. Пылаевский грунтовый могильник : (Предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 130–147.
9. Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (Страницы ранней истории манси). Екатеринбург : Квадрат, 2008. 208 с.
10. Адамов А.А. Исследования на грунтовом могильнике Вак-Кур в Притоболье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. Т. IX, ч. 1. С. 248–250.
11. Зах В.А., Чикунова И.Ю. Средневековый могильник Вак-Кур (по материалам 1986, 1987 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 107–118.
12. Турова Н.П. Проблемы интерпретации нарушенных захоронений юдинского могильника Вак-Кур // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 10 (60). Ч. II. С. 191–193.
13. Ражев Д.И. Антропологическое исследование Пылаевского грунтового могильника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 147–152.
14. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // Свод археологических источников. Вып. Е1–59. М., 1979. 112 с.
15. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008. 603 с.
16. Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск : Наука, 2001. 296 с.
17. Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Сер. Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань : МарНИИЯЛИ, 2012. 408 с.
18. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. (Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. II). Пермь, 2012. 259 с.
19. Данич А. Височные подвески Питер (Степаново Плотбище) могильника IX–XI вв. в Пермском Предуралье // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре : сб. науч. ст. / отв. ред. М.Г. Моисеенко, А.В. Деев. Зимовники : Зимовниковский краеведческий музей, 2017. Кн. I. С. 50–60.
20. Голубева Л.А. Вещь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М. : Наука, 1973. 212 с.
21. Арне Т.Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург – Сургут : Уральский рабочий, 2005. 184 с.
22. Кочуркина С.И. Юго-восточное Приладожье в X–XIII вв. Ленинград : Наука, 1973. 150 с.
23. Данич А.В. Охранные исследования бояновского (Баяновского) могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь : ПГУ, 2008. Вып. 5. С. 45–53.
24. Королев К.С., Мурыгин А.М., Савельева Э.А. Ванвиздинская культура (VI–X вв. н.э.) // Археология Республики Коми. М. : ДиК, 1997. С. 400–477.
25. Генинг В.Ф. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 94–162.
26. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
27. Оборин В.А. Некоторые проблемы изучения родановской культуры // Ученые записки Пермского государственного университета. Харьков, 1956. Т. XI, вып. 3. С. 83–101.
28. Оборин В.А. Раскопки памятников раннего железного века в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1962. Вып. 2. С. 95–99.
29. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала в VIII–XII вв. М. : Наука, 1981. 163 с.
30. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 145–160.
31. Казаков Е.П. Погребальные маски волжских болгар в системе идеологических представлений народов Евразии // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 2 (28). С. 264–269.
32. Фодор И.К. вопросу о погребальном обряде древних венгров // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 108–175.
33. Фодор И.К. вопросу о религиозных верованиях древних венгров // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 6 (38). С. 119–132.
34. Терехова Л.М., Карачаров К.Г. Раннее и развитое средневековье. Среднеобская низменность // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. С. 277–289.
35. Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999. С. 9–66.
36. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Лабаури А.Н. Исследования могильника Большая Умытъя 28 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. / отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 211–229.

37. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи Средневековья в Северном Приобье / под ред. Н.В. Федоровой. Екатеринбург ; Салехард : УрО РАН, 2005. 368 с.
38. Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др. Бараба в тюркское время. Новосибирск : Наука, 1988. 174 с.
39. Адамов А.А. Раннесредневековый могильник в Тобольском Прииртышье // Тобольск научный – 2017 : материалы XIV Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф., посвященной Году экологии в России (г. Тобольск, 16–17 ноября 2017 г.). Тобольск : ООО «Аксиома», 2017. С. 148–149.
40. Дульзон А.П. Дневник раскопок курганного могильника на Басандайке // Труды ТГУ. Т. 98; Труды ТГПИ. Басандайка : сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947. С. 65–148.
41. Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура абorigенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М. : Наука, 2001. 155 с.
42. Соколова З.П. Использование металла в культовой практике обских угров // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 30–45.
43. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов : в 3 т. / пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. II. 282 с.
44. Соколова З.П. О культе предков у хантов и манси // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск : Наука: Сиб. отделение, 1990. С. 58–71.
45. Васильев Б.А. Медвежий праздник // Советская этнография. № 4. 1948. С. 78–104.
46. Соколова З.П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 41–62.
47. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в. Этнографические очерки. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1977. 225 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 сентября 2018 г.

Face Covers in the Burial Procedure of the Yudinsky People in the Lower Tobol River Region

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 198–208.

DOI: 10.17223/15617793/443/24

Natalya P. Turova, Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: turova2707@yandex.ru

Keywords: Western Siberia; lower Tobol River region; Middle Ages; Yudinsky culture; Vak-Kur burial ground; funerary masks / face covers.

The article describes funerary masks of the Yudinsky archaeological culture of the Middle Trans-Urals (Srednee Zauralye). The culture existed in the 7th–14th centuries; it is associated with the ethnogenesis of the Ob Ugrians, in particular, the Mansi. The source base is the data obtained during the archaeological research of the burial ground Vak-Kur (dated 10th–11th cc. AD). Only the data from this necropolis provide conclusive evidence that the Yudinsky people used funerary masks. As Vak-Kur has been raided repeatedly, the bones and the grave goods are removed from their original places. Only one entombment had a face cover in situ: entombment No.124 (a 9-10-year-old girl) had five copper plates on the front of the skull (two in the eye orbits; two on the forehead; one on the teeth). The plate found on the teeth had fur fragments on an under it. The entombment is dated to the second half of the 10th century – the first half of the 11th century. The author has also identified another 69 copper and silver plates of various shapes found in 31 entombments of adults and children and in the inter-grave space of the necropolis as metal elements of funerary masks. Following a comprehensive analysis of the Vak-Kur findings, the author concludes that the Yudinsky culture of the Low Tobol Basin (Nizhnee Pritobolye) used funerary front covers consisting of a soft fur cover and metal plates at the turn of the 2nd millennium AD. Metal plates were placed/sewn onto the soft cover to be put onto the forehead, eyes and mouth of the deceased. It has been found that the plates used to be made specially for the funeral ritual. The face plates from Vak-Kur have been compared with published funerary masks found in the western piedmont of the Ural Mountains (Predural'ye), Hungary and Western Siberia. It has been concluded the metal parts from Vak-Kur are similar to artifacts from the medieval necropolises of the Low Ob Basin (Nizhnee Priobye) and Hungary (small plates for each eye, without slots). The masks' functions have been revealed based on the ethnographic data of the Ob Ugrians. It is noted that the source base does not show that this burial rite feature was spread throughout the territory of the Yudinsky culture. Currently, it is safe to say that the population inhabiting the south-east of the Yudinsky culture area used masks in funeral rites at the turn of the 2nd millennium AD.

REFERENCES

1. Litvinskiy, B.A. (ed.) (1995) *Vostochnyy Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e: Khozyaystvo, material'naya kul'tura* [East Turkestan in antiquity and the early Middle Ages: Economy, material culture]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.
2. Kazakov, E.P. (1968) O naznachenii pogrebal'nykh litevykh pokrytiy Tankeevskogo mogil'nika (ob odnom elemente pogrebal'nogo obryada) [On functions of funeral masks of the Tankeevsky burial ground (one element of a funeral ceremony)]. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta*. 191. pp. 230–239.
3. Karjalainen, K.F. (1994) *Religiya yugorskikh narodov: v 3 t.* [The religion of the Ugric peoples: in 3 vols]. Translated from German by N.V. Lukina. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
4. Roslyakov, I.P. (1896) Pokhoronnye obryady ostyakov [Funeral ceremonies of the Ostyaks]. In: Bogdanovich, N.M. et al. (eds) *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya* [Yearbook of Tobolsk Provincial Museum]. Is. 5. Tobolsk: Tipografiya Eparkhial'nogo bratstva. pp. 2–9.
5. Chernetsov, V.N. (1959) Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov [Representations about the soul of the Ob Ugrians]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnykh i religioznykh verovaniy* [Studies and materials about primitive and religious beliefs]. Moscow: USSR AS.
6. Mogil'nikov, V.A. (1987) Ugry i samodiytsy Urala i Zapadnoy Sibiri [The Ugrians and the Samoyeds of the Urals and Western Siberia]. In: Sedov, V.V. (ed.) *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya: Arkheologiya SSSR* [The Finno-Ugrians and the Balts in the Middle Ages: Archeology of the USSR]. Moscow: Nauka.
7. Matveeva, N.P., Orlova, L.A. & Rafikova, T.N. (2009) Novye dannye po radiouglerodnoy khronologii Zaural'ya srednevekovoy epokhi [New data on radiocarbon chronology of the Trans-Urals of the Middle Ages]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 1. pp. 140–151.
8. Kutakov, Yu.M. & Starkov, A.V. (1997) Pylaevskiy gruntovyy mogil'nik: (Predvaritel'naya publikatsiya) [Pylaevsky underground burial ground: (Preliminary publication)]. *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale*. 1. pp. 130–147.
9. Viktorova, V.D. (2008) *Drevnie ugry v lesakh Urala (Stranitsy ranney istorii mansi)* [Ancient Ugrians in the forests of the Urals (Pages of the early history of the Mansi)]. Yekaterinburg: Kvadrat.

10. Adamov, A.A. (2003) Issledovaniya na gruntovom mogil'nike Vak-Kur v Pritobol'e [Studies on the underground burial ground Vak-Kur in the Tobol River region]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. IX. Pt. 1. Novosibirsk: IAE SB RAS.
11. Zakh, V.A. & Chikunova, I.Yu. (2010) Srednevekovyy mogil'nik Vak-Kur (po materialam 1986, 1987 gg.) [The medieval burial ground Vak-Kur (according to materials from 1986, 1987)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 1 (12). pp. 107–118.
12. Turova, N.P. (2015) Problemy interpretatsii narushennykh zakhoronennykh yudinskogo mogil'nika Vak-Kur [Problems of interpretation of disturbed graves of the Yudin burial ground Vak-Kur]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki*. 10 (60):II. pp. 191–193.
13. Razhev, D.I. (1997) Antropologicheskoe issledovanie Pylaevskogo gruntovogo mogil'nika [Anthropological study of the Pylaevsky underground burial ground]. *Okhranye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale*. 1. pp. 147–152.
14. Golubeva, L.A. (1979) Zoomorfnye ukrasheniya finno-ugrov [Zoomorphic decorations of the Finno-Ugric peoples]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [A set of archaeological sources]. Is. E1–59. Moscow: Nauka.
15. Belavin, A.M. & Krylasova, N.B. (2008) *Drevnyaya Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk* [Ancient Afkula: an archaeological complex near v. Rozhdestvensk]. Perm: Perm State Pedagogical University.
16. Semenova, V.I. (2001) *Srednevekovye mogil'niki Yuganskogo Priob'ya* [The medieval burial grounds of the Yugan Ob River region]. Novosibirsk: Nauka.
17. Nikitina, T.B. (2012) *Pogrebal'nye pamyatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Vyatskogo mezhdurech'ya* [Funerary monuments of the 9th–11th centuries of the Vetluga-Vyatka interfluve]. Ser. Arkheologiya evraziyskikh stepey [Archeology of the Eurasian steppes]. Is. 14. Kazan: MarNIIYaLI.
18. Belavin, A.M. & Krylasova, N.B. (2012) *Ogurdinskii mogil'nik* [Ogurdinsky burial ground]. Arkheologiya Permskogo kraia. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Archeology of Perm Krai. A set of Archaeological Sources]. Is. II. Perm: Perm State Pedagogical University.
19. Danich, A. (2017) Visochnye podveski Piter (Stepanovo Plotbische) mogil'nika IX–XI vv. v Permskom Predural'e [Temple pendants Piter (Stepanovo Plotbische) of the burial ground of the 9th–11th centuries in the Perm Urals]. In: Moiseenko, M.G. & Deev, A.V. (eds) *Preistoriya. Drevnost'. Srednevekov'e. Issledovaniya po istorii, arkheologii, kul'ture* [Prehistory. Antiquity. Middle Ages. Studies in history, archeology, culture]. Book 1. Zimovniki: Zimovnikovskiy kraevedcheskiy muzey.
20. Golubeva, L.A. (1973) *Ves' i slavyane na Belom ozere. X–XIII vv.* [The Ves' and the Slavs on the White Lake. 10th–13th centuries]. Moscow: Nauka.
21. Arne, T.Y. (2005) *Barsov Gorodok. Zapadnosibirskiy mogil'nik zheleznogo veka* [Barsovo Settlement. A West Siberian burial of the Iron Age]. Yekaterinburg; Surgut: Ural'skiy rabochiy.
22. Kochkurkina, S.I. (1973) *Yugo-vostochnoe Priladozh'e v X–XIII vv.* [Southeast Ladoga area in the 10th–13th centuries]. Leningrad: Nauka.
23. Danich, A.V. (2008) Okhranye issledovaniya boyanovskogo (Bayanovskogo) mogil'nika [Preservation archaeological research of Boyanovsky (Bayanovsky) burial ground]. In: Belavin, A.M. (ed.) *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. Is. 5. Perm: Perm State University. pp. 45–53.
24. Korolev, K.S., Murygin, A.M. & Savel'eva, E.A. (1997) Vanvzdinskaya kul'tura (VI–X vv. n.e.) [The Vanvzdinskaya culture (6th– 10th centuries AD)]. In: Savel'eva, E.A. (ed.) *Arkheologiya Respubliki Komi* [Archeology of the Komi Republic]. Moscow: DiK.
25. Gening, V.F. (1964) Dmenkovskiy mogil'nik – pamyatnik lomovatovskoy kul'tury [The Dmenkovsky burial ground: a monument of the Lomovatovo culture]. *Voprosy arkheologii Urala*. 6. pp. 94–162.
26. Goldina, R.D. (1985) *Lomovatovskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e* [The Lomovatovo culture in the Upper Kama]. Irkutsk: Irkutsk State University.
27. Oborin, V.A. (1956) Nekotorye problemy izucheniya rodanovskoy kul'tury [Some problems of studying the Rodanovo culture]. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta*. XI (3). pp. 83–101.
28. Oborin, V.A. (1962) Raskopki pamyatnikov rannego zheleznogo veka v Verkhnem Prikam'e [Excavations of monuments of the early Iron Age in the Upper Kama region]. *Voprosy arkheologii Urala*. 2. pp. 95–99.
29. Mazhitov, N.A. (1981) *Kurgany Yuzhnogo Urala v VIII–XII vv.* [South Ural burial grounds of the 8th–12th centuries]. Moscow: Nauka.
30. Khalikova, E.A. (1972) Pogrebal'nyy obryad Tankeevskogo mogil'nika i ego vengerskie paralleli [The funeral rite of the Tankeevka burial ground and its Hungarian parallels]. In: Smirnov, A.P. & Chernetsov, V.N. (eds) *Problemy arkheologii i drevney istorii ugrov* [Problems of archeology and ancient history of the Ugric people]. Moscow: Nauka.
31. Kazakov, E.P. (2012) Burial mask of the Volga Bulgaria in the system of ideological mind-set of people of Eurasia. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 2 (28). pp. 264–269. (In Russian).
32. Fodor, I. (1972) K voprosu o pogrebal'nom obryade drevnikh vengrov [On the religious beliefs of the ancient Hungarians]. In: Smirnov, A.P. & Chernetsov, V.N. (eds) *Problemy arkheologii i drevney istorii ugrov* [Problems of archeology and ancient history of the Ugric people]. Moscow: Nauka.
33. Fodor, I. (2015) To the Question of Pre-Christian Beliefs of Hungarians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6 (38). pp. 119–132. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/38/18
34. Terekhova, L.M. & Karacharov, K.G. (1994) Rannee i razvitoe srednevekov'e. Sredneobskaya nizmennost' [Early and Late Middle Ages. The Middle Ob Lowland]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Ocherki kul'turogenza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays of the cultural genesis of the peoples of Western Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
35. Chemyakin, Yu.P. & Karacharov, K.G. (1999) Drevnyaya istoriya Surgutskogo Priob'ya [The ancient history of the Surgut Ob region]. In: Balalaeva, O.E. et al. *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniya khantov (materialy k atlasu)* [Essays of the history of traditional land use by the Khanty (materials to an atlas)]. Yekaterinburg: Tezis.
36. Zykov, A.P., Koksharov, S.F. & Labauri, A.N. (2006) Issledovaniya mogil'nika Bol'shaya Umyt'ya 28 [Studies of the Big Umytya 28 burial ground]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [The Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Is. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 211–229.
37. Fedorova, N.V. (ed.) (2005) *Zelenyy Yar: arkheologicheskii kompleks epokhi Srednevekov'ya v Severnom Priob'e* [Zeleny Yar: a archaeological complex of the Middle Ages in the Northern Ob region]. Yekaterinburg; Salekhard: Ural Branch, RAS.
38. Molodin, V.I. et al. (1988) *Baraba v tyurkskoe vremya* [Baraba in the Turkic period]. Novosibirsk: Nauka.
39. Adamov, A.A. (2017) Early medieval burial ground in the Tobolsk Irtysh region]. *Tobol'sk nauchnyy – 2017* [Scientific Tobolsk – 2017]. Proceedings of the XIV International Conference. Tobolsk. 16–17 November 2017. Tobolsk: OOO "Aksioma". pp. 148–149. (In Russian).
40. Dul'zon, A.P. (1947) Dnevnik raskopok kurgannogo mogil'nika na Basandayke [A diary of an excavation of a burial mound on the Basandayka]. In: Gorlachev, Ya.D. (ed.) *Basandayka: sb. materialov i issledovaniy po arkheologii Tomskoy oblasti* [The Basandayka: Materials and research on the archeology of Tomsk Oblast]. Tomsk: tip. № 1 Poligrafizdata.
41. Murashko, O.A. & Krenke, N.A. (2001) *Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX veke (po arkheologo-etnograficheskim kollektsiyam Muzeya antropologii MGU)* [The culture of Obdorsk North aborigines in the 19th century (according to the archaeological and ethnographic collections of the Museum of Anthropology of Moscow State University)]. Moscow: Nauka.
42. Sokolova, Z.P. (2000) Ispol'zovanie metalla v kul'tovoy praktike obskikh ugrov [The use of metal in the cult practice of the Ob Ugrians]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 30–45.
43. Karjalainen, K.F. (1995) *Religiya yugorskikh narodov: v 3 t.* [The religion of the Ugric peoples: in 3 vols]. Translated from German by N.V. Lukina. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

44. Sokolova, Z.P. (1990) O kul'te predkov u khantov i mansi [On the cult of ancestors among the Khanty and the Mansi]. In: Gemuev, I.N. (ed.) *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov* [World view of the Finno-Ugric peoples]. Novosibirsk: Nauka.
45. Vasil'ev, B.A. (1948) Medvezhiy prazdnik [The Bear holiday]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 78–104.
46. Sokolova, Z.P. (2002) Kul't medvedya i medvezhiy prazdnik v mirovozzrenii i kul'ture narodov Sibiri [The cult of the bear and the bear holiday in the worldview and culture of the peoples of Siberia]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 41–62.
47. Kulemzin, V.M. & Lukina, N.V. (1977) *Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX – nachale XX v. Etnograficheskie ocherki* [The Vasyugan-Vakhovsky Khanty in the late 19th – early 20th centuries. Ethnographic essays]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 09 September 2018

Е.А. Федосов

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГЛАЗАМИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАКАТА ПЕРИОДА 1946–1964 гг.

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6

На основе анализа текстового и изобразительного содержания плакатов СССР начального периода холодной войны выявляются основные особенности глобализации советской повседневности средствами официальной пропаганды. Определяется лозунговая и образно-символическая специфика контекстов, в рамках которых широкие массы населения вовлекались в глобальную повестку, и оценивается с точки зрения соответствия политическим настроениям обычных граждан.

Ключевые слова: СССР; холодная война; пропаганда; агитационный плакат; советский человек.

В условиях современных информационных войн государства сталкиваются с необходимостью не только отстаивать собственные глобальные интересы, но и убеждать в их значимости широкие массы людей. Тем самым, особенно значимым становится исследование способов и закономерностей влияния политических образов на повседневные настроения граждан. В этой связи, представляется актуальным изучение советской пропаганды, которая, в силу специфики официальной доктрины, практически неизменно сохраняла пристальное внимание к международной повестке.

Главным объектом анализа в статье выступают политические плакаты 1946–1964 гг., как одна из наиболее ярких, доходчивых и массовых форм трансляции идеологических установок государства в условиях эскалации холодной войны. Интерес к данному типу пропаганды обуславливается и уровнем его изученности в отечественной историографии. Плакатные лозунги, будучи самостоятельными политическими текстами, обычно находятся в тени доктринальных положений из партийных и государственных директив или публикаций со страниц периодики. Сопутствовавшие лозунгам визуальные образы подробнее рассмотрены с позиции искусствоведческих характеристик [1, 2], но их высокий потенциал с точки зрения трактовки социально-политических смыслов холодной войны раскрыт пока лишь частными, наиболее типичными сюжетами, в основном акцентированными на образе врага [3, 4]. Вследствие этого самоидентификация советского человека и его отношение к неввраждебному внешнему миру освещается пока фрагментарно, ограничиваясь сравнительно небольшим корпусом визуальных источников и довольно точечными предметными рамками [5–6].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основе массового анализа плакатных материалов СССР 1946–1964 гг. выявить, в рамках каких контекстов официальная пропаганда вовлекала советских людей в глобальную повестку; и определить, насколько ее призывы соответствовали мироощущению обычных граждан. В ходе исследования из порядка трех тысяч плакатов рассматриваемого периода была сделана выборка из 780 работ, текстовое или изобразительное содержание которых прямо или косвенно отражало текущее международное положение. К отобранному материалу были применены методики

контент- и интент-анализа, которые позволили типологизировать задействованные в плакатах тематические категории и образы, отследить динамику их появления и внутреннюю взаимосвязь. Немалая роль в исследовании отводится архивным материалам, которые в той или иной форме отражают характер политических настроений в СССР. К ним относятся различные отчеты о массовых пропагандистских кампаниях, включавшие прямые отклики граждан, а также письма советских людей, адресованные верховной власти. Представленные в них суждения о каких-либо политических событиях или явлениях группировались по социальному типу адресанта и, в соответствии с методом экстраполяции, рассматривались в качестве вероятной его реакции на соответствующие плакатные образы.

После окончания Второй Мировой войны огромное влияние СССР на развитие глобальной повестки не могло не усилить внимания властей к внешнеполитическому направлению пропаганды. Для плакатистов базовым стало постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и мерах улучшения издания политических плакатов» от 30 ноября 1948 г. Оно отмечало большое мобилизационное значение плаката в годы Великой Отечественной войны, констатировало некоторый рост качества и разнообразия выпускаемой на тот момент продукции, но критиковало издательства за малый выпуск плакатов, «показывающих борьбу Советского Союза за прочный мир и безопасность народов» и «разоблачающих поджигателей новой войны» [7. С. 603]. Обсудив постановление, Комитет по делам искусств при Совмине СССР наметил на 1949 г. проведение всесоюзных закрытых конкурсов плакатов по данным направлениям, что явно свидетельствует об их приоритетности [8. 11 дек.]. Интересно, что спустя почти четыре года в директивной статье «Правды» от 25 апреля 1952 г. «Улучшить качество политического плаката» можно обнаружить почти ту же, что и в 1948 г. фразу о малом освещении борьбы «за прочный мир и безопасность народов, против поджигателей войны» [9. 25 апр.]. Несмотря на наличие подобных критических замечаний, практически с самого начала холодной войны идея мира на долгие годы стала одним из главных императивов наглядной агитации. Так, анализ текстовой части агиток на внешнеполитические темы периода 1946–1964 гг. показал, что при-

мерно в 45% из них содержалась мирная риторика. Присутствие понятия-антипода «*война*» (включая синонимы) с 1949 г. также несколько участилось, что может быть объяснено не только откликом на требование партии активнее разоблачать ее поджигателей, но и объективным ростом напряженности в связи с созданием блока НАТО, а затем и началом корейского конфликта. Другая любопытная черта общего числа проанализированных плакатных лозунгов заключается в их относительной деидеологизации: такие ключевые политические категории как коммунизм, социализм, капитализм или империализм охватывают лишь около 16% текстов.

В целом, независимо от уровня распространения тех или иных текстовых категорий, плакаты были призваны не только формировать отношение граждан СССР к внешнему миру, но и делать самих советских людей фактическими участниками холодной войны на разных ее фронтах. При этом возникали определенные типы героя, порой обладающие собственной подсистемой образов и символов.

«Коль полезут к нам опять, разобьем их снова!»

Весьма закономерно, что самые ранние отсылки к внешнеполитической обстановке проникли в плакаты на армейские темы. Так, среди агиток за 1946 г., абсолютное большинство которых было посвящено внутренним сюжетам, выделяется работа художника В. Корецкого «Товарищ, работай и будь спокоен, твой мирный труд охраняет воин!». Главным ее героем стал советский солдат, олицетворявший идею защиты сограждан от пока незримой, но уже, очевидно, назревшей угрозы. В целом по рассматриваемому периоду, в плакатах с внешнеполитическим подтекстом образ *военнослужащего* раскрывался примерно в 18% сюжетов. С 1948 г. советские военные начали более интенсивно позиционироваться как фактор глобальной безопасности, и в остроумном плакате В. Говоркова старший сержант, фронтовик говорит «Не балуй!» именно Дяде Сэму, вооруженному атомной бомбой. Как впоследствии писала пресса, эта агитка пользовалась заслуженным успехом у зрителя [8. 4 дек]. Со времен празднования 30-летия вооруженных сил в наглядной агитации стала популярна идея битого «предшественника», нередко выраженная в виде метафоры «урок врагам» и призванная укреплять советских людей в решимости противостоять новым потенциальным агрессорам. В плакатах на эту тему боевой советский воин обычно противопоставлялся или жалким, подцепленным на штыки интервентам прошлого, или уже современным американским милитаристам, исполненным в карикатурном виде¹.

Несмотря на боевитость образов, лозунги армейской наглядной агитации выдерживались в духе обороны. Красноречиво об этом свидетельствует плакат, посвященный артиллеристам «Нас не трогай, мы не тронем!» (1954), своеобразным пояснением к которому стала цитата из речи Г. Маленкова на XIX съезде ВКП(б)-КПСС: «...неуклонно отстаивая политику мира, наша партия в то же время, помня о враждебном окружении, неустанно крепила оборону страны,

чтобы встретить врага во всеоружии...» (рис. 1). Вместе с тем, по агитационным материалам хорошо видно, как менялся образ защитника. Например, в 1954 г. вышел плакат «Мы на мирный разговор приглашаем нации, но сумеем дать отпор всякой провокации». Главный герой здесь простой солдат, от которого требовалось лишь совершенствование воинских навыков, бдительность, меткость стрельбы и т. п., чтобы отбить провокационный выпад противника. Но в 1961 г., когда обстановка вокруг Берлина и Кубы накалила отношения между двумя лагерями до предела, на плакате Ю. Чудова «Мы готовы дать отпор агрессору» появился офицер-капитан, оператор ракетных войск, за которым стояла мощь новейших советских танков, самолетов, подводных лодок и непременно ракет. Здесь приведено и заявление Н.С. Хрущева от 7 августа 1961 г. в ответ на берлинский кризис. С символической точки зрения, различное *оружие*, причем обладавшее как положительным (свое), так и отрицательным (чужое) смыслом присутствует почти в трети всех плакатов на внешнеполитические темы. Большая часть его изображений закономерно пришлась на время эскалации Корейской войны – 1950–1952 гг. (62 плаката), а также на напряженные 1960–1962 гг. (61 плакат). При этом, несмотря на оборонное и миротворческое² назначение армейской визуальной пропаганды, официальная критика порой предостерегала художников и редакторов от излишнего пацифизма, призывая не вручать советским солдатам «белого голубка» вместо оружия [10. С. 134].

Очевидно, на восприятие агитации на оборонные темы влияло недавнее военное прошлое граждан СССР. Они рассматривали заокеанского противника, как продолжателя агрессивных устремлений гитлеризма, и выражали готовность активно бороться с ним. В весьма жестком тоне на одном из партийных собраний осенью 1951 г. по этому поводу высказался томский рабочий Осипов, судя по всему, участник войны: «Немецко-фашистские варвары убивали наших детей, стариков и женщин. Они разрушали нашу культуру. Этого хотят сейчас американские империалисты. Я заявляю, что у них не выйдет» [11. Л. 63]. «На моих глазах проходила война. На своих плечах перенесли ее советские люди... Мы не хотим войны, но если нас тронут, мы покажем, что умеем защищать свою Родину», – был убежден мастер томского подшипникового завода Григорьев в декабре 1954 г. [12. Л. 101]. Среди подобных суждений звучала и фигурировавшая в плакатных лозунгах метафора «урок врагам»: «Кровожадные империалистические хищники Уолл-Стрита еще до Октябрьской революции мечтали быть господами мира так, как мечтала гитлеровская Германия, но урок гитлеровцев империалисты Америки и Англии забыли быстро. Но пусть они помнят, видят и знают... мы, советские люди, зорко глядим за поджигателями войны», – говорил слесарь Н. Камынин [13. Л. 108].

Данным высказываниям свойственно довольно активное, наступательное отношение к проблеме сохранения мира и безопасности. Этот путь понимался, как *борьба* против самой угрозы войны, в том числе, в форме более решительного отпора любым проявлени-

ям агрессии. Такая позиция прослеживалась и в письмах к Н.С. Хрущеву, написанных в тревожные дни Карибского кризиса. Вот что писал бывший армейский разведчик Н. Крижановский: «Мы больше не можем уповать на разум по своей природе правительства агрессивного и безответственного (американского. – Е.Ф.)... Конечно, мы не хотим войны, но если другого выхода нет, то мы всегда готовы умереть за правое дело. Мы, бывшие фронтовики, знаем этих вояк!» (подчеркнуто в источнике. – Е.Ф.) [14. Л. 60 об-61]. В другом письме полный кавалер Ордена Славы И.А. Бородулин напомнил об ответственности каждого человека за сохранение мира на земле, и, в то же время, призвал не поддаваться на шантаж агрессоров: «Мы, советские люди, а вместе с нами и народы социалистических стран, и люди всего мира, должны и обязаны иметь твердость своих позиций, веру в свой успех... Мы, русские, войны не хотим, для этого мы слишком любим мир и труд, но, если ее нам навяжут, помимо нашей воли, мы к этому должны и обязаны всегда быть готовы» [15. Л. 114]³. С фронтовиками согласился бы и действующий офицер (возможно, также участник боевых действий), капитан Гурьев из Житомирской области. Благодаря Хрущеву за миротворческую политику, военнотрудовой все же полагал, что «волчью натуру империализма» остановит только страх, который приходится использовать в борьбе за мир. И поскольку необходимость постоянно защищаться становится основным тормозом в решении задач строительства коммунизма, «наглости империалистов нужно положить конец быстро и решительно» [15. Л. 106]. Впрочем, жесткий настрой был присущ не только мужчинам средних лет с военным опытом. Например, некая Магницкая писала: «Мы... отстаиваем справедливость, а потому нам не страшны никакие угрозы, а если война, так после нее уж не останется таких как Кеннеди. За это не жалко и жизни» [14. Л. 25]. Думается, что материалы, пропагандирующие мощь советских вооруженных сил, в том числе с помощью карикатурного образа врага и изображений новейшего оружия, позитивно воспринимались сторонниками подобных взглядов.

«200% плана в ответ зачинщикам новой войны!»

Заметная доля плакатов на международные темы содержала образ *человека труда* – в 22% рассмотренных агиток присутствовала фигура промышленного или сельскохозяйственного работника. В газетной статье, посвященной первым итогам агитационной кампании в поддержку мира, отмечалось, что «героический труд каждого советского человека и есть его вклад в дело мира», – эта же простая, но патетическая идея стала «главной особенностью плакатного искусства 1950 года» [16. 9 янв.]. Также признаком успешной выполненной пропагандистской работы считалось размещение трудовых и мирных лозунгов в едином повседневном пространстве. «На предприятиях, в красных уголках, клубах, общежитиях и на улицах города обновлена наглядная агитация, призывающая к борьбе за мир и за перевыполнение производственных планов... в цехах сделаны доски показателей [ра-

бочих], вставших на вахту мира» (курсив мой. – Е.Ф.), – говорилось в отчете о проведении в Томске кампании по сбору подписей в поддержку заключения Пакта мира в сентябре 1951 г. [11. Л. 9]. Именно через созидательные темы глобальная повестка проникала в региональные плакаты. Ярким примером тому служит агитка, изданная в Астрахани: «Больше рыбы для страны – крепче удар по поджигателям войны!» (1950); или в Куйбышеве: «Великие стройки коммунизма – удар по поджигателям войны» (1951) (рис. 2). На них, с одной стороны, видим карикатурных западных политиков, факелы войны и бомбы, а с другой, обычного рыбака с огромной пойманной рыбой, молодых строителей, мирную технику.

В рамках данного направления пропаганды во многом образцовыми были признаны произведения известных советских плакатистов В. Корецкого «Мир победит!», А. Кокорекина «Каждый % сверх плана – удар по поджигателям войны», В. Иванова «Во имя мира!», А. Коссова «Пусть буржуазия мечется...» (все 1950). Их герои в пику внешним врагам запускали гидроэлектростанции, плавил сталь или просто в момент отдыха читали новости об «очередных приступах безумия» на Западе, но всех их объединяло «служение миру» и «спокойная уверенность в торжестве коммунизма» [16. 9 янв.]. Постепенно подобные сюжеты обрели и свои «штампы». К ним, например, можно отнести образ занятого кладкой дома каменщика. Часто иллюстрируя внутреннюю трудовую жизнь, он не раз наделялся международным подтекстом, олицетворяя вахту мира⁴. Из этого не следует, что сами по себе данные плакаты были плохи по изобразительному или идейному содержанию, но из-за сцен, примелькавшихся зрителю, они могли утратить агитационную силу [17. С. 223]. Можно легко заметить, что изображения не переставших созидать борцов с поджигателями войны, изначально вдохновлялись фигурой промышленного *рабочего*. Однако выдвинутый Н.С. Хрущевым в 1957 г. призыв – «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения» – сделал непосредственными участниками международной конфронтации и различных сельскохозяйственных работников. Так, они присутствуют в 22 агитках с внешнеполитическим подтекстом, охвативших период 1957–1962 гг. При этом за всё предшествующее десятилетие плакатов такого плана обнаруживается вдвое меньше.

Идея труда, как вклада в глобальную повестку, довольно прочно вошла в быт граждан СССР. Ярким примером тому служат суждения различных по статусу и жизненному опыту жителей Томской области, зафиксированные в отчетах о массовых антивоенных кампаниях начала 1950-х гг.: «наша родина – крепость мира, чем сильнее и богаче наша страна, тем прочнее фронт мира... наш труд – главное оружие в борьбе за мир» (комсомолец Зюзина и Минякова); «чтобы не было войны, чтобы жить счастливо и зажиточно, я думаю нужно честно и добросовестно трудиться» (колхозница Еремина); «самым лучшим вкладом в дело мира будет наш труд – труд советского человека, честный и добросовестный» (работник аптекоуправления Пеньковская) [11. Л. 24; 13. Л. 38,

100]. Трудовым подъемом были полны слова рабочего томского электромеханического завода Власова: «Мы советские люди – люди мирного труда, мы хотим радостно и мирно трудиться, не покладая рук, для нашей прекрасной Родины, я беру на себя обязательство в дни вахты мира выполнять по три нормы за смену», – далее в отчете подтверждалось, что Власов выработал норму на 325% [11. Л. 89]. Подобные высказывания обычно характеризует тенденция говорить от имени всех сограждан, и советская идентичность в данном случае проявляется, как осознанное стремление к мирному созиданию. Почти всегда следовало и обещание личного вклада в общее дело. Причем глобальный смысл могла обрести любая по-

зитивная деятельность, в том числе и не предполагающая ударного труда. Так, учащийся Добжинский заявил осенью 1951 г., что «крепить мир мы, студенты, будем отличной учебой в новом учебном году» [Там же. Л. 16]. Взятие различных обязательств, как форма одобрения внешнеполитических шагов государства, характерно и для писем во власть, присланных в начале 1960-х гг. Тем самым, можно сказать, что агитация на «глобально-трудовые» темы получила свой отклик у населения. Но, как представляется, ее сюжеты фактически слились с рутинным фоном повседневности, и со временем с их помощью было уже сложнее сформировать качественно новые мобилизующие идеи.

Рис. 1. Худ. Б. Решетников (1954)

Рис. 2. Худ. И. Цыбульник (1951)

«Борясь за мир, ты помни каждый час родные, дорогие лица эти...»

Еще одна форма личного участия советских граждан в глобальном антивоенном движении заключалась в подписании знаменитого Стокгольмского воззвания (1950 г.), а чуть позже и в аналогичной поддержке обращений за заключение Пакта Мира (1951 г.) и против подготовки атомной войны (1955 г.). Каждая из подобных кампаний находила отклик в наглядной агитации, и значительная роль в ней отводилась образу *материнства и детства*⁵. Лучшие работы такого плана несли заряд особого душевного напряжения, другие могли критиковаться за мягкость, не столь убедительную для острой темы [16. 9 янв.; 17. С. 223]. Но, так или иначе, «защита детей – будущего человечества – от угрозы войны была главным аспектом темы борьбы за мир в плакате на протяжении всего послевоенного периода, и образ женщины-матери, требующей мира, – одним из ведущих в плакатном искусстве», – писала искусствовед Г. Демосфенова в 1962 г. [17. С. 206]. Это вполне доказуемо и статистически: порядка 44% плакатов с мирной риторикой содержали изображения женщин или детей, а иногда и те, и другие присутствовали одновременно. Примерно такую же роль они играли и в визуализации интернационалистических лозунгов. Тем самым, глобализация советской повседневности обретала глубоко личностный, семейный подтекст.

Начало этим тенденциям во многом положила работа В. Иванова «Матери всего мира, боритесь за мир!» (1949), которая была высоко оценена критикой за подлинный реализм и силу чувства, «показанного в

выразительном взгляде и жесте» главной ее героини [16. 9 янв.] (рис. 3). Обращает на себя внимание и книга «Молодая гвардия» в руках ее сына-пионера. Память о прошедшей войне влияла на характер данных агитационных сюжетов порой даже без явной визуальной отсылки, на что указывала плакатист Н. Ватолина. Так, в 1957 г. на улицах Москвы, глядя на веселую шумную толпу участников Всемирного фестиваля молодежи, она «не могла отделаться от воспоминания» о том, как именно здесь в 1944 г. мелькали лица пленных немецких солдат. «Может быть, драматизм этого сопоставления, точно прикосновение самой истории, заставил меня особенно непосредственно почувствовать остроту и значимость великой темы борьбы за мир», – заключила художница [18. С. 47]. На волне этих чувств, в частности, был создан плакат «Не для войны сыновей мы растим» (1957), где, прославляя счастье мирной жизни, «поднятые руками молодых матерей, резвятся черный, желтый и белый мальчуганы» [19. 11 янв.]. Эта и подобные работы сделали Н. Ватолину общепризнанным мастером визуализации идеи мира и дружбы посредством образов материнства и детства [17. С. 238]. К ним не переставали обращаться и другие плакатисты. Например, когда «яд “холодной войны” коснулся даже сознания детей», В. Иванов создал плакат «Не надо войны!» (1962) [20. С. 46–48]. Он изобразил олицетворяющую будущее девочку, которая закрылась рукой от невидимой, но абсолютно понятной угрозы. Как вспоминал художник, работу над этим сюжетом отли-

чали творческий подъем, высокая потребность сохранить тон искренности и правды, что впоследствии было позитивно воспринято и зрителем [Там же].

Интересно, что почти одновременно В. Иванов работал над агиткой «За всеобщее и полное разоружение», где главным действующим объектом стал магнит, который как бы вытягивает со всей планеты средства ведения войны. Однако, как отмечал впоследствии плакатист, слабость этого сюжета оказалась в том, что, пробуждая мысли, он не задевал чувств, в отличие от образа девочки [Там же]. Но даже в априори эмоциональные изображения женщин и детей художник-агитатор обязан был внести какую-либо новую мысль, поскольку в противном случае был «риск скатиться на путь излишней умиленности и сентиментальности», допустив фальшивую ноту [Там же]. Остается лишь добавить, что защита детей от угрозы войны была одной из тех универсальных тем, которые вбирали сразу несколько контекстов. Например, на плакате И. Тоидзе «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» (1963) изображен рабочий, т.е. человек труда, который выполняет и функцию защитника, разгоняя могучими руками тучи над черным, белым и желтым ребенком, которые в свою очередь символизируют и детство, и интернационализм. При этом сам плакатный лозунг вообще выражает противостояние архетипических категорий.

Многочисленные заявления советских граждан в поддержку всеобщего мира весьма часто были проникнуты глубоким родительским чувством. Само по себе, оно воспринималось как источник мощной общественно-политической воли: «Женщины-матери не допустят того, чтобы кровь наших детей невинно проливалась из-за кучки американских богачей» — была убеждена служащая судоверфи Шубина в конце 1953 г. [13. Л. 121]. Двумя годами ранее в одну из сибирских районных газет пришло письмо многодетной матери, потерявшей сына в годы Великой Отечественной войны, А.Г. Рязановой, которое также отличалось особым эмоциональным настроением: «...как все матери, я ненавижу англо-американских поджигателей войны, мечтающих пролить реки крови наших детей и нажать миллионы прибылей на страдании, горе и крови трудящихся» [11. Л. 76]. Памятью о личных утратах военных лет мотивировались и конкретные шаги по укреплению мира. Так, осенью 1951 г. ставя подпись в поддержку заключения Пакта Мира, 58-летний колхозник П.Д. Боюсов произнес: «За свободу и за счастье людей погибли три сына. И когда я слышу, что подлая кучка бандитов готовит для народов новую бойню, в моем отцовском сердце закипает жгучая ненависть, горячий протест против войны» [Там же. Л. 84]; или, например, слова работницы фабрики Баktiной: «Я не могу спокойно подписывать, так как в эту минуту передо мною встают светлые образы моих двух покойных сыновей» [Там же. Л. 88].

К началу 1960-х гг. в число последовательных сторонников миротворческих взглядов вошли и представители молодого поколения («дети войны»), у которых могли быть уже свои семьи с маленькими детьми. Впрочем, с ними по-прежнему солидаризировались и

некоторые фронтовики, морально не допускавшие повторения пережитых бедствий. Например, участница обороны Москвы и мать погибшего солдата, пенсионерка З.С. Марголина писала в 1962 г., что само слово война «страшно всему человечеству, всему земному шару, в особенности матерям <> в какой бы стране они не находились, какой бы цвет кожи у них бы не был» [15. Л. 6]. С ней согласилась бы и 22-летняя Н.Н. Илларионова: «Война унесла самое главное для ребенка, отца и мать. Росла круглой сиротой... У меня есть сын, я не хочу, чтобы он проливал слезы, страшась ужасов войны. Мне хочется сказать в один голос со всеми женщинами-матерями, чтобы наши дети, наше будущее, не повторили судьбы своих матерей... Чтобы всем детям улыбалось солнце, дружба и любовь на всем земном шаре, а не ужасы войны и взрывы» [21. Л. 24]. Большой родительской тревогой были закономерно проникнуты мысли некоторых граждан во время Карибского кризиса: «Мы были сильно взволнованы. А дети наши, кое-кто плакал и говорил: “Папа, будет война или нет?” — я отвечаю: “Нет, дочь, не будет”» (С.А. Лапшин, рабочий, Харьков); «“Папа, а что мы будем делать, когда начнется война?” — спросил меня наш трехлетний сын дрожащим голосом и заплакал... Я холодею, вспоминая вопрос нашего младенца» (И. Петров, Москва); «Не могу смотреть на озабоченные детские лица, которые, также как и взрослые, переживают тревожные дни...» (С.А. Брызгалова, библиотекарь, Краснодарский край) [15. Л. 10, 47, 51]. Авторов подобных писем часто объединяло чувство глубокой благодарности Н.С. Хрущеву за мирное разрешение международных конфликтов и разумный компромисс, который, как казалось, может быть достигнут в диалоге с политическими оппонентами. Этим они несколько отличались от сторонников более наступательной концепции борьбы за мир.

С большой долей уверенности можно сказать, что агитационное воздействие плакатных образов материнства и детства оставалось весьма высоким. В них советские люди легко узнавали как себя, так и своих сыновей или дочерей. Деталью, безусловно усиливающей данные плакаты, также вполне можно считать любую отсылку к Великой Отечественной войне. В комплексе все это давало возможность ощутить глобальную повестку на особом эмоциональном уровне личностных переживаний.

«Единой волей мы сильны...»

Количественный анализ показывает, что в рассматриваемый период в среднем призыв каждого четвертого плаката выражал интернационалистические идеи. Заметим, что само понятие «интернационализм» напрямую практически не употреблялось в лозунгах, но семантически оно было заложено в различные варианты солидарности: «народы мира», «весь мир», «миллионы», «вместе», «все / всеобщий» и близкие им по смыслу обобщения «любой», «каждый», «единный» и т.п. Ярким примером подобной агитации служит плакат Н. Ватолиной «Каждый, кто честен, встань с нами вместе!» (1953) (рис. 4). Интересно, что

спустя почти два десятилетия, художница отмечала недостатки этой своей работы. Чтобы показать «обобщенный образ молодежи, вступающей на путь борьбы за мир», она применила «наивное перечисление людей различных национальностей», добавив лишние мелкие флажки с надписью «мир» на разных языках, но, несмотря на создавшуюся образную «многословность» и «скованность», в свое время агитка была хорошо принята [18. С. 40]. В этом плакате советский человек был помещен в колонну воображаемой общемировой демонстрации. Так формировался еще один тип героя – *интернационалиста*. Но в данном случае агитационная функция этого героя определялась не столько его собственной ярко выраженной социальной ролью, сколько сопутствующим ему образом *дружественного другого*.

Визуализация идеи сплочения народов мира вокруг СССР обрела некоторые устойчивые символические приемы. К ним следует отнести уже упоминавшееся выше изображение *колонны* людей, которое присутствует в 94 плакатах на внешнеполитические темы. В работе художника А. Доброва «Простые люди стран капитала за мир и дружбу с Советским Союзом» (1952) было изображено, как советский и западный рабочий жмут руки на фоне красного знамени и московской высотки с одной стороны, и заполненной рядами демонстрантов улицы, видимо нью-йоркской, с другой. Среди известных нам примеров наглядной агитации, здесь впервые был использован символ *рукопожатия*, впредь нашедший применение в 45 других агитках. «Тем, кто за мир, мы протягиваем руку!» (худ. В. Корецкий, 1956), – говорилось в одном из плакатных призывов. Очевидно, не без влияния подобных сюжетов, к исходу рассматриваемого периода в политическом лексиконе советских граждан образное выражение «протянуть руку» или «рука дружбы» закрепилось, как некая устойчивая метафора, описывающая внешние отношения СССР в позитивном ключе [14. Л. 19; 15. Л. 10, 23; 22. Л. 49 об.]. Приближение Всемирного фестиваля молодежи в Москве привело к созданию наглядной агитации, в которой интернационалистические идеи порой выражались и с помощью национальной символики, в том числе, западных стран. В частности, на плакате Н. Смоляка «Навстречу празднику юности и мира» (1956) белого голубя выпускает девушка, своеобразный шарф которой образован из флагов различных по социально-политическому строю государств. В символизме всеобщего единения еще дальше шла работа М. Писаревского «Парни, парни, это в ваших силах землю от пожара уберечь...» (1958), иллюстрировавшая слова особенно популярной в то время песни⁶: каждый человек, взявший за руку ближнего, образует цепь защитников мира. В ней помимо представителей соцлагеря нашлось место и американцу, и англичанину, и многим другим.

В целом, гражданин любой страны, независимо от ее принадлежности к враждующим блокам холодной войны, мог позиционироваться как единомышленник советского человека. В этом заключалась принципиальная позиция пропаганды, которая закрепилась в первые же годы конфронтации. Так, еще в 1950 г. в

газетном отзыве на выставку плакатов и карикатур под названием «Борьба за мир, против поджигателей войны», было особо отмечено, что, обличая западный капиталистический лагерь, она ярко показала и «**настоящих людей Запада**: американских, английских, французских рабочих, негров, представителей прогрессивной интеллигенции» (выделено в источнике. – Е.Ф.) [23. 23 мая]. В этой связи следует отметить, что выпускались агитки, в которых дружественный другой являлся центральным действующим лицом, а советский гражданин порой не присутствовал вовсе. Примером тому может послужить ранняя работа И. Ганфа «Народы мира не хотят повторения бедствий войны (Сталин)» (1949). Сталинское высказывание здесь олицетворяла фигура рабочего из Европы, всем своим видом говорившего решительное «нет» заокеанскому мистеру, у которого «помощь» по плану Маршалла идет рука об руку с милитаризацией по линии НАТО. На втором плане композиции – над рядами демонстрантов видны транспаранты со здравницами в адрес СССР на западноевропейских языках.

С 1956 г., в свете событий Суэцкого кризиса, в тираж пошли антиколониальные лозунги, а вместе с этим в качестве главных героев агиток все чаще начали выступать представители арабских, африканских и латиноамериканских народов, ставших на путь национального освобождения. Так, они присутствуют примерно в 31% от внешнеполитических плакатов за 1956–1964 гг. Этот показатель представляется весьма значительным, учитывая, что далеко не все освободительные движения имели явную социалистическую окраску. И, тем не менее, чувство солидарности с ними по замыслу официальной пропаганды должно было стать частью советской повседневности. «Болью и гневом отозвалась в сердцах советских людей весть о нападении захватчиков на славный, вольнолюбивый народ Египта. Эти благородные чувства получили отражение и в <> произведении молодого способного художника Н. Терещенко», – именно так в прессе был охарактеризован мотив плаката «Долой колонизаторов!» (1956), в центре которого египетские патриоты под национальным знаменем [24. 24 нояб.].

В целом, антиколониальные и антиимпериалистические лозунги, как и олицетворявшие их образы, редко отождествлялись с какой-либо одной страной и носили скорее собирательный характер. Более конкретным воплощением положительного образа другого являлись *союзники СССР* по социалистическому лагерю. Среди наглядной агитации на международные темы, плакатов, прямо призывавших крепить дружбу и солидарность с ними, выходило сравнительно немного (около 6%). Но к этому следует добавить внетекстовые формы пропаганды идеи союзничества. Так, уже в 1948 г., когда политический процесс формирования соцблока еще активно продолжался, К. Иванов создал агитку «За мир! За народную демократию!», где помимо прочего присутствовала вереница государственных флагов прокоммунистических восточноевропейских стран. К аналогичной символике художник прибегнул в другой своей работе «Мир победит войну!» (1950) (рис. 5). Но здесь знамена служили не просто элементом композиции, а стали действующи-

ми объектами сюжета, образуя древками нечто вроде молнии, бьющей «по мертвенно серым фигурам поджигателей войны», в лице Трумэна и Черчилля. Высоко оценив идейные и художественные качества этой работы, официальная критика констатировала в частности, что «строительство новой жизни в странах народной демократии, дружба народов этих стран и любовь их к Советскому Союзу – оплоту мира» – еще только ожидает своего раскрытия в наглядной агитации [16. 9 янв.].

Пример портретного изображения союзников обычно являли собой плакаты, посвященные укреплению двусторонних отношений. Классической для них стала следующая образно-символическая схема: две мужские (реже женские) фигуры на фоне государственных флагов олицетворяют лозунг-здравицу в адрес дружбы СССР с конкретной страной соцлагеря, продублированный на ее национальном языке. Герои данных агиток часто наделялись пролетарскими чертами, указывая на классовую природу содружества, а иногда их помещали непосредственно в производственную среду. Особенно этим отличались распространенные в 1950-е гг. плакаты на тему советско-китайского сотрудничества⁷. Несколько иными сюжетными рамками обладала наглядная агитация в поддержку стран, солидарность с которыми проявилась в ходе экстремальных событий, таких как Корейская война или Карибский кризис. Советский человек здесь мог и отсутствовать, а центральное место занимали изображения сражающихся корейцев или кубинцев, внешний облик которых был заметно военизирован. При этом боевые действия в Корее позиционировались как отпор преступному вторжению американской военщины, что предполагало внимание плакатистов к образу врага, который изображался порой уже разбитым некой аллегорической силой – рядами штыков или снарядами, украшенными северо-корейским флагом⁸. Спецификой же сюжетов на кубинскую тему можно считать шестикратное присутствие Ф. Кастро в плакатах 1961–1963 гг. Это было уникально для советской визуальной пропаганды, поскольку образ руководителя дружественной страны ранее раскрывался единично, лишь изображением Мао Цзэдуна⁹.

Интернационалистическое сознание советских людей проявлялось регулярно и в разнообразных формах. Как и в случае с плакатными призывами, в рассматриваемый период часто оно выражалось в категориях всеобщности. «Мы хотим мирно жить со всеми, кто хочет нашей дружбы», – заявил томский студент Джигов на одном из собраний осенью 1951 г. [11. Л. 7]. Давая какую-либо политическую оценку, некоторые граждане проецировали ее не только на соотечественников, но и на «всех честных людей». Например, сотрудник киевского аэропорта, коммунист П.П. Григорьев так оценил обращение Хрущева к Кеннеди на исходе Карибского кризиса: «Каждый истинный патриот своей страны, каждый честный человек на земном шаре <> был обрадован и успокоен Вашим миролюбивым посланием» [14. Л. 110 об.]. Существовала вера в то, что социалистические государства несут всеобщий гуманистический идеал мироустройства. Весьма показа-

тельно его описала в феврале 1961 г. жительница Омской области Л. Беккер: «Страны (народной. – Е.Ф.) демократии, Советский Союз не жаждут чужие земли, чужие богатства, не жаждут чужой крови, против войн, против всякой неправды, несправедливости... чтобы все честные люди на земле жили в мире, дружбе, свободно от угнетения, независимо, и боролись за счастье народа» [25. Л. 5]. При этом, сохраняясь в рамках привычных классовых категорий, интернациональный долг советского человека выходил уже за пределы биполярной логики борьбы социализма с капитализмом. Подобные мысли читаются в письме участника войны, беспартийного В.Я. Чилингарова (ноябрь 1962 г.): «Освобожденные народы, несмотря на различие с нами своего политического уклада... надеются на нашу Великую Пролетарскую страну, как на верную поддержку в их беде, в нашей интернациональной бескорыстной вырубке» (курсив мой. – Е.Ф.) [15. Л. 62].

Антиколониальные лозунги хорошо вписывались в готовность некоторых граждан с оружием в руках участвовать в дальнейшей судьбе народов. Так, когда гремел Суэцкий кризис, комсомолка из Томской области, медицинский работник Агеева, телеграфировала в райком КПСС о своем желании поехать добровольцем в Египет, а ее земляк рабочий Храмцов заявил на митинге: «Египетский народ нуждается в помощи и мы, советские люди, должны эту помощь оказать... и если потребуется, то грудью встану на защиту Египта» [26. Л. 144]. А в потенциальный «добровольческий корпус» для помощи конголезскому национально-освободительному движению, о создании которого в начале 1961 г. просил один из рабочих, вступили бы люди с опытом и боевой биографией, как, например, 52-летний «бывший чекист» из Московской области В.А. Удалов или большая семья Фохтиных из пяти братьев и отца, коммунистов, уже бывших добровольцами в Китае (хотя не ясно в ходе какого конфликта) [25. Л. 41, 44–45]. Наряду с многочисленными словами солидарности, аналогичные предложения поступали и в связи с событиями вокруг Кубы осенью 1962 г.

Однако после отставки Н.С. Хрущева, вместе с критикой его внешней политики, проявились и иные взгляды на практику советского интернационализма. Далеко не безоблачным казалось социалистическое единство. С точки зрения некоторых граждан самой серьезной ошибкой, которую предстояло исправить, было ухудшение отношений с Китаем. В этой связи 17 октября 1964 г. некий Сидоров из г. Орша (БССР) откликнулся на весть о переменах в советском руководстве плакатно-лозунговой здравицей – «Да здравствует дружба с великим китайским народом!» – уже подзабытой официальной пропагандой [22. Л. 20 об.]. О прямой заинтересованности внешних врагов в росте разногласий внутри соцлагеря писал 45-летний житель Самарканда М.П. Тепляков: «...Разве они, т.е. Джонсоны, не радуются, что от нас откололись социалистические государства: Китай, Корея, Вьетнам и Албания, – конечно, рукоплещут, хвалят Хрущева и смотрят, как быстро развалится социалистический лагерь, а потом в одиночку раздавят нас» [27. Л. 104].

При этом не все советские люди разделяли лозунги дружбы с «полуфашистами» и «националистами южных стран» [27. Л. 37, 88] – в целом именно так, несмотря на пропаганду, некоторые граждане представляли себе режимы постколониальных государств. Оставшийся безмянным москвич, например, отмечал, что, развалив (!) социалистический лагерь, Хрущев принялся «лобызать королей, президентов и диктаторов...» [22. Л. 96 об.]. Критика идеологической неразборчивости внешнеполитического курса, и, как следствие, сомнение в перспективах союзничества тесно сплетались с вопросом о целесообразности экономических трат «на друзей». В частности, неизвестные авторы из Одессы, не стеснявшиеся в выражениях, указали новым руководителям на то, что главной ошибкой было «превращение страны в дойную корову для всех, кому не лень. Перечислить всех этих “братьев”-иждивенцев нет возможности. Некоторые из этих братьев за страдания нашего народа уже достаточно подло отплатили (Албания, Китай, Корея, Вьетнам, Румыния и др.)» [27. Л. 56]. В наиболее крайних суждениях резко критиковалась не только практика международных отношений, но и сами идеи, к которым апеллировал СССР: «Лозунг гуманность,

счастье, братство – это же только для негров и китайцев, а для нас это сказки» – восклицал 50-летний А. Балахонов из Новосибирска [27. Л. 33].

В целом, можно сказать, что общество разделяло идею интернационализма, как общий принцип советского мироощущения. Однако в свете некоторых практических форм международного сотрудничества доверие к имеющимся лозунгам было уже не столь однозначным. Здесь прослеживаются две группы мнений. Первую составляют те, кто в силу убеждений или опыта (например, добровольческого) сохранил в себе чувство интернационального долга. Именно они становились подходящим адресатом для соответствующей агитации, и были эмоционально готовы к моральной и материальной поддержке любых дружественных СССР государств и движений. Ко второй относились люди, которые внешние отношения оценивали с более прагматических позиций. Сомнительная надежность союзничества, расточительность некоторых совместных проектов и, наконец, рост угрозы безопасности самого советского государства, – в их глазах все это было достаточным основанием, чтобы весьма скептически оценивать массово пропагандируемую «руку дружбы».

Рис. 3. Худ. В. Иванов (1949)

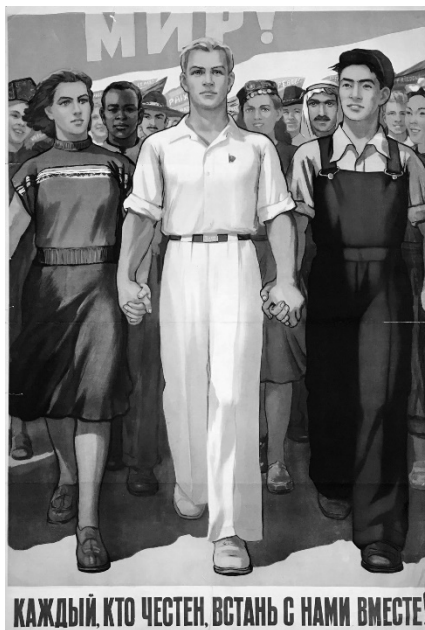

Рис. 4. Худ. Н. Ватолина (1953)

Рис. 5. Худ. К. Иванов (1950)

Исходя из основных типов героев наглядной агитации на внешнеполитические темы, можно выделить главные контексты глобализации советской повседневности – условно говоря, это *оборонный*, *трудовой*, *семейный* и, наконец, *интернационалистический*. Зачастую между ними не было четкой сюжетной границы. Агитки данных тематических направлений время от времени обсуждалась в прессе и подвергалась рефлексии со стороны их непосредственных авторов и критиков. В основном они оценивались с точки зрения вклада в пропаганду идей мира, солидарности и дружбы народов, которые, как в свое время признавала Н. Ватолина, стали вечными темами, глубоко захватывающими душу художника [18. С. 48]. Представляется, что ак-

туальность и призывная сила данных плакатов заключалась в том, что с обычными советскими людьми они говорили на близком им образно-символическом языке. И в лице граждан СССР, наглядная агитация порой обретала не просто аудиторию, готовую откликаться на плакатные призывы, но и, в какой-то мере, реальных прототипов для образа положительного героя. С ее помощью советские люди должны были осознавать себя, прежде всего, поборниками мира и интернационалистами. Но при этом от них требовалось лишь исполнение вполне знакомых и привычных социальных ролей: защитника Родины (а в послевоенные годы у многих был воинский опыт), работника на производстве или, наконец, родителя, ответственного за

судьбу детей. Тем самым, в условиях холодной войны целью пропаганды стала не мобилизация населения на нечто экстремальное, а придание особых смыслов для повседневной жизни. Приведенные в статье суждения граждан, безусловно, не могут охватить все варианты политических настроений в 200-миллионном СССР. Но, будучи весьма типичными, они выстраиваются в определенную

цепочку мнений, по которой можно утверждать, что мирная риторика ни в коей мере не вызвала отторжения, хотя и обозначалась некоторая дилемма между призывами *защитить* прочный мир и *бороться* за него. Сложнее оказались интернационалистические чувства советских людей, вплетенные не только в абстрактную идею дружбы народов, но и в практику союзнических отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например, И. Семенов «Мы врага встречаем просто...» (1948), В. Брискин «Урок врагам» (1952), А. Лавров, Б. Ефимов «Ясно?» (1953).
- ² Примерно 41% плакатов с изображением военных одновременно содержали понятие «мир».
- ³ Иван Алексеевич Бородулин (1921–1997) – военный разведчик, полный кавалер Ордена Славы. Участник Парада Победы 24 июня 1945 г. Автор книги «Мы – разведка» (1970).
- ⁴ См., например, А. Кокорекин «Строитель, на вахте мира стой! Дома Москвы красиво, прочно, быстро строй!» (1950), Н. Терещенко «Во имя мира!» (1953); Л. Голованов «На вахте мира!» (1962).
- ⁵ См., например, Л. Лавров «Отстоим мир!» (1950), И. Кружков «Матери всего мира, вставайте на защиту мира! Борьтесь против поджигателей новой войны!» (на укр. яз., 1950), К. Иванов «Миру – мир!» (1951).
- ⁶ Песня «Если бы парни всей земли» (1957) на музыку В. Соловьева-Седого и слова Е. Долматовского.
- ⁷ См., например, Е. Соловьев «Нашу дружбу крепим, не словами, а делами!» (1956), М. Соловьев «Наша дружба крепка как сталь!» (1958), В. Каленский, И. Каленская «Наша цель – коммунизм!» (на рус. и кит. яз., 1959).
- ⁸ См., например, Н. Долгоруков «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!» (1951), В. Брискин «Американская “щучка” и корейская наука» (1952).
- ⁹ В. Иванов «Пусть живёт и крепнет нерушимая дружба и сотрудничество советского и китайского народов!» (1951).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шклярчук А.Ф., Снопков А.Е., Снопков П.А. 600 плакатов. М. : Контакт-Культура, 2004. 192 с.
2. Вашик К., Бабурина Н.М. Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 417 с.
3. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. URL: <http://psyfactor.org/lib/fateev0.htm> (дата обращения: 14.01.2019).
4. Мамедова А.О. Изображение американского образа жизни в советском политическом плакате периода «холодной войны» // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 3. С. 149–154.
5. Михайлин В.Ю., Беляева Г.А. «Наш» человек на плакате: конструирование образа // Неприкосновенный запас. 2013. № 1. С. 89–109.
6. Ворошилова М.Б. «Дружба крепкая не сломается»: визуальные символы дружбы в советском плакате // Политическая лингвистика. 2015. № 3. С. 91–94.
7. О партийной и советской печати : сб. документов. М. : Правда, 1954. 691 с.
8. Советское искусство. 1948.
9. Правда. 1952.
10. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М. : РОССПЭН, 1999. 229 с.
11. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1514.
12. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2116.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1965.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1353.
15. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1354.
16. Советское искусство. 1951.
17. Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. М. : Искусство, 1962. 444 с.
18. Ватолина Н.Н. Мы – плакатисты. М. : Сов. художник, 1970. 79 с.
19. Советская культура. 1958.
20. Иванов В.С. Как создается плакат. М. : Изд-во Акад. художеств СССР, 1963. 62 с.
21. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1356.
22. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 98. Д. 1631.
23. Советское искусство. 1950.
24. Советская культура. 1956.
25. ГАРФ. Ф. Р 7523. Оп. 78. Д. 140.
26. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2416.
27. ГАРФ. Ф. Р 5446. Оп. 98. Д. 1614.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2019 г.

The Globalization of the Soviet Everyday Life as Depicted on the Political Posters of 1946–64

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 209–218.

DOI: 10.17223/15617793/443/25

Egor A. Fedosov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: karamba243@yandex.ru

Keywords: USSR; Cold War; propaganda; agitational poster; Soviet person.

In the article, the main objects of analysis are political posters of the USSR of 1946–64, as one of the most significant, intelligible and massive forms of the broadcasting of the state ideology in the conditions of the Cold War escalation. The aim of the article is, on the basis of posters, to reveal the kinds of contexts the official propaganda engaged the Soviet people in the global agenda and to identify how the propaganda slogans fitted the world outlook of the common citizens. In the study, from about of 3 000 posters of the period 780 samples were selected whose textual or pictorial content directly or indirectly represented the international situation at the time. The article also deals with the Soviet periodicals that discussed the ongoing development of poster production and with ar-

chives, which reflected public opinions in the USSR, such as various reports about massive propagandistic campaigns, direct citizens' responses as well as letters of the Soviet people to the supreme power. The visual sources were studied by the methods of content and intent analysis, which allow classifying thematic categories and images of posters and tracking the dynamics of their creation and interconnection. The comments about political events or phenomena reflected in archive sources were grouped by the social type of addresser and, according to the extrapolation method, were considered as a possible reaction to the relevant images of the posters. The analysis allows reaching the following conclusions. Based on the main types of characters of the posters, the principal contexts of the globalization of the Soviet everyday life are identified: defense, labor, family and internationalism. Frequently, there was no clear difference in the plot between them. The posters were to help the Soviet people perceive themselves as vindicators of peace and internationalism. For this, people only had to perform quite familiar and habitual social roles: a defender of Motherland (during the postwar era many people had military experience), a worker in a manufacture, a parent responsible for the destiny of children. Thereby, in the conditions of the Cold War, the main aim of propaganda was to give specific senses for everyday life rather than mobilize people for something extreme. The analysis of citizens' political mood shows that the relevance and the invocatory power of the posters of the mentioned types consisted in the dialog with ordinary Soviet people using a familiar figurative and symbolic language. Sometimes visual propaganda saw citizens of the USSR not only as the audience ready to respond to the slogans of the posters, but, to some extent, as real prototypes for images of positive characters, too.

REFERENCES

1. Shklyaruk, A.F., Snopkov, A.E. & Snopkov, P.A. (2004) *600 plakotov* [600 posters]. Moscow: Kontakt-Kul'tura.
2. Vashik, K. & Baburina, N.M. (2004) *Real'nost' utopii. Iskusstvo russkogo plakata XX veka* [The reality of utopia. The art of the twentieth-century Russian poster]. Moscow: Progress-Traditsiya.
3. Fateev, A.V. (1999) *Obraz vraga v sovetskoy propagande. 1945–1954 gg.* [The image of the enemy in the Soviet propaganda. 1945–1954]. [Online] Available from: <http://psyfactor.org/lib/fateev0.htm>. (Accessed: 14.01.2019).
4. Mamedova, A.O. (2011) The Depiction of the American Way of Life in Soviet Political Posters During the Cold War Period. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 3. pp. 149–154. (In Russian).
5. Mikhaylin, V.Yu. & Belyaeva, G.A. (2013) "Nash" chelovek na plakate: konstruirovaniye obraza ["Our" person on the poster: image design]. *Neprikosnennyiy zapas*. 1. pp. 89–109.
6. Voroshilova, M.B. (2015) "A friend in need is a friend indeed": visual symbols of friendship in the Soviet political poster. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 3. pp. 91–94. (In Russian).
7. CS CPSU. (1954) *O partiynoy i sovetskoy pechati: sb. dokumentov* [On the party and Soviet press: Documents]. Moscow: Pravda.
8. *Sovetskoe iskusstvo*. (1948).
9. *Pravda*. (1952).
10. Zubkova, E.Yu. (1999) *Poslevoennoye sovetskoye obshchestvo: politika i povsednevnyy zhizn'. 1945–1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.
11. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1514. (In Russian).
12. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 2116. (In Russian).
13. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1965. (In Russian).
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1353. (In Russian).
15. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1354. (In Russian).
16. *Sovetskoye iskusstvo* (1951).
17. Demosfenova, G.L. (1962) *Sovetskiy politicheskiy plakat* [A Soviet political poster]. Moscow: Iskusstvo.
18. Vatolina, N.N. (1970) *My – plakativy* [We are poster artists]. Moscow: Sov. khudozhnik.
19. *Sovetskaya kul'tura*. (1958).
20. Ivanov, V.S. (1963) *Kak sozdaetsya plakat* [How to create a poster]. Moscow: USSR Academy of Arts.
21. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 96. File 1356. (In Russian).
22. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 98. File 1631. (In Russian).
23. *Sovetskoye iskusstvo*. (1950).
24. *Sovetskaya kul'tura*. (1956).
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 7523. List 78. File 140. (In Russian).
26. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 2416. (In Russian).
27. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R 5446. List 98. File 1614. (In Russian).

Received: 26 March 2019

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.013.46

Л.А. Артюшина

УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ КАК СПОСОБ ФИКСАЦИИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В СОДЕРЖАНИИ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ШКОЛЬНОГО УЧЕБНИКА (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДМЕТОВ УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ)

Рассмотрены способы фиксации информационной, деятельностной и ценностно-целевой компонент ценностно-смысловой компетенции в содержании учебных текстов. Предлагается использовать: знания и представления, составляющие информационную компоненту компетенции, практические примеры применения описанных знаний и представлений, задания и вопросы в тексте и после текста. Описаны показатели, позволяющие диагностировать уровень сформированности ценностно-смысловой компетенции у учащихся основной школы. Определены направления дальнейшего исследования.

Ключевые слова: ключевые компетенции; технология формирования ключевых компетенций; способы фиксации ключевых компетенций; учебный текст; основная школа.

Введение. Несмотря на свою актуальность [1, 2], в практике школьного обучения задача формирования ключевых компетенций школьников решается недостаточно эффективно. Такой вывод подтверждается результатами проведенного нами опроса учащихся основной школы.

Так, только 7,4% учащихся 5–6 классов имеют достаточные знания о различных источниках, средствах и алгоритмах поиска информации, о различных технологиях подготовки и оформления результатов самостоятельной работы. У 97% опрошенных нами учащихся не сформированы понятия «культура», «национальная культура». 94,7% опрошенных затрудняются назвать какие-либо средства или способы объективной самооценки, оставшийся же небольшой процент учащихся (5,3%) указывают в качестве способа самооценки «сравнить себя с другими», но затрудняются описать, как это сделать. Примеры можно продолжить.

На наш взгляд, у сложившейся ситуации есть две основные причины. Первая заключается в том, что дидактическое понятие, перечень, а также содержание информационной, деятельностной, опытной и ценностно-целевой компонент ключевых компетенций сформулированы на сегодняшний день в самом общем виде и нуждаются в детализации. Этот вывод подтверждается результатом проведенного нами анализа научных публикаций, посвященных проблеме формирования ключевых компетенций у учащихся основной школы [3–8 и т.д.]. На этот факт указывают и сами ученые, например, в [8].

Второй причиной является недостаточная разработанность вопроса о способах фиксации ключевых компетенций в содержании учебного материала учебника. Этот вывод подтверждается результатом анализа учебников английского и русского языка, обществознания, информатики, географии, музыки для основной школы. Мы констатировали, что в содержании учебного материала этих учебников слабо отражены (от 0 до 0,7%) компоненты ключевых компетенций. Например, не зафиксированы знания о сущности рефлексии и рефлексивной деятельности; традиционных ценностях семьи, российского граждан-

ского общества; об основных социальных ролях; этике трудовых и гражданских взаимоотношений; о путях и способах использования свободного времени, духовно обогащающих личность, самоопределения; методах и средствах познания и самопознания. Также отсутствует система заданий, соответствующая перечисленным видам знаний. Эта ситуация приводит к тому, что формирование у школьников ключевых компетенций осуществляется преимущественно без необходимого научного обоснования, что обуславливает ее недостаточно высокую эффективность. С учетом сказанного, в рамках инновационной работы мы ставили следующие **цели исследования:**

- с педагогической точки зрения уточнить понятие и состав компонент ключевых компетенций;
- разработать способы их фиксации в содержании учебного материала учебника, соответствующие уточненному понятию и составу, а также структуре ключевых компетенций.

Результаты исследования, представленные для обсуждения в статье, получены в ходе инновационной работы, проводимой в рамках региональной инновационной площадки на базе МБОУ СОШ № 6 г. Владимира.

Как отмечалось выше, анализ научных публикаций, посвященных проблеме формирования ключевых компетенций у школьников основной школы, показал, что дидактическое понятие компетенции, представление о содержании компонент ключевых компетенций на сегодняшний день выработано лишь в самом общем виде [3–8 и т.д.]. Поэтому на первом этапе исследования мы предприняли попытку их конкретизации. Сделано это было с целью более четкого отражения в их составе требований ФГОС основного общего образования, а именно категорий «знает», «умеет», «владеет». На наш взгляд, это облегчало фиксацию и диагностику ключевых компетенций. Мы основывались на представленных А.В. Хуторским и Л.Н. Хуторской общей системной модели, а также перечне, составе и технологии формирования компетенций [5–8], разработанных И.Я. Лернером о видах знаний учащихся [9]. Подобный способ был использован нами ранее при разработке дидактических средств

включения рефлексивных умений в содержание образования [10].

В статье ограничимся рассмотрением уточненных характеристик ценностно-смысловой компетенции.

Ценностно-смысловая компетенция введена в перечень ключевых образовательных компетенций [8]. Опираясь на представленное А.В. Хуторским в работе [8] понимание того, какого рода компетенции относятся к ценностно-смысловым, под ценностно-смысловыми компетенциями мы понимаем совокупность знаний, умений, навыков, ценностных ориентаций и опыта деятельности, необходимых для обеспечения механизмов самоопределения ученика в ситуациях учебной и иной деятельности.

Детализация содержания компонент ключевых компетенций и, в частности, ценностно-смысловой компетенции представлена в работе [11].

На втором этапе, в соответствии с уточненным составом компетенций, были проанализированы школьные учебники 5–7 классов по английскому и русскому языкам, информатике, музыке, обществознанию, биологии, литературе и географии. Некоторые результаты анализа представлены во введении.

Следующий этап исследования состоял в конструировании учебных текстов и заданий, целенаправленно формирующих ключевые компетенции у учащихся основной школы. Мы опирались на следующие исходные дидактические понятия и положения: структуру и состав ключевых компетенций [6–8, 11], виды учебных текстов [12], подходы к конструированию учебных текстов для учащихся основной школы [10. С. 81–87], состав рефлексивных умений [Там же. С. 55–56].

Рассмотрим способы фиксации информационной, деятельностной и ценностно-целевой компонент ценностно-смысловой компетенции в содержании учебных текстов.

Ценностно-смысловую компетенцию мы зафиксировали в учебном материале учебника с помощью предметно-, инструментально- и ценностно-ориентированных текстов.

Так как основной функцией предметно-ориентированных текстов является информирование об объекте, с помощью этого вида текста мы фиксировали информационную компоненту ценностно-смысловой компетенции. Таким образом, учебные тексты содержали знания и представления: об общих требованиях и нормах, принятых в современном обществе, о сущности учебной и иной деятельности; о способах и средствах: самоопределения личности и объективной самооценки, представления себя, осуществления рефлексии. За основу разработки таких текстов были взяты предметные тексты из учебников основной школы.

Рассмотрим пример предметно-ориентированного текста, фиксирующего знания и представления о сущности познания себя и самооценке. За основу взят текст «Познание мира и себя» из учебника обществознания 6 класса авторов Н.Ф. Виноградовой, Н.И. Городецкой, Л.Ф. Ивановой и др. [13. С. 18–19]:

«Познание мира и себя. Потребность понять и узнать себя способствует развитию самосознания,

т.е. сознания, направленного на себя самого. Ты стремишься осознать свои сильные и слабые стороны, понять перспективы своей деятельности, взаимоотношения с окружающими тебя людьми, не только замечаешь действия и оценки других по отношению к тебе, но и стараешься их анализировать: какие оценки принять, какие отвергнуть, с чем согласиться, а против чего протестовать. ...Самооценка может быть правильной или ложной, относительно высокой или низкой. Ложная или заниженная самооценка сдерживает развитие способностей, рождает неведение в себя, снижает удовлетворение от учебы, любимого занятия. Правильная самооценка помогает поверить в свои силы, выделить ту деятельность, в которой ты сможешь достичь высоких результатов, преодолеть все трудности. Посмотри на рисунки Марины и Владимира. Они изобразили себя на лестнице, остальные ступеньки которой заняты другими ребятами ...У Марины оценка себя занижена: она изобразила себя на самой нижней ступеньке. Ей кажется, что она во всех отношениях хуже своих друзей. ...А Владимир, наоборот, переоценил себя...и выбирает себе в друзья таких ребят, среди которых он окажется умнее и способнее...

Мысленно разметь на лестнице себя и своих друзей. Объясни свой выбор».

В качестве структур, фиксирующих знания и представления о том, как познать себя, авторами учебника использованы описание сущности процесса познания и самооценки себя, примеры завышенной и заниженной самооценки. Однако практика использования этого учебного текста показала его недостаточную эффективность в деле информирования учащихся о способах познания себя. Причина этого – в содержании учебного текста в явном виде не содержится информация о способах объективной самооценки.

Мы доработали текст, добавив в его содержание описание одного из известных способов объективной самооценки:

«Чтобы этого не происходило, рассмотрим один из способов объективной самооценки. Личностные качества любого человека можно условно разделить на две группы: сильные стороны и слабые стороны личности. Удобней записывать их с помощью вот такой таблицы:

Это Я	
Мои сильные стороны	Мои слабые стороны
...	...

С помощью такой же таблицы можно оценить своих друзей. Например:

Мой друг Володя	
Сильные стороны Володи	Слабые стороны Володи
...	...

Сравнивая таблицы, легко правильно оценить себя и своих друзей».

Приведем еще один пример предметно- и ценностно-ориентированного текста, информирующего учащихся об общих требованиях и нормах, принятых в современном обществе. Мы использовали пред-

метный текст из учебника английского языка 7 класса авторов О.В. Афанасьевой, И.В. Михеевой, К.М. Барановой [14. С. 92–93]. В тексте в форме диалогов на английском языке зафиксированы знания о здоровом и нездоровом питании двух персонажей. Однако эти знания не носят надпредметного характера, так как специально не ориентируют учащихся на восприятие их как нормы современного общества. Мы доработали данный текст, включив в его содержание вопросы, специально ориентирующие учащихся на восприятие здорового питания как нормы современного общества:

«Вопросы:

1. *Объясни своими словами, каким должно быть здоровое питание?*

2. *Подумай и скажи, почему современному человеку так важно соблюдать принципы здорового питания?*

3. *Что бы ты посоветовал героям для оздоровления их систем питания?*

4. *Проанализируй, а как ты питаешься сам?».*

Основное предназначение инструментально-ориентированных текстов – показать методы и приемы решения задач, программы и инструкции, указывающие на способ достижения цели(ей). С помощью этого вида учебного текста мы фиксировали деятельностную компоненту ценностно-смысловой компетенции. То есть учебные тексты содержали практические примеры применения:

- знаний и представлений, составляющих информационную компоненту;

- умений выявлять собственные ценностные ориентиры по отношению к изучаемым учебным предметам и сферам деятельности, представить себя устно и письменно, написать анкету, заявление, резюме;

- владения способами самоопределения в ситуациях выбора на основе собственных позиций; принятия решений, ответственности за их последствия, осуществления действий и поступков на основе выбранных целевых и смысловых установок;

- осуществления индивидуальной образовательной траектории с учетом общих требований и норм;

- определения своего жизненного предназначения (что ты умеешь делать лучше всех);

- осуществления рефлексии собственной деятельности.

Рассмотрим примеры разработанных нами инструментально- и ценностно-ориентированных текстов.

Первый текст содержит практический пример осуществления рефлексии, а именно умения анализировать основания собственных действий, для ответа на вопрос: «Что выбрал капитан для измерения высоты?». Был взят предметный текст из рабочей тетради к учебнику географии 6 класса авторов Е.М. Домогацких, Е.Е. Домогацких [15. С. 59] «Капитан Флинт и одинокая гора»:

«Лена ответила на вопрос быстрее всех, выбрав линейку.

Саши решил не торопиться с ответом на вопрос и осуществить рефлексия над своими действиями.

Для этого: вспомнил, а что он знает о предложенных в тексте приборах измерения и их назначении. Компас нужен для определения сторон света,

песочные часы для определения времени, термометр – для определения температуры, линейка для определения расстояния. Получается, ему нужна линейка? Но как капитан Флинт будет измерять высоту с помощью линейки, она ведь очень маленькая по сравнению с горой?

Тогда Саша подумал – может быть, какой-то из перечисленных приборов, помимо своего основного назначения, может и высоту определить? Как же это узнать?

И Саша стал рассуждать. Вопрос дан в теме “Температура воздуха”? Может быть, здесь есть связь? И вспомнил текст из учебника, в котором рассказывалось, что при подъеме над поверхностью Земли температура воздуха в тропосфере понижается на 6°С на каждом километре подъема. Значит, если Флинт возьмет термометр и измерит температуру у основания горы и, поднявшись на вершину, снова измерит температуру, затем найдет разницу между температурой у основания и температурой на вершине, а потом разделит ее на 6, то получит высоту горы. Саша выбрал в качестве ответа термометр.

Посмотрев ответы ребят, учитель географии сказала, что победил Саша. Как ты думаешь, почему?

Проверь себя: Лена при ответе на вопрос задачи выбрала самый очевидный прибор, не задумываясь над тем, как же его применить к измерению гораздо большего по размерам предмета? Саша, в отличие от Лены, выбрал прибор обоснованно, соотнес назначение и размеры каждого прибора с поставленной целью».

Ценностную нагрузку «несет» вопрос в тексте, способствующий формированию убежденности в важности для человека уметь принимать решения обоснованно.

В качестве еще одного примера рассмотрим инструментально-, предметно и ценностно-ориентированный текст из учебника обществознания 7 класса авторов Н.Ф. Виноградовой, Н.И. Городецкой, Л.Ф. Ивановой и др. [16. С. 38–39] «Учимся быть мужественными», содержащий советы педагога В.А. Сухомлинского по развитию в себе волевой устремленности, стойкости и выдержки. Приведем фрагмент текста:

«С малых лет готовься к воинской службе. Будь выносливым, терпеливым, не бойся трудностей.

С детства учись быть верным слову. Верность слову – нравственная доблесть, которую ты должен в себе развивать... Силы твои могут быть слабые и ограниченные, но если ты умеешь властвовать над физическими силами духом, волей, стремлениями, ты будешь непобедимым и негнимоим...»

Содержащиеся в тексте советы, безусловно, можно рассматривать как инструкции по воспитанию в себе перечисленных личностных качеств. Но советы сами по себе не организуют их целенаправленное формирование.

Мы усовершенствовали содержание текста, добавив в его содержание структуры, организующие целенаправленное формирование собственных жизненных ценностей и приоритетов у учащихся. В качестве таких структур мы использовали вопросы и задания после текста на самостоятельный поиск и формулировку ценностных ориентиров:

«Вопросы и задания:

1. *Объясните высказывание В.А. Сухомлинского «Посвятить свою жизнь защите Отечества – честь юноши...». Приведите не менее трех утверждений.*

2. *Запиши советы педагога, которыми ты стал бы руководствоваться в жизни? Обоснуй свой выбор».*

Основной функцией ценностно-ориентированных текстов является оценочная, основа оценки – человеческие идеалы равенства, доброты и т.п.

С помощью ценностно-ориентированных текстов мы фиксировали ценностно-целевую компоненту, т.е. этот вид учебных текстов подчеркивал для учащихся важность познания, учебной деятельности, развития, свободы и продуктивной жизни, формировал уверенность в себе, ответственность, рационализм. Рассмотрим пример учебного текста, содержащего ориентацию на познание. Основой является предметный текст из учебника русского языка 5 класса авторов Т.А. Ладыженской, М.Т. Баранова, Л.А. Тростенцовой [17. С. 16]: *«Орфограмма»: «Звуковой состав слова на письме передается с помощью букв: карандаш, бумага, клей. Различают два вида написаний: по произношению – пишу то, что слышу (например, дом, пар, стол, туман), и не по произношению – пишу не то, что слышу (например, слышу [вада], а пишу вода). Написания в словах по орфографическим правилам или по традиции называют орфограммами. Орфограммы являются точками применения правил. Орфограмма (от греч. orthos – правильный и gramma – буква).»*

В приведенный предметный текст мы «добавили» ценностную «нагрузку», используя для этого вопросы после текста:

1. *«Подумай, важно или нет современному человеку уметь писать по орфографическим правилам? Обоснуй свое мнение.*

2. *Приведи примеры ситуаций, где это умение пригодилось тебе (может пригодиться)? Объясни почему.*

3. *Как ты думаешь, где и как можно научиться правильно писать?»*

Ориентацию на познание (возможность расширения своего образования, общей культуры, интеллектуальное развитие), ценность умения правильно писать как норму современного общества фиксируют первый и второй вопросы. Третий вопрос направляет ученика на раскрытие и понимание сущности и важности учебной деятельности, в частности, приобретение знаний, умений и навыков грамотного письма.

Так как опытная компонента компетенции формируется в процессе деятельности, например, по выполнению учебного задания, способы ее фиксации остались за рамками тематики статьи.

Динамику процесса формирования ценностно-смысловой компетенции мы отслеживали по критериям и соответствующим им группам показателей. Были использованы выделенные нами ранее в [10. С. 103–114] знаниевый, инструментальный и мотивационный критерии.

Группа показателей по знаниевому критерию была сориентирована на состав информационной компоненты.

Таким образом, мы диагностировали наличие знаний и представлений:

- об общих требованиях и нормах, принятых в современном обществе, о сущности учебной и иной деятельности;

- средствах: изучения себя и определения своих жизненных целей, ценностей и приоритетов, объективной самооценки, осуществления рефлексии;

- способах: изучения себя и определения своих жизненных целей, ценностей и приоритетов, объективной самооценки, осуществления рефлексии.

Для диагностирования было использовано анкетирование и наблюдение. Для анкетирования был разработан вопросник. Вопросы, включенные в вопросник, были сориентированы на показатели знаниевого критерия, т.е. школьнику предлагалось пояснить смысл понятий, составляющих информационную компоненту.

В качестве показателей инструментального критерия мы использовали:

- степень самостоятельности осуществления учеником умений, составляющих деятельностьную компоненту ценностно-смысловой компетенции (по внешнему требованию или без него, с подсказками или без них);

- степень осознанности учеником умений, составляющих деятельностьную компоненту ценностно-смысловой компетенции (возможность применения учащимся сформированных умений при решении новых заданий).

В качестве методики была использована серия сконструированных нами заданий, требующая применения этих умений.

Мотивационный критерий мы диагностировали по уровню нравственной воспитанности учащихся. Для диагностики был разработан вопросник на основе диагностических методик Н.Е. Щурковой [18].

Наблюдение за учащимися проводилось во время урока. По результатам наблюдений каждым учителем заполнялся Лист индивидуальных достижений учащихся, фиксирующий динамику показателей знаниевого, инструментального и мотивационного критериев.

Результаты обследования, проведенного по данным методикам, доказали эффективность разработанного комплекта учебных текстов, фиксирующего ценностно-смысловую компетенцию в содержании образования.

По показателям знаниевого критерия положительная динамика у учащихся экспериментальных классов составила в среднем по каждому классу 14,5 и 14% соответственно, у учащихся контрольного класса – в среднем по классу 1%.

По показателям мотивационного критерия – экспериментальные классы (в среднем по классу 7,5 и 5,7% соответственно), контрольный класс (в среднем по классу 0,7%).

Заключение. На сегодняшний день в рамках инновационной работы представлена система дидактического инструментария для формирования и развития ключевых компетенций у учащихся основной школы. Система дидактического инструментария включает в себя:

- комплект учебных текстов и заданий для учебных предметов основной школы;
- методические рекомендации для учителя по применению комплекта учебных текстов и заданий, направленных на формирование и развитие ключевых компетенций у учащихся основной школы;
- пакет диагностических методик для оценки уровня сформированности ключевых компетенций у учащихся основной школы.

Проведенное исследование не исчерпывает всех вопросов, связанных с проблемой проектирования содержания образования, направленного на формирование у школьников ключевых компетенций.

Дальнейшего исследования, связанного с расширением и систематизацией, требует состав компонент ключевых компетенций, и, как следствие, доработки потребует система дидактического инструментария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года: распоряжение Правительства России № 1662-р от 17.11.2008. URL: <http://government.ru/info/6217/>.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования: приказ Минобрнауки России № 1897 от 17.12.2010. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rf-ot-17122010-n-1897/>.
3. Иванов Д.А. О ключевых компетенциях и компетентностном подходе в образовании // Школьные технологии. 2007. № 5. С. 51–61.
4. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Эксперимент и инновации в школе. 2009. № 2. С. 7–14.
5. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.
6. Хуторской А.В., Хуторская Л.Н. Компетентность как дидактическое понятие: содержание, структура и модели конструирования // Проектирование и организация самостоятельной работы студентов в контексте компетентностного подхода : межвузовск. сб. науч. тр. / под ред. А.А. Орлова. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2008. Вып. 1. С. 117–137.
7. Хуторской А.В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // Интернет-журнал «Эйдос». 2005. 12 декабря. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>
8. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журнал «Эйдос». 2002. 23 апреля. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm>
9. Лернер И.Я. Качества знаний учащихся. Какими они должны быть? М. : Знание, 1978. 48 с.
10. Артюшина Л.А. Дидактические средства включения рефлексивных умений школьников в содержание образования : дис. ... канд. пед. наук. Владимир, 2008. 173 с.
11. Артюшина Л.А. Некоторые аспекты формирования ключевых компетенций школьников // Вестник Владимирского Государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер. Педагогические и психологические науки. № 33 (52). 2018. С. 15–21.
12. Кулоткин Ю.Н. Анализ функциональных стилей учебного текста // Проблемы школьного учебника. Вып. 5. М., 1977. С. 91–97.
13. Виноградова Н.Ф., Городецкая Н.И., Иванова Л.Ф. и др. Обществознание. 6 класс : учеб. для общеобразоват. организаций / под ред. Л.Н. Боголюбова, Л.Ф. Ивановой. М. : Просвещение. 2016. 113 с.
14. Афанасьева О.В., Михеева И.В., Баранова К.М. Английский язык. 7 класс : в 2 ч. Ч. 2 : учебник. М. : Дрофа, 2015. 152 с.
15. Домогацких Е.М., Домогацких Е.Е. Рабочая тетрадь : к учебнику Е.М. Домогацких, Н.И. Алексеевский «География 6 класс». М. : ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2014. 232 с.
16. Обществознание. 7 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений с приложением на электронном носителе / [Л.Н. Боголюбов, Н.И. Городецкая, Л.Ф. Иванова и др.]; под ред. Л.Н. Боголюбова, Л.Ф. Ивановой. М. : Просвещение, 2014. 159 с.
17. Ладыженская Т.А., Баранов М.Т., Тростенцова Л.А. Русский язык. 5 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений : в 2 ч. Ч. 1 / науч. ред. Н.М. Шанский. М. : Просвещение, 2012. 192 с.
18. Щуркова Н.Е. Классное руководство : (теория, методика, технология). М. : Пед. общ-во России, 2000. 255 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 5 октября 2018 г.

An Educational Text as a Method to Fix the Axiological Competency in the Educational Content of a Textbook (As Exemplified by Disciplines of the Basic Education Curriculum)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 219–224.

DOI: 10.17223/15617793/443/26

Larisa A. Artyushina, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir, Russian Federation). E-mail: larisa-artusina@yandex.ru

Keywords: core competencies; core competencies forming technology; fixation methods of core competencies; educational text; general school.

The aim of the article is to present the results of an experimental study on the secondary school learners' core competencies development. The author has worked out a system of didactic tools for the development of secondary school learners' core competencies, namely, a set of educational texts and tasks, a teacher's guide on the application of the set and a package of diagnostic methods for assessing the level of school learners' core competencies formation. The following methods have been employed: theoretical analysis of pedagogical literature, modeling, lesson observation, learners' questionnaire, pilot testing, quantitative and qualitative comparative analysis of experimental data. At Stage One, the content of core competencies components have been specified; the criteria and relevant indicators for revealing the dynamics of the core competencies development have been determined. Knowledge, instrumental and motivational criteria have been used. The group of indicators for the knowledge criterion has been targeted toward the content of the informational component. The instrumental criterion has been formed by the degree of autonomy and the level of consciousness in the learner's realization of skills constituting the pragmatist component of the axiological competency. The motivation criterion has been diagnosed in terms of learners' moral development. At Stage Two, school textbooks' content has been analyzed in accordance with the amended composition of core competencies. The results of the analysis allow to conclude that core competencies are beyond textbook authors' areas of concern. Stage Three consisted of establishing design characteristics of educational texts for the purposeful core competencies development. School textbooks on Geography, Social Studies, English and Russian have been used. Stage Four was to develop and validate the fixation methods in the educational content of a textbook and to analyze learners' diagnostic data. The conclusion is based on the outcomes of the pilot testing of didactic tools assessment. In developing

school learners' core competencies through the didactic tools proposed, favourable conditions are created for mastering these competencies purposefully, in line with the educational orientation. Comparative research results of experimental education in control and pilot classes have vividly demonstrated the conclusion.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2008) *Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya RF do 2020 goda*: rasporyazhenie Pravitel'stva Rossii № 1662-r ot 17.11.2008 [The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation until 2020: Order of the Government of Russia No. 1662-r of 17 November 2008]. [Online] Available from: <http://government.ru/info/6217/>.
2. Russian Federation. (2010) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart osnovnogo obshchego obrazovaniya: prikaz Minobrnauki Rossii № 1897 ot 17.12.2010* [Federal State Educational Standard of Compulsory Education: Order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 1897 of December 17, 2010]. [Online] Available from: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rf-ot-17122010-n-1897/>.
3. Ivanov, D.A. (2007) O klyuchevykh kompetentsiyakh i kompetentnostnom podkhode v obrazovanii [On key competencies and competence-based approach in education]. *Shkol'nye tekhnologii*. 5. pp. 51–61.
4. Zimnyaya, I.A. (2009) Klyuchevye kompetentsii – novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya [Key competencies: a new paradigm of the result of education]. *Ekspert i innovatsii v shkole*. 2. pp. 7–14.
5. Khutorskoy, A.V. (2003) Klyuchevye kompetentsii kak komponent lichnostno-orientirovannoy paradigmy obrazovaniya [Key competencies as a component of the personality-oriented educational paradigm]. *Narodnoe obrazovanie*. 2. pp. 58–64.
6. Khutorskoy, A.V. & Khutorskaya, L.N. (2008) Kompetentnost' kak didakticheskoe ponyatie: sodержание, struktura i modeli konstruirovaniya [Competence as a didactic concept: content, structure, and design models]. In: Orlov, A.A. (ed.) *Proektirovaniye i organizatsiya samostoyatel'noy raboty studentov v kontekste kompetentnostnogo podkhoda* [Design and organization of students' independent work in the context of the competence approach]. Is. 1. Tula: Tula State Pedagogical University.
7. Khutorskoy, A.V. (2005) Tekhnologiya proektirovaniya klyuchevykh i predmetnykh kompetentsiy [Technology of designing key and subject competencies]. *Eydos*. 12 December. [Online] Available from: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>.
8. Khutorskoy, A.V. (2002) Klyuchevye kompetentsii i obrazovatel'nye standarty [Key competencies and educational standards]. *Eydos*. 23 April. [Online] Available from: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm>.
9. Lerner, I.Ya. (1978) *Kachestva znaniy uchashchikhsya. Kakimi oni dolzhny byt'?* [The quality of student knowledge. What should they be?]. Moscow: Znanie.
10. Artyushina, L.A. (2008) *Didakticheskie sredstva vklyucheniya refleksivnykh umeniy shkol'nikov v sodержание obrazovaniya* [Didactic means of incorporating the reflexive skills of schoolchildren in the content of education]. Pedagogy Cand. Diss. Vladimir.
11. Artyushina, L.A. (2018) Some aspects of schoolchildren's core competencies development. *Vestnik Vladimirovskogo Gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh. Ser. Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki*. 33 (52). pp. 15–21. (In Russian).
12. Kulyutkin, Yu.N. (1977) Analiz funktsional'nykh stiley uchebnogo teksta [Analysis of the functional styles of the educational text]. In: Zankov, L.V. et al. (eds) *Problemy shkol'nogo uchebnika* [Problems of the school textbook]. Is. 5. Moscow: Prosveshchenie.
13. Vinogradova, N.F. et al. (2016) *Obshchestvoznanie. 6 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. organizatsiy* [Social Studies. Grade 6: textbook for schools of general education]. Moscow: Prosveshchenie.
14. Afanas'eva, O.V., Mikheeva, I.V. & Baranova, K.M. (2015) *Angliyskiy yazyk. 7 klass: v 2 ch.* [English. Grade 7: in 2 parts]. Pt. 2. Moscow: Drofa.
15. Domogatskikh, E.M. & Domogatskikh, E.E. (2014) *Rabochaya tetrad': k uchebniku E.M. Domogatskikh, N.I. Alekseevskiy "Geografiya 6 klass"* [Workbook: to the textbook by E.M. Domogatskikh, N.I. Alekseevskiy "Geography. Grade 6"]. Moscow: OOO "TID "Russkoe slovo – RS".
16. Ivanova, L.F. et al. (eds) (2014) *Obshchestvoznanie. 7 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdeniy s prilozheniem na elektronnom nositele* [Social Studies. Grade 7: textbook for schools of general education with a supplement on an electronic medium]. Moscow: Prosveshchenie.
17. Ladyzhenskaya, T.A., Baranov, M.T. & Trostentsova, L.A. (2012) *Russkiy yazyk. 5 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdeniy: v 2 ch.* [Russian language. Grade 5: textbook for schools of general education: in 2 parts]. Pt. 1. Moscow: Prosveshchenie.
18. Shchurkova, N.E. (2000) *Klassnoye rukovodstvo: (teoriya, metodika, tekhnologiya)* [Classroom management: (theory, methodology, technology)]. Moscow: Ped. obshch-vo Rossii.

Received: 05 October 2018

И.В. Иванова, Н.Г. Иванов

ВКЛАД В РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Описывается проблема, являющаяся актуальной в свете современной образовательной политики в РФ, важной для профессиональной ориентации подрастающего поколения в области профессий технического профиля. Представлено описание и отражены результаты апробации модели взаимодействия образовательных организаций общего, дополнительного, высшего образования и научно-производственных предприятий как подхода к организации внеурочной деятельности, создающей условия для профессиональной ориентации обучающихся и повышения престижа научно-технических профессий.

Ключевые слова: научно-техническое творчество; профессиональная ориентация; аналитическое мышление; дополнительное образование; внеурочная деятельность; модель сотрудничества организаций.

Динамика научно-технического прогресса в нашей стране требует грамотных, творчески мыслящих, готовых к участию в развитии производства специалистов технической отрасли. В данном контексте важно заметить, что инженерный корпус в России постарел, молодежь избегает инженерной карьеры из-за низкого социального статуса и уровня оплаты. Еще хуже обстоят дела с высококвалифицированными рабочими и технологами. Практически до минимума свелась технологическая безопасность страны, включая военно-промышленный комплекс. Разрыв поколений превышает 20 лет – средний возраст ведущих ученых и разработчиков превысил 60 лет. К примеру, в Калуге – городе с колоссальным научно-техническим потенциалом, которому присуще уникальное, единственное в мире сочетание профильных вузов, научных центров, научно-производственных объединений, высокотехнологических предприятий (КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана, ОАО НПП «Тайфун», НПО им. Лавочкина и др.), больше трети предприятий заявляют о дефиците квалифицированных инженеров, технологов и техников, что свидетельствует о накопившемся отрыве системы образования от рынка труда [1. С. 173].

Сегодня остро стоит задача обновления и подготовки грамотных инженерных кадров, в связи с этим одной из важных задач педагогической науки и практики является подготовка инженерных кадров с развитым аналитическим мышлением, способных к инновационной инженерно-технической деятельности. Решение данных задач связано с разработкой новых научно-обоснованных методов управления творческой деятельностью обучающихся в школе, направленных на обеспечение мотивации подрастающего поколения к научно-техническому творчеству, профессиональной ориентации на выбор специальностей технического профиля, совершенствование умений научно-творческой деятельности, создание условий для осознанного выбора профессии.

Сложившиеся социально-экономические факторы естественным образом находят свое отражение в стратегии развития образования страны. В модели Российского образования до 2020 г. образование рассматривается как обеспечивающий ресурс экономики и стратегический ориентир в ее инновационном развитии. Важными приоритетами социально-экономической политики сегодня становятся привлечение молодежи в научно-техническую сферу профессио-

нальной деятельности и повышение престижа научно-технических профессий – от рабочих до инженеров и от изобретателей до инноваторов [2].

В статьях Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» подчеркивается, что в современной образовательной практике особая роль в развитии подрастающего поколения должна быть отведена внеурочной деятельности, которая может рассматриваться в качестве одного из условий, способных обеспечить профессиональную ориентацию и саморазвитие обучающихся [3].

По словам Д.А. Медведева, система дополнительного образования и практика внеурочной деятельности, в силу своей уникальности, способны не только раскрыть личностный потенциал любого ребенка, но и подготовить его к условиям жизни в высококонкурентной среде, развить умения бороться за себя и реализовывать свои идеи [4].

Учеными, в частности Э.Ф. Зеер, подчеркиваются преимущества внеурочной деятельности, которая является одним из условий, обеспечивающих обучающимся возможность состояния успеха в результате научно-технического моделирования, что стимулирует мотивацию достижения результатов и новых успехов в области научно-технического творчества [5. С. 14–16].

Внеурочной деятельности сегодня уделяется особое внимание, что отражено в материалах ФГОС начального общего, среднего общего и основного общего образования. Внеурочная деятельность принципиально отличается от учебной и призвана решать ряд очень важных задач: обеспечить самопознание и самопрогнозирование обучающихся, в том числе профессиональное самоопределение; учесть возрастные и индивидуальные особенности обучающихся; улучшить условия для развития личности; оптимизировать учебную нагрузку.

В контексте рассматриваемой проблемы важно остановиться на изучении подходов, связанных с организацией научно-технического творчества во внеурочной деятельности школьников. В нашей стране плодотворно работает много исследователей, изучающих процесс технического творчества, механизмы творчества, закономерности развития техники (Ю.В. Акулова [6], В.А. Горский, А.А. Тимофеев, Д.В. Смирнов [7], Ю.А. Дмитриев, Р.М. Персианов [8], Г.Н. Жуков [9], С.К. Никулин [10], Э.В. Самойленко [11], Н.В. Черткова [12] и др.).

Проблема организации научно-технической деятельности детей и молодежи рассматривается в различных аспектах: в процессе организации проблемного обучения, в ходе углубленного изучения отдельных областей знаний (физика, математика и др.), освоения факультативных курсов (к примеру, «Электродинамика», «Робототехника» и т.п.), в условиях подготовки и участия школьников в мероприятиях технической направленности (олимпиады, конкурсы и т.д.). Весомое место в решении задач развития научно-технического творчества занимают труды В.А. Горского, которым предложена концепция внешкольного образования, методика, программы технического творчества и воспитания школьников и молодежи [7].

Учеными отмечается, что сегодня система образования должна обеспечить условия подготовки кадров для сферы науки, техники и технологий [7, 10, 13]. В этом контексте на первый план выходят задачи развития инфраструктуры инновационной образовательной среды и разработки опережающих образовательных программ, направленных на поиск, подготовку и поддержку новых высококвалифицированных кадров с практическим опытом работы на стыке перспективных областей знаний. Решение проблемы во многом зависит от поиска новых путей, связанных с интеграцией областей знаний, нетрадиционностью подходов и методов.

В данном контексте актуально взаимодействие образовательных организаций разных типов и видов, которые располагают образовательными, методическими, психолого-педагогическими и техническими ресурсами, единство которых усиливает друг друга в области профориентации подрастающего поколения, популяризации профессий технической отрасли. Целенаправленные формы сотрудничества создадут благоприятные условия для профориентации обучающихся применительно к технической сфере профессиональной деятельности, реализации инновационных идей. В соответствии с частью 8 статьи 12 Закона Российской Федерации «Об образовании» возможно создание участниками сетевого взаимодействия образовательного объединения [3].

Подходы к организации сетевого взаимодействия в условиях реализации ФГОС отражены в материалах «Методических рекомендаций по вопросам взаимодействия учреждений общего, дополнительного и профессионального образования по формированию индивидуальной образовательной траектории одаренных детей», в которых отмечается, что тесное взаимодействие общеобразовательных организаций с вузами, непосредственное участие вузовских преподавателей, ученых и специалистов в учебно-воспитательном процессе объективно ведет к повышению качества образования для каждого ребенка и предоставляет возможности формирования индивидуальной образовательной траектории для одаренных детей. В материалах документа подчеркивается, что на муниципальном уровне интеграция образовательных организаций различных типов сложилась, например, в наукоградах (г. Обнинск Калужской обл., г. Саров Нижегородской обл., г. Рыбинск Ярославской обл. и др.) [14].

Сетевое взаимодействие образовательных организаций разных типов и видов становится возможным в

условиях организации внеурочной деятельности в условиях ФГОС нового поколения. Исследователями в педагогической литературе описаны некоторые технологии и подходы к организации сетевого взаимодействия организаций различных типов и видов в условиях реализации ФГОС нового поколения (Л.В. Байбородова, А.В. Золотарева, Т.А. Зубарева, Е.Н. Лекомцева, А.Ф. Мазник, Л.А. Павлова, Е.А. Страдина и др.). В данном контексте отметим исследование И.М. Конновой «Развитие учреждения дополнительного образования детей в процессе сетевого взаимодействия с высшими учебными заведениями», в котором показано, что развитие процессов внутренней и внешней интеграции в образовательной организации дополнительного образования детей способствует накоплению интегративного потенциала, а его реализация определяет деятельность, при которой данный тип организации «дополняет» образовательные сферы других образовательных организаций, создавая пространство взаимодействия. Процесс интеграции усиливает эффект взаимодействия и предполагает создание новых механизмов саморегулирования, а также сетевого взаимодействия образовательных организаций [13. С. 17–19].

Область наших интересов, сводящаяся к поиску оптимальных путей взаимодействия организаций разных типов и видов в решении задач развития научно-технического творчества обучающихся, актуализирует изучение настоящего состояния организации внеурочной деятельности в школе, наличие опыта ее сетевого взаимодействия с различными организациями. В настоящее время в России, как считают авторы Методического конструктора внеурочной деятельности Григорьев Д.В. и Степанов П.В. [15], существует четыре модели организации внеурочной деятельности, при этом наибольшую эффективность с точки зрения интеграции основного и дополнительного образования детей демонстрирует модель организации внеурочной деятельности, которая в современной школе существует в учебно-воспитательных комплексах (УВК) и в которой органично сочетаются возможности основного и дополнительного образования. В УВК создается солидная инфраструктура дополнительного образования, на основе чего появляются условия для удовлетворения разнообразных потребностей ребенка и его реального самоутверждения.

Ряд ученых (В.И. Андреев, В.И. Белозерцев, Г.Н. Жуков, А.П. Ляликов и др.) высказывают мнение о том, что важным аспектом профессиональной ориентации обучающихся может выступить технология сотрудничества между образовательными организациями разных типов и видов с профильными предприятиями, что в свою очередь может расширить структуру и содержание УВК [9]. Соглашаясь с учеными, полагаем, что подход к организации внеурочной деятельности технической направленности должен быть представлен расширенным взаимодействием, не замыкаясь на образовательных организациях, к примеру, включать в число участников сетевого взаимодействия предприятия технического профиля.

Коллективом молодых ученых в рамках проекта, поддержанного РФФИ (проект № 16-16-40026 а(р)),

спроектирована **модель взаимодействия образовательных организаций общего, дополнительного, высшего образования и научно-производственных предприятий**, которая представляет собой один из подходов к организации внеурочной деятельности технического профиля и направлена на создание благоприятных условий для профессиональной ориентации старшеклассников. Полагаем, что реализация такого подхода в образовании поможет решить существующие в школе проблемы организации внеурочной деятельности технического профиля.

В данном случае организация внеурочной деятельности, построенная на технологиях сотрудничества, расширяет модель внеурочной деятельности, организованной по типу УВК [15], в которой общеобразовательная школа входит в состав более сложных объединений: **«школа – образовательная организация дополнительного образования детей – технический вуз – гуманитарный вуз – научнопроизводственное предприятие»**. Полагаем, что именно такой конгломерат связей обеспечит необходимые условия для профессиональной ориентации обучающихся, развития их аналитического мышления, популяризации профессий технической отрасли.

В нашем случае **партнерами социального взаимодействия** являются: МКОУ «Лев-Толстовская средняя общеобразовательная школа»; КФ «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана»; АО Научно-производственное предприятие «Калужский приборостроительный завод «Тайфун»; ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»; МБОУ ДО «Детско-юношеский центр космического образования «Галактика» г. Калуги.

В качестве апробации модели взаимодействия образовательных организаций общего, дополнительного, высшего образования и научно-производственных предприятий, являющейся основой для реализации внеурочной деятельности старшеклассников, определена сельская школа Калужской области – МКОУ «Лев-Толстовская средняя общеобразовательная школа». Выбор базы апробации объяснен тем, что в сельских школах остро стоит потребность в организации социально значимого досуга, особенно среди подростков и молодежи. У обучающихся из сельских школ не имеется богатого выбора программ внеурочной деятельности научно-технической направленности для их освоения, при этом дети из сельской местности (по данным опросов) имеют более высокий процент профессиональных выборов «Человек-Техника», профессионально ориентированы на выбор специальностей технического профиля [1. С. 176].

Содержательными линиями сотрудничества между школой, организацией дополнительного образования детей, вузами (техническим и гуманитарным), научно-производственным предприятием выступают следующие виды сопровождения внеурочной деятельности технической направленности: методическое, производственное, психолого-педагогическое, информационное, материально-техническое и образовательно-внедренческое сопровождение. Исходя из этого, разработанная модель структурно представлена шестью бло-

ками: методическим, производственным, психолого-педагогическим, информационным, материально-техническим и образовательно-внедренческим.

1. Методический блок модели представлен разработкой и курированием программ внеурочной деятельности по научно-техническому творчеству; подготовкой методических рекомендаций для педагогов (по реализации программ технической направленности); проведением консультаций для педагогов по образовательному, информационному, психолого-педагогическому сопровождению внеурочной деятельности технического профиля; разработкой тематики производственных экскурсий, встреч с учеными – представителями научно-технической отрасли; подготовкой методических материалов для проведения профориентационных тренингов, тренингов ТРИЗ. Содержательное наполнение методического блока модели конструируют преподаватели вузов, педагоги дополнительного образования.

2. Производственный блок модели представлен организационной подготовкой к проведению ознакомительных производственных экскурсий на научно-производственные предприятия; производственной подготовкой к проведению «погружений» в реальные научно-технические проекты для старшеклассников на базе научно-производственных предприятий, проводится на базе научно-производственных предприятий. Конструирование содержания и реализация производственного блока модели – ответственность специалистов научно-производственных предприятий, преподавателей вузов, педагогов дополнительного образования технического профиля.

Как отмечает Г.С. Альтшуллер [16. С. 10–11], решение творческих задач – важный момент развития аналитического мышления детей и молодежи. Однако, как указывает в своей работе Г.Н. Жуков, в учебных творческих (проблемных) ситуациях сохраняются существенные отличия от реальной ситуации творчества [9]. Соглашаясь с научным подходом Г.Н. Жукова, считаем, полагаем, что наиболее эффективным в плане развития аналитического мышления являются реальные практики, в связи с чем нами в целях развития аналитического мышления старшеклассников применяется **метод «погружения» в реальный научно-технический проект**, под которым мы понимаем форму организации образовательного процесса по профессиональной ориентации старшеклассников, представляющую собой возможность проведения обучающимися активного наблюдения за деятельностью инженеров-разработчиков по реализации реального научно-технического проекта (от этапа разработки до проведения приемосдаточных испытаний изготовленного блока) на научно-производственном предприятии (по согласованию с администрацией).

Новизной авторской модели взаимодействия образовательных организаций общего, дополнительного, высшего образования и научно-производственных предприятий в условиях внеурочной деятельности старшеклассников является то, что практика ее реализации связана с включением принципиально нового метода развития технического мышления обучающихся – **метода «погружения» в реальный произ-**

водственный процесс, который предполагает живое знакомство с деятельностью инженеров-разработчиков, несет в себе больший эффект в формировании мотивации старшеклассников к научно-техническому творчеству, выбору научно-технического профиля будущей профессии.

Важно заметить, что метод «погружений» в реальный производственный процесс имеет обширную практику его применения в рамках организации научно-технического творчества и организации предпрофильного обучения (в основном, старшеклассников). Однако стоит заметить, что в основном в таких случаях речь идет о «погружениях» в учебно-исследовательские проекты (не производственные), выполняемые на базе предприятий.

Полагаем, что научно-производственные предприятия имеют возможность проводить «погружения» в реальный производственный процесс для старшеклассников на базе отдельных своих лабораторий, отделов, подразделений. При этом старшеклассникам предоставляется возможность не только наблюдать, но и выполнять некоторые (доступные для них) задания технического профиля.

Конструирование содержания и реализация производственного блока модели – ответственность специалистов научно-производственных предприятий, преподавателей вузов, педагогов дополнительного образования технического профиля.

Научно-производственное предприятие как участник реализации модели взаимодействия образовательных организаций общего, дополнительного, высшего образования и научно-производственных предприятий организует производственную подготовку по проведению «погружений» в реальные научно-технические проекты для старшеклассников на базе имеющихся (доступных) лабораторий по темам, к примеру:

А. Тематика организации метода «погружений» в реальный производственный процесс на предприятиях тяжелого машиностроения:

«Демонстрация работы токарных, фрезерных и шлифовальных станков (возможен доступ обучающихся к станку);

«Демонстрация работы станков револьверного типа»;

«Демонстрация работы станков с ЧПУ (числовым программным управлением)»;

«Демонстрация работы литейного цеха»;

«Демонстрация сварки крупногабаритных конструкций»;

«Демонстрация работы цеха лакокрасочных и гальванических покрытий (здесь можно пустить что-то покрасить краскопультом)»;

«Демонстрация работы инженеров и технологов. Показ современных систем САПР и моделирования» (возможен доступ к компьютерам и выполнения чертежа простейшей детали);

«Демонстрация стальной (в случае мелкосерийного производства) или конвейерной (в случае массового производства) сборки (здесь можно предоставить возможность обучающимся прикрутить что-то к изделию)»;

«Демонстрация приемки готового узла, блока или изделия отделом технического контроля (ОТК)» (возможен осмотр изделий на предмет поиска дефектов).

Б. Тематика организации метода «погружений» в реальный производственный процесс на предприятиях приборостроения:

«Демонстрация работы токарных, фрезерных и шлифовальных станков» (возможен доступ обучающихся к станку);

«Демонстрация работы станков револьверного типа»;

«Демонстрация работы станков с числовым программным управлением (ЧПУ)»;

«Демонстрация работы литейного цеха»;

«Демонстрация сварки / клепки / гибки конструкций» (возможен доступ обучающихся к гибочному станку);

«Демонстрация работы обрабатывающих центров с ЧПУ»;

«Демонстрация работы станка гидроабразивной резки»;

«Демонстрация работы станка лазерной резки»;

«Демонстрация работы «чистого цеха» по выпуску печатных плат» (возможен доступ обучающихся на промывку / лакировку платы);

«Демонстрация работы установки вакуумного осаждения покрытий»;

«Демонстрация работы цеха лакокрасочных и гальванических покрытий» (возможно выполнение обучающимися покраски деталей краскопультом);

«Демонстрация работы установки рентгеновского контроля деталей (можно пустить просветить что-то бытовое);

«Демонстрация работы инженеров и технологов. Показ современных систем САПР и моделирования» (возможен доступ к компьютерам и выполнение чертежа простейшей детали);

«Демонстрация стальной сборки» (возможно выполнение старшеклассниками простейших сборочных операций);

«Демонстрация приемки готового узла, блока или изделия ОТК (доступен осмотр изделий на предмет поиска дефектов, предоставление возможности обучающимся прозвонить простейший блок на соответствие схеме).

В. Тематика организации метода «погружений» в реальный производственный процесс на предприятиях радиоэлектронной промышленности:

«Демонстрация работы инженеров и технологов. Показ современных систем САПР и моделирования» (возможен доступ к компьютерам и выполнения чертежа простейшей электрической схемы и выполнения трассировки печатной платы);

«Моделирование работы электронных блоков с использованием систем САПР, принятых на предприятии»;

«Макетирование прототипа электронного блока в лаборатории или опытном производстве предприятия»;

«Проведение приемосдаточных испытаний блоков, контроль их характеристик на соответствие документации».

3. Психолого-педагогический блок модели включает в себя разработку психодиагностического инструментария изучения уровня развития аналитического мышления старшеклассников, их профориентации, проектирование разных видов мониторингов,

критериев и показателей результативности реализации модели взаимодействия образовательных организаций общего, дополнительного, высшего образования и научно-производственных предприятий. Особое внимание уделяется подготовке учителей, реализующих внеурочную деятельность технического профиля, к разработке и реализации в образовательном процессе мониторингов развития личности обучающихся по прохождении ими программ внеурочной деятельности. В разработке и реализации психолого-педагогического блока модели принимают участие преподаватели гуманитарного вуза, школьные психологи. В его реализации задействованы также учителя, реализующие программы внеурочной деятельности технической направленности (в части составления и применения на практике мониторингов развития обучающихся в ходе освоения программ внеурочной деятельности технической направленности).

Отдельное внимание в контексте реализации описываемой модели уделяется разработке и проведению тренингов ТРИЗ, поскольку они способствуют развитию аналитического мышления обучающихся, что является важным условием формирования мышления инженера, конструктора, аналитика.

4. Информационный блок модели включает в себя разработку и реализацию в образовательной практике единой информационно-образовательной системы сопровождения внеурочной деятельности по научно-техническому творчеству старшеклассников (диск, руководство пользователя). Информационно-образовательная система сопровождения включает в себя средства обработки данных, способна осуществлять учет результатов личностного развития и профессионального самоопределения отдельно взятого обучающегося во временной области (по заданным параметрам: уровень развития аналитического мышления, профессиональная ориентация и т.д.), статистическую обработку результатов развития групп обучающихся, сортировку и анализ данных согласно требуемым критериям, профиль каждого ребенка в индивидуальном режиме и режиме группы [17. С. 167–175]. Использование информационно-образовательной системы сопровождения допускает отслеживание динамики развития личности обучающегося в текущем режиме, что позволит судить об эффективности реализации внеурочной деятельности. Создание информационно-образовательной системы сопровождения и консультирование учителей по вопросам ее применения в образовательной практике – задача специалистов технического вуза, научно-производственных предприятий.

5. Материально-технический блок модели включает определение комплекса материалов и инструментов, необходимых для реализации программ по научно-техническому творчеству, выработку требований к кабинетам для проведения занятий по различным программам технической направленности, предоставление оборудованных аудиторий для проведения занятий по научно-техническому творчеству,

лабораторий для организации «погружений» в реальный технический проект.

В разработке материально-технического блока модели принимают участие педагоги дополнительного образования, курирующие программы технической направленности, преподаватели технических вузов и специалисты научно-производственных предприятий, задействованных в сетевом взаимодействии.

6. Образовательно-внедренческий блок модели представлен реализацией программ внеурочной деятельности технической направленности для обучающихся 10–11 классов, проведением производственных экскурсий, «погружений» в реальный творческий проект на базе научно-производственных предприятий, проведением тренингов ТРИЗ, профориентационных тренингов, организацией участия обучающихся в мероприятиях разного уровня по научно-техническому творчеству (конкурсы, выставки, конференции, фестивали и т.д.). Данный блок модели имеет непосредственное отношение к организации внеурочной деятельности. В его практическом воплощении принимают участие педагоги дополнительного образования, учителя, реализующие программы внеурочной деятельности технического профиля, психологи. Методы «погружения» в реальный творческий проект на базе научно-производственных предприятий проводят специалисты данных предприятий.

Описываемая модель представляет собой уникальный научно-методический продукт. Концептуально модель опирается на механизмы управления развитием образовательных систем, представленные в трудах Т.П. Афанасьевой, С.А. Гильманова, В.И. Ерошина, В.И. Козырь, Ю.А. Конаржевского, Н.В. Немовой, Т.В. Орловой, М.М. Поташник, Т.Н. Пуденко, В. Руст, П.И. Третьякова, Л.И. Чистоходовой, Т.И. Шамоной.

Авторская модель взаимодействия образовательных организаций общего, дополнительного, высшего образования и научно-производственных предприятий, реализация которой обеспечивает наполнение внеурочной деятельности старшеклассников, представлена на рис. 1.

Модель взаимодействия образовательных организаций общего, дополнительного, высшего образования и научно-производственных предприятий органично объединяет в себе **ресурсы, которыми располагают организации – участники взаимодействия:**

- **школа** (представление целевой аудитории, кадровые, методические, материально-технические ресурсы);
- **образовательная организация дополнительного образования детей** (профессиональные, методические, материально-технические ресурсы);
- **технический вуз** (профессиональные, методические, материально-технические ресурсы);
- **гуманитарный вуз** (профессиональные, психолого-педагогические, методические ресурсы);
- **научно-производственное предприятие** (профессиональные, производственные, информационные ресурсы).

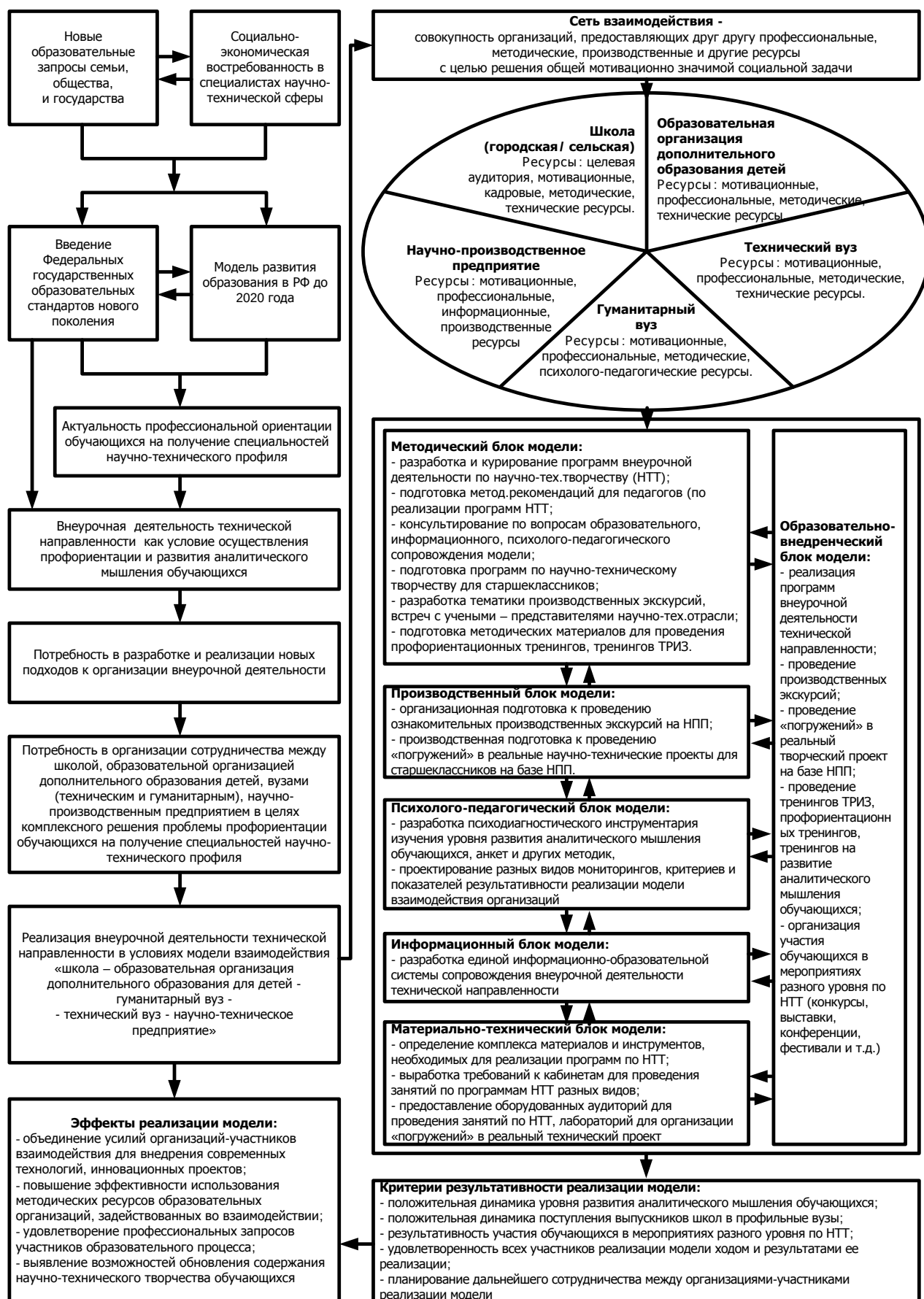

Рис. 1. Модель взаимодействия образовательных организаций общего, дополнительного, высшего образования и научно-производственных предприятий как подход к организации внеурочной деятельности научно-технической направленности

Основой долгосрочного сетевого взаимодействия между школой, техническим и гуманитарным вузом, образовательной организацией дополнительного образования детей, научно-производственным предприятием выступают авторские программы внеурочной деятельности технической направленности («Робототехника», «Электроника», «Информатика» и др.), являющиеся результатом работы специалистов организаций и предприятий – участников сетевого взаимодействия (педагогов дополнительного образования, преподавателей, учителей) [18].

Представленная модель прошла апробацию на базе МКОУ «Лев-Толстовская средняя общеобразовательная школа» в ее образовательном взаимодействии с ФГБОУ ВО «КГУ им. К.Э. Циолковского»; КФ «МГТУ им. Н.Э. Баумана» и МБОУ ДО «Детско-юношеский центр космического образования «Галактика» г. Калуги. Объем выборочной совокупности составил 24 человека, в него вошли обучающиеся 10–11 классов в количестве 20 человек и 4 учителя, принявших участие в апробации модели. Объем выборочной совокупности из числа старшеклассников был определен в результате проведенного в мае 2016 г. диагностического изучения направленности личности старшеклассников и их профессиональных предпочтений.

Основным результатом реализации модели стала положительная динамика развития аналитического мышления старшеклассников и осмысленное профессиональное самоопределение.

В сентябре 2016 г. был проведен *вводный мониторинг* развития аналитического мышления старшеклассников и степени осознанности профессиональных предпочтений, который показал, что у 70% испытуемых зафиксирован средний уровень развития аналитического мышления с тенденцией к низкому, у 25% – средний уровень развития аналитического мышления и у 5% – высокий уровень развития аналитического мышления. У 100% испытуемых определена техническая направленность личности, однако выбрали в качестве приоритетной профессию технического профиля 65% испытуемых, при этом 35% опрошенных не имеют четкой осознанной позиции касательно выбора будущей профессии (в качестве основных причин затруднений названы: «Еще не решил», «Не знаю, надо бы попробовать...», «Еще есть время подумать»), что свидетельствует о размытости самостоятельного выбора и наличии потребности в более детальном и глубоком погружении в профессию для осознанного осуществления профессионального выбора.

В качестве диагностических методик были использованы: карта обучающегося «Я познаю себя», методика «Логико-количественные отношения», дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова.

В декабре 2016 г. был проведен *текущий мониторинг* динамики уровня развития аналитического мышления обучающихся и диагностика профессиональных предпочтений. Диагностическим путем зафиксирована тенденция к положительной динамике развития аналитического мышления (из 20 старшеклассников у 11 испытуемых, что составило 55%), зафиксирован переход от уровня «средний с тенденцией к низкому» на средний уровень развития по исследуемому показателю, что

выступает как хороший результат начала апробации модели. Метод, который позволил получить динамику в уровне развития аналитического мышления, – метод ТРИЗ, который стали применять в ходе апробации модели во внеурочной деятельности старшеклассников при освоении программ технического профиля. По результатам текущего мониторинга 70% испытуемых указали в качестве приоритетной профессию технического профиля (прирост составил 5% по сравнению с данными на сентябрь 2016 г.), при этом наметилась положительная тенденция в сторону осознанности выбора профессии и отношения к профессиям технического профиля, 80% опрошенных имеют четкую осознанную позицию касательно выбора будущей профессии в части профиля «технический / не технический» (прирост составил 15%), что экспериментаторы связывают с тем, что с группой старшеклассников началась проводиться специальная работа по погружению их в реальные производственные проекты. Важно заметить, что после применения метода «погружения в реальный производственный проект» большинство обучающихся (80%) осознанно дали ответ на вопрос «Моя ли это профессия?», были как положительные, так и отрицательные ответы, что свидетельствует о самостоятельном и осознанном к этому отношении. Однако на декабрь 2016 г. диагностировано, что 10% старшеклассников не имеют четкой самостоятельной позиции по этому вопросу.

По результатам *контрольного мониторинга* (декабрь 2017 г.) сделан вывод о том, что реализация модели, разработанной и апробированной в рамках настоящего проекта, имеет положительные результаты в плане создания условий для развития аналитического мышления обучающихся и формирования осознанного отношения к выбору профессий технического профиля. Так, диагностическим путем зафиксирована положительная динамика уровня развития аналитического мышления у испытуемых, принявших участие в исследовании (из 20 обучающихся у 16 испытуемых, что составило 80%), зафиксирован переход от уровня «средний с тенденцией к низкому» на средний уровень и средний уровень с тенденцией к высокому уровню развития по исследуемому показателю; высокий уровень развития аналитического мышления зафиксирован у 20% испытуемых. Достоинством реализуемой модели и важным результатом применения метода «погружения в реальный производственный проект» является то, что с его помощью создаются условия для осознания старшеклассниками своего отношения к профессиям технического профиля. Так, по результатам контрольного среза, 100% испытуемых полностью определи свой выбор относительно будущей профессии в части «технический / не технический профиль». 85% испытуемых в качестве приоритетной выбрали профессию технического профиля (прирост составил 20% по сравнению с данными на сентябрь 2016 г.), 15% испытуемых определили для себя, что технические специальности – не их выбор. Данный выбор носит осознанный характер, основанный на самостоятельных выводах и заключениях, сделанных в ходе реализации проекта. Со слов школьников, выбор помогли им сделать погружения в реальные производственные проекты, в качестве ко-

торых были названы следующие: «Демонстрация работы инженеров и технологов. Показ современных систем САПР и моделирования» (доступ к компьютерам и выполнение чертежа простейшей электрической схемы и трассировки печатной платы), «Моделирование работы электронных блоков с использованием систем САПР, принятых на предприятии», «Макетирование прототипа электронного блока в лаборатории или опытном производстве предприятия», «Проведение приемосдаточных испытаний блоков, контроль их характеристик на соответствие документации», «Демонстрация сварки крупногабаритных конструкций», «Демонстрация приемки готового узла, блока или изделия отделом технического контроля (ОТК)» (доступен осмотр изделий на предмет поиска дефектов), «Демонстрация работы станка лазерной резки».

Педагогами, организующими внеурочную деятельность технического профиля с обучающимися, также были проведены вводный, текущий и итоговый мониторинг по прохождению программ внеурочной деятельности технической направленности. В качестве инструментария применительно к диагностируемым сферам выступили: *направленность личности* (ориентационная анкета Б. Басс «Определение направленности личности»; методика определения типа мышления в модификации Г.В. Резапкиной «Тип мышления»); *развитие аналитического мышления* (тест Беннета «Оценка уровня развития технического мышления»); *динамика развития компонентов ценностно-смысловой сферы личности* (методика М.И. Шиловой «Уровни нравственной воспитанности»; тест «Что ты ценишь в людях?» С. Колосовой; методика «Ценностные ориентации М. Рокич»); *потребность в самопознании и саморазвитии в деятельности, в том числе технической* (карта обучающегося «Я познаю себя»); *динамика развития характеристик потребностно-мотивационной сферы личности* (карта обучающегося «Я познаю себя»; адаптированный вариант методики Ж. Ньютона «Мотивационная сфера личности учащихся»); *сформированность личностных характеристик* (методика «Рефлексия» В.В. Пономаревой; тест «Самооценка» (по М.К. Тутушкиной); шкала самоуважения Розенберга; карта обучающегося «Я познаю себя»); *сформированность социальных характеристик* (тест «Какой я в общении?»; тест «КОС»; методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной).

Сбор эмпирических данных применительно ко всем методикам проводился с участием педагогов, методистов психолога, а полученные данные вносились и обрабатывались в информационно-образовательной системе сопровождения внеурочной деятельности старшеклассников, созданной И.В. Ивановым в рамках настоящего проекта для информационного сопровождения внеурочной деятельности старшеклассников при реализации программ технического профиля [17].

Данные, представленные учителями, подтверждают положительную динамику уровня развития аналитического мышления испытуемых и осознанности профессионального выбора, а также представляют более широкие данные касательно зафиксированного прироста по другим сферам, которые также оказались

гибкими к оказанному формирующему воздействию, осуществленному в рамках апробации модели, а именно:

- у испытуемых имеется положительная динамика по уровню развития компонентов ценностно-смысловой сферы личности (диагностируемая динамика по различным показателям у старшеклассников, осваивающих различные программы технического профиля: «Робототехника» и «Электроника» (автор – И.А. Лукьянов), «Информатика» (автор – В.А. Азаев) [18], составила более 15%), такой прирост экспериментаторы связывают с тем, что в рамках апробации модели с обучающимися были проведены тренинги профессионального и личностного самоопределения;

- по уровню развития характеристик потребностно-мотивационной сферы личности зафиксировано движение / переход мотивов: от мотива влияния и направленности на отдых к мотиву саморазвития и мотиву достижения, а также познавательный мотив;

- у испытуемых зафиксирована положительная динамика сформированности личностных характеристик, к примеру, с помощью методики «Рефлексия» В.В. Пономаревой зафиксирована положительная динамика по показателю «рефлексия настоящей деятельности» (прирост составил 20%) и «рассмотрение будущей деятельности» (прирост равен 25%);

- высокий прирост зафиксирован у испытуемых по показателям социальной сферы: «уровень общения», «уровень развития коммуникативных способностей» (прирост составил 30%), по показателю «уровень развития организаторских способностей» положительная динамика составила 15%.

Приходим к выводу, что консолидация усилий школы, технического и гуманитарного вуза, образовательной организации дополнительного образования детей, научно-производственных предприятий расширяет спектр образовательных, профессиональных, методических, информационных, технических и психолого-педагогических ресурсов, объединяет усилия профессионалов по разработке и эффективной реализации *внеурочной деятельности технической направленности как важного компонента личностного и профессионального самоопределения*.

Важно, что в результате социально-педагогического партнерства между образовательными организациями и научно-производственными предприятиями в рамках организации внеурочной деятельности создаются новые образовательные, методические и информационные продукты, к примеру:

- образовательные программы внеурочной деятельности технической направленности;

- методические рекомендации по реализации образовательных программ внеурочной деятельности технической направленности;

- программы мониторингов развития личности в ходе освоения образовательных программ внеурочной деятельности технической направленности;

- методические рекомендации по разработке мониторингов развития личности в ходе освоения обра-

зовательных программ внеурочной деятельности технической направленности;

– психолого-педагогические разработки тренингов ТРИЗ, тренингов по развитию аналитического мышления, тренингов личностного и профессионального самоопределения;

– технические и методические разработки по проведению метода погружений в реальные научно-технические проекты;

– информационно-образовательная система сопровождения внеурочной деятельности технической направленности;

– методические рекомендации по применению информационно-образовательной системы сопровождения внеурочной деятельности технической направленности и др.

Важными результатами работы по организации внеурочной деятельности старшеклассников через реализацию модели взаимодействия образовательных организаций общего, дополнительного, высшего образования и научно-производственных предприятий являются:

а) личностный рост обучающихся – главных участников внеурочной деятельности, их профессиональная ориентация, положительная динамика развития аналитического мышления, ответственное отношение к выбору профессии;

б) развитие профессиональной компетентности учителей, реализующих в школах программы внеурочной деятельности технической направленности;

в) повышение эффективности использования методических ресурсов образовательных организаций, использованных в сетевом взаимодействии, объеди-

нение усилий для внедрения современных технологий, инновационных проектов в области развития научно-технического творчества детей и молодежи;

г) эффективная реализация внеурочной деятельности в условиях ФГОС.

В заключении отметим, что сетевое взаимодействие между образовательными организациями и научно-производственными предприятиями обладает широкими возможностями в предоставлении условий для развития каждого ребенка с учетом направленности личности. С другой стороны, социальное партнерство организаций сегодня становится современной высокоэффективной инновационной технологией, которая позволяет им динамично развиваться.

Исследование вносит вклад в систему инновационного проектирования содержания внеурочной деятельности обучающихся в условиях освоения ФГОС нового поколения; показывает возможности обновления содержания внеурочной деятельности по техническому профилю; раскрывает возможности сотрудничества между школами, организациями дополнительного образования детей, вузами и научно-производственными предприятиями по вопросам организации профессионально-ориентированной внеурочной деятельности старшеклассников.

Реализация представленной модели создает условия для профессиональной ориентации обучающихся применительно к научно-технической сфере профессиональной деятельности, повышению престижа научно-технических профессий.

Исследование вносит научно-обоснованный вклад в ее региональное практическое внедрение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова И.В., Иванов Н.Г. Модель организации внеурочной деятельности по развитию инженерного мышления учащихся // Нижегородское образование. 2014. № 2. С. 172–181.
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг.: утв. постановлением Правительства Российской Федерации № 376 от 31 марта 2017 г.
3. Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. М., 2012.
4. Денисенко И.Д. Внеурочная деятельность по ФГОС и дополнительное образование: ресурсы и противоречия. URL: <http://yamal-obr.ru/articles/vneurochnaya-deyatelnost-po-fgos/> (дата обращения: 21.03.2018).
5. Зеер Э.Ф. Психология личностно ориентированного профессионального образования. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 2000. 258 с.
6. Акулова Ю.В. Развитие научно-технического творчества учащихся при изучении физики в образовательной системе «Школа-технический вуз» // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 9. С. 165–170.
7. Горский В.А., Тимофеев А.А., Смирнов Д.В. Примерные программы внеурочной деятельности. Начальное и основное образование. М. : Просвещение, 2010. 111 с. (Стандарты второго поколения).
8. Дмитриев Ю.А., Персианов Р.М. Изобретательство творчество. Л. : Лениздат, 1983. 96 с.
9. Жуков Г.Н. Готовность к профессиональной деятельности и творческий потенциал // Развитие творческого потенциала студентов : материалы Первой межрегиональной научно-практической конференции. Кемерово : Изд-во Кемер. ГППК, 2006. С. 10–11.
10. Никулин С.К. В центре внимания НТТМ // Дети, техника, творчество. М., 2004. № 4. С. 2–3.
11. Самойленко Э.В. Дистанционное обучение как инновационное направление развития научно-технического творчества в крае. Ставрополь : СКИПКРО, 2004. С. 15–23.
12. Черткова Н.В. Дидактические особенности и условия развития детского технического творчества в системе дополнительного образования : дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2003. 154 с.
13. Коннова И.М. Развитие учреждения дополнительного образования детей в процессе сетевого взаимодействия с высшими учебными заведениями : дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2012. 215 с.
14. Методические рекомендации по вопросам взаимодействия учреждений общего, дополнительного и профессионального образования по формированию индивидуальной образовательной траектории одаренных детей // Письмо Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 06-1260 «О методических рекомендациях».
15. Григорьев Д.В., Степанов П.В. Внеурочная деятельность школьников. Методический конструктор. М. : Просвещение, 2011. 224 с.
16. Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. Петрозаводск : Скандинавия, 2004. 208 с.
17. Иванов Н.Г., Иванова И.В. Информационно-образовательная система сопровождения внеурочной деятельности старшеклассников : раздел в монографии // Инновационные подходы в решении проблем современного общества / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 167–175.
18. Иванов Н.Г., Иванова И.В., Лукьянов И.А., Азаев В.А. Научно-техническое творчество : сборник программ внеурочной деятельности технической направленности. Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, 2016. 139 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 10 декабря 2018 г.

Contribution to the Solution of the Problems of the Development of the Younger Generation's Scientific and Technical Potential

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 225–235.

DOI: 10.17223/15617793/443/27

Irina V. Ivanova, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Kaluga, Russian Federation). E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru

Nikolay G. Ivanov, Lev Tolstoy Secondary School, Typhoon JSC (Kaluga, Russian Federation). E-mail: Nikola924@yandex.ru

Keywords: scientific and technical creativity; professional orientation; analytical thinking; supplementary education; extracurricular activities; collaborative model of organizations.

The article is devoted to the problem of vocational guidance of adolescents in the field of technical professions. As an approach to its solution, the organization of the extracurricular activities of high school students with the participation of teachers of supplementary education, teachers of higher educational institutions, methodologists of a technical profile, specialists of scientific and industrial enterprises is considered. The research methods were a theoretical analysis of the literature on the problem of vocational orientation and organization of extracurricular activities, a design and modeling method, an experiment. The course of the study is presented in three main stages. Stage 1 was the development by a team of young researchers of a model of interaction between educational organizations of general, supplementary, higher education and research and production enterprises based on the implementation of authorial technical education programs. The model is represented by a methodological, industrial, psychological, educational, informational, material, technical, educational and innovative units and contains criteria for the effectiveness of its implementation. Stage 2 was the approbation of the model on the basis of Lev Tolstoy Secondary School (Kaluga, RF) in its interaction with universities (Kaluga State University named by K.E. Tsiolkovsky, Bauman Moscow State Technical University) and the Galaktika Children and Youth Center for Space Education (Kaluga) (2016–2017). The study involved 20 students in grades 10–11, four teachers, three supplementary education teachers, five engineers, three methodologists. Stage 3 was the analysis of the results and formulation of conclusions. The specificity of the implementation of the model was the use of the following methods that contribute to the formation of adolescents' interest in technical professions: training in solving inventive problems, the method of "immersion" in a real scientific and technical project implemented at a research and production enterprise. As a result of the model implementation, the following results were obtained: (1) students' personal growth, formation of their vocational orientation, interest in technical professions, positive dynamics in the development of analytical thinking and formation of a responsible attitude to the choice of profession (data obtained through the use of a package of psycho-diagnostic techniques prepared as part of the study); (2) development of teachers' professional competence in the organization of extracurricular activities of a technical profile (data from a survey conducted); (3) creation of new educational, methodological and informational products (educational programs, a unified diagnostic information system, etc.). The study reveals the possibilities of extracurricular activities in ensuring the increase of the prestige of technical professions among students and demonstrates the potential for cooperation of educational organizations with scientific and technical enterprises in their organization.

REFERENCES

1. Ivanova, I.V. & Ivanov, N.G. (2014) Model' organizatsii vneurochnoy deyatel'nosti po razvitiyu inzhenernogo myshleniya uchashchikhsya [Model of the organization of extracurricular activities for the development of students' engineering thinking]. *Nizhegorodskoe obrazovanie*. 2. pp. 172–181.
2. Russian Federation. (2017) *Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii "Razvitie obrazovaniya" na 2013–2020 gg.: utv. postanovleniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii № 376 ot 31 marta 2017 g.* [The state program of the Russian Federation "Development of education" for 2013–2020: approved by Decree of the Government of the Russian Federation No. 376 of March 31, 2017]. [Online]. Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102358018&backlink=1&&nd=102349659>.
3. Russian Federation. (2012) *Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ* [Federal Law of the Russian Federation No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" of December 29, 2012]. [Online]. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.
4. Denisenko, I.D. (2015) *Vneurochnaya deyatel'nost' po FGOS i dopolnitel'noe obrazovanie: resursy m protivorechiya* [Extracurricular activities on the federal state educational standards and supplementary education: resources and controversy]. [Online] Available from: <http://yamal-obr.ru/articles/vneurochnaya-deyatelnost-po-fgos/>. (Accessed: 21.03.2018).
5. Zeer, E.F. (2000) *Psikhologiya lichnostno orientirovannogo professional'nogo obrazovaniya* [Psychology of personality-oriented vocational education]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
6. Akulova, Yu.V. (2009) Razvitie nauchno-tehnicheskogo tvorchestva uchashchikhsya pri izuchenii fiziki v obrazovatel'noy sisteme "Shkola–tehnicheskii vuz" [The development of scientific and technical creativity of students in the study of physics in the educational system "School – Technical University"]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 9. pp. 165–170.
7. Gorskiy, V.A., Timofeev, A.A. & Smirnov, D.V. (2010) *Primernye programmy vneurochnoy deyatel'nosti. Nachal'noe i osnovnoe obrazovanie* [Approximate programs of extracurricular activities. Primary and basic education]. Moscow: Prosveshchenie.
8. Dmitriev, Yu.A. & Persianov, P.M. (1983) *Izobretatel'stvo – tvorchestvo* [Invention – creativity]. Leningrad: Lenizdat.
9. Zhukov, G.N. (2006) Gotovnost' k professional'noy deyatel'nosti i tvorcheskiiy potentsial [Readiness for professional activity and creative potential]. *Razvitie tvorcheskogo potentsiala studentov* [Development of students' creative potential]. Proceedings of the First Interregional Conference. Kemerovo: Izd-vo Kem. GPPK. pp. 10–11. (In Russian).
10. Nikulin, S.K. (2004) V tsentre vnimaniya NTTM [The focus on youth scientific and creative centers]. *Deti, tekhnika, tvorchestvo*. 4. pp. 2–3.
11. Samoylenko, E.V. (2004) *Distantionnoe obuchenie kak innovatsionnoe napravlenie razvitiya nauchno-tehnicheskogo tvorchestva v krae* [Distance learning as an innovative direction of development of scientific and technical creativity in the region]. Stavropol: SKIPKRO. pp. 15–23.
12. Chertkova, N.V. (2003) *Didakticheskie osobennosti i usloviya razvitiya detskogo tekhnicheskogo tvorchestva v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya* [Didactic features and conditions for the development of children's technical creativity in the system of supplementary education]. Pedagogy Cand. Diss. Samara.
13. Konnova, I.M. (2012) *Razvitie uchrezhdeniya dopolnitel'nogo obrazovaniya detey v protsesse setevogo vzaimodeystviya s vysshimi uchebnymi zavedeniyami* [The development of institutions of supplementary education of children in the process of networking with higher education institutions]. Pedagogy Cand. Diss. Veliky Novgorod.
14. Russian Federation. (2010) *Metodicheskie rekomendatsii po voprosam vzaimodeystviya uchrezhdeniy obshchego, dopolnitel'nogo i professional'nogo obrazovaniya po formirovaniyu individual'noy obrazovatel'noy traektorii odarennykh detey* [Methodological recommendations on the

interaction of institutions of general, additional and vocational education on the formation of an individual educational trajectory of gifted children]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/902279224>

15. Grigor'ev, D.V. & Stepanov, P.V. (2011) *Vneurochnaya deyatel'nost' shkol'nikov. Metodicheskiy konstruktor* [Extracurricular activities of schoolchildren. Methodological constructor]. Moscow: Prosveshchenie.

16. Al'tshuller, G.S. (2004) *Tvorchestvo kak tochnaya nauka* [Creativity as an exact science]. Petrozavodsk: Skandinaviya.

17. Ivanov, N.G. & Ivanova, I.V. (2017) Informatsionno-obrazovatel'naya sistema soprovozhdeniya vneurochnoy deyatel'nosti starsheklassnikov [Information and educational system of support of extracurricular activities of high school students]. In: Gulyaev, G.Yu. (ed.) *Innovatsionnye podkhody v reshenii problem sovremennogo obshchestva* [Innovative approaches to solving the problems of modern society]. Penza: MTsNS "Nauka i Prosveshchenie".

18. Ivanov, N.G. et al. (2016) *Nauchno-tekhnicheskoe tvorchestvo: sbornik programm vneurochnoy deyatel'nosti tekhnicheskoy napravlenosti* [Scientific and technical creativity: a collection of programs of extracurricular activities of a technical orientation]. Kaluga: Kaluga State University.

Received: 10 December 2018

Д.С. Молоков, А.Д. Викулов, Л.Н. Данилова

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СИСТЕМАХ ОБЩЕГО И ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Обоснована тенденция взаимообогащения теории и практики физического воспитания, раскрыта необходимость изучения передового зарубежного опыта организации физического воспитания детей и молодежи. Представлен спектр новых функций, которые призвана реализовать физическая культура как школьный предмет. Материалы статьи обобщают передовой опыт организации физического воспитания в сфере общего и дополнительного образования в некоторых странах Европы, Америки и Азии.

Ключевые слова: физическое воспитание школьников; физическая культура; зарубежный опыт.

С момента зарождения первых школ в древнейших цивилизациях мира физическим упражнениям уделялось серьезное внимание, причем лучший опыт физического воспитания детей ретранслировался, перенимался в соседних государствах и регионах мира. Так, древнегреческая практика организации занятий пятиборьем и гимнастикой, равно как и система закаливания, распространились во всем античном мире. Средневековая модель рыцарского воспитания, которая состояла преимущественно из физических навыков и умений, использовалась во всех христианских странах феодальной Европы. Гуманисты эпохи Возрождения пытались ввести физическое воспитание в школу.

Классно-урочная система, обоснованная Яном Амосом Коменским в начале Нового времени и ставшая основой общего образования на планете, предполагала физические упражнения и игры, вопросы школьной гигиены, питания и здорового режима детей. Включение Иоганном Генрихом Песталотци элементов физического воспитания в программу начальной школы в XVIII в. изменило практику его организации во всем мире. Идеи В. Фельтре, Ф. Рабле, Е. Славинецкого, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, К.Д. Ушинского, П.Ф. Лесгафта и др. [1] дополнили мозаику физического воспитания подрастающего поколения и обогатили его практику.

Систему физического воспитания в наши дни невозможно представить себе исключительно национальной. Даже советский педагогический опыт, формировавшийся в условиях жесткой конфронтации с западной культурой, не исключал заимствований в области организации физической культуры как школьной дисциплины.

Все эти примеры подтверждают тенденцию взаимообогащения теории и практики физического воспитания, что, в свою очередь, подтверждает необходимость изучения современного передового зарубежного опыта организации физического воспитания детей и молодежи.

Целью исследования было выявление и обобщение передового зарубежного опыта физического воспитания в сфере общего и дополнительного образования. **Теоретическая значимость** подобного исследования основана на недостаточной изученности вопроса об использовании потенциала общего и дополнительного образования в сфере физического воспитания детей и молодежи. **Практическая значимость**

заключается в определении интересных находок для отечественной модели физкультурной подготовки и возможности использовать лучший, передовой опыт в данной сфере.

Методы и организация исследования. В ходе исследования был использован *системный подход* как методологический ориентир, позволяющий изучить социальные системы, их компоненты, признаки и характеристики. В данном контексте уместно говорить о системе физического воспитания как уникальном социальном явлении. Одним из ключевых исследовательских методов явился *сравнительно-педагогический анализ* проблемы выявления передового опыта физического воспитания школьников в зарубежных системах общего и дополнительного образования. *Метод абстракции* позволил мысленно выделить в исследуемом объекте только определенные свойства, признаки и характеристики (в данном случае – элементы физической культуры в зарубежных образовательных моделях. На основе *классификационного анализа* были определены критерии определения передового опыта физического воспитания за рубежом: новизны, актуальности, оптимальности, высокой результативности, стабильности и возможности использования в массовом опыте. Наконец, *метод обобщения* позволил упорядочить, организовать в определенную систему опыт организации физической культуры за рубежом.

Результаты и их обсуждение. Проблема здоровья школьника является одной из самых острых для современного образования. По материалам российской статистики, число здоровых детей за период обучения в школе сокращается в 3–4 раза. Понимая важность физического развития учащихся, системы образования в различных странах мира стремятся организовать для них занятия спортом. Физкультуру и спорт по праву можно назвать приоритетными дисциплинами в общеобразовательной школе большинства развитых стран. Подтверждает этот аргумент то, что на них отводится до четверти учебного времени [2. С. 59].

Материалы проведенного сравнительно-педагогического исследования отражают современную практику организации физической культуры и молодежного спорта в зарубежных системах общего и дополнительного образования. Из представленных примеров к передовому опыту можно отнести элементы физического воспитания, которые соответствуют

критериям: новизны, актуальности, оптимальности, высокой результативности, стабильности и возможности использования в массовом опыте.

Выбор стран отражает желание авторов привести примеры зарубежного опыта стран разных континентов в сфере физической культуры школьников. Так, материалы статьи отражают опыт организации физического воспитания в сфере общего и дополнительного образования в некоторых странах Европы, Америки и Азии.

Кроме физкультуры, в ряде систем образования в учебные планы включены такие отдельные области, как здоровье (в Японии, Финляндии), ознакомление с окружающей средой и природой (в Финляндии). В ряде стран мира обязательным школьным предметом является плавание (в Австралии, Австрии, Германии, США, Вьетнаме, Швеции, Японии, Польше, Чехии, Словакии, Болгарии, Норвегии, Эстонии) [3. С. 79]. В США, например, помимо обязательной программы, рассчитанной на 36 часов, действует программа факультативных занятий по плаванию в таком же объеме. Она не повторяет обязательных уроков: мальчики на внеклассных занятиях играют в водное поло, девочки осваивают элементы синхронного плавания [Там же].

В Швеции школьники посещают уроки по плаванию один раз в две недели на протяжении всего периода школьного обучения. Те ученики, которые не осваивают программный материал за год, проходят курс дополнительных занятий в летнее время в школах плавания.

Так, на примере плавания как школьного предмета можно заключить, что для решения задачи физического воспитания подрастающего поколения в некоторых странах используется потенциал как общего (школа), так и дополнительного образования (факультативы, летние школы, секции и кружки). Как же обстоит дело в целом с физической культурой как школьной дисциплиной в различных государствах мира?

В западных странах физкультура *в начальной школе* включает в себя разнообразные виды физической деятельности, такие как бег, лазание по канату, игра с мячом, гимнастические упражнения, ритмика, аэробика и т.д. Курс физкультуры предполагает и теоретические занятия, в частности, изучение тем, связанных со здоровьесбережением, организацией режима дня, правильным питанием, личной гигиеной. Учебный день спланирован таким образом, что уроки в классе чередуются с подвижными играми на воздухе [1. С. 238].

Уроки физической культуры и спорта направлены не только на укрепление здоровья ребенка, но и на формирование общественной личности. В начальных школах Великобритании программа включает не столько спортивные занятия, сколько упражнения по развитию ребенка (игры, соревнования и пр.). Англичане на протяжении нескольких столетий активно приучают детей к физическим нагрузкам, холоду, ограниченности в питании, что закаляет их тело, волю и характер. Молодежный спорт занимает чрезвычайно важное место и в американской школе и семье.

В Нидерландах учащихся начальной школы приучают соблюдать личную гигиену, заниматься физическими упражнениями, правильно питаться. В рамках воспитания здорового образа жизни даже с родителями в начале обучения проводят ознакомительную беседу о том, что следует давать детям перекусить в школу (они питаются домашними завтраками). Йогурты, бутерброды, фрукты, сок, молоко, печенье являются «разрешенными» продуктами, а вот, к примеру, на шоколад школа накладывает вето. Кстати, обедать большинство детей ходит домой, но за отдельную плату они могут остаться на это время и в школе, находясь под присмотром педагога [4. С. 59].

Дети в школах Японии учатся правилам японского этикета, опрятности, гигиене, ответственности за свое здоровье. Так, в 1-м классе существует специальный учебник по питанию. В нем всего 12 страниц, но это любимый учебник школьников. Здесь рассказывается, что нужно есть для укрепления зубов и мускулов, для активизации мозговой активности и т.д. В качестве примера действия такой воспитательной системы выступает тот факт, что все шестилетние дети, вне зависимости от вкусовых предпочтений и домашних привычек, обязательно пьют в школе молоко. Срабатывают «механизмы убеждения учебника, требований коллектива и общественного примера: все пьют молоко, и я буду» [5. С. 122].

Средние школы в западных странах располагают спортивными залами, открытыми площадками, стадионами и бассейнами, благодаря чему учащиеся имеют возможность заниматься спортом, который отвечает их интересам. В частности, на выбор школьника предлагаются гимнастика, борьба, футбол, плавание, баскетбол, волейбол. Таким образом, организация физического воспитания в западных образовательных моделях строится на основе индивидуализации, выстраивания индивидуальных траекторий физического развития.

В Японии в средних школах преподается от 8 до 10 видов спорта, причем за каждый вид отвечает отдельный учитель. Японские преподаватели физподготовки обладают высочайшей квалификацией, в том числе медицинской. Такой учитель – и тренер, и психолог, и наставник, и врач. Если у ребенка обнаружился проблемы со здоровьем уже в первом классе, учитель физкультуры ведет его на протяжении всех школьных лет, подбирая ученику индивидуальные упражнения, систему питания и образ жизни. Более того, к концу обучения японские юноши и девушки фактически становятся профессионалами в тех или иных видах спорта [1. С. 20].

В Японии физкультура относится к обязательным предметам в средней школе. Однако учащиеся могут выбрать физкультуру и как факультативный предмет для углубленной подготовки. Поражает в японской школе, что учитель не должен культивировать индивидуальные способности, учитывать особенности учеников (даже физические), стремясь привести весь класс к общему уровню развития. В работе с коллективом учащихся не применяют индивидуальных форм обучения. Все ученики участвуют в школьных мероприятиях, спортивных соревнованиях, походах и экскурсиях [6. С. 62].

О положительных результатах физического воспитания в стране восходящего солнца свидетельствует статистика: средний выпускник начальной школы в начале 90-х гг. пробежал 50 м быстрее на 0,1 с и прыгал на 6,2 см дальше, чем его сверстник в середине 60-х гг. прошлого столетия [5. С. 125]. Однако существуют проблемы и в современной японской школе, одной из которых является сохранение традиций жесткой регламентации воспитания. Так, в старших классах японской школы мальчики обязаны носить темные мундиры, установленным нормам должны соответствовать прическа, одежда и обувь девочек.

Для учащихся средней школы создаются условия для воспитания выносливости, стойкости, умений положиться на свои силы. Во Франции многие дети ежегодно проводят несколько недель в горах в так называемых «*снежных школах*» (другие их названия: «белые школы», «горные школы») [7. С. 41]. Эти учреждения относятся к сфере неформального (дополнительного) образования и предоставляют возможности обучения навыкам лыжного, горнолыжного и других зимних видов спорта. Учащиеся посещают эти школы в каникулярное время, поэтому данную форму работы можно отнести к внешкольной (*Extrascolaire* – разновидность неформального образования, осуществляемого вне школы) [8. С. 84].

Очень много внимания в Швейцарии уделяют физическому воспитанию. В школах можно заниматься различными видами спорта, в большинстве из них есть свои собственные теннисные корты и бассейны, но зимние виды спорта – прежде всего, лыжи, сноубординг и коньки – вне конкуренции. Например, в школах, которые находятся далеко от горнолыжных трасс, проводится лыжная неделя, когда в разгар горнолыжного сезона класс, а то и вся школа, отправляется на целую неделю в горы. Ученики школ, расположенных в горных районах, занимаются горными лыжами с января по апрель регулярно.

В частных школах Швейцарии прекрасно организовано физическое воспитание: дети катаются на лыжах, коньках и горных велосипедах, занимаются скалолазанием и конным спортом, гимнастикой и теннисом, футболом и регби, плавают и ходят под парусом, играют в гольф и крикет. Частные школы малочисленны, и каждому ребенку здесь уделяется персональное внимание, а потому обстановка в них похожа на семейную [4. С. 59].

Любопытным можно назвать опыт интеграции общего и дополнительного образования в решении задачи физического воспитания школьников на примере Чехии. Здесь ежегодно организуется детский и молодежный фестиваль «Бамбириада» (ит. bambino – ребенок). Программа этого фестиваля предлагает участникам попробовать себя в различных видах деятельности (в том числе, спортивных), а также познакомиться с многочисленными учреждениями общего и неформального образования и центрами свободного времени. У участников и их родителей есть возможность испытать себя в спортивных дисциплинах, танцах и играх [8. С. 85].

В США физкультура и гигиена занимают в школах примерно шестую часть учебного времени. В сфере

неформального образования расширяются движения и программы, призванные подготовить ребенка ко взрослой жизни. Например, участники движения «*Проверь себя*» (Test yourself) – школьники-подростки – после необходимых тренировок помещаются в отдаленные и трудные для жизни места, где они, располагая минимальными средствами для поддержания себя, должны проявить физическую выносливость, силу, ответственность, чтобы выжить [2. С. 239]. К слову, тесты физической подготовленности получили широчайшее распространение в этой стране с середины 60-х гг. XX в. [9. С. 21].

Возрастает *участие семьи* в школьном и дополнительном образовании, в том числе в сфере физического развития учащихся. Интересен в этой связи опыт Франции. В некоторых школах именно родители руководят детскими спортивными кружками, ведут занятия по физической культуре. В Японии родители систематически выполняют различные поручения: участвуют в совместной с детьми уборке школы, проводят спортивные состязания.

На физическую подготовку направлена деятельность многих детских и юношеских организаций, в первую очередь *скаутской*. По мысли автора идеи скаутинга Р. Баден-Пауэрелла, эта организация наиболее полно обеспечивает развитие и становление здоровой физически и богатой духовно личности. Распространившись во всем мире, скаутское движение привнесло во многие национальные модели физического воспитания такие традиции и формы, как обучение через дело, активные игры, деятельность на природе.

Школы стран *Азии и Африки*, не имеющие необходимых условий, ограничиваются подвижными играми на воздухе. Помимо этого, в них культивируются народные виды спорта (борьба, стрельба из лука, верховая езда, бег, лазание по канату или дереву). У многих народов Африки сохранилась *традиция инициации*, когда мальчики по достижении определенного возраста отправляются в специальные лагеря, где проходят интенсивный курс физической тренировки, после которого следуют экзамены на ловкость, выносливость, силу. Прошедшие сложные физические испытания принимаются как равные в общину взрослых.

Особо следует подчеркнуть, что в *развитых странах* уделяется особое внимание рациональной планировке школьных зданий, режиму питания и в целом учебного дня. Системы образования располагают развитой инфраструктурой: современная архитектура школьных зданий, одноместные парты, хорошее освещение, разнообразие кабинетов, наличие спортзалов и бассейнов, – все это способствует укреплению здоровья учащихся [2. С. 231]. Кроме того, за рубежом часто прибегают к практике аренды частных и муниципальных спортивных сооружений.

Пристальное внимание к здоровью подрастающего поколения в системе общего и дополнительного образования за половину ушедшего столетия привело к позитивным изменениям. Средний школьник значительно подрос; отмечается более раннее половое созревание подростков. Заметна, к примеру, физическая акселерация детей в Японии. Рост выпускника начальной школы в период с 1950 по 1992 г. увели-

чился на 13,5 см, выпускника средней школы – на 17,7 см, выпускника старшей средней школы – на 8,9 см. Соответственно, средняя масса тела увеличилась на 9,5 кг, 15 кг, 9,8 кг [5. С. 124]. Подобные явления наблюдаются и в других государствах мира. В связи с физической акселерацией детей у школы возникли серьезные проблемы. Как заметил японский ученый С. Мураяма, поскольку у школьников взросление души не поспевает за физическим развитием тела, возникает разлад между переполняющей душу энергией и общепринятыми нормами поведения [4. С. 59].

Заключение. Резюмируя, следует отметить, что опыт организации физического воспитания в различных странах мира чрезвычайно разнообразен. Используя потенциал систем общего и неформального (дополнительного) образования, зарубежные воспитательные модели пытаются эффективно решать задачи физического развития подрастающего поколения. Предоставляя широкие возможности как для отдельной личности, так и для всех школьников, системы воспитания за рубежом ориентированы на применение разнообразных форм и методов работы в сфере физического воспитания детей и молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кукушкин Г.И., Столбов В.В., Решетень И.Н. Физическое воспитание // Большая советская энциклопедия. М., 1969–1978. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/144657/%D0%A4%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5>. (дата обращения: 12.10.2018).
2. Вульфсон Б.Л., Малькова З.А. Сравнительная педагогика : учеб. пособие. Москва ; Воронеж, 1996. 256 с.
3. Викулов А.Д. Особенности профессионального физкультурного образования в современных условиях // Ярославский педагогический вестник. 2007. № 1. С. 78–84.
4. Данилова Л.Н. Физическое воспитание школьников за рубежом // Физическая культура в школе. 2011. № 5. С. 58–64.
5. Бондаренко А. Японская школа глазами русского // Начальная школа. 2000. № 5. С. 120–126.
6. Данилова Л.Н. Физическое воспитание школьников в Канаде, Германии и США, или Как выиграть Олимпиаду // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2010. № 5. С. 2–7.
7. Молоков Д.С. Сравнительная педагогика. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. 70 с.
8. Молоков Д.С. Тенденции развития дополнительного образования // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 3. С. 83–86.
9. Сычев А.В., Синельников О.А., Хасти П.А. Программы тестирования уровня физической подготовленности школьников в Соединенных Штатах Америки // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2006. № 6. С. 21–26.
10. Викулов А.Д., Фролов Д.В. Эффективность занятий подростков в школьной спортивной секции // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2. С. 43–46.
11. Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. М., 1982. 400 с.
12. Морозов Г.Л. Приобщение школьников к физкультурно-оздоровительной деятельности средствами информационно-пропагандистского воздействия : дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 1999. 146 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 17 декабря 2018 г.

Physical Training in Foreign Systems of Primary, Secondary and Non-Formal Education

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 236–240.

DOI: 10.17223/15617793/443/28

Dmitry S. Molokov, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: dsmolokov@mail.ru

Alexander D. Vikulov, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: a.vikulov@yspu.org

Larisa N. Danilova, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russian Federation). E-mail: yar-da.l@mail.ru

Keywords: physical training; physical culture; foreign experience.

The article summarizes the advanced experience of physical training in foreign systems of primary, secondary and non-formal education in some countries. Since the birth of the first schools in the ancient civilizations of the world, physical exercise has been paid serious attention to. The best experience was passed on and adopted in neighboring countries and regions. Modern education is also characterized by the adoption of advanced practices in the field of physical education of children and young people. In the article, the tendency of mutual enrichment of the theory and practice of physical education is proved, the range of new progressive practices which are urged to enrich physical culture as a school subject is presented. The aim of the study was to identify and summarize the advanced experience in physical training in foreign systems of primary, secondary and non-formal education. In the course of the study, the authors used the systemic approach as a methodological reference point in order to explore the social systems, their components, characteristics and features. In this context, it is appropriate to talk about the system of physical training as a unique social phenomenon. The main research methods were comparative pedagogical analysis, abstraction, classification analysis and generalization. The study identified the criteria of advanced experience in physical training: novelty, relevance, optimality, high performance, stability and possibility of using in mass practice. The choice of countries reflects the intention of the authors to give examples of foreign experience of countries from different continents. Thus, the article presents the experience of Europe, America and Asia. The authors identified the following best practices of the organization of physical training. In the developed countries of the world, physical culture is recognized as a priority discipline in the secondary school: it is given up to a quarter of school time. In addition to physical education, a number of educational systems include such specific areas as *health* (in Japan, Finland), *environmental awareness and nature* (in Finland) in their curricula. Lessons of physical culture and sports are aimed not only at improving the health of the child, but also at the formation of a social personality. Organization of physical education in Western educational models is based on individualization, building individual routes of physical development. In the field of non-formal education, best practices include the activities of “snow schools” in France, the Bambiriada festival in the Czech Republic, the “Test Yourself” movement in the United States, etc.

REFERENCES

1. Kukushkin, G.I., Stolbov, V.V. & Resheten', I.N. (1969–1978) Fizicheskoe vospitanie [Physical education]. In: Prokhorov, A.M. (ed.) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/144657/%D0%A4%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5>. (Accessed: 12.10.2018).
2. Vul'fson, B.L. & Mal'kova, Z.A. 91996) *Sravnitel'naya pedagogika* [Comparative pedagogy]. Moscow: Izdatel'stvo "Institut prakticheskoy psikhologii"; Voronezh: MODZK.
3. Vikulov, A.D. (2007) Osobennosti professional'nogo fizkul'turnogo obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh [Features of professional physical education in modern conditions]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 1. pp. 78–84.
4. Danilova, L.N. (2011) Fizicheskoe vospitanie shkol'nikov za rubezhom [Physical education of schoolchildren abroad]. *Fizicheskoe kul'tura v shkole*. 5. pp. 58–64.
5. Bondarenko, A. (2000) Yaponskaya shkola glazami russkogo [Japanese school through the eyes of a Russian]. *Nachal'naya shkola*. 5. pp. 120–126.
6. Danilova, L.N. (2010) Fizicheskoe vospitanie shkol'nikov v Kanade, Germanii i SShA, ili Kak vyigrat' Olimpiadu [Physical education of schoolchildren in Canada, Germany and the USA, or How to win the Olympics]. *Fizicheskoe kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 5. pp. 2–7.
7. Molokov, D.S. (2007) *Sravnitel'naya pedagogika* [Comparative pedagogy]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
8. Molokov, D.S. (2008) Tendentsii razvitiya dopolnitel'nogo obrazovaniya [Trends in the development of supplementary education]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 3. pp. 83–86.
9. Sychev, A.V., Sinel'nikov, O.A. & Khasti, P.A. (2006) Programmy testirovaniya urovnya fizicheskoy podgotovlennosti shkol'nikov v Soedinyennyykh Shtatakh Ameriki [Programs of testing the level of physical fitness of schoolchildren in the United States of America]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 6. pp. 21–26.
10. Vikulov, A.D. & Frolov, D.V. (2009) Effektivnost' zanyatiy podrostkov v shkol'noy sportivnoy sekcii [The effectiveness of adolescents in a school sports section]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2. pp. 43–46.
11. Kun, L. (1982) *Vseobshchaya istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [The universal history of physical culture and sports]. Moscow: Raduga.
12. Morozov, G.L. (1999) *Priobshchenie shkol'nikov k fizkul'turno-ozdorovitel'noy deyatel'nosti sredstvami informatsionno-propagandistskogo vozdeystviya* [Involvement of schoolchildren in sports and recreational activities by means of information and propaganda influence]. Pedagogy Cand. Diss. Kaliningrad.

Received: 17 December 2018

Р.Р. Хадиуллина, А.М. Галимов

ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Раскрывается необходимость использования в образовательном процессе вуза новых технологий, автоматизированных информационных систем, электронных информационных и образовательных ресурсов, в совокупности представляющих собой электронную информационно-образовательную среду вуза. Посредством использования инструментов такой среды раскрывается роль взаимодействия всех субъектов образовательного процесса в обеспечении и повышении качества образования.

Ключевые слова: электронная информационно-образовательная среда вуза; вузы физической культуры; студенты-спортсмены; дистанционное обучение; качество образования.

Актуальность исследуемой проблемы. Федеральная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы» [1] ставит одной из главных задач сохранение и укрепление статуса России как ведущей спортивной державы, что определяет необходимость в создании условий для подготовки высококвалифицированных спортсменов и будущих тренеров. Студенты-спортсмены в большей части своей образовательной деятельности находятся на спортивных сборах, участвуют в соревнованиях, что сопряжено с длительным отсутствием их на аудиторных занятиях. Это дает предпосылки для внедрения и использования новых образовательных технологий, что способствует реализации стратегической цели «Федеральной целевой программе развития образования на 2016–2020 годы» [2] – повышение уровня доступности качественного образования для всех категорий граждан.

Образование на современном этапе немыслимо без использования информационно-коммуникационных технологий. Автоматизированные информационные системы, электронные информационные и образовательные ресурсы обеспечивают частичное или даже полное освоение основных образовательных программ высшего образования обучающимися, независимо от времени и места их нахождения. При этом мы не снижаем роль контактной работы преподавателя и студентов. И если ранее мы рассматривали информационно-образовательную среду вуза с некоторыми элементами дистанционных технологий и частичного электронного обучения, то сейчас можно говорить о внедрении в образовательный процесс электронной информационно-образовательной среды (далее – ЭИОС) вуза. Главное назначение ЭИОС – приобретение знаний, умений, навыков и компетенций обучающимися в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, независимо от времени и места нахождения студентов.

Цель исследования. Изучить влияние электронной информационно-образовательной среды ФГБОУ ВО «Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма» (далее – Академия) на повышение качества образовательного процесса студентов разных форм обучения.

Задачи исследования:

1. Определить понятие, структурные компоненты, цели, задачи и принципы ЭИОС Академии.
2. Определить факторы, влияющие на эффективность применения ЭИОС Академии для повышения качества образовательного процесса.
3. Определить диагностический инструментарий для проведения исследования по влиянию ЭИОС на качество образовательного процесса.
4. Определить влияние ЭИОС Академии на повышение качества образовательного процесса для студентов разных форм обучения.
5. Провести анализ полученных данных.

Материал и методы исследования. Анализ нормативно-правовых документов, психолого-педагогической и учебно-методической литературы. Анкетирование, тестирование, статистический анализ данных исследования. Экспериментальная работа – на базе факультета спорта и факультета физической культуры Академии.

Введение. Понятие «Среда» представляет собой фундаментальную категорию – это обстановка, окружение, условия для существования, порождения чего-нибудь (С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведова) [3]; пространственно-временная организация объективного мира, которая оказывает влияние на состояние и развитие объекта (Ю.А. Гончарова) [4]. Под «Образовательной средой» понимается система влияний и условий для формирования личности по заданному образцу, а также социальное и пространственно-предметное окружение, способствующее этому процессу (В.А. Сластенин, Г.И. Чижикова и В.А. Ясвин и др.) [5, 6]. Только при определенных условиях среда становится средством развития и воспитания (Ю.С. Мануйлов) [7]. Введение в образовательный процесс электронных образовательных ресурсов и дистанционных способов получения, обработки и передачи информации обуславливает появление таких понятий, как «информационно-образовательная среда» (ИОС) и «электронная информационно-образовательная среда» (ЭИОС) вуза (А.А. Андреев, А.И. Башмаков и И.А. Башмаков, В.В. Лаптев, Е.С. Полат, И.В. Роберт А.В. Хуторской, М.Е. Вайндорф-Сысоева, Ю.Г. Баскин и А.И. Экштейн и др.) [8–11].

Под «Информационно-образовательной средой вуза» понимается «системно организованная совокупность информационного, технического, учебно-методического обеспечения, неразрывно связанная с человеком как субъектом образовательного процесса» (О.А. Ильиченко) [12], «единое информационно-образовательное пространство, которое построено на основании интеграции информации, как на традиционных, так и электронных носителях, компьютерно-телекоммуникационных технологиях взаимодействия» (В.И. Солдаткин) [13], «программные системы, базы данных и технологии работы, поддерживающие процесс управления организационной деятельностью вуза» (В.И. Швецов) [14].

Результаты исследований и их обсуждение. Адаптируя выше данные определения и учитывая специфику образовательного процесса в спортивных вузах, можно сказать, что *Информационно-образовательная среда вуза физической культуры* – это особым образом организованное пространство учебного заведения, которое ориентировано на обеспечение учебно-познавательной, социально-коммуникативной и тренировочно-соревновательной деятельности студентов-спортсменов при активном взаимодействии всех субъектов образовательного процесса и оптимальном использовании традиционных и дистанционных форм, методов и средств обучения [15].

Электронная информационно-образовательная среда представляет собой часть информационно-образовательной среды вуза. Помимо ЭИОС в ИОС входят *традиционная информационная среда* (дидактическое обеспечение в виде печатных учебно-методических комплексов, учебников и пособий, раздаточных материалов и библиотечного фонда), *социально-коммуникативная среда* (пространство живого общения субъектов образовательного процесса). Есть еще *тренировочно-соревновательная среда* студента-спортсмена (учебные тренировочные сборы, спортивные тренировки, выступления, соревнования), которая в совокупности с ИОС образует комплексную образовательную среду вуза физической культуры.

Эффективность использования ЭИОС Академии зависит от многих факторов, один из них – слаженное **взаимодействие субъектов образовательного процесса в вузах физической культуры**. Использование ЭИОС особенно актуально для студентов, имеющих вынужденную длительную временную и территориальную разделенность от преподавателя и учебного заведения по разным причинам, например, в связи с болезнью, с ограниченными возможностями здоровья, с участием и подготовкой к соревнованиям. Возможности ЭИОС позволят таким студентам иметь доступ к качественному образованию в любое удобное для них время из любого места нахождения. ЭИОС, входя в состав комплекса информационно-технологических средств поддержки образовательной деятельности Академии, будет способствовать повышению качества образовательного процесса при условии слаженного взаимодействия всех структурных подразделений, субъектов образовательного процесса, задействованных в этом. К субъектам образовательного процесса в вузах физической культуры отнесем сту-

дента-спортсмена, тренера, преподавателя, куратора, специалистов отдела практик, отдела менеджмента качества образования, учебно-научного центра технологии подготовки спортивного резерва, отдела развития информационных технологий; административное управление (учебный отдел, деканат, ректорат) [15].

Тренер не только ведет работу по подготовке спортсмена к соревнованиям, но и контролирует учебную деятельность – результаты текущей и промежуточной успеваемости, оказывает моральное влияние на студента, мотивируя его к ликвидации академических задолженностей.

Преподаватель играет непосредственную роль в формировании у студента знаний, умений, навыков и компетенций по тем или иным дисциплинам, непосредственно контактируя со студентом либо дистанционно – за счет инструментов ЭИОС.

Куратор часто выступает в роли связующего звена между тренером, преподавателем, деканатом; он всегда в курсе всех трудностей, с которыми сталкивается спортсмен в процессе учебной деятельности, и, по возможности, оказывает консультационную помощь студенту.

Координацию и мониторинг по организации и планированию всех видов практик регулирует *отдел практик*: заключение договоров с руководителями организаций, представляющих собой базы практики; подготовку и издание приказов о направлении на практику, контроль над прохождением студентами практики; участие в проведении установочной и отчетных конференций по практикам.

Отдел менеджмента качества образования совершенствует механизмы внутривузовской оценки и контроля образовательной деятельности вуза; проводит внутренний аудит; участвует в разработке приказов, распоряжений, локальных нормативных актов по организации учебного процесса, осуществляет мониторинг и анализ различных аспектов образовательной деятельности [16].

Сотрудники отдела информационных технологий оказывают консультационную и техническую помощь всем субъектам образовательного процесса по работе с различными составляющими ЭИОС.

Учебно-научный центр (УНЦ) технологии подготовки спортивного резерва проводит систематическую оценку физиологического и функционального состояния студента-спортсмена, при необходимости регулирует аспекты тренировочно-соревновательной деятельности.

Учебный отдел обеспечивает эффективность организации учебного процесса: несет ответственность за разработку и реализацию учебных планов и графиков, графиков работы государственных экзаменационных комиссий, защиты выпускных квалификационных работ; координирует деятельность факультетов и кафедр.

Деканат, ректорат осуществляет координацию и административное управление учебным процессом: с момента поступления, обучения и до момента отчисления.

Следующим фактором, определяющим эффективность использования ЭИОС Академии, является **вы-**

полнение принципов ЭИОС. Эффективность взаимодействия субъектов образовательного процесса в вузах физической культуры зависит как от непосредственного контакта, так и от использования инструментов ЭИОС. ЭИОС Академии связывает воедино участвующие в образовательном процессе структурные подразделения. Это становится возможным благодаря принципам, на которых строится работа такой среды.

Принцип открытости проявляется во взаимодействии среды с глобальным информационно-образовательным пространством, «обеспечивает совместимость с международными образовательными стандартами» (С.Л. Лобачев) [17], позволяет «встраивать новые компоненты по мере развития образовательного процесса, расширения информационно-справочной базы, внедрения новых инструментальных средств» (Г.П. Путилов) [18].

Согласно п. 7.1 ФГОС ВО «Каждый обучающийся в течение всего периода обучения должен быть обеспечен индивидуальным неограниченным доступом к ЭИОС организации... из любой точки, в которой имеется доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [19]. **Принцип неограниченного доступа** к электронным образовательным ресурсам позволяет реализовывать вариативное обучение согласно субъективным запросам участников образовательного процесса, что по сути обеспечивает реализацию студентами индивидуальной образовательной траектории по любой форме обучения: очное, заочное, по индивидуальному плану. Так, каждый обучающийся имеет свободный доступ к учебным планам, рабочим программам дисциплин и практик, к изданиям электронных библиотечных систем, электронным образовательным ресурсам.

Принцип целостности выражается как внутреннее единство компонентов среды и слаженное взаимодействие субъектов образовательного процесса. Этот принцип необходим при выборе общего подхода к формированию ЭИОС Академии как целостного явления, подчиненного единой задаче – повышение уровня доступности и обеспечение качественного образования для всех студентов, в том числе для студентов-спортсменов. Без принципа целостности невозможно саморазвитие ЭИОС как модели образовательной среды вуза. **Принцип полифункциональности** определяет тот факт, что ЭИОС Академии – это, с одной стороны, источник знаний, а с другой стороны, инструмент для самостоятельной работы, определяемой формой обучения студента; средство контроля учебных достижений [20]. С помощью компонентов ЭИОС обучающиеся могут осуществлять образовательный процесс, контролировать результаты промежуточной аттестации и результат освоения образовательной программы; заносить свои достижения в электронное портфолио достижений.

Структурные компоненты ЭИОС Академии. В состав ЭИОС Академии входят автоматизированные информационные системы, электронные информационные ресурсы, информационные и телекоммуникационные технологии. К автоматизированным информационным системам Академии относятся:

ЭСБУС – интернет-портал электронных услуг Академии «Электронный студенческий билет и удостоверение сотрудника»; 1С: Университет – система управления учебным процессом на базе программного продукта «1С: Университет. ПРОФ»; СВР – система вывода расписания занятий; СДО – система обучения с применением элементов дистанционных образовательных технологий; ЭБС ИРБИС – электронная библиотечная система; РУКОНТЕКСТ – автоматизированное программное обеспечение проверки текста на наличие и объем заимствований. К электронным информационным ресурсам Академии относятся официальный сайт Академии, корпоративная сеть и корпоративная электронная почта. **Электронные образовательные ресурсы Академии** – это база электронных учебно-методических комплексов дисциплин в системе дистанционного обучения; база материалов, отражающих различные составляющие образовательного процесса; электронные библиотечные системы; ресурсы баз данных свободного доступа; классифицированные ресурсы сети Интернет. Рассмотрим структурные компоненты ЭИОС Академии по выделенным группам [21].

Интернет-портал электронных услуг Академии «Электронный студенческий билет и удостоверение сотрудника» (далее портал ЭСБУС) включает в себя много функциональных возможностей как для студента, так и для преподавателя. Вход на внутренний портал Академии ЭСБУС возможен несколькими способами: приложив студенческий билет или удостоверение сотрудника к соответствующей ячейке инфоматов, которые находятся в здании Академии; классический способ через телефон, компьютер по ссылке <http://e-academy.sportacadem.ru/>. Портал ЭСБУС дает много полезной информации, часть из которой доступна всем и не требует авторизации (структура Академии, объекты Академии, педагогический состав, сотрудники отделов). Часть информации доступна только для студентов и преподавателей Академии при входе в личный кабинет по индивидуальному логину и паролю.

Сервис личного кабинета студента. В личном кабинете студента отражены все данные по посещаемости и успеваемости, эти данные вносят преподаватели в электронные журналы в системе 1С: Университет. Это очень удобно как для студента, так и для преподавателя, ведь согласно балльно-рейтинговой системе и выставленным баллам легко контролировать свои показатели по успеваемости и посещаемости, чтобы планомерно исправлять пробелы [22]. В дальнейшем данные по текущей, промежуточной и итоговой аттестации идут на формирование индивидуального рейтинга студента. Есть опции, связанные с просмотром расписания, причем не только своего, но и расписания преподавателей. Это удобно в случае, когда необходимо связаться с преподавателем лично.

Для студента одним из важных разделов портала ЭСБУС является «Электронное портфолио». Электронное портфолио обучающегося представляет собой комплект документов, подтверждающих индивидуальные достижения в различных сферах деятельности: учебной, научно-исследовательской, культур-

но-творческой, общественной и спортивной. Электронное портфолио позволяет оценить у студента сформированность компетенций, динамику личностного роста и индивидуальных достижений. Обучающиеся учатся ставить цели, задачи, планировать и оценивать их выполнение, что способствует их саморазвитию и самореализации в общем и повышению конкурентоспособности как будущего специалиста в частности. Согласно «Положению о порядке индивидуального учета результатов освоения обучающимися образовательных программ и поощрений...» [23] информация, которая содержится в портфолио, учитывается при назначении обучающемуся повышенной стипендии. Кроме того, печатный вариант сформированного портфолио может быть представлен студентом при защите выпускной квалификационной работы, использован как дополнение к резюме при поиске работы.

Электронное портфолио студента состоит из трех основных разделов. Первый раздел – «Личная информация» содержит контактные данные: ФИО, дату рождения, уровень образования, факультет, курс, группу, профиль обучения; вид спорта и уровень спортивного мастерства. Второй раздел «Достижения обучающегося в различных видах деятельности» – основной раздел, отражающий достижения по различным видам деятельности. В подразделе «Учебная деятельность» загружены рефераты, курсовые работы и выпускная квалификационная работа. Информация по научным публикациям, участию студентов в научно-практических конференциях, грантовых и стипендиальных программах отражена в подразделе «Научно-исследовательская деятельность». В подразделе «Общественная деятельность» представлены результаты достижений в общественно значимых мероприятиях социального, культурного, правозащитного, общественно полезного характера. Культурно-творческая деятельность отражена в одноименном подразделе и включает достижения самого разного направления (литература, искусство, музыка, графика, скульптура, танцевальный жанр, графика и т.д.). В подраздел «Спортивная деятельность» включены не только результаты соревнований, но и данные о выполнении нормативов и требований знака отличия «Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне (ГТО)» в соответствующей возрастной категории; о наличии квалификационной категории спортивного судьи; результатах участия в спортивных мероприятиях воспитательного, пропагандистского характера. В подразделе «Профессиональная деятельность» отражена информация о трудовой деятельности. В третий раздел «Отзывы» загружаются отзывы и рецензии на курсовые и выпускные квалификационные работы; характеристики с мест практик; отзывы и характеристики научных руководителей; рекомендательные и благодарственные письма.

Формирование портфолио происходит с первого года обучения, и уже начиная с третьего семестра обучения (2 курс) обучающийся сможет претендовать на получение повышенной академической стипендии. Все достижения по каждому виду деятельности со-

провождаются загрузкой соответствующего подтверждающего документа. После заполнения студентом портфолио куратор согласовывает достижения либо запрашивает дополнительную информацию, необходимую для подтверждения и дальнейшего согласования. Но основная роль куратора относится к информационно-консультационной составляющей при оформлении обучающимся портфолио. Кроме того, куратор может оказать помощь в оценивании динамики личностного роста и индивидуальных достижений студента.

Электронное портфолио студента могут просматривать ответственные по воспитательной работе на кафедре, специалисты управления информационных технологий, а также специалисты отдела менеджмента качества образования. Ответственные на кафедре по воспитательной работе осуществляют общий контроль за оформлением учебных групп. Отдел менеджмента качества образования осуществляют мониторинг заполнения портфолио обучающимися на разных факультетах и по Академии в целом. Специалисты управления информационных технологий обеспечивают техническую составляющую оформления портфолио в электронном виде, предоставляют инструкцию по его заполнению. Научно-методический отдел, Управление по работе с молодежью и корпоративной политике, Управление по спортивной работе формирует отчеты об участии студентов соответственно в научно-исследовательской, общественной, культурно-творческой и спортивной сферах деятельности; доводят до сведения кафедр, факультета в целом информацию о мероприятиях научно-исследовательской, творческой и спортивной направленности, в которых обучающиеся смогут принять участие.

Сервис личного кабинета преподавателя. Вход в личный кабинет преподавателя также возможен по индивидуальному логину и паролю. Личный кабинет преподавателя включает несколько разделов.

В разделе «Личная информация» представлены информация, выгружаемая из внутреннего портала ЭСБУС, сведения об образовании, должности, стаже, ученой степени, звании, дополнительном образовании. Раздел «Мое портфолио» отражает индивидуальный рейтинг преподавателя, содержит достижения по различным видам деятельности. Разделы «Рейтинг преподавателей», «Рейтинг заведующих кафедрами», «Рейтинг кафедр» отражает соответствующие рейтинги по итогам работы за год. Рассмотрим более подробно раздел «Мое портфолио». Электронное портфолио преподавателя представляет собой комплект документов, отражающих работу преподавателя в различных сферах деятельности: научно-исследовательской, методической, организационной, международной, спортивной, внеучебной.

Электронное портфолио, отражая индивидуальную рейтинговую оценку профессиональной деятельности преподавателя, содействует развитию основных направлений деятельности вуза и позволяет оценивать эффективность деятельности Академии в целом, в том числе по показателям, входящим в мониторинг эффективности образовательных организаций высшего

образования. Это способствует совершенствованию системы управления Академией: с помощью электронного портфолио, с одной стороны, можно акцентировать внимание на аккредитационных показателях деятельности вузов, а с другой стороны, выявлять и поощрять тех преподавателей, которые вносят наибольший вклад в развитие кафедры, факультета и вуза в целом.

Согласно «Положению об электронном портфолио преподавателя Академии» [24] и «Положению об индивидуальном рейтинге профессорско-преподавательского состава Академии» [25] для подсчета ежегодного индивидуального рейтинга электронное портфолио заполняется преподавателем до 1 декабря текущего года, при этом по каждому пункту прикрепляются подтверждающие документы. Достоверность представленных данных подтверждается заведующим кафедрой, согласовывается с проректором, за которым закреплены те или иные виды деятельности. Проректоры, являясь членами комиссии, имеют право редактировать поля электронного портфолио и вносить свои коррективы, если это необходимо, снижая или аннулируя баллы за конкретный вид работы. После согласования формируется окончательная электронная версия личного рейтингового листа преподавателя. Рейтинговый лист можно распечатать в формате Excel таблицы.

После того как все преподаватели кафедры заполнили свое портфолио, на основании полученных данных формируется рейтинг кафедры, а также рейтинг заведующего кафедрой. Анализ полученных данных позволяет оценить как личный вклад каждым преподавателем, так и кафедрой в целом; рассчитать средний балл по кафедре, факультету и по Академии в целом; средний балл по направлениям деятельности. В результате формируется рейтинг по категориям: заведующий кафедрой, профессор кафедры, доцент кафедры, старший преподаватель, преподаватель. Есть возможность посмотреть данные рейтинги не только за текущий год, но и за прошлые годы.

Для полноценного формирования электронного портфолио необходима слаженная работа нескольких структурных подразделений Академии. Так, отдел менеджмента качества образования отвечает за актуализацию полей с перечнем показателей для расчета рейтинговой оценки и совместно с отделом информационных технологий осуществляет мониторинг реализации технологии электронного портфолио на портале ЭСБУС. Отдел информационных технологий отвечает за разработку интерфейса электронного портфолио, обеспечение бесперебойного функционирования внутреннего портала ЭСБУС и защиты персональных данных.

Следующим примером использования в образовательном процессе Академии автоматизированных систем управления является *Система управления учебным процессом на базе программного продукта «1С: Университет. ПРОФ»* (далее – «1С: Университет») и *Система вывода расписания* (далее – СВР). Система «1С: Университет» – это незаменимый инструмент для управления всеми этапами учебного процесса, начиная с процесса проведения приемной

кампании по набору абитуриентов и заканчивая процессом вывода на печать дипломов о высшем образовании. Система «1С: Университет» дает возможность планировать учебный процесс, вести работу по формированию, учету и движению контингента обучающихся; фиксировать посещаемость студентов, результаты текущей успеваемости, промежуточной и итоговой аттестаций. Заселение в общежитие, формирование приказов, подготовка аналитических отчетов – это лишь малый перечень выполняемых задач с помощью системы «1С: Университет». Большой плюс данной системы состоит в возможности интеграции со смежными системами, обеспечивающими учебный процесс, например, с системой вывода расписания занятия.

Система вывода расписания занятий СВР обеспечивает механизм обновления расписания в режиме онлайн, мониторинг своевременности проведения занятий; информирует всех участников об изменениях. Данная информация, доступная по адресу <http://schedule.sportacadem.ru>, выводится на экраны мониторов и инфоматы Академии. За 60 минут до начала занятия выводится информация, которая содержит атрибуты предстоящих занятий в соответствии с утвержденным расписанием. К таким атрибутам относятся: номер группы, начало занятия, дисциплина, тип занятия (лекция или практическое занятие), преподаватель, аудитория и соответствующий статус «Состоится по расписанию», «Произведена замена» (в случае, когда в расписании производится замена аудитории / преподавателя, дисциплины). Эти сведения импортируются из автоматизированной системы управления «1С: Университет». Учебный отдел загружает в данную систему учебные планы, рабочие учебные планы. Заведующие кафедрами закрепляют за преподавателями дисциплины согласно их индивидуальной нагрузке. Сотрудники деканата выгружают в систему «1С: Университет» учебное расписание с указанием дисциплины, времени и места проведения занятия, а также данные преподавателя, закрепленного за дисциплиной. С пятой минуты от начала занятия в системе вывода расписания производится проверка факта входа преподавателя в систему «1С: Университет». В случае если этого не происходит, предыдущий статус меняется на «Задерживается». Далее, в течение 20 минут, если преподаватель заходит в систему, то статус меняется на «Проводится». Таким образом, СВР позволяет перед началом занятия как студенту, так и преподавателю получать оперативную информацию о вынужденных изменениях, зафиксированных сотрудниками деканата; учебный отдел, руководство Академии имеют возможность осуществлять контроль своевременности начала занятия каждым преподавателем и в соответствии с расписанием.

Вход в систему «1С: Университет» преподаватель осуществляет по индивидуальному логину и паролю; в электронном журнале отмечается факт присутствия студента на занятии. Для этого есть два варианта: студенты прикладывают электронный студенческий билет к считывающему устройству, имеющемуся в каждом учебном классе; в случае если у студента по каким-либо причинам при себе электронного студен-

ческого билета нет, преподаватель фиксирует присутствие студента в журнале вручную. Электронный студенческий билет – очень удобный инструмент, который несет в себе сразу несколько функций. Он служит для идентификации и аутентификации студента – подтверждение факта принадлежности пропуска определенному студенту при прохождении контрольно-пропускного пункта при входе в Академию и в общежитие студенческого кампуса. Электронный студенческий билет играет роль стипендиальной карты для начисления стипендии, роль электронного кошелька при безналичной оплате товаров и услуг, роль транспортной карты при оплате за проезд. При предъявлении карты в некоторых учреждениях (кофейни, магазины и т.д.) есть возможность получить скидку до 10%, как бонусное приложение ISIC – совместная акция с компанией ISIC. Электронный студенческий билет полностью не заменяет бумажный его вариант, и при утере требуется его замена на дубликат. Пока такой билет готовится, студенту выдается временный электронный студенческий билет, с ограниченным набором возможностей, в основном только для идентификации и аутентификации студента.

Одной из важной составной частью ЭИОС Академии является *Система обучения с применением элементов дистанционных образовательных технологий (СДО)*. Согласно нормативно-правовым документам, положениям, приказам электронное обучение и дистанционные образовательные технологии могут быть использованы при различных формах обучения или при их сочетании, при проведении учебных занятий, практик, текущего контроля успеваемости, а также промежуточной аттестации студентов [26].

Применение элементов электронного обучения на базе платформы дистанционного обучения *Moodle* позволяет студентам разных форм обучения иметь равные образовательные возможности: получать доступ к образовательному контенту, в том числе и для самостоятельного изучения лекционного материала, выполнения практических и тестовых заданий. Особенно актуально использование таких технологий для студентов, пропускающих занятий по той или иной причине, в том числе в связи с подготовкой и участием в соревнованиях. С помощью дистанционных технологий такие студенты могут изучать дисциплину в удобный для себя момент времени, в любой точке мира. Доступ на данную платформу получают все студенты, но периодичность обращения к образовательному контенту зависит от формы обучения студента. Студенты очной формы обучения обращаются к материалам электронного курса при необходимости, по указанию преподавателя и чаще всего в качестве рефлексии по пройденному материалу, а также в конце изучения модулей и курса в целом для прохождения тестирований. Студенты заочной формы обучения практически все материалы и задания получают в СДО, и они испытывают самую большую необходимость в наличии дистанционных образовательных технологий. Студенты-спортсмены, обучающиеся по индивидуальному графику, а также студенты, пропускающие занятия по болезни, занимают промежу-

точное положение и обращаются к СДО по мере необходимости.

На сайте дистанционного обучения <http://do.sportacadem.ru> по каждой изучаемой дисциплине выложены все необходимые **электронные образовательные ресурсы** в виде электронных учебно-методических комплексов дисциплин (далее – ЭУМКД). ЭУМКД обычно состоит из нескольких блоков. В нулевом блоке представлены информационные материалы справочного характера: методические рекомендации для изучения электронного курса, утвержденная рабочая программа дисциплины, полезные ссылки. Следующие два блока представляют собой два учебных модуля, разделенные на части в соответствии с рабочей программой дисциплины и электронным журналом в системе «1С: Университет», включающие в себя необходимые материалы лекционных и практических занятий. В качестве материалов к лекционным занятиям могут быть представлены тексты и презентации лекций, видеоматериалы. Для практических занятий обязательно описание хода занятий, тексты заданий и упражнений. Такое подробное описание позволит изучить и проработать материал практического занятия самостоятельно. Далее идут различные проверочные тесты и упражнения, материалы для самостоятельной работы, задания для отработки пропущенных занятий. Кроме того, по усмотрению преподавателя, в электронном курсе могут быть представлены дополнительные элементы: чаты, форумы, глоссарии, тренажеры и т.д.

Эффективность реализации обучения с использованием электронного обучения и дистанционных образовательных технологий зависит от слаженного взаимодействия сразу нескольких структурных подразделений Академии: отдела развития информационных технологий, кафедр и деканатов факультета, учебного отдела, отдела менеджмента качества образования. Для асинхронного взаимодействия между участниками образовательного процесса и обмена служебной информацией имеется корпоративная сеть и корпоративная электронная почта. В задачи отдела развития информационных технологий входит управление правами доступа пользователей, управление платформой дистанционного обучения; обеспечение бесперебойной работы сервера; техническая консультация преподавателям, обучающимся. Деканаты факультетов поддерживают обратную связь с обучающимися, играют роль связующего звена между различными структурными подразделениями Академии; проводят установочные собрания с целью разъяснения порядка работы в системе дистанционного обучения. Профессорско-преподавательский состав кафедр факультета разрабатывает ЭМКД дисциплины, размещает необходимый контент на сайте дистанционного обучения, своевременно обновляя его, не реже одного раза в год; осуществляет проверку выполненных студентами заданий, упражнений. В случае возникновения затруднений при выполнении заданий через данную систему студент может связаться с преподавателями, сокурсниками, сотрудниками отдела развития информационных технологий. Учебный отдел выполняет роль контролирующего органа и отвечает за своевре-

менность размещения преподавателями материалов учебно-методических комплексов дисциплин в системе дистанционного обучения, их соответствие регламентирующим документам, локальным актам, принятым в Академии; рабочей программе, программе практик. Отдел менеджмента качества образования ответственен за разработку и обновление соответствующего положения, регламентирующего использование электронного обучения и дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ в Академии.

Электронная библиотечная система ИРБИС. Для обеспечения полноценного образовательного процесса на весь период обучения студенты обеспечиваются необходимой учебной литературой. Полный состав фонда библиотеки Академии, а также получаемые библиотекой периодические издания отражает электронная библиотечная система ИРБИС (<http://lib.sportacadem.ru/>), созданная в целях управления информационно-библиотечным обслуживанием студентов и преподавателей. Система ИРБИС – это комплекс программных средств, обеспечивающих автоматизацию современных библиотечных технологических процессов; позволяет создавать и поддерживать электронный каталог с любым количеством баз данных; обрабатывать и описывать издания как печатные, так аудио- и видеоматериалы, компьютерные файлы, карты и др. На основе взаимосвязанного функционирования автоматизированных рабочих мест (АРМ) ИРБИС реализует все типовые библиотечные технологии: технологию комплектования, систематизации, каталогизации, читательского поиска, книговыдачи и администрирования. Кроме того, ИРБИС реализует специальные решения, учитывающие потребность образовательного учреждения. Существует возможность создания автоматизированной карты обеспеченности дисциплины; учета книгообеспеченности по различным параметрам (специальность, курс, дисциплина); создания электронной библиотеки выпускных квалификационных работ студентов.

Проверку выпускных квалификационных работ, а также публикуемых учебных изданий на предмет заимствования позволяет осуществлять **Автоматизированное программное обеспечение «Рукопункт»**: <https://text.rucont.ru/>.

Кроме того, для студентов и преподавателей Академии по соответствующим картам доступа имеется возможность входа в сторонние электронные библиотечные системы **Университетская библиотека онлайн «Библиоклуб»** (<https://biblioclub.ru/>) и **«Лань»** (<https://e.lanbook.com/>). Данные системы включают в себя электронные версии книг ведущих издательств учебной и научной литературы, периодических изданий по различным областям знаний. Вход на ресурсы баз данных свободного доступа (например, <https://polpred.com/>) и классифицированные ресурсы сети Интернет не требует авторизации.

Для осуществления доступа к базе материалов, отражающих учебно-методическую, организационно-методическую, организационную составляющую образовательного процесса (устав, лицензии, локальные нормативные акты; приказы и локальные

акты Академии), необходимо пройти на один из подразделов главного сайта Академии по адресу <https://www.sportacadem.ru/sveden/document/>.

Электронные информационные ресурсы. Официальный сайт Академии (<https://www.sportacadem.ru/>) имеет несколько тематических разделов. Так, в соответствии с требованиями федерального законодательства об обеспечении открытости образовательной организации, раздел «Сведения об образовательной организации» включает в себя следующую информацию о вузе: структуру и органы управления Академии, локальные и нормативные документы, образовательные стандарты, научно-педагогический состав, материально-техническое обеспечение, финансово-хозяйственная деятельность. В раздел «Академия» включены блоки, описывающие основную стратегию деятельности вуза, результаты работы антикоррупционной направленности, вакантные места на замещение должностей и др. Вся необходимая информация для поступления – правила приема, перечень направлений подготовки, подача заявки в режиме онлайн, программы и расписание вступительных испытаний – находится в разделе «Абитуриенту». Раздел «Наука» содержит информацию о работе научно-методического отдела, учебно-научного центра технологии подготовки спортивного резерва, отдела аспирантуры и докторантуры, студенческого научного сообщества, совета молодых ученых. В разделе выложены архивы научно-теоретического журнала Академии «Наука и спорт: современные тенденции»; материалы конференций, конгрессов, симпозиумов. Основные материалы, касающиеся спортивной деятельности Академии, находятся в разделе «Спорт». Особенности реализации комплексного проекта автоматизации системы управления вузом раскрываются в разделе «Информатизация». Раздел «Международное сотрудничество» включает полезную информацию для иностранных студентов. О программах дополнительного образования, программах дополнительного профессионального образования можно узнать в разделе «Центр дополнительного образования». Вся необходимая контактная информация находится в разделе «Контакты».

Сайт Академии переведен на два языка: английский и татарский. Переход на англоязычную и татарскую версии возможен по соответствующим ссылкам. Хотелось отметить, что официальный сайт Академии для слабовидящих студентов имеет альтернативную версию, соответствующую основным принципам доступности веб-контента WCAG 2.0 и требованиям доступности интернет-ресурсов для инвалидов по зрению (ГОСТ 52872-2012) [27, 28]. Так основная информация представлена в виде текста; информативные надписи на пестром фоне отсутствуют; все графические файлы содержат поясняющий текст; если на графический фрагмент навести мышь, появляется описание; анимированные объекты отсутствуют; все графические фрагменты статичны; соблюдены требования по числу вложенных таблиц (не более 3) и по количеству строк в таблице (не более 15); поля форм включают подписи. Кроме того, пользователи могут менять размер шрифта, сочетание цвета фона и шрифта. Выполнение перечисленных требований благо-

приятно сказывается на общем восприятии информации сайта пользователями с ограниченными возможностями по зрению.

Экспериментальная работа по определению эффективности ЭИОС Академии для повышения качества образовательного процесса. Несмотря на то, что в состав ЭИОС Академии входят несколько структурных компонентов, определяющую роль эф-

фективности внедрения ЭИОС для повышения качества образовательного процесса, по-нашему мнению, играют в первую очередь система дистанционного обучения со всеми необходимыми электронными образовательными ресурсами, электронные библиотечные системы, а также интегрированная работа интернет-портала «ЭСБУС» и системы 1С Университет.

Таблица 1

Структурные компоненты ЭИОС Академии

Автоматизированные информационные системы	Электронные информационные ресурсы	Электронные образовательные ресурсы
ЭСБУС – интернет-портал электронных услуг Академии «Электронный студенческий билет и удостоверение сотрудника», сервисы личного кабинета преподавателя, сервисы личного кабинета студента http://e-academy.sportacadem.ru/	Официальный сайт Академии с тематическими разделами: – Сведения об образовательной организации. – Академия. – Абитуриенту. – Наука. – Международное сотрудничество. – Информатизация. – Центр дополнительного образования. – Контакты https://www.sportacadem.ru/	База электронных учебно-методических комплексов дисциплин в системе дистанционного обучения http://do.sportacadem.ru
1С: УНИВЕРСИТЕТ – система управления учебным процессом на базе программного продукта «1С: Университет. ПРОФ». Возможности: планирование учебного процесса; формирование, учет и движение контингента; фиксирование посещаемости студентов, результатов текущей успеваемости, промежуточной и итоговой аттестаций; формирование приказов, аналитических отчетов; возможность интеграции со смежными системами (вывод расписания)		База материалов, отражающих различные составляющие образовательного процесса: устав, лицензии, локальные нормативные акты Академии и др. https://www.sportacadem.ru/sveden/document/
СВР – система вывода расписания занятий, обеспечивает механизм обновления расписания в режиме онлайн, мониторинг своевременности проведения занятий; информирует всех участников об изменениях http://schedule.sportacadem.ru	Корпоративная сеть и корпоративная электронная почта: асинхронное взаимодействие между участниками образовательного процесса и обмена служебной информацией	Электронные библиотечные системы, Университетская библиотека онлайн «Библиоклуб», (https://biblioclub.ru/), «Лань» (https://e.lanbook.com/)
СДО – система обучения с применением элементов дистанционных образовательных технологий http://do.sportacadem.ru		Ресурсы баз данных свободного доступа
ЭБС ИРБИС – электронная библиотечная система, управление информационно-библиотечным обслуживанием обучающихся и преподавателей http://lib.sportacadem.ru/		Классифицированные ресурсы сети Интернет
РУКОНТЕКСТ – автоматизированное программное обеспечение, проверка выпускных квалификационных работ, курсовых, диссертаций на наличие и объем заимствований https://text.rucont.ru/		

Для диагностики эффективности ЭИОС вуза в повышении качества образовательного процесса в Академии нами были:

– разработаны инструментарии для определения у обучающихся уровня сформированности самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами, уровня комфортности образовательной среды;

– определены диагностические инструментарии для исследования уровня комфортности образовательной среды; уровня обученности студентов (первоначальный, по итогам промежуточной и текущей аттестаций).

Экспериментальная работа по выявлению эффективности ЭИОС проводилась со студентами факультета спорта и факультета физической культуры Ака-

демии разных форм обучения *на примере изучения дисциплин «Информатика» и «Физика»*. В исследовании участвовали студенты очной формы обучения; студенты, обучающиеся очно по индивидуальному плану и студенты заочной формы обучения (в общей сложности 300 человек). Результаты исследования показывают, что в образовательном процессе для студентов очной формы обучения наиболее востребованными являются следующие структурные компоненты ЭИОС: система вывода расписания занятий, электронные библиотечные системы, сервисы личного кабинета студента в интернет-портале ЭСБУС, электронные журналы успеваемости и посещаемости в системе 1С: Университет. Учебные материалы студенты получают в основном на лекционных и практических занятиях, а электронные образовательные ре-

сурсы системы дистанционного обучения используются лишь частично, обычно для прохождения промежуточных тестирований. Для студентов, обучающихся на заочной форме и на очной форме по индивидуальному плану обучения, наиболее востребована система дистанционного обучения, которая не только включает все необходимые материалы для самостоятельного изучения дисциплин, но и имеет необходимый инструментарий для взаимодействия с субъектами образовательного процесса.

Определение уровня сформированности самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами. Определяющим фактором эффективности использования системы дистанционного обучения в образовательном процессе является сформированность у студентов самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами, что определяет в дальнейшем формирование важной общекультурной компетенции – способности к самоорганизации и самообразованию. Современное информационное общество с ее обилием электронных гаджетов способствует формированию элементарных навыков работы с электронными ресурсами уже в школьный период. В процессе обучения студентов в высших учебных заведениях по таким дисциплинам, как «Информатика», «Информационные технологии», самообразовательные умения и навыки работы с электронными информационно-образовательными ресурсами выходят на уровень, который будет достаточен для самостоятельного изучения других дисциплин, эффективной самообразовательной деятельности.

Для определения уровня сформированности у студентов самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами при изучении дисциплин «Информатика» и «Физика» был разработан соответствующий диагностический инструментарий. За основу взяты уровни развития основных самообразовательных умений восприятия и осмысления знаний (А.В. Усова, З.А. Вологодская [29]), а также интерпретация этих уровней при формировании самообразовательных умений и навыков, основных естественнонаучных компетенций (ОЕК) в процессе обучения студентов-педагогов (А.Р. Камалеева [30]).

Низкий уровень сформированности самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами соответствует тому, что студенты выполняют действия по прямому указанию преподавателя, осуществляют первичную обработку материала с использованием стандартных информационных ресурсов и технологий. **Средний уровень** достигается теми студентами, которые могут выбирать способ деятельности из известных и применять их над дополнительными источниками. Используя различные информационные ресурсы и технологии, такие студенты осуществляют отдельные самообразовательные действия в деятельности, имеющей частично-поисковый характер. **Высокий уровень** характерен для тех студентов, которые на основе ранее изученного материала, широко привлекая дополнительные умения и навыки комплексного владения информацион-

ными ресурсами, осуществляют творческую поисково-познавательную деятельность.

Определение уровня комфортности ЭИОС Академии. Важным фактором эффективности ЭИОС является определение уровня комфортности среды. Ряд исследователей (Б.Г. Ананьев, Н.А. Курганский, В.И. Слободчиков, Д.И. Фельдштейн и др.) выделяют три составляющие компоненты комфортности среды: психологическая, интеллектуальная, физическая [31, 32]. Учитывая специфику образовательного процесса Академии, определим составляющие компоненты комфортности ЭИОС Академии. **Психологическая комфортность** определяется состоянием студента в процессе осуществления им образовательной деятельности с помощью ЭИОС и характеризуется следующими показателями: радость, удовольствие, спокойствие или грусть, волнение, озабоченность. **Интеллектуальная комфортность** характеризуется уровнем работоспособности; удовлетворенностью мыслительной деятельности, результатами обучения, полученными в том числе и с помощью ЭИОС. **Физическая комфортность** характеризуется уровнем удовлетворенности предметно-пространственными условиями, создаваемыми в том числе с помощью ЭИОС.

Низкий уровень комфортности ЭИОС характеризуется следующими показателями: озабоченностью тем, что необходимо осуществлять учебный процесс с учетом графиков подготовки и участия в соревнованиях; недовольством способом взаимодействия с субъектами образовательного процесса; недовольством результатами обучения; сниженным качеством выполнения учебных заданий; отсутствием познавательного интереса; отсутствием удовлетворенности предметно-пространственными условиями ЭИОС в осуществлении образовательной деятельности. **Средний уровень** комфортности ЭИОС характеризуется следующими показателями: некоторым беспокойством за необходимость осуществлять учебный процесс с учетом графиков подготовки и участия в соревнованиях; некоторым волнением и напряжением при взаимодействии с субъектами образовательного процесса; частичной удовлетворенностью результатами обучения; средним качеством выполнения учебных заданий; наличием познавательного интереса; частичной удовлетворенностью предметно-пространственными условиями ЭИОС в осуществлении образовательной деятельности. **Высокий уровень** комфортности ЭИОС характеризуется: спокойствием и уверенностью студентов за возможность осуществлять учебный процесс независимо от времени и места нахождения, согласно графикам подготовки и участия в соревнованиях; удовлетворенностью способом взаимодействия с субъектами образовательного процесса; удовлетворенностью результатами обучения; высоким качеством выполнения учебных заданий; наличием познавательного интереса; полной удовлетворенностью предметно-пространственными условиями ЭИОС в осуществлении образовательной деятельности.

Для определения комфортности ЭИОС Академии была использована методика «Оценки психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напря-

жения и комфортности» (по Н.А. Курганскому) [33], а также авторская анкета-опросник, отражающая все составляющие компоненты комфортности ЭИОС Академии.

Определение уровня обученности студентов. «Обученность» представляет собой «результат обучения, включающий как наличный, имеющийся к сегодняшнему дню запас знаний, так и сложившиеся способы и приемы их приобретения (умение учиться)» [34], это «система знаний, умений и навыков, соответствующих ожидаемому результату обучения» [35]. Уровень обученности студента оценивается нами согласно «Положению о балльно-рейтинговой оценке знаний студентов Академии», что позволяет переводить результат обучения из столбальной системы в пятибалльную. *Низкий уровень* обученности находится в пределах от 65 баллов до 51 балла, что соответствует оценке «удовлетворительно». *Средний уровень* обученности – от 84 баллов до 66 баллов, что соответствует оценке «хорошо». *Высокий уровень* обученности – от 100 до 85 баллов, что соответствует оценке «отлично». При получении менее 51 балла обученность студента приравнивается к нулевому уровню, что соответствуют оценке «неудовлетворительно».

Для определения первоначального уровня обученности использовалось входное тестирование на основании учебников «Информатика и информационные технологии» Н.Д. Угринович, Н.В. Макаровой [36] и «Физика» Н.С. Пурышевой, Н.Е. Важеевской, Д.А. Исаева, В.М. Чаругина [37]. Для определения уровня обученности по итогам промежуточного и текущего тестирований использовались как базовые учебники и учебные пособия по изучаемым дисциплинам [38, 39], так и авторские учебно-методические пособия по информатике [40, 41] и физике [42].

Экспериментальная работа по исследованию эффективности использования ЭИОС Академии в повышении качества образовательного процесса проводилась нами в несколько этапов. *На первом этапе (констатирующий)* у студентов 1 курса контрольных и экспериментальных групп разных форм обучения были определены первоначальные данные об уровне сформированности самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами, уровне комфортности ЭИОС Академии, уровне обученности студентов по дисциплинам «Информатика» и «Физика». *На втором этапе (формирующий)* в процессе изучения дисциплины «Информатика» на основании авторских разработанных алгоритмов у студентов формировались самообразовательные умения и навыки работы с информационными ресурсами, что в дальнейшем находило отражение в самообразовательной деятельности при изучении дисциплины «Физика». Изучение этих двух дисциплин проходило на основании авторских учебных пособий. Второй этап эксперимента характеризовался тем, что для студентов экспериментальных групп разных форм обучения образовательный процесс строился с максимальным использованием ЭИОС Академии, в отличие от студентов контрольных групп, для которых компоненты ЭИОС использовались частично. *На третьем этапе (контрольный)* были получены данные по тем параметрам, которые были исследованы ранее на первом этапе эксперимента.

Результаты эксперимента показали, что ЭИОС Академии оказывает положительное влияние на повышение качества образовательного процесса для студентов всех форм обучения. Так, если рассматривать усредненную динамику результатов первого и третьего этапов эксперимента, можно выявить следующую картину (табл. 2).

Таблица 2

Усредненная динамика результатов первого и третьего этапов эксперимента, %

	Очная форма обучения		Очная форма по индивидуальному плану обучения		Заочная форма обучения	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
Комфортность ЭИОС	5	15	6	16	6	16
Сформированность самообразовательных умений и навыков работы с информац. ресурсами	5	15	3	17	8	16
Обученность по информатике	6	18	5	16	7	18
Обученность по физике	8	19	6	16	9	18

Динамика уровня комфортности ЭИОС для студентов контрольных групп составляет 5–6%; для экспериментальных групп 15–16%.

Динамика уровня сформированности самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами для студентов контрольных групп составляет 3–8%; для экспериментальных групп 15–17%.

Динамика уровня обученности студентов по дисциплине «Информатика» в контрольных группах составляет 5–7%; в экспериментальных группах 16–18%.

Динамика уровня обученности студентов по дисциплине «Физика» в контрольных группах составляет 6–9%; в экспериментальных группах 16–18%.

Таким образом, доказано влияние ЭИОС на повышение качества образовательного процесса, что в

большей части характеризуется повышением уровня обученности студента, уровня сформированности у него самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами, способности к осуществлению самообразовательной деятельности при улучшении комфортности ЭИОС.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. ЭИОС Академии представляет собой часть ИС вуза и включает в себя следующие структурные компоненты: автоматизированные информационные системы, электронные информационные ресурсы, информационные и телекоммуникационные технологии.

Цель ЭИОС Академии – повышение качества образовательного процесса в Академии, обеспечение

освоения обучающимися образовательных программ, независимо от места их нахождения и в соответствии с ФГОС ВО, по разным формам обучения: очная форма, очная форма по индивидуальному плану, заочная форма.

Задачи ЭИОС Академии: обеспечить управление образовательным процессом в Академии; обеспечить реализацию обучающимися индивидуальной образовательной траектории; обеспечить взаимодействие между всеми субъектами образовательного процесса

Принципы ЭИОС Академии: открытость, неограниченный доступ к электронным образовательным ресурсам, целостность, полифункциональность.

2. Факторы, определяющие эффективность применения ЭИОС Академии для повышения качества образовательного процесса: слаженное взаимодействие субъектов образовательного процесса в вузах физической культуры; выполнение принципов ЭИОС; сформированность у студентов самообразовательных умений и навыков работы с электронными информационно-образовательными ресурсами; комфортность (психологическая, физическая, интеллектуальная) среды.

3. В диагностический инструментарий для проведения исследования по влиянию ЭИОС на качество образовательного процесса включены: методика оценки уровня сформированности самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами (А.В. Усова, З.А. Вологодская, А.Р. Камалеева); методика оценки психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности (Н.А. Курганский); авторская анкета-опросник для определения комфортности среды, эффективности взаимодействия субъектов образовательного процесса; базовые учебники, учебные пособия и авторские учебно-методические пособия изучаемых дисциплин для определения уровня обученности студентов.

4. Анализ полученных данных показал, что средняя динамика уровня комфортности ЭИОС Академии,

уровня сформированности самообразовательных умений и навыков работы с информационными ресурсами, уровня обученности студентов по информатике и физике для студентов контрольных групп разных форм обучения колеблется в пределах 3–8%; для студентов экспериментальных групп 15–18%.

5. Нами доказано положительное влияние ЭИОС Академии на повышение качества образовательного процесса для студентов разных форм обучения.

Заключение. Все рассмотренные структурные компоненты ЭИОС Академии так или иначе взаимосвязаны по своим функциональным направлениям и возможностям. Так, работа системы вывода расписания невозможна без информации, находящейся в системе «ІС: Университет»: учебные планы, дисциплины и закрепленные за ними преподаватели, распределение аудиторного фонда. Результаты текущего контроля, промежуточной аттестации отражаются как в системе дистанционного обучения, так и в системе «ІС: Университет» и на внутреннем портале ЭСБУС. База электронных образовательных ресурсов находится как в системе дистанционного обучения, так и на официальном сайте Академии в соответствующих разделах. В целях обеспечения образовательного процесса необходимыми печатными и электронными изданиями используются электронные библиотечные системы, такие как ИРБИС, Университетская библиотека онлайн «Библиоклуб», «Лань».

Только интегративный подход в использовании всех компонентов ЭИОС Академии, а также слаженное взаимодействие всех субъектов образовательного процесса позволяет студентам разных форм обучения получать доступ к качественному образованию, осваивать образовательную программу, реализовывать индивидуальную образовательную траекторию, что в целом направлено на повышение качества образовательного процесса в вузе.

ЛИТЕРАТУРА

1. О федеральной целевой программе «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы» (с изменениями на 25 июля 2018 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/420248844> (дата обращения: 05.03.2019).
2. О внесении изменений в Федеральную целевую программу развития образования на 2016–2020 годы и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/555715725> (дата обращения: 05.03.2019).
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1989. 924 с.
4. Гончарова Ю.А. Проектирование образовательной среды – функция современной школы // Воспитательная среда вуза как фактор профессионального становления специалиста. Воронеж, 2001. С. 291–293.
5. Сластенин В.А., Чижикова Г.И. Введение в педагогическую аксиологию : учеб. пособие. М. : Академия, 2003. 192 с.
6. Ясвин В.А. Экспертиза школьной образовательной среды. М. : Сентябрь, 2000. 128 с.
7. Мануйлов Ю.С. Средовой подход в воспитании : автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. М., 1998. С. 22–23.
8. Андреев А.А., Каплан С.Л., Краснова Г.А., Лобачев С.Л., Лупанов К.Ю., Поляков А.А., Солдаткин В.И. Основы открытого образования / отв. ред. В.И. Солдаткин. М. : НИИЦ РАО, 2002. Т. 1.
9. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В. Теория и практика дистанционного обучения : учеб. пособие. М. : Изд. центр «Академия», 2004. 416 с.
10. Вайндорф-Сысоева М.Е., Фаткуллин Н.Ю., Шамшович В.Ф., Глебов С.Г. Совершенствование процедуры рейтингования вузов по уровню развития электронного обучения // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 165–170.
11. Хуторской А.А. Дистанционное обучение и его технологии // Компьютерра. 2002. № 36. С. 26–30.
12. Ильиченко О.А. Организационно-педагогические условия разработки и применения сетевых курсов в учебном процессе (на примере подготовки специалистов с высшим образованием) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2002. 22 с.
13. Солдаткин, В.И. Основы открытого образования / отв. ред. В.И. Солдаткин. М. : НИИЦ РАО, 2002. Т. 1. 676 с.
14. Организация виртуальной образовательной среды системы открытого образования // Отчет о научно-исследовательской работе. Код проекта: 1.2.1.1. (122).250 / рук. Л.Г. Титарев. М., 2001. 84 с.
15. Хадидулина Р.Р. Дидактические условия интегративной организации виртуальной образовательной среды вуза физической культуры (на примере обучения студентов-спортсменов информатике и физике) // Наука и спорт: современные тенденции. 2014. Т. 5, № 4. С. 14–20.
16. Закиева Р.Р. Образовательный менеджмент // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8, № 2. С. 1836–1843.

17. Лобачев С.Л. Теоретические основы и принципы построения информационно-образовательной среды открытого образования и ее практическая реализация: автореф. дис. ... д-ра техн. наук. М., 2005.
18. Путилов Г.П. Научные основы проектирования и построения информационно-образовательной среды технического вуза: автореф. дис. ... д-ра техн. наук. М., 2002.
19. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru> (дата обращения: 05.03.2019).
20. Башмаков А.И., Тихонов А.Н., Старых В.А. Принципы и технологические основы создания открытых образовательных сред. М.: Бинном. Лаборатория знаний. 2010.
21. Положение об электронной информационно-образовательной среде ФГБОУ ВО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма» от 02.11.2017. Протокол № 3. 10 с.
22. Положение о балльно-рейтинговой оценке знаний студентов ФГБОУ ВПО «Поволжская ГАФКСиТ»: Принято решением Ученого совета ФГБОУ ВПО «Поволжская ГАФКСиТ» от 5.09.2013 г. Протокол № 1. 16 с.
23. Положение об электронном портфолио индивидуальных достижений обучающихся ФГБОУ ВО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма» от 02.11.2017. Протокол № 3. 6 с.
24. Положение об электронном портфолио преподавателя ФГБОУ ВО «Поволжская ГАФКСиТ» от 31.08.2018. Протокол № 1. 6 с.
25. Положение об индивидуальном рейтинге профессорско-преподавательского состава в ФГБОУ ВО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма» от 31.08.2018. Протокол № 1. 4 с.
26. Положение об использовании электронного обучения и дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ в ФГБОУ ВО «Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма» от 01.03.2018. Протокол № 8. 7 с.
27. Руководство по обеспечению доступности веб-контента WCAG 2.0. URL: <https://www.w3.org/Translations/WCAG20-ru/>
28. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0. URL: <http://www.w3.org/TR/WCAG20/> (date of treatment: 05.03.2019).
29. Усова А.В., Бобров А.А. Формирование у учащихся учебных умений // Педагогика и психология. М.: Знание, 1987. № 7. 80 с.
30. Камалева А.Р. Самообразование как необходимое условие непрерывного образования современного человека // Наука Красноярья. 2012. № 2. С. 203–219.
31. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. М.: Мысль, 1979. 334 с.
32. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: учеб. пособие для вузов. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
33. Балин В.Д., Гайда В.К., Горбачевский В.К. и др. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: учеб. пособие / под общ. ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. СПб.: Питер, 2000. 560 с.
34. Коджаспирова Г.М. Педагогический словарь. М., 2005. С. 97.
35. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. 528 с.
36. Информатика и ИКТ. Базовый уровень: учебник для 11 класса / под ред. Н.В. Макарова. СПб.: Питер, 2009. 224 с.
37. Пурышева Н.С., Вадеевская Н.Е., Исаев Д.А., Чаругин В.М. Физика. Базовый уровень: учебник для 11 класса. 5-е изд., стер. М.: 2012. 288 с.
38. Информатика. Базовый курс: учебник для вузов. 3-е изд. Стандарт третьего поколения / под ред. С.В. Симоновича. СПб.: Питер, 2011. 640 с.
39. Неделько В.И., Хунджуа А.Г. Физика: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2011. 463 с.
40. Хадииуллина Р.Р., Галаяутдинова Л.Р. Информатика: учеб.-метод. пособие. Казань: Поволжская ГАФКСиТ, 2014. 116 с.
41. Хадииуллина Р.Р., Галаяутдинова Л.Р., Москалева Э.Ф. Информатика (практические занятия): учеб.-метод. пособие. Казань: Поволжская ГАФКСиТ, 2014. 96 с.
42. Камалева А.Р., Хадииуллина Р.Р. Естественнонаучные основы физической культуры и спорта. Физика (для студентов 1 курса направления «Физическая культура»): учеб.-метод. пособие. Казань: Поволжская ГАФКСиТ, 2014. 92 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 3 апреля 2019 г.

Electronic Information and Education Environment of a Higher Education Institution as an Instrument for Improving the Quality of the Educational Process

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 241–254.

DOI: 10.17223/15617793/443/29

Rezeda R. Khadiullina, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism (Kazan, Russian Federation). E-mail: h_rezeda@bk.ru

Almaz M. Galimov, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism (Kazan, Russian Federation). E-mail: almazga@rambler.ru

Keywords: electronic information and education environment; higher education institutions of physical culture; student athletes; distance learning; quality of education.

This article describes the need for using new technologies, automated information systems, electronic information and educational resources, in total representing the electronic information and education environment of a higher education institution, in the educational process on the example of a higher education institution of physical culture. Through the use of tools of such an environment, the role of interaction of all subjects of the educational process in ensuring accessibility and improving the quality of education for all categories of citizens, including for student athletes, is revealed. The student athlete, the trainer, the teacher, the group curator, practitioner department specialists, the department of education quality management, the educational scientific center of sports reserve preparation technology, the department of information technology development and administration are subjects of the educational process in the institution. The article reveals the structure and content of the educational environment of the institution. The training and competition environment of the student athlete (educational and training camps, sports trainings, performances, competitions) and the information and education environment represent the complex educational environment of a higher education institution. The electronic information and education environment as a part of the informational and educational environment of the higher education institution includes automated information systems, electronic information resources, information and telecommunication technologies. The automated information systems include the Internet portal of electronic services “Electronic Student and Employee ID Card”, the educational process management system on the basis of the software product “1C: University”, the schedule output system, the system of training with elements of distance learning technologies, the IRBIS electronic library system, the RUCONTEXT automated plagiarism checker. The electronic information resources include the official site of the institution, the corporate network and the corporate e-mail. The electronic educational resources are the database of electronic educational and methodological complexes of disciplines in the system of distance learning, the database of materials reflecting the various components of the educational process, electronic library systems, open access database resources, classified Internet resources. Only an

integrative approach in the use of all components of the electronic information and education environment of the institution and a harmonious interaction of all subjects of the educational process will allow students of different forms of education to get access to high-quality education, to master the educational program, to implement an individual educational trajectory that, in general, is directed to the improvement of the quality of the educational process in a higher education institution.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2018) *O federal'noy tselevoy programme "Razvitiye fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii na 2016–2020 gody" (s izmeneniyami na 25 iyulya 2018 goda)* [On the federal target program "Development of physical culture and sport in the Russian Federation for 2016–2020" (as amended on July 25, 2018)]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/420248844>. (Accessed: 05.03.2019).
2. Russian Federation. (2017) *O vnesenii izmeneniy v Federal'nyuyu tselevuyu programmu razvitiya obrazovaniya na 2016–2020 gody i priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii* [On amending the Federal Targeted Program for the Development of Education for 2016–2020 and recognizing as invalid some acts of the Government of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/555715725>. (Accessed: 05.03.2019).
3. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1989) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
4. Goncharova, Yu.A. (2001) *Proektirovaniye obrazovatel'noy sredy – funktsiya sovremennoy shkoly* [Designing the educational environment is a function of the modern school]. *Vospitatel'naya sreda vuza kak faktor professional'nogo stanovleniya spetsialista* [Educational environment of the university as a factor in the professional formation of a specialist]. Proceedings of the 2nd Interregional Conference. Voronezh: Voronezh State University. pp. 291–293. (In Russian).
5. Slavenin, V.A. & Chizhakova, G.I. (2003) *Vvedeniye v pedagogicheskuyu aksiologiyu* [Introduction to pedagogical axiology]. Moscow: Akademiya.
6. Yasvin, V.A. (2000) *Ekspertiza shkol'noy obrazovatel'noy sredy* [Examination of the school educational environment]. Moscow: Sentyabr'.
7. Manuylov, Yu.S. (1998) *Sredovoy podkhod v vospitanii* [The environmental approach in education]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow. pp. 22–23.
8. Soldatkin, V.I. (ed.) (2002) *Osnovy otkrytogo obrazovaniya* [Foundations of open education]. Vol. 1. Moscow: NIITs RAO.
9. Polat, E.S. et al. (2004) *Teoriya i praktika distantsionnogo obucheniya* [Theory and practice of distance learning]. Moscow: Izd. tsentr "Akademiya".
10. Vayndorf-Sysoeva, M.E. et al. (2018) Improvement of university ranking by the level of e-learning development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. pp. 165–170. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/437/24
11. Khutorskoy, A.A. (2002) Distantionnoe obucheniye i ego tekhnologii [Distance learning and its technology]. *Komp'yuterra*. 36. pp. 26–30.
12. Il'ichenko, O.A. (2002) *Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya razrabotki i primeneniya setevykh kursov v uchebnom protsesse (na primere podgotovki spetsialistov s vysshim obrazovaniem)* [Organizational and pedagogical conditions for the development and application of online courses in the educational process (on the example of training specialists with higher education)]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
13. Soldatkin, V.I. (ed.) (2002) *Osnovy otkrytogo obrazovaniya* [Foundations of open education]. Vol. 1. Moscow: NIITs RAO.
14. Titarev, L.G. (2001) *Organizatsiya virtual'noy obrazovatel'noy sredy sistemy otkrytogo obrazovaniya. Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote. Kod proekta: 1.2.1.1. (122).250* [Organization of a virtual educational environment of an open education system. Report on research work. Project code: 1.2.1.1. (122).250]. Moscow: [s.n.].
15. Khadiullina, R.R. (2014) Didakticheskie usloviya integrativnoy organizatsii virtual'noy obrazovatel'noy sredy vuza fizicheskoy kul'tury (na primere obucheniya studentov-sportsmenov informatike i fizike) [The didactic conditions of the integrative organization of the virtual educational environment of a university of physical culture (a case study of teaching student athletes majoring in computer science and physics)]. *Nauka i sport: sovremennyye tendentsii*. 5 (4). pp. 14–20.
16. Zakieva, R.R. (2018) Educational management. *Professional'noye obrazovanie v sovremennom mire – Professional education in the modern world*. 8 (2). pp. 1836–1843. (In Russian). DOI: 10.15372/PEMW20180211
17. Lobachev, S.L. (2005) *Teoreticheskie osnovy i printsipy postroeniya informatsionno-obrazovatel'noy sredy otkrytogo obrazovaniya i ee prakticheskaya realizatsiya* [Theoretical foundations and principles for constructing an information and educational environment of open education and its practical implementation]. Abstract of Technical Sciences Dr. Diss. Moscow.
18. Putilov, G.P. (2002) *Nauchnyye osnovy proektirovaniya i postroeniya informatsionno-obrazovatel'noy sredy tekhnicheskogo vuza* [The scientific basis for the design and construction of information and education environment of a technical college]. Abstract of Technical Sciences Dr. Diss. Moscow.
19. Russian Federation. (2019) *Federal'nye gosudarstvennyye obrazovatel'nye standarty vysshego obrazovaniya* [Federal state educational standards of higher education]. [Online] Available from: <http://fgosvo.ru>. (Accessed: 05.03.2019).
20. Bashmakov, A.I., Tikhonov, A.N. & Starykh, V.A. (2010) *Printsipy i tekhnologicheskie osnovy sozdaniya otkrytykh obrazovatel'nykh sred* [Principles and technological foundations of creating open educational environments]. Moscow: Binom. Laboratoriya znaniy.
21. Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism. (2017) *Polozheniye ob elektronnoy informatsionno-obrazovatel'noy srede FGBOU VO "Povolzhskaya gosudarstvennaya akademiya fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma" ot 02.11.2017. Protokol № 3* [Regulations on the electronic information and education environment of Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism of 02.11.2017. Protocol number 3]. Kazan.
22. Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism. (2013) *Polozheniye o ball'no-reytingovoy otsenke znaniy studentov FGBOU VPO "Povolzhskaya GAFKSIT": Prinyato resheniem Uchenogo soveta FGBOU VPO "Povolzhskaya GAFKSIT" ot 05.09.2013 g. Protokol № 1* [Regulations on the point-rating assessment of students' knowledge of Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism: Adopted by a decision of the Academic Council of Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism on September 5, 2013. Protocol No. 1]. Kazan.
23. Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism. (2017) *Polozheniye ob elektronnom portfolio individual'nykh dostizheniy obuchayushchikhsya FGBOU VO "Povolzhskaya gosudarstvennaya akademiya fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma" ot 02.11.2017. Protokol № 3* [Regulations on the electronic portfolio of individual achievements of students of Volga Region State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism of 02.11.2017. Protocol No. 3]. Kazan.
24. Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism. (2018) *Polozheniye ob elektronnom portfolio prepodavatelya FGBOU VO "Povolzhskaya GAFKSIT" ot 31.08.2018. Protokol № 1* [Regulations on the electronic portfolio of the faculty of Volga State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism of 31.08.2018. Protocol No. 1]. Kazan.
25. Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism. (2018) *Polozheniye ob individual'nom reytinge professorsko-prepodavatel'skogo sostava v FGBOU VO "Povolzhskaya gosudarstvennaya akademiya fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma" ot 31.08.2018. Protokol № 1* [Regulations on the individual rating of the faculty in Volga State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism of 31.08.2018. Protocol No. 1]. Kazan.
26. Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism. (2018) *Polozheniye ob ispol'zovanii elektronnoy obucheniya i distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologiy pri realizatsii obrazovatel'nykh programm v FGBOU VO "Povolzhskaya gosudarstvennaya akademiya*

- fizicheskoy kul'tury, sporta i turizma*" ot 01.03.2018. Protokol № 8 [Regulations on the use of e-learning and distance learning technologies in the implementation of educational programs in Volga State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism of 01.03.2018. Protocol No. 8]. Kazan.
27. W3.org. (2013) *Rukovodstvo po obespecheniyu dostupnosti veb-kontenta WCAG 2.0* [Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0]. [Online] Available from: <https://www.w3.org/Translations/WCAG20-ru/>.
28. W3.org. (2013) *Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.0*. [Online] Available from: <http://www.w3.org/TR/WCAG20/>. (Accessed: 05.03.2019).
29. Usova, A.V. & Bobrov, A.A. (1987) Formirovanie u uchashchikhsya uchebnykh umeniy [The formation of students' learning skills]. *Pedagogika i psikhologiya*. 7.
30. Kamaleeva, A.R. (2012) Samoobrazovanie kak neobkhodimoe uslovie nepreryvnogo obrazovaniya sovremennogo cheloveka [Self-education as a necessary condition for the continuous education of modern man]. *Nauka Krasnoyars'ya*. 2. pp. 203–219.
31. Anan'ev, B.G. (1979) *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as a subject of knowledge]. Moscow: Mysl'.
32. Slobodchikov, V.I. & Isaev, E.I. (1995) *Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti* [Basics of psychological anthropology. Human psychology: Introduction to the psychology of subjectivity]. Moscow: Shkola-Press.
33. Balin, V.D. et al. (2000) *Praktikum po obshchey, eksperimental'noy i prikladnoy psikhologii* [Workbook on general, experimental and applied psychology]. St. Petersburg: Piter.
34. Kodzhaspirova, G.M. (2005) *Pedagogicheskiy slovar'* [Pedagogical dictionary]. Moscow: Academia.
35. Bim-Bad, B.M. (2002) *Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Pedagogical encyclopedic dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
36. Makarov, N.V. (ed.) (2009) *Informatika i IKT. Bazovyy uroven': uchebnik dlya 11 klassa* [Informatics and ICT. Basic level: a textbook for grade 11]. St. Petersburg: Piter.
37. Purysheva, N.S. et al. (2012) *Fizika. Bazovyy uroven': uchebnik dlya 11 klassa* [Physics. Basic level: a textbook for grade 11]. 5th ed. Moscow: Drofa.
38. Siminovich, S.V. (ed.) (2011) *Informatika. Bazovyy kurs: uchebnik dlya vuzov* [Informatics. Basic course: a textbook for universities]. 3rd ed. St. Petersburg: Piter.
39. Nedel'ko, V.I. & Khundzhua, A.G. (2011) *Fizika* [Physics]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
40. Khadiullina, R.R. & Galyautdinova, L.R. (2014) *Informatika* [Informatics]. Kazan: Volga State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism.
41. Khadiullina, R.R., Galyautdinova, L.R. & Moskaleva, E.F. (2014) *Informatika (prakticheskie zanyatiya)* [Informatics (practical classes)]. Kazan: Volga State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism.
42. Kamaleeva, A.R. & Khadiullina, R.R. (2014) *Estestvennonauchnye osnovy fizicheskoy kul'tury i sporta. Fizika (dlya studentov 1 kursa napravleniya "Fizicheskaya kul'tura")* [Natural science bases of physical culture and sport. Physics (for students of the 1st course of the direction "Physical Education")]. Kazan: Volga State Academy of Physical Culture, Sport and Tourism.

Received: 03 April 2019

ПРАВО

УДК 342.565.5

С.В. Корнакова, И.А. Щербакова

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА

Анализируются проблемы правового регулирования порядка формирования судейского корпуса. Для совершенствования кадровой политики, имеющей приоритетное значение при формировании судейского корпуса, предлагается: актуализация конституционных требований к кандидатам на должности судей; установление контроля со стороны органов судейского сообщества за качеством подготовки кадров для судебной системы; обеспечение прозрачности и доступности для граждан процедуры отбора кандидатов на должности судей.

Ключевые слова: кандидат на должность судьи; конституционные требования; возраст кандидата в судьи; порядок формирования судейского корпуса.

Независимость судебной власти, социальная значимость которой, определяя конституционный статус судей, заключается в фундаментальной потребности демократического общества в разрешении возникающих правовых споров исключительно на основе права. Это возможно только в том случае, когда функция разрешения таких споров возложена государством на властных субъектов, действующих на профессиональной основе и обладающих необходимыми для осуществления этой функции знаниями в области права, достаточным профессиональным и жизненным опытом.

Как отмечал профессор И.В. Михайловский – исследователь проблем организации уголовного суда в государственной жизни России, государственный суд должен быть организован таким образом, чтобы соответствовать своей великой, трудной и ответственной роли – быть высшим органом правды, охранителем права, беспристрастным решителем спора даже между самим государством и гражданином. Для этого суд должен обладать всею полнотою беспристрастия, авторитетности, знаний, опыта, нравственных качеств, власти, иметь условия наиболее благоприятные для деятельности и находиться под контролем верховной власти как подзаконный ее орган [1. С. 94].

Как указывается Конституционным Судом РФ, «исходя из конституционно-правового статуса судей, предопределенного тем, что судьи реализуют публично-правовые цели правосудия, федеральный законодатель вправе предъявлять к ним как носителям судебной власти особые квалификационные и иные требования, в том числе морально-нравственные, и, соответственно, устанавливать порядок формирования судейского корпуса, обеспечивающий отбор кандидатов, отвечающих этим требованиям».

Такой подход согласуется с международными рекомендациями в сфере правосудия, которые называют в ряду качеств судьи, способствующих укреплению доверия общества к судебной власти и имеющих первостепенное значение для поддержания ее независимости, беспристрастность, честность, соответствие установленным стандартам компетентности, поведения и добросовестности (пп. 1.6, 2.2, 3.1 и 6.7 Бангалорских принципов поведения судей, одобренных

резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 г.)» [2].

Основными качествами, необходимыми судье для обладания подлинной независимостью, являются высокий профессионализм и система моральных ценностей в их единстве. В этих целях Конституция РФ закрепляет специальные требования, предъявляемые к кандидатам на должности судей и порядку их назначения. В этом находит проявление прямая обусловленность реализации правового статуса судей предусмотренным законом порядком формирования судейского корпуса. В частности, минимальные требования к лицам, претендующим на занятие судейской должности, сформулированы в ст. 119 Конституции РФ.

На наш взгляд, предписания указанной нормы относительно возрастного критерия, предъявляемого к кандидатам на судейские должности, вызывают серьезные сомнения. С момента принятия Основного закона прошло четверть века, поэтому совершенно естественно, что некоторые его положения уже не соответствуют современным реалиям. Речь идет в первую очередь о системе образования, изменившейся за это время существенным образом.

Во-первых, произошло увеличение срока получения среднего образования с 10 до 11 лет. Во-вторых, претерпела изменение ставшая двухступенчатой система высшего образования. Несмотря на то что наличие диплома бакалавра означает получение лицом высшего образования, согласно п. 1 ч. 1 ст. 4 Закона о статусе судей кандидат в судьи должен иметь высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или высшее образование по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция» [3]. В силу необходимости получения дипломов бакалавра и магистра юриспруденции период получения образования, достаточный для занятий судейской должности, был увеличен. Поэтому в настоящее время в России средний возраст получивших соответствующее образование граждан – 24 года, а значит, в 25-летнем возрасте практически нереально иметь минимально необходимый для занятия судей-

ской должности пятилетний стаж юридической деятельности.

Кроме этого, ушла в прошлое возможность получения стажа по юридической профессии, в который засчитывалась работа, например, в качестве секретаря судебного заседания, судебного исполнителя, инспектора канцелярии и т.д., то есть вспомогательных технических должностей, на которые принимались студенты заочных отделений высших учебных заведений. Именно этим объяснялось отмечаемое учеными кажущееся противоречие между обязательным требованием пятилетнего стажа работы и относительно юным возрастом кандидата [4. С. 485].

Стаж работы по юридической специальности в настоящее время исчисляется не ранее чем с момента его получения. Более того, в п. 1 ч. 5. ст. 4 Закона о статусе судей, определяющей вид деятельности, который может засчитываться в стаж работы в области юриспруденции, прямо указано требование о наличии высшего юридического образования. В пункте 2 указанной нормы перечислены такие виды юридической деятельности, как преподавание юридических дисциплин по профессиональным образовательным программам, а также работа в качестве адвоката или нотариуса. Если для первого из названных видов деятельности образовательными стандартами определена необходимость наличия обязательного профильного высшего образования (специалитета или магистратуры), то для последних, помимо этого, необходим и установленный соответствующими законодательными актами стаж работы по юридической специальности (2 года – для получения статуса адвоката и 5 лет – для получения статуса нотариуса).

Думается, что именно возрастным критерий имеет существенное значение при отборе кандидатов. Как известно, возраст – это в первую очередь опыт и знания. Только при наличии сформированного правосознания, предполагающего наличие, наряду с правовыми познаниями, опыта в их применении с опорой на соответствующие ценностные установки, можно говорить о соответствии личностных качеств кандидата выполнению государственно-значимой функции по отправлению правосудия. В частности, опрошенные Е.А. Мишиной в этом отношении действующие американские судьи заявляли, что если бы они в момент назначения на должность были бы моложе и, значит, обладали меньшим опытом, то стороны в процессе вряд ли принимали бы их всерьез и с большей вероятностью могли оказать на них давление [5. С. 124]. Как справедливо в этой связи отмечает В.В. Блажеев, к сожалению, жизненного опыта у 25-летнего молодого специалиста еще маловато. Особенно это касается судей судов общей юрисдикции, которые особенно приближены к населению и на которых возложено рассмотрение и разрешение самых разнообразных дел, что предполагает наличие определенного жизненного опыта. Только зрелый юрист способен вершить правосудие, поэтому молодой возраст судей – это фактор, подрывающий авторитет российского суда [6].

Представляется, что оптимальным является 30-летний возраст кандидата на должность судьи, достижение которого предполагает наличие достаточного жизненного опыта, сложившихся жизненных ценностей и определенного уровня правосознания.

В качестве одного из перспективных направлений поиска путей формирования судейского корпуса предлагается назначение на должность судей юристов, прослуживших в статусе кандидата в судьи несколько лет в качестве помощника судьи. За это время они не только могут приобрести необходимый опыт конкретной судебной практики, но и проявить свои нравственные, человеческие качества [7. С. 57]. Думается, что подготовка и комплектование судебных кадров не может строиться на корпоративно-замкнутой, тем более аппаратно-ведомственной основе, как это происходит в настоящее время, когда основным источником пополнения судейского корпуса являются сотрудники аппаратов судов, не имеющие иного профессионального опыта юридической деятельности. Также сомнителен и фактический приоритет, отдаваемый при решении соответствующих вопросов представителям определенного, а именно правоохранительного, профессионально-юридического сообщества. Следует согласиться с выводом судьи Конституционного суда РФ Н.С. Бондаря о том, что замещение судебной должности предполагает наличие знаний, опыта и компетенций, обеспечивающих формирование самостоятельной, профессиональной и ответственной правовой позиции судьи, в котором сложилось осознание ценности и сформирован навык независимого, свободного мышления, воспитана способность отстаивать собственные убеждения в рамках непредвзятого компетентного и комплексного правового анализа рассматриваемых дел. Навыки же судебного-аппаратной работы, проникнутые служебной дисциплиной и осведомленностью в тонкостях бюрократического ритуала, сами по себе едва ли могут предвещать замещение судебных вакансий [8].

Кроме этого, важно указать на некоторую неполноту формулировки предъявляемого к образованию кандидата на должность судьи требования, отраженного в п. 1 ч. 1 ст. 4 Закона о статусе судей. Считаем необходимым внесение после словосочетания «имеющий высшее юридическое образование» такого дополнения, как «полученное по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе», от чего, как представляется, существенным образом зависит качество получаемого образования.

На проблему качества профессиональной подготовки судейских кадров неоднократно обращалось внимание на страницах юридических изданий, учеными поднимался вопрос о необходимости установления особого порядка получения образования и предъявления повышенных требований к обучению будущих юристов, которые впоследствии могут претендовать на занятие должности судьи [9. С. 9].

Так, основную проблему российского судейского корпуса Б.Ю. Титов видит в том, что 80 % судей – это бывшие секретари или помощники в судах. Кроме того, 45% из них получали образование заочно. По его мнению, причиной вынесения судьями спорных

решений, зачастую является их неподготовленность и непрофессионализм, в результате чего такие судьи зачастую боятся принять самостоятельное решение и «оглядываются» на председателя суда и следователей [10]. Позиция А.А. Кондрашева по этому вопросу еще более кардинальна – по его мнению, следует ввести запрет лицам, получившим заочное юридическое образование, на занятие должности судьи [11. С. 183].

На наш взгляд, форма обучения не должна быть показателем качества полученного образования, поскольку о необходимом уровне знаний кандидата судят не по приложению к диплому, в котором указывается форма получения образования, а по результату квалификационного экзамена. Немаловажное значение имеет также то, что заочная форма обучения в разы дешевле получения образования по очной форме, поэтому нельзя не учитывать материальный аспект, порой определяющий для абитуриента выбор такой формы. Достойным кандидатом на должность судьи вполне может быть лицо, обладающее основательными, хотя и полученными по заочной форме обучения правовыми знаниями, необходимым профессиональным и жизненным опытом. Закрывать доступ к профессии лицам, не обладающим материальными средствами для получения очного образования, было бы несправедливо, а несправедливость не может быть признана конституционной.

Кроме этого, учеными обоснованно указывается на имеющее место в настоящее время «засилье» на рынке образовательных услуг слабых юридических вузов, где подготовка будущих юристов поставлена, что называется, «на поток», а это негативным образом влияет на уровень их профессиональной подготовки [12. С. 150].

В этой связи заслуживают поддержки мероприятия, проводимые в настоящее время по инициативе Министерства образования РФ (с 14 сентября 2018 г. – Министерство высшего образования и науки РФ), направленные на повышение эффективности образования [13]. Вследствие проведения таких мероприятий многие вузы прекратили реализацию образовательных программ, не соответствующих требованиям федеральных государственных образовательных стандартов. При лицензировании и оценке образовательных программ подготовки юристов на соответствие необходимым требованиям следует, на наш взгляд, предусмотреть обязательность получения рецензии на содержательное наполнение учебных планов в отношении формируемых профессиональных компетенций от представителей органов судейского сообщества.

По справедливому мнению разработчиков опубликованного в настоящее время проекта судебной реформы, для того, чтобы претендент на должность судьи мог иметь сильную мотивацию к обучению, он должен до, а не после его назначения судьей пройти целенаправленную подготовку к судейской работе. При этом назначение судей, по мнению разработчиков, необходимо увязать с результатами обучения и экзаменов. Для этого проектом предусматривается создание единого независимого центра подготовки судей, что призвано обеспечить повышение престижа

судьи в обществе и постепенный рост самостоятельности судебной власти за счет повышения качества судейских кадров [14].

Что касается порядка назначения на должности судей, то в настоящее время рассмотрение соответствующих кандидатур осуществляется функционирующим при Президенте РФ консультативным органом, обеспечивающим реализацию возложенного на Президента РФ полномочия по назначению федеральных судей (за исключением судей Конституционного и Верховного судов). Именно на этот орган возложена функция предварительного рассмотрения материалов по кандидатурам соискателей должности судей с учетом мнения полномочных представителей Президента РФ на местах и подготовка соответствующих предложений Президенту РФ. С точки зрения некоторых ученых, подобный порядок отбора кандидатов в судьи и их назначения на должность не способствует обеспечению самостоятельности судебной власти. Более того, сама идея сосредоточения права назначения судей федеральных судов в руках главы государства является ошибочной [15. С. 35]. При этом одним из оснований подобной критики, по мнению выражающих такую критику ученых, является необходимость содержания за счет российских налогоплательщиков многочисленного аппарата сотрудников президентской администрации, осуществляющих отбор претендентов на должности судей.

Такой аргумент представляется не вполне состоятельным, поскольку при осуществлении функции отбора кандидатов, как это предлагается, законодательными органами власти субъектов РФ потребуются создание подобного аппарата при законодательных органах власти, содержание которого также будет осуществляться за счет российских налогоплательщиков. Факт назначения на должность судьи, по сути, будет зависеть не от воли Президента РФ, не относящегося ни к одной из ветвей власти, а от воли представителей законодательной власти, что можно расценивать как нарушение принципа разделения властей. В связи с этим, на наш взгляд, отсутствуют основания для сомнений в целесообразности действующего порядка назначения на должность судей. Тем не менее, в целом положительная оценка существующей практики отнюдь не означает полного благополучия в механизме наделения судейскими полномочиями. В частности, учеными указывается на отсутствие в этом механизме строгой определенности и полной ясности оснований для включения кандидатуры того или иного лица в проект указа Президента РФ о назначении на должность федерального судьи [16, 54], поэтому назрела необходимость создания прозрачной системы подбора судейских кадров, которая была бы доступной для восприятия не только лицам, претендующим на занятие должности судьи, но и в целом гражданскому обществу.

Наделение судейскими полномочиями является не просто назначением гражданина на должность судьи, а выбором практически пожизненного направления его профессиональной деятельности, определением жизненного пути, что указывает на необходимость соблюдения ряда предъявляемых законом требований

к соискателям должности судьи для приобретения соответствующего статуса. В свою очередь, реализация этих требований является одной из действенных гарантий их компетентности, независимости и беспристрастности при исполнении судейских обязанностей в дальнейшем. При этом повышением уровня суда обусловлено повышение ответственности за принимаемые в процессе профессиональной деятельности решения, поэтому большим возрастом и опытом кандидата в судьи презюмируется его большая компетентность.

В любом государстве лица, призванные осуществлять такую особую государственную функцию, как правосудие, персонифицируют судебную власть. Для этого они должны пройти специальную процедуру назначения и обладать соответствующими знаниями, опытом и необходимыми моральными качествами. Поэтому на современном этапе развития судебной

системы одним из основных направлений является обеспечение повышения качества правосудия, которое определяется в первую очередь кадровым обеспечением судейского корпуса. Совершенствование кадровой политики при формировании судейского корпуса должно иметь приоритетное значение. Для этого представляется необходимым:

- актуализация конституционных требований к кандидатам на должности судей, которые в настоящее время нельзя признать соответствующими современным условиям, что прежде всего касается возрастного критерия отбора кандидатов в судьи;
- установление контроля со стороны органов судейского сообщества за качеством подготовки кадров для судебной системы;
- обеспечение прозрачности и доступности для граждан процедуры отбора соискателей на должности судей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда: уголовно-политическое исследование. Томск : Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1905.
2. По делу о проверке конституционности положений пункта 8 статьи 5, пункта 6 статьи 6 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и пункта 1 статьи 23 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина В.Н. Рагозина: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2009 № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2009. № 14. Ст. 1771.
3. О внесении изменений в статьи 4 и 5 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»: Федеральный закон от 06.04.2015 № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 14. Ст. 2009.
4. Автономов А.С., Бондарь Н.С., Ковалев А.М., Любимов А.П. и др. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / отв. ред. В.А. Четвернин. М. : Центр конст. исследования Моск. обществ. науч. фонда, 1997.
5. Мишина Е.А. Из американского опыта обеспечения личной независимости судей // Право: журнал высшей школы экономики. 2010. № 4.
6. Молодость судей подрывает авторитет российского суда. URL: <https://www.zakonia.ru/blog/114694/63567>
7. Спиридонов А.А. Проблемы правового статуса судьи Российской Федерации // Экономика и право. 2016. № 1 (59).
8. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию. М. : НОРМА ; Инфра-М, 2018 // КонсультантПлюс : СПС.
9. Гармоза П.В. Правовой статус судей в России: Становление и развитие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на/Д., 2000.
10. Бизнес-омбудсмен Титов представил план обновления судейского корпуса. URL: <https://pravo.ru/news/view/147371?os>
11. Кондрашев А.А. Проблемы реализации принципа независимости судей в России: от теории к правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8 (57).
12. Палагин Р.С. Система отбора и назначения на должность судей как гарантия их независимости // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2011. № 1.
13. Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2014 № 722-р «О плане мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2469.
14. Бочаров Т.Ю., Волков В.В., Воскобитова Л.А., Дмитриева А.В., Смола А.А., Титаев К.Д., Цветков И.В. Предложения по совершенствованию судебной системы в российской федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации. URL: http://enforce.spb.ru/images/Products/reports/Report_Justice_System_Preview.pdf
15. Комкова Г.Н., Кулушева М.А. Конституционно-правовые основы участия граждан Российской Федерации в отправлении правосудия. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2006.
16. Владыкина Т.А. О президентской власти и ее влиянии на независимость судей // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 апреля 2019 г.

Problems of Legal Regulation of the Judiciary Formation Procedure

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 255–259.

DOI: 10.17223/15617793/443/30

Svetlana V. Kornakova, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Irina A. Shcherbakova, Prosecutor's Office of Oktyabrsky District of Irkutsk (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: low-ira@mail.ru

Keywords: candidate for position of judge; constitutional requirements; age of candidate for judge; procedure for formation of the judiciary.

The article deals with some problems of the legal regulation of the formation of the judiciary. It is noted that the content of Article 119 of the Constitution of the Russian Federation, which determines the legal status of candidates for judges, does not fully meet modern realities. First of all, it concerns the age criterion for applicants for judicial positions. The authors demonstrate that due to the increase in the period of secondary education from 10 to 11 years, as well as to the transition to a two-tier system of higher education in Russia, the average age of citizens who have received the necessary education for the post of judge is 24. Thus, if to follow Article 119 of the Constitution of the Russian Federation, it is almost impossible for a 25-year-old applicant for the position of judge to have the minimum required five-year experience of legal activity, with experience currently calculated since the time one receives the legal profession. According to the authors, the age criterion is crucial in the selection of candidates, so the age of the

candidate for the position of judge cannot be less than 30, which implies a sufficient life experience, established life values and a certain level of legal awareness. The authors also draw attention to the incompleteness of the wording of the requirements for the education of the candidate for the position of judge, reflected in Paragraph 1, Part 1 of Article 4 of the Law on the Status of Judges, which requires an addition: “received under a state-accredited education program”. The opinions of scholars who propose to ban persons who have received correspondence legal education for the position of judge are critically evaluated since the form of training should not be an indicator of the quality of education received. It is unfair to close access to the profession to persons who do not have the financial means to receive full-time education. State measures aimed at improving the efficiency of education are supported. As a recommendation for licensing and assessment of educational programs for training lawyers as complying with the necessary requirements, it is proposed to have a mandatory review of the content of curricula in relation to the formed professional competencies by representatives of the judicial community. According to the authors, the improvement of the personnel policy in the formation of the judiciary should be a priority. For this purpose, it is proposed to update the constitutional requirements for candidates for judicial posts with regard to the age criterion for the selection of candidates for judges; to establish control by the bodies of the judicial community over the quality of training personnel for the judicial system; to ensure transparency and accessibility for citizens of the procedure for the selection of candidates for judicial posts.

REFERENCES

1. Mikhaylovskiy, I.V. (1905) *Osnovnye printsipy organizatsii ugolovnogo suda: ugolovno-politicheskoe issledovanie* [Basic principles of the organization of a criminal court: a criminal political investigation]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina.
2. Russian Federation. (2009) Po delu o provere konstitutsionnosti polozheniy punkta 8 stat'i 5, punkta 6 stat'i 6 Zakona Rossiyskoy Federatsii "O statuse sudey v Rossiyskoy Federatsii" i punkta 1 stat'i 23 Federal'nogo zakona "Ob organakh sudeyskogo soobshchestva v Rossiyskoy Federatsii" v svyazi s zhaloboy grazhdanina V.N. Ragozina: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.03.2009 № 6-P [On the verification of the constitutionality of the provisions of Paragraph 8 of Article 5, Paragraph 6 of Article 6 of the Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation" and Paragraph 1 of Article 23 of the Federal Law "On the Bodies of the Judicial Community in the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen B.N. Ragozin: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 6-P of 24 March 2009]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 14. Art. 1771.
3. Russian Federation. (2015) O vnesenii izmeneniy v stat'i 4 i 5 Zakona Rossiyskoy Federatsii "O statuse sudey v Rossiyskoy Federatsii" i Federal'nyy zakon "Ob organakh sudeyskogo soobshchestva v Rossiyskoy Federatsii": Federal'nyy zakon ot 06.04.2015 № 69-FZ [On Amendments to Articles 4 and 5 of the Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation" and the Federal Law "On the Bodies of the Judicial Community in the Russian Federation": Federal Law No. 69-FZ of April 6, 2015]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 14. Art. 2009.
4. Avtonomov, A.S. et al. (1997) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Problemy kommentariy* [The Constitution of the Russian Federation. Commentary on problems]. Moscow: Tsentr konst. issledovaniya Mosk. obshchestv. nauch. fonda.
5. Mishina, E.A. (2010) American experience of providing judges personal independence. *Pravo: zhurnal vysshey shkoly ekonomiki – Law: Journal of the Higher School of Economics*. 4. pp. 119–133. (In Russian).
6. Zakonia.ru. (2011) *Molodost' sudey podryvaet avtoritet rossiyskogo suda* [The young age of judges undermines the authority of the Russian court]. [Online] Available from: <https://www.zakonia.ru/blog/114694/63567>.
7. Spiridonov, A.A. (2016) Problemy pravovogo statusa sud'i Rossiyskoy Federatsii [Problems of the legal status of the judge of the Russian Federation]. *Ekonomika i pravo – Economics and Law*. 1 (59).
8. Bondar', N.S. & Dzhangaryan, A.A. (2018) *Pravosudie: orientatsiya na Konstitutsiyu* [Justice: orientation to the Constitution]. Moscow: NORMA; Infra-M.
9. Garmoz, P.V. (2000) *Pravovoy status sudey v Rossii: Stanovlenie i razvitie* [The legal status of judges in Russia: Formation and development]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
10. Pravo.ru. (2018) *Biznes-ombudsmen Titov predstavil plan obnoveniya sudeyskogo korpusa* [Business Ombudsman Titov presented a plan for the renewal of the judiciary]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/view/147371?os>.
11. Kondrashev, A.A. (2015) The problems of implementation of the principle of independence of judges in Russia: from theory to legal practice. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of the Russian Law*. 8 (57). (In Russian).
12. Palagin, R.S. (2011) The system of selection and appointment of judges to guarantee their independence. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo – Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 1. (In Russian).
13. Russian Federation. (2014) Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 30.04.2014 № 722 r "O plane meropriyatiy ("dorozhnaya karta") "Izmeneniya v otraslyakh sotsial'noy sfery, napravlyennyye na povyshenie effektivnosti obrazovaniya i nauki" [A road map "Changes in the branches of the social sphere aimed at increasing the efficiency of education and science"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 19. Art. 2469.
14. Bocharov, T.Yu. et al. (2018) *Predlozheniya po sovershenstvovaniyu sudebnoy sistemy v rossiyskoy federatsii i izmeneniya normativnykh aktov v tselyakh ikh realizatsii* [Proposals for the improvement of the judicial system in the Russian Federation and changes in regulatory acts in order to implement them]. [Online] Available from: http://enforce.spb.ru/images/Products/reports/Report_Justice_System_Preview.pdf.
15. Komkova, G.N. & Kulusheva, M.A. (2006) *Konstitutsionno-pravovye osnovy uchastiya grazhdan Rossiyskoy Federatsii v otpravlenii pravosudiya* [Constitutional and legal framework for the participation of citizens of the Russian Federation in the administration of justice]. Saratov: Saratov State University.
16. Vladykina, T.A. (2011) O prezidentskoy vlasti i ee vliyani na nezavisimost' sudey [On presidential power and its influence on the independence of judges]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 11.

Received: 01 April 2019

М.В. Шугуров

ПРАВОВЫЕ И ПРОГРАММНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНСФЕРА ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00400-ОГН/19 «Международно-правовое регулирование передачи технологий в контексте глобальной стратегии устойчивого развития: состояние и перспективы»).

Исследуются вопросы трансфера фармацевтических технологий в Евразийском экономическом союзе в контексте проводимой политики по технологической модернизации фармацевтической отрасли. Проанализированы меры по активизации разработки и передачи технологий между государствами Союза. Большое внимание уделяется взаимодействию фармацевтических предприятий из государств ЕАЭС с крупными зарубежными фармацевтическими компаниями в сфере передачи технологий в рамках инвестиционного сотрудничества.

Ключевые слова: фармацевтическая промышленность; фармацевтические технологии; Евразийский экономический союз; трансфер технологий; инвестиционное сотрудничество; устойчивое развитие.

Одним из перспективных интеграционных проектов, который осуществляется в настоящее время в ЕАЭС, является переход фармацевтической индустрии на инновационный путь развития, предполагающий максимальное наращивание в короткие сроки производственно-технологического потенциала. Разработка собственных (отечественных), подчас прорывных фармацевтических технологий и организация высокотехнологичных производств, в том числе на кооперационной основе, является составной частью промышленной политики государств – членов ЕАЭС. Однако полная технологическая независимость, а также установка государств либо их региональных союзов на совершение технологических прорывов исключительно своими силами не является генеральной линией развития данной отрасли. Это обусловлено тем, что фармацевтика – это глобальная отрасль, развивающаяся благодаря широкому международному обмену высокотехнологичными и наукоемкими фармацевтическими разработками с целью их последующего внедрения, когда одна сторона является донором, а другая – реципиентом. В случае взаимовыгодного международного технолого-трансферного сотрудничества возникают предпосылки планомерного усиления производственно-технологического потенциала конкретных государств.

Следуя данной логике, государства – члены ЕАЭС включили вопросы трансфера технологий, интегрированного в более широкую проблематику технологической модернизации фармацевтической индустрии, в повестку своего промышленного сотрудничества. Конечно, международный трансфер фармацевтических технологий происходит на уровне межфирменного взаимодействия в форме коммерческой передачи разработок в рамках инвестиционного сотрудничества, осуществляемого, во-первых, между национальными компаниями государств-членов и зарубежными контрагентами, и, во-вторых, в рамках Союза между национальными компаниями (в последнем случае вполне обоснованно говорить о внутрирегиональном трансфере). Тем не менее в поле ответственности гос-

ударств находится стимулирование международного технологического трансфера посредством создания благоприятных нормативно-правовых и организационно-правовых условий.

В связи с этим повышенной актуальностью отличается исследование сотрудничества государств – членов ЕАЭС по вопросам формирования эффективного правового режима передачи фармацевтических технологий как в рамках сотрудничества национальных компаний государств-членов с компаниями третьих государств, так и межфирменного партнерства компаний государств-членов. Актуальность исследования определяется также тем, что передача технологий фармацевтического производства в совокупности с их разработкой и внедрением выступает не только одним из условий обеспечения импортозамещения, но и выхода фармацевтической отрасли ЕАЭС на мировой уровень посредством укрепления экспортного потенциала. Здесь возникает уникальное окно возможностей, связанных с пиком окончания в 2019–2022 гг. сроков патентной охраны на оригинальные биопрепараты. Это означает открытие рыночных ниш для новых биопрепаратов и их аналогов.

Целью представленного исследования является выработка комплексных представлений о системе исходных правовых основ, содержащихся в актах права Союза, а также о системе дополняющих их стратегических политико-правовых основ, представленных в рекомендательных и программно-стратегических документах Союза и его государств-членов. Данная многослойная система правовых и политико-правовых основ задает ориентиры и направления скоординированной промышленной политики ЕАЭС и соответствующего сотрудничества государств-членов в сфере технологической модернизации фармацевтической отрасли посредством стимулирования международной передачи технологий. Анализ указанных основ будет дополнен обобщением важных практических результатов, ставших возможными благодаря созданному правовым условиям для осуществления международного сотрудничества.

1. Фармацевтическая индустрия ЕАЭС: проблемы и перспективы. В силу того, что решение задачи максимального обеспечения населения всеми лекарственными препаратами отечественного производства предполагает необходимость динамичного развития отрасли на основе ее структурной и технологической модернизации, на уровне ЕАЭС происходит активное формирование и реализация соответствующего тематического направления согласованной промышленной политики. Данное тематическое направление функционирования Союза предусматривает решение таких системных проблем, как недостаток финансирования фармацевтической отрасли, недостаточная развитость инфраструктуры, нехватка специалистов по ряду современных направлений, инновационный и технологический разрыв между отечественными и зарубежными компаниями в отношении рыночных возможностей и доступа к результатам прорывных исследований и разработок. Так, в литературе высказывается мнение о том, что Россия, например, «остаётся на периферии разработок инновационных медикаментов, а существующие разработки сталкиваются с проблемой коммерциализации» [1. С. 779].

В дополнение к этому российская фармацевтика зависит от импорта первичных субстанций, а также от поставок зарубежного оборудования и технологий, что говорит о низком уровне технологической оснащённости предприятий [2. С. 21]. Думается, что подобные высказывания представляют собой попытку заострить проблему, которая, в сущности, характерна для всех государств ЕАЭС. Отдельным пунктом можно указать недостаток производственных технологий. Решение данных проблем осуществляется как самостоятельными усилиями государств – членов ЕАЭС, так и организацией сотрудничества между ними.

Различные инициативы Союза в сфере развития фармацевтической индустрии основаны на учете новых факторов и тенденций в мировой фармацевтике [3–5], включая то обстоятельство, что на роль технологических лидеров, являющихся поставщиками новых технологий, претендуют государства с динамично развивающейся фармацевтической отраслью [6–8].

В связи с этим именно интеграция в мировую фармацевтику посредством расширения технологического сотрудничества с зарубежными компаниями при одновременной разработке собственных технологий может рассматриваться как ответ на вызовы глобализации в данной сфере, получившие освещение в специальной литературе [9]. В основе такого подхода находится вывод о том, что международные компании проявляют гибкость и адаптируются к реалиям развития российской фармацевтики, формируя партнерские отношения с российскими производителями [10. С. 15]. Данного рода вывод можно применить и к другим государствам ЕАЭС.

Надо напомнить, что ЕАЭС, как и другие объединения государств, в настоящее время формирует и реализует на региональном уровне политику в сфере устойчивого развития. Она предполагает разработку и реализацию мер по достижению на региональном уровне Целей устойчивого развития (далее – ЦУР), которые отражены в Повестке дня в области устойчи-

вого развития на период до 2030 г. В качестве одного из приоритетов ЕАЭС выступает достижение ЦУР № 3 «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» [11. С. 15]. В этом контексте средством укрепления здоровья населения государств – членов Союза является обеспечение гарантий безопасности, эффективности и качества группы социально значимых товаров для жизни и здоровья людей, а также для охраны окружающей среды.

Со всей очевидностью достижение ЦУР № 3 находится в тесной связи со степенью достижения на региональном уровне ЦУР № 9 «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям» применительно к фармацевтической промышленности. Указанные ЦУР связаны не только между собой, но и с другими ЦУР, например с ЦУР № 17. Последняя, среди прочего, предполагает разработку и передачу технологий с целью расширения их использования.

Если говорить собственно о передаче технологий в фармацевтической промышленности, то она является разновидностью передачи технологий как таковой. Ясно, что технологии должны активно перемещаться из лабораторий в производство. При этом, как нам представляется, они должны распространяться по всему миру в рамках международного экономического и научно-технического сотрудничества.

Как таковой класс фармацевтических технологий весьма обширен. В него входят технологии разработки и производства исходных фармацевтических ингредиентов (субстанций), технологическое оборудование, технологии производства терапевтически эффективных лекарственных средств (готовых лекарственных форм – ГЛФ), а также технологии контроля качества. Данные технологии связаны с химическими технологиями, а в последнее время особенно интенсивно – с биотехнологиями [12]. Если исходить из более широкого смысла понятия фармацевтических технологий, то сюда следует включить, собственно, результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), на которые в ряде случаев выдаются так называемые фармацевтические патенты, тесно связанные с охраняемыми данными относительно доклинических и клинических испытаний. Объектами патентования выступают прежде всего химические соединения (формула, субстанция), способ получения данных соединений, фармацевтические композиции, способ применения фармацевтической композиции и сам способ лечения. Используемая фармацевтическими компаниями формула Маркуша делает возможным охватить одним патентом большое количество химических соединений.

Передача фармацевтических технологий представляет собой предоставление исключительных прав на основе лицензионного соглашения в отношении использования указанных результатов интеллектуальной деятельности, а именно вещества и способа. В мировой практике сложилась модель межфирменных связей, когда производство фармацевтических субстанций и препаратов осуществляется при контроле этого процесса со стороны лицензиара. В дополнение

к этому передача технологий – весьма сложный процесс, сопровождающийся передачей технологических компетенций, а также в ряде случаев организацией совместных НИОКР. Успех в передаче технологий зависит также от степени зрелости инновационной среды в государстве-реципиенте, надлежащего уровня защиты прав интеллектуальной собственности, а также от факторов гарантированного сбыта продукции. Данные закономерности характерны для сотрудничества фармацевтических предприятий из государств ЕАЭС с зарубежными высокотехнологичными фармацевтическими корпорациями.

Думается, что в обоих случаях как при развитии аналоговой (дженериковой), так и оригинальной (инновационной) фармацевтики необходимо совершенствование стратегий сотрудничества с компаниями развитых государств, стимулирование партнерства местных производителей и транснациональных компаний (ТНК) в деле привлечения зарубежных инвестиций и технологий, а также в их совместной разработке и внедрении. В свою очередь это расширяет возможности для технологической модернизации и влечет за собой возможности постепенного включения компаний из ЕАЭС в мировой фармацевтический рынок.

Важно отметить, что в российской литературе проводятся серьезные исследования, затрагивающие не только направления развития инновационных фармацевтических технологий, но и модели передачи технологий в фармацевтической отрасли. Так, ряд исследователей рассматривают трансфер технологий в качестве одного из аспектов инновационного процесса и сосредотачивают внимание на его стадиях и критериях успешности [13]. Другие исследователи предлагают подход, который раскрывает аспекты, предшествующие успешному трансферу технологий, который исходит из учета современных нормативных требований и ориентируется на повышение вероятности успешной приемки / передачи технологии. «Трансфер технологии можно считать успешным, если контрактный производитель в состоянии рутинно воспроизводить переданный ему продукт, технологию, метод согласно спецификациям заказчика» [14. С. 52]. В этом случае успех в передаче технологий предприятиям в ЕАЭС предполагает формирование потенциала к их приемке.

Однако на этом фоне в научной литературе отсутствуют исследования, которые рассматривали бы специальным образом правовые и политико-правовые основы трансфера технологий в единстве национальных и международных аспектов как фактора инновационного развития фармацевтической индустрии ЕАЭС.

2. Технологический трансфер как составная часть модернизации фармацевтической индустрии. Залогом успешного сотрудничества государств ЕАЭС по развитию фармацевтической отрасли на основе новых технологий является наличие соответствующей правовой базы. Несмотря на то, что в настоящее время пока не разработаны специальные нормативные правовые акты ЕАЭС, регулирующие данное направление сотрудничества, сформирован целый комплекс правовых основ общего характера, содержащихся в различных актах, составляющих право Союза, а также в документах рекомендательного характера.

Наиболее общей правовой основой развития и технологической модернизации фармацевтической индустрии ЕАЭС следует считать положения Договора об ЕАЭС, а именно положения ст. 92 «Промышленность» [15]. Так, ч. 4 данной статьи предусматривает развитие технологических и информационных ресурсов для целей промышленного сотрудничества, а также проведение совместных НИОКР с целью стимулирования высокотехнологичных производств. То, что фармацевтическая индустрия относится к таким перспективным высокотехнологичным производствам, сомнения не вызывает.

При рассмотрении вопросов технологической модернизации и развития фармацевтического сектора ЕАЭС необходимо отталкиваться от того, что в этой связи возникает задача по сотрудничеству и совместному производству фармацевтической продукции взамен импортируемых лекарственных средств. Поэтому уже решением Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав правительств от 31 мая 2013 г. № 40 «Об основных направлениях координации промышленных политик Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» фармацевтическая отрасль, как медицинская промышленность и биотехнологическая отрасль, отнесена к приоритетным секторам экономики и рассматривается как важная сфера регионального сотрудничества [16]. К данному сектору применяются основные подходы к промышленному сотрудничеству в рамках ЕАЭС, такие как развитие кооперации, импортозамещение, инновационное развитие, привлечение инвестиций, устранение барьеров для продвижения промышленных товаров на общем рынке ЕАЭС.

Ключевое значение имеет решение Евразийского межправительственного совета от 8 сентября 2015 г. № 9 «Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС» [17]. В п. 4.4 данного акта предусматривается развитие сотрудничества государств – членов ЕАЭС по технологической модернизации действующих и созданию новых инновационных секторов промышленности, в том числе посредством локализации производства, в целях повышения конкурентоспособности. Важно отметить также то, что Основные направления предусматривают формирование условий для улучшения инвестиционного климата и привлечения иностранных инвестиций. В Приложении № 1 «Перечень приоритетных видов экономической деятельности для промышленного сотрудничества» фармацевтика в совокупности с биотехнологиями отнесена к «приоритетному направлению сотрудничества».

Это нашло свое подтверждение в п. 13 Приложения к Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 28 февраля 2017 № 5 «Перечень приоритетных направлений сотрудничества государств – членов ЕАЭС в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств-членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами-членами», где в качестве одного из приоритетных направ-

лений предусматривается разработка новых лекарственных препаратов [18].

Согласно докладу, который является приложением к Распоряжению Евразийского межправительственного совета № 2 от 7 марта 2017 «О сферах экономики, обладающих интеграционным потенциалом в Евразийском экономическом союзе, и мерах, направленных на его использование», разработка лекарственных средств отнесена к сферам экономики, обладающим интеграционным потенциалом [19], лекарственные средства для терапевтических и профилактических целей отнесены к сферам экономики с высоким интеграционным потенциалом импортозамещения.

Несмотря на то, что в таком важном со стратегической точки зрения рекомендательном документе, как Основные направления экономического развития Евразийского экономического союза [20], вопросы развития фармацевтической отрасли не затрагиваются, здесь дается определение очень важного понятия «сферы экономики, обладающие интеграционным потенциалом», к которым отнесены отрасли, виды деятельности, сектора экономики, применительно к которым интеграционные действия будут усиливать их экономический потенциал и создавать мультипликативные эффекты для других сфер экономики государств-членов.

В настоящее время в ЕАЭС создана надежная и современная нормативно-правовая основа для функционирования и дальнейшего развития общего рынка лекарств, которая, как отмечают исследователи, гармонизирована с законодательством ЕС и других международных организаций в данной области [21. С. 4]. В основе регулирования обращения лекарственных препаратов на территории Союза находятся единые правила и принципы обращения лекарственных средств, предусмотренные в Соглашении о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза (Москва, 23 декабря 2014 г.). В настоящее время нормативная база Союза в сфере регулирования обращения лекарств включает 35 нормативных актов, определяющих требования к безопасности, качеству и эффективности лекарственных средств, а также условиям их допуска и обращения на рынке.

Данное регулирование одновременно создает оптимальные условия для развития фармацевтической промышленности и повышения конкурентоспособности продукции. Это связано с тем, что общий рынок, предполагающий общее регуляторное пространство, в силу своего объема создает условия для окупаемости инновационных препаратов и товаров за счет эффекта масштабного рынка [22. С. 7] и вызывает большую заинтересованность со стороны зарубежных инвесторов.

Новые перспективы достижения целей модернизации фармацевтической отрасли государств в рамках ЕАЭС возможны только на основе использования интеграционного потенциала, соединяющего воедино стремления государств к углублению интеграционных процессов в рассматриваемой сфере. В связи с этим обращает на себя внимание раздел 2 «Формирование “территории инноваций” и стимулирование научно-технических прорывов» Декларации о дальнейшем

развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза», принятой 6 декабря 2018 г. Высшим Экономическим Советом ЕАЭС [23]. Здесь выражена решимость и далее идти по пути создания и развития высокопроизводительных, в том числе экспортно-ориентированных, секторов экономики, на основе объединения усилий по созданию и использованию новых технологий. В перечне сфер, в которых государства-члены будут реализовывать кооперационные проекты с интеграционной составляющей, указана фармацевтическая промышленность.

Задача по созданию высокоэффективных производств, в том числе совместных разработок собственных узнаваемых брендов, и по их продвижению на рынки, стоит не только перед национальными органами, но и перед Евразийской экономической комиссией. В поле внимания Комиссии находятся вопросы формирования равных условий конкуренции и поддержка развития кооперации с целью совместного производства фармацевтической продукции и позиционирование ее как «товара ЕАЭС». Все это предполагает выработку системы мер по поддержке фармацевтической отрасли, а также развития механизмов ее регулирования. Решением данных вопросов непосредственно занимается Департамент промышленной политики ЕЭК, прорабатывающий пути совместного решения проблем развития отрасли в рамках ЕАЭС. Помимо этого фармацевтика и биотехнологии являются одной из основных экспертных площадок данного департамента.

Так, еще в 2014 г. была сформирована экспертная группа по вопросам развития фармацевтической отрасли, в которую вошли представители фармацевтических предприятий из государств – членов ЕАЭС. Для определения направлений работы Департамента в данной сфере важное значение имело его участие в Первом международном форуме «Фармацевтика и медицинские изделия» (23–24 сентября 2014 г., Томск). На площадке форума проходило также совещание Евразийской технологической платформы «Медицина будущего». В рамках данного Форума Департаментом промышленной политики был организован и проведен круглый стол «Проблемы и перспективы развития фармацевтической отрасли в рамках ТС и ЕЭП», в котором принимали участие представители указанной экспертной группы и заинтересованных государственных органов и бизнес-ассоциаций [24. С. 81].

Наиболее важными – с точки зрения предмета нашей статьи – результатами данного мероприятия, а также иных, проведенных в 2014 г., стало то, что экспертная группа приступила к выработке проекта рекомендации Совета ЕАЭК «О развитии сотрудничества государств – членов Евразийского экономического союза в сфере биотехнологий и фармацевтики», которая призвана стать ориентиром специального характера для разработки и реализации соответствующих мер.

3. *Технологический трансфер в государства ЕАЭС в процессе сотрудничества с зарубежными компаниями.* В государствах – членах ЕАЭС развитие и технологическая модернизация фармацевтической отрас-

ли осуществляется на основе программного регулирования, одновременно предполагающего совершенствование нормативно-правовой базы как на уровне государств-членов, так и Союза как такового.

Из-за сходных условий развития фармацевтической отрасли и сохраняющихся однотипных проблем в программно-стратегических документах государств Союза прослеживается много общих черт, что создает условия для согласования национальной политики по данному направлению интеграции.

Основополагающим программным документом Беларуси в рассматриваемой сфере является Государственная программа развития фармацевтической промышленности Республики Беларусь на 2016–2020 г. [25], ориентированная на модернизацию фармацевтического сектора, создание новых наукоемких и высокотехнологичных производств, рост экспорта товаров, финансирование передовых разработок с целью перехода на инновационную модель. Особенностью данного документа является всесторонний анализ достигнутых успехов и сохраняющихся проблем. С точки зрения предмета нашего исследования обращает на себя внимание планируемое производство современных (инновационных. – *М.Ш.*) лекарственных средств. Для этого предусматривается преодоление отставания в технологическом уровне производственных мощностей, в том числе за счет трансфера технологий от крупных ТНК. Одновременно с этим предусматривается развитие фармацевтической отрасли посредством формирования единого научно-инновационного пространства ЕАЭС, что означает необходимость формирования гармонизированной нормативно-правовой базы.

В Казахстане основой модернизации отрасли явилась Программа по развитию фармацевтической промышленности Республики Казахстан на 2010–2014 гг., утвержденная Постановлением Правительства Республики Казахстан от 4 августа 2010 № 791. В ней предусматривалось достижение показателя обеспеченности внутреннего рынка отечественными препаратами на 50%, в том числе на основе технологической модернизации производства. В настоящее время развитие фармацевтической индустрии охватывается рамками Государственной программы индустриально-инновационного развития на 2015–2019 гг., Картой индустриализации Казахстана на 2015–2019 гг. и др. В результате реализации программных мер Казахстан достиг впечатляющих успехов в темпах развития фарминдустрии и развитии экспорта. Как отмечают в литературе, в настоящее время отличительной чертой развития казахстанской фармацевтической индустрии является трансфер технологий в целях развития биотехнологии и локализации производства передовых препаратов [26. С. 3]. Производство новых препаратов в Казахстане стало возможным благодаря трансферу технологий из других стран ЕАЭС и зарубежных стран [27. С. 129].

Вопросы передачи технологий приобретают важное значение в связи с тем, что именно отсутствие инновационных технологий производства новых лекарственных препаратов, наряду с иными факторами, такими как недостаток высококвалифицированных

кадров, отсутствие надежного механизма финансирования фармацевтических разработок, сырьевая зависимость от зарубежных поставщиков и др., являются причинами импортозависимости фармацевтического рынка. Данная закономерность отмечена в Стратегии развития фармацевтической промышленности России на период до 2020 г. [28], в которой поставлены задачи технологического перевооружения российской фармацевтической отрасли на основе использования технологических платформ самого современного уровня. Это позволит осуществлять разработку и производство отечественных патентоспособных препаратов, являющихся аналогами импортируемых дженериковых и оригинальных инновационных лекарственных средств. Кроме этого, сформулированы амбициозные задачи не только по разработке и производству патентоспособных высокоэффективных препаратов, не имеющих дженериковых аналогов, но и альтернатив зарубежным инновационным препаратам с точки зрения их безопасности и эффективности.

Обращает на себя внимание п. 6.2, в котором намечено проведение мероприятий по стимулированию отечественных производителей к созданию за рубежом центров трансфера технологий. К направлению развития некоммерческого трансфера можно отнести намеченные мероприятия по привлечению специалистов, в первую очередь российского происхождения, которые обладают опытом разработки производства лекарственных средств.

Весьма показательно то, что в настоящее время разработан проект Стратегии ФАРМА-2030, в котором дана, как нам представляется, исчерпывающая картина проблем и достижений российской фармацевтики, а также обозначены направления ее развития [29]. Так, в п. 3.2.4 указано на сохранение проблемы отсутствия надлежащих технологических компетенций, проявляющейся в зависимости от зарубежных производителей лабораторного, пилотного и промышленного оборудования, а также в слабых позициях по созданию собственных технологических платформ. С этой целью в п. 5.2 «Развитие технологических компетенций, трансфер технологий и увеличение присутствия российской продукции на внешних рынках» предлагается проведение мероприятий по интеграции российских компаний в глобальные цепочки разработки, производства и реализации лекарственных средств, что предполагает преодоление разрыва в технологических компетенциях.

Если проанализировать Государственную программу Российской Федерации «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности» на 2013–2020 гг. (ФАРМА-2020) [30], то в качестве приоритетов в ней выделено научно-технологическое перевооружение производства, запуск опережающего инновационного сценария развития отрасли и интеграция в систему мирового производства и потребления фармацевтической и медицинской продукции. Результатом реализации мероприятий и проектов по разработке технологий и организации производства в таких областях, как неврология, вирусология, иммунология и др., стало создание конкурентоспособных и более доступных в ценовом отношении аналогов

иностранных препаратов [31]. Разумеется, свою лепту в данные достижения внесло активное сотрудничество с зарубежными высокотехнологичными компаниями, инвестировавшими в собственное производство на территории России и приступившими к его локализации, не только в сфере трансфера технологий, но и совместных НИОКР. Все это вполне согласуется с установками Стратегии перехода отечественной промышленности на инновационную модель, утвержденную Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 305, в которой предусматривается не только развитие внутреннего спроса, но и интеграция с глобальными инновационными компаниями и трансфер передовых технологий с целью создания локальной технологической инфраструктуры и научного задела.

Необходимо отметить, что разработка новых препаратов предполагает не только совершенствование организации НИОКР, но и модернизацию всего процесса производства и реализации лекарств. Так, В России во исполнение Программы Фарма-2020 осуществляется развитие инфраструктуры фармацевтической отрасли и переход к новым бизнес-моделям. Однако сохраняется общая проблема разобщенности между разработчиками фармацевтических препаратов и производителями. В частности, слабым звеном в жизненном цикле лекарств в России «является трансфер инновационных разработок из сферы научных исследований в производство и на рынок (вывод на рынок). Отсюда возникает необходимость создания научных центров, главной задачей которых должна быть коммерциализация результатов научных исследований» [32. С. 331]. Данная проблема отражает общее состояние инновационного развития в России, а именно невысокую инновационную ориентированность бизнеса. Это означает низкий спрос компаний на новые технологии и инновации. В результате спрос приходится удовлетворять за счет импорта.

В этой ситуации существенный прорыв в фармацевтической отрасли требует притока технологий. Общая проблематика в инновационном технологическом секторе состоит в том, что Россия является также импортером технологий и методов получения субстанций и изготовления лекарственных средств. Поэтому ставка в последнее время стала делаться на разработку собственных технологий производства субстанций и ГЛФ. Это связано с тем, что именно зависимость от зарубежных производителей фармацевтических субстанций «не позволяет локализовать на территории страны полный цикл производства лекарственных препаратов» [33. С. 277]. Поэтому ставится вопрос о доступе к технологиям получения активных фармацевтических субстанций локальными производителями с учетом потребности национального рынка. Удовлетворение технологических потребностей происходит за счет передачи технологий от производителей оборудования и производителей субстанций.

Ключевым драйвером развития российской фармацевтики является сотрудничество с международными компаниями в области трансфера технологий и передачи знаний. Это определяется необходимостью скорейшего технического обновления производства

препаратов, а также производства субстанций. Все это переплетается с сотрудничеством по передаче технологий в рамках инвестиционных контрактов. Поскольку российская фармацевтическая отрасль достаточно молодая, то благодаря сотрудничеству с крупными международными компаниями у российских компаний, созданных в последние годы, по трансферу технологий появляется возможность увеличения потенциала для развития. Параллельно с этим ставятся и решаются задачи по созданию инвестиционно-привлекательной среды, инфраструктуры и повышению эффективности защиты прав интеллектуальной собственности.

Следует учитывать, что в настоящее время достаточно затруднительно организовать полный цикл производства фармацевтических препаратов (начиная от производства сырья для субстанций и заканчивая упаковкой) на территории одного государства. Тем не менее способом развития высокотехнологичной фармацевтической промышленности в России является успешно осуществляющаяся локализация [34. С. 21–22]. Это отражает подход, согласно которому зарубежные компании должны не создавать собственные независимые производства, а развивать стратегическое партнерство с российскими компаниями в целях локализации производства иностранных препаратов и прямых инвестиций в российскую промышленность [35. С. 16]. Подобного рода подход отражен в Постановлении Правительства РФ от 12 мая 2018 г. № 572 «О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 30 ноября 2015 г. № 1289» – «Об ограничениях и условиях допуска происходящих из иностранных государств лекарственных препаратов, включенных в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и нацелен на содействие развитию российской фармацевтической отрасли и ее технологическому перевооружению. Одновременно надо отметить, что локализация создает уникальные возможности не только для расширения номенклатуры производства, но и для внедрения новых технологий, что одновременно сопровождается приобщением к новым производственным и управленческим компетенциям.

Локализация как таковая включает в себя подписание договоров с отечественными производителями о контрактном производстве и трансфере технологий. В качестве примера укажем на трехстороннее соглашение между Кировской областью, немецкой компанией Merck Serono и молодой российской компанией «Нанолек». Стороны подписали соглашение о начале производства препаратов для лечения диабета, артериальной гипертензии и сердечной недостаточности на заводе «Нанолек» в Кировской области. В рамках подписанного соглашения Merck Serono передаст компании «Нанолек» технологию производства данных препаратов.

В качестве другого примера укажем на то, что технологический трансфер осуществляет компания Pfizer, которая начиная с 2011 г. в рамках реализации инвестиционной стратегии и стратегии локали-

зации не пошла по пути создания собственных производств, а выбрала вариант сотрудничества с местными компаниями в направлении развития производства на российских площадках [36]. Например, проект по локализации производства вакцины Превенар против пневмококковой инфекции был осуществлен на производственных мощностях НПО «Петровакс Фарм» (Московская область) и предполагал передачу технологий.

В 2016 г. после завершения процесса передачи технологий было запущено производство на площадке российской компании НТФФ «Полисан» по производству оригинальных препаратов, направленных на лечение атеросклероза и ревматоидного артрита. Компания Pfizer также активно сотрудничает с российской компанией «Новамедика», которой будут переданы технологии производства более 30 непатентованных стерильных инъекционных препаратов для лечения тяжелых грибковых и бактериальных инфекций, сердечно-сосудистых, воспалительных и онкологических заболеваний. Завод, на котором будут производиться лекарственные препараты, откроется в 2023 г. Большая часть данных лекарственных средств входит в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов.

Пример продуктивного сотрудничества подает компания «Джонсон & Джонсон», имеющая богатый опыт передачи технологий [37. С. 156]. Данная компания в качестве стратегии локализации выбрала заключение партнерских соглашений с крупнейшими российскими фармацевтическими производителями, в которых предусматривается не только передача сложных инновационных технологий, но и управленческих подходов к повышению уровня системы менеджмента качества до мировых стандартов. Как итог, компания осуществляет трансфер технологий, передачу знаний, компетенций и ноу-хау российским партнерам для локализации производства инновационных препаратов и медицинских изделий. В 2015 г. компания «Джонсон & Джонсон» подписала с ОАО «Фармстандарт» соглашение о развертывании на производственных мощностях последних финальных стадий производства тест-полосок самоконтроля уровня глюкозы в крови. С этой целью были переданы технологии LifeScan в области производства и контроля качества, что одновременно сопровождалось содействием укреплению потенциала технологических компетенций и осуществлением сертификации производства в соответствии с международными стандартами [38]. К настоящему времени осуществлена успешная передача технологий производства 12 лекарственных препаратов в партнерстве с 6 ведущими российскими фармацевтическими производителями.

Аналогичное содействие по трансферу технологий, передаче знаний, компетенций и ноу-хау осуществляется компанией «Janssen», которая является фармацевтическим подразделением «Джонсон & Джонсон». Так, в 2018 г. данным подразделением была завершена передача технологий производства ГЛФ по полному циклу для лечения социально значимых болезней [39]. Трансфер технологий для выпуска инновационных препаратов осуществляет компания «Такеда» на собственном заводе в Ярославле. В отли-

чие от нее компания MSD Pharmaceuticals разворачивает производство ГЛФ, включая вакцины и новые биопрепараты, на мощностях российских компаний, реализуя технологический трансфер в целях модернизации данных площадок.

Трансфер производственных технологий сочетается с переносом опыта в сфере менеджмента, включая вопросы работы с кадрами, бухгалтерии и GMP. Поэтому директивные органы работают над активизацией гармонизации норм и правил в сфере государственного регулирования фармацевтического производства, регистрации препаратов, лицензирования и инспектирования площадок по соответствию правилам GMP.

Аналогичные процессы происходят в других государствах – членах ЕАЭС. Укажем на то, что одной из отличительных черт Белорусского фармацевтического сектора является высокий уровень локализованных производств, представленный прежде всего зарубежными компаниями. Отличительной чертой Казахстана является наименьшая доля локализованных производств. Однако компании Sanofi и Pfizer планируют локализовать производство около 70 лекарственных препаратов на территории республики. В свою очередь локализацию в Казахстане уже осуществили другие иностранные компании – Polfarm (Польша), Abdi Ibrahim (Турция), Favea (Чехия), которые приносят свои технологии в производство лекарственных средств.

4. Передача технологий в рамках совместных проектов предприятий государств ЕАЭС. Совместные разработки и трансфер технологий внутри ЕАЭС с последующим введением в строй соответствующих конкурентоспособных производств означает реализацию интеграционного потенциала Союза. В частности, в п. 7 Приложения 2 к Распоряжению Евразийского межправительственного совета № 2 от 7 марта 2017 «О сферах экономики, обладающих интеграционным потенциалом в Евразийском экономическом союзе, и мерах, направленных на его использование» предусмотрена такая мера, как координация в сфере трансфера технологий, включая создание открытых центров исследований и разработок, системы обмена научно-технической информацией, системы размещения информации о лучших практиках и передовых технологических решениях.

В настоящее время реализуются совместные проекты, в ходе которых осуществляется совместное производство лекарственных препаратов, а в большинстве случаев также и передача технологий. В частности, крупнейшая российская фармацевтическая компания «Фармстандарт» осуществляет локализацию своего производства и внедряет технологи на территории Казахстана. Примером сотрудничества по развитию фармацевтической отрасли, включая передачу технологий внутри Союза, является подписание 17 декабря 2015 г. протокола о намерениях между группой компаний «Р-Фарма» и Республиканским унитарным предприятием «Белмедпрепараты». В рамках подписанного соглашения Стороны договорились о совместной работе на белорусском фармацевтическом рынке, а также о трансфере технологий.

Договоренность о создании совместного предприятия была дополнена соглашением о передаче технологий производства современных лекарственных средств на производственной площадке РУП «Белмедпрепараты». Стороны обсудили планы поставок продукции РУП «Белмедпрепараты» на рынке ЕАЭС через имеющиеся дистрибьютерские мощности «Р-Фарм» [40]. Согласована стратегия о производственной кооперации в рамках ЕАЭС и работы на других рынках. К тому же согласован регламент создания совместных предприятий и организации контрактного производства, передачи производственных технологий и взаимных поставок лекарственных препаратов. Данный проект показывает, что Россия, располагающая успешной практикой получения зарубежных технологий со стороны западных ТНК, обладает потенциалом донора технологий в отношении Беларуси. Разрабатываются новые проекты по созданию новых российско-белорусских предприятий по совместному производству фармацевтической продукции.

Залогом успешного развития сотрудничества является использование различных механизмов и инструментов интеграции в промышленности и научно-технологической сфере. Одним из перспективных направлений здесь является, на наш взгляд, развитие совместных кластеров в фармацевтической отрасли, что будет преломлять общий кластерный подход к промышленному и инновационному развитию ЕАЭС [41]. Поэтому достаточно перспективным является создание совместных фармацевтических и биотехнологических кластеров, в рамках которых производились бы совместные исследования и разработки, доклинические исследования и производство новых препаратов. Вполне очевидно, что данные кластеры будут заинтересованы в сотрудничестве с зарубежными компаниями, а именно в инвестиционном и технологическом. А это предполагает необходимость активизации развития сетей трансфера технологий государств-членов в области фармацевтики и биотехнологий в рамках реализации совместных проектов.

Важнейшим шагом в процессе развития сотрудничества по производству фармацевтических препаратов стала подготовка запуска проекта «Организация производства субстанций и готовых лекарственных средств противотуберкулезных и других препаратов с использованием отечественных технологий каталитического синтеза в соответствии с международными стандартами GMP» [42. С. 78]. Данный проект курирует Департамент промышленной политики ЕЭК, привлекающий в него заинтересованные организации государств Союза. Содержание проекта заключается в создании химико-фармацевтического завода полного цикла, который на инновационной основе будет производить фармацевтические субстанции и противотуберкулезные препараты на основе технологий, разработанных в ЕАЭС. В результате реализации проекта предполагается осуществить замещение на едином фармацевтическом рынке ЕАЭС китайских субстанций невысокого качества субстанциями локального производства, качество которых на порядок выше.

Условием развития и передачи технологий на уровне ЕАЭС является комплекс мер, направленных

на формирование инновационной инфраструктуры (бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий, кластеры, инжиниринговые центры, венчурные компании). Важным организационным инструментом развития новых и совершенствования уже имеющихся отраслей, конечно же, являются евразийские технологические платформы. Это новый институциональный инструмент регионального научно-технического сотрудничества, создающий базу для успешной реализации тех или иных межгосударственных программ и проектов.

С точки зрения предмета нашей статьи очень важной является «евразийская биомедицинская технологическая платформа». К числу ее задач относится создание новых технологий в области биомедицины, а также заимствование зарубежных технологий в том случае, если последние не развиты в государствах – членах ЕАЭС, но являются ключевыми для развития отрасли. В Паспорте данной платформы перечислены технологии – биомедицинские нанотехнологии, геномные, клеточные, биокаталитические, – развитие которых может обеспечить технологическую модернизацию фармацевтической индустрии ЕАЭС [43].

Безусловно, основой для интенсификации разработки и передачи технологий, в том числе фармацевтических, внутри ЕАЭС призвана стать Евразийская сеть трансфера технологий, представляющая собой единую информационную сеть, которая предполагает повышение потенциала коммуникационных навыков всех заинтересованных организаций в целях укрепления звеньев инновационного цикла. Вполне очевидно, что она выступит важным инструментом технологической модернизации фармацевтической индустрии.

Одной из важных задач ЕАЭС является обеспечение вовлеченности Армении и Киргизии в интеграционный проект по модернизации фармацевтической индустрии. Примечательно, что, несмотря на сравнительно небольшой объем фармацевтического сектора промышленности в указанных государствах, он развивается весьма динамичным образом, в том числе в направлении развития экспортной составляющей. Конкурентным преимуществом, например, Армении является наличие высокотехнологичных исследовательских лабораторий и опытно-конструкторских площадок, располагающих самым передовым оборудованием. Если говорить о Киргизии, то здесь фармацевтическое производство наименее развито, что приводит к высокому уровню зависимости от импорта. В результате можно констатировать факт существенных различий в уровне развития фармацевтической отрасли ЕАЭС, что предполагает ускоренное развитие интеграционных процессов в фармацевтической отрасли, одним из аспектов которой является формирование эффективных каналов передачи технологий внутри Союза.

В заключение следует подчеркнуть, что результатом промышленной политики ЕАЭС в сфере модернизации фармацевтической индустрии, основанной на разработке и трансфере технологий из разных источников в формате производственной локализации и развития крупных интегрированных структур, стал переход последней на новый уровень развития. Как следствие – увеличение доли лекарственных препаратов

отечественного производства на внутреннем фармацевтическом рынке, а также возрастание объемов экспорта. Однако при всей положительной динамике развития отрасли сохраняются проблемы, связанные с финансированием разработок, их коммерциализацией, охраной интеллектуальной собственности и т.д., что не позволяет в полной мере реализовать модернизационный потенциал трансфера фармацевтических технологий. С нашей точки зрения, систематизация данных проблем и разработка направлений их решения имеет не только теоретический, но и практический характер.

Во-первых, реализация интеграционного потенциала фармацевтического сектора государств – членов ЕАЭС должна означать сотрудничество во всех звеньях инновационного цикла – от разработок до внедрения. Пока же развитие кооперационных связей зачастую сталкивается с конкуренцией производителей из разных государств Союза. Это сокращает возможности трансфера технологий на уровне ЕАЭС и развитие трансфера технологий из зарубежных источников в рамках общих кооперационных проектов. Значительным недостатком кооперации на текущий момент является сотрудничество только в отношении тех или иных звеньев производственного цикла или в отношении какой-то специализированной услуги. Это объясняется сходным перечнем производимых лекарств и их адресованностью одним и тем же потребителям.

Во-вторых, в настоящее время государства ЕАЭС реализуют независимые национальные стратегии в сфере импорта и экспорта лекарственных средств, а также развития фармацевтической отрасли. Однако функционирование общего рынка создает предпосылки для интегрированного взаимодействия по производству лекарственных препаратов именно Союза. Это должно предполагать более высокую степень производственной кооперации, сопровождающейся выработкой согласованных стратегий в сфере научно-технологической политики в целом и передачи технологий в частности.

Во-третьих, в программно-стратегических документах государств ЕАЭС в отличие от актов Союза

недостаточное внимание уделяется развитию фармацевтической отрасли в русле реализации ее интеграционного потенциала. Это сдерживает выработку согласованной политики по технологической модернизации отрасли в целом и по развитию трансфера технологий из разных источников в частности в процессе инвестиционного сотрудничества.

В-четвертых, в настоящее время повышенной актуальностью обладают документы, которые были бы специально посвящены развитию фармацевтической отрасли ЕАЭС, включая вопросы ее технологической модернизации. К сожалению, Рекомендация Совета ЕЭК о совместных мерах по модернизации действующих и созданию новых производств, обеспечению условий для импортозамещения, росту инвестиционной и инновационной активности в фармацевтической отрасли пока что находится в стадии разработки.

В-пятых, поддержание положительной динамики фармацевтической отрасли требует разработки новых элементов ее институционального обеспечения. В качестве важного инструмента могла бы выступить межгосударственная целевая программа ЕАЭС «Инновационная фармацевтическая промышленность», направленная на интеграцию научных исследований и реализацию совместных проектов на основе создания международного кластера фармацевтической промышленности государств – членов ЕАЭС. В ее рамках мог бы успешно осуществляться согласованный технологический трансфер как внутри Союза, так и из внешних источников.

В-шестых, движение ЕАЭС в русле реализации региональной стратегии устойчивого развития в обязательном порядке должно предполагать не только заинтересованность в повышении компактности производств, но и повышении безопасности самих методов производства лекарственных препаратов. Думается, что формирование политики поощрения разработки и трансфера экологических чистых технологий фармацевтического производства способно выступить составной частью формирующегося проекта «зеленого Союза».

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамедьяров З.А. Тенденции и перспективы российской фармацевтической отрасли и применимость мирового опыта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 8, № 4. С. 772–780. DOI: 10.18184/2079-4665.2017.8.4.772-780.
2. Марченко Ю.О. Роль импортозамещения в развитии российского фармацевтического рынка : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2016. 24 с.
3. Евразийская экономическая комиссия. «Обзор тенденций на глобальном и российском фармацевтическом рынке». М., 2016. С. 5–18.
4. Сапир Е.В., Карачев И.А. Особенности мирового фармацевтического рынка и проблемы его освоения российскими компаниями // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 8. С. 97–111.
5. EFPIA (The European Federation of pharmaceutical industries and associations). The pharmaceutical industry in figures. Key data-2015. URL: http://www.efpia.eu/uploads/Figures_2015_Key_data.pdf (дата обращения: 14.10.2018).
6. Kaplan W. et al. Pharmaceutical policy in countries with developing healthcare systems: synthesis of country case studies // Pharmaceutical Policy in Countries with Developing Healthcare System / ed. by Z.-U.-D. Babar. Heidelberg : Springer International Publishing, 2017. P. 405–430.
7. Rudisill C., Vondros S., Antoun J. Pharmaceutical policy reform in the Russian Federation // Journal of Health Politics, Policy and Law. 2014. Vol. 39, № 3. P. 691–705. DOI: 10.1215/03616878-2682659.
8. Civaner M. Sale strategies of pharmaceutical companies in a “pharmering” countries. The problems will not improve if the gaps remain // Health Policy. 2012. № 3. P. 225–232. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.healthpol.2012.03.06>.
9. Klunko N. Globalization's impact on development of the Russian pharmaceutical complex // World Applied Sciences Journal. 2013. Vol. 23, № 2. P. 252–257. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.02.13049.
10. Трофимова Е.О. «Новая реальность» российского фармрынка // Ремедиум. 2016. № 6. С. 14–17.
11. Доклад Евразийской экономической комиссии «Показатели достижения Целей устойчивого развития в регионе Евразийского экономического союза». М., 2017. 56 p. URL: http://www.eurasiancommission.org/en/integr_i_makroec/Documents/%D0%A6%D0%A3%D0%AO%20_Eng.pdf (дата обращения: 03.11.2018).
12. Semalty A., Semalty M., Rawat M.S., Essentials of pharmaceutical technology. Hyderabad : Pharma Med Press, 2018.
13. Береговых В.В., Спицкий О.Р. Перенос технологий при создании производства лекарственного средства // Вестник Российской академии медицинских наук. 2013. № 12. P. 49–57.

14. Резцов Е., Могилук В., Рябко Д. Трансфер технологий в фармацевтической отрасли // *Контрактное производство и услуги*. 2010. № 2. С. 49–52.
15. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астана 29.05.2010) (ред. от 11.04.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 18.11.2018).
16. Решение Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав правительств от 31 мая 2013 г. № 40 «Об основных направлениях координации промышленных политик Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/70392470/> (дата обращения: 23.01.2019).
17. Решение Евразийского Межправительственного Совета № 9 от 8 сентября 2015 г. «Об основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза». URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/Documents/Решение%20МПЭС%20№%20№%20%209.pdf (дата обращения: 14.11.2018).
18. Рекомендации Комиссии ЕЭК от 28 февраля 2017 № 5 «Перечень приоритетных направлений сотрудничества государств – членов ЕАЭС в целях ускорения технологической модернизации и повышения инновационной активности организаций государств-членов с учетом прикладных и фундаментальных исследований, проводимых государствами-членами». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417291/clcg_02032017_5 (дата обращения: 10.01.2019).
19. Распоряжение Евразийского Межправительственного совета № 2 от 7 марта 2017 г. «О сферах экономики, обладающих интеграционным потенциалом в Евразийском экономическом союзе, и мерах, направленных на его использование». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415075/ico_09032017_2 (дата обращения: 21.12.2018).
20. Решение Высшего Евразийского совета № 28 от 16 октября 2015 г. «Об основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148763/scd_19102015_28 (дата обращения: 23.12.2018).
21. Ершова И.В. Общий рынок лекарственных средств: правовое обеспечение в условиях экономической интеграции // *Юрист*. 2017. № 7. С. 4–10.
22. Лин А.А., Соколова С.В., Большакова М.В. Фармацевтический рынок: формирование единого пространства лекарственного обращения стран ЕАЭС // *Проблемы современной экономики*. 2016. № 4. С. 6–9.
23. Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (Санкт-Петербург, 6 декабря 2018 г.). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018 (дата обращения: 15.01.2019).
24. Евразийская экономическая комиссия. «Промышленная политика ЕАЭС: от создания к первым результатам». М., 2015. 110 с.
25. Государственная программа развития фармацевтической промышленности Республики Беларусь на 2016–2020 г., утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь (с изм. и доп. от 13.12.2018). URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21501096> (дата обращения: 13.01.2019).
26. Даданбекова Д.Б., Елшибекова К.М., Жакипбеков К.С. Основные аспекты развития фармацевтической промышленности в Республике Казахстан // *Вестник Казахского Национального медицинского университета*. 2016. № 3. С. 1–9.
27. Сапир Е.В., Карачев И.А. Общий фармацевтический рынок ЕАЭС и евразийская интеграция // *Современная Европа*. 2017. № 2. С. 121–134. DOI: 10.15211/soveurope22017121134.
28. Стратегия развития фармацевтической промышленности России на период до 2020 года (утв. приказом Министерства промышленности и торговли РФ № 965 от 23 октября 2009 «Об утверждении Стратегии развития фармацевтической промышленности России на период до 2020 года»). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/4089282/> (дата обращения: 25.01.2019).
29. Проект распоряжения Правительства РФ «Стратегия развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 г.». URL: <https://www.gasu.gov.ru/rest/files/passport/download/184123010> (дата обращения: 25.01.2019).
30. Государственная программа Российской Федерации «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности» на 2013–2020 гг. (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 305 (с изм. и доп. от 30 декабря 2015 г., 31 марта, 29 сентября и 28 декабря 2017 г.)). URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 17.01.2019).
31. Информационный ресурс Государственной программы «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности» на 2013–2020 гг. URL: <https://pharma-2020.ru/projects/pharmaprom/index.html> (дата обращения: 18.01.2019).
32. Лин А.А. Соколова С.В., Шестаков В.Н. Фармацевтический рынок: сектор научных исследований и разработок // *Проблемы современной экономики*. 2015. № 3. С. 227–332.
33. Лин А.А., Соколова С.В., Дельвиг-Каменская Т.Ю. Фармацевтический рынок: причины и количественная мера импортозависимости // *Проблемы современной экономики*. 2015. № 4. С. 273–278.
34. Евразийская экономическая комиссия. Департамент промышленной политики. «Информация о результатах анализа состояния и развития фармацевтической отрасли государств – членов ЕАЭС». М., 2014. 49 с.
35. Трофимова Е.О. Своеобразие текущего момента // *Ремедиум*. 2017. № 6. С. 16–19.
36. Инвестиционная стратегия Pfizer. URL: <https://www.pfizer.ru/morethan> (дата обращения: 08.12.2018).
37. Трифонова Н.В., Максимцев И.А., Майзель А.И., Пивоваров И.С. *Международный бизнес*. СПб.: Издат. Центр «Питер», 2017. 704 р.
38. «Джонсон & Джонсон» и «Фармстандарт» подписали меморандум о локализации производства тест-полосок» (27.04.2015). URL: <https://pharmvestnik.ru/content/news/dzhonson-i-farmstandart-podpisali-memorandum-o-localizatsii-proizvodstva-test-polosok.html> (дата обращения: 27.01.2019).
39. Привлечь инновации (05.09.2018). URL: <http://strategyjournal.ru/articles/privlech-innovatsii/> (дата обращения: 27.01.2019).
40. «Р-ФАРМ» выходит на рынок республики Беларусь (22 декабря 2015). URL: <http://www.r-pharm.com/ru/press-center/news/237> (дата обращения: 21.12.2018).
41. Толикова Е.Э., Журавлев М.С. Кластерный подход к инновационному развитию государств – членов Евразийского экономического союза // *Евразийский юридический журнал*. 2018. № 1. С. 358–360.
42. Евразийская экономическая комиссия. «Промышленная политика в ЕАЭС: три года интеграции». М., 2018. 119 с.
43. Приложение № 3 к распоряжению Совета ЕЭК от 18 октября 2016 г. № 32 «О формировании приоритетных Евразийских технологических платформ» // Паспорт Евразийской технологической платформы «Евразийская биомедицинская технологическая платформа». URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/ETP_pasporta/Medicina.pdf (дата обращения: 04.12.2018).

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 февраля 2019 г.

Legal and Program-Strategical Pillars of Cooperation Between EAEU Member States in the International Transfer of Pharmaceutical Technologies

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 443, 260–271.

DOI: 10.17223/15617793/443/31

Mark V. Shugurov, Saratov State Academy of Law (Saratov, Russian Federation). E-mail: shugurovs@mail.ru

Keywords: pharmaceutical industry; pharmaceutical technologies; Eurasian Economic Union; technology transfer; investment cooperation; sustainable development.

The subject matter of the present study is the explication of a system of the legal and program-strategical pillars of the Eurasian Economic Union (EAEU) on the whole and its member states in particular in the area of cooperation with regard to the technological modernization of the pharmaceutical industry under the initiation of an international transfer of pharmaceutical technologies. The result of the industrial policy of technology transfer from various sources within framework of production localization and development of major integrated structures is the transition of the given sector to a new stage of its progress. Much attention is paid to the interaction of pharmaceutical entities of EAEU countries with large foreign pharmaceutical firms in the area of technology transfer at the level of investment cooperation. The following conclusions were drawn. The realization of the integrative potential of the pharmaceutical sector of EAEU member states should presuppose the collaboration within all sections of the innovation cycle – from development to application. However, at present the development of cooperative links faces with the competition of manufacturers of the states of the Union. EAEU states frame and realize independent national strategies in the field of import and export of drugs as well as in the development of the pharmaceutical sector. But the functioning of a single market of drugs creates preconditions for an integrative interaction in approaching the manufacturing of drugs of the Union. This requires a higher degree of production cooperation accompanied by an elaboration of coordinated strategies of scientific and technological and technology transfer policies. Moreover, the program-strategical documents of EAEU member states, unlike acts of the Union, pay insufficient attention to the development of the pharmaceutical sector in terms of its integrative potential realization. At present, documents that would be devoted specially to the development of the pharmaceutical sector of the Union, including issues of its technological modernization and technology transfer, seem urgent. Maintaining the positive dynamics of the pharmaceutical sector demands elaborating new elements of its institutional support, for example, intergovernmental targeted programs. Technology transfer could be carried out on a more coordinated basis inside the Union as well as from external sources.

REFERENCES

1. Mamedyarov, Z.A. (2017) Current trends and prospects of the Russian pharmaceutical industry and the foreign experience. *Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye – Modernization. Innovation. Research*. 8(4). pp. 772–780. (In Russian). DOI: 10.18184/2079-4665.2017.8.4.772-780
2. Marchenko, Yu.O. (2016) Rol' importozameshcheniya v razvitiy rossiyskogo farmatsevticheskogo rynka [The role of import substitution in the development of Russian pharmaceutical market]. Abstract of Economics Cand. Diss. Moscow.
3. EEC. (2016) *Obzor tendentsiy na global'nom i rossiyskom farmatsevticheskom rynke* [Survey of trends in global and Russian pharmaceutical market]. Moscow: [s.n.], pp. 5–18.
4. Sapir, E.V. & Karachev, I.A. (2016) Features of the global pharmaceutical market and the problems of its exploration by Russia's companies. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik – Russian Foreign Economic Journal*. 8. pp. 97–111. (In Russian).
5. EFPIA (The European Federation of Pharmaceutical Industries and Associations). (2015) *The pharmaceutical industry in figures. Key data-2015*. [Online] Available from: http://www.efpia.eu/uploads/Figures_2015_Key_data.pdf. (Accessed: 14.10.2018).
6. Kaplan, W. et al. (2017) Pharmaceutical policy in countries with developing healthcare systems: synthesis of country case studies. In: Babar, Z.U.D. (ed.) *Pharmaceutical Policy in Countries with Developing Healthcare System*. Heidelberg: Springer International Publishing.
7. Rudisill, C., Vandroos, S. & Antoun, J. (2014) Pharmaceutical policy reform in the Russian Federation. *Journal of Health Politics, Policy and Law*. 39 (3). pp. 691–705. DOI: 10.1215/03616878-2682659
8. Civaner, M. (2012) Sale strategies of pharmaceutical companies in a “pharmering” countries. The problems will not improve if the gaps remain. *Health Policy*. 3. pp. 225–232. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.healthpol.2012.03.06>
9. Klunko, N. (2013) Globalization's impact on development of the Russian pharmaceutical complex. *World Applied Sciences Journal*. 23 (2). pp. 252–257. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.02.13049
10. Trofimova, E.O. (2016) “Novaya real'nost'” rossiyskogo farmrynka [New reality” of Russian pharmaceutical market]. *Remedium*. 6. pp. 14–17.
11. EAEU. (2017) *Doklad Evraziyskoy ekonomicheskoy komissii “Pokazateli dostizheniya Tseyly ustoychivogo razvitiya v regione Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza”* [Report of Eurasian Economic Commission. “Indicators of achieving the sustainable development goals in the region of the Eurasian Economic Union”]. Moscow: EEK. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/en/integr_i_ma_kroec/Documents/%D0%A6%D0%A3%D0%AO%20_Eng.pdf. (Accessed: 03.11.2018).
12. Semalty, A., Semalty, M. & Rawat, M.S. (2018) *Essentials of pharmaceutical technology*. Hyderabad: Pharma Med Press.
13. Beregovykh, V.V. & Spitskiy, O.R. (2013) Technology transfer to the facility for production of medicines. *Vestnik Rossiyskoy akademii meditsinskikh nauk – Annals of the Russian Academy of Medical Sciences*. 12. pp. 49–57. (In Russian). DOI: 10.15690/vramn.v68i12.860
14. Reztsov, E., Mogilyuk, V. & Ryabko, D. (2010) Transfer tekhnologiy v farmatsevticheskoy otrasli [Technology transfer in the pharmaceutical industry]. *Kontraktnoe proizvodstvo i uslugi*. 2. pp. 49–52.
15. EAEU. (2017) *Dogovor o Evraziyskom ekonomicheskoy soyuze (podpisan v g. Astana 29.05.2010) (red. ot 11.04.2017)* [Treaty on the Eurasian Economic Union (Astana, 29 May 2010) (ed. on 11.04.2017)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. (Accessed: 18.11.2018).
16. EAEU. (2013) *Reshenie Vysshego Evraziyskogo ekonomicheskogo soveta na urovne glav pravitel'stv ot 31 maya 2013 g. № 40 “Ob osnovnykh napravleniyakh koordinatsii promyshlennyykh politiki Respubliki Belarus', Respubliki Kazakhstan i Rossiyskoy Federatsii”* [High Eurasian Economic Council's Decision No 40 “On main directions of coordinating industrial policies of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation” (31 May 2013)]. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/70392470/>. (Accessed: 23.01.2019).
17. EAEU. (2015) *Reshenie Evraziyskogo Mezhpriatel'stvennogo Soveta № 9 ot 8 sentyabrya 2015 g. “Ob osnovnykh napravleniyakh promyshlennogo sotrudnichestva v ramkakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza”* [Eurasian Intergovernmental Council's Decision No 9 “On main directions of industrial cooperation within the framework of EAEU” (8 September 2015)]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/Documents/Reshenie%20MPS%20№%20№%20%209.pdf. (Accessed: 14.11.2018).
18. EAEU. (2017) *Rekomendatsiya Komissii EEK ot 28 fevralya 2017 № 5 “Perechen' prioritnykh napravleniy sotrudnichestva gosudarstv – chlenov EAES v tselyakh uskoreniya tekhnologicheskoy modernizatsii i povysheniya innovatsionnoy aktivnosti organizatsiy gosudarstv-chlenov s uchetom prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy, provodimykh gosudarstvami-chlenami”* [Eurasian Economic Commission's Recommendation No 5 “List of priority directions of cooperation between EAEU member states with the aim of accelerating technological modernization and increas-

- ing innovation activity of member states' organizations in view of applied and fundamental research conducted by member states" (28 February 2017)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417291/clcr_02032017_5. (Accessed: 10.01.2019).
19. EAEU. (2017) *Rasporyazhenie Evraziyskogo Mezhpriatel'stvennogo soveta № 2 ot 7 marta 2017 g. "O sferakh ekonomiki, obladayushchikh integratsionnym potentsialom v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze, i merakh, napravlyennykh na ego ispol'zovanie"* [Instruction of the EAEU Intergovernmental Council No 2 "On areas of economy possessing integrative potential in EAEU and measures directed to its performance" (7 March 2017)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415075/ico_09032017_2. (Accessed: 21.12.2018).
 20. EAEU. (2015) *Reshenie Vysshego Evraziyskogo soveta № 28 ot 16 oktyabrya 2015 g. "Ob osnovnykh napravleniyakh ekonomicheskogo razvitiya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza"* [High Eurasian Economic Council's Decision No. 28 "On the main directions of EAEU economic development (16 October 2015)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0148763/scd_19102015_28. (Accessed: 23.12.2018).
 21. Ershova, I.V. (2017) Obshchiy rynek lekarstvennykh sredstv: pravovoe obespechenie v usloviyakh ekonomicheskoy integratsii [Single market of drugs: legal provision in the conditions of economic integration]. *Yurist – Jurist*. 7. pp. 4–10.
 22. Lin, A.A., Sokolova, S.V. & Bol'shakova, M.V. (2016) Pharmaceutical market: formation of the unified space of medicines turnover in EEC. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 4. pp. 6–9. (In Russian).
 23. EAEU. (2018) *Deklaratsii o dal'neyshem razvitiy integratsionnykh protsessov v ramkakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza (Sankt-Peterburg, 6 December 2018)* [Declaration on further development of the integrative process within the framework of EAEU (St. Petersburg, 6 December 2018)]. [Online] Available from: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018. (Accessed: 15.01.2019).
 24. Sidorskiy, S.S. (ed.) (2015) *Evraziyskaya ekonomicheskaya komissiya. "Promyshlennaya politika EAES: ot sozdaniya k pervym rezul'tatam"* [Eurasian Economic Commission. "Industrial policy of the EAEU: from creation to first results"]. Moscow: Evraziyskaya ekonomicheskaya komissiya.
 25. Republic of Belarus. (2018) *Gosudarstvennaya programma razvitiya farmatsevticheskoy promyshlennosti Respubliki Belarus' na 2016–2020 g., utverzhennaya Postanovleniem Soveta Ministrov Respubliki Belarus' (s izm. i dop. ot 13.12.2018)* [State program of the Republic of Belarus on the development of pharmaceutical industry for 2016–2020 approved by the Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus (as amended and added on 13 December 2018)]. [Online] Available from: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21501096>. (Accessed: 13.01.2019).
 26. Dadanbekova, D.B., Elshibekova, K.M. & Zhakipbekov, K.S. (2016) Key aspects of the pharmaceutical industry in Kazakhstan. *Vestnik Kazakhskogo Natsional'nogo meditsinskogo universiteta – Vestnik KazNMU*. 3. pp. 1–9. (In Russian).
 27. Sapir, E.V. & Karachev, I.A. (2017) Common pharmaceutical market and Eurasian integration. *Sovremennaya Evropa*. 2. pp. 121–134. DOI: 10.15211/soveurope22017121134
 28. Russian Federation (2009) *Strategiya razvitiya farmatsevticheskoy promyshlennosti Rossii na period do 2020 goda (utv. prikazom Ministerstva promyshlennosti i torgovli RF № 965 ot 23 oktyabrya 2009 "Ob utverzhdenii Strategii razvitiya farmatsevticheskoy promyshlennosti Rossii na period do 2020 goda")* [Strategy of development of Russian pharmaceutical industry for a period up to 2020 (approved by order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation No. 965 of 23 October 2009 "On Approval of the Strategy for the Development of the Pharmaceutical Industry of Russia for the Period up to 2020")]. [Online] Available from: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/4089282/>. (Accessed: 25.01.2019).
 29. Russian Federation (2018) *Proekt rasporyazheniya Pravitel'stva RF "Strategiya razvitiya farmatsevticheskoy promyshlennosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 g."* [Project of an instruction of the Government of the Russian Federation "Strategy of development of pharmaceutical industry of Russian Federation for a period up to 2030"]. [Online] Available from: <https://www.gasu.gov.ru/rest/files/passport/download/184123010>. (Accessed: 25.01.2019).
 30. Russian Federation. (2017) *Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii "Razvitie farmatsevticheskoy i meditsinskoy promyshlennosti" na 2013–2020 gg. (utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 15 aprelya 2014 g. № 305 (s izm. i dop. ot 30 dekabrya 2015 g., 31 marta, 29 sentyabrya i 28 dekabrya 2017 g.))* [The state program of the Russian Federation "Development of the pharmaceutical and medical industry" for 2013–2020. (approved by the Resolution of the Government of the Russian Federation No. 305 of 15 April 2014 (as amended and added on 30 December 2015, 31 March, 29 September and 28 December 2017))]. [Online] Available from: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>. (Accessed: 17.01.2019).
 31. Russian Federation. (2018) *Informatsionnyy resurs Gosudarstvennoy programmy "Razvitie farmatsevticheskoy i meditsinskoy promyshlennosti" na 2013–2020 gg.* [Information resource of Russia's state program "Development of pharmaceutical and medical industry for 2013–2020"]. [Online] Available from: <https://pharma-2020.ru/projects/pharmaprom/index.html>. (Accessed: 18.01.2019).
 32. Lin, A.A., Sokolova, S.V. & Shestakov, V.N. (2015) Pharmaceutical market: the sector of scholarly research and developments. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 3. pp. 227–332. (In Russian).
 33. Lin, A.A., Sokolova, S.V. & Del'vig-Kamenskaya, T.Yu. (2015) Pharmaceutical market: causes and the quantitative measure of import substitution. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 4. pp. 273–278. (In Russian).
 34. EAEU. (2014) *Evraziyskaya ekonomicheskaya komissiya. Departament promyshlennoy politiki. "Informatsiya o rezul'tatakh analiza sostoyaniya i razvitiya farmatsevticheskoy otrasli gosudarstv – chlenov EAES"* [Eurasian Economic Commission. Department of Industrial Policy. Information about the results of analyzing the condition of the development of the pharmaceutical sector of EAEU member states]. Moscow: [s.n.].
 35. Trofimova, E.O. (2017) Svoebrazie tekushchego momenta [The peculiarity of the present moment]. *Remedium*. 6. pp. 16–19.
 36. Pfizer-ru. (2016) *Investitsionnaya strategiya Pfizer* [Pfizer investment strategy]. [Online] Available from: <https://www.pfizer.ru/morethan>. (Accessed: 08.12.2018).
 37. Trifonova, N.V. et al. (2017) *Mezhdunarodnyy biznes* [International business]. St. Petersburg: Izdat. Tsentr "Piter".
 38. Pharmvestnik.ru. (2015) *"Dzhonson & Dzhonson" i "Farmstandart" podpisali memorandum o lokalizatsii proizvodstva test-polosok* [Johnson & Johnson and Farmstandart have signed a memorandum on the localization of test strip production]. 27 April. [Online] Available from: <https://pharmvestnik.ru/content/news/dzhonson-i-farmstandart-podpisali-memorandum-o-localizatsii-proizvodstva-test-polosok.html>. (Accessed: 27.01.2019).
 39. Strategy-journal.ru. (2018) *Privlech' innovatsii* [To attract innovations]. 05 September. [Online] Available from: <http://strategyjournal.ru/articles/privlech-innovatsii/>. (Accessed: 27.01.2019).
 40. R-pharm. Com. (2015) *"R-FARM" vykhodit na rynek respubliki Belarus'* [R-Farm enters the market of the Republic of Belarus]. 22 December. [Online] Available from: <http://www.r-pharm.com/ru/press-center/news/237>. (Accessed: 21.12.2018).
 41. Tolikova, E.E. & Zhuravlev, M.S. (2018) Cluster approach to innovative development of Eurasian Economic Union state members. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*. 1. pp. 358–360. (In Russian).
 42. EAEU. (2018) *Evraziyskaya ekonomicheskaya komissiya. "Promyshlennaya politika v EAES: tri goda integratsii"* [Eurasian Economic Commission. "Industrial policy of EAEU: three years of integration"]. Moscow: EEK.
 43. EAEU. (2016) *Prilozhenie № 3 k rasporyazheniyu Soveta EEK ot 18 oktyabrya 2016 g. № 32 "O formirovaniy prioritetnykh Evraziyskikh tekhnologicheskikh platform"* [Appendix to the Council of Eurasian Economic Commission's instruction No. 32 of 18 October 2016 "On the formation of Eurasian technology platforms"]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/ETP_pasporta/Medicina.pdf. (Accessed: 04.12.2018).

Received: 19 February 2019

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРТЮШИНА Лариса Андреевна – канд. пед. наук, доцент кафедры информатики и защиты информации Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. E-mail: larisa-artusina@yandex.ru

БРЮХАНОВА Елена Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: brelenochka@mail.ru

БУДАНОВ Андрей Вячеславович – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии, истории и философии Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: andreybudanov@yandex.ru

ВИКУЛОВ Александр Демьянович – д-р пед. наук, зав. кафедрой теории физической культуры Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. E-mail: a.vikulov@yspu.org

ВИКУЛОВА Елена Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры германской филологии Уральского федерального университета (г. Екатеринбург); доцент кафедры иностранных языков Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: vilena48@bk.ru

ВЛАДИМИРОВ Владимир Николаевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: vvladimirov@icloud.com

ГАЛИМОВ Алмаз Мирзанурович – канд. пед. наук, проректор по учебной работе Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма (г. Казань). E-mail: almazga@rambler.ru

ГОРБЕНКО Александр Юрьевич – канд. филол. наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: al_gorbenko@mail.ru

ДАНИЛОВА Лариса Николаевна – д-р пед. наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. E-mail: yar-da.l@mail.ru

ДЕГАЛЬЦЕВА Анна Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: deganna@mail.ru

ДИМОНИ Татьяна Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета. E-mail: Dimonitm@yandex.ru

ЕВСЕЕВА Ирина Владимировна – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: ivevseeva@yandex.ru

ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ Артур Владимирович – канд. филол. наук, науч. сотр. отдела редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения Вологодского научного центра Российской академии наук. E-mail: pechorin2106@mail.ru

ЗУСЕВА-ОЗКАН Вероника Борисовна – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

ИВАНОВ Николай Геннадьевич – педагог дополнительного образования Лев-Толстовской средней общеобразовательной школы (г. Калуга). E-mail: Nikola924@yandex.ru

ИВАНОВА Ирина Викторовна – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной адаптации и организации работы с молодежью Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru

КОЛЧЕНКО Ольга Андреевна – студентка исторического факультета Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: olyakolch@yandex.ru

КОРНАКОВА Светлана Викторовна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета (г. Иркутск). E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

КОРНИЕНКО Михаил Анатольевич – канд. филос. наук, ст. науч. сотр. лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета. E-mail: mkornienko1@gmail.com

КРАСИЛЬНИКОВА Екатерина Ивановна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета; доцент кафедры философии Новосибирского государственного аграрного университета. E-mail: katrina97@yandex.ru

ЛИДЖИЕВА Ирина Владимировна – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. отдела истории Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: irina-lg@yandex.ru

ЛОМАКИНА Ирина Николаевна – канд. филол. наук, ассистент кафедры английской филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь). E-mail: irina.lomakina254@gmail.com

МАСЛИНА Мария Георгиевна – методист кафедры зарубежной журналистики и литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: maria270292@mail.ru

МОЛОКОВ Дмитрий Сергеевич – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского. E-mail: dsmolokov@mail.ru

ПЕТРИК Валерий Владимирович – д-р ист. наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета. E-mail: v.v.petrik@mail.ru

ПОНОМАРЕВА Екатерина Александровна – канд. филол. наук, доцент подготовительного отделения для иностранных обучающихся Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: kolokolnikova88@mail.ru

ПРИБЫТКОВА Карина Павловна – аспирант кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: pr.karina.p@gmail.com

РАЗГОН Виктор Николаевич – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: vrazgon@rambler.ru

РАХМАТУЛИНА Евгения Юрьевна – аспирант кафедры востоковедения Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: kalina200778@mail.ru

РОДИН Кирилл Александрович – канд. филос. наук, ст. науч. сотрудник отдела философии Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: rodin.kir@gmail.com

САРАФАНОВ Дмитрий Евгеньевич – канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: d_sarafanov@mail.ru

СМИРНОВ Геннадий Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: aandg@inbox.ru

СМИРНОВ Сергей Сергеевич – д-р ист. наук, профессор кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: sss45@inbox.ru

СОРОКИН Александр Анатольевич – канд. ист. наук, ассистент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: skaliger1989@yandex.ru

СТЕПНОВ Алексей Олегович – лаборант лаборатории социально-антропологических исследований, аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: ASAOM@yandex.ru

ТУРОВА Наталья Петровна – мл. науч. сотр. группы этноархеологических исследований Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: turova2707@yandex.ru

ФЕДОСОВ Егор Андреевич – ассистент кафедры российской истории, мл. науч. сотр. лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: karamba243@yandex.ru

ФОМИНЫХ Сергей Фёдорович – д-р ист. наук, профессор российской истории Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ХАДИУЛЛИНА Резеда Ринатовна – канд. пед. наук, доцент кафедры физико-математических дисциплин и информационных технологий Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма (г. Казань). E-mail: h_rezeda@bk.ru

ЧЕКУШИН Викентий Владимирович – аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: vikesha@bk.ru

ЧИГЛИНЦЕВА Екатерина Сергеевна – аспирант, ассистент кафедры германской филологии Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). E-mail: ekaterina.ch@bk.ru

ШАРОВ Константин Сергеевич – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры философии естественных факультетов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: const.sharov@mail.ru

ШУГУРОВ Марк Владимирович – д-р филос. наук, профессор кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии. E-mail: shugurovs@mail.ru

ЩЕРБАКОВА Ирина Александровна – зам. прокурора Прокуратуры Октябрьского района г. Иркутска. E-mail: low-ira@mail.ru

ЩЕТИНИНА Анна Сергеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: anyash83@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2019. № 443. Июнь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 20 июня 2019 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 34,5. Усл. печ. л. 32 Тираж 50 экз.
Заказ № 3920 Цена свободная.

Дата выхода в свет 31 июля 2019 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru